

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 3

**Ростов-на-Дону
2021**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т.В., доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т.П., доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Кадол Н. Ф., докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); Ушаков Д. С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; Золочевская Е. Ю., докт. экон. наук, проф.; Кайль Я. Я., докт. экон. наук, доц.; Кислицын С. А., докт. ист. наук, проф.; Козлюк Н. В.; докт. экон. наук, доц.; Кокин А. В., докт. г.-м. наук, проф.; Колядин А. П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е. М., докт. экон. наук, проф.; Овакимян М. А., канд. экон. наук, доц.; Овчаренко Р. К., докт. социол. наук, доц.; Пешкова Е. П., докт. экон. наук, проф.; Понеделков А. В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Попова Е. А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н. Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В. А., докт. социол. наук, проф.; Чернова О. А., докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 3

**Rostov-on-Don
2021**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T.V.,
Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T.P.,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; *Natalia F. Kadol*, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);
Arsenieva V. A., Doctor of Economic Science, Docent; *Zolocheskaja E. Yu.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kyle Ya. Ya.*, Doctor of Economics, Docent; *Kislitsyn S. A.*, Doctor of Historic Science, Professor; *Kozlyuk N.V.*, Doctor of Economics, Docent; *Kokin A. V.*, Doctor of Geological and Mineralogical Science, Professor; *Kryukova E. M.*, Doctor of Economics, Professor; *Kolyadin A. P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ovakimyan M. A.*, Candidate of Economic Science, Docent; *Ovcharenko R. K.*, Doctor of Sociology, Docent; *Peshkova E. P.*, Doctor of Economics, Professor; *Ponedelkov A. V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; *Popova E. A.*, Doctor of Political Science, Docent; *Skvortsov N. G.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Sologub V. A.*, Doctor of Sociology, Professor; *Chernova O. A.*, Doctor of Economics, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216
Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
А. В. Баранов, О. В. Котлярова, А. В. Тагаев, О. А. Ивлева СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ	11
А. А. Горбачева, И. Н. Нестеренко, В. Х. Тиразуян АНАЛИЗ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕНЕДЖМЕНТА ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	20
Я. Я. Кайль, Р. М. Ламзин, В. С. Епинина GR-МЕНЕДЖМЕНТ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ ВЫЗОВОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ	27
Т. В. Мартыненко, Ю. А. Бондаренко ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЯМИ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	35
А. М. Пономарева, М. А. Пономарев КО-МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ БРЕНДОВ	41
Р. В. Фаттахов, О. В. Пивоварова СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	46
Н. М. Фоменко, Р. Д. Хамидуллин ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ СИСТЕМАМИ В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА (НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)	52
РУБРИКА НОМЕРА: ЭКОНОМИКА ТРУДА И ДЕМОГРАФИЯ	58
М. Г. Васькина, Е. А. Стрельченко ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА	58
О. Ю. Гончарова, Е. И. Кротова РАЗВИТИЕ САМОЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ	64
Т. В. Кашникова ФЕНОМЕН БЕДНОСТИ И ЕГО СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	70
А. В. Кокин, Ю. Ю. Садовникова, Л. Н. Тимейчук ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС И ЭТНОГЕНЕЗ Л. ГУМИЛЕВА: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЕМ	74
М. Э. Останова ЗАНЯТОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)	82
Д. С. Ушаков, Т. В. Подольская, Е. А. Васюта ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОБЛЕМЫ	89

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	96
Э. А. Безуглый, В. В. Ткаченко, А. Б. Дудаев О КОНЦЕПЦИИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	96
П. Е. Будаев ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД.....	101
О. А. Ищенко-Падукова, И. В. Мовчан ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ ДВУХСЕКТОРНОЙ МОДЕЛИ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ	106
Е. Ю. Золочевская, А. В. Скидан, А. Т. Микая НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГЛАВНЫЕ ТРЕНДЫ И ИЗМЕНЕНИЯ.....	111
А. Н. Козлов СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТА КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПЕРЕУСТРОЙСТВА НЕОЭКОНОМИКИ.....	116
Н. Ю. Коротина МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	122
Х. У. Магомадов ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ....	130
Г. В. Назаренко, Н. Ю. Лебедева РИСКИ ЭКОСИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ.....	135
И. В. Некрасова ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В ПЛАТЕЖНУЮ СИСТЕМУ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА	141
И. С. Харченко, Л. И. Харченко, В. Е. Иванов, Д. Е. Иванова МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	146
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА.....	154
М. А. Аствацатурова, Л. Х. Дзахова, С. Т. Мильдзихов СТРУКТУРИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	154
Н. В. Бережная, Л. А. Лобова, О. А. Полякова ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНЦЕПТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ	160
Д. К. Григорян, Е. Н. Кондратенко, А. Н. Ларкин ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	164
А. А. Ковалев ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «НЕТРАДИЦИОННАЯ ВОЙНА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ	169
И. Д. Коротец, К. П. Пилюгина ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ МИРА В КОНТЕКСТЕ УГРОЗЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XXI СТОЛЕТИИ.....	178
А. А. Крицкая ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	186
Д. А. Ленков РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА	191
Е. А. Морозова АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ РЕСУРСОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ	196
А. В. Осипов ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОСНОВНЫЕ КЛАСТЕРЫ КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	201

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	206
Я. В. Артамонова, С. С. Барсуков ФАКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	206
Д. Н. Боброва, О. С. Петрова СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	212
Я. Г. Зинченко ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Г. П. ЗИНЧЕНКО «СОЦИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»	219
А. А. Иванова, Е. А. Гринченко СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРЕХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	224
И. И. Rogov, Н. О. Белоусова ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ 2020–2021 гг.	231
Е. А. Склярова А.А. ЗИНОВЬЕВ О ФЕНОМЕНЕ ЗАПАДНОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА	237
В. Е. Шинкевич СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА НАРКОСИТУАЦИИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО, СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА	242
Г. В. Ярошенко, А. С. Рева, А. Д. Тур ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	248
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	254
А. В. Белошицкий РОЛЬ «ЗЕЛЕННЫХ» ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ	254
И. И. Волошин ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	261
О. Ю. Керимов МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	267
А. В. Макарова СОЦИАЛЬНО-ИНЖЕНЕРНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА	271
Мэн Юйфэн «ТРЕТИЙ СКАЧОК КИТАИЗАЦИИ МАРКСИЗМА»: ПРОБЛЕМНЫЙ ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	276
В. В. Стеценко АКТУАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	284
В. В. Терещенко ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЭЛИТ КАК УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	291
А. К. Хаустова ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	296
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	303

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	11
<i>Alexey V. Baranov, Olga V. Kotlyarova, Alexey V. Tagaev, Olga A. Ivleva</i> MODERN DIMENSIONS OF INNOVATIVE PERSONNEL POLICY	11
<i>Anna A. Gorbacheva, Irina N. Nesterenko, Vazgen Kh. Tiratsuyan</i> ANALYSIS OF THE QUALITY AND EFFECTIVENESS OF THE ORGANIZATION'S MANAGEMENT IN MODERN CONDITIONS	20
<i>Yakov Ya. Kail, Roman M. Lamzin, Veronica S. Epinina</i> GR-MANAGEMENT IN RUSSIA: MAIN TRENDS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF UNPREDICTABILITY OF CHALLENGES OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT	27
<i>Tatyana V. Martynenko, Yulia A. Bondarenko</i> PROBLEMATIC ISSUES AND CURRENT TRENDS IN THE MANAGEMENT OF COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION IN THE RUSSIAN FEDERATION	35
<i>Alexandra M. Ponomareva, Maxim A. Ponomarev</i> CO-MARKETING OF TERRITORIAL AND COMMERCIAL BRANDS	41
<i>Rafael V. Fattakhov, Olga V. Pivovarova</i> IMPROVING THE ORGANIZATION OF THE SYSTEM MUNICIPAL SERVICE AS AN INSTITUTIONAL TOOL FOR MANAGING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES	46
<i>Natalia M. Fomenko, Rinald D. Khamidullin</i> APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES FOR CONTROL OF PRODUCTION SYSTEMS IN REMOTE ACCESS (USING EXAMPLE OF OIL AND GAS PRODUCERS)	52
SPECIAL TOPIC OF ISSUE: LABOUR ECONOMY AND DEMOGRAPHY	58
<i>Marina G. Vaskina, Elena A. Strelchenko</i> DIGITALIZATION AS A FACTOR OF DYNAMICS OF RUSSIAN LABOR MARKET	58
<i>Olga Yu. Goncharova, Evgenia I. Krotova</i> DEVELOPMENT OF SELF-EMPLOYMENT AS A FACTOR OF IMPLEMENTATION OF SOCIO-ECONOMIC POLICY IN RUSSIA	64
<i>Tatyana V. Kashnikova</i> THE PHENOMENON OF POVERTY AND ITS STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS	70
<i>Alexander V. Kokin, Julia Yu. Sadovnikova, Iyudmila N. Timeichuk</i> DEMOGRAPHIC PARADOX AND ETHNOGENESIS OF L. GUMILEV: PROBLEMS OF POPULATION MANAGEMENT	74
<i>Mashxura E. Ostanova</i> EMPLOYMENT AS A CRITERION OF EFFECTIVE USE OF THE LABOR POTENTIAL OF THE ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)	82
<i>Denis S. Ushakov, Tatiana V. Podolskaya, Evgenia A. Vasyuta</i> PUBLIC HEALTH AS A KEY FACTOR OF ECONOMIC PROGRESS: CURRENT TRENDS AND CHALLENGES	89
PROBLEMS OF ECONOMICS	96
<i>Eduard A. Bezugly, Vladimir V. Tkachenko, Anatoly B. Dudaev</i> ABOUT THE CONCEPT OF INTRODUCING THE DIGITAL RUBLE IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION	96
<i>Pavel E. Budaev</i> THE POTENTIAL OF RUSSIAN TOURISM IN THE POST-CRISIS PERIOD	101
<i>Oksana A. Ishchenko-Padukova, Irina V. Movchan</i> EDUCATIONAL ECOSYSTEM IN METHODOLOGICAL COORDINATES OF A TWO-SECTOR MIXED ECONOMY MODEL	106
<i>Elena Yu. Zolochevskaya, Anastasia V. Skidan, Alina T. Mikaya</i> TAX POLICY OF RUSSIAN FEDERATION: MAIN TRENDS AND CHANGES	111

Andrey N. Kozlov	
THE SPECIFICS OF THE SUBJECT OF CORPORATE RELATIONS DURING THE RESTRUCTURING OF THE NEO-ECONOMY	116
Natalya Yu. Korotina	
THE INSTITUTIONAL REGULATION MECHANISM OF ECONOMIC FEDERALISM RELATIONS.....	122
Khasan U. Magomadov	
FINANCIAL PROBLEMS OF RUSSIAN REGIONS IN CURRENT ECONOMIC CONDITIONS.....	130
Galina V. Nazarenko, Natalia Yu. Lebedeva	
RISKS OF THE ECOSYSTEM MODEL OF DEVELOPMENT OF THE BANKING SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY	135
Inna V. Nekrasova	
REASONS AND CONSEQUENCES OF INTRODUCTION OF DIGITAL CURRENCIES OF CENTRAL BANKS INTO PAYMENT SYSTEM OF LEADING COUNTRIES OF THE WORLD	141
Ivan S. Kharchenko, Lana I. Kharchenko, Vyacheslav E. Ivanov, Daria E. Ivanova	
MOBILIZATION ECONOMY: HISTORY AND MODERNITY	146
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	154
Maya A. Astvatsaturova, Larisa Kh. Dzakhova, Sergei T. Mildzikhov	
STRUCTURING OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL-GOVERNMENTAL PROBLEMS IN THE REGIONAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT.....	154
Natalia V. Berezhnaya, Larisa A. Lobova, Olga A. Polyakova	
POLITICAL MANAGEMENT OF MODERN RUSSIA: TRANSFORMATION CONCEPTS	160
David K. Grigoryan, Evgeniya N. Kondratenko, Artem N. Larkin	
THE PROBLEM OF THE INFLUENCE OF INTERNET TECHNOLOGIES ON THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH IN MODERN RUSSIA.....	164
Andrey A. Kovalev	
THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF NON-TRADITIONAL WAR IN THE INTERNATIONAL POLITICAL AND LEGAL CONTEXT	169
Igor D. Korotec, Katarina P. Pilyugina	
THE PROBLEM OF THE WORLD INTEGRITY IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATION EXISTENCE THREAT IN THE XXI CENTURY	178
Anna A. Kritskaya	
FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC CONTROL IN MODERN RUSSIA.....	186
Dmitry A. Len'kov	
THE ROLE OF REGIONAL ELITES IN THE PROCESS OF BUILDING CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND IMPLEMENTING THE SOCIAL FUNCTIONS OF THE STATE	191
Elizaveta A. Morozova	
TOPICAL ISSUES OF THE TYPOLOGY OF POLITICAL POWER RESOURCES.....	196
Alexander V. Osipov	
POLITICAL ELITES AND CIVIL SOCIETY AS THE MAIN CLUSTERS OF CONSOLIDATION OF POLITICAL POWER IN MODERN RUSSIA: TRENDS AND TECHNOLOGIES OF INTERACTION	201
SOCIOLOGY PROBLEMS.....	206
Yana V. Artamonova, Sergey S. Barsukov	
FACTORS OF DEVIANT BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS	206
Daria N. Bobrova, Olga S. Petrova	
MODERN TECHNOLOGIES IN WORKING WITH CITIZENS' APPEALS IN LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES	212
Yaroslava G. Zinchenko	
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF G.P. ZINCHENKO "SOCIOLOGY OF THE STATE SERVICE"	219

Anastasia A. Ivanova, Elizaveta A. Grinchenko	
SOCIAL TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND ECONOMIC MODERNIZATION OF THE LAST THREE DECADES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS	224
Ilya I. Rogov, Natalya O. Belousova	
PROSPECTS FOR DISTANCE HIGHER EDUCATION: EXPERIENCE 2020–2021	231
Elena A. Sklyarova	
A. A. ZINOVIEV ABOUT THE PHENOMENON OF WESTERN SOCIO-POLITICAL ORDER	237
Vladimir Ye. Shinkevich	
STATE AND DYNAMICS OF DRUG SITUATION IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT FROM THE PROSPECT OF STATISTICAL, SOCIOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSES OF ANNUAL MONITORING	242
Galina V. Yaroshenko, Anastasia S. Reva, Artur D. Tur	
INSTITUTIONAL TRUST IN STUDENT YOUTH EVALUATIONS	248
YOUNG SCIENTISTS	254
Alexey V. Beloshitskiy	
ROLE OF "GREEN" INVESTMENTS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A LOW-CARBON ECONOMY	254
Ivan I. Voloshin	
ELITOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE REFORM PROCESS OF THE RUSSIAN PUBLIC ADMINISTRATION	261
Oleg Yu. Kerimov	
MODERNIZATION OF THE POLITICAL SYSTEM AND MODELS OF POLITICAL MODERNIZATION: RUSSIAN FEATURES	267
Anastasia V. Makarova	
SOCIAL ENGINEERING APPROACH TO THE ORGANIZATION OF THE COURTS	271
Meng Yufeng	
"THE THIRD LEAP OF THE SINIFICATION OF MARXISM": THE PROBLEMATIC EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZATION	276
Vladimir V. Stetsenko	
THE CURRENT VERSION OF THE NATIONAL DANGER SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL PARADIGM IN INTERACTION OF THE STATE AND THE SOCIETY	284
Viktor V. Tereshchenko	
IMPROVING THE QUALITY OF ELITES AS A CONDITION FOR THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA: AN ELITOLOGICAL APPROACH	291
Anna K. Khaustova	
OUT-OF-SCHOOL EDUCATION OF CHILDREN AND YOUNG PEOPLE IN THE EARLY YEARS OF SOVIET GOVERNMENT AND CONTEMPORARY STAGE: TRANSFORMATION OF CONTENT IN THE CONTRADICTIONS AND TRENDS	296
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	303

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 11-19
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3):11-19

Проблемы управления

Научная статья

УДК 351

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-11-19

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**Алексей Викторович Баранов¹, Ольга Владимировна Котлярова²,
Алексей Васильевич Тагаев³, Ольга Алексеевна Ивлева⁴**

^{1,3,4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия, olya-apriori@yandex.ru

¹bav.skags@gmail.com

³alvasta13@yandex.ru

⁴ivasi011@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье в качестве метода современных измерений инновационной кадровой политики в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг предложено использовать систему оценки профессиональных компетенций, определяемых у действующих сотрудников многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг. Такая система формируется в процессе применения метода самооценки и способствует определению критериев и разработке профессионального стандарта специалиста МФЦ. Представлен обзор научных направлений, в рамках которых рассматриваются процессы и специфика развития кадровой инновационной политики. Исследование основано на методологии группового интервьюирования, проведенного во время освоения действующими специалистами МФЦ дополнительных профессиональных программ. Определены объективные критерии профессионального стандарта: выявлена необходимость введения профессионального стандарта в качестве критерия оценки профессионализма сотрудника МФЦ, выявлена готовность сотрудников к проверочным испытаниям, определены методы наиболее приемлемые и удобные для проведения оценки, определены наиболее слабые места – профессиональные лакуны, пробелы, а также личные качества специалистов МФЦ, способствующие устранению профессиональных лагун.

Ключевые слова: современные измерения кадровой политики, инновационная кадровая политика, многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, специалист МФЦ, компетентность, профессиональная компетенция

Для цитирования: Баранов А. А., Котлярова О. В., Тагаев А. В., Ивлева О. А. Современные измерения инновационной кадровой политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 11-19. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-11-19>.

Problems of Management

Original article

MODERN DIMENSIONS OF INNOVATIVE PERSONNEL POLICY

Alexey V. Baranov¹, Olga V. Kotlyarova², Alexey V. Tagaev³, Olga A. Ivleva⁴

^{1,3,4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia
olya-apriori@yandex.ru

¹bav.skags@gmail.com

³alvasta13@yandex.ru

⁴ivasi011@yandex.ru

Abstract. In the presented article, as a method of modern measurements of innovative personnel policy in the field of providing state and municipal services, it was proposed to use a system for evaluating professional competencies determined by existing employees of multifunctional centers for providing state and municipal services. Such a system is formed in the process of applying the self-assessment method and contributes to the definition of criteria and the development of a professional standard for an MFC specialist. There is presented an overview of scientific directions, within the framework of which processes and specifics of development of personnel innovation policy are considered. The study is based on the methodology of group interviewing conducted during the development of additional professional programs by current MFC specialists. Objective criteria of the professional standard have been determined: the need to introduce a professional standard as a criterion for assessing the professionalism of an MFC employee has been identified, the readiness of employees for verification tests has been identified, the methods most acceptable and convenient for evaluation have been identified, the weakest points have been identified - professional lacunae, gaps, as well as personal qualities of MFC specialists that contribute to the elimination of professional lacunae.

Keywords: modern dimensions of personnel policy, innovative personnel policy, multifunctional center for the provision of state and municipal services, MFC specialist, competence, professional competence

For citation: Baranov A. A., Kotlyarova O. V., Tagaev A. V., Ivleva O. A. Modern dimensions of innovative personnel policy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):11-19. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-11-19>.

Гипотезой представленной статьи является утверждение о том, что к современным измерениям инновационной кадровой политики в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг, может быть причислена система оценки компетенций специалистов многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг. Такая система основана на методике самооценки профессиональных компетенций, формируемых в процессе получения дополнительного профессионального образования специалистами МФЦ и требующих постоянного совершенствования.

Инновационная кадровая политика является новым направлением актуальной политологической науки. Формирование инновационной кадровой политики в современных организациях: принципы, постулаты, организационные подходы обсуждаются в работах А. Н. Адуковой [1]; Е. П. Костиной, О. В. Бурдюговой [2]; А. Б. Смирнова, П. П. Новиковой [3].

Методики вовлечения различных социальных кластеров в процессы развития инновационной кадровой политики, а также применение принципов социального контроля представлены в исследованиях Ю. В. Андреева [4]; Г. Галифанова [5]; Т. С. Демченко, М. В. Демченко [6]; А. В. Шохнеха, Л. И. Насоновой, О. Ю. Колышева [7].

Коллаборативный подход подразумевает диффузность кластерной и кадровой инновационной политики для достижения положительных экономико-социальных эффектов, описываемый эффект отмечен в научных исследованиях Т. И. Овчинниковой, И. Н. Булгаковой [8]. Значима мировая и региональная специфика развития инновационной политики, обсуждаемая в работах В. Чжоа, Г. М. Береговой [9].

Развитие инновационной политики в ракурсе глобализации и цифровых трансформаций социально-экономических процессов становится одним из превалирующих научных направлений. См., напр., работы А. М. Волковой [10]; А. В. Курочкина [11].

Современные технологии, обеспечивающие механизмы развития инновационной политики и используемые в качестве системного инструментария, обсуждаются в работах Е. Д. Акимова [12]; Х. М. Бекмурзиева [13], Е. В. Водолазовой [14]; З. И. Махатовой [15]; Т. Е. Ушаковой [16]; Р. Р. Хамзиной [17].

Отметим, что инновационная кадровая политика в области предоставления государственных и муниципальных услуг направлена на подготовку кадров, способных управлять процессами взаимодействия между гражданским обществом и государством, повышать удовлетворённость граждан, сохранять и улучшать имиджевую составляющую власти. Такая направленность предполагает повышенные требования к качеству предоставления государственных и муниципальных услуг, к ответственности сотрудников многофункциональных центров, информирующих граждан о соответствующих услугах, к требованиям результативности осуществляемых процессов.

С другой стороны, главенствующим аспектом инновационной кадровой политики является потребность сохранения человеческого капитала, увеличение эмоционально-интеллектуального ресурса кадров. С этой точки зрения принцип «бережного профессионального развития» становится решающим в процессе современных измерений кадровой инновационной политики. Такое бережное развитие возможно в формате дополнительного профессионального образования,

учитывающего актуальность и востребованность получаемых навыков, удовлетворенность образовательного запроса заказчика, своевременность освоения соответствующих программ, комплексность, системность и непрерывность приобретаемых профессиональных компетенций.

Авторский коллектив Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС в процессе реализации дополнительных профессиональных программ для специалистов МФЦ и в рамках мониторинга эффективности образовательного процесса руководствуется следующими принципами: 1) дополнительное профессиональное образование специалистов МФЦ должно соответствовать инновационной кадровой политике Российского государства; 2) при оценке эффективности образовательного процесса необходимо внедрять современные измерения.

Прокомментируем каждый принцип. В рамках нашего исследования инновационная кадровая политика в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг подразумевает системный и непрерывный процесс подготовки специалистов МФЦ. Качество кадрового ресурса определяется компетентностным потенциалом действующих сотрудников МФЦ. Инновационная кадровая политика в сфере государственного управления находится в фокусе исследовательского интереса представителей Президентской Академии, см. например, исследования А. В. Баранова, А. В. Тагаева, О. А. Ивлевой, О. В. Котляровой [18]; И. А. Газиева, В. В. Шоптенко [19]; М. А. Овакимяна, А. В. Баранова, О. В. Котляровой [20].

Сама траектория взаимодействия государства и гражданского общества, результативность предоставления государственных и муниципальных услуг, а, следовательно, уровень удовлетворенности населения государственной политикой напрямую зависят от канала-посредника, реализующего такое взаимодействие. Связь между гражданским обществом и властью осуществляется посредством человеческого ресурса, то есть через сотрудников МФЦ. От качества взаимодействия зависит качество предоставления государственных и муниципальных услуг. Таким образом, компетентность специалиста многофункционального центра определяет результативность процесса взаимодействия общества и власти.

По мнению авторского коллектива, инновационность кадровой политики предполагает неформальный подход в приобретении и развитии профессиональных компетенций сотрудников МФЦ. Такой подход должен учитывать 1) образовательные потребности специалистов МФЦ, 2) компетентностные пробелы, требующие наибольшего внимания в процессе обучения, 3) практикоориентированность приобретаемых навыков, в последствие позволяющих эффективно действовать в реальных ситуациях, 4) мнение обучающихся. Последний критерий является особо значимым. Результатом нашего исследования стала убежденность в том, что специалисты многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг могут объективно и критично оценивать собственные компетентностные возможности и профессиональный потенциал. А значит, сам процесс подготовки кадров обязательно должен включать критерий самооценки результативности приобретения дополнительного профессионального образования.

Второй критерий подразумевает, что к современным измерениям инновационной кадровой политики может быть отнесена система или комплекс компетенций, формирующая профессиональный образовательный стандарт специалиста МФЦ.

Авторским коллективом методом группового интервью было проведено исследование, в котором участвовало 864 сотрудника МФЦ Ростовской области в процессе реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации «Администрирование информационных систем в центрах предоставления услуг «Мои документы», «Организация предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна»: базовый уровень», «Построение эффективной системы внутренних и внешних коммуникаций в системе центров «Мои документы», «Организация доступа и обучение цифровым сервисам граждан в центрах предоставления услуг «Мои документы» (цифровой куратор МФЦ)».

Итогом исследования стало современное измерение качества профессионального развития специалистов МФЦ посредством структурирования профессионального стандарта, сформулированного слушателями дополнительных профессиональных программ и состоящего из 5 критериев: 1) выявление необходимости разработки и внедрения профессионального стандарта специалиста МФЦ, 2) согласие действующих сотрудников МФЦ быть оцененными в разные периоды профессиональной деятельности; 3) определение превалирующих методик компетентностной оценки специалиста МФЦ; 4) определение профессиональных компетентностных лакун (пробелов, слабых мест), снижающих профессиональную эффективность специалистов; 5) выявление личных характеристик, способствующих профессиональной эффективности специалиста МФЦ.

Результаты формирования первых двух критериев представлены на рис. 1.

Рис. 1. Критерий 1. Выявление необходимости разработки и внедрения профессионального стандарта специалиста МФЦ. Критерий 2. Согласие сотрудников на периодическую оценку их компетентности
 Fig. 1. Criterion 1. Identification of the need to develop and implement the professional standard of the MFC specialist. Criterion 2. Consent of employees to a periodic assessment of their competence

Отметим, что подавляющее большинство респондентов (более 84%) уверены в необходимости разработки и внедрения профессионального стандарта специалиста МФЦ, а также готовы проходить проверки на соответствие стандарту. Важно учесть некоторые замечания, которые встречались в качестве индивидуальных комментариев при проведении группового интервью: 1) действующие сотрудники МФЦ обратили внимание на то, что профессиональный стандарт специалиста МФЦ должен быть сформулирован в зависимости от выполняемых функций, а также должен быть дифференцирован по должностному принципу (специалист, ведущий специалист, главный специалист и т. д.); таким образом сотрудникам предоставляется возможность видения собственных перспектив профессионального развития и понимания прозрачности градации заработной платы и профессиональных обязанностей; 2) действующие специалисты МФЦ отмечают дифференцированные способы оценки профессионального потенциала: большинство считают значимым оценить общую квалификацию сотрудника, 3% отметили необходимость оценки профессиональных навыков в процессе получения дополнительного профессионального образования (то есть необходимость подтверждения динамичности и совершенствования профессиональных навыков); 2% выделили в качестве особо значимой оценку коммуникативных навыков, которые могут быть проанализированы в процессе профессионального взаимодействия специалиста МФЦ с гражданами, коллегами и руководством.

Итак, сделаем вывод, что формируемый профессиональный стандарт специалиста МФЦ должен быть сформирован с учетом дифференцированного ситуативного подхода при анализе компетенций сотрудников, имеющих различный функционал и занимающих различные должности. В этой связи возрастает значимость общественного мнения действующих специалистов МФЦ, которые могут регулировать процесс формирования профессионального стандарта «изнутри», корректируя основополагающие аспекты и их содержание исходя из профессиональной ситуации.

Рисунок 2 демонстрирует результативность исследования по критерию 3.

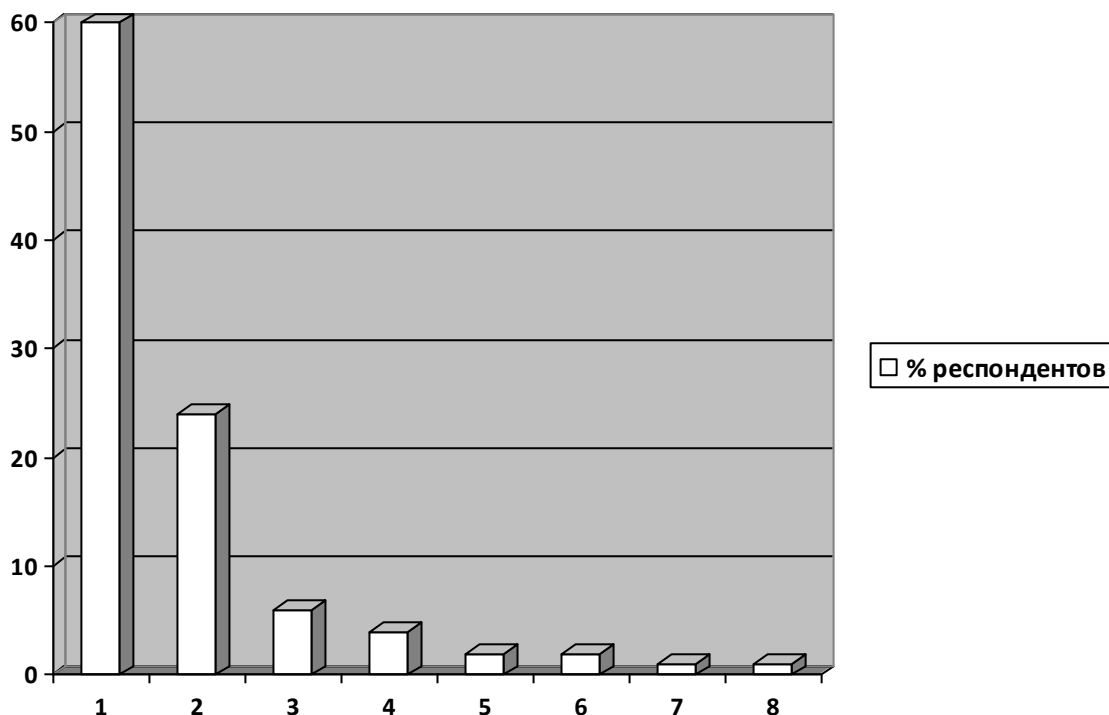

Рис. 2. Наиболее эффективные методы оценки профессиональной компетентности действующих сотрудников МФЦ

Fig. 2. The most effective methods of assessing the professional competence of existing MFC employees

По горизонтальной оси под цифрами 1-8 обозначены наиболее эффективные методы оценки компетентностных возможностей, которые определили респонденты: 60% респондентов выделили анкетирование, 24% интервьюирование, 6% - проведение лично-психологической оценки, 4% - оценки 360 градусов, тестирование 2%, результаты стажировки или практики 2%, собеседование 1%, решение кейсов 1%. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что респонденты готовы к системной проверке профессиональных навыков с применением традиционных методик (анкетирования и интервьюирования), более того, письменная форма (анкетирование) является наиболее предпочтительной по сравнению с устной формой. В процессе интервьюирования также нами была сформулирована проблема, которая может быть решена в рамках дополнительного профессионального образования. Большинство действующих сотрудников МФЦ не связывают процессы получения дополнительного профессионального образования, а значит и совершенствование имеющихся навыков или приобретение новых, с конкретной повседневной практической деятельностью. Они разделяют, дифференцируют реальную практику и процесс обучения, что с нашей точки зрения, является недоработкой системы кадровой политики. Траектория профессионального развития специалистов МФЦ должна быть ориентирована на совершенствование ежедневной практической деятельности, а также на повышение эмоционального комфорта самих сотрудников МФЦ в процессе профессиональной деятельности. Достижение моральной удовлетворенности кадрового ресурса системы многофункциональных центров ведет к улучшению качества обслуживания посетителей МФЦ и, в итоге, к повышению удовлетворенности граждан. В этой связи все образовательные методики, применяемые в процессе реализации дополнительных профессиональных программ, должны быть ориентированы на развитие практических навыков, востребованных и актуальных для специалистов МФЦ в повседневной профессиональной деятельности.

Особо отметим объективность и критичность слушателей дополнительных профессиональных программ относительно оценки профессиональных пробелов. Действующие сотрудники МФЦ констатируют факт наличия компетентностных лагун, являющихся барьерами для качественного и быстрого выполнения профессиональных обязанностей. Результатом группового и интервьюирования стало, с одной стороны, определение барьеров, снижающих качество и эффективность профессиональной деятельности, с другой стороны, выделение спектра личных характеристик, позволяющих преодолевать профессиональные барьеры.

Результаты самооценки по критерию 5 и 6 визуализированы в табл. 1.

Таблица 1 – Несформированные компетенции (профессиональные лакуны), создающие барьеры эффективной деятельности. Личные характеристики, позволяющие устранить барьеры

Table 1 - Unformed competencies (professional lacunae) that create barriers to effective activity.
Personal features to remove barriers

Несформированная компетенция	Комментарий	Личные характеристики, способствующие формированию компетенции
Психологическая компетенция	По мнению респондентов, психологическая компетенция должна включать способность воздействовать на поведение граждан, обращающихся за услугами в многофункциональный центр в любых ситуациях, в том числе, в рамках конфликтного и стрессового взаимодействия. Психологическая компетентность специалиста МФЦ подразумевает умение применять методики саморегуляции для профилактики эмоционального выгорания и сохранения физического и психологического здоровья.	Стрессоустойчивость, уравновешенность, адаптивность, умение переключаться с одного вопроса на другой, умение абстрагироваться от проблемных ситуаций.
Коммуникативная компетенция	Подразумевает грамотное, корректное и эффективное взаимодействие с гражданами. Коммуникация предполагает учет индивидуальных особенностей обратившихся, специфику разной скорости восприятия и интерпретации информации и мн. др. Результативность процесса взаимодействия зависит от культуры общения, принятой в МФЦ, от этичности и корректности специалистов МФЦ.	Доброжелательность, общительность, контактность, низкая конфликтность.
Ориентация в нормативно-законодательной документации	Данная компетенция включает способность работы с информацией различной направленности и сложности, ее быструю и верную интерпретацию. Развитие данной компетенции предполагает не просто знание законодательных нормативных актов, но и дифференциацию ситуаций, в которых возникает необходимость к ним прибегнуть, а также умение взять на себя ответственность за верное понимание законодательства гражданами, получающими консультацию	Аналитическое мышление.
Тайм-менеджмент и самоорганизация	Данная компетенция отмечена оппонентами, как наиболее значимая в связи с тем, что специалист МФЦ всегда вынужден работать в условиях временных ограничений. Поэтому самоорганизация является основой для структурирования всего процесса обслуживания посетителей.	Организованность, пунктуальность, дисциплинированность, ответственность.
Цифровая компетенция	Данная компетенция предполагает постоянно актуализируемые и системные цифровые навыки. Специалист МФЦ вынужден подстраиваться под цифровые трансформации, затрагивающие процесс предоставления государственных и муниципальных услуг. Любые изменения в процессе профессиональной деятельности связаны с дополнительными неудобствами, потерей времени, необходимостью приобретать новые навыки, пользоваться инновационными технологиями. В этой связи цифровая адаптивность и скоростная перестройка специалиста МФЦ становится преобладающей компетенцией.	Предрасположенность к работе с техникой и технологиями, усидчивость, интерес к освоению нового.

Итогом группового интервью стали: 1) формулировка 5 критериев, позволяющих структурировать профессиональный стандарт специалиста МФЦ, 2) выявление образовательных запросов для разработки контентов дополнительного профессионального образования, позволяющих предвидеть и удовлетворять образовательные потребности заказчиков, 3) установка факторов психологического комфорта, позволяющих спроектировать процесс бережного развития инновационной кадровой политики. К таким факторам необходимо отнести: а) готовность действующих специалистов МФЦ

соответствовать профессиональному стандарту; б) готовность участвовать в экзаменационных мероприятиях, направленных на анализ профессиональной компетентности, 3) желание постоянно расширять спектр собственных компетенций; 4) готовность внедрять новые практики и технологии в процесс реальной повседневной деятельности.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют об объективной и критичной оценке специалистов МФЦ собственных компетентностных возможностей, что является необходимым условием при разработке актуальных дополнительных профессиональных программ, ориентированных под запрос заказчика и способствующих инновационной кадровой политике. Методика самооценки направлена на формирование профессионального стандарта специалиста многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг с учетом мнения самих сотрудников МФЦ. Такой подход ориентирован на выявление актуальных кадровых потребностей, формулирование точных образовательных запросов и разработку соответствующих потребностям дополнительных профессиональных программ, реализацию задач инновационной кадровой политики.

Список источников

1. Адукова А. Н. Кадровая политика как фактор инновационного развития сельского хозяйства // В сборнике: Актуальные проблемы формирования кадрового потенциала для инновационного развития АПК. Материалы конференции. 2018. С. 207-211.
2. Костина Е. П., Бурдюгова О. В. Формирование инновационной кадровой политики современной организации // В сборнике: Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2018. С. 63-66.
3. Смирнов А. Б., Новикова П. П. Кадровая политика торгового предприятия: инновационный подход // В сборнике: EUROPEAN RESEARCH. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. В 2 частях. 2018. С. 97-100.
4. Андреева Ю. В. Векторы поддержки развития молодежного предпринимательства в регионах с инновационными кластерами (на примере Ульяновской области) // В сборнике: Проблемы социально-экономической устойчивости региона. Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 10-15.
5. Галифанов Г. Влияние организационно-кадровой политики на инновационное развитие экономики // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2019. № 2. С. 19-30.
6. Демченко Т. С., Демченко М. В. Инновационные формы вовлечения молодежи в социальный контроль реализации молодежной кадровой политики в системе управления организациями // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2018. № 2 (23). С. 26-33.
7. Шохнех А. В., Насонова Л. И., Колышев О. Ю. Роль образовательных инновационных технологий в системе кадровой политики цифровых бизнес-структур // Инновационное развитие экономики. 2018. № 4 (46). С. 132-135.
8. Овчинникова Т. И., Булгакова И. Н. Сочетание кластерной инновационной и кадровой политики в регионе (по материалам Воронежской области) // Менеджмент в России и за рубежом. 2018. № 5. С. 50-60.
9. Чжао В., Берегова Г. М. Проблемы кадровой политики предприятий в условиях инновационного развития Китая // В сборнике: Проблемы управления производственными и инновационными системами: материалы статей Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 171-174.
10. Волкова А. М. Цифровизация инновационных решений кадровой политики // В сборнике: Европейский научный форум студентов и учащихся. Сборник статей Международной научно-исследовательской конференции. 2019. С. 202-209.
11. Курочкин А. В. Кадровая политика как фактор инновационного развития в условиях вызовов новой глобализации // В сборнике: Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.С. Акоповой. 2019. С. 124-130.
12. Акимов Е. Д. Инновационная кадровая политика в сфере работы с молодыми работниками // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2018. Т. 3. № 4 (14). С. 32-34.
13. Бекмурзиева Х. М. Инновационные технологии как эффективный способ реализации кадровой политики // Вектор экономики. 2019. № 3 (33). С. 100.
14. Водозаова Е. В. Инновационные технологии в кадровой политике: перспективы развития // В книге: Проблемы управления, экономики, политики и права в глобализирующемся мире. Сборник тезисов докладов Фестиваля науки ЮРИУ РАНХиГС. 2018. С. 159-162.

15. Махатова З. И. Технологии и механизмы инновационного развития кадровой политики предприятия // Экономика и социум. 2019. № 1-1 (56). С. 649-652.
16. Ушакова Т. Е. Модель кадровой политики как инновационный ресурс обеспечения образовательной организации // В сборнике: Уровневое образование студентов в высших учебных заведениях: опыт, проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Курганский государственный университет, Кафедра педагогики, Кафедра профессионального обучения, технологии и дизайна. 2018. С. 92-96.
17. Хамзина Р. Р. Кадровая политика как инструмент инновационного развития (на примере Республики Татарстан) // В сборнике: Регионы, вперед! Сборник статей II международной научно-практической конференции. 2019. С. 335-338.
18. Баранов А. В., Тагаев А. В., Ивлева О. А., Котлярова О. В. Компетентностная модель сотрудника многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 22-27.
19. Газиева И. А., Шоптенко В. В. Комплементарность искусственного и социального интеллекта в формировании и оценке компетенций как фактор профессионального развития студенческой молодежи // В сборнике: Лучшие практики в образовании и профориентации Президентской академии. Сборник методических материалов и статей. Научный редактор И. А. Газиева; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М., 2020. С. 7-12.
20. Ovakimyan M. A., Baranov A. V., Kotlyarova O. V. Intersection of technological skills and strategic competences in developing the human resource policy in contemporary Russia // В сборнике: CBU International Conference Proceedings. 2018. С. 1-9.

References

1. Adukova A. N. Personnel policy as a factor in the innovative development of agriculture. In: *Aktual'nye problemy formirovaniya kadrovogo potentsiala dlya innovatsionnogo razvitiya APK. Materialy konferentsii* [Current problems of developing personnel potential for the innovative development of agro-industrial complex. Conference proceedings]. 2018;207-211. (In Russ.).
2. Kostina E. P., Burdyugova O. V. Formation of an innovative personnel policy of a modern organization. In: *Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 chastyakh* [Modern economics: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts]. 2018;63-66. (In Russ.).
3. Smirnov A. B., Novikova P. P. Personnel policy of a trading enterprise: an innovative approach. In: *EUROPEAN RESEARCH. sbornik statei XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2 chastyakh* [EUROPEAN RESEARCH. Collection of articles of the XIV International Scientific and Practical Conference. In 2 parts]. 2018;97-100. (In Russ.).
4. Andreeva Yu. V. Vectors of support for the development of youth entrepreneurship in regions with innovative clusters (on the example of the Ulyanovsk region). In: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi ustoychivosti regiona. Sbornik statei XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of socio-economic stability of the region. Collection of articles of the XVI International Scientific and Practical Conference]. 2019;10-15. (In Russ.).
5. Galifanov G. The impact of organizational and personnel policy on the innovative development of the economy. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual property. Industrial property*. 2019;(2):19-30. (In Russ.).
6. Demchenko T.S., Demchenko M.V. Innovative forms of youth involvement in the social control of the implementation of youth personnel policy in the organization management system. *Innovatika i ekspertiza: nauchnye trudy = Innovation and expertise: scientific works*. 2018;2 (23):26-33. (In Russ.).
7. SHohnekh A. V., Nasonova L. I., Kolyshhev O.Yu. The role of educational innovative technologies in the personnel policy system of digital business structures. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki = Innovative development of the economy*. 2018;4 (46):132-135. (In Russ.).
8. Ovchinnikova T. I., Bulgakova I. N. Combination of cluster innovation and personnel policy in the region (based on materials from the Voronezh region). *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and abroad*. 2018;(5):50-60. (In Russ.).
9. CHzhao V., Beregova G. M. Problems of personnel policy of enterprises in the conditions of innovative development of China. In: *Problemy upravleniya proizvodstvennymi i innovatsionnymi sistemami: materialy statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of management of production and innovative systems: materials of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. 2018;171-174. (In Russ.).
10. Volkova A. M. Digitalization of innovative solutions for personnel policy. In: *Evropeiskii nauchnyi forum studentov i uchashchikhsya. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-issledovatel'skoi konferentsii* [European Scientific Forum of Students and Students. Collection of articles of the International Research Conference]. 2019;202-209. (In Russ.).

11. Kurochkin A. V. Personnel policy as a factor in innovative development in the face of the challenges of new globalization. In: *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: sotsial'no-politicheskie trendy i vyzovy. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern Russian society: socio-political trends and challenges. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Edited by T.S. Akopova]. 2019;124–130. (In Russ.).
12. Akimov E. D. Innovative personnel policy in the field of work with young workers. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki = Current problems of aviation and cosmonautics*. 2018;3(4(14)):32–34. (In Russ.).
13. Bekmurzieva H. M. Innovative technologies as an effective way to implement personnel policy. *Vektor ekonomiki = Vector of economy*. 2019;3 (33):100. (In Russ.).
14. Vodolazova E. V. Innovative technologies in personnel policy: development prospects. In: *Problemy upravleniya, ekonomiki, politiki i prava v globaliziruyushchemsya mire. Sbornik tezisev dokladov Festivala nauki YuRIU RANKhiGS* [Problems of governance, economics, politics and law in a globalizing world. Collection of abstracts of reports of the Festival of Science YURIU RANEPa]. 2018;159–162. (In Russ.).
15. Mahatova Z. I. Technologies and mechanisms of innovative development of personnel policy of the enterprise. *Ekonomika i sotsium = Economics and society*. 2019;1-1 (56):649–652. (In Russ.).
16. Ushakova T. E. Model of personnel policy as an innovative resource for providing an educational organization. In: *Urovnevoe obrazovanie studentov v vysshih uchebnykh zavedeniyakh: opyt, problemy i perspektivy. Sbornik nauchnykh statei. Kurganskii gosudarstvennyi universitet, Kafedra pedagogiki, Kafedra professional'nogo obucheniya, tekhnologii i dizaina* [Level education of students in higher educational institutions: experience, problems and prospects. a collection of scientific articles. Kurgan State University, Department of Pedagogy, Department of Professional Training, Technology and Design]. 2018;92-96. (In Russ.).
17. Hamzina R. R. Personnel policy as an instrument of innovative development (on the example of the Republic of Tatarstan). In: *Regiony, vpered! Sbornik statei II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Regions, forward! Collection of articles of the II international scientific and practical conference]. 2019;335–338. (In Russ.).
18. Baranov A. V., Tagaev A. V., Ivleva O. A., Kotlyarova O. V. Competent model of an employee of a multi-functional center for the provision of state and municipal services. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2018;4:22–27. (In Russ.).
19. Gazieva I. A., Shoptenko V. V. Complementarity of artificial and social intelligence in the formation and assessment of competencies as a factor in the professional development of student youth. In: *Luchshie praktiki v obrazovanii i porforientatsii Prezidentskoi akademii. Sbornik metodicheskikh materialov i statei* [Best practices in education and career guidance of the Presidential Academy. A collection of methodological materials and articles. Scientific editor I. A. Gazieva; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration]. Moscow;2020:7–12. (In Russ.).
20. Ovakimyan M. A., Baranov A. V., Kotlyarova O. V. Intersection of technological skills and strategic competences in developing the human resource policy in contemporary Russia. In: *CBU International Conference Proceedings*; 2018. P. 1–9.

Информация об авторах

А.В. Баранов – заместитель директора;
 О.В. Котлярова – канд. филолог. наук, доц. кафедры социально-гуманитарных дисциплин;
 А.В. Тагаев – канд. экон. наук, директор инновационно-технологического центра;
 О.А. Ивлева – эксперт отдела современных образовательных технологий инновационно-технологического центра.

Information about the authors

A.V. Baranov – Deputy Director;
 O.V. Kotlyarova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines;
 A.V. Tagaev – Candidate of Economic Sciences, Director of the Innovation and Technology Center;
 O.A. Ivleva – Expert of the Department of Modern Educational Technologies of the Innovation and Technology Center.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 27.08.2021.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 27.08.2021.

Научная статья

УДК 338.242.2

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-20-26

АНАЛИЗ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕНЕДЖМЕНТА ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Анна Анатольевна Горбачева¹, Ирина Николаевна Нестеренко², Вазген Хоренович Тирацунян³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, menedjment@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия эффективности, результативности и качества управления. Обосновывается необходимость научного подхода к оценке качества и эффективности менеджмента. Выделены факторы, определяющие качество управления, а также показатели, по которым можно оценить эффективность управления. Представлен алгоритм оценки эффективности управления в организации.

Ключевые слова: управленческая деятельность, эффективность управления, качество управления, эффективность труда, результативность

Для цитирования: Горбачева А. А., Нестеренко И. Н., Тирацунян В. Х. Анализ качества и эффективности менеджмента организации в современных условиях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 20–26. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-20-26>.

Problems of Management

Original article

ANALYSIS OF THE QUALITY AND EFFECTIVENESS OF THE ORGANIZATION'S MANAGEMENT IN MODERN CONDITIONS

Anna A. Gorbacheva¹, Irina N. Nesterenko², Vazgen Kh. Tiratsuyan³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, menedjment@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article discusses the concepts of efficiency, effectiveness and quality of management. The necessity of a scientific approach to assessing the quality and effectiveness of management is justified. The factors that determine the quality of management, as well as indicators by which it is possible to assess the effectiveness of management, are highlighted. An algorithm for evaluating the effectiveness of management in an organization is presented.

Keywords: managerial activity, management efficiency, management quality, labor efficiency, efficiency

For citation: Gorbacheva A. A., Nesterenko I. N., Tiratsuyan V. Kh. Analysis of the quality and effectiveness of the organization's management in modern conditions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):20–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-20-26>.

Современное состояние экономики диктует особые правила работы современных предприятий. Сегодня особое внимание отводится принятию управленческих решений и организации работы предприятий. Являясь объектом товарно-денежных отношений, предприятия берут на себя особую ответственность за возможность постоянно оставаться действующим игроком рынка. Чтобы это стало возможным, необходимо формирование такой системы управления организацией, которая была бы способная в полной мере обеспечивать устойчивость и постоянный рост в любых условиях.

От того, как именно будет распоряжаться имеющимися ресурсами предприятие, всецело зависит его возможность выжить на рынке. И наиболее важным качеством для любой организации, как государственной, так и коммерческой, является умение подстроиться под сложную внешнюю ситуацию.

Однако даже в штатных условиях эффективность и качество управления предприятием являются важнейшими аспектами для любой организации. Повышение эффективности управления всецело ведет к снижению затрачиваемых ресурсов, увеличению прибыли, снижению издержек.

Повышение качества управления ведет к увеличению количества довольных клиентов, либо к улучшению жизни населения в случае с государственными учреждениями.

Управленческая деятельность является одной из наиболее сложных в современном обществе. Это связано с тем, что сильно усложняются протекающие социальные процессы, а взаимодействие между различными категориями людей становится еще более важным элементом развития любого объекта.

Определение управлению можно дать следующее: «целенаправленное воздействие субъекта управления на объект управления для приведения последнего в обусловленное поставленными задачами состояние» [1, с. 192]. То есть, под управлением понимается непосредственная деятельность субъекта управления, которым может выступать как отдельный индивид, так и группа индивидов, по изменению свойств объекта управления, под которым понимается совокупность связей между индивидами или определенный экономический процесс.

В равной степени можно считать целью управления достижение максимальной прибыли предприятия, где в таком случае объектом управления станет финансовая деятельность предприятия, так и непосредственную эффективность работы людей данного предприятия.

Но для постоянного обеспечения эффективности работы предприятия и деятельности людей как объектов управления, разработан набор инструментов и подходов к управлению. Специалисты считают, что к управлению могут быть применены следующие 14 основных научных подходов: маркетинговый, процессный, нормативный, поведенческий; комплексный, функциональный, административный, системный, количественный, интеграционный, воспроизводственный, ситуационный, динамический, программно-целевой.

В рамках каждого подхода сложилась своя научная теория касательно того, как и при помощи чего должно осуществляться управление. Причем, различные подходы применимы одновременно как к процессам, где непосредственным объектом управления являются люди, так и к производственным и финансовым процессам, где нет непосредственного воздействия на общественные отношения.

Выполнение любой управленческой работы требует постоянной оценки качества и эффективности управления во всех сферах, потому что от этого складывается эффективность деятельности всего предприятия. Коллективный труд важен, но зачастую индивидуальный профессионализм управленцев и качественное выполнение ими своих обязанностей дает любому предприятию необходимый импульс для дальнейшего развития.

Само понимание эффективности складывается во всех сферах человеческой деятельности, начиная от политики, где за основу эффективности может быть взято количество полученных голосов при затраченных ресурсах, заканчивая сферой производства, где эффективность исследует уже весь комплекс, выполняемый определенной компанией или органом государственной власти задач, но также в соответствии с затрачиваемыми ресурсами.

Одним из ключевых понятий теории эффективности является «эффект». На наш взгляд, сущность этой категории может содержать следующие значения: это действие каких-либо факторов и средств; следствие совершенных в информационной, общественной, энергетической и иных сферах действий; впечатление, произведенное на кого-либо. При этом во всех источниках понимание эффекта совершенно разное и исследуется с различных углов.

Степанов А. С. в своей диссертации приводит следующее понятие эффекта в современной науке: «достигаемый результат в его материальном, денежном, социальном выражении» [2, с. 14].

Отсюда считается важным привести определение понятия эффективности. Затем рассмотрим подробнее, что из себя представляет понятие результативности и качества управления.

В диссертации Тишкиной Т. В. под эффективностью понимается «интегральная и структурированная характеристика деятельности организации, комплексно отражающая успешность этой деятельности, ее соответствие миссии, целям и задачам организации» [3, с. 24]. Дополним также, что эффективность – это соответствие полученных результатов потраченным ресурсам. И чем меньше было затрачено ресурсов на достижение результата с учетом реализации тех же поставленных перед организацией целей, тем выше эффективность.

Соответственно, одним из важнейших факторов для определения эффективности являются ресурсы. Ресурсы – это «факторы производства (трудовые, материальные, финансовые, организационные, информационные и др.), которые привлекаются предприятием, фирмой для осуществления поставленных перед собой целей» [4, с. 59]. Поэтому как для коммерческой компании, так и для органов государственной власти ресурсом представляются все используемые в процессе осуществления их основной деятельности факторы производства. Помимо названных также выделяют природные ресурсы, экономические ресурсы (большинство из названных и входят в данную категорию), административные ресурсы, а также отдельный вид – временные ресурсы. При этом существует и большое количество иных классификаций, определяющих видовой состав ресурсов.

Важно понимать основные отличия категорий «ресурсы» и «затраты». Оно состоит в следующем. В том случае, когда рассматривается основной капитал, ресурсы могут характеризовать один из показателей его стоимостной оценки, а затраты – только часть его стоимости, непосредственно относимую на затраты в отчетном периоде, так называемые амортизационные отчисления.

Для определения реально сложившейся эффективности определенного события была разработана теория эффективности. Ее смысл состоит в том, что она дает возможность оценить эффективность осуществления управления или реализации определенной комбинации действий и таким образом выбрать наиболее правильную стратегию в конкретных обстоятельствах. Данная теория основана на уже озвученном ранее принципе, что полученный результат определенной деятельности необходимо оценить с точки зрения затраченных ресурсов, чтобы качественно определить получаемый эффект.

При этом теория эффективности учитывает 3 базовые группы показателей эффективного процесса, которые в определенной мере характеризуют:

1. Степень достижения цели – целевой эффект.
2. Количество затрачиваемых ресурсов – ресурсоемкость.
3. Количество затраченного времени – оперативность.

В целом, понятие «эффективности» ввели еще достаточно давно Вильям Петти и Франсуа Кенэ, чтобы оценивать, насколько эффективно предприятия или органы государственной власти реализуют собственные функции. Причем после появления термин не стал сразу используемым и популярным, а был развит только с течением времени и с ходом зарождения современной экономики.

Как отмечает Галиуллина И. Г. «одним из важнейших понятий в современной экономической науке стала эффективность по Парето» [5, с. 192-195]. Парето определял эффективность как определенное состояние экономики, в котором нельзя реализовать какие-либо изменения, которые пойдут на пользу любому из участников экономического процесса, но при этом не ухудшится положение другого участника. В статье Орловой К.В. дается следующее определение эффективности: «достижение определенного результата с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов» [6, с. 387].

Е. В. Гафорова выделяет следующие несколько видовых классификаций эффективности с точки зрения экономической теории [7, с. 93]:

1. Экономическая эффективность. Призвана показать соответствие итогов деятельности компании тем целям, которые были установлены, в денежном выражении.
2. Социальная эффективность. Дает возможность проверить соответствие затрат и достигнутых результатов социальных ожиданиям общества.
3. Экологическая эффективность. Показывает, насколько соответствуют расходы и результаты деятельности компании интересам общества и государства.

Сегодня же определение эффективности складывается по-разному и единого мнения по поводу того, что такое эффективность, эффект и результативность практически не существует. При этом не менее важным является исследование аспектов эффективности, которые существуют в рамках отдельного предприятия или органа государственной власти. Выделим следующие аспекты:

1. Внутренняя эффективность. Под ней понимается эффективность с позиции управления внутренними ресурсами предприятия. К таковым ресурсам следует относить денежные средства, капитал и кадровый ресурс (без учета возможных привлекаемых кадровых ресурсов).
2. Внешняя эффективность. Это оценка эффективного использования предприятием внешних ресурсов и в целом коммуникаций с другими представителями рынка.
3. Целевая эффективность. Данная эффективность показывает, насколько эффективно используются имеющиеся средства для достижения поставленных целей.
4. Тактическая эффективность. Этот аспект эффективности характеризует, насколько правильно используются имеющиеся ресурсы для реализации задач, стоящих в ближайший временной период перед предприятием.

Рассмотрим также понятие «результативности», чтобы глубже понимать сущность эффективности и качества управления и в дальнейшем не создать путаницы с результативностью.

Под результативностью понимается «степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов» [8, с. 76]. Иными словами, результативность определяет соответствие полученных результатов планам.

Под результатом же понимается «последствие последовательности действий или событий, выраженных качественно или количественно. Возможные результаты включают преимущество, неудобство, выгоду, потерю, ценность и победу».

Формула 1 показывает линейный способ оценки результативности. Она активно используется для того, чтобы оценивать деятельность управленцев, но при этом не учитываются многие аспекты, которые крайне важны в оценке эффективности и качества управления.

$$\text{Результат} = \text{Факт} / \text{План} * 100\% \quad (1)$$

Перейдем к исследованию понятия «качества» управления. Николаев Н.А. в своей статье дает следующее определение данному понятию: «качество управления подразумевает под собой совокупность различных свойств системы управления организацией. При этом качество управления подразумевает наличие определенных характеристик и требований, которые могут устанавливаться как объективно при помощи теоретических исследований, так и субъективно в рамках деятельности конкретной организации» [9, с. 147].

Существование качества управления подразумевает реализацию интересов заинтересованных в управлении сторон. В том случае, когда интересы удовлетворяются в полной мере, следует говорить о высоком качестве управления в конкретной организации.

На рис. 1 представлены основные факторы, обеспечение которых подразумевает существование высокого качества управления в конкретной организации. Так, для коммерческой организации основным показателем качества управления является удовлетворение требований, предъявляемых потребителями к производимому организацией продукту.

Также на качество управления влияет целый ряд параметров:

1. Скорость принятия управленческих решений.

В современных условиях любая организация должна своевременно реагировать на условия внешней среды. Ярким примером последнего времени является распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в связи с которой всем предприятиям пришлось полностью перестроить свою деятельность.

Рис. 1. Модель факторов, которые определяют качество управления

Fig. 1. A model of factors that determine the quality of management

2. Обоснованность принятия важных решений.

Ни одно важное решение не должно приниматься только исходя из внутреннего ощущения управленца. Решение должно формироваться быстро, но постепенно и с опорой на прогнозы, ранее принятые стратегии и конкретный анализ сферы, в которой происходит принятие решения.

3. Реальное делегирование полномочий.

В любых организациях существует проблема делегирования полномочий, с которой может столкнуться любой руководитель. Зачастую это приводит к тому, что весомая часть функций остается за одним человеком и не перераспределяется между подчиненными. И рано или поздно качество управления в таком случае будет сильно снижено.

4. Контроль над выполнением поставленных решений.

Существует множество ситуаций, когда управленческим персоналом было проработано качественное решение, основанное на результатах длительного анализа, но при плохом последующем контроле за исполнением подобного решения качество управления будет крайне низкое по итогу, т.к. решение в полной мере не было исполнено, что не привело к ожидаемым результатам.

Таким образом, эффективность – это соотношение полученных результатов с затраченными ресурсами, а качество – это совокупность свойств и параметров, определяющих адекватность принятого управленческого решения свойствам внутренней и внешней среды.

Распространенной классификацией показателей эффективности управленцев выступают, по мнению В.В. Кочеткова и Е.С. Ратушняк следующие:

1. Показатели входящих ресурсов, которые характеризуют затраты на реализацию конкретной деятельности;
2. Показатели рабочих процессов, которые указывают на качество выполняемых процессов в соответствии с установленными сроками и нормативами;
3. Показатели непосредственного результата, указывающие на объем выполненной предприятием работы;
4. Показатели конечного эффекта, характеризующие результаты воздействия управленческих решений на изменения во внешней среде;
5. Показатели влияния, описывающие эффект воздействия управленцев на управляемую подсистему.

Для оценки эффективности управления в организации целесообразно применять следующий алгоритм [10, с. 92]:

1. Выработка целей оценки.

Перед началом процесса оценки эффективности управления организацией необходимо сформировать цели и задачи оценки. Наиболее популярная методика построения целей – технология SMART (Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time-bound). В соответствии с данной технологией цель оценки эффективности должна быть конкретной, измеримой, достижимой, актуальной и определенной во времени.

2. Вырабатываются общие требования к критериям оценки эффективности.

3. Обосновываются основные критерии оценки эффективности.

Под критерием в данном случае понимается качественный признак, на основе которого осуществляется оценка.

4. Определяется состав исходных данных, которые будут применяться в процессе оценки.

К исходным данным может относиться: штатное расписание, структура организации, имеющиеся показатели эффективности, методики оценки эффективности, используемые в организации.

5. Определяется методика расчета показателей эффективности.

Отметим, что каждый рассчитываемый показатель должен подбираться в соответствии с установленной целью и критериями.

6. Производится количественный расчет показателей.

Одним из актуальных направлений развития методики оценки управления является внедрение показателей эффективности KPI, которые давно закрепились в деятельности коммерческих организаций.

«Система KPI – гибкий инструмент. Он может изменяться в зависимости от стратегических целей компании. В российской и мировой практике KPI до последнего времени применяли в основном для определения результативности работы административно-управленческого персонала. В современном производстве актуальным становится использование KPI в управлении бизнес-процессами, поскольку система включает прямые измерители или индикаторы результативности, эффективности и производительности бизнес-процессов».

Как у любой системы оценки, у KPI есть достоинства и недостатки. К достоинствам системы можно отнести то, что вознаграждение сотрудников компании ставится в прямую зависимость от достижения их персональных KPI, поскольку за каждым закреплён определенный участок работы. Благодаря мониторингу личных показателей сотрудник видит свой вклад в достижение общей цели компании, что благотворно влияет на работу персонала и эффективность предприятия в целом. При анализе недостатков системы следует учесть, что при использовании слишком большого числа KPI в общем вознаграждении (бонусе) сотрудника доля каждого из них незначительна. Введение несоизмеримо большого веса одного из показателей ведет к перекосам в работе, поскольку сотрудники могут оказаться демотивированы из-за установления реально не достижимых KPI. Таким образом, анализ достоинств и недостатков системы KPI определяет выбор показателей, которые были бы значимы, измеримы и понятны всем участникам трудового процесса.

Важно отметить, что система KPI позволяет оценивать как эффективность и качество работы конкретного сотрудника, так и управления во всей организации. В рамках настоящего исследования наиболее важной частью системы KPI является возможность изучить эффективность и качество принимаемых управленческих решений, на которых выстраивается вся деятельность организации. В таком случае возможно наиболее полно оценить качество управления всей совокупности управленцев в организации.

Такая оценка эффективности деятельности управленца дает возможность устанавливать премиальное денежное содержание. Либо же, в случае плохих результатов, применение определенных санкций. Однако, заметным недостатком такой модели оценки будет то, что в ней сложно указать на то, насколько серьезные нарушения были выявлены отделом, потому что проверка таких нарушений требует гораздо больше времени и приносит больше результатов, но при этом общее количество проверок будет меньше, что негативно отразится на результатах оценки. Поэтому целесообразно в подобных моделях оценки эффективности учитывать всю совокупность возможных факторов, потому что в противном случае управленцы начнут «гнаться за цифрами» в ущерб качеству их непосредственной деятельности.

В целом же, при разработке KPI для отдельных должностей может быть использовано два различных подхода:

1. Процессный подход. Он призван описать происходящие в организации процессы и уже в соответствии с ними выстроить показатели. При этом процессы формируются в общем виде как цели, исключая привязку к срокам и показателям.

2. Функциональный подход. В таком случае показатели формируются отдельно для всех сотрудников в зависимости от занимаемой ими должности.

Если же говорить о более сложных системах, то среди наиболее известных оценок качества управления выделяется CAF-методология. Модель сосредотачивает собственное внимание на 9 различных показателях, реализация которых позволяет сказать о качественном управлении. К таким показателям согласно данной модели относятся, персонал, процессы, партнерство, ресурсы, лидерство, планирование, стратегия, ключевые результаты и результаты для общества. Куда более глубоко проработана система критериев в данной модели. Анализ осуществляется исходя из 28 различных критериев.

Выделим основные преимущества CAF-методологии [11, с. 29]:

1. Для оценки необходимо привлечения третьих сторон, которые способны независимо оценить сильные и слабые стороны организации (учреждения);

2. Разработка непосредственной методики оценки во многом осуществляется руководящим персоналом организации;

3. Методология позволяет одновременно оценивать текущую деятельность и планировать последующую. Это дает высокий результат оценки.

В современной практике одной из проблем является слабая разработанность такого понятия, как «эффективность труда», которое по существу должно прояснить многие аспекты, связанные с деятельности работников любых сфер деятельности и их эффективностью в трудовом процессе компании (органа государственной власти). Само понимание «эффективности труда» в научной среде крайне разрозненное.

Выделим следующие точки зрения на категорию «эффективность труда»:

1. Эффективность труда – это характеристика. В данном смысле эффективность труда призвана описать процесс производства и концентрируется на итоговых результатах деятельности предприятия. Обычно в таком случае эффективность труда целесообразно оценивать количеством выпускаемой продукции или количеством и качеством предоставленных сотрудникам услуг клиентам.

2. Эффективность труда – это комплексный показатель. В такой ситуации эффективность труда должна учесть производительность и результативность труда, описать уровень использования имеющейся рабочей силы, а также показать оценку изменения всей совокупности показателей производительности и качества труда.

3. Эффективность труда – категория. В таком понимании эффективность труда показывает уровень достижения конкретных целей, а также указывает на то, какой был результат взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Таким образом, подводя итог проведенному в данной главе исследованию, можно сделать следующие выводы. Наиболее важным является тот факт, что необходимо разделять понятия эффективности и качества. Под эффективностью мы понимаем соотношение полученных результатов и затраченных для этого ресурсов, а качество в большей степени определяется рядом независимых параметров.

Исследование процесса оценки эффективности труда управленческих кадров дало возможность понять, что в России этот процесс налажен еще недостаточно. Только в действительно крупных организациях оценка эффективности и качества управления осуществляется на высоком уровне.

Список источников

1. Астахова Н. И., Москвитина Г. И. Теория управления: учеб. пособие для бакалавров. М.: Юрайт, 2018. 375 с.
2. Степанов А. С. Системный подход к оценке эффективности управления производственной организацией. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. ВАК РФ: 08.00.05. 2016. 185 с.
3. Тишкина Т.В. Повышение эффективности системы управления предприятием на основе ее оценки. Диссертация. Специальность ВАК РФ: 08.00.05. 2006. 232 с.
4. Дудин М. В. Эффективность менеджмента на предприятии: содержание и показатели, анализ состояния, предложения по повышению его эффективности: монография. М.: Лаборатория книги, 2012. 92 с.
5. Галиуллина И. Г. Теоретическое обоснование категории «Эффективность»: понятие, сущность и виды // Форум молодых ученых. 2017. № 4 (8) С. 192–195.
6. Орлова К. В. Эффективность механизма управления // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. № 13. С. 387–389.
7. Гафорова Е. В. К вопросу о сущности понятий «Эффект» и «Эффективность» научно-инновационной деятельности вуза // Экономика образования. 2014. № 3. С. 91–96.
8. Янин Д.А. К вопросу об отдельных аспектах дифференциации качества, эффективности и результативности управления // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 53. С. 75–79.
9. Николаев Н. А. Методический подход к определению конкурентоспособности персонала предприятия // Известия СПбГЭУ. 2021. №1 (127). С. 143–149.
10. Султанова А. В. Исследование качества проектирования систем управления организацией // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1-2. С. 90–96.
11. Маркварт Э., Маслов Д. В., Лаврова Т. Б. CAF: модель управления качеством для организаций публичной сферы // Государственная служба. 2020. № 5. С. 26–31.

References

1. Astakhova N. I., Moskvitina G. I. *Theory of management: text. manual for bachelors*. Moscow: Ewright; 2018. 375 p. (In Russ.).
2. Stepanov A. S. *A systematic approach to assessing the efficiency of managing a production organization*. Dissertation for the degree of candidate of economic sciences; 2016. 185 p. (In Russ.).
3. Tishkina T. V. *Improving the efficiency of the enterprise management system based on its assessment*. Dissertation; 2006. 232 p. (In Russ.).
4. Dudin M. V. *Management efficiency at the enterprise: content and indicators, an analysis of the condition, proposals to increase its efficiency*: monograph. Moscow: Book Laboratory; 2012. 92 p. (In Russ.).
5. Galiullina I. G. Theoretical justification of the category "Efficiency": concept, existence and species. *Forum molodykh uchenykh = Forum of young scientists*. 2017;4(8):192–195. (In Russ.).
6. Orlova K. V. Effectiveness of the control mechanism. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики = Topical problems of aviation and cosmonautics*. 2017;(13):387–389. (In Russ.).
7. Gafforova E. V. On the essence of the concepts "Effect" and "Efficiency" of the university's scientific and innovative activities. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of education*. 2014;(3):91–96. (In Russ.).
8. Yanin D. A. On the issue of certain aspects of differentiation of quality, efficiency and efficiency of management. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Topical issues of economic sciences*. 2016;(53):75–79. (In Russ.).
9. Nikolaev N. A. Methodological approach to determining the competitiveness of enterprise personnel. *Izvestiya SPbGEU = Izvestia SPbSEU*. 2021;1(127):143–149. (In Russ.).
10. Sultanova A. V. Study of the quality of design of organization management systems. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019; (1-2):90–96. (In Russ.).
11. Markvart E., Maslov D. V, Lavrova T. B. CAF: quality management model for public sector organizations. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*. 2020;(5):26–31. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Горбачева – канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента;
И. Н. Нестеренко – канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента;
В. Х. Тирацунян – канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента.

Information about the authors

A. A. Gorbacheva – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Management;
I. N. Nesterenko – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Management;
V. Kh. Tiratsuyan – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.08.2021; одобрена после рецензирования 30.08.2021; принята к публикации 31.08.2021.

The article was submitted 16.08.2021; approved after reviewing 30.08.2021; accepted for publication 31.08.2021.

Научная статья

УДК 336.717.061

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-27-34

GR-МЕНЕДЖМЕНТ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ ВЫЗОВОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Яков Яковлевич Кайль¹, Роман Михайлович Ламзин², Вероника Сергеевна Епинина³

^{1,2}Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

³Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, v.epinina@rambler.ru

¹kailjakow@mail.ru

²rom.lamzin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы совершенствования GR-менеджмента как комплексного направления в организации управления бизнес-структурой как субъекта участия государственно-частного партнерства, целью которого выступает создание условий для разработки публично-управленческих решений, соответствующих интересам проявления и реализации инновационных бизнес-инициатив. Посредством методов анализа и генезиса нового научного знания авторы устанавливают, что одним из ключевых факторов осуществления GR-менеджмента в государственно-частном партнерстве в регионе является деятельность торгово-промышленных палат и организаций, действующих на их основе. Это происходит посредством широкого использования электронно-цифровых средств преобразования и структурирования многоаспектных информационных данных для адекватного освещения стремительной динамики ситуации с выбором наиболее эффективных вариантов государственно-муниципальной поддержки бизнес-структур.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, информационно-ресурсное обеспечение, коммуникации, публичное управление, регион, субъекты частного предпринимательства, торгово-промышленные палаты, электронно-цифровые технологии, GR-менеджмент

Для цитирования: Кайль Я. Я., Ламзин Р. М., Епинина В. С. GR-менеджмент в России: основные тенденции и проблемы развития в условиях непредсказуемости вызовов внешней среды // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 27–34. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-27-34>.

Problems of Management

Original article

GR-MANAGEMENT IN RUSSIA: MAIN TRENDS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF UNPREDICTABILITY OF CHALLENGES OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT

Yakov Ya. Kail¹, Roman M. Lamzin², Veronica S. Epinina³

^{1,2}Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

³Volgograd State University, Volgograd, Russia, v.epinina@rambler.ru

¹kailjakow@mail.ru

²rom.lamzin@yandex.ru

Abstract. The article discusses the prospects for improving GR-management as a complex direction in organizing the management of a private organization as a subject of public-private partnership participation, the purpose of which is to create conditions for the development of public management decisions that meet the interests of the manifestation and implementation of innovative business initiatives. Using the methods of analysis and the method of genesis of new scientific knowledge, the authors establish that one of the key factors in the implementation of GR-management in public-private partnerships in the region is the activity of chambers of commerce and industry and organizations acting on their basis. This happens through the widespread use of electronic digital means of transformation and structuring of multidimensional information data for adequate coverage of the rapid dynamics of the situation with the choice of the most effective options for state and municipal support for private business entities.

Keywords: public-private partnership, information and resource support, communications, public administration, region, subjects of private entrepreneurship, chambers of commerce and industry, electronic digital technologies, GR-management

For citation: Kail Ya. Ya., Lamzin R. M., Epinina V. S. GR-management in Russia: main trends and problems of development in the conditions of unpredictability of challenges of the external environment. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):27–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-27-34>.

Характер непредсказуемости вызовов внешней среды и реализуемых государственно-частных коммуникаций выражается наличием разносторонних факторов воздействия на процесс их протекания и множеством направлений их дальнейших трансформаций. В связи с этим одним из основных факторов воздействия на такие процессы выступает отсутствие возможности своевременно и оптимально спрогнозировать характеристики данных воздействий, примером чего является стремительное распространение пандемии COVID-19 для последующей разработки адекватных управленческих решений с принятием продуктивных мер нейтрализации отрицательных социально-экономических внешних эффектов.

Помимо этого особенности актуальных производственно-потребительских процессов также отличаются достаточно высокой нестабильностью и неопределенностью, что также определяется неэффективным информационно-коммуникационным партнерством между субъектами ресурсного обеспечения, субъектами преобразования данных ресурсов в различные продукты, а также субъектами их потребления под общим регулированием структур государственного и муниципального администрирования как публичных органов регулирования социально-экономических процессов [1, с. 111]. Это обуславливает проблему продуктивности деятельности государственной системы управления на федеральном и региональном уровне реализации государственно-частных взаимосвязей, а также функционирования органов местной администрации при их взаимодействии с частными фирмами и индивидуальными предпринимателями.

Наряду с этим выделяется проблема выбора оптимальных технологий конструктивных взаимосвязей со стороны руководства бизнес-структур и общественных ассоциаций, представляющих их интересы при функционировании законодательных и исполнительных органов власти. Это необходимо с целью разработки практико-ориентированных решений, обоснованных с точки зрения специфики сложившейся социально-экономической ситуации в масштабе отдельной территории, а также характера процессов в национальной и мировой экономики. В качестве примера отдельных территорий следует обозначить производственно-потребительское пространство региона, которое функционирует на базе применения электронно-цифровых коммуникаций.

Общий формат данных коммуникаций состоит из следующих ключевых структурных элементов:

1. Информационно-ресурсное обеспечение функционирования бизнес-структур и органов государственно-муниципального управления.
2. Электронно-цифровые каналы, обеспечивающие поддержание прямых и обратных связей сторон государственно-частного партнерства.
3. Средства и технологии кодировки и обработки информационных сообщений [2, с.41].

С учетом данных компонентов можно представить общую структуру GR-коммуникаций в системе государственно-частного партнерства (см. рис. 1).

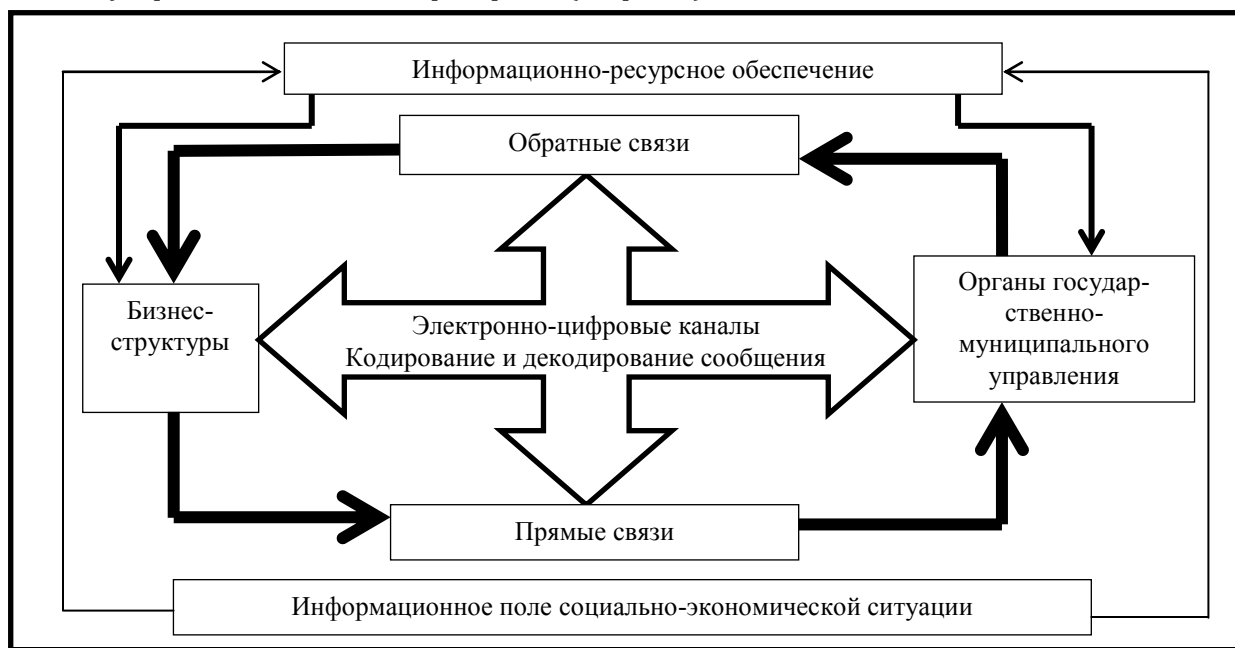

Рис. 1. Структура GR-коммуникаций на основе использования цифровых технологий
Источник: сост. авт. по [3, с. 39; 4, с. 53; 5, с. 48; 6, с. 135; 7, с. 25]

Fig. 1. The structure of GR communications based on the use of digital technologies.
Source: comp. aut. to [3, p. 39; 4, p. 53; 5, p. 48; 6, p. 135; 7, p. 25]

На рис. 1 GR-коммуникации отражаются в сложной совокупности электронно-цифровых каналов, обеспечивающие информационный обмен исходными данными о состоянии внешней и внутренней среды функционирования частных организаций и органов государственно-муниципального регулирования производственно-потребительских отношений. Порядок обмена информационными сообщениями выражается в кодировке и преобразовании данных, что происходит в виде установления и дальнейшего развития прямых и обратных связей между субъектами государственно-частного партнерства. Так как инициатива осуществления GR-менеджмента и соответствующих коммуникаций исходит от бизнес-сообщества, то прямые связи исходят от представителей частного сектора экономики [8, с.60]. Указанное взаимодействие реализуется на базе информационного обеспечения субъектов партнерства, что формируется, в свою очередь, за счет функционирующего регионально-информационного поля сложившейся социально-экономической ситуации на отдельной территории и совокупности условий развития экономики на уровне общефедеральных и мировых экономических процессов.

Таким образом, государственно-частное партнерство в субъектах РФ может рассматриваться в виде взаимодействия публичного и частного партнеров, что происходит на основе объединения ресурсов, распределении рисков сотрудничества в формате юридически оформленного соглашения на определенный срок. Данное партнерство позволяет осуществлять GR-менеджмент со стороны субъектов бизнес-сообщества с целью государственного поддержания деятельности частных компаний, что обеспечивает привлечение частных инвестиций для поддержания модернизации процессов производства товаров и услуг необходимого качества и количества.

Названное соглашение в данном партнерстве является гражданско-правовым договором между партнерами, заключенный на срок не менее чем три года. Рассматривая специфику субъектного поддержания прямых и обратных связей в рамках государственно-частного партнерства и осуществления GR-менеджмента, следует обратить повышенное внимание на деятельность торгово-промышленных палат в различных регионах России. В качестве примера можно рассмотреть функции и различные аспекты работы данных некоммерческих организаций в субъектах РФ, входящих в состав Южного федерального округа. Определение статуса данных палат выражается в том, что они выступают посредниками между региональным бизнес-сообществом и структурами государственно-муниципального управления. В свою очередь этого посредничество состоит в следующих направлениях работы:

1. Представление законных интересов частного предпринимательства и их объединений.
2. Участие в создании продуктивных коммуникаций в структуре государственно-частного сотрудничества, а также в реализации региональных программ поддержания инновационных преобразований в частном бизнесе [9, с. 19].
3. Оказание содействие субъектам малого и среднего бизнеса при наличии излишних административных препятствий при реализации своей деятельности [10, с. 89].

Таким образом, указанные полномочия торгово-промышленных палат всесторонне содействуют формированию позитивного образа отдельных частных компаний так и всего регионально-бизнес-сообщества в процессе функционирования различных структурных подразделений администраций субъектов РФ, что направлено на принятие управленческих решений в интересах данных бизнес-структур при внесении соответствующих поправок в действующее законодательство по вопросам регулирования предпринимательских отношений.

Особенности деятельности торгово-промышленных палат на территории Южного федерального округа (далее – ЮФО) можно представить посредством табл. 1.

В табл. 1 продемонстрированы организационные и функциональные условия формирования и реализации частнопредпринимательских проектов при реализации GR-менеджмента, что обеспечивается в системе направлений деятельности региональных торгово-промышленных палат. Эти палаты способны играть роль эффективных посредников путем предоставления различных услуг, способствующих продуктивной реализации различных функций реализации бизнес-инициатив при результативном поддержании основных и второстепенных аспектов деятельности различных частных компаний. Указанная реализация отдельных бизнес-функций и сфер предпринимательства поддерживается деятельность, как показано в табл. 1, через деятельность различных функциональных комитетов и автономных некоммерческих организаций. Тем самым формируется продуктивное организационно-функциональное поле для осуществления эффективного GR-менеджмента посредством консолидации отдельных GR-инициатив в единую согласованную совокупность на базе применения современных электронно-цифровых средств обмена информации с реализации единых GR-проектов по отношению к региональному публичному администрированию.

Таблица 1 – Функционирование торгово-промышленных палат в рамках поддержания государственно-частного партнерства и реализации GR-менеджмента на территории ЮФО

Table 1 – Functioning of chambers of commerce and industry within the framework of maintaining public-private partnership and implementation of GR management in the Southern Federal District

Субъект РФ в составе ЮФО	Организации, созданные посредством торгово-промышленных палат, и их структурные компоненты	Оказываемые услуги субъектам частного бизнеса
Волгоградская область	АНО «Волгоградэкспертиза»; АНО «Центр внешнеэкономической деятельности»; АНО ДПО «Международный центр подготовки кадров»; Волгоградская региональная коалиция по защите прав и представлению интересов предпринимательства	Электронно-коммуникационной безопасности ведения бизнеса; правовая охрана элементов интеллектуальной собственности; создание условий по привлечению инвестиций
Ростовская область	Деятельность дочерних организаций: ПАО «Центр Международной Торговли»; АО «Экспоцентр»; АНО «Союзэкспертиза» (SOEX); ООО «Союзпатент»; Благотворительный фонд «Фонд помощи детям имени Примакова Е.М.»; АНО ДПО «Международный институт менеджмента объединений предпринимателей» (МИМОП); Некоммерческая организация «Фонд развития инновационного предпринимательства»; Фонд содействия продвижению русского языка и образования на русском; Фонд развития профессиональных квалификаций ТПП РФ	Независимая оценка недвижимости, оборудования, транспортных средств и ценных бумаг; экспертиза происхождения и оформление сертификата происхождения товаров с оформлением товарных знаков; информационно-консультационная поддержка субъектов инновационной деятельности
Астраханская область	Функционирование комитетов по вопросам: повышения эффективности бизнеса в сфере туризма и гостиничной деятельности; соблюдения профессиональных стандартов и компетенции и квалификации персонала частных компаний; усовершенствования транспортного, финансового, страхового обеспечения предпринимательства	Проведение независимой экспертизы и сертификации; поддержка внешнеэкономической деятельности; предоставление информационно-консультационных и консалтинговых услуг; поддержка маркетинговой и деятельности
Краснодарский край	Совет по налоговой политике, финансовым рынкам и взаимодействию с кредитными организациями. Функциональные комитеты по вопросам: развития предпринимательства, торговли и туризма; инновационной деятельности и высоким технологиям; аграрной политики и развитию сельскохозяйственного производства; промышленной политике и развитию кооперационных связей; предпринимательству в сфере спорта; конгрессно-выставочной деятельности, деловому и событийному туризму; легкой промышленности; правовой поддержке и защите бизнеса	Ведение Реестра надежных партнеров; профессионально-общественное обслуживание проектов профессиональных стандартов; оценка регулирующего воздействия регионального законодательства на развитие бизнеса
Республика Адыгея	Функциональные комитеты по вопросам: по безопасности предпринимательской деятельности; по драгоценным металлам и драгоценным камням; по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства; по предпринимательству в здравоохранении и медицинской промышленности; по предпринимательству в лесопромышленном комплексе; по предпринимательству в сфере жилищного и коммунального хозяйства; по предпринимательству в сфере медиакоммуникаций; по предпринимательству в сфере рекламы; по предпринимательству в сфере спорта; по предпринимательству в сфере строительства	Экспертиза строительно-технического, судебного, технологического и экономического характера в области товарной деятельности; оценка в области эффективности ведения бизнеса, использования недвижимости, оборудования и технических средств; организация и проведение выставок, форумов, конгрессов и презентаций; обеспечение доступа субъектов частного бизнеса к необходимой информации
Республика Калмыкия	Функциональные комитеты и советы по вопросам: по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России; по развитию антикоррупционного комплаенса и деловой этики; по развитию информационных технологий и цифровой экономики; по развитию потребительского рынка; по развитию электронной коммерции; по саморегулированию предпринимательской и профессиональной деятельности; по таможенной политике; по устойчивому развитию бизнеса, корпоративной социальной ответственности и волонтерству; по финансово-промышленной и инвестиционной политике	Анализ рынков, продвижение компаний, товаров и услуг на региональные и международные рынки, размещение рекламы; обеспечение безопасности ведения бизнеса; правовая охрана и защита интеллектуальной собственности; привлечение инвестиций

Продолжение табл. 1/Continuation of Table 1

Республика Крым	Функциональные комитеты по: предпринимательству в сфере строительства; по содействию профессиональному и бизнес-образованию; безопасности предпринимательской деятельности; повыс-тавовчно-ярмарочной конгрессной деятельности и креативных индустрий	Предоставление информаци-онно-консультационных и кон-салтинговых услуг; поддержка маркетинговой и деятельности
Город феде-рального зна-чения Севасто-поль	Функциональные комитеты по вопросам: по под-держке предпринимательства; по вопросам транс-порта; по инвестиционной деятельности; по во-просам энергосбережения; по безопасности пред-принимательской деятельности и противодей-ствию коррупции; по вопросам агропромышлен-ного комплекса	Услуги делового образования; комплексное тестирование ино-странных граждан; поддержка предпринимательства; правовая охрана и защита интеллектуаль-ной собственности; третейское разбирательство и медиация

Источник: сост. авт. по [11, с. 100; 5, с. 47; 12, с. 31; 13, с. 503].

Примером использования цифровых технологий в деятельности торгово-промышленной палаты в Волгоградской области является использование четырех информационных ресурсов:

- веб-сайт www.volgogradcci.ru;
- бизнес-страница ВТПП в социальной сети Facebook;
- бизнес-страница ВТПП в социальной сети Instagram;
- бизнес-страница ВТПП в социальной сети vk.com/vlgtpp.

Это обеспечивает обмен данными между партнерами внутри регионального бизнес-сообщества с передачей согласованных и обоснованных информационных сообщений представителям регио-нальной администрации и органов муниципального управления в рамках социальных сетей.

В Волгоградской области с участием торгово-промышленной палаты, как также уже было пока-зано в табл. 1, создано несколько автономных некоммерческих организаций, выполняющие опреде-ленные вспомогательные функции в поддержке частного предпринимательства:

1. АНО «Волгоградэкспертиза», реализующая экспертизы по анализу количества, комплект-ности, качества, технического состояния, фактического состояния товаров, что происходит для идентификации товаров в соответствии с условиями сделок и требованиями нормативно-технической документации.

2. АНО «Центр внешнеэкономической деятельности», оказывающая поддержку российским и зарубежным фирмам, а также их объединениям и ассоциациям в формате предоставления инфор-мационных и консультационных услуг по вопросам организации и ведения деятельности.

3. АНО ДПО «Международный центр подготовки кадров», реализующая программы дополни-тельного повышения квалификации и профессиональной переподготовки персонала частных предприятий и фирм.

Таким образом, названные направления деятельности этих организаций способствуют про-ведению оптимального анализа сложившейся региональной социально-экономической ситуации отдельным бизнес-субъектам, что выступает основой для снижения уровня неопределенности и непредсказуемости внешней среды с помощью функционирования цифровых технологий и приме-нения различных локальных электронных сетей.

GR-менеджмент также реализуется посредством выражения частнопредпринимательских проектов в рамках деятельности совещательных и консультативных органов при структурных подразделениях администрации региона. Например, в Волгоградской области действует Обще-ственный совет при Комитете экономической политики и развития, выполняющий следующие функции в структуре государственно-частного партнерства:

1. Обеспечение согласования интересов населения, общественных объединений и Комитета при всестороннем рассмотрении и решении наиболее важных вопросов социально-экономической и производственной модернизации региона с разработкой результативных мер борьбы с корруп-цией в структуре государственно-частного партнерства.

2. Разработка и выдвижение обоснованных частно-предпринимательских и общественно-гражданских инициатив, направленные на реализацию функций в области развития региональной политики поддержания частного сектора экономики [14, с. 220].

3. Разработка рекомендаций с целью усовершенствования различных функций Комитета при осуществлении всесторонней общественной экспертизы проектов правовых актов по вопросам оказания поддержки субъектам частного бизнеса.

Помимо структурных подразделений Администрации региона значительную роль в реализа-ции частных предпринимательских интересов является Уполномоченный по защите прав предпри-нимателей в Волгоградской области и Экспертный совет, действующий при нем. Основные задачи данного совета выполняются по вопросам:

1. Разработка предложений по усовершенствованию регионального законодательства в области предпринимательства, что направлено на снижение отрицательного воздействия административных барьеров и упрощению условий выражения предпринимательских инициатив [15, с. 554].

2. Выявление и анализ системных проблем и коррупционных практик, приводящих к нарушению прав предпринимателей.

3. Рассмотрение предложений по подготовке обоснованных рекомендаций органам государственно-муниципального управления по обеспечению прав субъектов частного бизнеса [14, с. 218].

В области развития образовательной деятельности в сфере повышения эффективности и продуктивности деятельности сотрудников частных предпринимательских структур торгово-промышленной палатой Ростовской области обеспечивается деятельность Центра дополнительного профессионального образования, ключевыми направлениями деятельности которого выступают:

1. Профессионально обучение на базе электронных цифровых технологий при удаленном режиме формирования актуальных практико-ориентированных профессиональных компетенций [2, с. 42].

2. Посредством передовых интерактивных форм обучения, создаются комфортные условия профессиональной подготовки без отрыва от основной деятельности в различных муниципалитетах и территориях региона [16, с.118].

3. Обеспечение участия в процессе обучения авторитетных специалистов-практиков из российских и международных экспертных организаций, а также представителей арбитражных судов, страхового и банковского секторов, таможенных и государственных контролирующих органов.

В рамках функционирования торгово-промышленной палаты Краснодарского края действует Департамент предпринимательской деятельности и внешних связей, выполняющий функции по организационно-информационной поддержке проведения выставок и ярмарок, а также формированию коллективных экспозиций на национальных и международных выставках.

Таким образом, анализируя примеры функционирования региональных торгово-промышленных палат и организаций, действующих на их основе можно представить общий характер их участия в реализации GR-менеджмента (см. рис. 2).

На рис. 2 определены посреднические функции торгово-промышленных палат и организаций, действующих на их основе, в системе осуществления регионального GR-менеджмента. Это происходит в виде электронно-цифрового информационного обмена между представителями частного предпринимательства, которыми, в частности могут быть общественные объединения предпринимателей, и представителей органов региональной администрации и органов муниципального управления. Указанный информационный обмен поддерживается по различным функциональным направлениям бизнес-деятельности специальными организациями и комитетами. Такая поддержка также осуществляется посредством функционирования электронных цифровых технологий, а также на базе использования интегрированных порталов и общих сайтов, обеспечивающих формирование упорядоченных информационных потоков с поиском оптимального ответного действия со стороны органов регионального государственного и муниципального управления на частнопредпринимательские инициативы.

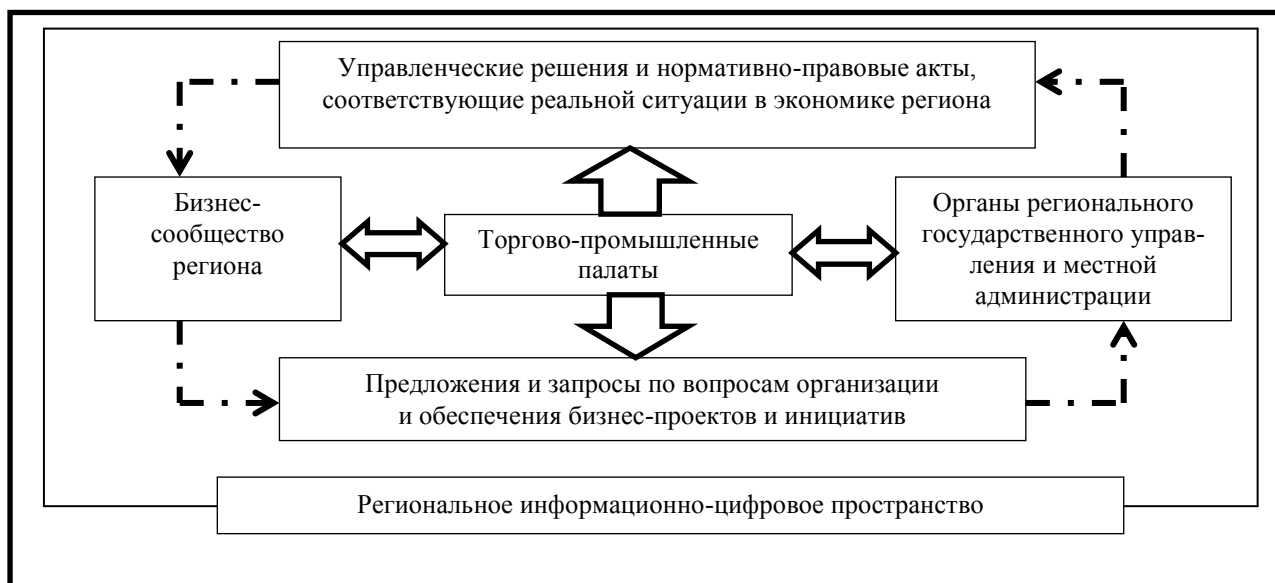

Рис 2. Участие Торгово-промышленных палат в реализации GR-менеджмента

Источник: сост. авт. по [17, с.61; 18, с.175; 19, с. 95; 20, с. 74]

Fig. 2. Participation of Chambers of Commerce and Industry in the implementation of GR management.

Source: comp. aut. to [17, p. 61; 18, p. 175; 19, p. 95; 20, p. 74].

Таким образом, в условиях непредсказуемости динамики региональной социально-экономической ситуации GR-менеджмент реализуется как совокупность методов оказания влияния на процессы принятия официальных управленческих решений в интересах частного бизнеса на отдельных территориях. Данное влияние выражается в виде предложений и обращений со стороны отдельных субъектов предпринимательства или бизнес-сообщества через функционирование торгово-промышленных палат и различных организаций, действующих в формате комитетов, советов и департаментов, обеспечивающие реализацию специальных бизнес-инициатив в деятельности региональных органов государственного управления. Преодоление фактора непредсказуемости обеспечивается на основе взаимного согласования широкого спектра вариантов дальнейшего взаимодействия в системе государственно-частного партнерства на основе сбора, всестороннего анализа, непрерывного согласования и проверки проектов решений органов государственно-муниципального управления региона в соответствии с динамикой социально-экономической ситуации в субъекте РФ.

Список источников

1. Практика публичного управления социально-экономическими процессами на уровне муниципалитета: результативность и эффективность / Под ред. Я. Я. Кайля. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 244 с.
2. Ламзин Р. М., Кайль Я. Я. Инновационные информационные технологии государственного регулирования малого предпринимательства // Грани познания. 2016. № 4. С. 40–44.
3. Кайль Я. Я., Епинина В. С., Ламзин Р. М. Основные тенденции и проблемы развития GR-менеджмента // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 37–43.
4. Овчинникова Т. И., Булгакова И. Н. Сочетание кластерной инновационной и кадровой политики в регионе (по материалам Воронежской области) // Менеджмент в России и за рубежом. 2018. № 5. С. 50–60.
5. Сергеев П. В., Колмыкова Т. С. О необходимых условиях роста экономики регионов // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2017. № 5. С. 46–51.
6. Шманев С. В. Цифровая экономика в России: мифы, реальность, перспективы (синергетический подход) // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 1. С. 133–136.
7. Kail Ya. Ya., Zudina E. V., Epinina V. S., Bakhacheva Y. S., Velikanov V. V. Effective HR management as the most important condition of successful business administration // Contributions to Economics. 2017. P. 23–30.
8. Кайль Я. Я., Епинина В. С. Результативность как основной критерий оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ // Власть. 2013. № 9. С. 59–63.
9. Марков В. А., Ершов В. Ю., Корженко В. Ю. Проблемы и перспективные подходы к организации муниципального развития в России // Власть. 2016. № 1. С. 15–22.
10. Плотников В. А. Цифровизация и модернизация государственной политики в сфере регулирования занятости // Экономика и управление. 2019. № 11. С. 87–94.
11. Розанов Д. А. Государственное регулирование национальной экономики как закономерный результат эволюции рыночной экономики // Технологическое образование. 2019. № 11. С. 97–102.
12. Солодухина О. И., Пархомчук М. А. Разработка методики оценки эффективности формирования и использования человеческого капитала // Экономические науки. 2016. № 136. С. 30–33.
13. Черкащенко Т. А. Технологии GR в российском сегменте Интернета // Вестник ОГУ. 2015. № 3. С. 500–507.
14. Кайль Я. Я., Епинина В. С. Совершенствование системы государственного управления и его влияние на состояние социально-экономического развития субъектов РФ (на примере субъектов РФ ЮФО) // Бизнес. Образование. Право. 2013. № 4 (25). С. 216–224.
15. Голикова Г. В., Ломанова Ю. М., Бражников С. А. Сравнительный анализ оценки цифровой зрелости компании // Финансовая экономика. 2019. № 12. С. 553–557.
16. Кучковская Н. В. Партнерские отношения в процессе взаимодействия государства и бизнеса // Форум. Сер. Гуманитарные и экономические науки. 2016. № 1. С. 116–120.
17. Баркатунов В. Ф., Ларина О. Г. Элементы цифровых технологий, правовые новации и эффективность управления финансовыми ресурсами в процессе закупок для государственных и муниципальных нужд // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 53–73.
18. Бондаренко В. М. Структурная модернизация в условиях формирования цифровой экономики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 2. С. 172–191.
19. Рубцова Н. В., Чумакова Л. П. Некоторые особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в контексте цифровой экономики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 94–98.
20. Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.

References

1. Kail Ya. Ya. (ed.) *The practice of public management of socio-economic processes at the municipality level: efficiency and effectiveness*. Volgograd: Publishing House of Volga State University; 2017. 244 p. (In Russ.).
2. Lamzin R. M., Kail Ya. Ya. Innovative information technologies of state regulation of small business. *Grani poznaniya = Facets of knowledge*. 2016;(4):40–44. (In Russ.).
3. Kail Ya. Ya., Epinina V. S., Lamzin R. M. The main trends and problems of the development of GR management. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2017;(3):37–43. (In Russ.).
4. Ovchinnikova T. I., Bulgakova I. N. Combination of cluster innovation and personnel policy in the region (based on materials from the Voronezh region). *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and abroad*. 2018;(5):50–60. (In Russ.).
5. Sergeev P. V., Kolmykova T. S. On the necessary conditions for the growth of the economy of the regions. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2017;(5):46–51. (In Russ.).
6. Shmanev S. V. Digital economy in Russia: myths, reality, prospects (synergistic approach). *Vestnik OrelGIET = OrelGIET Bulletin*. 2019;(1):133–136. (In Russ.).
7. Kail Ya. Ya., Zudina E. V., Epinina V. S., Bakhracheva Y. S., Velikanov V. V. Effective HR management as the most important condition of successful business administration. *Contributions to Economics*. 2017. P. 23–30.
8. Kail Ya. Ya., Epinina V. S. Efficiency as the main criterion for assessing the effectiveness of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation. *Vlast' = The Authority*. 2013;(9):59–63. (In Russ.).
9. Markov V. A., Ershov V. Yu., Korzhenko V. Yu. Problems and promising approaches to the organization of municipal development in Russia. *Vlast' = The Authority*. 2016;(1):15–22. (In Russ.).
10. Plotnikov V. A. Digitalization and modernization of state policy in the field of employment regulation. *Ekonomika i upravlenie = Economics and management*. 2019;(11):87–94. (In Russ.).
11. Rozanov D. A. State regulation of the national economy as a logical result of the evolution of the market economy. *Tekhnologo-ekonomicheskoe obrazovanie = Technological and economic education*. 2019;(11):97–102. (In Russ.).
12. Solodukhina O. I., Parkhomchuk M. A. Development of a methodology for assessing the effectiveness of the formation and use of human capital. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences*. 2016;(136):30–33. (In Russ.).
13. Cherkashchenko T. A. GR Technologies in the Russian segment of the Internet. *Vestnik OGU = Bulletin of OGU*. 2015;(3):500–507. (In Russ.).
14. Kail Ya. Ya., Epinina V. S. Improvement of the public administration system and its impact on the state of socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the constituent entities of the Southern Federal District). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Right*. 2013;4(25):216–224. (In Russ.).
15. Golikova G. V., Lomanova Yu. M., Brazhnikov S. A. Comparative analysis of the assessment of the digital maturity of the company. *Finansovaya ekonomika = Financial economy*. 2019;(12):553–557. (In Russ.).
16. Kuchkovskaya N. V. Partnerships in the process of interaction between the state and business. *Forum. Seriya Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki = Forum. Humanities and economics*. 2016;(1):116–120. (In Russ.).
17. Barkatunov V. F., Larina O. G. Elements of digital technologies, legal innovations and the effectiveness of financial resources management in the procurement process for state and municipal needs. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya i pravo = Izvestia of Southwestern State University. History and law*. 2019;9(3):53–73. (In Russ.).
18. Bondarenko V. M. Structural modernization in the context of the formation of the digital economy. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2018;9(2):172–191. (In Russ.).
19. Rubtsova N. V., Chumakova L. P. Some features of the legal regulation of entrepreneurial activity in the context of the digital economy. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2018;(8):94–98. (In Russ.).
20. Talapina E. V. *State administration in the information society (legal aspect)*. Moscow: Jurisprudence; 2015. 192 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Я.Я. Кайль – докт. экон. наук, доц.;
 Р.М. Ламзин – канд. экон. наук;
 В.С. Епинина – канд. экон. наук.

Information about the authors

Ya. Ya. Kail – Doctor of Economics, Associate Professor;
 R. M. Lamzin – Candidate of Economic Sciences;
 V. S. Epinina – Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021; одобрена после рецензирования 12.08.2021; принята к публикации 15.08.2021.

The article was submitted 30.06.2021; approved after reviewing 12.08.2021; accepted for publication 15.08.2021.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЯМИ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Татьяна Васильевна Мартыненко¹, Юлия Андреевна Бондаренко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Васильевна Мартыненко, tatianamart@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, которые постоянно происходят в процессе управления акционерными обществами, в которых государство владеет пакетом акций. Авторы подробно останавливаются на проблемах корпоративного управления и тех мерах, которые направлены на повышение его качества, а также на тенденциях дальнейшего развития компаний с государственным участием. Особое внимание уделяется внедрению новых инструментов управления, связанных с использованием цифровых технологий, дивидендной политикой.

Ключевые слова: акционерные общества, тенденции, проблемы, приватизация, инновационное развитие, финансово-хозяйственная деятельность, дивидендная политика

Для цитирования: Мартыненко Т. В., Бондаренко Ю. А. Проблемные вопросы и современные тенденции в управлении компаниями с участием государства в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 35–40. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-35-40>.

Problems of Management

Original article

PROBLEMATIC ISSUES AND CURRENT TRENDS IN THE MANAGEMENT OF COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tatyana V. Martynenko¹, Yulia A. Bondarenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatyana V. Martynenko, tatianamart@list.ru

Abstract. The article examines the changes that constantly occur in the process of managing joint-stock companies in which the state owns a block of shares. The authors dwell in detail on the problems of corporate governance and those measures aimed at improving its quality, as well as on the trends in the further development of companies with state participation. Particular attention is paid to the introduction of new management tools related to the use of digital technologies, dividend policy.

Keywords: joint stock companies, trends, problems, privatization, innovative development, financial and economic activities, dividend policy

For citation: Martynenko T. V., Bondarenko Yu. A. Problematic issues and current trends in the management of companies with state participation in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):35-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-35-40>.

В ходе рыночной трансформации российской экономики произошли существенные изменения в корпоративном секторе и в отношениях акционерной собственности. За относительно короткий период времени сформировалась узкая группа высококапитализированных крупнейших корпораций, проведено первичное размещение акций отечественными компаниями, направленное на привлечение капитала как со стороны иностранных инвесторов, так и российских домохозяйств в рамках так называемых «народных» IPO, расширились масштабы государственного предпринимательства через участие в капитале акционерных компаний.

Однако развитие корпоративной собственности с государственным участием в Российской Федерации осуществлялось противоречиво и непоследовательно, возникли проблемы, связанные с экономическими санкциями, направленными против российских государственных компаний и кризисными явлениями в экономике. В этих условиях исследование проблем и выявление современных тенденций развития акционерной государственной собственности, соотношение классических

и нетрадиционных форм и инструментов управления в различных типах российских государственных акционерных обществ является актуальным в теоретическом и практическом аспектах.

Следует отметить, что методология управления государственными акционерными обществами начала формироваться после начала массовой приватизации. В основу политики управления в государственном секторе экономики России были заложены положения, разработанные в западной экономической науке: новый государственный менеджмент, неинституциональная теория, теория рационального выбора, управление по целям, функциональный и системный анализ [1].

Теоретические вопросы и тенденции развития АО с государственным участием были освещены нами в целом ряде работ [2–4].

Практические аспекты развития государственной акционерной собственности в российской экономике изучены довольно детально в работах Шаститко А., Шпренгера К., Радыгина К. [5–7].

Гражданский Кодекс РФ рассматривает акционерные общества как публичные и непубличные. Так как государство является неодушевленным субъектом в данных правоотношениях, то оно реализует свои интересы с помощью законных представителей в аппарате управления акционерного общества (в совете директоров АО участвуют государственные служащие, профессиональные поверенные, независимые директора).

В настоящее время Российская Федерация является собственником порядка 1,5 тыс. пакетов акций (участником 2,5 тысяч АО), что предполагает наличие оптимальной системы управления компаниями с государственным участием. Стоит отметить, что на современном этапе данная сфера характеризуется следующими направлениями:

- продолжается продажа акций, принадлежащих государству в соответствии с планом приватизации;
- вносятся государством пакеты акций в вертикально-интегрированные структуры;
- продолжается ликвидация юридических лиц, не занимающихся фактически финансово-хозяйственной деятельностью и т.д.

Рассмотрим более подробно современные тенденции в управлении АО с государственным участием.

1. Инновационная деятельность. Государственные АО сегодня активно развивают и модернизируют свое производство, чтобы продукция и услуги обладали большей конкурентоспособностью на национальном и международном рынках. Совершенствуются технологии производства, приобретаются патенты на различные технологии, обновляются средства производства и т.д. Крупные корпорации разрабатывают стратегии и программы инновационного развития на 10-15 лет вперед. Например, руководством Росатома в 2016 году разработана программа «Инновационного развития и технологической модернизации Госкорпорации «Росатом» на период до 2030 года¹», где выделены вызовы инновационного развития, проанализировано текущее состояние, намечены цели и задачи в области инноваций для всех АО, которые входят в состав данной корпорации (например, АО «АТЦ Росатом», Центр «Атомзащитаинформ», АО «АТЭК» и т.д.). Также стало достаточно популярным введение в совет директоров АО экспертов в сфере инноваций и цифровых технологий, создание совещательных органов по цифровой трансформации, кроме того, в сфере корпоративного управления АО активно применяются новые технологии (система электронного голосований, видеоконференции и др.).

2. Сокращение компаний с государственным участием. В настоящее время можно наблюдать существенное сокращение компаний с государственным участием. Так, согласно «Плану деятельности Министерства финансов РФ на 2020-2025 гг.²» за 5 лет число АО с государственным участием сократится на 35% с 1465 до 961. Такая динамика обусловлена в первую очередь продажей пакетов акций в соответствии с прогнозным планом приватизации. За 5 лет приватизируется порядка 268 АО³, другая часть АО будет реорганизована либо ликвидирована. За прогнозный период к 2025 г. планируется повысить доходность государственных компаний в 22 раза по сравнению с 2018 г.

¹ Программа Инновационного развития и технологической модернизации Госкорпорации «Росатом» на период до 2030 года.// [Электронный ресурс]. Официальный сайт Госкорпорации «Росатом».URL: <https://rosatom.ru/about/innovatsionnaya-deyatelnost/>.

² План деятельности Министерства финансов РФ на 2020-2025 гг.// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

³ Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2019 N 3260-р (ред. от 14.05.2021) «Об утверждении прогнозного плана приватизации федерального имущества и основных направлений приватизации федерального имущества на 2020 - 2022 годы» // [Электронный ресурс] Официальный портал Правительства РФ. URL: <http://government.ru/>

3. Отсутствие прозрачности в отчетности АО с государственным участием. Несмотря на то, что государство периодически делает попытки заставить госкомпании публиковать отчеты ежегодно, далеко не у всех компаний отражены результаты финансово-хозяйственной деятельности. Установлено, что ряд министерств и ведомств Российской Федерации (Министерство финансов, Министерство обороны и Управление делами Президента Российской Федерации) по итогам 2019 г. представили в Правительство Российской Федерации отчет об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ, но при предоставлении отчетов в Правительство РФ отражается в отчетах только результаты финансово-хозяйственной деятельности 10-ти АО, что составляет 0,7% от общего количества АО с государственным участием¹. Тогда получается, что остальные 99% компаний не поддаются анализу деятельности, оценке их экономической деятельности.

4. Отсутствие достоверной информации о количестве АО с государственным участием. На сайтах разных ведомств наблюдается различные данные в отношении количества АО с государственным участием. Сегодня существует единая система, которая сосредотачивает информацию о количестве государственного имущества, в том числе и АО с государственным участием это – ФГИАС «Единая система управления государственным имуществом», однако стоит отметить, что информация отличается от данных с сайтов Министерства финансов РФ, Ростстата и Федеральной налоговой службы РФ. Счетная палата РФ, например, в своем отчете приводит диаграмму, где отражены данные Росимущества и Росстата о количестве АО с государственным участием с 2016 по 2019 гг., отсюда видно, что данные различаются на 40-50 единиц (см. рис. 1).

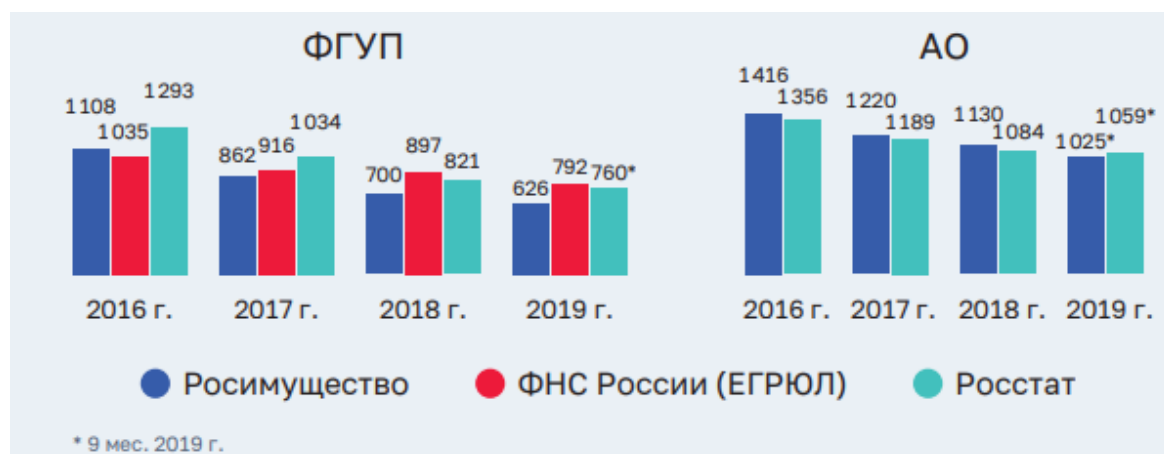

Рис. 1. Количество ФГУП и АО²

Fig. 1. Number of FSUE and JSC

Такая тенденция не представляет возможным точный подсчет госкомпаний, тем самым формируется размытость и непрозрачность в этой области, что затрудняет анализ доходности предприятий, их дивидендной политики и т.д.

¹ Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики формирования и реализации в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года дивидендной политики при осуществлении от имени Российской Федерации прав акционера (участника) хозяйственных обществ, акции (доли) в уставных (складочных) капиталах которых находятся в федеральной собственности, и полномочий собственника имущества федеральных государственных унитарных предприятий при определении направлений распределения прибыли, остающейся после уплаты налогов и иных обязательных платежей федеральных государственных унитарных предприятий» // [Электронный ресурс]. Официальный портал Счетной палаты РФ URL: <https://ach.gov.ru/>

² Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики формирования и реализации в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года дивидендной политики при осуществлении от имени Российской Федерации прав акционера (участника) хозяйственных обществ, акции (доли) в уставных (складочных) капиталах которых находятся в федеральной собственности, и полномочий собственника имущества федеральных государственных унитарных предприятий при определении направлений распределения прибыли, остающейся после уплаты налогов и иных обязательных платежей федеральных государственных унитарных предприятий» // [Электронный ресурс]. Официальный портал Счетной палаты РФ URL: <https://ach.gov.ru/>

5. Ведомственная принадлежность АО с государственным участием. Акционерные общества с государственным участием, как правило, закрепляются за каким-либо ведомством, чтобы облегчить процесс управления данной компанией. Однако на современном этапе отсутствуют критерии отнесения того или иного АО к конкретному ведомству, что затрудняет процесс управления, так как порой не учитывается отраслевая специфика предприятия при закреплении его за ведомством. Кроме того, по данным Счетной палаты РФ, существуют такие АО с государственным участием, которые не закреплены ни за одним ведомством, то есть по факту управление ими осуществляет Росимущество, но оно не отражает отчеты о деятельности таких компаний. Что касается юридического закрепления права собственности на госкомпанию, то порядка 90% предприятий принадлежат Росимуществу, а другие 10% – отраслевым органам и министерствам (Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство сельского хозяйства РФ и др.).

6. Рост прибыли от деятельности АО с государственным участием. В последнее время произошло существенное увеличение поступлений в федеральный бюджет доходов от деятельности АО с государственным участием, так за 2017–2019 гг. поступления в казну возросли на 75,7% или 1 трлн руб. (см. рис. 2). Тем не менее, представляется возможным проанализировать доход только тех компаний, которые отражают отчеты о своей финансово-хозяйственной деятельности, то есть большая часть поступлений приходится на 20 АО с государственным участием. В то время как более 500 АО вообще не перечисляли дивиденды в бюджет РФ.

Рис. 2 Поступления в федеральный бюджет¹

Fig. 2. Federal Budget Revenues

7. Несовершенство нормативно-правовой базы в аспекте управления АО с государственным участием. Согласно российскому законодательству Совет директоров несет ответственность перед АО за убытки, которые были причинены АО действием или бездействием его членов, а также в Постановлении Правительства РФ от 4 октября 1999 г. № 1116 «О порядке отчетности руководителей федеральных государственных унитарных предприятий и представителей интересов Российской Федерации в органах управления акционерных обществ» для представителей интересов государства в совете директоров за искажение отчетности АО предусмотрена ответственность. Все эти документы являются подзаконными актами, а в российском законодательстве отсутствуют нормы, которые бы устанавливали ответственность, в том числе административную. И, кроме того, до сих пор не урегулированы вопросы страхования ответственности членов управления АО. Помимо этого, остается открытым вопрос о форме и содержании договора с представителем интересов РФ в АО. Основные моменты государственного корпоративного управления освещены в порядка 30 методических документах, подготовленных различными ведомствами (Правительством РФ, Минэкономразвития РФ,

¹ Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики формирования и реализации в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года дивидендной политики при осуществлении от имени Российской Федерации прав акционера (участника) хозяйственных обществ, акции (доли) в уставных (складочных) капиталах которых находятся в федеральной собственности, и полномочий собственника имущества федеральных государственных унитарных предприятий при определении направлений распределения прибыли, остающейся после уплаты налогов и иных обязательных платежей федеральных государственных унитарных предприятий»// [Электронный ресурс]. Официальный портал Счетной палаты РФ URL: <https://ach.gov.ru/>

Росимуществом РФ др.), однако они носят лишь рекомендательный характер, а, следовательно, большое количество вопросов остается по-прежнему не урегулированными нормами права или не обязательными к исполнению.

8. Несовершенство дивидендной политики АО с государственным участием. На протяжении последних лет меняются подходы к определению норм выплат для государственных АО. В соответствии с распоряжением Правительства РФ №774-р от 29.05.2006¹ акционерные общества, в которых государство имеет долю, обязаны были направить не менее 25% от чистой прибыли на выплаты дивидендов.

В 2016 г. Правительством РФ принято было новое распоряжение² №705-р «О формировании позиции акционера – Российской Федерации в акционерных обществах, акции которых находятся в федеральной собственности», в котором норма выплат по дивидендам составляет – 50% от чистой прибыли, но здесь уже выбирается большая из двух величин (либо по МСФО, либо по РСБУ – российским стандартам бухгалтерской отчетности). Затем в 2017 – 2019 гг. принимается ряд решений, в которых допускается выплата по дивидендам в размере как меньшем, так и превышающем 50% ЧП АО (так, например, за 2019 год для АО «Российский сельскохозяйственный банк» выплаты по дивидендам составили 51,3% от ЧП, в то время как у ОАО «РЖД» – 37,7%), а также для компаний, которые направили прибыль на финансирование инвестиционных проектов предусматривается возможность и вовсе не платить дивиденды (например, АО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение», АО «Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз – Антей» и др.).

Отметим, что пробелы и недостатки правового регулирования дивидендной политики создают большую вариативность в определении размеров дивидендов, а затем федеральный бюджет недополучает положенные средства.

Рассмотрев основные тенденции, которые характерны для акционерных обществ с государственным участием на современном этапе развития, отметим, что акционерные общества сегодня активно развиваются, разрабатывают стратегии, осуществляют текущее планирование деятельности, занимаются инновационной деятельностью, но при этом существуют тенденции, которые затрудняют развитие АО, создают препятствия в управлении компаниями. Несовершенства нормативно-правового регулирования оказывают большое влияние на развития АО, так как по многим вопросам либо отсутствует правовое регулирование, либо же оно слишком вариативно и создает неясность и размытость при осуществлении управления АО (яркий пример вариативности НПА – разрыв выплат по дивидендам от 1,7% до 190% ЧП за 2017-2020 гг. крупными АО).

К позитивным тенденциям следует отнести рост чистой прибыли АО. Например, чистая прибыль 56-ти АО по итогам 2017 г. составила 15 103 млрд руб., а 37-ми АО по итогам 2018 года – 17 207 млрд руб. Такая динамика несомненно позитивно влияет на экономику РФ. Однако отчеты об управлении акциями, подготовленные Росимуществом и Министерством экономического развития РФ, содержат анализ финансово-экономической деятельности лишь 1% от всех АО с государственным участием, поэтому нельзя утверждать, что все АО также стабильны, как крупнейшие из них.

Подводя итог, стоит отметить, что в целом в РФ на данный момент сформирована значительная доля АО с государственным участием и при последовательном и грамотном управлении данными обществами государство будет иметь возможность контролировать ключевые отрасли российской экономики.

Список источников

1. Игнатова Т. В., Мартыненко Т. В. Управление муниципальной собственностью в аспекте теории конкурентоспособности территории // Гуманитарий Юга России. 2018. Том 7. № 2. С. 122–134.
2. Мартыненко Т. В. Новые тенденции в управлении акционерными обществами с государственным участием // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. №3. С. 45–52.
3. Мартыненко Т. В., Игнатова Т. В. Современные тенденции управления государственной собственностью // Среднерусский вестник общественных наук. Том 11. 2016. № 4. С. 184–193.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2006 N 774-р (ред. от 11.06.2021) «О формировании позиции акционера - Российской Федерации в акционерных обществах, акции которых находятся в федеральной собственности // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/89545/>

² Распоряжение Правительства РФ от 18.04.2016 N 705-р «О формировании позиции акционера - Российской Федерации в акционерных обществах, акции которых находятся в федеральной собственности // [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/bEbBjZjc64cByAT99IACmQXWHNL27ZG9.pdf>

4. Мартыненко Т. В. Тенденции развития публичного управления в современной России // Вестник экспертного совета. 2019. № 1 (16). С. 39–45.
5. Шаститко А. Независимый директор в компаниях с государственным участием: Кассандра или Ариадна? // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 111–124.
6. Шпренгер К. Корпоративное управление в России – вопрос первостепенной значимости // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 1 (13). С. 154–157.
7. Радыгин А. Россия в 2000-2004 годах: на пути к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 42–65.

References

1. Ignatova T. V., Martynenko T. V. Management of municipal property in the aspect of territory competitiveness theory. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*. 2018;7(2):122–134. (In Russ.).
2. Martynenko T. V. New trends in the management of joint-stock companies with state participation. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2011;(3):45–52. (In Russ.).
3. Martynenko T. V., Ignatova T. V. Modern trends in state property management. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2016;11(4):184–193. (In Russ.).
4. Martynenko T. V. Trends in the development of public administration in modern Russia. *Vestnik ekspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*. 2019;1(16):39–45. (In Russ.).
5. Shastitko A. Independent director in companies with state participation: Cassandra or Ariadne? *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2009;(6):111–124. (In Russ.).
6. Sprenger K. Corporate governance in Russia is a matter of paramount importance. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2012;1(13):154–157. (In Russ.).
7. Radygin A. Russia in 2000-2004: on the way to state capitalism? *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2004;(4):42–65. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Мартыненко – докт. экон. наук, проф. кафедры экономической теории и предпринимательства;
Ю. А. Бондаренко – магистрант.

Information about the authors

T. V. Martynenko – Doct. Econ. Sciences, Prof. of Department of Economic Theory and Entrepreneurship;
Yu. A. Bondarenko – Undergraduate.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2021; одобрена после рецензирования 27.08.2021; принята к публикации 30.08.2021.

The article was submitted 02.06.2021; approved after reviewing 27.08.2021; accepted for publication 30.08.2021.

КО-МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ БРЕНДОВ

Александра Михайловна Пономарева^{1,2}, Максим Александрович Пономарев³

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, alexandra22003@rambler.ru

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, maxuumaxuu@gmail.com

Аннотация. В статье представлено исследование ко-маркетинга как инструмента территориально-коммерческого брендинга. Бизнес-среда рассматривается как потребитель, целевая аудитория и драйвер территориального брендинга. Особенность авторского подхода состоит в том, что акцент сделан на изучение форм взаимодействия территориального и бизнес-брендинга. Представлены элементы территориально-коммерческого ко-маркетинга на различных этапах территориального брендинга.

Ключевые слова: маркетинг города, ко-маркетинг, маркетинг территории, брендинг города, продвижение бренда территории

Для цитирования: Пономарева А. М., Пономарев М. А. Ко-маркетинг территориальных и коммерческих брендов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 41–45. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-41-45>.

Problems of Management

Original article

CO-MARKETING OF TERRITORIAL AND COMMERCIAL BRANDS

Alexandra M. Ponomareva^{1,2}, Maxim A. Ponomarev³

¹Rostov state economic university (RINH), Rostov-on-Don, Russia, alexandra22003@rambler.ru

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

³South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, maxuumaxuu@gmail.com

Abstract. The article represents a study of co-marketing as a tool for territorial-commercial branding. The business environment is considered to be a consumer, target audience, and a driver for territorial branding. The peculiarity of the author's approach is that the emphasis is on the study of forms of interaction between territorial and business branding. The elements of territorial-commercial co-marketing at various stages of territorial branding are presented.

Keywords: city marketing, co-marketing, territorial marketing, city branding, territorial brand promotion

For citation: Ponomareva A. M., Ponomarev M. A. Co-marketing of territorial and commercial brands. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):41–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-41-45>.

При сегментировании целевых аудиторий территориального брендинга обычно выделяют следующие группы – туристы (внешние и внутренние), жители территории, иммигранты, инвесторы (внешние и внутренние), органы власти, а также бизнес (внешний и внутренний) [1]. Цель нашей статьи – представить результаты исследования взаимодействия институциональных и маркетинговых форм взаимодействия территориальных и бизнес-брендов. Актуальность темы определяется тем, что научные исследования территориального брендинга уделяют большее внимание вопросам туристического и инвестиционного территориального брендинга, а также территориального брендинга, потребителями и целевой аудиторией которого являются жители города. Бизнес-сообщество в качестве целевой группы воздействия территориального брендинга изучено в меньшей мере. Кроме того, следует отметить и практическую актуальность территориального и коммерческого ко-брендинга, обусловленную тем, что практика брендинга городов, территорий и стран, в основном, опирается на государственные и муниципальные организационно-финансовые

ресурсы. На наш взгляд, изучение и практическая актуализация форм взаимодействия всех участников процесса территориального брендинга – весьма актуальная задача. Взаимопроникновение, взаимодействие, сотрудничество бизнес-брендов и территориальных брендов – обязательное условие жизнеспособности последних. Наша гипотеза состоит в том, что бизнес является одновременно и целевой аудиторией территориального брендинга и его движущей силой и составляющей. Территориальный бренд должен создаваться, в том числе, с опорой на существующие коммерческие бренды, а также бренды народных промыслов. Территориальный бренд должен продвигаться на основе использования коммерческих брендов. Бизнес – важный стейкхолдер и актор территориального брендинга, способный обеспечить его идейные и организационно-финансовые основы.

Кроме того, коммерческие бренды могут выстраиваться на основе территориального бренда с опорой на его потенциал. Здесь важно создание специальных механизмов, которые бы позволяли коммерческим брендам использовать айдентику территориального бренда в своем брендинге, а также разработка специальной айдентики, объединяющей территориальный и коммерческие бренды. Формами взаимодействия территориальных и коммерческих брендов можно назвать территориальную маркировку коммерческих брендов, регистрацию коммерческих брендов в режиме наименования места происхождения товара (НМПТ), а также «географическое указание, указание происхождения товара, географическое обозначение, маркировка происхождения, географическая маркировка» [2].

Один из старейших брендов территориальной маркировки – «Сделано в Бретани» (Produit en Bretagne) – объединяет сейчас около 370 различных предприятий из разных секторов экономики (сельскохозяйственные, финансовые, культурные, туристические предприятия), которые создают кластер.

Рис. 1. Графическое представление французского территориально-коммерческого бренда «Сделано в Бретани» и пример его использования производителем коммерческой продукции

Fig. 1. Graphic representation of the French territorial and commercial brand "Made in Brittany" and an example of its use by a commercial product manufacturer

Для управления брендом создана Ассоциация, которой удалось достичь динамичного развития предприятий, входящих в кластер [2]. Интересно, что создание бренда «сделано в Бретани» использовалось как антикризисная мера в период экономического кризиса в Бретани. Частью ко-маркетинга является создание специальной программы, в рамках которой предприниматели получают право использовать подобного рода маркировку. В настоящее время в РФ на платформе Росстандарта (Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии) действует система добровольной сертификации¹ и зарегистрирован целый ряд территориальных «знаков качества»: «Сделано в России», «Сделано на Дону», «Сделано в Карелии», «Сделано в Санкт-Петербурге», «Сделано в Якутии», «Сделано на Алтае», «Краснодарское качество», «Стандарт качества Кубани» и многие другие.

Коммерческие предприятия, которые намерены использовать подобного рода территориальную идентификацию, должны пройти процедуру проверки, после чего владельцем знака разрешается использование данного территориального средства добровольной сертификации и идентификации для продвижения коммерческих брендов. Предприятия, выдающие подобные добровольные сертификаты, берут на себя функции экспертизы и контролирующие функции, а предприятие должно пройти ряд этапов, чтобы получить знак, например, этапы получения разрешения использовать маркировку «Сделано в России» включают подачу заявки, принятие решения, проверку репутации, проверку продукции, инспекционный контроль, мониторинг деятельности, нанесение знака, обобщение результатов².

После того, как проведены все процедуры, и предприятие получает знак «Сделано в России», его заносят в специальный реестр madeinrussia.com. Подобного рода маркировка направлена на то, чтобы обеспечить высокий уровень качества, надежность и безопасность российских товаров

¹ Реестр зарегистрированных систем добровольной сертификации. [Электронный ресурс] https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.rst.gov.ru%2Fportal%2Fgost%2Fhome%2Factivity%2Fcompliance%2FVoluntaryAcknowledgement%2Freestr&cc_key= (дата обращения 24.07.2021)

² Система добровольной сертификации «Сделано в России». [Электронный ресурс] https://www.exportcenter.ru/made_in_russia/certifications/ (дата обращения 24.07.2021)

и услуг, повысить узнаваемость и привлекательность российских коммерческих брендов на международных рынках и для внутренних потребителей. Частью процесса использования этой формы ко-маркетинга являются программы продвижения для брендов, которые используют подобного рода обозначения на своей продукции (конкурсы, фестивали, PR-взаимодействие со СМИ и т.д.).

Рис. 2. Примеры региональной территориальной маркировки для бизнеса
Fig. 2. Examples of regional territorial marking for business

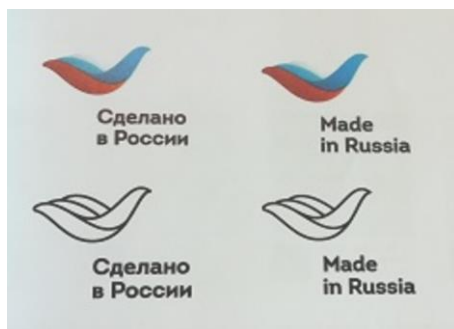

Рис. 3. Знак «Сделано в России»
Fig. 3. Sign "Made in Russia"

Таким образом, бизнес, используя территориальный бренд, улучшает имидж товаров и услуг, повышает узнаваемость своих брендов, увеличивает их стоимость и, вероятно, как следствие, увеличивает прибыль. Продуктивную форму стимулирования использования бизнес-брендами территориального ко-маркетинга находим в Ненецком автономном округе: предприниматели, использующие территориальную айдентикку в оформлении и продвижении своей продукции, получают гранты [3]. Инструментом формирования территориальной идентичности становится ресторан в Нарьян-Маре, в котором официанты в национальной одежде предлагают посетителям жареную оленину [3].

Интересно, что зачастую ко-маркетинг в Европе избавлен от бюрократических проволочек: у предпринимателей есть возможность скачать размещенные в открытом доступе изображения, которые состоят из двух частей: первая часть – это официальный территориальный логотип города, во второй части бизнес-бренд может разместить свой логотип, а получившийся комбинированный знак можно использовать по своему усмотрению в системе продвижения коммерческих продуктов и услуг. Данное решение помогает как сохранять идентичность территориального продукта, так и снизить затраты малого бизнеса на разработку визуальной айдентики и брендинг.

Еще одной формой ко-маркетинга является разработка и внедрение бизнесом знаков по наименованию места происхождения товара (НМПТ). В настоящее время подобного рода знаков в РФ регистрируется неоправданно мало – всего 60 НМПТ в год, в то время как товарных знаков регистрируется в год около 60 000 [2]. Чтобы изменить ситуацию и стимулировать коммерческие структуры создавать и использовать НМПТ, нужна разработка комплексной программы на федеральном уровне, включающей как изменение законодательства с целью создания более благоприятных юридических условий функционирования НМПТ, так и более активного формирования и продвижения брендов территории, которое бы позволило создать дополнительную ценность географической привязки коммерческих продуктов к месту их происхождения.

Кроме территориальной маркировки и НМПТ, следует развивать и в юридическом, и в экономико-организационном аспектах и другие режимы использования названий территории при продвижении коммерческих брендов – «географическое указание, указание происхождения товара, географическое обозначение, маркировку происхождения, географическую маркировку» [2].

Рис. 4. Гастрономический фестиваль как инструмент ко-маркетинга территориального и бизнес-брендов

Fig. 4. Gastronomic festival as a tool for co-marketing territorial and business brands

Важность последнего положения подчеркивает анализ конфликтных ситуаций, связанных с регистрацией, закреплением за одним производителем бренда традиционных народных промыслов, как это произошло, например, с оренбургским пуховым платком: предприятие, зарегистрировавшее НМПТ запрещает производить и продавать оренбургские платки рукодельницам, мотивируя это тем, что они не могут обеспечить должный уровень качества и могут нанести вред территориальному бренду. Нам кажется, что в данном случае закрепление бренда народных традиционных промыслов, который является важной исторической частью территориального бренда, за одним предприятием не является правильным решением.

Еще одной формой территориального и коммерческого ко-маркетинга является бизнес, зарабатывающий на производстве и продаже товаров с использованием айдентики территориального бренда. Например, предприятие, выпускающее сувенирную продукцию, может наносить территориальную айдентичку на свои товары – кружки, футболки, сумки, бейсболки и т.д. Подобного рода продукция предназначена, как правило, для туристов и выполняет важную функцию продвижения территориального бренда, а также приносит прибыль владельцам бизнеса.

Важность территориально-коммерческого ко-маркетинга обуславливает необходимость включения элементов, ориентированных на бизнес-среду на всех этапах брендинга. Разработаем элементы территориально-коммерческого ко-маркетинга и соотнесем их с этапами территориального брендинга [4, 5, 6, 7].

Таблица 1 – Элементы территориально-коммерческого ко-маркетинга на различных этапах территориального брендинга

Table 1 – Elements of territorial-commercial co-marketing at various stages of territorial branding

Этап территориального брендинга	Элементы территориально-коммерческого ко-маркетинга
Анализ ситуации и выявление проблем территории	Учет проблем внешнего и внутреннего бизнеса территории, изучение конкурентов, изучение потенциала бизнеса и народных промыслов.
Разработка целей территориального брендинга	Ориентация целей территориального брендинга, в том числе, на бизнес-среду как целевую аудиторию брендинга и как элемент территориального брендинга.
Разработка стратегии территориального брендинга	Использование бизнеса как точек роста территориального бренда, определение специализации, концепции и позиционирования территории с учетом специфики бизнеса. Разработка маркетинг-микс территории с учетом специфики бизнеса. Выбор форм ко-маркетинга территориально-коммерческого брендинга.
Разработка айдентики территориального брендинга	Учет возможности использования стратегических бизнес-единиц территории в айдентике территориального бренда, ориентация территориальной айдентики на целевую аудиторию «бизнес», адаптация территориальной айдентики к целям маркетинга бизнеса территории, разработка специальных элементов айдентики территориальной добровольной маркировки для бизнеса.
Проектирование долгосрочной программы продвижения территориального бренда в рамках брендинга территории.	Стимулирование бизнес-среды к использованию элементов территориальной айдентики, разработка программы ко-продвижения территориального и коммерческих брендов. Использование организационно-финансового потенциала бизнеса для поддержки программы территориально-коммерческого ко-маркетинга.
Оценка результатов территориального брендинга	Включение в систему оценки результатов территориального брендинга метрик, представляющих степень участия бизнеса в территориальном брендинге, а также метрик, показывающих влияние территориального маркетинга на бизнес-среду.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что учет интересов бизнес-сообщества, ориентация территориального брендинга на бизнес-среду, активизация организационно-финансового потенциала бизнеса в рамках территориального брендинга, различные формы территориально-коммерческого ко-маркетинга представляют собой важный потенциал улучшения качества территориального брендинга.

Список источников

1. Ponomareva A. M., Tkachenko A. A. (2020) Musical Mega-event as an Instrument of Area Branding in the Digitization Era. In: Popkova E., Sergi B. (eds) Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 87. Springer, Cham. - p. 125-132. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29586-8_14
2. Кабанова И. Е., Шугрина Е. С., Иванова К. А. Территориальные бренды и их развитие на местах // Местное право. 2018. № 6. С. 3–18.
3. Ледяева М. Волшебная пилюля // Российская газета – экономика Северо-Запада. 2021. № 106 (8457) [Электронный ресурс] <https://rg.ru/2021/05/18/reg-szfo/kak-v-regionah-severo-zapada-zanimaiutsia-territorialnym-breningom.html> (дата обращения 24.07.2021)
4. Казнина О. В. Механизм создания бренда на примере бренда территории [Электронный ресурс] <https://mgimo.ru/upload/iblock/fd6/mekhanizm-sozdaniya-brenda-na-primere-brenda-territorii.pdf> (дата обращения 24.07.2021)
5. Визгалов Д. В. Маркетинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. 110 с.
6. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
7. Пономарева А. М., Игнатова Т. В. Разработка матрицы инновационно-креативного развития города на основе индексного метода // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9. No 3. С. 37 – 47.

References

1. Ponomareva A. M., Tkachenko A. A. (2020) Musical Mega-event as an Instrument of Area Branding in the Digitization Era. In: Popkova E., Sergi B. (eds) Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 87. Springer, Cham. - p. 125-132. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29586-8_14
2. Kabanova I. E., Shugrina E. S., Ivanova K. A. Territorial brands and their development on the ground. *Mestnoe pravo = Local law*. 2018;(6):3–18. (In Russ.).
3. Ledyeva M. Magic pill. *Rossiiskaya gazeta – ekonomika Severo-Zapada = Russian newspaper - the economy of the North-West*. 2021;106(8457). Available from: <https://rg.ru/2021/05/18/reg-szfo/kak-v-regionah-severo-zapada-zanimaiutsia-territorialnym-breningom.html> [Accessed 24 July 2021]. (In Russ.).
4. Kaznina O. V. The mechanism for creating a brand using the example of a territory brand. Available from: <https://mgimo.ru/upload/iblock/fd6/mekhanizm-sozdaniya-brenda-na-primere-brenda-territorii.pdf> [Accessed 24 July 2021]. (In Russ.).
5. Vizgalov D. V. Marketing of the city. Moscow: Institute of Urban Economics Foundation; 2008. 110 p. (In Russ.).
6. Vizgalov D. V. Branding of the city. Moscow: Institute of Urban Economics Foundation; 2011. 160 p. (In Russ.).
7. Ponomareva A. M., Ignatova T. V. Development of the matrix of innovative and creative development of the city on the basis of the index method. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of economic regulation*. 2018;9(3):37–47. (In Russ.).

Информация об авторах

А. М. Пономарева – докт. экон. наук, проф.;

М. А. Пономарев – доктор экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Ponomareva – Doctor of Economic Science, Professor;

M. A. Ponomarev – Doctor of Economic Science, Docent.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2021; одобрена после рецензирования 08.08.2021; принята к публикации 12.08.2021.

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 08.08.2021; accepted for publication 12.08.2021.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Рафаэль Валиахметович Фаттахов¹, Ольга Владимировна Пивоварова²

^{1,2}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹rfattakhov@fa.ru

²olga_piv@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована роль организации системы муниципальной службы как одного из ключевых институциональных инструментов управления социально-экономическим развитием муниципальных образований. Выделены ключевые проблемы современной муниципальной службы: процессная ориентация системы стимулирования и действующей оценки эффективности муниципальных служащих, недостаточный уровень квалификации специалистов и отсутствие мотивации на достижение результата. Обоснованы и определены два взаимосвязанных аспекта обеспечения эффективной кадровой ресурсной составляющей процесса управления социально-экономическим развитием муниципальных образований: создание комплексной системы мотивации муниципальных служащих с применением мер материального, нематериального стимулирования и повышения уровня квалификации кадров на муниципальном уровне. Предложена и охарактеризована система мероприятий, направленных на практическую реализацию указанных направлений.

Ключевые слова: система муниципальной службы, управление социально-экономическим развитием муниципального образования, институциональный инструмент, система мотивации, материальное и нематериальное стимулирование, проектное управление, уровень квалификации кадров, цифровизация, эффективность

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Фаттахов Р. В., Пивоварова О. В. Совершенствование организации системы муниципальной службы как институциональный инструмент управления социально-экономическим развитием муниципальных образований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 46–51. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-46-51>.

Problems of Management

Original article

IMPROVING THE ORGANIZATION OF THE SYSTEM MUNICIPAL SERVICE AS AN INSTITUTIONAL TOOL FOR MANAGING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES

Rafael V. Fattakhov¹, Olga V. Pivovarova²

^{1,2}Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹rfattakhov@fa.ru

²olga_piv@mail.ru

Abstract. The article substantiates the role of the organization of the municipal service system as one of the key institutional tools for managing the socio-economic development of municipalities. The key problems of modern municipal service are highlighted: the process orientation of the incentive system and the current assessment of the effectiveness of municipal employees, the insufficient level of qualification of specialists and the lack of motivation to achieve results. Two interrelated aspects of ensuring an effective human resource component of the process of managing the socio-economic development of municipalities are substantiated and identified: creation of a comprehensive system of motivation for municipal employees using measures of material, non-material incentives and raising the level of qualifications of personnel at the municipal level. The system of measures aimed at the practical implementation of these areas is proposed and characterized.

Keywords: public municipal service system, management of socio-economic development of municipality, institutional tool, motivation system, material and non-material incentives, project management, personnel qualification level, digitalization, efficiency

Financial Support: the article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Fattakhov R. V., Pivovarova O. V. Improving the organization of the system municipal service as an institutional tool for managing the socio-economic development of municipalities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):46–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-46-51>.

Обеспечение эффективного управления социально-экономическим развитием муниципальных образований является ключевой задачей органов местного самоуправления, для обеспечения реализации которой применяется широкий спектр административно-правовых, экономических и институциональных инструментов [1, с. 209]. При этом особое значение имеют именно институциональные инструменты, так как именно они формируют основу для эффективного решения задач социально-экономического развития и применения других управленческих инструментов [2].

Одним из таких инструментов является организация системы муниципальной службы, которая непосредственно связана с обеспечением кадровой ресурсной составляющей процесса управления социально-экономическим развитием муниципального образования. Актуальность данного инструмента обусловлена также развитием проектного управления на муниципальном уровне, эффективная реализация которого требует соответствующих трансформаций муниципальной службы в контексте ориентации на результат [3, с. 14].

В настоящий момент существующая система муниципальной службы имеет ряд проблем, среди которых можно выделить в качестве ключевых нижеследующие.

1. Сложившаяся система денежного содержания ориентирована на осуществление постоянных выплат, зависящих от стажа, а не от результатов деятельности муниципальных служащих, что негативно сказывается на системе мотивации в целом [4, с. 161].

2. Ориентация системы стимулирования муниципальных служащих и действующих показателей оценки эффективности их деятельности на процесс, а не на результат. Более того, используемые показатели результативности для отдельных служащих не увязываются с показателями эффективности данного органа местного самоуправления и социально-экономического развития муниципального образования в целом, что не обеспечивает их достижения в полном объеме.

3. Зависимость действующей системы аттестации муниципальных служащих от выполнения формальных критериев и лояльности руководства, а не от итогов работы. Кроме того, результаты аттестации носят рекомендательный характер и непосредственно не влияют на повышение по служебной лестнице [5].

4. Отсутствие фиксированных мер санкционирования за недостижение установленных показателей результативности муниципальными служащими, что нивелирует ответственность за результаты труда [6, с. 258].

5. Независимость действующей системы стимулирования муниципальных служащих от уровня удовлетворения потребностей населения муниципального образования, в то время как основной целью муниципального управления в целом является повышения уровня и качества жизни населения территории [7].

6. Недостаточный уровень квалификации специалистов сферы муниципального управления, в том числе в области проектного управления [8, с. 61].

В целях обеспечения эффективной кадровой ресурсной составляющей процесса управления социально-экономическим развитием муниципальных образований решать указанные проблемы целесообразно в контексте двух взаимосвязанных аспектов: создания комплексной системы мотивации муниципальных служащих с применением мер материального, нематериального стимулирования и повышения уровня квалификации кадров на муниципальном уровне.

Формирование комплексной системы мотивации муниципальных служащих подразумевает необходимость совершенствования денежного содержания, а также организацию оценки эффективности деятельности служащих, которые посредством синергии должны способствовать становлению системы оплаты труда, ориентированной на результат. Решение данной задачи возможно в результате реализации следующих мероприятий.

1. Трансформировать структуру денежного содержания муниципальных служащих так, чтобы около 50% зависело от эффективности и результатов деятельности служащих. Определение размера надбавки за эффективность должно быть основано на системе оценки результативности деятельности муниципальных служащих с учетом требований проектного управления и ориентации на удовлетворение потребностей населения территории.

2. Разработать и внедрить систему ключевых показателей эффективности (далее – КПЭ) для муниципальных служащих, которая должна лечь в основу формирования системы денежных поощрений, что, с одной стороны, будет стимулировать их к повышению эффективности и качества

осуществляемой деятельности, а с другой – способствовать имплементации проектного управления и достижению стратегических задач социально-экономического развития муниципального образования, так как позволит увязать целевые показатели конкретного служащего с целевыми индикаторами стратегии территории [9, с. 488].

При этом необходимо отметить, что внедрение КПЭ в систему муниципального управления требует серьезного уровня подготовки как персонала, так и всей системы. Важно корректно определить критерии, по которым будет оцениваться эффективность деятельности, учитывая специфику отдельных органов местного самоуправления, а также согласовать проект оценки с местным сообществом, так как результаты муниципального управления оказывают непосредственное влияние на качество жизни населения территории. Более того, КПЭ является одним из способов увеличить контроль за деятельностью муниципальных служащих со стороны общественности [10].

Внедрение КПЭ должно осуществляться «сверху вниз» для обеспечения качественной декомпозиции показателей эффективности от руководителя к исполнителю. При этом особое значение КПЭ имеет для служащих нижнего и среднего звена, так как именно они в наибольшей степени ощущают недостаток денежных поощрений [11, с. 87].

3. Разделить органы местной администрации на две группы в соответствии с особенностями осуществляемой деятельности: связанные с разработкой и решением задач муниципального управления и не оказывающие услуги непосредственно жителям муниципалитета; связанные с оказанием соответствующих муниципальных услуг. Целесообразность такого разделения обусловлена значимостью общественных оценок и характером их влияния на деятельность муниципальных служащих. Так, общественная оценка для первой группы служащих должна осуществляться институтами непрямого общественного контроля, такими как общественные палаты, комиссии и советы, в то время как для второй группы следует в наибольшей степени ориентироваться на оценки жителей, которые являются непосредственными потребителями оказываемых муниципальных услуг, при этом учитывая мнение указанных общественных институтов, которые обладают соответствующим уровнем компетенций.

Кроме того, в системе оценки необходимо также учесть разделение на проектную и процессную деятельность муниципальных служащих для того, чтобы исключить дублирование функционала, а также отнесения текущей деятельности к проектному управлению, что зачастую имеет место во многих органах местного самоуправления [12, с. 168]. Практическая реализация указанного подхода позволит соотнести премиальную часть денежного содержания с достижением реальных результатов.

4. Совершенствовать структуру и содержание оценки эффективности деятельности муниципальных служащих с учетом представленного в третьем пункте деления на группы на основе КПЭ, которая должна содержать в себе следующие блоки:

1) оценку квалификации служащего, учитывающую уровень основного и дополнительного образования, в том числе регулярность прохождения курсов повышения квалификации;

2) оценку эффективности и результативности правового, организационного и документационного обеспечения исполнения управленческих и иных решений, которая складывается, с одной стороны, из анализа правового соответствия принимаемых решений, а с другой – из оценки количественных показателей, описывающих работу служащего с обращения, документами и т.п.;

3) оценку эффективности и результативности деятельности муниципального служащего, проводимую по показателям, которые отражают вклад отдельного служащего в итоговые результаты проектной и процессной деятельности;

4) общественную оценку, формируемую с учетом разделения муниципальных служащих на две указанные выше группы;

5) оценку профессиональных качеств, которая проводится непосредственным начальником и обсуждается с оцениваемым.

Более того, второй, третий и четвертый блок оценки должны быть разработаны и в отношении отдельных подразделений администрации муниципального образования и включать в себя обобщенные показатели, тем самым обеспечивая иерархическую взаимосвязь между уровнями оценки [13, с. 543]. Каждый муниципальный служащий должен четко понимать, какой вклад он вносит в достижение результатов своего отдела, подразделения и муниципального образования в целом.

5. Определить для организации и проведения комплексной оценки оптимальное количество показателей, позволяющее, с одной стороны, адекватно характеризовать предложенные оценочные блоки, а с другой – не будет дезориентировать служащих из-за излишней множественности. При этом данные показатели в обязательном порядке должны быть понятны и доступны для муниципальных служащих, а также любой сотрудник должен обладать правом ознакомиться с результатами итоговой оценки для того, чтобы определить свои слабые стороны.

6. Содействовать развитию механизма негативной ответственности на муниципальной службе. Целесообразно проработать и нормативно закрепить меры санкционирования в отношении муниципальных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение полномочий, а также

за невыполнение показателей результативности их деятельности. Сотрудник должен понимать, что в таком случае к нему будет применена неотвратимая мера наказания и это напрямую скажется на размере его денежного содержания.

Указанные мероприятия могут быть реализованы только при условии доработки действующей нормативно-правовой базы на муниципальном уровне и непосредственного увязывания предложенной системы оценки эффективности с системой аттестации муниципальных служащих.

Помимо представленных мер материального стимулирования муниципальных служащих представляется необходимым совершенствовать систему нематериального стимулирования с учетом особенностей проектного управления, так как только при таком подходе возможно обеспечить комплексный подход. В качестве основных направлений развития целесообразно определить следующие.

1. Использовать систему (ранговой) мотивации муниципальных служащих. Ранг муниципального служащего при реализации проектного управления на территории должен определяться опытом его участия в успешно завершённых проектах с учетом его роли в них и сложности [14, с. 37].

2. Связать возможности продвижения по карьерной лестнице с результатами деятельности муниципальных служащих, в том числе по итогам реализации сложных проектов, а также реализовывать иные мероприятия, способствующие развитию горизонтальных моделей профессионального роста.

3. Определить и нормативно закрепить необходимость получения дополнительного профессионального образования, стажировок, внеочередного повышения квалификации в качестве стимулов должностного роста для муниципальных служащих.

4. Проводить конкурсы для определения лучших практик организации проектной деятельности на муниципальном уровне, что позволит популяризировать проектную работу, а также осуществлять обмен опытом и поощрять лучшие проектные команды.

5. Применять разнообразные формы неденежного поощрения муниципальных служащих, такие как:

- бесплатное повышение квалификации;
- внеочередные выходные и отгулы;
- социальные льготы (бесплатный проезд на общественном транспорте, расширенное страхование, льготное ипотечное кредитование, предоставление муниципального жилья и т.п.).

Второй важной составляющей обеспечения эффективной кадровой ресурсной составляющей процесса управления социально-экономическим развитием муниципального образования является уровень развития компетенций муниципальных служащих, который в настоящий момент является недостаточным для применения современных управленческих механизмов и инструментов, в том числе в области проектного менеджмента.

В этой связи представляется целесообразным организовывать целенаправленное обучение муниципальных служащих основами проектной деятельности, а также другим современным управленческим и цифровым технологиям. Положительные результаты по обучению членов рабочих групп и проектных команд демонстрируют такие регионы как Красноярский край, Республики Крым и Татарстан, Самарская и Нижегородская области. При этом используется достаточной широкий спектр форм и методов организации обучения: от реализации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, до современных инструментов организации совместной обучающей деятельности в формате деловых игр¹.

В контексте развития цифровизации местного самоуправления, что соответствует цифровой парадигме государства в целом и направлено на повышение эффективности деятельности муниципальных служащих и всей системы управления, представляется целесообразным организовывать и проводить соответствующее целевое обучение муниципальных служащих в данной сфере. Однако, помимо недостатка компетенций в данной области требуется принятие системных решений, недостаточный уровень внимания к которым создает определенные сложности не только на муниципальной службе, но и в системе управления социально-экономическим развитием в целом. К ключевым направлениям совершенствования можно отнести следующие:

- обеспечение бесперебойной работы сети Интернет на территории всех муниципальных образований Российской Федерации;
- развитие технологий электронного документооборота в органах местного самоуправления, а также внедрение единых информационных систем управления проектами и автоматизация различных видов деятельности [15, с. 43];

¹ Доклад о лучших муниципальных практиках участия в реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей национальных проектов и результатов их реализации. Официальный сайт Минэкономразвития России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_vybralo_luchshie_praktiki_uchastiya_municipalitetov_v_realizacii_nacionalnyh_proektov.html (дата обращения: 10.06.2021)

- расширение межведомственного электронного взаимодействия на муниципальном уровне;
- формирование информационных ресурсов и обеспечение доступа к ним через интеграцию сетевой компьютерной среды (Интернета) [16, с. 179];
- совершенствование законодательства в области регулирования цифровых технологий на муниципальном уровне, в том числе в части закрепления места муниципальных образований, направлений их деятельности и зон ответственности в программах и проектах в контексте становления цифровой парадигмы [17, с. 143];
- организация и осуществление методической поддержки органам местного самоуправления для повышения эффективности работ по цифровизации.

Осуществление мероприятий по выполнению данных направлений в сфере цифровизации местного самоуправления позволит создать необходимые условия для улучшения уровня «цифровой» компетенции муниципальных служащих, и, как следствие, повышения эффективности их деятельности.

Практическая реализация предложенного комплексного подхода к совершенствованию организации системы муниципальной службы будет способствовать формированию качественно новых кадров с проектным мышлением, способных к решению нестандартных задач и ориентированных на результат, что позволит создать эффективную институциональную ресурсную основу для осуществления управления социально-экономическим развитием муниципальных образований.

Список источников

1. Хайруллов Д. С., Давыдова Л. А. Формы и методы муниципального управления социально-экономическим развитием территории муниципального образования // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 23. С. 207–213.
2. Новоселов А. С., Волянская Т. В., Фалеев А. В. Использование управленческих механизмов для формирования эффективной институциональной среды пространственного развития экономики региона // Государственный советник. 2019. № 3 (27). С. 66–71.
3. Астахов Ю. В., Турьянский В. А. Управление муниципальными проектами: опыт, проблемы, перспективы // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 9. С. 13–16.
4. Щукина Т. В., Брусенцева В. А. Российская государственная гражданская служба: проблемы модернизации системы материального стимулирования и мотивации в субъектах Российской Федерации: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. 223 с.
5. Шулубина С. А. Понятие и последствия аттестации муниципальных служащих // Юридическая наука. 2018. № 4. С. 96–104.
6. Пивоварова О. В. Публичная ответственность в сфере управления государственным имуществом: необходимость и условия формирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 255–260.
7. Грибко А. О. Сущность и особенности муниципального управления как вида управленческой деятельности // Достижения современной науки и образования. 2018. № 2. С. 175–179.
8. Строев П. В., Орлов С. Л., Чачуа Т. Г. Стратегическое управление развитием территории опережающего социально-экономического развития // Самоуправление. 2020. № 4 (121). С. 56–63.
9. Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В., Пивоварова О. В. Прогнозирование экономического развития муниципального образования // Самоуправление. 2020. № 4(121). С. 486–490.
10. Аляутдинов Н. Ф., Галкин А. И. КРП как инструмент оценивания эффективности деятельности органов государственного управления Российской Федерации // Креативная экономика. 2015. Том 9. № 9. С. 1103–1112.
11. Шебураков И. Б. Разработка и внедрение ключевых показателей эффективности на региональном уровне // Государственная служба. 2014. № 5 (91). С. 85–90.
12. Юрьева Т. В. Проектное управление: макроэкономический аспект // Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 8 (26). С. 168–171.
13. Макар С. В. Междисциплинарные подходы к стратегированию развития муниципального образования // Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс. Сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции. Под редакцией В.М. Бондаренко. 2020. С. 543–544.
14. Данакин Н. С., Глазкова Л. А., Сологуб О. А. Мотивационный фактор управления муниципальными проектами // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5 (73). С. 32–38.
15. Прокопова Л. И. Направления цифровой трансформации эффективной системы управления муниципальным образованием // Вестник науки и образования. 2020. № 7-2 (85). С. 42–44.
16. Черкасова М. А. Муниципальное управление в контексте цифровизации: концепция и опыт // Муниципальная академия. 2020. № 1. С. 177–181.
17. Салабутин А. В. Вопросы цифровизации муниципального управления: тенденции и проблемы // Наука без границ. 2020. № 5 (45). С. 139–144.

References

1. Khairullov D. S., Davydova L. A. Forms and methods of municipal management of the socio-economic development of the territory of the municipality. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Kazan Technological University*. 2012;15(23):207–213. (In Russ.)
2. Novoselov A. S., Volyanskaya T. V., Faleev A. V. Using management mechanisms to form an effective institutional environment for the spatial development of the region's economy. *Gosudarstvennyi sovetnik = State Adviser*. 2019;3(27):66–71. (In Russ.)
3. Astakhov Yu. V., Tur'yanskii V. A. Management of municipal projects: experience, problems, prospects. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2017;(9):13–16. (In Russ.)
4. Shchukina T. V., Brusentseva V. A. *Russian State Civil Service: problems of modernization of the system of material incentives and motivation in the constituent entities of the Russian Federation*. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book"; 2015. 223 p. (In Russ.)
5. Shulubina S. A. The concept, meaning and consequences of certification of municipal employees. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2018;(4):96–104. (In Russ.)
6. Pivovarova O. V. Public responsibility in the field of state property management: the need and conditions for formation. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2017;(1):255–260. (In Russ.)
7. Gribko A. O. Essence and features of municipal administration as a type of management activity. *Dostizheniya sovremennoi nauki i obrazovaniya = Achievements of modern science and education*. 2018;(2):175–179. (In Russ.)
8. Stroeve P. V., Orlov S. L., Chachua T. G. Strategic management of the development of the territory of advanced socio-economic development. *Samoupravlennie = Self-government*. 2020;4(121):56–63. (In Russ.)
9. Fattakhov R. V., Nizamutdinov M. M., Oreshnikov V. V., Pivovarova O. V. Forecasting the economic development of the municipality. *Samoupravlennie = Self-government*. 2020;4(121):486–490. (In Russ.)
10. Alyautdinov N. F., Galkin A. I. KPI as a tool for assessing the effectiveness of public administration bodies of the Russian Federation. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2015;9(9):1103–1112. (In Russ.)
11. Sheburakov I. B. Development and implementation of key performance indicators at the regional level. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2014;5 (91):85–90. (In Russ.)
12. Yur'eva T. V. Project management: macroeconomic aspect. *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and business: development paths*. 2013;8(26):168–171. (In Russ.)
13. Makar S. V. Interdisciplinary approaches to the strategy of the development of the municipality. In: *Vozможные sценарии budushchego Rossii i mira: mezhdistiplinarnyi diskurs. Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov XI Mezhdunarodnoi Kondrat'evskoi konferentsii. Pod redaktsiei V.M. Bondarenko* [Possible scenarios of the future of Russia and the world: interdisciplinary discourse. Collection of scientific works of participants of the XI International Kondratyev Conference. Edited by V.M. Bondarenko]. 2020;543–544. (In Russ.)
14. Danakin N. S., Glazkova L. A., Sologub O. A. Motivational factor of municipal project management. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2020;5(73):32–38. (In Russ.)
15. Prokopova L. I. Directions of digital transformation of an effective municipal management system. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*. 2020;7-2(85):42–44. (In Russ.)
16. Cherkasova M. A. Municipal administration in the context of digitalization: concept and experience. *Munitsipal'naya akademiya = Municipal Academy*. 2020;(1):177–181. (In Russ.)
17. Salabutina A. V. Issues of digitalization of municipal administration: trends and problems. *Nauka bez granits = Science without borders*. 2020;5(45):139–144. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. В. Фаттахов – докт. экон. наук, проф., науч. рук. Института региональной экономики и межбюджетных отношений, проф. департамента общественных финансов финансового факультета;
О. В. Пивоварова – зам. директора Института региональной экономики и межбюджетных отношений.

Information about the authors

R. V. Fattakhov – Doctor of Economic Sciences, Professor, Research Supervisor, Institute of Regional Economy and Interbudgetary Relations, Prof., Public Finance Department of Faculty of Finance;
O. V. Pivovarova – Associate Director, Institute of Regional Economy and Interbudgetary Relations.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2021; одобрена после рецензирования 08.07.2021; принята к публикации 14.07.2021.

The article was submitted 17.06.2021; approved after reviewing 08.07.2021; accepted for publication 14.07.2021.

**ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ СИСТЕМАМИ
В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА
(НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)**

Наталья Михайловна Фоменко¹, Ринальд Дамирович Хамидуллин²

^{1,2}Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

¹fnata77@mail.ru

²rinald.khamidullin@lukoil.com

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы применения цифровых технологий управления производственными системами нефтегазодобывающих организаций на основе удаленного доступа. Отмечено, что применение цифровых технологий управления позволяет работать с большими данными и повысить эффективность принятия управленческих решений. Авторами предложены методические положения цифровой трансформации нефтегазодобывающей организации на основе применения удаленного доступа, реализация которых обеспечивает необходимые и достаточные условия для начала трансформации организационной структуры.

Ключевые слова: менеджмент организации, цифровые технологии управления, удаленное управление, производственные системы

Для цитирования: Фоменко Н. М., Хамидуллин Р. Д. Применение цифровых технологий управления производственными системами в условиях удаленного доступа (на примере нефтегазодобывающих организаций) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 52–57. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-52-57>.

Problems of Management

Original article

**APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES FOR CONTROL OF PRODUCTION SYSTEMS
IN REMOTE ACCESS (USING EXAMPLE OF OIL AND GAS PRODUCERS)**

Natalia M. Fomenko¹, Rinald D. Khamidullin²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹fnata77@mail.ru

²rinald.khamidullin@lukoil.com

Abstract. The article considers the use of digital technologies for managing production systems of oil and gas producing organizations on the basis of remote access. It is noted that the use of digital management technologies allows you to work with big data and increase the efficiency of management decisions. The authors proposed the methodological provisions of the digital transformation of the oil and gas production organization based on the use of remote access, the implementation of which provides the necessary and sufficient conditions for the beginning of the transformation of the organizational structure.

Keywords: organization management, digital management technologies, remote management, production systems

For citation: Fomenko N. M., Khamidullin R. D. Application of digital technologies for control of production systems in remote access (using example of oil and gas producers). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):52–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-52-57>.

В современных условиях при управлении производственными системами особую актуальность получило применение цифровых технологий. Так, в период, «Промышленной революции 4.0» стремительный рост своего развития имеют облачные технологии, массовые новые типы сенсоров и исполнительных механизмов, принятие решений на основе обработки и систематизации «больших данных» в реальном времени, вертикальная и горизонтальная интеграция, беспроводные и сенсорные сети, модели производства и бизнеса, прогнозирование на базе предиктивного анализа и ситуационного моделирования, машинное обучение, кибербезопасность и некоторые другие направления [1]. Не обошли стороной данные инновации и нефтегазовую отрасль. Особая роль по

внедрению цифровых технологий управления отводится принятию решений на основании исследований в области потенциала добычи ресурсов, обеспечения производственной безопасности, а также повышения эффективности использования месторождений. Однако, несмотря на столь фундаментальные сдвиги, многие цифровые инициативы в нефтегазовом секторе на сегодняшний день выглядят консервативными и слабо влияют на существующие операционные модели управления и ведения бизнеса.

При общем ухудшении структуры запасов углеводородов и горно-технологических условий добычи нефти, «падающей» добыче на разработанных активах при отсутствии новых крупных легкодоступных месторождений, а также изменении мировых трендов, обострение конкуренции в нефтегазовой отрасли, на первый план выходят задачи качественного повышения эффективности реализации бизнес-процессов путем кардинальной смены экстенсивной модели управления на новую, опирающуюся на передовые интенсивные методы повышения эффективности [2, 3].

Вопросами применения цифровых технологий управления уделено большое внимание в трудах отечественных и зарубежных авторов. Начало массового потока публикаций в области нефтедобычи приурочено к первому десятилетию 21 века, что связано, прежде всего, с масштабным ростом возможностей информационных технологий (ИТ) и их применении в нефтяных компаниях. Тем не менее идеи создания интегрированной модели управления разработкой месторождений и нефтегазодобычей, включающей геологическую модель, работу внутрискважинного оборудования и модель наземной инфраструктуры высказывались уже в конце 70-х годов 20 столетия [4]. Зарубежные публикации по этим вопросам затрагивают разнообразные аспекты, связанные с процессом цифровизации системы управления разработкой и нефтегазодобычей, включая применение цифровых технологий управления при удаленном управлении производственными системами, моделировании разработки нефтяных скважин, внедрение аналитических систем контроля производственного оборудования и мониторинга работы наземной инфраструктуры с помощью телеметрии. Среди основных работ в этой области можно выделить обзор проектов создания цифровых месторождений в различных компаниях: Nikolaou, M. [5], Van den Berg, F.G., [6], Cramer, R. [7], Mabian A. [8], Saputelli, L. [7], Larsen, L.[9] др.

В России проекты создания цифровых месторождений находятся на этапе зарождения, нефтяные компании внедряют лишь элементы цифровых технологий управления, делают это фрагментарно и действуют разрозненно. Большинство публикаций и научных работ посвящены разработке систем телеметрии, программно-аналитических комплексов сбора и обработки промысловых данных или некоторой трансформации организационной модели управления промыслами на базе ИТ. Среди отечественных ученых, уделяющих особое внимание процессам цифровизации нефтегазодобычи можно выделить: Ю.П. Ампилов [10], А.Н. Дмитриевский [11], Н.А. Ерёмин [12], К.Н. Миловидов [13], Я.В. Крюков [14], В.Г. Мартынов [3], С.А. Сарданашвили и др.

Из проведенного в рамках исследования анализа было выявлено, что на текущий момент времени не существует общепринятого определения цифрового или «умного» месторождения и, поэтому в рамках данного исследования под цифровизацией нефтегазодобычи будет пониматься автоматизированное управление производственными системами добычи нефти и газа, предусматривающее непрерывную оптимизацию интегральной модели удаленного управления месторождением и модели удаленного управления добычей, требующих специализированных подходов, методов, технологий и инструментов. Причем под цифровыми технологиями управления в данном случае подразумевается полный спектр направлений в области применения ИТ, контрольно-измерительных приборов, средств автоматизации и телекоммуникаций, используемый для принятия оптимальных управленческих решений. Поэтому, разработка научных методов изучения комплекса описанных ранее проблем, решаемых при цифровой трансформации процессов управления разработки и добычи нефтяных месторождений являются одной из проблем современности, требующей скорейшего исследования и поиска оптимальных путей её решения.

Ориентация на повышение эффективности управления производственными системами нефтегазодобывающих организаций выводит на первый план необходимость организации удаленного доступа управления производственными системами организаций нефтегазодобычи. Все это требует от менеджмента применения новых управленческих подходов, направленных на применение цифровых технологий управления. Системные процессы, происходящие в таких системах в современных условиях, позволяют активизировать взаимодействие внутри подразделений. В таких условиях происходит переход от традиционных принципов организации управления производственными системами к новым, основанным на применении цифровизации процессов удаленного доступа к производственным системам. При этом между традиционной организационной моделью управления и новыми возможностями управления на основе удаленного доступа, которые дают

современных цифровые технологии, образовался очевидный разрыв. Изменить сложившуюся ситуацию может принципиальное изменение организационной модели управления исследуемыми системами и полной автоматизации процессов добычи и подготовки нефти и газа, автоматизации и комплексной интеграции поддерживающих бизнес-процессы на новом качественном уровне управления распределенным производством из удаленного центра. Все это позволит перейти к оптимальной и эффективной системе управления разведкой и разработкой месторождений. В этой связи закономерен вопрос относительно цифровой трансформации организационной структуры нефтегазодобывающих организаций и изменению бизнес-модели управления исследуемыми системами, началом которого должны явиться мероприятия по организации удаленного доступа к ним.

В рамках данного исследования авторами разработаны **методические положения цифровой трансформации нефтегазодобывающей организации на основе применения удалённого доступа**, основанные на последовательном осуществлении пяти этапов: подготовительного, целевого, планового, организационного и реализационного. На рис. 1 представлена последовательность и содержание действий менеджмента в контексте названных этапов, реализация которых обеспечивает необходимые и достаточные условия для начала трансформации организационной структуры. Следует отметить, что при реорганизации системы управления изменениям подвергается не только сама структура центрального аппарата управления, но и вся система внутренних отношений между подразделениями организации. В процессе цифровой трансформации нефтедобычи должны контролироваться изменения в технологиях, бизнес-процессах, требованиях к квалификации персонала, оптимизации организационной структуры добывающего предприятия и др. Остановимся подробнее на основных этапах цифровой трансформации нефтегазодобывающих организаций.

Подготовительный этап связан с изучением менеджментом нефтегазодобывающей организации сильных и слабых сторон самой организации, ее структурных подразделений, возможностей и угроз внешней среды, особенностей системы нефтедобычи на конкретной территории. С учетом специфики предметной области деятельности нефтегазодобывающей организации на данном этапе важным вопросом является оценка ее организационной схемы управления. Отдельно идентифицируется уровень цифровизации деятельности каждого из подразделений. Результатом этапа должна быть трансформация организационной структуры управления нефтедобывающей организации с учетом особенностей нефтегазодобычи в рамках конкретных территорий.

На целевой этапе формируется целевая ориентация удаленного доступа к производственным системам, определяется круг решаемых в его рамках данной трансформации задач и условия их решения, определяется новая организационная структура, включающая наличие Центров удалённого централизованного управления производственными процессами, устанавливаются требования к информационному наполнению цифровой платформы с учетом информационного обеспечения конкретной организации и наличия в базе уже имеющейся оцифрованной информации, определяется функциональная модель взаимосвязи между подразделениями организации, ориентированная на обеспечение эффективного их взаимодействия на основе «цепочки создания ценности». Результатом данного этапа является наличие проекта цифровой трансформации процессов управления производственными системами на основе удаленного доступа.

Плановый этап содержит разработку плана мероприятий по цифровой трансформации управления на основе удаленного доступа. Проектируется цифровая платформа, в которой должны быть учтены исходные позиции по охвату цифровизацией производственных систем и подразделений организации, а также параметры функционирования их информационного взаимодействия при осуществлении процессов управления на основе удаленного доступа. Результатом этапа является план мероприятий, включающий и блок мероприятий по созданию цифровой платформы, поддерживаемый проектами регламентирующих документов, а также Центров удалённого централизованного управления производственными процессами.

Организационный этап состоит в разработке организационно-распорядительной документации в нефтегазодобывающей организации, осуществлении ее синхронизации в рамках структурных подразделений. В документации конкретизируются виды и периодичность взаимодействий, формы предоставления информации, порядок ее формирования и сроки ее предоставления. Важно уже на этом этапе исключить риски сбоев структурного взаимодействия между подразделениями и Центрами удалённого централизованного управления производственными процессами после внедрения удаленного доступа. На данном этапе важно обеспечить осуществление требуемого объема тестирования информационного взаимодействия между подразделением и Центрами удалённого централизованного управления производственными процессами. Результатом этапа является комплект организационно-распорядительной документации у каждого подразделения нефтедобывающей организации.

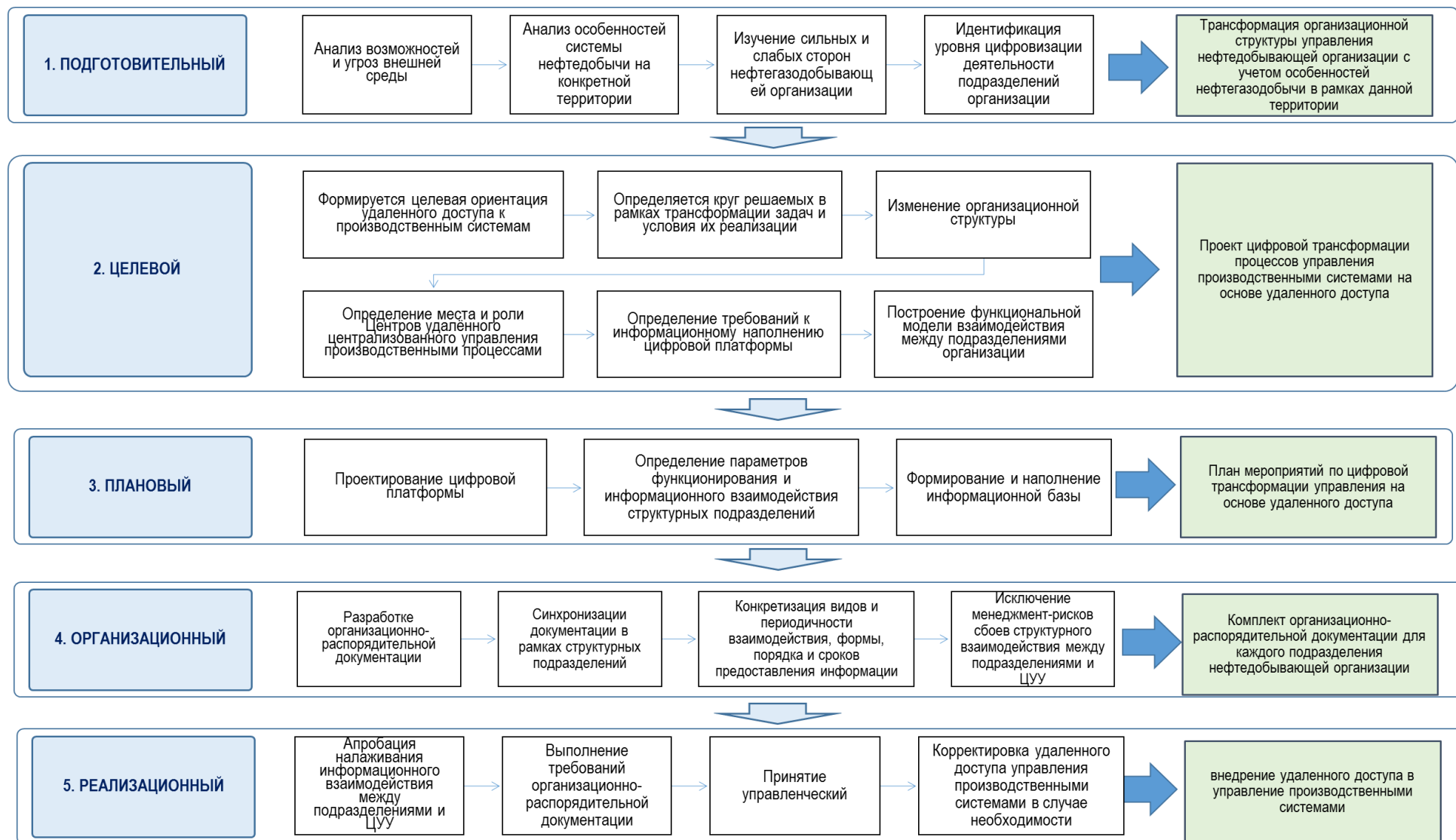

Рис. 1. Этапы формирования удаленного доступа управления производственными системами

Fig. 1. Production System Management Remote Access Generation Steps

Реализационный этап связан с непосредственным внедрением удаленного доступа в управление производственными системами. Вначале, в течение определенного периода времени (по оценкам авторов, от трех месяцев до полугода в зависимости от конкретных условий деятельности) происходит апробация как в части налаживания информационного взаимодействия, так и в части управления производственными системами на основе удаленного доступа, а также генерации и реализации управленческих решений в рамках Центров удалённого централизованного управления производственными процессами. В ходе апробации контролируется степень выполнения требований организационно-распорядительной документации, при необходимости вносятся в нее коррективы. Формирование единой цифровой платформы требует в силу значительных объемов информации и разностороннего программного обеспечения проведения апробации с максимальным вниманием к информационному обеспечению взаимодействия, поэтому данный вопрос может и должен рассматриваться на реализационном этапе в отдельном порядке.

Таким образом, применение цифровых технологий управлений при трансформации нефтегазодобывающей организации на основе применения удалённого доступа должны обеспечить контроль производственных систем и повысить уровень принимаемых управленческих решений за счет постоянно протекающих в удаленном формате процессов планирования, прогнозирования, мониторинга, учета и анализа всех аспектов деятельности нефтегазодобывающей организации, а также за счет возможности постоянного отслеживания общих результатов текущей работы как на уровне всей организации, так и на уровне ее отдельных структурных подразделений. Обеспечение с помощью цифровых технологий управления прозрачности и полноты управления производственными системами позволяет высшему уровню менеджмента изменять в зависимости от сложившейся ситуации подход к управлению, применения при этом стратегию «руководящих консультантов», давая возможность проявления инициатив работников среднего и низового звена, при этом гибко контролируя производственные процессы по всем возникающим отклонениям и сохраняя все рычаги управления стратегией развития организации.

Список источников

1. Хамидуллин Р. Д. Удаленное управление процессами нефтегазодобычи на основе цифровой трансформации // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2017. № 8. С. 25–30.
2. Бубликова Е. И. Развитие многоуровневого механизма управления интегрированными нефтегазовыми компаниями. Дис. на соискание учёной степени кандидата экономических наук. Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, 2016.
3. Мартынов В. Г. Политика занятости в современных условиях структурного реформирования экономики на примере нефтегазового комплекса России. Дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2003.
4. Startzman, R. A., Brummet, W. M., Ranney, J., Emanuel, A. S., and Toronyi, R. M. 1977. Computer Combines Offshore Facilities and Reservoir Forecasts. *Petroleum Engineer* (May 1977). с 65-74.
5. Saputelli L. A., Bravo C., Moricca G., Cramer R., Nikolaou M., Lopez C., Mochizuki S. Best Practices and Lessons Learned After 10 Years of Digital Oilfield (DOF) Implementations. SPE Paper 167269, Presented at the SPE Kuwait Oil and Gas Show and Conference, 8-10 October 2013. - Kuwait City, Kuwait, с.1.
6. Frans, G. van den B. Remote Monitoring and Production Optimisation in Shell (Russian) / G. van den B. Frans [et al.] // Society of Petroleum Engineers – 2010. URL: <https://www.onepetro.org/conference-paper/SPE-136384-RU> (Дата обращения 15.07.2019).
7. Saputelli L. A., Bravo C., Moricca G., Cramer R., Nikolaou M., Lopez C., Mochizuki S. Best Practices and Lessons Learned After 10 Years of Digital Oilfield (DOF) Implementations. SPE Paper 167269, Presented at the SPE Kuwait Oil and Gas Show and Conference, 8-10 October 2013. - Kuwait City, Kuwait, с.1/
8. Cramer, R. Less Footprints in the Snow for Salym Field in Western Siberia / R. Cramer, A. F. Mabian, R. Tulalian // Society of Petroleum Engineers – 2010. URL: <https://www.onepetro.org/conference-paper/SPE-133236-MS> (Дата обращения 17.07.2020).
9. Larsen, Eldar and Hocking, Paul. (2012, September). The Next Generation. *Oilfield Technology*. P. 45-48.
10. Ампилов Ю. П., Герт А. А. Экономическая геология. М.: ГеоИнформМарк, 2006. 400 с.
11. Дмитриевский А. Н., Еремин Н. А. Инновационные технологии освоения нефтяных месторождений в режиме реального времени // Актуальные проблемы нефти и газа. Выпуск 1(7). 2013.
12. Еремин Н. А., Дмитриевский А. Н., Тихомиров Л. И. Настоящее и будущее интеллектуальных месторождений // Нефть, газ, новации. 2015. № 12. С. 44–48.
13. Миловидов К. Н., Калашникова Т. В. Организация и управление сервисным сектором в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений (мировая практика): Учеб. пособие. М.: Нефть и газ, 2005. 139 с.
14. Сучок А., Шалинов А., Крюков М. Life-field – пилотный проект компании Лукойл по созданию интеллектуального месторождения // Нефтегазовая вертикаль. 2016. № 6 (379). С. 110-115.

References

1. Hamidullin R. D. Remote control of oil and gas production processes based on digital transformation. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom = Problems of economics and management of the oil and gas complex*. 2017;(8):25–30. (In Russ.)
2. Bublis E. I. *Development of a multi-level management mechanism for integrated oil and gas companies*. Thesis for the degree of candidate of economic sciences. Southern Federal University, Rostov-on-Don; 2016. (In Russ.)
3. Martynov V. G. *Employment policy in the modern conditions of structural reform of the economy on the example of the oil and gas complex of Russia*. Thesis for the degree of Doctor of Economics. Moscow; 2003. (In Russ.)
4. Startzman, R. A., Brummet, W. M., Ranney, J., Emanuel, A. S., and Toronyi, R. M. 1977. Computer Combines Offshore Facilities and Reservoir Forecasts. *Petroleum Engineer* (May 1977):65–74.
5. Saputelli L. A., Bravo C., Moricca G., Cramer R., Nikolaou M., Lopez C., Mochizuki S. Best Practices and Lessons Learned After 10 Years of Digital Oilfield (DOF) Implementations. SPE Paper 167269, Presented at the SPE Kuwait Oil and Gas Show and Conference, 8-10 October 2013. - Kuwait City, Kuwait, p. 1.
6. Frans, G. van den B. Remote Monitoring and Production Optimisation in Shell (Russian) / G. van den B. Frans [et al.] // Society of Petroleum Engineers – 2010. URL: <https://www.onepetro.org/conference-paper/SPE-136384-RU> [Accessed 15 July 2019].
7. Saputelli L. A., Bravo C., Moricca G., Cramer R., Nikolaou M., Lopez C., Mochizuki S. Best Practices and Lessons Learned After 10 Years of Digital Oilfield (DOF) Implementations. SPE Paper 167269, Presented at the SPE Kuwait Oil and Gas Show and Conference, 8-10 October 2013. - Kuwait City, Kuwait, p. 1.
8. Cramer, R. Less Footprints in the Snow for Salym Field in Western Siberia / R. Cramer, A. F. Mabian, R. Tulalian // Society of Petroleum Engineers – 2010. URL: <https://www.onepetro.org/conference-paper/SPE-133236-MS> [Accessed 17 July 2020].
9. Larsen, Eldar and Hocking, Paul. (2012, September). The Next Generation. *Oilfield Technology*. P. 45-48.
10. Ampilov Yu. P., Gert A. A. *Economic geology*. Moscow: GeoInform Mark; 2006. 400 p. (In Russ.)
11. Dmitrievsky A. N., Eremin N. A. Innovative technologies for the development of oil fields in real time. *Aktual'nye problemy nefti i gaza = Current problems of oil and gas*. 2013;1(7). (In Russ.)
12. Eremin N. A., Dmitrievsky A. N., Tikhomirov L. I. Present and future of intellectual fields. *Neft', gaz, novatsii = Oil, gas, innovations*. 2015;(12):44–48. (In Russ.)
13. Milovidov K. N., Kalashnikova T. V. *Organization and management of the service sector in the development of oil and gas fields (world practice)*. Moscow: Oil and gas; 2005. 139 p. (In Russ.)
14. Suchok A., Shalinov A., Kryukov M. Life-field – pilot project of Lukoil to create an intellectual field. *Neftegazovaya vertikal' = Oil and gas vertical*. 2016;6(379):110–115. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. М. Фоменко – докт. экон. наук, проф. кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий;
Р. Д. Хамидуллин – кафедра теории менеджмента и бизнес-технологий.

Information about the authors

N. M. Fomenko – Doctor of Economics, Professor, Department of Management Theory and Business Technologies;
R. D. Khamidullin – Department of Management Theory and Business Technologies.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2021; одобрена после рецензирования 08.08.2021; принята к публикации 12.08.2021.

The article was submitted 19.07.2021; approved after reviewing 08.08.2021; accepted for publication 12.08.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 58–63
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3):58–63

Рубрика номера: Экономика труда и демография

Научная статья

УДК 331.5.024.5

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-58-63

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА

Марина Георгиевна Васькина¹, Елена Александровна Стрельченко²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹mvaskina@sfedu.ru

²estrelchenko@sfedu.ru

Аннотация. Фундаментальные изменения рынка труда приводят к коренной трансформации трудовых отношений. В статье рассмотрен рынок труда в контексте изменения ключевых социально-экономических показателей. Кроме того, отмечены современные тенденции и выявлены социально-экономические эффекты цифровизации хозяйства и рынка труда, в частности. Авторами предложены направления адаптации рынка труда к современным цифровым реалиям.

Ключевые слова: рынок труда, социально-экономические показатели, доходы, цифровизация, государственное регулирование.

Для цитирования: Васькина М. Г., Стрельченко Е. А. Цифровизация как фактор динамики российского рынка труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 58–63. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-58-63>.

Special Topic of Issue: Labour Economy and Demography

Original article

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF DYNAMICS OF RUSSIAN LABOR MARKET

Marina G. Vaskina¹, Elena A. Strelchenko²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹mvaskina@sfedu.ru

²estrelchenko@sfedu.ru

Abstract. Fundamental changes in the labor market lead to a radical transformation of labor relations. The article considers the labor market in the context of changes in key socio-economic indicators. In addition, modern trends are noted and the socio-economic effects of digitalization of the economy and the labor market, in particular, are identified. The authors propose the directions of adaptation of the labor market to modern digital realities.

Keywords: labor market, socio-economic indicators, income, digitalization, state regulation.

For citation: Vaskina M. G., Strelchenko E. A. Digitalization as a factor of dynamics of Russian labor market. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):58–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-58-63>.

Развитие социально-трудовых отношений в современных условиях ускорения и волатильности экономической конъюнктуры происходит под влиянием «перехода к рыночной экономике, структурных преобразований промышленного сектора экономики в контексте перехода к шестому технологическому укладу, актуализации экономики, основанной на знаниях [1, с. 65]. Важным фактором трансформации социально-трудовых отношений является цифровизация, которая «предполагает формирование иной интеллектуальной основы для всей человеческой деятельности» [2, с. 92].

Для того, чтобы выявить институциональные особенности социально-трудовых отношений, необходимо исследовать динамические показатели рынка труда в контексте современных тенденций. Однако, ввиду отсутствия единого комплексного показателя, характеризующего развитие социально-трудовых отношений, целесообразно рассмотреть статистические показатели, определяющие степень развития социально-трудовых отношений в России – социально-демографические характеристики, показатели уровня занятости и безработицы, структуру доходов населения, заработную плату, показатели дифференциации доходов и уровня бедности [3, с. 62].

Современные тенденции цифровизации экономики оказывают существенное влияние и на рынок труда, что отражается на структуре и динамике занятости. Важная роль в адаптации рынка труда к новым цифровым реалиям принадлежит государству по следующим направлениям:

1. Политика содействия занятости населения и демографическая политика, роль которых заключается в развитии трудовых ресурсов, поддержании трудового потенциала страны, снижении демографической нагрузки. Наиболее значимыми программами поддержки занятости выступают федеральные программы – обучение и переобучение безработных граждан и субсидирование найма (через официальный портал «Работа в России»).

2. Государственная политика защиты трудовых и социальных отношений, а также контроля за соблюдением трудового кодекса и иного законодательства.

3. Обеспечение соблюдения минимальных социально-экономических стандартов (МРОТ, ПМ, пособие по безработице, единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие на каждого ребенка, минимальный размер пенсий). Так, в 2021 г. скорректированы правила выплат пособий по безработице в максимальном размере.

Детерминантами экономической конъюнктуры на рынке труда являются численность населения и демографические показатели, которые формируют долгосрочную тенденцию динамики рынка труда (таблица 1). Кроме того, значимое влияние демографической ситуации на рынок труда обусловлено учетом не только процессом использования трудовых ресурсов, но и их воспроизведением (например, дефицит трудовых ресурсов). Поэтому, для модернизации социально-трудовых отношений необходимо не только способствовать повышению рождаемости, но и стимулировать миграционный прирост с целью компенсации потерь от естественной убыли населения.

Таблица 1 – Динамика численности населения России, чел.¹

Table 1 - Dynamics of the population of Russia, people

Год	Население	Прирост	%
2021	146 171 015	- 577 575	- 0,39
2020	146 748 590	481 302	0,33
2015	146 267 288	3 410 752	2,39
2010	142 856 536	-4 033 592	- 2,75
2000	146 890 128	- 774 953	- 0,52
1990	147 665 081	9 538 481	6,91

В 2018 г. был подписан закон о повышении пенсионного возраста в России, основным нововведением которого стало увеличение пенсионного возраста. При этом базой реализации закона должно было выступать увеличение продолжительности и качества жизни населения и формирование эффективной системы социальной защиты. Так, в 2021 г. были предусмотрены различные меры поддержки людей, вышедших на заслуженный отдых (система различных скидок, пособия и т.п.).

Важным направлением поддержки рынка труда на государственном уровне выступает система социально-экономических гарантий, например, соотношение минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума. В 2019 г. минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России впервые превысил уровень прожиточного минимума для населения в целом. Несмотря на то, что проблема диспропорции минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума была номинально решена, по-прежнему сохраняется низкий порог минимальной заработной платы. В долгосрочной перспективе такое соотношение может привести к повышению уровня бедности. Несмотря на то, что уровень пособия по безработице из-за пандемии коронавируса был повышен до уровня МРОТ, оформить его смогли не все, потерявшие работу.

Согласно постановлению правительства, прожиточный уровень в России в 2022 г. на душу населения составит²:

- в целом 11,95 тыс. руб. [6] (в 2021 г. 11,653 тыс. руб.; прирост – 2,5% (297 руб.);
- для трудоспособного населения – 13,026 тыс. руб. (рост 26, % или 324 руб.);
- для пенсионеров – 10,277 тыс. руб. (+255 руб. или на 2,5% больше к 2021 г.);
- на детей – 11,592 тыс. руб. (+289 руб. или на 2,6% больше к 2021 г.

¹ Население России: численность, динамика, статистика (2021) // <http://www.statdata.ru/> (Дата обращения – 19.07.2021)

² Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1070 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2022 год» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010127> (Дата обращения: 29.06.2021)

Далее проанализируем показатель уровня безработицы, максимальный уровень которого в России был зафиксирован в августе 2020 г. с наступления пандемии: в 13 российских регионах он составил более 10 % (рис. 1).

Рис. 1. Регионы с самым высоким и с самым низким уровнем безработицы
(в среднем за февраль – апрель 2021 г., %)¹

Fig. 1. Regions with the highest and lowest unemployment (average for February – April 2021, %)

В представленной ниже табл. 2 можно проанализировать динамику численности и состав рабочей силы в первых кварталах 2020–2021 гг., что дает возможность реально оценить сложившуюся ситуацию на рынке труда. Согласно данным табл. 2, общий уровень безработицы в России приближается к допандемийному уровню. По оценке агентства РИА, резкий рост безработицы в РФ произошел в апреле 2020 г. – показатель вырос до 5,8 % (на 1,1 % по сравнению с предыдущим месяцем). Пик был зафиксирован в конце лета 2020 года – 6,4 %. С осени 2020 г. началось снижение, и в 2021 г. эта тенденция сохранилась².

Таблица 2 – Численность и состав рабочей силы в 1 кв. 2021 г.³

Table 2 - Manpower size and composition in Q1 2021

	I кв. 2021 г.	2021 г.			Апрель 2020 г.	Апрель 2021 г. к апрелю 2020 г., (+, -)
		фев- раль	март	апрель		
Тыс. человек						
Рабочая сила в возрасте 15 лет и старше	75034	75039	75015	75126	74519	607
Занятые	70828	70794	70958	71229	70233	996
Безработные	4206	4244	4057	3898	4286	-388
В процентах						
Уровень участия в рабочей силе (рабочая сила к численности населения в возрасте 15 лет и старше)	62,1	62,1	62,1	62,2	61,7	0,5
Уровень занятости (занятые к численности населения в возрасте 15 лет и старше)	58,6	58,6	58,7	59,0	58,1	0,9
Уровень безработицы (безработные к численности рабочей силы)	5,6	5,7	5,4	5,2	5,8	-0,6

¹ Башлыкова Н. Всё по местам: Росстат назвал регионы с высокой и низкой безработицей (2021) // <https://iz.ru/1175389/natalia-bashlykova/vse-po-mestam-rosstat-nazval-regiony-s-vysokoi-i-nizkoi-bezrabotitce>

² Росстат сообщил о снижении безработицы в России (2021) // <https://ria.ru/20210630/bezrobotitsa-173932848> (Дата обращения – 27.07.2021)

³ Росстат: «Занятость и безработица в Российской Федерации в апреле 2021 года» (2021) // <https://nangs.org/analytics/rosstat-zanyatost-i-bezrobotitsa-v-rossijskoj-federatsii> (Дата обращения – 30.07.2021)

Изменения на рынке труда, обусловленные с одной стороны, пандемией, которая способствовала форсированию цифровизации рынка труда и изменению тем самым его структуры в сторону ИТ-сферы, робототехники и искусственного интеллекта. Государством на программы переподготовки в сфере ИТ было выделено 3 млрд руб.¹ По данным портала Rabota.ru, по итогам 2020 г. продолжает расти спрос на работников в сфере ИТ, фармацевтической индустрии и производства, продажи товаров повседневного спроса. Именно в ИТ и digital-сегменте существует дефицит профессиональных сотрудников (в 2018 г. в ИТ-сфере приходится 2,6 активных резюме на одну вакансию). Кроме этого, по оценке аналитиков рынка, в ИТ-индустрии будет повышаться уровень заработной платы.

Другим важным показателем динамики рынка труда является уровень реальных располагаемых доходов. По оценке Росстата, по итогам 2020 г. с реальными располагаемыми денежными доходами в России сократились (рис. 2).

Рис. 2. Динамика реальных денежных доходов населения в период 2014 – 2020 гг.²

Fig. 1. Dynamics of real monetary incomes of the population in the period of 2014 - 2020

Пандемия COVID-19 и самоизоляции привели к дальнейшему понижению реально располагаемых доходов населения, росту безработицы, а также к резкому снижению экономической активности и спроса в крупных секторах экономики.

Таким образом, анализ социально-экономических индикаторов рынка труда выявил ряд тенденций, определяющих приоритеты социально-экономической политики государства:

– сокращение численности трудоспособного населения и увеличение демографической нагрузки;

- снижение реальных располагаемых доходов населения и снижение качества жизни;
- низкий уровень социальных гарантий (МРОТ и пособие по безработице);
- существование категории работающих бедных, находящихся за чертой бедности;
- низкая производительность труда;
- значительная дифференциация оплаты труда по видам экономической деятельности;
- высокий трудовой потенциал и низкие темпы создания рабочих мест.

Информация как фактор производства обладает рядом преимуществ перед традиционными ресурсами, существует тенденция увеличения информационных ресурсов, которые производятся как результат интеллектуальной деятельности высококвалифицированных кадров.

Реальные тенденции подтверждают масштабность и глубину происходящих под влиянием информатизации изменений [4]. При переходе к постиндустриальному обществу ключевое влияние играют информация и знания, которые все чаще замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости.

Цифровизация, информатизация и роботизация российской экономики (образования, бизнеса и т.д.), с одной стороны, обуславливает необходимость адаптации к новым условиям, И полностью меняет структуру, состав институциональных участников и перераспределяет их роли в трудовом процессе», что говорит о формировании новых взаимосвязей между человеком и искусственным

¹ Волкова Д. Дорога молодых. Безработица во всем мире бьет по молодежи. Как с ней справляется Россия? (2021) // <https://lenta.ru/articles/2021/05/07/bezrab/> (Дата обращения – 29.07.2021)

² Росстат: «Занятость и безработица в Российской Федерации в апреле 2021 года» (2021) // <https://nangs.org/analytics/rosstat-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossijskoj-federatsii> (Дата обращения – 30.07.2021)

интеллектом» [5]; с другой – может привести к частичному замещению человеческого труда машинным и высвобождению значительной доли рабочей силы. Такие трансформации требуют оперативных действий со стороны государства, работодателей и работников.

Цифровизация рынка труда проявляется в распространении иных форм занятости – гибких (неполный рабочий день, дистанционная занятость и т.д.) и неформальных. Распространение гибких форм занятости представляет собой механизм адаптации рынка труда к сложившимся условиям хозяйствования.

Тем не менее, цифровизация экономики способствует возникновению рисков, управление которыми является составляющей общей системы управления цифровой экономикой, что необходимо учитывать при разработке политики по регулированию рынка труда.

Таким образом, воздействие цифровизации экономики на социально-трудовые отношения двойственно и противоречиво:

- с одной стороны, информационные технологии оказывают положительный эффект на рынок труда – способствуют упрощению условий для доступа к системам поиска работы;

- с другой стороны, способствует возникновению отрицательного эффекта от воздействия цифровизации на все сферы жизнедеятельности: замена людей (автоматизированные кассовые зоны в магазинах), автоматы для оплаты парковки, банкоматы в банках, автоматические системы звонка и т.д. Это способствует вытеснению рабочей силы с рынка труда, прежде всего, из промышленности и увеличению спроса на рабочую силу в сфере услуг и управления.

Основными программными документами цифровизации экономики выступают национальная программа «Цифровая экономика РФ» и «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». Приоритеты программ заключаются в развитии технологий и гибких форм занятости и образования; создание и развитие партнерских высокотехнологичных программ при взаимодействии населения, системы образования, бизнеса, государства; стимулирование дистанционной занятости; создание и внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни.

Отметим положительные социально-экономические эффекты цифровой экономики:

- у работников появляется возможность дистанционного обучения, переобучения, повышения квалификации, что способствует формированию новых компетенций и «мягких» навыков;

- внедряются VR-технологии (технологии виртуальной реальности) как инструмент занятости в удаленном режиме. Принцип удаленной работы позволяет работать в проекте или компании именно тем людям, которые действительно должны в ней быть, а не тем, кто просто живёт рядом. Более того, это позволит найти работу специалистам, которые не могут найти её в месте проживания;

- появление новых профессий с приоритетом аналитических компетенций;

- достижение наилучшего соответствия между вакансиями и кандидатами (платформы – Rabota.ru, Superjob.ru, HeadHunter.ru и др.).

Основными направлениями государственной политики в условиях цифровизации, на наш взгляд, должны выступать:

- формирование нормативно-правовой базы, которая будет регулировать нестандартные виды деятельности;

- своевременная индексация минимальной заработной платы;

- согласование интересов основных субъектов социально-трудовых отношений цивилизованным путем переговоров;

- повышение эффективности научно-технических программ, а также преодоление отсталости технологического развития предприятий;

- организация системы мониторинга и прогноза воздействия информационных и цифровых технологий на рынок труда и социально-трудовые отношения;

- совершенствование прогнозно-аналитической работы на рынке труда для гибкого реагирования на цифровые трансформации;

- обеспечение соответствия профессиональных и образовательных стандартов;

- расширение практики взаимодействия учебных заведений и работодателей для прикладной подготовки кадров.

Таким образом, цифровизация экономики, с одной стороны, способствует появлению новых профессий, повышению гибкости рынка труда посредством распространения гибких форм занятости и росту уровня занятости, с другой стороны, цифровизация способствует исчезновению ряда профессий и повышению безработицы. Поэтому важным является разработка механизма адаптации рынка труда к новым цифровым реалиям со стороны государства, бизнеса и образования.

Список источников

1. Боровская М. А., Масыч М. А., Бечвая М. Р. Социально-трудовые отношения: основные подходы и определения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 4. С. 62–68.
2. Гусейнова И. А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. Т. 26. № 4. С. 89–117.
3. Кашникова Т. В. Модернизация системы социальных гарантий государства в неустойчивой экономике // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION. 2013. Т. 4. № 2. С. 56–62.
4. Игнатова Т. В., Дудукалов Е. В., Черкасова Т. П. Знаниевые экосистемы и рейтинги цифровизации национальных экономик / Цифровая экосистема экономики : сборник статей по итогам VII-й международной научно-практической видеоконференции ; отв.ред. Л. Г. Матвеева; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 391–397.
5. Симченко Н. А., Анисимова Н. Ю. Экосистема цифровых производственно-трудовых отношений: теоретико-методологическое обоснование // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5. С. 61–66.

References

1. Borovskaya M. A., Masych M. A., Bechvaya M. R. Social and labor relations: the main sub-approaches and definitions. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2012;(4):62–68. (In Russ.).
2. Guseinova I. A. Digitalization and its simulated consequences (on the example of socio-cultural interaction in institutional communication). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*; 26(4):89–117. (In Russ.).
3. Kashnikova T. V. Modernization of the system of social guarantees of the state in an unsustainable economy. *JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION*. 2013;4(2):56–62. (In Russ.).
4. Ignatova T. V., Dudukalov E. V., Cherkasova T. P. Knowledge ecosystems and digitalization ratings of national economies. In: *Tsifrovaya ekosistema ekonomiki: sbornik statei po itogam VII-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi videokonferentsii; otv.red. L. G. Matveeva; Yuzhnyi federal'nyi universitet [Digital ecosystem of economics: a collection of articles based on the results of the 7th international scientific and practical video conference; editor-in-chief L. G. Matveeva; Southern Federal University]*. Rostov-on-Don; Taganrog; Southern Federal University Publishing House; 2020:391–397. (In Russ.).
5. Simchenko N. A., Anisimova N. Yu. Ecosystem of digital industrial and labor relations: theoretical and methodological justification. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2021;(5):61–66. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Г. Васькина – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории, экономический факультет;
Е. А. Стрельченко – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории, экономический факультет.

Information about the authors

M. G. Vaskina – Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory», Economics Department;
E. A. Strelchenko – Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory», Economics Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2021; одобрена после рецензирования 16.08.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 26.07.2021; approved after reviewing 16.08.2021; accepted for publication 18.08.2021.

РАЗВИТИЕ САМОЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Ольга Юрьевна Гончарова¹, Евгения Игоревна Кротова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Ольга Юрьевна Гончарова, ojug2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к анализу понятия самозанятость. Выявлен ряд особенностей этого сектора предпринимательства, проанализирована его динамика за рубежом и в РФ. Проанализирован процесс легализации самозанятости, факторы, способствующие и препятствующие ей. Предложены возможные направления совершенствования государственной поддержки и регулирования самозанятости.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, социальная защищенность самозанятых, государственная поддержка самозанятости

Для цитирования: Гончарова О. Ю., Кротова Е. И. Развитие самозанятости как фактор реализации социально-экономической политики в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 64–69. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-64-69>.

Special Topic of Issue: Labour Economy and Demography

Original article

DEVELOPMENT OF SELF-EMPLOYMENT AS A FACTOR OF IMPLEMENTATION OF SOCIO-ECONOMIC POLICY IN RUSSIA

Olga Yu. Goncharova¹, Evgenia I. Krotova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Olga Yu. Goncharova, ojug2011@yandex.ru

Abstract. The article considers various approaches to the analysis of the concept of self-employment, identifies a number of features of this business sector, analyzes its dynamics abroad and in the Russian Federation. The process of legalizing self-employment, the factors contributing to and hindering it is analyzed. Possible directions for improving state support and regulation of self-employment are proposed.

Keywords: self-employment, professional income tax, social protection of the self-employed, state support for self-employment

For citation: Goncharova O. Yu., Krotova E. I. Development of self-employment as a factor of implementation of socio-economic policy in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):64–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-64-69>.

В России, как и в мире в целом, в современных условиях отмечается тенденция роста числа самозанятых. Это обусловлено многими факторами, в числе которых структурные изменения в экономике, ее цифровизация, появление свободных профессий, с одной стороны, а с другой стороны, рост числа самозанятых нередко свидетельствует о серьезных диспропорциях и напряженности на рынке труда, снижении реальных доходов населения, нарастании кризисных явлений в развитии экономики и т.д.

Доля самозанятых в различных странах мира колеблется от шести-семи процентов до почти восьмидесяти процентов, причем структура данного сектора экономики различна в развитых и развивающихся странах [1, с. 9–13]. Удельный вес самозанятых в экономике современной России сопоставим с показателями развитых стран, но это вовсе не свидетельствует о преобладании в нашей стране так называемой инновационной самозанятости, присущей информационному обществу. Скорее, причина заключается в значительной доле теневой экономики в РФ – по различным данным ее удельный вес составляет от двадцати до сорока и даже более процентов официальной экономики, в нем занято восемнадцать процентов всей рабочей силы. Число неформальных самозанятых в нашей стране в настоящее время составляет около пятнадцати млн чел. [2, с. 28]

Рост доли самозанятых в нашей стране, безусловно, означал бы сокращение теневых экономических отношений, способствовал бы решению важнейших социальных и экономических проблем, в том числе обострившихся в связи с продолжающейся второй год пандемией коронавируса. Однако следует иметь в виду особую уязвимость рассматриваемого сектора предпринимательства и необходимость продуманной и эффективной политики государства в отношении самозанятых. Несомненно, возможно использовать в адаптированном виде соответствующий зарубежный опыт (в развитых странах программы поддержки самозанятости успешно принимаются и реализуются с семидесятых-восемидесятых годов прошлого века). Однако опыт тридцатилетнего реформирования российской экономики показывает, что любые попытки перенести на отечественную почву эффективные западные практики без учета специфики экономики нашей страны в целом и ее предпринимательства, в частности, не приносят положительных результатов.

Анализ тенденций, проблем и перспектив развития самозанятости в России следует начать с уточнения содержания этого понятия. Необходимо признать, что единого определения этого понятия до сих пор не существует ни в нашей стране, ни за рубежом; ни в научной литературе, ни нормативно-правовых актах. В табл. 1 рассмотрен ряд подходов к пониманию сущности данного понятия как вида предпринимательской деятельности.

Таблица 1 – Различные подходы к определению сущности самозанятости и самозанятых

Table 1 – Different approaches to the definition of self-employment and self-employment

Автор определения	Определения самозанятости и самозанятых
Грабова О. Н., Суглобов Е. А.	Самозанятые – граждане, самостоятельно, то есть без привлечения наемной рабочей силы, выполняющие работы либо оказывающие услуги физическим лицам. Они не зарегистрированы как ИП [5, с. 109]
Медведева Л. Д., Супа- таева Г. Т.	Самозанятость – продуктивная деятельность физического лица, осуществляемая на базе собственных финансовых ресурсов, на принципах собственной инициативы, заинтересованности в получении дохода, готовности нести ответственность и принимать риски. Это деятельность, поддерживаемая государством, в том числе в части обеспечения социальных гарантий и в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы [6, с. 92]
Международная орга- низация труда (МОТ)	Самозанятость – занятость, в которой доход напрямую зависит от количества и качества самостоятельно произведенных и реализованных товаров или оказанных услуг ¹ .
Тонких Н. В., Бабинцева А. В.	Самозанятые – граждане, участвующие в общественно-полезном труде, деятельность которых основана на личной инициативе, самостоятельности и ответственности, официально зарегистрированные в статусе самозанятого и получающие трудовой доход. При этом у самозанятого нет наемных работников, а его годовой доход не превышает предельных значений, установленных законодательством [7, с. 174–175]

Одновременно с этим значительная часть ученых рассматривает самозанятость в категориях рынка труда: как форму обеспечения занятости населения, особенно в период кризиса, как сферу трудоустройства пенсионеров и значительной части выпускников высших и средних учебных заведений, как форму реализации права на труд, как форму приспособления населения к снижению уровня и качества жизни и др.

Нет единого мнения и по вопросу разграничения индивидуального предпринимательства (ИП), личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и самозанятости. На одном полюсе мнение о том, что и ИП, и ЛПХ – частные случаи более широкого понятия «самозанятость». Этой точке зрения близки подход МОТ, в соответствии с которым среди самозанятых выделяется несколько категорий: самозанятые, которые используют наемный труд, индивидуальные работники на собственном счете [1, с. 9].

На другом полюсе – точки зрения, согласно которым:

– понятие самозанятости ближе по сути к трудовому крестьянскому хозяйству, описанному А. В. Чаяновым. Мотивация трудового крестьянского хозяйства не рыночная, не предпринимательская, это скорее мотивация «рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы» [3, с. 203];

– самозанятость – результат современных процессов трансформации домохозяйства, развития его производственной функции, изменения соотношения домашнего и корпоративного секторов экономики и др. [4, с. 97]

¹ International Classification on Status in Employment // Официальный сайт Международной организации труда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/statistics-overviewand-topics/status-in-employment/current-guidelines/lang-en/index.htm> (Дата обращения 18.07.2021)

Как представляется, самозанятость является предпринимательской деятельностью со всеми присущими такому виду деятельности атрибутами, при этом она выполняет важнейшие социальные функции, которые и отмечаются в работах ученых-обществоведов. Как часть малого предпринимательства, самозанятость связана с высокими рисками и нуждается в эффективной системе государственного регулирования и поддержки. Однако, как будет показано ниже, в настоящее время такая система в РФ только формируется.

Нет также и единства среди ученых-правоведов относительно того:

- что такое самозанятость и каковы ее виды. В ряде стран мира, включая РФ, это понятие законодательно не закреплено. Однако существует классификация самозанятых: индивидуальные предприниматели, которые не привлекают наемную рабочую силу, предприниматели некорпоративного сектора, привлекающие наемный труд, члены производственных кооперативов, а также неоплачиваемые работники семейных предприятий [8, с. 158];

- нормы какой отрасли права должны регулировать самозанятость (главным образом, нормы гражданского права или наряду с этим и нормы трудового права) и др.

Не менее важно попытаться дать ответ на вопрос: является ли развитие самозанятости признаком отсталости страны или, напротив, признаком перехода к информационному обществу. Как представляется, на этот вопрос невозможно дать однозначный ответ, особенно в отношении нашей страны.

С одной стороны, по данным МОТ, в странах с низким и средним уровнем дохода доля самозанятых в экономике колеблется от 60 до 70 %, тогда как в благополучных странах (доход выше среднего) ее доля не превышает 15 %. Наибольший удельный вес самозанятых в экономике Индии и стран Африки. С другой стороны, за период с 2000 по 2010 годы отмечается значительный прирост количества самозанятых в ряде развитых стран с высоким уровнем доходов населения – в Нидерландах (на 65,1 %), в Великобритании (на 48,4 %), в Канаде (на 22,4 %). В США самозанятыми производится около шести процентов ВВП страны [9].

Данное несоответствие можно объяснить следующим образом: если в развивающихся странах самозанятость помогает населению выжить, то в развитых в этом сегменте широко представлены люди творческих профессий, т.е. речь идет об инновационной самозанятости.

Что касается РФ, то можно с уверенностью утверждать, что здесь сочетаются обе группы причин. Именно самозанятость и малое предпринимательство играли и продолжают играть роль своеобразного клапана, снижающего напряжение на рынке труда и в обществе в целом в период всех кризисов в новейшей истории нашей страны. Рост самозанятости продолжается, и, по прогнозам, к 2024 г. в России будет свыше пяти миллионов самозанятых, а к 2030 г. их станет уже примерно десять-одиннадцать миллионов¹.

При этом среди самозанятых будут, несомненно, как представители традиционной (рутинной) самозанятости, так и представители ее инновационной составляющей. Среди последних – выпускники высших учебных заведений, шестьдесят процентов которых в ходе опросов уверенно отвечают, что видят свое будущее в работе на себя.

Как было отмечено выше, значительная часть самозанятых (практически половина) в РФ сосредоточена в теневой экономике². Легализация самозанятости осуществлялась в несколько этапов (см. табл. 2).

При этом, несмотря на несомненные преимущества самозанятости, отношение к ней в обществе неоднозначное. Так, Центром аналитических исследований и разработок трижды (в 2011, 2015 и 2019 гг.) проводились исследования, итог которых весьма неутешителен: за восемь лет число желающих «выйти из тени» и легализовать свой бизнес, сократилось вдвое [10, с. 131–134]. Другой пример касается перспектив введения НПД, относительно которых в 2019 г. в РЭУ им. Плеханова был проведен опрос. 55 % опрошенных высказались против введения данного налога [11, с. 110–114].

Конечно, в рамках данной статьи не ставится задача дать исчерпывающую характеристику и анализ всех проблем выхода из тени самозанятых, однако необходимо остановиться на наиболее явных плюсах и минусах самозанятости в РФ, а также сформулировать некоторые предложения по совершенствованию политики государства в отношении самозанятых.

¹ Каково быть самозанятым: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/07/23/kakovo-byt-samozaniatym-plusy-i-minusy.html> (Дата обращения 12.07.2021)

² Анализ некриминальной «теневой» экономической деятельности – 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialnopoliticheskogo-monitoringa/issledovaniya/105-analiz-nekriminalnoj-tenevoj-ekonomicheskoy-deyatelnosti-2020> (дата обращения: 15.07.2021).

Таблица 2 – Этапы легализации самозанятости в РФ¹
 Table 2 - Stages of legalization of self-employment in the Russian Federation

Период	Что было предпринято государством для легализации самозанятости
2013 год	В перечне поручений президента содержался пункт об обеспечении внесения в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих применение патентной системы налогообложения самозанятыми
2016 год	Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию РФ затронута проблема правового регулирования деятельности самозанятых. Приняты поправки в НК РФ и отдельные законодательные акты РФ с целью легализации услуг нянь, сиделок, репетиторов, уборщиц и др. Данные категории самозанятых были на два года освобождены от уплаты налогов при условии официальной регистрации их деятельности. В дальнейшем налоговые каникулы были продлены до 31 декабря 2019 г.
2017 год	В ст. 23 ГК РФ появилась новая категория субъектов предпринимательства – без государственной регистрации в качестве ИП.
2019 год	Вступил в силу федеральный закон от 27.11.2018 №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан», в соответствии с которым был введен налог на профессиональный доход (НПД), определены его ставки, установлено ограничение на доходы – не более 2,4 млн руб. Также было создано приложение «Мой налог», благодаря которому самозанятый получил возможность вести учет своей деятельности и уплачивать НПД. В статье 4 закона дан перечень видов деятельности, субъекты которых не могут использовать специальный налоговый режим НПД.
2020 год	К середине октября режим НПД распространился на всю территорию страны. Принят федеральный закон № 169-ФЗ, а также были внесены изменения в федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» - на физических лиц - плательщиков НПД, распространены отдельные меры господдержки малых и средних предпринимателей

В чем же заключаются основные преимущества самозанятости? Прежде всего, это:

- сокращение транзакционных издержек (как временных, так и денежных затрат, поскольку процедуры начала и прекращения деятельности просты и не требуют затрат денег; нет кассового аппарата, его заменяет приложение «Мой налог»; налог исчисляется автоматически; нет обязательных отчислений в пенсионный фонд и др.);

- возможность сочетания самозанятости и трудоустройства по найму;
- возможность рекламировать и продвигать свои услуги в социальных сетях, применять различные методы маркетинга;

- низкие налоги (в современной России – налог на профессиональный доход (НПД) – четыре процента расчетов с физическими лицами и шесть процентов при расчетах с юридическими лицами) и существование налоговых вычетов (в РФ в настоящее время налоговый вычет составляет один процент со ставки четыре процента и два процента со ставки шесть процентов в пределах десяти тысяч рублей. Иными словами, пока сумма экономии не составит десять тысяч рублей, самозанятый платит НПД по ставке, соответственно три и четыре процента с дохода). Для впервые зарегистрированных в качестве самозанятых лиц в возрасте от 16 до 18 лет величина налогового вычета будет увеличена до размеров МРОТ (в настоящее время 12792 руб.);

- возможность судебной защиты;
- возможности участия в госзакупках;
- возможности кредитования;
- возможности получать поддержку в рамках государственных программ и др.

Одновременно с этим существуют и слабые стороны самозанятости. К ним можно отнести:

- высокий уровень рисков и зависимости от заказчика;
- нестабильность дохода, снижение качества производимых товаров и услуг;
- невозможность сочетать НПД с другими специальными налоговыми режимами;
- не начисляется трудовой стаж, но страховой стаж и пенсионные баллы можно получить за дополнительную плату. В 2021 году минимальный взнос для самозанятых составляет 32448 руб.;
- отсутствие пособий по временной нетрудоспособности;

¹ Составлено авторами.

- многие возможности существуют формально (например, банки не готовы работать самозанятыми);
- риск перевода работодателями своих сотрудников на самозанятость для сокращения издержек и уклонения от ответственности перед работниками;
- риск изменений правил игры со стороны государства. Здесь можно в очередной раз вести разговор об отсутствии доверия между субъектами предпринимательства, обществом и государством – проблеме, которая существует в РФ на протяжении многих лет и до сих пор не нашла решения. Однако именно укрепление доверия между государством и предпринимательством, в том числе, самозанятыми, – прямой путь к снижению совокупных общественных издержек. О важности доверия между государством и бизнесом, предсказуемости и последовательности экономической политики известно давно. Так, в середине XX века В. Ойкен к числу важнейших принципов экономической политики государства относил ее постоянство и последовательность [12, с. 46].
- сохраняются опасения относительно стабильности ставки НПД и неопределенность относительно направлений его дальнейшей трансформации после окончания десятилетнего периода применения данного налога;
- сомнения потенциальных самозанятых в защищенности информации в приложении «Мой налог»;
- самозанятые лишены возможности зарегистрироваться в качестве безработного и получать пособие по безработице;
- определенное недоверие потребителей к самозанятым, даже при условии более низких цен на товары и услуги и др.

В этой связи справедливо утверждение Вилисовой М.Л., Шершовой Е.В. об особой актуальности для самозанятых государственного регулирования их деятельности, которое включало бы в себя не только фискальный аспект (пополнение бюджета за счет выхода из тени самозанятых), но и в отношении распространения на них государственных гарантий и правовой защиты [13, с. 19].

Совершенствование системы государственного регулирования и поддержки самозанятых, прежде всего, предполагает значительную работу по изменению правовой базы:

- необходимо в законе определить значение понятия «самозанятость», а также ее виды;
- продумать систему социальных гарантий для этой категории предпринимателей. Как показывает зарубежный опыт, в ряде развитых стран (США, Канада, Великобритания) самозанятые, доход которых ниже установленного законодательного порогового значения, не платят налоги, при этом платят взносы в фонды медицинского и социального страхования.

Совершенно очевидно, что не все самозанятые могут себе позволить покупать пенсионные баллы и пенсионный стаж. В этой ситуации РФ как социальное государство должна быть готова нести дополнительные финансовые расходы (например, субсидирование уплаты самозанятыми взносов во внебюджетные фонды);

- дополнить налоговое законодательство понятием вычет комиссии посредников, которые помогают им с подбором клиентов, из налогооблагаемого дохода;
- внести поправки, обусловленные развитием самозанятости, в трудовое законодательство, законодательство о защите прав потребителей и др.;
- обеспечить принятие и реализацию программ поддержки и развития самозанятости, используя в адаптированном виде зарубежный опыт в части программ, ориентированных на молодежь, безработных, желающих открыть собственное дело. При этом целесообразно в качестве приоритетного направления государственной поддержки рассматривать развитие инновационной самозанятости, которая имеет большие перспективы в современных условиях.

Таким образом, активизация усилий государства по созданию условий для выхода из тени и успешного развития самозанятости, безусловно, заслуживает поддержки. Речь идет о примерно десяти – двенадцати миллионах граждан страны, которые при создании благоприятных условий для их деятельности способны обеспечить решение важнейших социальных и экономических вопросов. Однако легализация самозанятых идет непросто, сопровождается многочисленными проблемами: правовыми, экономическими, социальными, психологическими. Негативно сказалась на состоянии данного сектора предпринимательства и пандемия COVID-19. Тем не менее, мировой опыт свидетельствует, что у самозанятости большое будущее, и при условии своевременного внесения необходимых корректив удастся добиться реализации потенциала самозанятых, да и всего малого и среднего предпринимательства, в нашей стране.

Список источников

1. Киреенко А. П., Измайлова М. О. Возможности формирования налоговой культуры в сфере самозанятости // Известия Байкальского государственного университета. 2021. № 1. Том 31. С. 9–13.
2. Серова А. В. Самозанятость в России: проблемы и перспективы национального правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 5. С. 27–41.
3. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. 491 с.

4. Пациорковский В. В. Самозанятость – ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 1. С. 88–103.
5. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. Т. 10. № 6. С. 108–116.
6. Медведева Л. Д., Супатаева Г. Т. О самозанятости в Российской Федерации // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 4. С. 90–95.
7. Тонких Н. В., Бабинцева А. В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. 2020. Т. 18. № 1. С. 172–183.
8. Байтенизов Д. Т., Патласов О. Ю. Особенности развития фриланса на российском рынке труда: социологический аспект анализа // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2016. № 4. С. 156–165.
9. Коробкова Н. А., Амирова Д. Р., Курдова М. А. Зарубежный опыт о регулировании самозанятости // *Электронный журнал «Вектор экономики»*. 2020. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://vectoreconomy.ru>
10. Белов Е. А. Неформальная занятость населения в контексте изменения культуры труда // *Вестник экономики, права и социологии*. 2020. № 3. С. 131–134.
11. Каминова А. Ю., Захарьева Д. Г. Анализ введения в РФ нового налогового режима для самозанятых граждан // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 1. С. 110–114.
12. Гончарова О. Ю. Публичное управление развитием малого предпринимательства: концепция, механизм, оценка результативности. Монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Альтаир, 2016. 304 с.
13. Вилисова М. Л., Шершова Е. В. Исследование самозанятости населения в России: современное состояние и перспективы развития // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 5. С. 18–24.

References

1. Kireenko A. P., Izmailova M. O. Opportunities for the formation of a tax culture in the field of self-employment. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2021;1(31):9–13. (In Russ.).
2. Serova A. V. Self-employment in Russia: problems and prospects of national legal regulation. *Rossiiskoe Pravo. Obrazovanie, Praktika, Nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*. 2019;(5):27–41. (In Russ.).
3. Chayanov A. V. Peasant economy. Moscow: Economics, 1989. 491 p. (In Russ.).
4. Paciorkovsky V. V. Self-employment – the response of part of the economically active population to the crisis of standard labor relations. *Narodonaselenie = Population*. 2020;23(1):88–103. (In Russ.).
5. Grabova O. N., Suglobov A. E. Problems of getting out of the shadow of self-employed people in Russia: risks and ways to overcome them. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Right*. 2017;10(6):108–116. (In Russ.).
6. Medvedev L. D., Supataeva G. T. On self-employment in the Russian Federation. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai academy of economics and law*. 2021;(4):90–95. (In Russ.).
7. Tonkikh N. V., Babintseva A. V. Study of self-employment of the population in the Russian Federation: general and private problems. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» = Herald of Omsk University. Series «Economics»*. 2020;18(1):172–183. (In Russ.).
8. Baitenizov D. T., Patlasov O. Yu. Features of freelance development in the Russian labor market: sociological aspect of analysis. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = The Science of Person: Humanitarian Researches*. 2016;(4):156–165. (In Russ.).
9. Korobkova N. A., Amirova D. R., Kurdova M. A. Foreign experience on the regulation of self-employment. *Elektronnyi zhurnal «Vektor ekonomiki» = Electronic journal "Vector of Economics"*. 2020;(5). [Electronic Resource]. URL: <http://vectoreconomy.ru> (In Russ.).
10. Belov E. A. Informal employment of the population in the context of changing the culture of work. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2020;(3):131–134. (In Russ.).
11. Kaminova A. Yu., Zakharyeva D. G. Analysis of the introduction of a new tax regime in the Russian Federation for self-employed citizens. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: theory and practice*. 2019;(1):110–114. (In Russ.).
12. Goncharova O. Yu. *Public management of small business development: concept, mechanism, performance assessment*. Rostov-on-Don: Publishing house Altair; 2016. 304 p. (In Russ.).
13. Vilisova M. L., Shershova E. V. Study of the self-employment of the population in Russia: the current state and development prospects. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai academy of economics and law*. 2021;(5):18–24. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Ю. Гончарова – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и предпринимательства;
Е. И. Кротова – магистрант факультета управления.

Information about the authors

O. Yu. Goncharova – Cand. of Econ. Scien., Associate Prof., Department of Econ. Theory and Entrepreneurship;
E. I. Krotova – Master of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; одобрена после рецензирования 16.08.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 30.07.2021; approved after reviewing 16.08.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ФЕНОМЕН БЕДНОСТИ И ЕГО СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Татьяна Васильевна Кашникова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, kashnikova@live.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен бедности и его структурно-функциональные характеристики. Подчеркивается, что в условиях новой реальности возникает необходимость более полного исследования бедности как социально-экономического явления. Определяется структура, причины, факторы и формы проявления бедности. Утверждается необходимость осуществления государственной политики в направлении снижения уровня бедности в РФ.

Ключевые слова: бедность, уровень дохода, новые бедные, классификация бедности, причины бедности

Для цитирования: Кашникова Т. В. Феномен бедности и его структурно-функциональные характеристики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 70–73. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-70-73>.

Special Topic of Issue: Labour Economy and Demography

Original article

THE PHENOMENON OF POVERTY AND ITS STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS

Tatyana V. Kashnikova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, kashnikova@live.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of poverty and its structural and functional characteristics. It is emphasized that in the new reality there is a need for a more complete study of poverty as a socio-economic phenomenon. The structure, causes, factors and forms of manifestation of poverty are determined. The need for the implementation of state policy in the direction of reducing the level of poverty in the Russian Federation is affirmed.

Keywords: poverty, income level, new poor, poverty classification, causes of poverty

For citation: Kashnikova T. V. The phenomenon of poverty and its structural and functional characteristics. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3): 70–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-70-73>.

В условиях новой реальности возникает необходимость более полного исследования феномена бедности с точки зрения характеристики его признаков, поскольку ухудшается макроэкономическая ситуация в стране, наблюдается рост уровня инфляции, замедление темпов экономического развития и падение реальных доходов населения. Это требует исследовать явление бедности как фактор сдерживающий социально-экономическое развитие России, поскольку негативные последствия ее распространения отрицательно сказываются на дальнейшем экономическом развитии и эффективном функционировании самой экономики.

Важной характеристикой является форма проявления бедности. По степени дефицита денежных средств выделяют нищету, нужду и необеспеченность (умеренная бедность). Кроме того, классификация включает устойчивую бедность, способную к самовоспроизводству, что, в свою очередь, ведет к ухудшению здоровья, снижению уровня образования и профессиональных компетенций. Более мягкой формой является плавающая бедность, при которой индивид, попавший в ситуацию нужды, пытается из нее выбраться, приспособившись к новым условиям, что ведет к улучшению его благосостояния в дальнейшем. В данном случае важной становится поддержка государства. По временной протяженности выделяют хроническую и временную бедность. Различие заключается в том, что у временно бедных семей доходы в текущем периоде находятся ниже черты бедности, но близки к ней, хотя в нескольких предыдущих периодах их доходы были выше этой черты. В случае хронической бедности, доходы домохозяйств постоянно находятся на уровне значительно ниже черты бедности [1].

Другой критерий – степень отставания среднего дохода от черты бедности. Выделяют бедность глубокую и неглубокую, острую и неострую. Факторы, которые влияют на данные виды можно

разделить на следующие группы: факторы иждивенческой нагрузки; факторы, обусловленные спецификой места индивида на рынке труда и его места в системе отношений занятости; факторы, обусловленные индивидуальными характеристиками и традиционные демографические факторы. Главным фактором, независимо от вида бедности, принято считать низкие заработные платы домохозяйств, в которых проживают иждивенцы. Важной задачей государства является увеличение объема социальных мер, которые направлены на поддержание подобных домохозяйств и на рынок труда в целом. Данный тренд должен включать политику занятости, предоставление налоговых льгот, увеличение размера минимальной заработной платы, повышение пособий по безработице [2, с. 72].

Учитывая путь возникновения и использования ресурсов индивидом, бедность подразделяют на активную, пассивную и паразитическую. При паразитической бедности индивид, домохозяйство или социальная группа имеют крайне ограниченные ресурсы и низкий доход, основная часть которых предоставляется обществом. В современной России явления попрошайничества и бродяжничества распространены повсеместно, что свидетельствует о серьезности данной проблемы и большом количестве паразитирующих бедных [3]. В случае пассивной бедности ограниченность ресурсов связана с объективными факторами, такими как условия проживания семьи или индивида: проживание на экономически депрессивной территории, инвалидность, тяжелые болезни, территории, подвергнувшиеся природным катастрофам. Активная форма бедности основывается на потреблении в основном собственных ресурсов. Такие бедные имеют несколько больше возможностей для увеличения количества собственных ресурсов, что может привести к преодолению бедности. По причинам возникновения выделяют фоновую и институциональную бедность. К причинам последнего типа относят неспособность индивида выполнять функции занятости и создавать необходимые ресурсы по объективным и субъективным основаниям: инвалидности, болезни, алкогольной зависимости, старости, нежелании работать [4, с. 17]. Причины фоновой бедности кроются в проблемах новой реальности, связанных с пандемией коронавируса в мировом масштабе. В основе данного вида лежат экономические, политические, социальные и духовные процессы трансформации общества.

По уровню трудоспособности принято выделять «сильных» и «слабых» бедных. «Слабым» считается тот, кто уже смирился со своей бедностью и не пытается изменить собственное текущее положение, в то время как «сильными» – тех, кто пытается найти выход из сложившейся ситуации. Вышеперечисленные типы бедности называют «социальными» и «экономическими». Кроме того, выделяют бедность добровольную и вынужденную по характеру порождающих ее причин [5]. В зависимости от происходящих в обществе процессов принято выделять «социальное дно», традиционно бедных и новых бедных. Традиционно бедными являются безработные, пенсионеры, матери одиночки, многодетные семьи, инвалиды, эмигранты – те люди, доходы которых, очевидно, ниже черты бедности. Иначе их называют «старыми бедными». Эта проблема существует довольно долгий период времени, и характерна еще для СССР, поэтому она достаточно хорошо изучена социологами и экономистами. Другим видом является «новая» бедность. В эту группу включаются те люди, которые по своему социальному статусу, уровню образования и квалификации никогда не считались низшими слоями. Значительную долю таких бедных составляют бюджетники. К группе «социальное дно» относятся нищие, просящие подаяния, беспризорные дети, алкоголики, наркоманы, лица без определенного места жительства [6]. Данный тип людей ведет антисоциальный образ жизни и существенно отличается от видов, раскрытых выше.

По обеспеченности жильем выделяют такие категории, как неимущие, бедные и малоимущие [7, с. 147]. Неимущими называют домохозяйства с минимальным уровнем денежных доходов и низким уровнем обеспеченности жильем. Бедные в данном случае обладают приемлемым уровнем обеспеченности жильем, но в то же время их доходы не дотягивают до минимального уровня. К малоимущим относят домохозяйства, доходы которых выше прожиточного минимума, но их уровень обеспеченности жильем достаточно низок. Кроме того, принято подразделять бедных на «достойных» и «недостойных». К первому типу относится тот слой населения, который беден и не имеет возможности обеспечивать себя самостоятельно. В данную группу входят пожилые люди, инвалиды, либо тяжело больные. К «недостойным» причисляют тех людей, которые теоретически способны зарабатывать, но по какой-то причине не делают этого. Обычно их считают бездельниками и тунеядцами, иногда они становятся даже преступниками, что влечет за собой соответствующие меры наказания. Г. Виноградова упоминает о теории «underclass», под которым понимает социально и территориально изолированную часть общества (обычно проживают на окраинах мегаполисов). Многие исследователи относят «underclass» к категории «недостойных» бедных, потому что полагают, что представители данного слоя сами допустили такую ситуацию, вследствие чего не должны получать поблажек и заботы [8].

Кроме того, по критерию момента отнесения индивида в разряд бедного населения выделяют «наследуемую» и «приобретенную» бедность. В первую группу входят дети, которые рождаются

в бедной семье. У них намного меньше возможностей для реализации своих способностей в обществе, чем у индивидов, которые изначально находятся на ступень выше (в плане достатка). К приобретенной бедности относят индивидуумов, которые в связи с некоторыми жизненными обстоятельствами оказались за чертой бедности. Кроме того, существует классификация бедности по степени концентрации лиц данной категории. Выделяют сосредоточенную и рассредоточенную бедность. Сосредоточенная бедность характеризуется высокой плотностью в отдельных социальных и демографических группах бедных по отношению к другим категориям людей (средний класс и богатые). Соответственно, рассредоточенная бедность, наоборот, отличается низкой концентрацией в отдельных социальных и демографических группах бедных по отношению к другим категориям людей (средний класс и богатые). Данные категории помогают выявлять отклонения от медианного значения, а также определять глубину и масштабы бедности [9].

В любой стране бедность населения – это следствие ряда взаимосвязанных факторов, таких как [10, с. 72]: демографические (неполные и многодетные семьи); экономические (невысокая заработная плата, низкая производительность труда, безработица, наличие низкооплачиваемых рабочих мест, убыточных предприятий и неквалифицированных рабочих); социально-медицинские (плохое здоровье, старость, инвалидность, безнадзорность и беспризорность); социально-экономические (низкий уровень социальных гарантий); образовательно-квалификационные (низкий уровень образования, отсутствие квалификаций, невостребованность рабочих на рынке труда); регионально-географические (существенные различия в экономическом потенциале регионов, наличие экономически депрессивных районов); политические (военные конфликты, вынужденная миграция, разрыв сложившихся межрегиональных связей).

Особое внимание феномену бедности с точки зрения абсолютного подхода уделял Карл Гуннар Мюрдаль. Слаборазвитость стран, по его мнению, состоит не в недоиспользовании трудовых ресурсов, а в недостатке иностранного капитала. Незаинтересованные в своем труде люди работают крайне плохо и мало, поскольку, лишь увеличивая доход, можно повысить эффективность труда [11, с. 49]. Для определения причин бедности А. Налбандян рассматривал путь ее изменения в России в разрезе времени. Он заметил, что количество бедного населения в стране зависит от ее экономического состояния. За последние годы главной причиной бедности стали высокие темпы инфляции. Доходы людей не успевали повышаться также быстро, как цены на товары, поэтому множество россиян оставались за чертой бедности. Наряду с вышесказанным автор отмечает, что не только безработные люди являются бедными в России, многие занятые получают слишком низкую заработную плату, и не могут обеспечить себе достойную жизнь. В связи с этим, автор определяет бедность в нашей стране как «хроническую». Он подчеркивает, что уровень прожиточного минимума слишком низок, и на стоимость потребительской корзины можно только выживать, а не жить. Кроме того, очень мал уровень минимального размера оплаты труда и ее средние размеры [12].

Р. Азиева считает, что большой процент бедности, по сравнению с общей численностью населения не может быть присущ государству со стабильной экономической ситуацией. Важно отметить, что развитие ни одной страны в мире не может обойтись без бедности. Главной проблемой России является значительный слой работающих бедных. Большую их часть составляют работники, занятые в бюджетном секторе экономики, а их заработная плата вдвое меньше, чем у занятых в промышленности.

Таким образом, бедность невозможно искоренить полностью, но важно создать такие условия, чтобы ее влияние на экономику мира в целом было максимально мало. На основе анализа данных федеральной службы государственной статистики можно предположить, что до 2021 года бедность в России будет снижаться, и даже возможно уменьшение абсолютной бедности. Охарактеризовать Российскую бедность можно как преимущественно закрепленную, активную, экономическую «новую» бедность.

Список источников

1. Слободенюк Е. Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Пространство экономики. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-struktura-sotsialnoy-gruppy-bednyh-v-sovremennoy-rossii> (Дата обращения: 25.03.2021)
2. Кот В. В., Стрельченко Е. А. Институционализация самозанятости на российском рынке труда. Монография. Ростов-на-Дону-Таганрог, 2020. 105 с.
3. Климова Н. В., Лаврентьева Т. Э. Бедность в России и пути ее преодоления // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2014. № 100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-v-rossii-i-puti-ee-preodoleniya> (Дата обращения: 23.03.2021).
4. Гринберг Р. Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития / Отв. ред. П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2014. 596 с.

5. Блинов А. Проблемы бедности в российской экономике // Вестник научно-исследовательского центра. URL: www.balticcourse.com (Дата обращения: 27.03.2021)
6. Ярошенко С. С. «Новая бедность» в России после социализма // *Laboratorium*. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hovaya-bednost-v-rossii-posle-sotsializmaa> (Дата обращения: 27.03.2021)
7. Слободенюк Е. Д. Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2014. Т. 6. № 3. С. 146–159.
8. Виноградова Г. В. Феномен бездомности: экономический, структурный и культурный подход // *Социология*. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-bezdomnosti-ekonomicheskii-strukturnyy-i-kulturnyy-podhod> (Дата обращения: 19.05.2021)
9. Григорьев К. Н. Классификация видов бедности // *Социология*. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-vidov-bednosti> (Дата обращения: 19.05.2021).
10. Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность в России на фоне других стран // *Мир России: Социология, этнология*. 2014. Т. 23. № 4. С. 59–95.
11. Мюрдаль К. Современные проблемы «третьего мира». М.: Прогресс, 1997. 768 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007384680> (Дата обращения: 16.03.2021).
12. Налбандян А. А. Проблема бедности в России в условиях многофакторного экономического кризиса // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bednosti-v-rossii-v-usloviyah-mnogofaktornogo-ekonomicheskogo-krizisa> (Дата обращения: 05.04.2021).

References

1. Slobodenyuk E. D. Features and structure of the social group of the poor in modern Russia. *Prostranstvo ekonomiki = Space of the economy*. 2014;(4). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-struktura-sotsialnoy-gruppy-bednyh-v-sovremennoy-rossii> [Accessed 25 March 2021]. (In Russ.).
2. Cat V. V., Strelchenko E. A. *Institutionalization of self-employment in the Russian labor market*. Rostov-on-Don-Taganrog; 2020. 105 p. (In Russ.).
3. Klimova N. V., Lavrentyeva T. E. Poverty in Russia and ways of overcoming it. *Scientific Journal of KubSAU*. 2014;(100). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-v-rossii-i-puti-ee-preodoleniya> [Accessed 23 March 2021]. (In Russ.).
4. Grinberg R. *Russian socio-economic system: realities and vectors of development*. Savchenko PV (ed.). Moscow: INFRA-M; 2014. 596 p. (In Russ.).
5. Blinov A. Problems of poverty in the Russian economy. *Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra = Research Center Bulletin*. Available from: URL: www.balticcourse.com [Accessed 27 March 2021] (In Russ.).
6. Yaroshenko S. S. "New poverty" in Russia after socialism. *Laboratorium*. 2010;(2). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hovaya-bednost-v-rossii-posle-sotsializmaa> [Accessed 27 March 2021]. (In Russ.).
7. Slobodenyuk E. D. Institutional factors of the formation of persistent poverty in modern Russia. *Journal of Institutional Studies*. 2014;6(3):146–159. (In Russ.).
8. Vinogradova G. V. The phenomenon of homelessness: economic, structural and cultural approach. *Sotsiologiya = Sociology*. 2019;(2). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-bezdomnosti-ekonomicheskii-strukturnyy-i-kulturnyy-podhod> [Accessed 19 May 2021]. (In Russ.).
9. Grigoriev K. N. Classification of types of poverty. *Sotsiologiya = Sociology*. 2020;(2). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-vidov-bednosti> [Accessed 19 May 2021]. (In Russ.).
10. Anikin V. A., Tikhonova N. E. Poverty in Russia against the background of other countries. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya = World of Russia: Sociology, Ethnology*. 2014;23(4):59–95 (In Russ.).
11. Myrdal K. *Modern problems of the "third world"*. Moscow: Progress; 1997. 768 p. Available from: URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007384680> [Accessed 16 March 2021] (In Russ.).
12. Nalbandyan A. A. The problem of poverty in Russia in the context of a multifactorial economic crisis. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika = RUDN Journal of Economics*. 2017;(3). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bednosti-v-rossii-v-usloviyah-mnogofaktornogo-ekonomicheskogo-krizisa> [Accessed 5 April 2021]. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. В. Кашникова – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории, экономический факультет.

Information about the author

T. V. Kashnikova – Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.07.2021; одобрена после рецензирования 08.08.2021; принята к публикации 11.08.2021.

The article was submitted 18.07.2021; approved after reviewing 08.08.2021; accepted for publication 11.08.2021.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС И ЭТНОГЕНЕЗ Л. ГУМИЛЕВА:
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЕМ**

Александр Васильевич Кокин¹, Юлия Юрьевна Садовникова², Людмила Николаевна Тимейчук³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Александр Васильевич Кокин, alex@avkokin.ru

Аннотация. Рассматривается возможность применения золотой пропорции к оценке динамики суммарного коэффициента рождаемости (СКР), численности населения в мире, России, её регионах. Прогнозируется предельное значение мирового СКР, численности народонаселения и причины влияющие на эти показатели. Устанавливается парадокс соответствия динамики СКР и пассионарности Л. Гумилёва на разных стадиях этногенеза, что дает основание связать пассионарность с биоэнергетическим потенциалом этноса. Предельное простое воспроизводство численности населения мира и регионов определяется золотой пропорцией СКР на уровне числа $\Phi = 1,618$ в условиях ноосферы к 2100 году при достижении высокой средней продолжительности жизни. Процесс управления народонаселением сводится к необходимости поддержания СКР в мире и регионах на уровне близком числу $\Phi = 1,618$, определяющим достижение неустойчивого динамического равновесия численности населения в условиях ноосферы.

Ключевые слова: демография, суммарный коэффициент рождаемости, численность населения, пассионарность, золотая пропорция, управление народонаселением, ноосфера

Для цитирования: Кокин А. В., Садовникова Ю. Ю., Тимейчук Л. Н. Демографический парадокс и этногенез Л. Гумилева: проблемы управления народонаселением // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 74–81. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-74-81>.

Special Topic of Issue: Labour Economy and Demography

Original article

**DEMOGRAPHIC PARADOX AND ETHNOGENESIS OF L. GUMILEV:
PROBLEMS OF POPULATION MANAGEMENT**

Alexander V. Kokin¹, Julia Yu. Sadovnikova², lyudmila N. Timeichuk³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Alexander V. Kokin, alex@avkokin.ru

Abstract. The possibility of applying the golden ratio to assessing the dynamics of the total fertility rate (TFR), the population in the world, Russia, and its regions is considered. The limiting value of the world TFR, population size and the reasons affecting these indicators are predicted. The paradox of the correspondence between the dynamics of the TFR and the passionarity of L. Gumilev at different stages of ethno-genesis is established, which gives grounds to link the passionarity with the bioenergetic potential of the ethnos. The limiting simple reproduction of the population of the world and regions is determined by the golden ratio of TFR at the level of the number $\Phi = 1.618$ in the noosphere by the year 2100, upon reaching a high average life expectancy. The process of population management is reduced to the need to maintain TFR in the world and regions at a level close to the number $\Phi = 1.618$, which determines the achievement of an unstable dynamic equilibrium of the population size in the noosphere.

Keywords: demography, total fertility rate, population size, passionarity, golden ratio, population management, noosphere

For citation: Kokin A. V., Sadovnikova Ju. Ju., Timeichuk L. N. Demographic paradox and ethno-genesis of L. Gumilev: problems of population management. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):74–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-74-81>.

Введение

Уникальность современной демографической ситуации в мире, да и во многих государствах, состоит в том, что, несмотря на снижение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), среднее значение которого в 2020 г. приблизилось к простому воспроизводству и сегодня находится

на уровне около 2,4, население мира продолжает расти, хотя и меньшими темпами. Общая численность населения планеты уже достигла 7,750 млрд чел. Самые плотно населенные регионы Китая и Индии с общей численностью около 3 млрд чел. уже перешли рубеж простого воспроизводства при СКР менее 2,0. Лишь в отдельных странах Африки СКР остаётся высоким и достигает 5-7. Тем не менее в силу небольшой численности населения этих стран относительно общемировой они не могут сильно влиять на общую тенденцию неизбежного сокращения населения мирового сообщества.

Постановка проблемы

Возникает ряд вопросов, на которые стремятся ответить демографы. Во-первых, когда и по каким причинам народонаселение достигнет верхнего предела своей численности и при каком значении СКР? В том, что население в ближайшем будущем будет сокращаться признают практически все. Известная математическая модель С.П. Капицы [1] предполагает предельное достижение численности населения мира около 13,5 млрд человек к 2130 г. Однако сегодня очевидно, что снижение СКР уже меньше простого воспроизводства в большинстве развитых стран мира. Это приведет к тому, что предельная численность народонаселения будет не только значительно меньше указанной С.П. Капицей, но это может произойти уже к концу настоящего столетия.

Во-вторых, на простое воспроизводство с принятым до сих пор значением СКР около 2,2 влияет не только улучшение качества жизни (рост потребления, качество окружающей среды, образование, культура, социально-экономическая политика и т.д.), но и поступательное во времени увеличение средней продолжительности жизни, высокий уровень развития медицины, способной уменьшить детскую смертность и т.д. Т.е. старение населения неизбежно будет влиять на рост его численности в будущем. При этом сама величина коэффициента простого воспроизводства явно должна снижаться. Возникает вопрос: до какого уровня? Ведь за счёт старения населения простое воспроизводство может оказаться даже ниже 2,0 СКР... Тогда каков его предел? Каков предел возможного достижения средней продолжительности жизни? Ведь известно, что количество долгожителей перешагнувших порог 100 лет непрерывно растёт. А есть непротиворечивые данные о том, что в скором будущем возможно в условиях развития генетики достичь средней продолжительности жизни и 120 – 150 лет...

В-третьих, сколько бы не предполагали, но нам в общем-то не известен общий закон развития народонаселения. Однако закон, определяющий предельные условия роста и падения численности народонаселения всё-таки существует в рамках развивающегося представления о так называемом золотом сечении или золотой пропорции.

Модель и методика оценки состояния и прогноза изменения демографической ситуации в рамках золотого сечения

Напомним, что золотая пропорция и золотое сечение представляет собой способ деления отрезка АВ выраженный числовым значением Φ (число Фидия, в честь древнегреческого скульптора и архитектора) = **1,61803...** в пропорции: $a/b = (a+b)/a$. Метод золотого сечения нашёл применение в разных областях знания, включая социальные [1, 2, 3, 4, 5], что дало возможность понять глубокий смысл их внутренней организации.

В золотой пропорции число Φ определяет только динамически неустойчивую границу гармоничности (равновесности), относительно которой в тех или иных условиях может изменяться во времени объект исследования: от гармоничного (равновесного) состояния в точке $\Phi=1,618$, через эволюционный, $\Phi<1,618...$, к бифуркационному (революционному, $\Phi>1,618...$) и снова к гармоничному (равновесному). Отклонение от числа Φ даёт возможность узнать не только причину, но и оценить следствия этого отклонения. А само число $\Phi = 1,618...$ не может быть, во-первых, конечным, а, во-вторых, позволяет определять равновесность или дисгармоничность состояния изучаемых социальных объектов, находящихся в состоянии непрерывного изменения. Подчеркнём ещё раз. Физический смысл золотого сечения (пропорции) заключается не в самом её численном значении Φ , как полагают некоторые критики сущности золотого сечения¹, а в оценке исследуемых и сравниваемых событий, явлений, их состояний относительно Φ .

Золотое сечение при исследовании современных проблем демографии

Как известно, изменение численности народонаселения во времени зависит от так называемого суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Т.е. способности женщины в современном обществе в течение половой зрелости в цикле от 15 до 50 лет произвести на свет некоторое количество детей.

В рамках современных тенденций мировой демографический парадокс состоит в том, что при сокращения среднего значения СКР численность населения продолжает расти, хотя и меньшими

¹ <https://archi.ru/elpub/91489/krasivaya-skazka-o-zolotom-sechenii>

темпами в связи с непрерывным увеличением средней продолжительности жизни людей и ростом их благосостояния.

Попытки применить математический аппарат для прогноза численности народонаселения во времени [6] вошли в противоречие с быстро меняющейся демографической ситуацией в мире по данным ООН (Департамент по экономическим и социальным вопросам) и Бюро переписи населения США [7]. Оказалось, правят не числа, а их отношения, что и заставило обратиться к свойству золотого сечения (пропорции) при анализе динамики изменения состояния демографической ситуации в прошлом, настоящем и будущем. Также оказалось, что естественная природа изменения состояний и явлений не всегда подчиняется статистике особенно в области социально-экономических, политических отношений. Поэтому неожиданно возникают вопросы, связанные со следующими аспектами. Если в природе доминируют фундаментальные законы, то как они интегрируются в общественные и социально-экономические законы? Если да, то мы должны заключить, что **природа не только самоподобна, но и её подобие распространяется на все уровни её организации, включая и социальные** [8]. То есть все виды движения материи подчиняются фундаментальным законам природы и деления их на общественные, социальные, естественные становится по меньшей мере условным.

Рассмотрим эту проблему на примере оценки состояния демографических процессов, связанных с необходимостью прогнозировать не только мировую, но и региональную тенденцию изменения численности населения во времени. А главное необходимо понять саму природу современных демографических процессов. Для этого, как минимум, необходимо дать оценку критических демографических состояний во времени, которые бы позволили выйти на гармонию, при которой численность народонаселения удовлетворяла бы не только социально-экономическим потребностям общества, потенциальной биоэнергетической и ресурсной ёмкости биосферы, способной поддерживать жизнь на Земле, но и была бы связана с тенденциями изменения самого качества жизни людей. Качества, которые определяются сегодня не только потреблением, но и состоянием воспроизводства природных ресурсов и качества окружающей среды [9].

В настоящее время в демографии принято, что простое воспроизводство населения оценивается СКР на уровне 2,1-2,2 в зависимости от смертности новорождённых. В связи с тем, что современный мировой показатель СКР, как известно из современной мировой статистики, определяется значением около 2,47 при численности населения около 7,75 млрд чел. Т.е. население Земли будет продолжать расти и в ближайшем будущем. Хотя большинство стран с общей численностью населения в 6,2 млрд чел. уже перешли порог простого воспроизводства на пороге XXI столетия и его значение варьируется в пределах 1,56–1,87. В том числе в России СКР определяется на уровне 1,59 для городского населения и 1,87 для сельского. А к 2020 г. среднее значение СКР в некоторых субъектах РФ опустилось до величины около 1,335. А вот в странах с суммарной численностью населения всего около 1,5 млрд человек значение СКР варьируется ещё в пределах от 3,6 до 4,7. То есть именно они продолжают влиять на тенденцию роста современной численности населения.

В рамках золотой пропорции предельный СКР должен соответствовать значению $\Phi = 2 \times 1,68 = 3,24$ (статистически на одну пару в течение 15-50 летнего периода репродуктивности женщины в среднем должно рождаться ею 3,24 ребёнка), которое может отождествляться с предельным достижением численности населения в условиях гармонии с темпами социально-экономического и технологического развития мирового сообщества. И **это предельное состояние гармонии должно определяться возможностью планеты поддерживать необходимое качество жизни населению в гомеостазе с окружающей средой**. Однако по данным того же Бюро переписи населения США [7] значение СКР = 3,24 уже была достигнуто к 1750 г. на уровне численности населения около 855 млн чел., рис. 1 (Г).

Численность народонаселения росла вместе с ростом СКР. Причина отклонения от состояния, когда Φ превысило значение золотой пропорции заключается не только в улучшении социально-экономического положения населения, развития технологий производства при возрастающем уровне потребления, но и в том, что репродуктивный возраст женщины увеличился, а по средней продолжительности жизни она догнала, а затем и превзошла мужское население к середине XIX столетия. К тому же расцвет великих географических открытий с XV по XVIII вв. стимулировал народы к великому переселению на мало освоенные территории. А, как известно, освоении новых земель требовало повышение рождаемости населения в странах-переселенцах.

К 2020 г. мировой СКР составляет величину 2,47, а численность населения – 7,75 млрд чел. Зная тенденцию темпов прироста населения на фоне падения СКР и прироста численности населения за счёт увеличения его продолжительности жизни, легко подсчитать, что при современных средних темпах падения СКР за 5 лет на величину 0,12 и при средних темпах прироста населения

200-230 млн чел. за то же время значение СКР достигнет 2,0 к 2050 г. при предельной численности населения около 8,5 млрд чел. Поскольку дальнейшее падение СКР неизбежно (СКР ниже простого воспроизводства населения), то начиная с 2050 г. численность народонаселения будет падать хотя бы потому, что уже в современных условиях СКР находится ниже простого воспроизводства в большинстве стран мира.

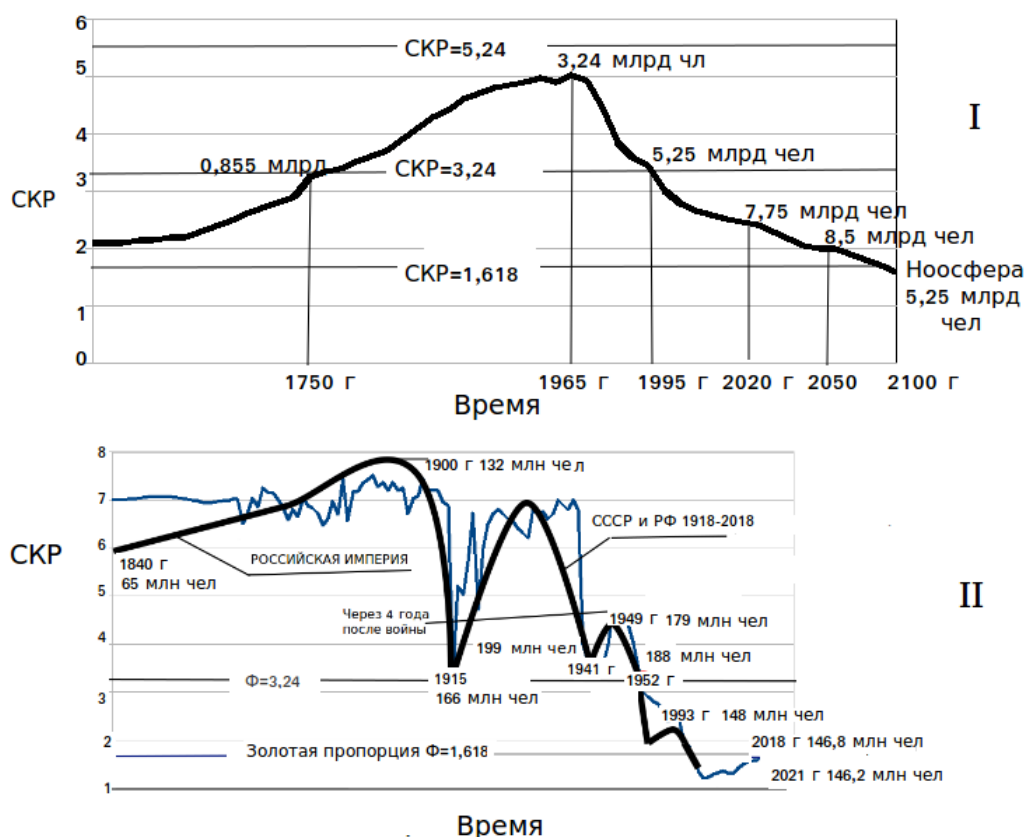

Рис. 1. Золотая пропорция в динамике изменения суммарного коэффициента рождаемости и численности населения мира (I), Российской империи, СССР и РФ во времени (II)

Fig. 1. The golden proportion in the dynamics of the change in the total birth rate and population of the world (I), the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation over time (II)

Возникает чисто теоретический вопрос. Когда в численности народонаселения мира наступит равновесие (гармония) в рамках его простого воспроизводства? Чтобы СКР оказался на уровне гармоничного прироста народонаселения в рамках золотой пропорции необходимо предельно достигнутое его значение в 2050 г. 8,5 млрд чел. уменьшить до значения Φ : $8,5:1,618 = 5,25$ (млрд чел.). Такое состояние при непрерывном сокращении СКР с 2050 г. и падением средней численности населения в год на 65 млн чел. будет достигнуто уже в **2090-2100 гг.** Это будет характерно для многих стран мира с общим населением 5,25 млрд чел., включая Китай, Индию, Азию, Северную и Южную Америку, Австралию.

Сложность оценки динамики изменения СКР в современной России вытекает из истории формирования русского этноса (рис. 1, II) в связи с тремя этапами: распадом Российской империи (1812 г. и 1917 г. с образованием СССР (1922 г.), затем распадом СССР и образованием РФ (1993 г.).

Удивительность исторической периодичности развития русского суперэтноса заключается в том, что если принять за основу наличия строгой закономерности в периодичности его формирования и распада, то необходимо обратить внимание на следующее. Между 1812 и 1917 гг. прошло около 105 лет, а между 1917 и 1993 – 74 года. В рамках возможности применения золотой пропорции для определения рубежа (года), от которого начался естественный исторически закономерный распад суперэтноса, необходимо длительность этапа его существования от 1812 до 1917 гг. (105 лет) умножить на число $\Phi = 1,618$. Получим время формирования акматической стадии (по Л. Гумилёву) Русского суперэтноса 170 лет назад относительно его распада в 1812 г. Отсюда можно определить саму дату формирования акматической стадии Российской империи: $1812-170 = 1642$ г.

Исторически действительно территория России приросла Дальним Востоком уже в 1642 г. **Документом является карта** составленная якутским пятидесятником Курбатом Ивановым

на основании данных атамана пеших казаков и землепроходца Ивана Москвитина [10]. Именно Москвитин в 1639 г с отрядом казаков под командованием Дмитрия Копылова первым из европейцев достиг Охотского моря, открыл, описал его побережье и Сахалинский залив. То есть тогдашняя Россия территориально была уже империей... ¹. И она прирастала Сибирью «...не по воле царской, а вопреки ей с помощью вольных и охочих людей, казаков ... бежавших от Урала встречать солнца в поисках освоения новых земель» [11].

В выявленной во времени **динамике ускоренного преобразования российского суперэтноса** следующий временной промежуток его преобразований определяется разностью второго и третьего этапов: $105 - 74 = 31$ (год). То есть будущей критической датой преобразования этноса РФ является 2024 год ($1993 + 31 = 2024$). Эти преобразования могут быть связаны под влиянием санкционной политики объединившегося против РФ Запада путем организации возможных переворотов внутри страны; с возможным объединением РФ и Белоруссии в рамках союзного государства или потери Белоруссии по украинскому сценарию; с добровольным вхождением в состав РФ иных территорий в том числе закреплением за РФ областей арктического шельфа.

На примере распада Российской империи, СССР и перехода к современному состоянию РФ (рис. 1, II), критерии состояния СКР и численности населения этнических образований определяются переходными состояниями от стабильности (гармоничности) общественных и социально-экономических отношений (СКР и численность населения растут), к бифуркационным (революционным) изменениям (резкое сокращение темпов прироста СКР и численности населения). Главнейшим же критерием неустойчивости и даже снижения СКР и численности населения народов является состояние неопределённости социально-экономических отношений или постоянные перемены в их организации.

К проблеме управления демографической ситуацией

Прошедшая 26 апреля 2021 г в г. Ростове-на-Дону Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Демографическое развитие России: проблемы и пути решения», организованная лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХ и ГС, показала, что в регионах России и муниципальных образованиях национальный проект «Демография» 01.01.2019 – 31.12.2024, в который включены 5 федеральных проектов², наталкивается на ряд трудностей, связанных с разными причинами. В частности, финансовая поддержка семей при рождении детей не дала заметных улучшений в состоянии демографической ситуации по причине низкого и продолжающегося снижаться СКР в регионах (таблица). Проблема пандемии Covid-19 осложнила работу Правительства в области занятости населения. Санкционное давление Запада на Россию породило неуверенность у населения в части планирования семьи. Причиной малой эффективности проекта «Демография РФ» в целом заключается в том, что Правительством при принятии проекта не была учтена **общая естественная глобальная тенденции снижения численности народонаселения к состоянию предельного простого воспроизводства** СКР = 1,618 на уровне золотой пропорции. Даже желание правительств регионов РФ выйти на простое воспроизводство населения в рамках СКР = 2,1 потребует не только времени (таблица), но и достаточно высоких темпов социально-экономического развития в них.

Таблица – **Состояние СКР в регионах РФ и необходимое время для достижения регионами простого воспроизводства населения**

Table - The state of the TFR in the regions of the Russian Federation and the necessary time for the regions to achieve simple reproduction of the population

Регион РФ	СКР 2020 г.	Необходимое время для достижения СКР = 2,1
Северный Кавказ	1,97	2-3
Уральский	1,94	3-4
Сибирский	1,9	4-5
Дальневосточный	1,89	5
Крымский	1,82	6-7
Приволжский	1,81	7
Южный	1,73	8-10
Северо-Западный	1,67	10-11
Центральный	1,56	11-14

¹ Хотя официально считается, что Российская империя была провозглашена 2 ноября 1721 года, когда Пётр I принял титул Императора Всероссийского и Отца Отечества.

² <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>

Парадокс соответствия суммарного коэффициент рождаемости населения мира коэффициенту пассионарности при формировании этноса по Л. Гумилёву

Выдающийся историк Л. Гумилёв **чисто интуитивно** пришёл к поразительному заключению, что история становления этноса и его переход в состояние суперэтноса связана с так называемым коэффициентом пассионарности [12, 13]. При этом, будучи гуманитарием, пассионарность историк связывал с психологической переменной, со сверх усилиями, сверх напряженностью индивидов, зависящими от так называемых мутаций, вызываемых разными космическими и биосферными причинами. И они через биоэнергетический потенциал биосферы [14] каким-то образом влияли на пассионариев, – людей (революционеров), способных повести этнос к созданию суперэтноса. Тем не менее Л. Гумилёв не мог обосновать принцип выведения самих коэффициентов пассионарности за что подвергался справедливой критике со стороны учёных как естественников, так и гуманитариев [15, 16, 17].

Если пассионарность, равно как и коэффициент пассионарности Л. Гумилёва, каким-то образом связаны с биоэнергетическим потенциал биосферы (среды, внутри которой возник и развивался человек), то очевидно коэффициент пассионарности также может отразиться на росте СКР и численности населения в рамках основных признаков, определяющих принципы построения самого этноса: этнографический, лингвистический, расовый. Ибо формирование этноса в направлении суперэтноса требует достаточно высоких темпов прироста численности народов, формирующих этнос.

Действительно значения СКР практически вписывается в график с численными значениями коэффициентов пассионарности (рис. 2) Л. Гумилёва до значения $n=5,24$ (числа золотой пропорции населения мира относительно $\Phi=1,618$ (3,24, 5,24). Хотя во времена Российской империи золотая пропорция в отдельные времена приближалась к значению СКР = 7,5, в СССР – 7,0, в новейшей истории РФ – 2,2. Падение значений СКР коррелирует с падением пассионарности Л. Гумилёва...

Таким образом, интуиция Л. Гумилёва не подвела. Его коэффициент пассионарности положительно коррелирует (а практически совпадает) с динамикой изменения СКР. То есть представляет собой биоэнергетический потенциал этноса (а не только отдельной личности-пассионария) способный влиять не только на динамику роста своей численности, **гармонично вписываться в биоэнергетический потенциал биосферы**, но идти за пассионариями до тех пор, пока элитой будут решаться социально-экономические потребности общества. В противном случае **неуверенность в завтрашнем дне**, жизнь в условиях непрерывных перемен или ещё хуже – тревожного ожидания неблагоприятных, заставит этнос снижать СКР, его численность и пассионарность.

Этнос «зажигают» пассионарии, а формирует его народы, входящие в этнос, способные к развитию и своей защиты. А для этого нужно воспроизводство населения, армии в условиях социокультурной, социально-экономической стабильности. Сокращение ресурсов биосферы, естественно-историческое и антропогенное изменение качества окружающей среды неизбежно во времени приведут не только к сокращению численности народонаселения, но и к новому состоянию биосферы – ноосферы. Демографическое состояние ноосферы будет определяться золотым числом СКР на уровне воспроизводства населения близким к числу $\Phi=1,618$. **А это возможно только в условиях** гуманизации мирового сообщества, способного существовать в гармонии с биоэнергетическим потенциалом биосферы по поддержанию ею жизни на земле.

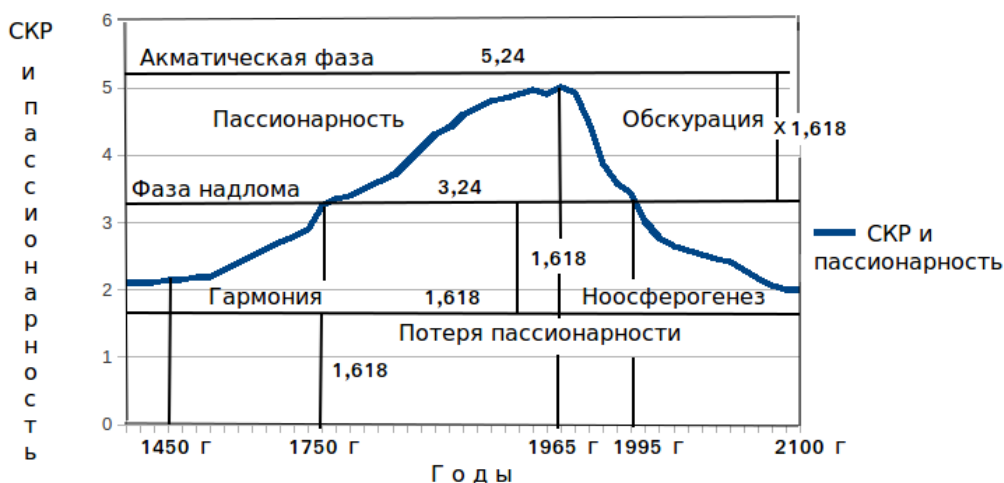

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости и коэффициент пассионарности Л. Гумилёва
Fig. 2. Total fertility rate and passionality rate L. Gumilev

Заключение

Модель золотого сечения (пропорции) в демографии даёт возможность не только вскрыть причины изменения во времени динамики СКР и численности населения. Она позволяет в рамках закона неустойчивого динамического равновесия прийти к выводу о неизбежности во времени снижения СКР и численности народонаселения в глобальном и региональном масштабах на уровне предельного воспроизводства численно приближающимся к числу $\Phi = 1,618...$ в условия перехода биосферы в состояние ноосферы.

Динамика периодичности в изменении СКР в истории человечества вскрыло прямую его связь с коэффициентом пассионарности Л. Гумилёва, определяемого как биоэнергетический потенциал этноса, чутко реагирующего на социально-экономические результаты деятельности уровня пассионарности правящей элиты.

Сущность управления народонаселением разного уровня организации заключается не столько в корректировке результатов социально-экономического развития, а в предупреждении зарождения и развития кризисных ситуаций в обществе. Наиболее чувствительным показателем снижения СКР во времени является неспособность правящей элиты формировать стабильные условия развития общества, порождающие тревожность ожидания им непрерывных перемен.

Список источников

1. Балонин Н. А., Сергеев М. Б. Матрица золотого сечения G10 // Информационно-управляющие системы. 2013. № 6(67). С. 2–5.
2. Penrose R. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics*. Oxford University Press, 1989. 480 p.
3. Аракелян Г. Б. Математика и история золотого сечения. М.: Логос, 2014. 404 с.
4. Власов В. Г. Приемы гармонизации пространства в классической архитектуре / Власов В. Г. Искусство России в пространстве Евразии. Т. 3. Классическое искусствознание и «русский мир». СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. С. 156–192.
5. Мазель Л. А. Опыт исследования золотого сечения в музыкальных построениях в свете общего анализа форм // Музыкальное образование. 1930. № 2. С. 24–33.
6. Капица С. П. Демографическая революция и Россия // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». №757-758. 29 января-11 февраля 2018.
7. Data from U.S. Census Bureau, International Data Base Estimates updated December 2009. Retrieved on January 21, 2010.
8. Кокин А. В., Кокин А. А. Смысл разума / Изд. второе, дополненное. Ростов-на-Дону – Санкт-Петербург – Москва: «Буки Веди», 2020. 359 с.
9. Кокин А. В. Ассимиляционный потенциал биосферы. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2005. 185 с.
10. Дайнес В. О. История России и мирового сообщества. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2004. 829 с.
11. Кокин А. В. Геологи. Исторический роман-эпопея в четырёх книгах. Книга первая. «Первые». СПб.: «Алкон». 2005. 350 с.
12. Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. 335 с.
13. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997.
14. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1965.
15. Кралюк П. Болезнь евразийства. Рефлексия русского самосознания в «альтернативной истории» // День. 2003. 19 апреля. № 72.
16. Лев Гумилев. Теория этногенеза: великое открытие или мистификация? М.: Издательство АСТ, 2013. 704 с.
17. Шнирельман В., Панарин С. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. Архивная копия от 2 июня 2009 на Wayback Machine, № 3 (10). 2000. С. 32–33.

References

1. Balonin N. A., Sergeev M. B. Golden cross-section matrix G10. *Informatsionno-upravlyayushchie sistemy = Information and control systems*. 2013;6(67):2–5. (In Russ.).
2. Penrose R. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics*. Oxford University Press; 1989. 480 p.
3. Arakelyan G. B. *Mathematics and the history of the golden section*. Moscow: Logos; 2014. 404 p. (In Russ.).
4. Vlasov V. G. *Techniques for harmonizing space in classical architecture*. In: Vlasov VG. Art of Russia in the space of Eurasia. T. 3. Classical art science and the "Russian world." St. Petersburg: "Dmitry Bulanin"; 2012:156–192. (In Russ.).

5. Mazel L. A. Opyt studies of the gold section in musical constructions in the light of the general analysis of forms. *Muzykal'noe obrazovanie = Musical education*. 1930;(2):24–33. (In Russ.).
6. Kapitsa S. P. *Demographic Revolution and Russia*. In: Institute of Demography of the National Research University "Higher School of Economics." №757-758. January 29-February 11, 2018. (In Russ.).
7. Data from U.S. Census Bureau, International Data Base Estimates updated December 2009. Retrieved on January 21, 2010.
8. Kokin A. V., Kokin A. A. *Meaning of reason*. 2nd ed. Rostov-on-Don - St. Petersburg - Moscow: Buki Vedi; 2020. 359 p. (In Russ.).
9. Kokin A. V. *Assimilation potential of the biosphere*. Rostov-on-Don: Publishing House of SKAGS; 2005. 185 p. (In Russ.).
10. Daines V. O. *History of Russia and the world community*. Moscow: OLMA Media Group; 2004. 829 p. (In Russ.).
11. Kokin A. V. *Geologists. A historical epic novel in four books. Book one. "First."* St. Petersburg: "Alkon"; 2005. 350 p. (In Russ.).
12. Gumilev L. N. *From Russia to Russia*. St. Petersburg; 1992. 335 p. (In Russ.).
13. Gumilev L. N. *Ethnogenesis and the Earth's biosphere*. Moscow: DIDIC Institute; 1997. (In Russ.).
14. Vernadsky V. I. *Chemical structure of the Earth's biosphere and its surroundings*. Moscow: Science; 1965. (In Russ.).
15. Kraluk P. Eurasianism disease. Reflection of Russian identity in "alternative history". *Den' = Day*. 2003; April 19th. № 72. (In Russ.).
16. Lev Gumilev. *Ethnogenesis theory: a great discovery or hoax?* Moscow: Publishing house ACT; 2013. 704 p. (In Russ.).
17. Shnirelman V., Panarin S. Lev Nikolaevich Gumilev: founder of ethnology? *Vestnik Evrazii = Acta Eurasica*. Archive copy dated June 2, 2009 on Wayback Machine, 2000;3 (10):32–33. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Кокин – доктор геолого-минералогических наук, профессор;
Ю. Ю. Садовникова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования;
Л. Н. Тимейчук – старший преподаватель кафедры экономики, финансов и природопользования.

Information about the authors

A. V. Kokin – Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor of Department of Economics, Finance and Nature Management;
Ju. Ju. Sadovnikova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economics, Finance and Nature Management;
L. N. Timeichuk – Senior Lecturer, Department of Economics, Finance and Nature Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2021; одобрена после рецензирования 19.07.2021; принята к публикации 23.07.2021.

The article was submitted 02.07.2021; approved after reviewing 19.07.2021; accepted for publication 23.07.2021

ЗАНЯТОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)

Машхура Эгамбердиевна Останова

Каршинский государственный университет, Карши, Республика Узбекистан, ostonova2112@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ механизмов и инструментов регулирования эффективности использования трудового потенциала Республики Узбекистан в условиях формирования инновационной экономики. В центре внимания – механизмы обеспечения занятости и создания новых рабочих мест как приоритетного направления развития национальной экономики в 2017–2021 гг. Сделан акцент на том, что инновационной экономике адекватен инновационный тип занятости и раскрыты его характерные черты. Обосновано, что специфические особенности региональных экономик Республики Узбекистан определяют соответствующие приоритетные направления развития рынка труда, а также выделены имеющиеся проблемы, обусловленные как внешними, так и внутренними причинами. Показано, что рост доли в структуре национальной экономики трудоёмких отраслей промышленности, особенно перерабатывающих (легкая, химическая), промышленности строительных материалов, а также сельского хозяйства объективно детерминирует повышение уровня трудоёмкости производства продукции, работ и услуг и соответствующее увеличение занятости населения. Обоснован вывод о том, что формирование новых рабочих мест, повышая занятость, служит гарантом эффективного использования трудового потенциала Республики и успешного решения ряда социальных проблем.

Ключевые слова: занятость, безработица, трудовой потенциал, приоритеты, стратегия, региональная экономика, инструментарий, инновационная экономика, диверсификация, рынок труда, конкурентоспособность, регулирование

Для цитирования: Останова М. Э. Занятость как критерий эффективности использования трудового потенциала экономики (на примере Республики Узбекистан) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 82–88. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-82-88>.

Special Topic of Issue: Labour Economy and Demography

Original article

EMPLOYMENT AS A CRITERION OF EFFECTIVE USE OF THE LABOR POTENTIAL OF THE ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)

Mashxura E. Ostanova

Karshi State University, Karschi, The Republic of Uzbekistan, ostonova2112@mail.ru

Abstract. The article analyzes the mechanisms and tools for regulating the efficiency of using the labor potential of the Republic of Uzbekistan in the context of the formation of an innovative economy. The focus is on the mechanisms for ensuring employment and creating new jobs as a priority area for the development of the national economy in 2017–2021. The emphasis is made on the fact that the innovative economy is adequate to the innovative type of employment and its characteristic features are revealed. It has been substantiated that the specific features of the regional economies of the Republic of Uzbekistan determine the corresponding priority areas for the development of the labor market, and the existing problems due to both external and internal reasons are highlighted. It is shown that an increase in the share of labor-intensive industries in the structure of the national economy, especially processing (light, chemical), building materials industry, as well as agriculture, objectively determines an increase in the level of labor intensity of production of goods, works and services and a corresponding increase in employment. The conclusion is substantiated that the formation of new jobs, increasing employment, serves as a guarantor of the effective use of the labor potential of the Republic and the successful solution of a number of social problems.

Keywords: employment, unemployment, labor potential, priority, strategy, regional economy, tools, innovative economy, diversification, labor market, competitiveness, regulation

For citation: Ostanova M. E. Employment as a criterion of effective use of the labor potential of the economy (on the example of the Republic of Uzbekistan). *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(3):82–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-82-88>.

Постановка проблемы

Феномен занятости правомерно рассматривать как совокупность социально-экономических отношений по обеспечению трудоспособного населения рабочими местами, опосредующих его участие в экономической деятельности. Она характеризует один из важнейших аспектов социально-экономического развития страны, который связан с удовлетворением потребности человека в труде [1, с. 21].

Уровень занятости – это важнейший агрегированный макроэкономический показатель, динамика которого позволяет судить о благосостоянии населения и эффективности курса социально-экономических реформ в Узбекистане. Это обуславливает высокий спрос государства, предпринимательства, гражданского общества на соответствующие исследования, прежде всего, в контексте поиска новых механизмов расширения занятости растущего населения Узбекистана [2; 3, с. 1-11; 4, с. 28–34].

Занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением их личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработок, трудовой доход. В соответствии с положениями Международной организации труда к занятым относятся¹:

- те, кто в течение определенного времени получают заработную плату за то, что занимают рабочие места;
- имеют работу, но из-за временной травмы, аварии временно перестали работать;
- работодатели и самозанятые лица или члены их семьи, формально работающие 1/3 или более рабочего времени.

По нашему мнению, к занятым следует относить всех тех, кто занят в экономике трудовой деятельностью и получает соответствующее вознаграждение. Однако в рамках многообразных теорий занятости проблема дефинирования занятости и безработицы решается по-разному:

1. Классическая теория занятости А. Пигу, в соответствии с которой отсутствует безработица, потому что в конкурентоспособной рыночной экономики заработная плата может свободно колебаться на основе спроса на рабочую силу по рыночной цене [5].

2. Кейнсианская теория занятости. Дж. М. Кейнс предположил, что уровень занятости зависит от общей потребности страны в товарах и услугах. В капиталистических странах в условиях экономического кризиса и неполной занятости фундаментальной причиной безработицы является отсутствие частных инвестиций и потребления, т.е. ограничение эффективного спроса. В этих условиях в экономике, в дополнение к добровольной и фрикционной безработице, тестируется также наличие «вынужденной безработицы». Поэтому работники готовы принять сложившийся на рынке уровень равновесной заработной платы с целью получения работы [6]. Таким образом, Кейнс утверждал, что из различных форм безработицы вынужденная безработица является наиболее серьезной. Поэтому необходимо ликвидировать вынужденную безработицу в целях достижения полной занятости. Кейнс показал, что если правительство приняло ряд мер по стимулированию эффективного спроса, например, за счет дефицита бюджета, умеренной инфляции, а также других мер социальной защиты, то можно устранить проблему «вынужденной безработицы» для достижения цели полной занятости.

3. Монетаристская теория занятости (М. Фридман). Монетаристы обосновали гипотезу «естественного уровня безработицы». М. Фридман считал, что государственное вмешательство является основной причиной инфляции, которая сосуществует с безработицей [7, с. 1-17]. Для их локализации необходимо ограничение государственного вмешательства в экономику, обеспечение в полной мере саморегулирования рынка. В результате экономика возвращается в состояние равновесия, а безработица достигает естественного уровня.

4. Модель (кривая) Филлипса используется для идентификации взаимосвязи между безработицей и инфляцией [8, р. 283-239]. Позже М. Фридман и Э. Фелпс [9] ввели понятие ожидаемой инфляции. Долгосрочная кривая Филлипса имеет вид вертикальной прямой на естественном уровне безработицы, который определяется как «не ускоряющий темпы инфляции уровень безработицы».

5. Модель (закон) А. Оукена [10, р. 59-60]. Оукен проанализировал за период с 1947 по 1960 гг. динамику объемов производства ВВП в США и данные по безработице и установил, что фактический уровень безработицы за это время увеличился на 1%. Эта взаимосвязь между динамикой ВВП и безработицы отражается законом Оукена (Okun's law), в соответствии с которым при росте реального ВВП выше его потенциального уровня уровень безработицы будет ниже естественного уровня и наоборот. Следовательно, Оукена является соединением, мостом между кривой Филлипса и кривой совокупного предложения.

¹ Международная организация труда (МОТ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org>.

Таким образом, с количественной точки зрения, полная занятость в национальной экономике обеспечивается, когда уровень безработицы поддерживается на естественном уровне, т.е. включает фрикционную и структурную, но отсутствует циклическая безработица. Вследствие особенностей экономики Узбекистана, структуры ее промышленности и высоких темпов роста численности населения уровень естественной безработицы, соответствующий полной занятости в стране, несколько выше, чем в западных странах – не 4-6 %, а около 8 %.

Поэтому на современном этапе рыночного реформирования, осуществляемого в Республике Узбекистан, повышение занятости растущего по численности населения, оптимизация уровня безработицы, формирование в процессе технического перевооружения предприятий новых рабочих мест, эффективное использование трудового потенциала являются приоритетными задачами государственной экономической политики. В силу этого в настоящее время руководством страны уделяется особое внимание механизмам повышения занятости, особенно в условиях пандемии COVID-19, эффективной реализации сложившегося трудового потенциала, роста реальных доходов населения. Эти проблемы являются основными составляющими реформ, начатых в 2016 г. и институционализированных в «Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» путем их агрегирования в рамках пяти приоритетных направлений развития Республики на 2017–2021 гг.¹ согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г.

Кроме того, еще в своем Послании 2018 г. к Олий Мажлису Президент Ш. М. Мирзиёев подчеркнул, что «постоянно в центре нашего внимания находится вопрос создания новых рабочих мест, имеющий для нас чрезвычайно важное значение»². Для решения этих задач предложен ряд мер, критерием эффективности реализации которых определено трудоустройство незанятого населения на постоянных рабочих местах, регулируемых системой государственного социального страхования, трудового и пенсионного законодательства. Как показывает анализ опыта их реализации, вы том числе, в условиях пандемии нового коронавируса, механизмы, предусмотренные принятыми законодательными и нормативными актами, являются эффективным инструментарием обеспечения занятости населения, его поддержки в словных условиях макроэкономической нестабильности.

Однако в условиях высоких темпов роста численности населения Узбекистана, ограниченности инвестиционных ресурсов в расширение инновационных производственных мощностей, стремительно ускоряющейся в условиях пандемии цифровизации экономики, общества и государства необходим поиск и реализация новых подходов к обеспечению занятости населения, позволяющих снизить напряженность на рынке труда и повысить эффективность использования имеющегося трудового потенциала страны. Поэтому цель данного исследования в идентификации путей эффективного использования трудового потенциала и оценке перспектив развития рынка труда Республики Узбекистан в условиях формирования инновационной экономики.

Занятость и тенденции создания новых рабочих мест

С развитием инновационной экономики в научной литературе появился адекватный феномен «инновационная занятость», предполагающий перманентное обновление структуры, видов форм занятости, новое содержание труда, повышение креативного потенциала человеческого капитала, реализацию его творческого и интеллектуального начал в сфере труда. Занятость инновационного типа является уже реальным фактом для стран, вступивших на путь цифровизации экономики [11, с. 539-546]. Её становление происходит под воздействием как сил рыночной природы (конкуренции), так и влияния мер государственной инновационной политики.

По экспертным оценкам, 62 % роста ВВП инновационных экономик мира достигается за счет реализации потенциала человеческого капитала и лишь 18 % – вследствие эксплуатации природных ресурсов [3]. Это свидетельствует об ускоряющемся превращении науки в непосредственную производительную силу общественного развития. Так, расходы на науку в развитых странах составляют от 2 до 3,6 % ВВП, а в Республике Узбекистан – лишь около 0,2 %. В США на образование расходуется 7,5 % ВВП, в то время, как затраты Узбекистана на финансирование системы образования составляют лишь 4,2% ВВП Республики.

Формирование инновационной экономики требует поиска принципиально новых подходов к обеспечению занятости трудоспособного населения [3, с. 1–11], реализация которых позволит значительно снизить напряженность на рынке труда и будет способствовать макроэкономической стабильности в Республике.

¹ Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. №УП-4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/3107042>.

² Послание Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева к Олий Мажлису. Ташкент: Узбекистан, 2018.

По состоянию на 1 января 2021 г. численность населения Республики Узбекистан составила 34,56 млн чел., увеличившись в течение 1991-2019 гг. почти 1,8 раза (рис. 1), а за 2020 г. – на 653,7 тыс. чел., или на 1,9 % (рис. 1). При этом более половины населения (17,49 млн чел.) проживает в настоящее время в городах.

Рис. 1. Динамика численности постоянного населения Республики Узбекистан¹

Fig. 1. Dynamics of the permanent population of the Republic of Uzbekistan

В этот период отмечался рост численности экономически активного населения республики (с 39,7 % до 44,4 %), а доля занятых в нём снизилась с 99,8 % до 95,0 %. Это сигнал рынку труда о растущем потенциале увеличения предложения рабочей силы и росте потребности в новых рабочих местах [12, с. 78]. Конечно, переход к рыночным отношениям в экономике Узбекистана привел к изменению структуры спроса на рабочую силу, вызванному диверсификацией экономической системы, развитием частного бизнеса, фермерского движения, сферы услуг (табл. 1).

Таблица 1 – Динамика структуры трудовых ресурсов в Республике Узбекистан в 1991-2019 гг.²

Table 1 – Labour force structure dynamics in Uzbekistan in 1991-2019

	1991	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Доля экономически активного населения в общей численности населения, %	39,7	36,2	38,9	42,2	43,6	43,7	44,0	44,3	45,1
Доля занятых в экономике:									
в численности населения Республики, %	39,6	36,1	38,8	39,9	41,4	41,4	41,4	41,8	43,6
в численности экономически активного населения, %	99,8	99,6	99,7	94,6	94,8	94,8	94,2	95,0	96,4

Проведенный анализ особенностей функционирования рынка труда Узбекистана за 2010–2019 гг. позволил идентифицировать следующие тренды:

1. Незначительно уменьшилась доля трудоспособного населения в общей численности населения с 58,2% до 57,2%, в частности, в результате увеличения продолжительности жизни и росте доли населения страны старше 60 лет с 6,0% до 6,4%.

2. Доля экономически активного населения в общей численности трудоспособного населения увеличилась с 72,5% до 76,9%, что характеризует процессы роста предложения рабочей силы и расширяет потребность в новых рабочих местах.

3. В результате структурных преобразований и диверсификации экономики, реализуемых мер по развитию и поддержке малого бизнеса и частного предпринимательства в общей численности занятых заметно выросла доля занятых в малом бизнесе – с 65,5 % до 78,0 %.

¹ Узбекистан в цифрах – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.uz/uz/>.

² Там же.

Промышленная сфера экономики является вторым после сельского хозяйства основным видом экономической деятельности по численности занятых. Его доля в общей численности занятых за 2010-2019 годы увеличилась с 13,2% до 13,5%, или на 286,8 тыс. человек. В последние годы количество вновь созданных рабочих мест интенсивно росло вплоть до пандемического кризиса 2020 г. Абсолютное большинство их создавалось в легкой промышленности (35,6%), промышленности строительных материалов (14,8%), машиностроении (14,5%) и пищевой промышленности (14,2%). Эти данные свидетельствуют о реиндустриализации экономики Узбекистана.

Перспективы развития рынка труда в Узбекистане

Институционально-гендерный анализ структуры рынка труда Узбекистана свидетельствует об относительно низкой экономической активности женщин, а также выявил невысокую степень их занятости. Так, в городских условиях экономическая активность и занятость женщин почти вдвое ниже, чем мужчин, а в сельской местности – еще более, чем вдвое. В то же время уровень экономической активности и занятости мужчин в сельской и городской местностях почти одинаковы.

По данным К.Х. Абдурахманова, в 2016 г. в Узбекистане доля занятых мужчин с высшим образованием составила 10,6 %, а женщин – лишь 6,5 % [2, с. 58]. Хронически низкая экономическая активность женщин, гендерное неравенство в сфере занятости ведут к сохранению высокого уровня рождаемости и малообеспеченности семей из-за низкого уровня их материального положения, формируемого преимущественно за счет занятости мужчин, а также к недоиспользованию трудового потенциала женщин в экономике. В соответствии с официальными данными, общий уровень безработицы в Узбекистане составил в 2020 г. 5,2 %, что по международным меркам не является высоким. Однако, по данным МОТ, уровень безработицы в Республике превышает 7 %, включая скрытые и неучтенные трудовые резервы¹.

При этом в условиях пандемического кризиса 2020 г. численность нуждающихся в трудоустройстве увеличилась на 500 тыс. чел. и достигла на начало 2021 г. 1,9 млн чел. Особенно высокая напряженность наблюдается на региональных рынках труда Самаркандской и Сурхандарьинской области (уровень безработицы 9,8 %), в Джизакской, Кашкадарьинской и Ферганской областях (9,7 %), а также на молодежном сегменте рынка труда (до 30 лет) – 15,3 %, среди молодежи в возрасте 15-25 лет – более 17,1%, уровень женской безработицы – 17,4 % [4, с. 32].

Анализ ситуации на рынке труда Узбекистана за последние годы показывает, что из 33,1 % женщин и 73,9 % мужчин трудоспособного возраста экономически активными были лишь 28,5 % трудоспособных женщин и 62 % мужчин. По данным Международной организации по миграции (МОМ) на 1 июля 2019 г. внешней трудовой миграцией было охвачено более 2,6 млн чел., хотя в 2013 г. их было лишь около 1,92 млн чел., из которых 42 % людей трудоспособного возраста работали неформально².

Необходимо отметить, что за 2018-2019 годы в Республике Узбекистан ситуация в сфере занятости значительно улучшилось в результате реализации государственных программ «Каждая семья – предприниматель», «Молодежь – наше будущее», на реализацию которых использовано около 2 трлн сумов для реализации в регионах Республики 2605 бизнес-проектов, способствовавших росту занятости населения. В 2019 г. фонду «Молодежь-наше будущее» дополнительно выделено ещё 2 трлн сумов, за счет которых создано 50 тыс. новых рабочих мест для молодых специалистов.

Однако, наряду с наметившимися позитивными изменениями на рынке труда и в динамике занятости населения, в этой сфере в условиях нарастания неустойчивости занятости в цифровой экономике, как об этом свидетельствуют международные и российские исследования будущего сферы труда [13], четко тестируется ряд следующих проблемных зон:

- высокая капиталоемкость экономического роста, обусловленная приоритетным развитием топливно-сырьевых отраслей экономики республики при низкой динамике создания новых рабочих мест;

- низкая динамика создания новых рабочих мест: в Узбекистане - в 2015 г. этот показатель составил 1,6%, что на порядок ниже, чем в развитых странах, а с учётом ликвидированных (заменённых) в этот период рабочих мест он равен лишь 0,6%;

- наличие высокой трудовой (в том числе, маятниковой) миграции при малой мобильности постоянного населения республики расширяет сферы неформальной занятости (по найму), теневой экономики и объёмы упущенных налоговых сборов в бюджет;

- слабое взаимодействие образовательных учреждений и рынка труда порождает дисбаланс между структурой подготовки кадров и спросом на них, вследствие чего значительная часть

¹ Международная организация труда (МОТ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org>.

² Международная организация по миграции (МОМ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iom.int

молодежи трудоустраивается не в соответствии с полученными специальностям или втягивается в сферу теневой экономики;

- в условиях пандемии возврат работников-мигрантов из России и других стран существенно повысил напряженность на сужающемся вследствие ограничения международных контактов, локдаунов, банкротств бизнес-структур, в частности, в туристической индустрии рынке труда.

В силу этого для Республики Узбекистан, с учетом региональных особенностей, нами обособлены следующие актуальные направления развития рынка труда:

- повышение конкурентности внутреннего рынка труда и мобильности рабочей силы на внутрирегиональном уровне, а также более тесная интеграция рынка труда с образовательной сферой;

- интеграция в мировой рынок труда и снижение входных барьеров на трансрегиональных и зарубежных рынках труда.

Заключение

Проведенное исследование занятости как критерия эффективности использования трудового потенциала экономики Республики Узбекистан позволило получить следующие выводы:

1. Занятость является довольно чутким индикатором состояния общественного воспроизводства, демонстрируя уровень сбалансированности факторов общественного строя производства.

2. Адекватным инновационной экономике представляется новый тип занятости, обладающий реактивной гибкостью, динамичностью, свойствами перманентного обновления, повышения потенциала человеческого капитала и реализации его креативных возможностей в сфере производства.

3. Наличие дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда формирует сложные проблемы в сфере занятости.

4. На рынке труда Республики Узбекистан, с его региональными особенностями, существует ряд проблем, обусловленных как внешними, так и внутренними причинами.

5. Анализ динамики экономического роста показывает, что в Республике ещё недостаточно используется имеющийся потенциал и резервы развития ряда отраслей промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. Особенно значительные потенциальные конкурентные преимущества сосредоточены в наиболее трудоёмких отраслях промышленности.

6. Расширение сферы функционирования рыночных механизмов размещения инвестиционных ресурсов и действие сил их рыночно-гравитационного притяжения в наиболее трудоёмкие отрасли промышленности формирует условия для увеличения количества вновь создаваемых рабочих мест, обеспечения рациональной занятости населения и эффективного использования трудового потенциала Республики Узбекистан.

Список источников

1. Совершенствование социально-трудовых отношений в современных условиях / Под ред. М. Н. Корсакова, М. А. Масыч. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014.

2. Абдурахманов К.Х. Меҳнат иқтисодиёти (назария ва амалиёт). Ташкент: Фан, 2019 (на узбекском языке).

3. Абдуллаева М. А., Абдуллаев А. А. Особенности формирования инновационных рынков услуг // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 1–11.

4. Кудбиев Ш. Д. Оценка развития рынка труда и занятости населения // "Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar" ilmiy elektron jurnali. 2020. № 6. С. 28–34.

5. Pigou A. C. The theory of unemployment. London: Macmillan, 1933. 319 p.

6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. 402 с.

7. Friedman M. The Role of Monetary Policy // The American Economic Review. 1968. Vol. 58. No. 1. P. 1–17.

8. Phillips A. W. The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861–1957 // Economica. New Series. 1958. Vol. 25. No. 100. P. 283–299.

9. Phelps E. Inflation Policy and Unemployment Theory: the cost-benefit approach to monetary planning. WDC: Macmillan, 1972. 322 p.

10. Okun A. M. Potential GNP & Its Measurement and Significance // American Statistical Association, Proceedings of the Business and Economics Statistics Section. 1962. P. 98–104.

11. Белокрылова О. С. Дисконтенты цифровизации в контексте занятости // Экономика как объект междисциплинарных исследований / Сборник материалов IV международного политэкономического конгресса (МПЭК-IV) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова и А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2020. С. 539–546.

12. Михалкина Е. В., Белокрылова О. С., Фурса Е. В. Экономика труда. М.: ИНФРА-М, 2018.

13. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: Монография / Под ред. В.Н. Бобкова. М.: РеалПринт, 2017. 560 с.

References

1. Korsakova M. N., Masych M. A. (eds.). *Improvement of social and labor relations in modern conditions*. Rostov-on-Don: Publishing House of SFU; 2014. (In Russ.)
2. Abdurakhmanov K. H. *Mexnat iqtisodiyoti (nazaria va amalyet)*. Tashkent: Fan; 2019. (in Uzbek)
3. Abdullaeva M. A., Abdullaev A. A. Features of the formation of innovative service markets. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Management of economic systems: scientific electronic journal*. 2017;(2):1–11. (In Russ.)
4. Kudbiev Sh. D. Assessment of the development of the labor market and employment of the population. *Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar, ilmiy elektron jurnali*. 2020;(6):28–34. (In Russ.)
5. Pigou A. C. *The theory of unemployment*. London: Macmillan; 1933. 319 p.
6. Keynes J. M. *General theory of employment, interest and money*. Moscow: Eksmo; 2007. 402 p. (In Russ.)
7. Friedman M. The Role of Monetary Policy. *The American Economic Review*. 1968;58(1):1–17.
8. Phillips A. W. The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861–1957. *Economica. New Series*. 1958;25(100):283–299.
9. Phelps E. *Inflation Policy and Unemployment Theory: the cost-benefit approach to monetary planning*. WDC: Makmillan; 1972. 322 p.
10. Okun A. M. Potential GNP & Its Measurement and Significance. *American Statistical Association, Proceedings of the Business and Economics Statistics Section*. 1962:98–104.
11. Belokrylova O. S. Discounts of digitalization in the context of employment. In: Bodrunova SD, Buzgalina A.V. (eds). *Economics as an object of interdisciplinary research. Collection of materials of the IV International Political Economic Congress (IPEC-IV) [Ekonomika kak ob"ekt mezhdistiplinarnykh issledovaniy. Sbornik materialov IV mezhdunarodnogo politekonomicheskogo kongressa]*. Moscow: Cultural Revolution; 2020:539–546. (In Russ.)
12. Mikhalkina E. V., Belokrylova O. S., Fursa E. V. *Labor Economics*. Moscow: INFRA-M; 2018. (In Russ.)
13. Bobkova V. N. (ed.) *Employment volatility: international and Russian contexts of the future sphere of labor*. Moscow: RealPrint; 2017. 560 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Э. Остановова – старший преподаватель кафедры экономики и сервиса.

Information about the author

M. E. Ostanova – Senior Lecturer, Department of economics and service.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 09.08.2021.

The article was submitted 06.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 09.08.2021.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОБЛЕМЫ

**Денис Сергеевич Ушаков^{1,2}, Татьяна Валентиновна Подольская³,
Евгения Александровна Васюта⁴**

¹ Университет Суан Сунанда Раджабат, Бангкок, Таиланд, fintaliano@yandex.ru

^{2,3,4} Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³ podolskayat@uriu.ranepa.ru

⁴ eug.vasuta2012@yandex.ru

Аннотация. На протяжении многих лет во всем мире растет внимание к здоровью и здоровому образу жизни. Потенциал для рынка лечебно-оздоровительных и медицинских услуг существенен, однако необходимы экономические предпосылки, чтобы потенциал смог стать перспективной точкой роста в сегменте современного здравоохранения. В статье определены основные тренды и барьеры развития здоровья как важнейшего фактора национальной безопасности. Особо подчеркнута необходимость анализа новых типов доступа к медицинским услугам.

Ключевые слова: здоровье населения, COVID-19, медицинские услуги, системы здравоохранения, телемедицина, Big Data, цифровизация, ментальное здоровье, технологические решения, многофункциональные цифровые платформы

Для цитирования: Ушаков Д. С., Подольская Т. В., Васюта Е. А. Здоровье населения как ключевой фактор экономического прогресса: современные тренды и проблемы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 89–95. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-89-95>.

Special Topic of Issue: Labour Economy and Demography

Original article

PUBLIC HEALTH AS A KEY FACTOR OF ECONOMIC PROGRESS: CURRENT TRENDS AND CHALLENGES

Denis S. Ushakov^{1,2}, Tatiana V. Podolskaya³, Evgenia A. Vasyuta⁴

¹ Suan Sunandha Rajabhat University, Bangkok, Thailand, fintaliano@yandex.ru

^{2,3,4} South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³ podolskayat@uriu.ranepa.ru

⁴ eug.vasuta2012@yandex.ru

Abstract. Over the years, attention has been growing to health and healthy lifestyles around the world. The potential for the health-improving and medical services market is significant, but economic preconditions are needed for the potential to become a promising growth point in the segment of modern healthcare. The article identifies the main trends and barriers to health development as the most important factor of national security. The need to analyze new types of access to health services was emphasized.

Keywords: public health, COVID-19, medical services, health systems, telemedicine, big data, digitalization, mental health, technological solutions, multifunctional platforms

For citation: Ushakov D. S., Podolskaya T. V., Vasyuta E. A. Public health as a key factor of economic progress: current trends and challenges. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):89–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-89-95>.

На современном этапе развития системы здравоохранения всего мира проходят своеобразную проверку на прочность. В период пандемии COVID-19 нехватка производственных мощностей и средств оперативного реагирования предстали перед обществом как глобальный вызов. Большинство стран оказались не готовы к нагрузке подобного рода на национальные системы здравоохранения. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим остроту данной проблемы, является недостаток

мест в отделениях реанимации, который приводит к быстрой переполненности лечебных учреждений абсолютно при любом сценарии развития пандемии COVID-19 и коллапсу в национальной системе здравоохранения.

Тем не менее, в силу масштабности и непредсказуемости темпов распространения COVID-19, следует констатировать, что подготовиться к сложившейся ситуации заранее было невозможно. Существующий исторический опыт (последние 90 лет), наглядно демонстрирует то, что все предыдущие пандемии были достаточно локальны, не покидали границ региона-базирования и могли быть быстро купированы, хотя иногда и влекли за собой большие человеческие потери.

Однако, несмотря на сложность, связанную с прогнозированием сложившейся эпидемиологической ситуации, сфера здравоохранения переживает этап «перезагрузки». Данный процесс, безусловно, связан с изменением отношения к здоровью и, вследствие этого, изменением потребительских ожиданий.

Так, например, для того, чтобы проанализировать, следит ли население за своим здоровьем, был проведен опрос 300 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет, проживающих в 40 различных регионах Российской Федерации. Временной период проведенного исследования находится в рамках с 2016 по 2020 год (рис. 1).

Результаты проведенного исследования подтверждает выдвинутое выше предположение и отчетливо демонстрируют тенденцию, что отношение к здоровью меняется с течением времени, особенно в период пандемии COVID-19 – в 2019 – 2020 годах.

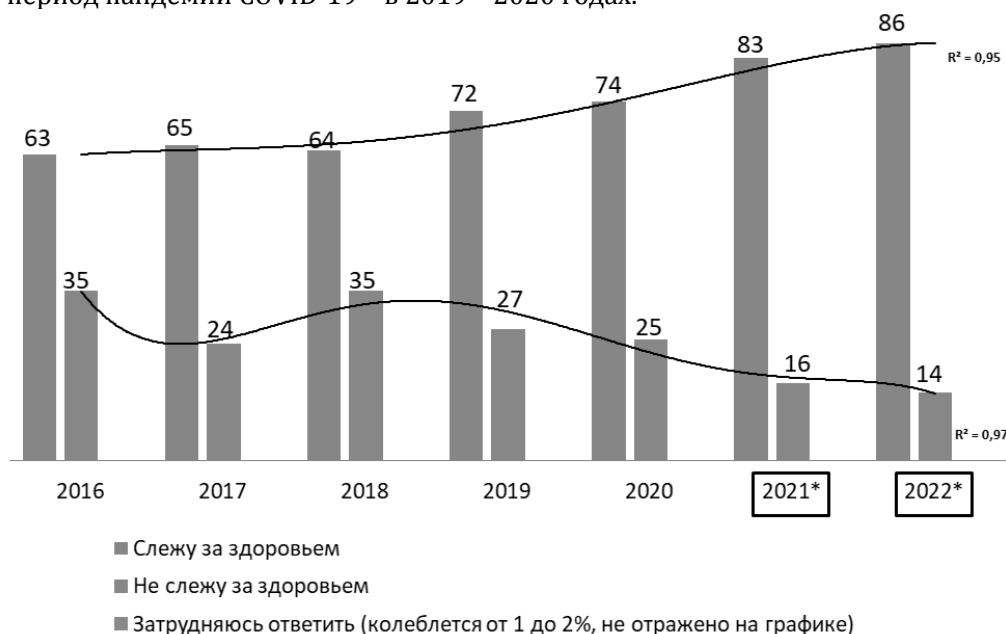

Рис. 1. Результаты опроса, связанного с отношением к собственному здоровью с учетом прогнозной оценки на 2021–2022 гг. (составлено авторами по результатам социологического опроса)

Fig. 1. The results of the survey related to the attitude to one's own health taking into account the forecast estimate for 2021–2022 (compiled by the authors according to the results of the sociological survey)

В рамках представленного исследования нами был проведен анализ значений, связанный с отношением различных возрастных групп населения к собственному здоровью в период с 2016 по 2020 год, а также построен прогноз его трансформации до 2022 года.

В ходе исследования построена линия тренда, которая как раз и позволила нам спрогнозировать, что к 2022 году здоровье будет восприниматься как абсолютная и непреходящая жизненная ценность. Помимо этого, нами также были выведены формулы, которая выглядит следующим образом:

– $Y^1 = 0,208x^4 - 0,2454x^3 + 1,7431x^2 - 3,1336x + 64,83$ (в отношении доли респондентов, которая следит за здоровьем);

– $Y^2 = -0,1625x^5 + 3,5871x^4 - 29,581x^3 + 110,88x^2 - 184,04x + 134,14$ (в отношении доли респондентов, которая не следит за здоровьем);

где Y^1 и Y^2 – значения показателей отношения к здоровью, x – данные показателя, взятые за предыдущие периоды, R – величина достоверности, которая составляет 0,95 и 0,97 соответственно, то есть максимально приближены к 1, что говорит о том, что вероятность построения данного

прогноза максимально высока). Данная математическая модель позволяет нам оценить каково будет отношение к здоровью в ближайшие два года.

Стоит обратить внимание, что в 2022 г. данный показатель будет достаточно высоким по сравнению с прошедшим пятилетием. Подтверждая выдвинутое предположение, стоит сказать, что действительно во всем мире под влиянием пандемии COVID-19 растет внимание к своему здоровью. Это отчетливо можно наблюдать среди жителей крупных мегаполисов, молодых людей и людей с высоким уровнем достатка, но постоянно находящихся в стрессовых ситуациях.

В связи с этим можно выделить 3 основных тренда, которые позволяют говорить о трансформации рынка лечебно-оздоровительных услуг, в контексте изменения спроса:

1. «Уберизация» потребления. В данном случае речь идет об упрощении самого процесса потребления медицинских и лечебно-оздоровительных услуг за счет сокращения дистанции между потребителем и продавцом (врачом и пациентом), в том числе за счет своеобразной ликвидации посредников. Более того, происходит появление доверительных отношений, что повышает терапевтический эффект от лечения, улучшая тем самым его качество.

2. Изменение ключевых ценностей в отношении здоровья. Теперь приоритетное значение имеет комфорт, удовлетворенность и качество предоставляемых услуг. Это связано с тем, что на современном этапе здоровье нации является, в том числе и общественной ценностью, фундаментом национального богатства и основой национальной безопасности каждого государства. Так в развитых странах инвестирование в человеческий капитал является приоритетной задачей, что влечет за собой увеличение доли расходов на здравоохранение. Например, в США расходы на здравоохранение составляют примерно 1/5 от всего ВВП¹.

3. Повышение спроса на высокотехнологичную помощь, что приводит к параллельному повышению спроса на различные цифровые сервисы и дистанционные каналы коммуникации. Данная тенденция в свою очередь влечет и необходимость совершенствования индивидуальных цифровых профилей, включающих в себя и данные о показателях здоровья, и напоминания о записи к тому или иному специалисту, соблюдении режима приема лекарственных препаратов и т.д.

В контексте диджитализации сферы лечебно-оздоровительных и медицинских услуг крайне наглядно проявляется тенденция роста объема инвестиций на венчурном рынке цифровой медицины начиная с 2015 г. (рис. 2). Именно на цифровую медицину приходится приблизительно 30 % всех мировых венчурных инвестиций в здравоохранении. В период с 2015 по 2019 гг. объем венчурных инвестиций показывал достаточно стабильный рост (в среднем на 30 %). В I квартале 2021 г. рост рынка сохранился на том же уровне.

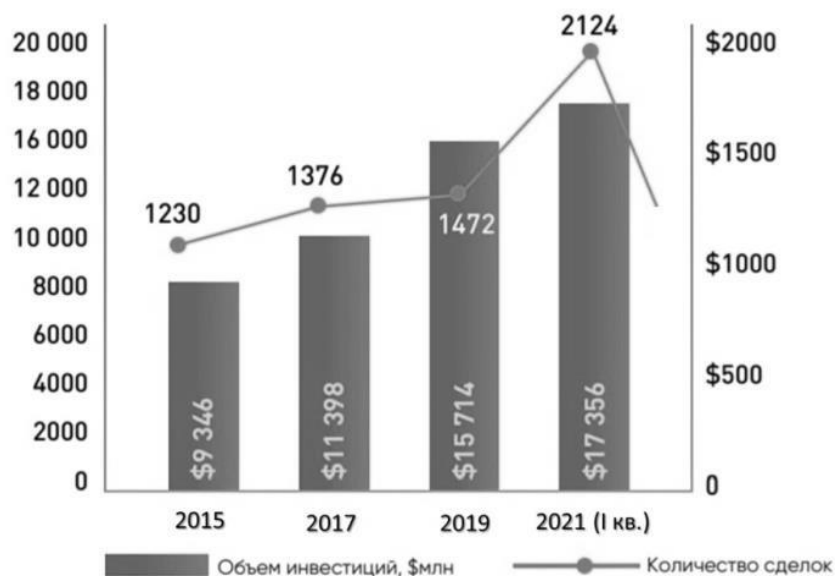

Рис. 2. Объем венчурного рынка цифровой медицины²

Fig. 2. Digital Medicine Venture Market Volume

¹ UN-WTO (2019). International Tourist Arrivals Reach 1.4 billion Two Years Ahead of Forecasts. Режим доступа: <https://www.unwto.org/press-release/2019-01-21/international-tourist-arrivals-reach-14-billion-two-years-ahead-forecasts>

² Digital Health: тренды развития рынка Digital Health в 2021. Режим доступа: https://innoagency.ru/files/Digital%20Health_%D0%B8%D0%0%B8.pdf

4. Рост спроса на превентивную медицину, вызванный ростом внимания к здоровому образу жизни вследствие увеличения стрессовых нагрузок и накопления в организме человека физической и психологической усталости. Это связано с негативным влиянием ускоряющегося научно-технического прогресса и процессов урбанизации, что привело к снижению функциональных возможностей человеческого организма.

Помимо этого, будет расти спрос на персонализированные и комплексные программы диагностики, специализированные программы профилактики, узконаправленные check-up программы, специализированные программы профилактики здоровья, немедикаментозные методы лечения, в том числе услуги диетологов и методы антивозрастной терапии.

Точная диагностика заболеваний, особенно на ранних этапах, будет играть важную роль в переходе от лечебной медицины к превентивной. Поэтому крайне важно обратить внимание на изменение привычек, путем вовлечения в заботу о себе и внимательное отношение к своему здоровью. В качестве примера можно привести население Южной Кореи. Те жители этой страны, которые следят за своим здоровьем, регулярно проходят обследование, в дальнейшем могут рассчитывать на бесплатное получение некоторых медицинских и лечебно-оздоровительных услуг. Тогда как те граждане Южной Кореи, кто игнорирует ежегодную диспансеризацию, должны оплачивать, например, операции самостоятельно.

Смещение акцента с лечебной медицины на превентивную даст определенный толчок системе подготовки медицинских кадров. Это связано с тем, что неизбежно будет расти спрос на новые специальности. Современному потребителю медицинских услуг помимо консультации профильного специалиста, будет необходима и консультация по дальнейшему мониторингу и интерпретации данных, получаемых с различных носимых устройств по контролю здоровья. Теперь востребован не просто узкопрофильный специалист (терапевт, эндокринолог, аллерголог и т.д.), а специалист, обладающий навыками расшифровки цифровых данных [1], их комплексного анализа, а также умениями эффективной коммуникации с пациентом.

Дефицит материалов на медицинскую тематику в свободном доступе, изложенных доступным для пациента языком, делает востребованной профессию и «переводчика с медицинского на язык, понятный рядовому потребителю медицинских услуг». К сожалению, сейчас эту нишу заполняют медицинские журналисты и популяризаторы науки, квалификация которых часто не выдерживает ни какой критики.

Можно предположить и то, что благодаря более внимательному отношению к здоровью и использованию цифровых гаджетов, которые будут в режиме реального времени на системной основе мониторить состояние пациентов, лечение хронических заболеваний с учетом мультидисциплинарного подхода будет более эффективным. Таким образом, формируется еще один тренд - «long life digital health monitoring and support» – отслеживание с помощью цифровых гаджетов состояния здоровья человека и его поддержка на протяжении всей жизни. Особенно этот тренд актуализировался в связи со значительным ростом таких хронических заболеваний, как сахарный диабет и гипертония, которые требуют систематического приема лекарств на основе анализа текущих показателей состояния организма. Так по оценке экспертов Школы медицины университета Чжэцзян (Zhejiang University School of Medicine) во всем мире заболеваемость диабетом выросла с 11,3 млн в 1990 г. до 22,9 млн в 2017 [2]. По данным Международной федерации диабета (IDF), в 2017 г. в мире насчитывался 451 млн взрослых с диабетом с прогнозируемым увеличением до 693 млн к 2045 г.¹ Поэтому спрос на данный вид медицинских услуг будет только возрастать.

Исходя из описанных выше тенденций можно сделать вывод, что на сегодняшний день наиболее остро стоит необходимость в пересмотре глобальной архитектуры и концепции управления здравоохранением, которая предопределяет формирование специализированной наднациональной системы мониторинга угроз, негативно сказывающихся на последней. В условиях пандемии COVID-19 создание межнациональных органов быстрого реагирования позволит:

- управлять рисками;
- обеспечивать оперативное осуществление процедуры перепрофилирования лечебно-оздоровительных учреждений и переподготовки кадров в случае возникновения эпидемий и катастроф, тем самым снижая уровень возможных экономических издержек и человеческих потерь;
- разрабатывать более совершенную систему закупок исходя из изменяющихся потребностей путем локализации производства критически важных товаров. Отсутствие оборудования и товаров

¹ Опубликован анализ заболеваемости диабетом в различных странах мира. Режим доступа: <https://medvestnik.ru/content/medarticles/Opublikovan-analiz-zabolevaemosti-diabetom-v-razlichnyh-stranah-mira.html>

первой необходимости (спецодежда, санитайзеры, тестовые системы и т.д.), необходимых для защиты от COVID-19, заставило многие страны кардинально пересмотреть цепочки поставок критически важных продуктов.

Все выделенные выше тенденции, безусловно, ведут к формированию новых моделей доступа к лечебно-оздоровительным и медицинским услугам. Нельзя оставить без внимания тот факт, что использование любых онлайн-сервисов становится привычкой, в связи с чем половина консультаций со специалистами общей медицинской практики происходит именно таким образом. Причем ритейлизация здравоохранения дает возможность заботиться о своем здоровье, получая те или иные медицинские услуги, находясь в аптеках, торговых центрах, аэропортах.

Более того, пандемия COVID-19 спровоцировала ускоренное снятие законодательных ограничений в сфере телемедицины, позволяющее врачам ставить диагноз, назначать лечение и выдавать листы нетрудоспособности удаленно. Сейчас также крайне важно разрешить дистанционную продажу лекарственных препаратов, в том числе и рецептурных, так как в условиях продолжающейся пандемии большинство диагнозов ставится на основании результатов лабораторных исследований или компьютерной диагностики. Поэтому мобильные лаборатории и небольшие медицинские центры, предоставляемые нишевые услуги (например, тестирования) становятся наиболее привлекательными и демонстрируют высокую прибыльность при наличии массового спроса.

Происходит изменение структуры получаемых и предоставляемых услуг. Так на первый план выходят прежде всего услуги, связанные с улучшением качества жизни уже в постковидный период. Появляются принципиально новые услуги, например, постковидная реабилитация. Например, американское лечебно-оздоровительное учреждение Reddy Care, расположенное на территории Нью-Йорка, перепрофилировало свои оздоровительные программы, учитывая постковидные потребности пациентов. Одна программа предназначена для уже заболевших COVID-19 и нацелена на замедление и минимизацию развития симптомов, а вторая программа необходима пациентам, которые уже переболели и направлена на преодоление осложнений после перенесенного заболевания¹.

Отметим, что реабилитация подобного рода потребуется не только пациентам, но и врачам. Эксперты прогнозируют неизбежный всплеск эмоционального выгорания почти у 10 миллионов медицинских работников. Это в свою очередь негативно влияет на качество оказания медицинской помощи, и может существенно сократить продолжительность трудовой деятельности медицинского персонала.

Это позволяет говорить о том, что здоровье выступает важной экономической категорией, характеризуя не только уровень материального благополучия населения страны, ее инновационный потенциал и социальный капитал, но и качество трудовых ресурсов.

Пандемия, безусловно, подогрела интерес ТНК к здоровью сберегающим технологиям. Помимо, известных всем гигантов, Apple, Microsoft, Google, IBM, которые сфокусировались на технологических решениях, необходимых для наблюдения за заболевшими, крупные автомобильные концерны General Motors, Ford, Tesla начали активно заниматься производством сугубо медицинского оборудования².

Помимо этого, инвестиционно привлекательными стали компании, занимающиеся разработкой систем удаленной заботы о пациентах (табл. 1).

Также происходит краткосрочный рост спроса к отдельным медицинским нишам, например, ментальное здоровье. Невозможность вести привычный образ жизни, ситуация неопределенности, финансовая нестабильность приводят к тому, что уровень тревожности становится максимально высоким. Так, например, международный фонд, направленный на улучшение психического, социального и духовного здоровья нации «Wellbeing trust» в своем отчете отмечал, что за период пандемии по всему миру насчитывается еще 75 тысяч смертей³. Они вызваны депрессией, злоупотреблением наркотическими веществами и алкоголем, самоубийствами, связанными с безработицей, социальной изоляцией и страхом заразиться вирусом. При этом важно, что в период пандемии было достаточно непросто найти эффективные механизмы, позволяющие снять тревогу. Представленные статистические данные наглядно демонстрируют то, что карантинные мероприятия стали своеобразным катализатором развития такого глобального тренда, как понимание важности ментального (психического) здоровья.

¹ COVID-19 – Срез Потребительских настроений №1: Потребители в контексте новой реальности. Режим доступа: http://romir.ru/download/BCG_Romir_Covid.pdf

² Suite of health service capacity assessments in the context of the COVID-19 pandemic, Geneva: World Health Organization Режим доступа: <https://www.who.int/teams/integrated-healthservices/monitoring-health-services>

³ Анализ риска здоровью-2021: внешнеторговые, медицинские и поведенческие аспекты: Режим доступа: [https:// conference/2043/conf_2021_materials.pdf](https://conference/2043/conf_2021_materials.pdf)

Таблица 1 – Оценка инвестиционной привлекательности
некоторых лечебно-оздоровительных организаций,
занимающихся удаленным взаимодействием с пациентами¹

Table 1 – Evaluation of investment attractiveness of some health care organizations engaged
in remote interaction with patients

Наименование компании	Направление деятельности	Объем сделки (январь 2020)	Инвесторы
KARIUS	Мониторинг после лечение инфекционных заболеваний	170 млн долл.	General Catalyst, HBM Healthcare Investments
KRY	Мобильное приложение для оказания медицинских консультаций	165 млн долл.	Accel, Creandum, Index Ventures
Concerto HealthAI	Комплексные решения для проведения лабораторных исследований	150 млн долл.	AllianceBernstein, Declaration Partners, Maverick Ventures, SymphonyAI Group
掌上糖医	Приложение для пациентов с диабетом, помогающее самостоятельно отслеживать свое состояние	144 млн долл.	Bojiang Capital, CEC Data Capital, CMB International Capital

Проанализировав данные опроса, проведенного среди 20000 респондентов из 30 стран, в рамках Всемирного дня психического (ментального) здоровья в 2020 г., можно сделать выводы, что люди стали чаще задумываться о своем ментальном здоровье вследствие трансформации потребительских предпочтений, связанных с получением различных лечебно-оздоровительных услуг².

Однако в долгосрочной перспективе продолжают развиваться те медицинские направления, в которые инвестировались средства на протяжении последних лет (рис. 3).

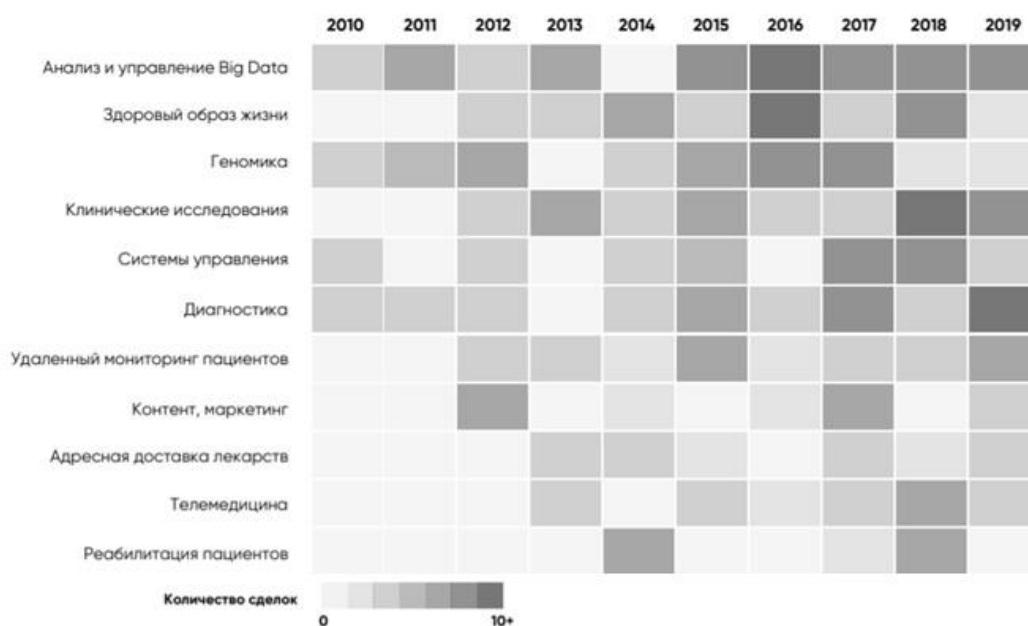

Fig. 1. Key areas and investments by major international corporations

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному можно сделать вывод, что на сегодняшний день переход от лечебной медицины к превентивной становится более контрастным. Трансформация современных систем здравоохранения предполагает, что взаимодействие будет происходить не с сугубо больными, а в большей степени со здоровыми людьми. В этом процессе важную роль будет играть накопление и анализ данных, а также точная диагностика на их основе.

¹ Suite of health service capacity assessments in the context of the COVID-19 pandemic, Geneva: World Health Organization Режим доступа: <https://www.who.int/teams/integrated-healthservices/monitoring-health-services>

² Клиническое ведение случаев COVID-19: вариативные рекомендации. Режим доступа: <https://bitstream.handle/10665/338882/WHO-2019-nCoV-clinical-2021.pdf>

³ Исследование рынка коммерческой медицины: зарубежный опыт. Режим доступа: https://assets.ey.com/content/dam/ey/sites//2020/03/healthcare_research_20208_2403020.pdf

Стоит обратить внимание на тот факт, что большинство пациентов готовы делиться персональными данными в интересах разработки новых лекарственных препаратов и совершенствования качества оказания услуг.

Изменения претерпят и провайдеры медицинских услуг. Помимо ритейлизации медицины и развития мобильных лабораторий, происходит укрупнение уже существующих традиционных провайдеров на рынке частной медицины.

Здоровье становится не просто личной ценностью, а необходимым условием, обеспечивающим качественную работоспособность, а в дальнейшем и безопасность. В связи с этим, крупные компании, являющиеся работодателями, одновременно являются и провайдерами медицинских услуг, создавая медицинские центры для поддержания здоровья исключительно для своих сотрудников и проводя ежегодные плановые диспансеризации.

Развитие здоровья и здорового образа жизни также будет напрямую зависеть от продавцов медицинских услуг, то есть от медицинского персонала, который их оказывает. В связи с этим важно, чтобы современный врач обладал такой важной компетенцией как мультидисциплинарность. Важно, чтобы он обладал не узкопрофильными, а комплексными знаниями, а также разбирался в IT-продуктах и цифровых гаджетах, позволяющих ему комплексно оценить состояние пациента, а также был компетентен в общих вопросах, связанных со здоровьем.

На первое место также выходят и платформы, созданные для взаимодействия врачей и пациентов, где пациенты будут получать своевременные рекомендации, основанные на отслеживании индивидуального течения болезни. Так на основе искусственного интеллекта и больших данных будут формироваться персонифицированные стратегии лечения и реабилитации пациентов.

Сегодня все врачебное сообщество начинает объединяться и обмениваться информацией и опытом для более быстрого реагирования и сохранения здоровья всего населения планеты. Важно, что сплочение подобного рода происходит в контексте описанных трендов, без привлечения официальных институтов, что в свою очередь позволяет предоставлять более качественные медицинские услуги, оперативно реагируя на изменяющиеся законы рынка.

Список источников

1. Васюта Е. А., Овакимян М. А., Подольская Т. В. Анализ перспектив развития блокчейн-туризма: исследование существующей практики и оценка имеющихся проблем // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 7. С. 259-261.
2. Xiling Lin, Yufeng Xu, Xiaowen Pan, Jingya Xu, Yue Ding, Xue Sun, Xiaoxiao Song, Yuezhong Ren, Peng-Fei Shan. Global, regional, and national burden and trend of diabetes in 195 countries and territories: an analysis from 1990 to 2025. 08.09.2020. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-71908-9>

References

1. Vasyuta EA, Ovakimyan MA, Podol'skaya TV. Analysis of the prospects for the development of blockchain tourism: a study of existing practices and an assessment of existing problems. *Innovatsii i investitsii = Innovation and investment*. 2020;(7):259–261. (In Russ.)
2. Xiling Lin, Yufeng Xu, Xiaowen Pan, Jingya Xu, Yue Ding, Xue Sun, Xiaoxiao Song, Yuezhong Ren, Peng-Fei Shan. Global, regional, and national burden and trend of diabetes in 195 countries and territories: an analysis from 1990 to 2025. 08.09.2020. Available from: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-71908-9>

Информация об авторах

Д. С. Ушаков – докт. экон. наук, проф. Университета Суан Сунанда Раджабат (Бангкок, Таиланд); проф. кафедры международных экономических отношений ЮРИУ РАНХ и ГС. Автор 77 публикаций в журналах и трудах конференций, индексируемых в Scopus (индекс Хирша по Scopus – 13);
Т. В. Подольская – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой международных экономических отношений;
Е. А. Васюта – аспирант кафедры международных экономических отношений.

Information about the authors

D. S. Ushakov – Doctor of Economic Sciences, Professor (Suan Sunandha Rajabhat University, Bangkok, Thailand); Professor of Department of International Economic Relations (South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA);
T. V. Podolskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations;
E. A. Vasyuta – Master of Department of International Economic Relations.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.07.2021; одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 12.08.2021.

The article was submitted 18.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021; accepted for publication 12.08.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 96–100
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3): 96–100

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 336.7

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-96-100

О КОНЦЕПЦИИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эдуард Александрович Безуглый¹, Владимир Васильевич Ткаченко²,
Анатолий Борисович Дудаев³

^{1,2,3}Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹eduardbezugly@mail.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru

³dudaev.anatol@yandex.ru

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрены аспекты внедрения на территории Российской Федерации такой новой платежной системы, как «цифровой рубль». Изучены основные положительные факторы, влияющие на банковскую деятельность. Рассмотрены функциональные возможности и преимущества внедрения Центральным Банком Российской Федерации цифрового рубля в сферу банковских услуг и его влияние на граждан, бизнес и государство в целом. В заключение даны рекомендации по внедрению цифрового рубля на территории нашего государства.

Ключевые слова: цифровой рубль, инновации, денежная единица, национальная валюта, платежная система, Центральный Банк Российской Федерации

Для цитирования: Безуглый Э. А., Ткаченко В. В., Дудаев А. Б. О концепции внедрения цифрового рубля на территории Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 96–100. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-96-100>.

Problems of Economics

Original article

ABOUT THE CONCEPT OF INTRODUCING THE DIGITAL RUBLE IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Eduard A. Bezugly¹, Vladimir V. Tkachenko², Anatoly B. Dudaev³

^{1,2,3}Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹eduardbezugly@mail.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru

³dudaev.anatol@yandex.ru

Abstract. In this article, the authors consider the aspects of the introduction of a new payment system in the territory of the Russian Federation as a "digital ruble". The main positive factors affecting banking activity are studied. The functional capabilities and advantages of the introduction of the digital ruble by the Central Bank of the Russian Federation in the sphere of banking services and its impact on citizens, business and the state as a whole are considered. In conclusion, the article provides recommendations for the introduction of the digital ruble on the territory of our state.

Keywords: digital ruble, innovations, monetary unit, national currency, payment system, Central Bank of the Russian Federation

For citation: Bezugly E. A., Strelchenko E. A., Tkachenko V. V., Dudaev A. B. About the concept of introducing the digital ruble in the territory of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(3):96–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-96-100>.

В современной России за последние десятилетия происходят значительные изменения в сфере платежного рынка. В финансовой сфере растет потребность как граждан, так и представителей бизнеса, в скорости, безопасности и удобстве осуществления переводов и платежей.

Центральный Банк Российской Федерации (ЦБ РФ) успешно работает в данном направлении и в целях содействия цифровизации финансового рынка на территории России реализует такие

инфраструктурные проекты, как Единая биометрическая система, Система быстрых платежей, платформа «Знай своего клиента» и Цифровой профиль¹.

Банк России всегда совершенствуется и стремится к тому, чтобы в современных экономических условиях учитывались современные потребности клиентов и внедрялись на финансовом рынке различные банковские инновации.

Цифровой рубль станет современной формой российской национальной валюты, будет эмитироваться ЦБ РФ и использоваться на всей территории государства наравне с наличными и безналичными рублями. Внедрение данной инновации позволит цифровому рублю иметь дополнительные преимущества повышающего его привлекательность как средства платежа. Планируется доступ к своему цифровому кошельку в оффлайн-режиме, без доступа к сети Интернет. Это позволит гражданам и предпринимателям иметь доступ к финансовой организации, в которой обслуживаются и совершать операции 24/7.

В «Концепции внедрения цифрового рубля» разрабатываемой Банком России, рассматривается процесс внедрения цифровой валюты на территории нашего государства, анализ влияния инновационного рубля на финансовую стабильность и денежно-кредитную политику государства².

Внедрение и применение данного инновационного механизма обращения денег на территории России предоставит дополнительные возможности как физическим, так и юридическим лицам оперативно проводить финансовые операции в цифровой форме, что будет положительно способствовать внедрению инновационных платежных технологий.

Центральный Банк России имеет все возможности разрабатывать, развивать и внедрять цифровой рубль в российскую банковскую деятельность. Данный процесс будет проходить поэтапно:

- необходимо оценить возможность и перспективы применения (внедрения) цифрового рубля на территории нашего государства;
- провести консультирование с различными специалистами в области IT-технологий, финансистами, экономистами;
- внести определенные коррективы в инновационную систему банковских расчетов;
- осуществить пилотное внедрение цифрового рубля для ограниченного круга клиентов.

Мониторинг финансовых услуг показывает, что в России за последние годы наблюдается значительный рост использования гражданами системы дистанционных каналов доступа к финансовым сервисам и инструментам.

Внедрение цифрового рубля на всей территории России – это длительный и дорогостоящий процесс интенсивной цифровизации российской экономики, который призван адаптировать инновационную банковскую среду к цифровой действительности функционирования бизнеса и государства.

В результате внедрения инновационного рубля качестве положительных факторов, можно выделить следующие:

- снижаются транзакционные издержки (за счет цифровизации платежных услуг);
- упрощение проведения государственных платежей;
- повышение доступности безналичных платежей;
- возможность интеграции с другими цифровыми платформами;
- повышение конкурентоспособности на финансовом рынке;
- гарантируемая ЦБ РФ сохранность средств [1, с. 27].

Функциональные возможности цифрового рубля рассмотрены в таблице 1.

Таблица 1

Возможности цифрового рубля	Возможность разработки и внедрения (ДА/НЕТ)
1. Проведение офлайн-операций в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах.	ДА
2. Без проведения идентификации клиента осуществление денежных переводов в рамках установленных лимитов.	ДА
3. При утере мобильного устройства осуществление механизма восстановления электронных денег.	ДА
4. При регистрации и открытии электронного кошелька на платформе цифрового рубля использовать систему идентификации клиента, используя Единую биометрическую систему.	ДА
5. Обеспечение возможности использования смарт-контрактов.	ДА
6. Система противодействия мошенничеству и злоупотреблению.	ДА

¹ Официальный сайт Банка России: www.cbr.ru

² Там же.

Введение нового средства платежа будет положительно влиять на развитие инновационных банковских продуктов и сервисов, а также развитие современных форм конкуренции в сфере банковских услуг [2, с. 6]. Все это положительно отразится на стоимости и качестве предлагаемых клиентам финансовых услуг.

Мерой по защите прав потребителей, использующей новую денежную единицу, является использование современных способов аутентификации при открытии клиентам финансовых кошельков [3, с. 54]. Также, потенциальные клиенты должны быть финансово грамотны в целях снижения рисков мошенничества и разрешения возникающих спорных вопросов. Для этого необходимо создание на федеральном уровне контактного центра ЦБ РФ по возникающим вопросам при покупке и использовании цифрового рубля и связанным с ним претензионным работам [1, с. 61].

Создание инновационной платежной системы в России позволит повысить надежность и бесперебойность работы платежной системы, что станет важнейшим фактором поддержания финансовой стабильности государства.

Зачастую возникают вопросы соблюдения конфиденциальности (банковской тайны) при открытии виртуальных кошельков клиентам, которые должны соответствовать действующим стандартам конфиденциальности [4, с. 167]. При этом необходимо обратить внимание на вероятность возникновения новых рисков:

- появление новых видов вредоносных программных продуктов от хакерских атак;
- с учетом системы кибербезопасности обеспечить возможность доступа к виртуальному кошельку через различные финансовые организации;
- возможность выявления и предотвращения мошеннических платежей при отсутствии систематического контроля офлайн-платежей.

Преимущества введения цифрового рубля для граждан и представителей бизнеса представлены в табл. 2.

Таблица 2

Преимущества цифрового рубля	Описание преимущества
1. Безопасность денежных средств.	В случае утраты (хищения) цифровых денег используется упрощенная система восстановления средств за счет наличия на них уникальных номеров.
2. Электронный кошелек клиента может быть доступен на платформе любой финансовой организации.	Клиент имеет возможность доступа к своим цифровым счетам, используя инфраструктуру финансовой организации, в которой обслуживается.
3. В рамках улучшения возможностей клиентского обслуживания, внедрение различных инновационных финансовых продуктов и сервисов.	Усиливается конкуренция на финансовом рынке.
4. При проведении финансовых операций происходит снижение издержек.	Финансовые операции будут тарифицироваться по общим единым для всех правилам.
5. Сохранность финансовых средств на счетах.	Центральный Банк России является гарантом сохранения цифрового рубля.
6. Всеобщая территориальная доступность к получению финансовых услуг.	Офлайн-режим (без доступа к сети Интернет) осуществляет оплату за услуги и товары между физическими лицами.

Преимущества введения цифрового рубля для участников финансового рынка представлены в табл. 3. Преимущества введения цифрового рубля для государства представлены в табл. 4.

Для того, чтобы данная инновационная модель внедрения цифрового рубля внедрилась в жизнь, необходимо подключение участников финансового рынка в единую информационную структуру, в которую входили бы ЦБ РФ, кредитные организации, а также физические и юридические лица [5, с. 70].

В рамках обеспечения информационной безопасности и киберустойчивости планируется использовать инновационные подходы в работе:

- по взаимодействию клиентов с платформой цифрового рубля по закрытым мобильным банковским каналам;
- внедрить и установить на мобильные устройства клиентов доступ к электронному кошельку, где хранятся электронные рубли специализированное программное обеспечение ЦБ РФ;
- внедрить систему криптографической защиты банковской информации.

Таблица 3

Преимущества цифрового рубля	Описание преимущества
1. Конкурентоспособность финансового рынка.	Применение высокотехнологичных сервисов финансовой организации, за счет возможности круглосуточного доступа клиентов к своим электронным деньгам усиливает конкуренцию на финансовом рынке.
2. Внедрение современных банковских сервисов.	Маркирование платежей, смарт-контракты – это инновационные финансовые сервисы, которые позволят своим клиентам проводить различные операции на новом технологичном уровне.
3. Развитие новой платежной инфраструктуры для участников финансового рынка.	

Таблица 4

Преимущества цифрового рубля	Описание преимущества
1. Контроль за расходованием бюджетных средств.	Платформа цифрового рубля обеспечит гарантированную адресную доставку целевых выплат гражданам и бизнесу.
2. Снижение издержек на администрирование бюджетных платежей.	Применение смарт-контрактов позволит автоматизировать и значительно упростить процессы администрирования бюджетных средств, повысить их эффективность и минимизировать операционные риски.
3. Потенциал для упрощения проведения трансграничных платежей.	Запуск платформы цифрового рубля может стать первым на пути к повышению эффективности трансграничных платежей и расчетов посредством ее дальнейшей интеграции с аналогичными платформами цифровой валюты центральных банков других государств.

Внедрение в российскую экономику цифрового рубля окажет серьезное влияние на финансовую стабильность, прибыльность и ликвидность банковского сектора, а также на трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики государства в целом [6, с. 85].

В скором будущем цифровой рубль частично заменит как наличные, так и безналичные средства платежа и окажет серьезное влияние на балансы кредитных организаций. При этом действующая система инструментария денежно-кредитной политики государства с учетом ее развития в будущем может обеспечить необходимый банковскому сектору уровень ликвидности. Однако влияние цифрового рубля на денежно-кредитную политику ЦБ РФ в ближайшем будущем будет незначительным [7, с. 238].

Основным положительным моментом внедрения цифрового рубля в России является возможность устанавливать и собирать цифровые отпечатки клиентов, что положительно окажет влияние на декриминализацию экономики нашего государства, т.е. мониторинг расходов населения и контроль за целевым использованием финансовых ресурсов. Что касается деятельности представителей предпринимательства, то цифровой рубль даст возможность выхода из-под санкционных ограничений и снизить санкционные риски различного происхождения. Для того, чтобы это заработало в России, нам необходима современная мощная цифровая инфраструктура.

Можно сделать вывод о том, чтобы в нашем государстве заработала новая цифровая платформа, необходимо внести значительные изменения в российские законодательные акты «О банковской деятельности», «О национальной платежной системе», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансировании терроризма», «О валютном регулировании и валютном контроле» и ряде иных законодательных актов, регулирующих сферу расчетов [8, с. 343].

По мнению сотрудников Центрального Банка Российской Федерации и многих российских экономистов, новый вид цифрового рубля приведет к деловой активности и повышению скорости оборота финансовых средств.

Для эффективной работы по внедрению цифрового рубля на территории Российской Федерации, необходимо:

- обеспечить конфиденциальность финансовых операций клиента, проводимых с цифровым рублем;
- внести коррективы в бюджетное, налоговое и уголовное законодательство;
- пересмотреть режим взыскания задолженности с клиента, в рамках проведения банкротства;
- изменить сферу социальных и финансовых правоотношений.

Сегодня Россия находится в числе стран с высоким уровнем цифровизации экономики, внедрила различные инновационные финансовые сервисы и у нас есть все шансы занять лидирующие позиции, пилотирующие цифровую валюту.

Электронный рубль в будущем будет широко использоваться всеми категориями граждан, будет обеспечивать высокую скорость обращения, простоту расчетов в режиме офлайн, онлайн, высокую надежность и низкие издержки.

Таким образом, внедрение цифрового рубля в России сделает платежи «быстрыми», что будет способствовать развитию цифровой экономики, созданию необходимых условий для внедрения финансовых и цифровых инноваций, также будет способствовать эффективности экономической деятельности и повышению конкурентоспособности.

Список источников

1. Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125) С. 55–65.
2. Янова С. Ю., Калугина Я. А., Киншин С. В. Цифровой рубль: перспективы и проблемы внедрения // Банковские услуги. 2021. № 2. С. 2–10.
3. Ахмурадова А. Б., Куленко К. А. Цифровой рубль как инструмент цифровизации экономической системы в РФ // Академия педагогических идей. Новация. Серия: Студенческий научный вестник. 2021. № 4. С. 53–56.
4. Старовойтова Я. О. Банковские инновации в регулировании теневых экономических отношений: возможности и перспективы / В сб.: Студент года 2021. Сборник статей Международного учебно-исследовательского конкурса в 6-ти частях. Петрозаводск. 2021. С. 165–172.
5. Корсунова Н. Н. Понятие банковских продуктов и услуг в обслуживании корпоративных клиентов в условиях перехода к цифровой экономике // Финансовая экономика. 2021. № 6. С. 66–77.
6. Зишина О. С., Нестеренко О. Н., Мкртумян А. А. Цифровой рубль: перспективы, потенциал, применение // Аспирант. 2021. № 4 (61). С. 85–89.
7. Попова А. И. Цифровой рубль как дополнительная форма денег в России / В сб.: Молодежь. Наука. Будущее. Международная студенческая научно-практическая конференция. 2021. С. 238–241.
8. Черчесова Э. Ю., Миронова Д. Д., Ковалева Н. Ю. Инновационные тенденции в банковской сфере // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3 (128). С. 342–345.

References

1. Gabov A. V. The digital ruble of the Central Bank as an object of civil rights. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2021;16(4 (125)):55–65. (In Russ.)
2. Yanova S. Y., Kalugina Y. A., Kinshin S. V. Digital ruble: prospects and problems of implementation. *Bankovskie usluzhi = Banking services*. 2021;(2):2–10. (In Russ.)
3. Akhmuradova A. B., Kulenko K. A. The digital ruble as an instrument of digitalization of the economic system in the Russian Federation. *Akademiya pedagogicheskikh idei. Novatsiya. Seriya: Studencheskii nauchnyi vestnik = Academy of Pedagogical Ideas. Innovation. Series: Student Scientific Bulletin*. 2021;(4):53–56. (In Russ.)
4. Starovoitova Y. O. Banking innovations in the regulation of shadow economic relations: opportunities and prospects. In: *Student goda 2021. Sbornik statei Mezhdunarodnogo uchebno-issledovatel'skogo konkursa v 6-ti chastyakh* [Student of the year 2021. Collection of articles of the International educational and research competition in 6 parts]. Petrozavodsk;2021:165–172. (In Russ.)
5. Korsunova N. N. The concept of banking products and services in servicing corporate clients in the conditions of transition to the digital economy. *Finansovaya ekonomika = Financial Economy*. 2021;(6):66–77. (In Russ.)
6. Zishina O. S., Nesterenko O. N., Mkrtyumyan A. A. Digital ruble: prospects, potential, application. *Aspirant = Postgraduate student*. 2021;4(61):85–89. (In Russ.)
7. Popova A. I. Digital ruble as an additional form of money in Russia. In: *Molodezh'. Nauka. Budushchee. Mezhdunarodnaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Youth. The science. Future. International student scientific and practical Conference]. 2021;238–341. (In Russ.)
8. Cheresova E. Y., Mironova D. D., Kovaleva N. Y. Innovative trends in the banking sector. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2021;3(128):342–345. (In Russ.)

Информация об авторах

- Э. А. Безуглый – канд. экон. наук, доц. кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел;
- В. В. Ткаченко – канд. экон. наук, ст. преп. кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел;
- А. Б. Дудаев – канд. юрид. наук, доц. кафедры административно-правовых дисциплин.

Information about the authors

- E. A. Bezugly – Cand. of Economics, Associate Prof. of the Management and Administrative Activities Department;
- V. V. Tkachenko – Cand. of Economics, Senior Lecture of the Management and Administrative Activities Department;
- A. B. Dudaev – Candidate of Legal Sciences, Associate Prof. of the Department of Administrative and Legal Disciplines.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 27.08.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 27.08.2021.

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Павел Евгеньевич Будаев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, pavelbudaev@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы и препятствия развития туризма в отечественных дестинациях. Выявлены основные виды туризма, имеющие высокий потенциал продвижения на рынке: культурно-познавательный, паломнический, пляжный, оздоровительный и деловой. Рассмотрены тенденции развития и продвижения каждого из вышеприведенных видов туризма. Даны рекомендации о продвижении туристских дестинаций. Сделан вывод о том, что наиболее рациональным шагом будет выстраивать кампанию продвижения вокруг позиционирования дестинации как центра одного вида туризма, без попыток развития всех направлений одновременно.

Ключевые слова: туризм, международный туризм, внутренний туризм, туристские дестинации, продвижение туризма

Для цитирования: Будаев П. Е. Потенциал российского туризма в посткризисный период // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 101–105. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-101-105>.

Problems of Economics

Original article

THE POTENTIAL OF RUSSIAN TOURISM IN THE POST-CRISIS PERIOD

Pavel E. Budaev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, pavelbudaev@list.ru

Abstract. The article considers the prospects and obstacles to tourism development in domestic tourist destinations. The main types of tourism that have high potential for promotion in the market are identified: cultural, pilgrimage, beach, recreational and business tourism. The tendencies of development and promotion of each of the above-mentioned types of tourism are considered. Recommendations on the promotion of tourist destinations are given. It is concluded that the most rational step would be to build a promotion campaign around the positioning of the destination as the center of one type of tourism, without trying to develop all directions simultaneously.

Keywords: tourism, international tourism, domestic tourism, tourist destinations, tourism promotion

For citation: Budaev P. E. The Potential of Russian Tourism in the Post-Crisis Period. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3): 101–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-101-105>.

2014 год стал началом кризиса туристской индустрии, повлекшим за собой значительное изменение туристских продуктов и методов их продвижения, позиционирования и реализации. После обострения международной ситуации в 2014 году, большое количество туристских фирм обанкротилось и прекратило свою деятельность. Девальвация рубля, экономические санкции и падение общего уровня экономического благосостояния российских граждан привело к пересмотру ими своего досуга, паттернов потребления и трат, что, в свою очередь, привело к падению роли выездного туризма и росту внутреннего [1, с. 135].

Туристский продукт в период кризиса рынка также начал свою трансформацию, которую можно охарактеризовать уменьшением количества туроператоров и турагентов, специализировавшихся на разработке и реализации выездных туристских продуктов. В настоящий момент в РФ имеется менее 100 туроператоров, успешно специализирующихся на выездном туризме и меньше половины из них, работают с визами. При этом количество туроператоров и турагентов, основой коммерческой деятельности которых является внутренний туризм, возросло. Кризисный период туристской отрасли начался в 2014 году и продолжается по сей день. Он характеризуется сокращением выездов российских туристов за рубеж, ростом значения внутреннего туризма и развитием въездного туризма. Иными словами, импортозамещение коснулось и туристской отрасли, которое

привело к тому, что российский турист стал потреблять меньше иностранных туристских продуктов, но при этом субъекты рынка вместе с государственным регулятором заинтересованы в повышении внимания иностранных туристов к отечественным дестинациям.

Туристские дестинации РФ часто являются объектами интересов иностранных туристов. Основными рынками сбыта туристских продуктов РФ являются такие страны как Германия, Китай и США. В настоящее время ведется работа над повышением популярности туристских дестинаций РФ у стран ближнего зарубежья и восточной, и юго-восточной Азии. Облегчается визовый режим, разрабатываются проекты особых туристских виз, и ведется экономическая, в том числе субсидиарная поддержка туроператоров, работающих с вышеописанными странами. Также заметна тенденция к проведению различных международных ивентов, которые должны повысить конкурентоспособность РФ как субъекта мирового туристского рынка.

В настоящий момент основными видами туризма, активно продвигающимися в РФ, являются культурно-познавательный, паломнический, пляжный, оздоровительный и деловой туризм [2, с. 29]. Конечно же, в России представлены и более специфические виды туризма, такие как экстремальный, природный (охота, рыбалка), круизный и другие, но в связи с их специфическим характером и их ориентацией на туристов индивидуалов, которые сами осознанно планируют свои путешествия, они не пользуются значительной популярностью у основных субъектов туристской индустрии, а государственная поддержка их хоть и имеет место, но не имеет того масштаба, который можно наблюдать в описанных выше продвигаемых государством видах туризма.

Для более глубокого понимания туристского потенциала РФ предлагаем проанализировать основные туристские ресурсы, соответствующие каждому продвигаемому в РФ виду туризма и оценить их туристский потенциал

Культурно-познавательный туризм РФ характеризуется наличием большого количества аттракторов, обладающих высоким туристским потенциалом и разнообразием, но отсутствием систематического и профессионального продвижения в медиа среде, из чего вытекает основная проблема их продвижения, лежащая на стадии первичного информирования потенциального потребителя о самом наличии продвигаемых аттракторов [3, с. 115]. Местами, неизменно пользующимися популярностью как у российских, так и иностранных туристов выступают Москва, Санкт-Петербург, а также города, входящие в так называемое «Золотое кольцо России», то есть Нижний Новгород, Казань, Волгоград, Великий Новгород, Вологда и Псков. Вышеописанные города выделяются самыми колоритными достопримечательностями, активно продвигающимися в медиа пространстве и являющимися исторически проверенными туристскими дестинациями, обладающими высоким и постоянно растущим туристским потенциалом. Для более глубокого понимания того, что делает культурно-познавательный туризм РФ популярным стоит рассмотреть основные виды туристских аттракторов.

В связи с высоким количеством этносов, проживающих на территории России и их высокими различиями, можно сказать, что музейные экскурсии бы обладали высоким туристским потенциалом, но, к сожалению, в РФ, как и во всем мире, наблюдается тенденция к снижению роли посещения музеев туристами, как внутренними, так и внешними. В настоящий момент самыми популярными музеями в мире, являются лишь те, которые обладают так называемой «Общемировой известностью» и могут содержать экспонаты, представляющие разные стороны жизни не только одной страны или культуры, но множества стран и культур сразу. Так как абсолютное большинство исторических музеев в регионах РФ посвящены именно репрезентации исторических процессов, происходящих непосредственно в регионе их местонахождения, то можно сказать, что для продвижения таких музеев необходимо использовать отдельные тактики позиционирования и маркетингового продвижения, так как сделать популярным продукт, который не находится в современном туристическом тренде является очень сложной задачей, требующей осмысления теоретиками и практиками маркетинга и менеджмента [4, с. 322].

Паломнический туризм в РФ характеризуется относительной популяризацией в связи с ростом популярности православия. Основным механизмом реализации этого вида туризма является помощь паломникам, то есть потребителям туристского продукта, в путешествии к местам религиозного подвижничества, святыням, храмам, монастырям и соборам.

Стоит отметить, что значительное количество туристских аттракторов паломнического туризма находится за пределами крупных туристских дестинаций и основной проблемой в продвижении этого вида туризма является необходимость адаптации транспортных систем к удобной и систематической работе с туристскими потоками, стремящимися к определенным местам поклонения. Это означает, что главной проблемой, встающей между субъектами туристской индустрии и их потенциальными клиентами, является невозможность или высокая сложность обеспечения им

комфортного и экономически выгодного способа перемещения к определенному объекту религиозного поклонения, если он находится за пределами туристской дестинации. Намного лучше обстоят дела с аттракторами, которые объединены в определенные исторические комплексы и обладают не только религиозной, но и культурно-познавательной ценностью. Подобные объекты туристского интереса намного проще связать с туристскими дестинациями или выстроить вокруг них отдельную.

Также одной, и весьма специфической проблемой, стоящей перед субъектами туристской индустрии в реализации туристских продуктов, связанных с паломничествами, является конкуренция с религиозными институтами, в частности с Российской Православной Церковью, которая своими силами обеспечивает трансфер из городов к местам поклонения и периодически занимается размещением паломников в своих комплексах, при этом не забывая о возможности предложить туристам-паломникам приобрести сувенирную продукцию. Нельзя сказать, что эта конкуренция является чрезвычайно серьезным фактором, останавливающим развитие паломнического туризма, однако некоторые негативные эффекты она все же оказывает. Религиозные организации, такие как РПЦ зачастую не обращают внимания на современные тенденции развития индустрии сервиса и могут обеспечить обслуживание, не соответствующее ожиданию некоторых туристов, что, в свою очередь, может оказать негативное влияние на образ дестинации, туристского объекта и индустрии в целом.

Пляжный туризм является одним из самых популярных и коммерчески выгодных видов туризма, который характеризуется высоким туристским потенциалом, и ориентацией на внутренний туризм. Самыми популярными туристскими дестинациями в РФ, специализирующихся на этом виде туризма, являются туристские дестинации Краснодарского края (Сочи, Анапа, Туапсе) и республики Крым (Ялта, Евпатория). Основной особенностью развития вышеописанных дестинаций является их высокий уровень государственной поддержки и инвестиций со стороны крупного бизнеса. Так, инфраструктура города Сочи была сильнейшим образом модернизирована за счет инвестиций во время проведения зимней Олимпиады 2014 года, что благотворно сказалось на развитии инфраструктуры дестинации и повышении уровня сервиса, что, в свою очередь, вывело Сочи в ранг одного из лидеров российского туризма. Присоединение Крымского полуострова к России тоже оказало благотворное влияние на ревитализацию некоторых туристских дестинаций за счет упрощения въезда российских туристов и подведения некоторых инфраструктурных объектов под современные стандарты сервиса.

Но стоит отметить тот факт, что в связи с неоднозначным международным положением республики Крым, которая находится в составе РФ, перспективы развития въездного международного туризма стали очень туманны, что объясняется тем, что в большинстве стран, не признавших Республику Крым как один из субъектов РФ, запрещены какие-либо экономические или туристические интеракции с этой республикой. Проще говоря, пока международная ситуация вокруг Крымского полуострова не нормализуется, невозможно будет говорить о каких-либо перспективах развития как стратегически важной туристской дестинации [5, с. 12]. Если же говорить о дестинациях вроде Сочи, Анапы и Туапсе, то основными направлениями их развития является переквалификация кадров, работающих в индустрии сервиса и туризма, и интеграция инфраструктуры к требованиям международных стандартов.

Однако развитие по вышеописанным направлениям сбавило обороты после проведения Олимпиады в 2014 году и в настоящий момент этим городам необходим очередной толчок развития, который поможет завершить трансформацию традиционных советских курортов, в соответствующие ожиданиям современных туристов места. Главным аттрактором российских пляжных курортов является сочетание приятного климата, больших пляжей и природных достопримечательностей.

Можно сказать, что самыми развитыми и перспективными туристскими дестинациями, специализирующимися на пляжном туризме, являются дестинации Краснодарского края, но для полной реализации их потенциала необходимо провести серьезную работу по борьбе с позиционированием турецких курортных дестинаций, являющимися главной причиной оттока туристов из отечественных курортных дестинаций. Так как турецкие конкуренты в сознании российского туриста позиционируются как более доступные, чем российские, то перед специалистами по продвижению отечественных пляжных курортов стоит задача по разработке альтернативной позиции, которая сможет выгодно представить продвигаемые дестинации, либо поработать с позицией конкурентов и снизить ее значение в сознании потенциальных потребителей.

Оздоровительный туризм в РФ представлен в виде домов отдыха, пансионатов, санаториев и других комплексов, специализирующихся на лечении приезжающих, сочетая в себе пользу

от пребывания в определенном климате, уход специалистов, режим питания, сна и множество других факторов, благотворно влияющих на душевное и физическое здоровье туристов.

Основными дестинациями, обладающими достаточно развитой инфраструктурой для привлечения и содержания большого количества туристов, являются дестинации Ставропольского и Краснодарского краёв, которые характеризуются мягким и теплым климатом.

Оздоровительный туризм в РФ носит сезонный характер и пиком его активности является период весна-осень, когда наблюдаются самые большие туристские потоки. Оздоровительный туризм является одним из самых старых и популярных видов туризма, который получил наибольшее распространение в период существования Советского Союза. За рабочие заслуги профсоюзы СССР часто выдавали трудящимся путевки в санаторно-лечебные комплексы, расположенные в южной части России и северной части Кавказа. Такие города, как Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск и Сочи давно ассоциируются у советских и постсоветских туристов с санаториями и пляжным отдыхом. Стоит отметить, что, так как эти оздоровительные курорты пользуются стабильной популярностью у российских туристов уже долгое время, то их менеджеры не часто заботятся об их продвижении. Это объясняется тем, что их основной целевой аудиторией являются пожилые люди или люди средних лет, испытывающие проблемы со здоровьем. Из этого следует, что новые технологии информационного продвижения этих комплексов показывают малую эффективность, объясняющуюся тем, что целевая аудитория обладает небольшой технологической грамотностью и не может своевременно реагировать на какие-либо мероприятия по продвижению санаториев. Из всего вышеописанного следует, что оздоровительный туризм в РФ носит традиционный характер и в своем сервисе и позиционировании старается поддерживать образ проверенного временем и поколениями продукта. Именно по этой причине продвижение и репозиционирование оздоровительных туристских продуктов в настоящий момент чрезвычайно затруднено, малоэффективно и требует серьезного внимания и высокого уровня реализации.

Деловой туризм в РФ можно охарактеризовать как развивающийся сегмент туристского рынка. Объяснить это можно относительно недавним появлением этого вида туризма в РФ. В Советском Союзе велась определенная деятельность, которую можно охарактеризовать как деловой туризм (командировки управленцев предприятий и номенклатуры в разные города, в которых они размещались в гостиницах, присутствовали на некоторых ивентах и принимали участие в культурных программах), но подобную деятельность нельзя назвать деловым туризмом в его современном понимании по причине отсутствия рыночной конкуренции среди продавцов туристского продукта и отсутствием адаптации дестинаций к подобному виду туризма. Стоит отметить, что почти половина всех посещающих РФ туристов приезжают именно с целью реализации своих бизнес-интересов, налаживания деловых связей, заключений контрактов и участия в различных ивентах вроде выставок и конференций.

Страны, из которых чаще всего в РФ приезжают деловые туристы – Германия, США и Китай. Отметим, что популярность делового туризма и туристские потоки всецело зависят от экономической конъюнктуры и популярности России среди мирового экономического сообщества. Объясняется это тем, что если экономический климат РФ переживает кризис, то падает и сама инвестиционная привлекательность российского бизнеса, следовательно, сокращаются экономические связи и у иностранных туристов пропадает необходимость приезжать в российские дестинации [6, с. 245]. В целом инфраструктура российских туристских дестинаций отвечает требованиям для реализации туристских продуктов, связанных с деловым туризмом, но преимущественно это применимо лишь к «столичным» дестинациям. То есть тем, в которых сосредоточено наибольшее количество серьезных бизнес-структур и в которых находится региональная администрация. Для удобства деловых туристов построены конгресс-отели, рассчитанные на массовые заезды корпоративных управленцев и сотрудников, эти отели часто имеют конгресс-холлы и залы для конференций. В целом, в городах миллионниках конгресс-отели стараются перехватить инициативу на себя и реализовать максимальное количество потребностей деловых туристов. Зачастую это соответствует целям и самим туристам, так как арендовать залы для конференций, рестораны, принадлежащие разным владельцам сопряжены с высокими тратами. Именно эти проблемы и стремятся решить конгресс-отели в крупных российских туристских дестинациях.

Проанализировав тенденции развития основных видов туризма, представленных выше, у нас складывается понимание того, что для повышения узнаваемости брендов российских туристских дестинаций необходимо концентрироваться на развитии самых рентабельных и экономически эффективных видов туризма. Основным критерием эффективности выбора подобной тактики является предсказуемость туристских потоков.

Так как большинство туристов заинтересовано в посещении самых интересных достопримечательностей, расположенных в рамках самых развитых туристских дестинаций, то можно сделать вывод о том, что целенаправленное развитие, позиционирование и брендирование туристских дестинаций региональных центров позволит приобрести достаточный паблицитный и финансовый капитал, который можно будет также использовать для развития более отдаленных от региональных центров городов.

Список источников

1. Вапнярская О. И., Ульянченко Л. А. Тенденции развития глобального туризма: влияние на маркетинг // Сервис в России и за рубежом. 2014. Т. 8. №3 (50). С. 134–138.
2. Богданова Э. Н. Проблемы устойчивого развития туризма в регионах РФ // Управление экономическими системами. 2014. № 33. С. 23–44.
3. Яковенко И. М. Туризм как составляющая экономической безопасности Республики Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2020. № 1. С. 114–124.
4. Левченко Т. П. Методические подходы к идентификации рекреационного кластера // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 320–324.
5. Яковенко И. М. Актуальные проблемы рекреационных районов Крыма // Ученые записки Таврического национального университета. География. 2007. Т. 20 (59). № 2. С. 10–20.
6. Неваленный А. Н., Левина Я. Г. Туризм в обеспечении экономической безопасности региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. Т. 3. № 12. С. 244–248.

References

1. Vapnyarskaya O. I., Ulyanchenko L. A. Trends in the development of global tourism: the impact on marketing. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and abroad*. 2014;8(3(50)):134–138. (In Russ.)
2. Bogdanova E. N. Problems of sustainable development of tourism in the regions of the Russian Federation. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami = Management of economic systems*. 2014;(33):23–44. (In Russ.)
3. Yakovenko I. M. Tourism as a component of the economic security of the Republic of Crimea. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology*. 2020;(1):114–124. (In Russ.)
4. Levchenko T. P. Methodological approaches to the identification of recreational cluster. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of modern economics*. 2011;(1):320–324. (In Russ.)
5. Yakovenko I. M. Actual problems of recreational areas of the Crimea. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Geografiya = Scientists Notes of Taurida National University. Geography*. 2007;20((59)2):10–20. (In Russ.)
6. Nevaleny A. N., Levina Y. G. Tourism in the provision of economic security of the region. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: problems, solutions*. 2015;3(12):244–248. (In Russ.)

Информация об авторе

П. Е. Будаев – канд. социолог. наук, доц. Высшей школы бизнеса.

Information about the author

P. E. Budaev – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Higher School of Business.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.06.2021; одобрена после рецензирования 14.07.2021; принята к публикации 09.08.2021.

The article was submitted 29.06.2021; approved after reviewing 14.07.2021; accepted for publication 09.08.2021.

Научная статья

УДК 330.1:330.3

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-106-110

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ ДВУХСЕКТОРНОЙ МОДЕЛИ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Оксана Александровна Ищенко-Падукова¹, Ирина Викторовна Мовчан²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ishchenko-oa@mail.ru

²movchani@mail.ru

Аннотация. Двухсекторная модель смешанной экономики – методологический инструмент исследования двойственной природы любой социально-экономической структурной организации как на макроуровне, так и в отраслевом, и посферном аспектах. В данной статье проведен анализ сферы образования в методологических координатах двухсекторной модели смешанной экономики, позволяющий расширить понимание как экономической характеристики системы образования, так и ее социальной природы. В координатах модели двухсекторного строения экономика образования предстает концептуальной экосистемой, реализующей как экономические, так и социальные интересы общества.

Ключевые слова: экономика образования, двухсекторная модель смешанной экономики, рыночный сектор сферы образования, нерыночный сектор сферы образования, экосистема образования

Для цитирования: Ищенко-Падукова О. А., Мовчан И. В. Образовательная экосистема в методологических координатах двухсекторной модели смешанной экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 106–110. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-106-110>.

Problems of Economics

Original article

EDUCATIONAL ECOSYSTEM IN METHODOLOGICAL COORDINATES OF A TWO-SECTOR MIXED ECONOMY MODEL

Oksana A. Ishchenko-Padukova¹, Irina V. Movchan²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ishchenko-oa@mail.ru

²movchani@mail.ru

Abstract. The two-sector model of a mixed economy is a methodological tool for studying the dual nature of any socio-economic structural organization, both at the macro level and in the sectoral and spherical aspects. This article analyzes the sphere of education in the methodological coordinates of a two-sector model of a mixed economy, which makes it possible to expand the understanding of both the economic characteristics of the education system and its social nature. In the coordinates of the two-sector model, the economy of education appears as a conceptual ecosystem that realizes both the economic and social interests of society.

Keywords: economics of education, two-sector model of mixed economy, market sector of education, non-market sector of education, education ecosystem

For citation: Ishchenko-Padukova O. A., Movchan I. V. Educational ecosystem in methodological coordinates of a two-sector mixed economy model. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):106–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-106-110>.

Сфера образования, претерпевающая многочисленные функциональные трансформации, в аспекте своей фундаментальной сущности представляет сочетание экономической и социальной составляющих в своем системном двухсекторном строении, что и предопределяет необходимость анализа данной сферы как высоко значимого для общества социального феномена, так и одной из сфер национальной экономики.

В современной образовательной системе чисто рыночные принципы функционирования не имеют доминирующей ценности, предопределяя приоритет общественной ценности как самого процесса образования, так и образовательных услуг.

Социальный характер образования, и как процесса, и, как системы, заключается в формировании экосистемного подхода к организации образовательного пространства на всех уровнях.

Однако и современные тенденции развития экономики образования достаточно широко представлены в трудах современных отечественных исследователей, анализ которых показал, что в значительной степени формированию образовательных экосистем способствуют следующие актуальные направления развития образования:

- цифровизация образования и онлайн обучение [1, 2];
- формирование инновационно-внедренческой среды вуза [3];
- усиление реакции образовательной системы на запросы рынка труда [4];
- развитие интеллигент-маркетинга как инструмента повышения конкурентоспособности вуза [5];
- внедрение компетентностно-ориентированного подхода в развитии образования [6];
- совершенствование системы непрерывного образования [7];
- реинжиниринга методического сопровождения высшего образования [8].

Концепт двухсекторной модели в идеальном строении смешанной экономики [9] основан на линейном характере спроса и предложения при их единичной эластичности. Это обуславливает структурное равенство рыночного и нерыночного секторов смешанной экономики и эффективность такого состояния исходя из постулатов классической экономической теории. Подробный анализ и графическая интерпретация структурного строения экономики образования в координатах двухсекторной модели представлен нами в более ранней публикации [10].

Двухсекторная модель смешанной экономики имеет коэволюционный характер, который проявляется в консолидации и взаимовлиянии рыночного и нерыночного секторов, в их взаимной неисключаемости, а синергетическом эффекте. Однако в двухсекторной модели смешанной экономики изменение степени эластичности спроса и предложения и, соответственно линий их графической интерпретации, трансформирует структурную емкость рыночного и нерыночного секторов. Это важный аспект для анализа как самой смешанной экономики, так и ее сфер, и отраслей. Изменение реакции производителей и потребителей на динамику цены меняет не только графическую конфигурацию модели, но и параметры рыночного и общественного способов получения блага.

Анализ экономики образования наглядно и интуитивно демонстрирует ее двухсекторную смешанную природу, поскольку, с одной стороны, рыночный сектор экономики образования функционирует в соответствии с экономическими законами, но, с другой стороны, образование - социальное благо, конституционное право и в значительной степени фактор экономического роста и воспроизводства трудового и научного человеческого капитала. Именно поэтому подходы к анализу экономики образования, основанные на исключительной рыночности образовательной услуги весьма ограничены и требуют методологического расширения анализом социальной природы сферы образования, но не с позиций социологического, а с позиций экономического или междисциплинарного анализа.

Экономика образования более устойчива к циклическим колебаниям (даже в периоды экономических кризисов вклад экономики образования в ВВП остается относительно стабильным). Ацикличность экономики образования как сферы общественного производства, тем самым, обуславливает устойчивость и адаптивность национальной макроэкономики к циклической волатильности.

Несмотря на стремительный характер количественных и качественных функциональных изменений в экономике образования (онлайн-обучение, дистанционный формат, смена парадигм) ее двойственная фундаментальная природа, общественная роль и базовые функции практически не претерпевают изменений. Функциональные изменения, касающиеся диверсификации предметных моделей и образовательных технологий, трансформации механизмов финансирования способствуют ускорению становления инновационных экосистем, базирующихся, однако, на фундаментальной социально-экономической платформе системы образования как сферы общественного воспроизводства.

При этом необходимо учитывать общественные интересы в сфере образования, поскольку социальная природа экономики образования обусловлена превалированием общественных интересов в образовательной сфере над коммерческими интересами организаций.

Исходя из этих постулатов, следует заключить, что важнейшими экономическими императивами сферы образования являются следующие:

- экономика образования не может быть самоокупаемой, что обусловлено ее некоммерческой природой и высокой социальной значимостью, что имеет правовое конституционное закрепление;
- рыночные тенденции в сфере образования не могут и не должны служить посягательством на интересы общества в сфере образования, а должны быть направлены на расширение спектра рыночного предложения образовательных услуг и обеспечить потребителю альтернативность выбора.

Современные реформы системы образования во многих странах мира направлены на расширение вариативности образовательных программ, индивидуализации образовательных траекторий, социализации и инклюзивности, что, по сути, дает импульс развития уникальных инновационных экосистем образования, расширяя не только потенциал образовательных организаций и их социальных партнеров, но и сопряженные сферы (индустрии компьютерного оборудования и образовательных технологий, сферы обслуживания, издательско-полиграфических услуг и прочих). Таким образом, экономика образования выступает драйвером макроэкономического роста, задавая импульс развитию сопряженных отраслей с учетом мультипликативного эффекта, что за счет ацикличности экономики образования стабилизирует национальную хозяйственную систему даже в периоды турбулентности.

В границах как отдельной образовательной организации, так и всей системы образования процесс предоставления образовательных услуг не протекает в чистом виде, а сопровождается наличием определенной социальной инфраструктуры. Развитие социальной среды и социальной инфраструктуры образовательной организации выступает важнейшим и ключевым элементом формирования образовательной экосистемы.

В уже сложившемся представлении экосистема образования выступает кластерной совокупностью организаций [11], взаимодействие которых базируется на партнерских отношениях. Системообразующими принципами при этом выступают:

- формирование образовательных экосистем на основе взаимодействия локальных образовательных и партнерских организаций в ключе первичности механизмов сотрудничества и вторичности механизмов конкуренции с целью создания нового знания и/или интеллектуального инновационного продукта;
- взаимодействие образовательных экосистем с внешней средой и их адаптация к внешним «шокам» (здесь, в первую очередь, речь идет о взаимодействии образовательной экосистемы с рынком труда и ее способностью гибко реагировать на изменяющиеся потребности рынка труда);
- стабилизация образовательной экосистемы и выработка механизмов защиты от несвойственных ей процессов, нарушающих баланс экосистемы и приводящей к конфликтности объектно-субъектных отношений;
- приоритет принципов кастомизации, в соответствии с которыми интеллектуальные и инновационные продукты, формируемые в образовательной экосистеме, должны быть взаимосовместимыми.

Современные реалии формируют экосистемные механизмы в сфере образования, что обусловлено следующими тенденциями:

- растущей зависимостью организаций системы образования от различных форм партнерства (государства, бизнеса, некоммерческих организаций) в различных сферах деятельности (образовательной, научно-технологической, воспитательной, обучающей, проектной, социальной и экономической);
- необходимостью сотрудничества с организациями технологического сектора (в условиях ускорения процессов технологического роста и цифровизации образовательный процесс претерпевает инновационный сдвиг);
- объективностью экономических ограничений, связанных с финансированием технологической и социальной инфраструктуры;
- функциональной динамичностью экономики образования в свете новых инновационных и цифровых тенденций.

Таким образом, экосистема в сфере образования – сеть партнерских отношений частных, государственных и общественных организаций как заинтересованных сторон в конкретном общественном благе. Отличие экосистемы образования от образовательного кластера заключается в ее более сложном и совершенном организационном устройстве, ядро которой образует образовательная организация, имеющая сетевые взаимосвязи и партнерские отношения с внешними относительно организации, но внутренними относительно экосистемы участниками социально-экономических отношений.

Кроме того, в рамках образовательной экосистемы формируются отношения, выходящие за рамки традиционных рыночных отношений между субъектами спроса и предложения образовательных услуг.

В макроэкономическом аспекте экосистема образования представляет собой диверсифицированную сеть организаций, интересы которых совпадают и подчинены одной общей социальной цели.

В микроэкономическом аспекте экосистема образования представляет собой локальную вертикально или горизонтально выстроенную взаимосвязь конкретных организаций, объединенных территориально и фронтально.

В предметном поле экономической теории экосистема образования имеет коэволюционный характер и двухсекторное строение, синтезируя подходы различных исследовательских направлений, академических и научных школ.

Сотрудничество в рамках образовательной экосистемы, инициированные не только образовательными организациями, но и заинтересованными в реализации общественных интересов представителями государства и бизнеса, предопределяет функциональный сдвиг в организационно-управленческом механизме сферы образования. Это связано с тем, что экосистемный подход в сфере образования основан на сочетании уникальностей локальных образовательных программ и образовательных технологий и возможностей масштабирования этих уникальностей, а элементы технологических, организационных и образовательных новшеств, создаваемых в образовательных экосистемах, усиливают социальную миссию образования через трансформацию эффективных образовательных практик и моделей обучения.

Концептуально образовательная экосистема представляет собой сочетание рыночных и нерыночных форм и механизмов регулирования, а также растущей диверсификации субъектов предложения образовательных услуг.

В последние годы тенденции диверсификации экосистем в сфере образования проявляются в:

- усилении поуровневой интеграции локальных образовательных организаций (школа-вуз);
- создании креативных пространств, направленных на усиление партнерских отношений между заинтересованными организациями (точки кипения, онлайн площадки);
- организации кружкового движения;
- усилении интерактивности между участниками образовательного процесса и партнерскими организациями;
- развитии инновационных экосистемных механизмов (интерактивные музеи, инкубаторы, технопарки).

Функционально образовательная экосистема выступает эффективной формой частно-государственного партнерства, в частности, в аспектах формирования образовательной инфраструктуры, реализации социальных проектов, благотворительности частного сектора и социальной ответственности частного бизнеса.

В образовательных экосистемах рыночная и организационная логика не противодействуют социальным процессам свойственным образованию и его традиционными функциями, а усиливают их. Более того, именно в сочетании общественных и частных интересов задается импульс трансформации традиционной образовательной системы к инновационной экосистеме, формирующейся и функционирующей на иных принципах образовательной и академической иерархии.

Признаками экосистемы инновационного типа в сфере образования следует признать:

- эффективное партнерство образовательных организаций с коммерческими и благотворительными организациями, восполняющими недостаточность государственного финансирования инфраструктуры, обучающих технологий;
- стартапы в области образовательных технологий, генерирующих инновационные процессы и создающих новые знания и способы их распространения.

Образовательные организации выступают ядром экосистемы как естественные центры исследований, разработок, образовательных технологий, производства инновационных продуктов, которые, с одной стороны, выступают предметом масштабирования интеллектуальных достижений и повышения потенциала человеческого капитала, а, с другой стороны, являются системообразующим элементом партнерства, способствующего генерации и развитию образовательных и обучающих технологий.

Экосистема образования построена на своего рода уникальном коэволюционном механизме, в котором взаимодействие организаций рыночного и нерыночного секторов направлено на усиление продуктивного функционала каждой из них, что отражается в методологии двухсекторной модели.

Список источников

1. Акимова Н. А., Иволгина Н. В. Цифровая экономика и цифровизация образования // *Modern Economy Success*. 2020. № 3. С. 110–118.
2. Андреев В. В., Паршина Ю. С. Использование основных технологий и принципов экономики образования при формировании инновационно-внедренческой среды вуза // *Вопросы региональной экономики*. 2016. № 4 (29). С. 138–145.
3. Антипина Н. М., Жигирева Е. Г., Гусева Т. А. Онлайн-обучение и экономика образования // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 4-2. С. 8–11.
4. Виниченко В. А., Нехорошков В. П. Реакция образовательной системы на запросы рынка труда // *Вопросы новой экономики*. 2019. № 4 (52). С. 12–21.

5. Демененко И. А. Перспективы интеллигент-маркетинга как инструмента повышения конкурентоспособности вуза // Вестник НГУЭУ. 2016. № 3. С. 272–279.
6. Попов А. И. Социально-экономический эффект реинжиниринга методического сопровождения высшего образования // Эко-потенциал. 2016. № 2 (14). С. 155–160.
7. Мамедов О. Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 2001. 224 с.
8. Oksana Ishchenko-Padukova, Elena Kazachanskaya, Irina Movchan. Economy of education: national and global aspects // Journal of International Studies, Vol. 10, No. 4. 2017.
9. Павлова С. М. Проблемы развития непрерывного образования в России // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 1. С. 144–148.
10. Мишунина Л. Н., Якубовский Ю. В. Роль компетентностно-ориентированного подхода в развитии образования по направлению «Экономика» // Проблемы высшего образования. 2017. № 2. С. 37–39.
11. Флек М. Б., Угнич Е. А. Профессионально-образовательный кластер как экосистема: развитие в условиях цифровой трансформации // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 4. С. 146–159.

References

1. Akimova N. A., Ivolgina N. V. Digital economy and digitalization of education. *Modern Economy Success*. 2020;(3):110–118. (In Russ.)
2. Andreev V. V., Parshina Yu. S. Using the main technologies and principles of the economics of education in the formation of the innovation and implementation environment of the university. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Problems of regional economy*. 2016;4(29):138–145. (In Russ.)
3. Antipina N. M., Zhigireva E. G., Guseva T. A. Online training and the economics of education. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: theory and practice*. 2019;(4-2):8–11. (In Russ.)
4. Vinichenko V. A., Nekhoroshkov V. P. Reaction of the educational system to the requests of the labor market. *Voprosy novoi ekonomiki = Issues of New Economy*. 2019;4(52):12–21. (In Russ.)
5. Demenenko I. A. Prospects of Intelligent Marketing as a Tool to Increase the Competitiveness of the University. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya = Vestnik NSUEM*. 2016;(3):272–279. (In Russ.)
6. Popov A. I. The socio-economic effect of reengineering the methodological co-conduct of higher education. *Eko-potentsial = Eco-Potential*. 2016;2(14):155–160. (In Russ.)
7. Mammadov O. Yu. Mixed economy. Two-sector model. Rostov-on-Don; 2001. 224 p. (In Russ.)
8. Oksana Ishchenko-Padukova, Elena Kazachanskaya, Irina Movchan. Economy of education: national and global aspects // Journal of International Studies, Vol. 10, No. 4. 2017.
9. Pavlova S. M. Problems of the development of continuing education in Russia. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific review. Pedagogical science*. 2017;(1):144–148. (In Russ.)
10. Mishunina L. N., Yakubovsky Yu. V. The role of a competent-oriented approach in the development of education in the direction "Economics". *Problemy vysshego obrazovaniya = Problems of higher education*. 2017;(2):37–39. (In Russ.)
11. Fleck M. B., Ugnich E. A. Vocational-educational cluster as an ecosystem: development in the context of digital transformation. *Journal of Economic Regulation*. 2018;9(4):146–159. (In Russ.)

Информация об авторах

О. А. Ищенко-Падукова – канд. экон. наук, доц. кафедры политической экономики и экономической политики;
И. В. Мовчан – канд. экон. наук, доц. кафедры политической экономики и экономической политики.

Information about the authors

O. A. Ishchenko-Padukova – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Political Economy and Economic Policy;
I. V. Movchan – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Political Economy and Economic Policy.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021; одобрена после рецензирования 12.07.2021; принята к публикации 19.07.2021.

The article was submitted 28.06.2021; approved after reviewing 12.07.2021; accepted for publication 19.07.2021.

Научная статья

УДК 336.02

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-111-115

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГЛАВНЫЕ ТРЕНДЫ И ИЗМЕНЕНИЯ

Елена Юрьевна Золочевская¹, Анастасия Васильевна Скидан², Алина Тиграновна Микая³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

²tark-anastasiya@yandex.ru

³alinaeri@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ современной экономической ситуации, динамика экономических показателей в период пандемии, антикризисные меры государства в сфере налогообложения для стимулирования и поддержания стабильности экономики в посткризисный период. Представлены основные характеристики основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и плановый 2020 и 2023 года. Исследованы изменения налогового законодательства в 2021 г. для малого и среднего бизнеса, для IT-сферы, физических лиц, бухгалтерского учета для целей налогообложения и др.

Ключевые слова: налоговая политика, НДС, НДФЛ, УСН, патентная система, IT-отрасли, налоговые льготы, государственная политика, антикризисные меры, экономический рост, кризис

Для цитирования: Золочевская Е. Ю., Скидан А. В., Микая А. Т. Налоговая политика Российской Федерации: главные тренды и изменения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 111–115. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-111-115>.

Problems of Economics

Original article

TAX POLICY OF RUSSIAN FEDERATION: MAIN TRENDS AND CHANGES

Elena Yu. Zolochevskaya¹, Anastasia V. Skidan², Alina T. Mikaya³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

²tark-anastasiya@yandex.ru

³alinaeri@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the current economic situation, the dynamics of economic indicators during the pandemic, anti-crisis measures of the state in the field of taxation to stimulate and maintain the stability of the economy in the postcrisis period. The main characteristics of the main directions of the budget, tax, customs and tariff policy for 2021 and the planned 2020 and 2023 are presented. The changes in tax legislation in 2021, for small and medium-sized businesses, for the IT sector, individuals, accounting for tax purposes, etc. are studied.

Keywords: policy, personal income tax, patent system, IT-industries, tax benefits, state policy, anti-crisis measures, economic growth, crisis

For citation: Zolochevskaya E. Yu., Skidan A. V., Mikaya A. T. Tax policy of Russian Federation: main trends and changes. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):111–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-111-115>.

Экономическое развитие государства во все времена обеспечивалось за счет финансов, источником которых являются налоги. Как известно именно налоги являются ключевым инструментом воздействия государства на национальную экономику и посредством выполнения основной фискальной функции формируют бюджет страны.

Налоговая политика в целом – это процесс сочетания и реализации интересов всех экономических агентов, для стимулирования экономического роста или наоборот сдерживания стремительного развития. Посредством налогообложения возможно нивелировать негативные проявления в экономике через изменение налоговых ставок или поддержать конкретный вид деятельности с помощью налоговых преференций (льготы, каникулы).

Сегодня российская налоговая политика направлена, прежде всего, на совершенствование законодательства и решение задач по минимизации влияния падения экономической активности на среднесрочный и долгосрочный потенциал экономики.

Кризис, связанный с распространением коронавирусной инфекции Covid-19 затронул все страны и многие отрасли экономики. В 2020 г. ВВП России сократился на 3,1%. В марте 2020 г., для российской экономики шоком стало падение цен на нефть сорта «Юралс», что мгновенно негативно отразилось на доходах российского бюджета. В связи с распространением и профилактикой коронавирусной инфекции Covid-19 многими государствами мира для стабилизации ситуации были приняты пакеты антикризисных мер направленные на поддержку системы здравоохранения и здоровья нации, что значительно повлияло на сферу платных услуг (закрытие границ, товарооборот, туризм и рекрутинг и т.п.), сокращение объема на 17,3% по сравнению с 2019 г. Объем розничной торговли также показал в 2020 году снижение на 4,1%, что привело к сокращению грузооборота транспорта – на 4,9%. В России вырос уровень официально зарегистрированных безработных – в 3,2 раза [1].

Ожидаемо, после падения цен на нефть, недополучение в бюджет страны доходов от налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами (рис. 1). Объем доходов от налоговых поступлений в 2020 г. сокращается на 36,0% (в сопоставимых ценах 2019 г.). Поступления от налога на прибыль сокращаются на 14,5%, что обусловлено стремительным падением прибыли организаций деятельность которых напрямую связана с наиболее пострадавшими отраслями экономики в период локдауна.

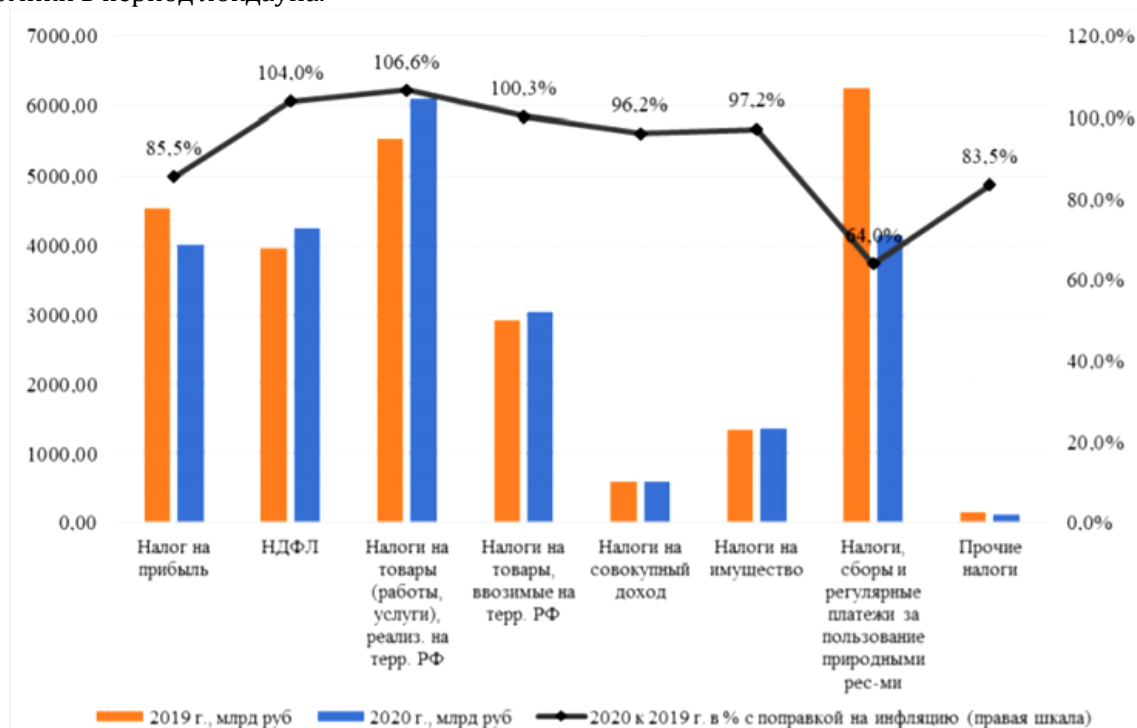

Рис. 1. Динамика налоговых доходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, млрд руб. и %

Fig. 1. Dynamics of tax revenues of the consolidated budget of the Russian Federation and budgets of state extrabudgetary funds, billion rubles and %

Из рис. 1 видно, что сокращение поступлений в консолидированный бюджет страны от налогов на имущество (с учетом инфляции) и налогов на совокупный доход напрямую связаны с принятыми мерами органов государственной власти в целях поддержки малого и среднего бизнеса, снижения их налоговой нагрузки и обеспечения условий для преодоления кризиса. Несмотря на снижение уровня поступлений в бюджет по значительному количеству налогов, мы наблюдаем рост поступлений от налога на доходы физических лиц (НДФЛ), а также от налогов на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ.

Темп прироста доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2020 г. – с отрицательным значением, это не только доходы российского бюджета в целом, но и налоговые доходы, и социальные взносы, в частности. Лишь прочие неналоговые доходы показали незначительный рост на 0,7% (табл. 1).

Из таблицы видно: доходы консолидированного российского бюджета в 2020 году по сравнению с 2019 годом сократились на 6,4 %.

Таблица 1 – Доходы консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2019 и 2020 гг.

Table 1 – Revenues of the consolidated budget of the Russian Federation and budgets of state extrabudgetary funds in 2019 and 2020

Наименование	2019 г., млрд. руб.	2020 г., млрд. руб.	Темп прироста (2020 г. к 2019 г. в сопоставимых ценах), %
Доходы бюджета, итого	39110,3	37856,7	-6,4
в том числе:	25320,9	23633,4	-9,7
Налоговые доходы			
Страховые взносы на обязательное соц. страхование	8247,7	8072,6	-1,0
Неналоговые и прочие доходы	5971,7	6150,7	0,7

Минфин России, при формировании основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 г. и плановый 2020 и 2023 гг.¹ в соответствии с указами Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», с учетом кризисных тенденций (всемирная пандемия Covid-19) утвердили план действий, обеспечивающий оперативное восстановление занятости населения, их доходов, стабилизацию роста экономики в условиях долгосрочных структурных изменений.

Прежде всего, при формировании направлений налоговой политики органы государственной власти обозначили три ключевых направления, по которым формируются меры преодоления кризиса:

1. Комплекс мер, обеспечивающих комфортные налоговые условия (обеспечение стабильности и предсказуемости неналоговых платежей (квазиналоговых).

2. Стимулирующие налоговые меры, включающие в себя: расширение сферы применения налоговых вычетов; отмену видов налогов и специальных налоговых режимов; снижение ставок и предоставление налоговых льгот и каникул.

3. Меры отраслевого характера, затрагивающие развитие не только узконаправленных сфер (нефтегазовой), но и развитие инфраструктуры, сформированной вокруг той или иной сферы (сформирован Фонд развития с вложениями в размере 4 трлн руб. до 2024 года; введение нового налога на дополнительные доход – НДД); налоговый маневр – снижение ставки экспортной пошлины на нефть до 0% с пропорциональным повышением ставки НДС; снижение административных издержек и облегчение администрирования в целом [2].

В условиях стремительной цифровизации и цифровой трансформации Минфин России, так же как и другие ведомства, активно внедряет новые идеи по оптимизации отраслевых и финансовых мер [3]. Для малого и среднего бизнеса поэтапно вводится отмена государственной пошлины за регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в формате цифрового документа и создание нового специального налогового режима, который должен стать переходным с упрощенного налогового режима (УСН) и патента на общий; поэтапный перевод всех B2G-отношений в электронный вид.

Исследуя современные тренды налоговой политики Российской Федерации, необходимо отметить, что с учетом кризисного и посткризисного развития (постпандемийного развития), как и любое другое государство мира Россия адаптируется к внешним и внутренним условиям, что отражается в долгосрочных и оперативных изменениях налоговой системы.

Изменения налогового законодательства в 2021 году происходили с учетом колоссального влиятельного экономического кризиса на малый и средний бизнес, а также с учетом поддержания на стабильном уровне всех сфер экономики страны. Систематизация изменений и нововведений в налоговой системе России (табл. 2) показывает, что данные изменения определены современной ситуацией, и только с их реализацией хозяйствующие субъекты смогут сформировать максимально эффективную и оптимальную налоговую политику на микроуровне.

Но это не единственные изменения, кроме них государство в лице Росстата планирует провести сплошное статистическое наблюдение в части функционирования и развития малого и среднего бизнеса. Отметим, что в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего бизнеса в Российской Федерации» данные наблюдения проводятся 1 раз в 5 лет².

Также значительным изменением является расширение перечня товаров, подлежащих обязательной маркировке (молочная продукция, сыры, мороженое, велосипеды, упакованная вода и др.).

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и плановый 2020 и 2023 года - Режим доступа: [Консультант плюс]. - Загл. с экрана

² Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ «О развитии малого и среднего бизнеса в Российской Федерации» - Режим доступа: [Консультант плюс]. - Загл. с экрана

Таблица 2 – **Ключевые изменения в налоговом законодательстве России в 2021 году**
 Table 2 – Key changes in Russian tax legislation in 2021

Вид налога	Изменения
Единый налог на вмененный доход (ЕНВД)	С 2021 г. отмена данного спецрежима
Патентная система налогообложения (ПСН)	- Расширен список видов деятельности, дающих право воспользоваться патентом; - Увеличены доступные размеры площадей торгового зала для организаций общепита до 150 кв. м.; - Организациям, находящимся на патентной системе, разрешили уменьшить налоговую ставку на размер страхового взноса (Федеральный закон от 23.11.2020 г. №373-ФЗ)
Упрощённая система налогообложения (УСН)	- Доходы не должны превышать 200 млн руб.; - Средняя численность сотрудников разрешена до 130 чел. (Федеральный закон от 03.07.2020 г. №266-ФЗ и Закон №373; ст.346.14 НК РФ, ст.346.20 НК РФ); - Налоговые каникулы действуют для вновь зарегистрированных ИП на УСН или патенте (до конца 2023 г.). (Нулевая ставка налогообложения на два налоговых периода с момента регистрации ИП) (Федеральный закон от 15.10.2020 г. №320-ФЗ; от 31 июля 2020 г. №266-ФЗ; п.4 ст. 246.20, п.3 ст. 346.50 НК РФ)
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	- Повышение ставки в отношении доходов свыше 5 млн руб.; - Сведения из справки включены в годовой 6-НДФЛ (п. 1 ст. 224 НК РФ)
Налог на добавленную стоимость (НДС)	- Не облагается налогом текущая хозяйственная деятельность организаций, признанных банкротами (Федеральный закон от 15.10.2020 г. №320-ФЗ); - Продлен срок действия пониженной ставки (10%) в отношении внутренних воздушных перевозок (кроме Москвы и Московской области, Крым, Севастополь, Калининградская область, Дальневосточный федеральный округ) (Федеральный закон от 23.11.2020 г. № 374-ФЗ (в ред. от 29.12.2020 г.); - Расширен список медицинских товаров и услуг, импорт и реализация которых освобождены от налога; - Введение электронного документа оборота для системы Tax Free (Федеральный закон от 20.07.2020 г. №220-ФЗ); - Не облагается НДС реализация и передача программного обеспечения (с соблюдением ряда условий подп. 26 п.2 ст.149 НК РФ) (Федеральный закон от 15.10.2020 г. №320-ФЗ); от 31 июля 2020 г. №265-ФЗ)
Налог на прибыль организаций	- Получили льготы на налог резиденты Арктики (особая экономическая зона – Арктическая с нулевой ставкой в федеральный бюджет и пониженной ставкой в региональный бюджет) (ст. 284 НК РФ); - Производители периодических изданий (газеты, журналы и т.п. получили право на списание нереализованной продукции до 30% от стоимости тиража (Федеральный закон от 15.10.2020 г. №323-ФЗ); - Расширен перечень расходов, по которым организация может заявить инвестиционный налоговый вычет (расходы по НИОКР). 90% расходов по НИОКР организация вправе отнести на уменьшение в региональный бюджет, 10% в федеральный бюджет; - Проценты по «коронавирусным» кредитам, возможно включать в расходы по мере оплаты (действует до 31.12.2021 г.) для бизнеса пострадавшего в период пандемии – рестораны, фитнес-клубы и т.п.; - Налог снижен для компаний IT-отрасли с 20% до 3%;
Страховые взносы	- Ставки страховых взносов снижены для компаний IT-отрасли до 7,6%; - Предельная база для взносов на ОПС - 1 465 тыс. руб, на ВНиМ – 966 тыс. руб; - Пособия по временной нетрудоспособности и детские пособия платят напрямую работникам, а работодатель оплачивает только первые 3 дня болезни (Пилотный проект во всех субъектах РФ).
Региональные и местные налоги	- Единый по всей стране срок уплаты транспортного и земельного налога до 1 марта.

Изменения произошли и в бухгалтерской сфере, а именно в бланках отчетности по финансовым результатам организации (изменение в ПБУ 18/02)¹; предприятия малого бизнеса сдают бухгалтерскую отчетность строго в электронном виде; изменился и перечень лиц, отчетность которых подлежит обязательному аудиту (организации, доходы которых превышают 800 млн. руб.).

¹ Положение по бухгалтерскому учету «Учет расчетов по налогу на прибыль» (ПБУ18/02):[утверждено Приказом Минфина России от 19.11.2020г №114] - Режим доступа: [Консультант плюс].- Загл. с экрана

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что органы государственной власти внесли данные изменения не только с целью поддержки пострадавших отраслей в период пандемии, создания привлекательных условий для приоритетных бизнес-сфер, но и обеспечения бюджету стабильности получения дохода от налогов. Это обусловлено прежде всего тем, что 2020 год стал серьезным потрясением для жизнедеятельности всего мирового сообщества.

В связи с пандемией, объявленной Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), а впоследствии и локдауном в большинстве стран мира, в глобальной мировой экономике произошли серьезные трансформации, прежде всего это падение индексов на мировых биржах, стремительное снижение цен на нефтепродукты, закрытие границ между государствами, что привело к разрыву экономических связей, остановка мощностей производства; транспортный коллапс, все это и многое другое привело к спаду мировой экономики.

Таким образом, можно резюмировать, что при успешной реализации мер по изменению законодательства в сфере налогообложения направленных на преодоление стагнации экономики и поддержку малого и среднего бизнеса ситуация стабилизируется и ВВП на уровень 1,2-1,5% в год выведет страну на вектор экономического роста. Однако в непростых условиях экономических и политических «санкций», а также ввиду сопротивления среди населения в отношении экономических и налоговых реформ, данная задача остается крайне сложной.

Список источников

1. Игнатова Т. В., Ажогина Н. Н. Финансовая обеспеченность домашних хозяйств как фактор роста экономики региона / В сборнике: Современные проблемы развития социально-экономических систем: инновационные подходы и решения в управлении и маркетинге. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 130–134.
2. Арсеньева В. А., Саркисян А. Д. Теоретические аспекты построения концепции налоговой безопасности региона // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 1 (128). С. 7–11.
3. Скидан А. В., Чипига Ю. А. Последствия цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации / В сборнике: Современные тенденции развития общества: образование, коммуникация, психология. Сборник по итогам научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2020. С. 87–90.

References

1. Ignatova T. V., Azhogina N. N. Financial security of households as a factor of regional economic growth. In: *Modern problems of the development of socio-economic systems: innovative approaches and solutions in management and marketing. Materials of the III All-Russian scientific and Practical conference with international participation*. Rostov-on-Don; 2021:130–134. (In Russ.)
2. Arsenyeva V. A., Sarkisyan A. D. Theoretical aspects of building the concept of tax security of the region. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2021;1(128):7–11. (In Russ.)
3. Skidan A. V., Chipiga Yu. A. Consequences of the digital transformation of public administration in the Russian Federation. In: *Modern trends in the development of society: education, communication, psychology. Collection based on the results of a scientific and practical conference with international participation*. Rostov-on-Don; 2020:87–90. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. Ю. Золочевская – докт. экон. наук, проф., зам. директора;
 А. В. Скидан – канд. экон. наук, доц. кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, директор центра научно-образовательной политики;
 А. Т. Микая – магистрант.

Information about the authors

E. Yu. Zolochevskaya – Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director;
 A. V. Skidan – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting, Director of the Center for scientific and educational policy;
 A. T. Mikaya – Master's Degree student at the Faculty of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 26.08.2021; принята к публикации 28.08.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 26.08.2021; accepted for publication 28.08.2021.

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТА КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПЕРЕУСТРОЙСТВА НЕОЭКОНОМИКИ

Андрей Николаевич Козлов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ko-an-14@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается преобразование неоэкономики в специфике трансформационного поведения субъекта корпоративных отношений при формировании нового экономического взаимодействия. Функционирование эффективного инновационного становления неоэкономического пространства предопределяет участие всех заинтересованных субъектов в применении факторов производства постиндустриального мира. Современный подход субъекта корпоративных отношений к проблеме новой экономики рассматривает социально-экономические отношения в концепции корпоративного общества. Показана необходимость переустройства неоэкономики для дальнейшего продвижения и сотрудничества в области информационного, технологического, инновационного, инвестиционного и предпринимательского потенциала других хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: корпоративное общество, институт собственности, неоэкономика, социально-экономические отношения, хозяйствующий субъект, предпринимательский аспект, государственное влияние, институциональная среда, субъект корпоративных отношений

Для цитирования: Козлов А. Н. Специфика субъекта корпоративных отношений в период переустройства неоэкономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 116–121. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-116-121>.

Problems of Economics

Original article

THE SPECIFICS OF THE SUBJECT OF CORPORATE RELATIONS DURING THE RESTRUCTURING OF THE NEO-ECONOMY

Andrey N. Kozlov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ko-an-14@mail.ru

Abstract. The article considers the transformation of neo-economics in the specifics of the transformational behavior of the subject of corporate relations in the formation of a new economic interaction. The functioning of the effective innovative formation of the geo-economic space determines the participation of all stakeholders in the application of production factors of the post-industrial world. The modern approach of the subject of corporate relations to the problem of the new economy, considers socio-economic relations in the concept of corporate society. The necessity of restructuring the neo-economy for further promotion and cooperation in the field of information, technological, innovative, investment and entrepreneurial potential of other economic entities is shown.

Keywords: corporate society, institute of property, neo-economics, socio-economic relations, economic entity, entrepreneurial aspect, state influence, institutional environment, subject of corporate relations

For citation: Kozlov A. N. The specifics of the subject of corporate relations during the restructuring of the neo-economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3): 116–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-116-121>.

Особенности трансформации субъекта корпоративных отношений в условиях нового экономического применения, рассматриваются через механизм использования хозяйственного взаимодействия внутри корпоративного общества, при котором осуществляются все направления экономических отношений современного хозяйственного сотрудничества. Преобразования субъекта корпоративных отношений в условиях новой экономической действительности предопределяет вектор производственного взаимопроникновения и взаимосвязей в структуру корпоративного

общества, как много форматный инструмент хозяйственного преобладания неэкономического характера. Специфика субъекта корпоративных отношений рассматривает условия такого влияния на новое экономическое воздействие, как необходимость сотрудничества между отдельными субъектами корпоративных отношений в контексте экономического поведения внутри корпоративного взаимодействия хозяйственного механизма и преобладанием рыночной действительности технико-экономического характера.

Формирование современного постиндустриального применения в развитии нового экономического направления между отдельными субъектами корпоративных отношений, а это отношения между: 1) индивидуумами производственного процесса; 2) акционерами внутри корпоративного общества; 3) наемными работниками; 4) управлением и менеджментом корпорации, показывают возможности нового хозяйственного влияния на структуру субъекта корпоративных отношений. В таких условиях также осуществляется взаимодействие с внешними субъектами экономического сотрудничества в лице государства и субъектов государственного управления, что показывает технологическое преобразование в контурах свободного расходования всех видов ресурсов постиндустриального периода [1, с. 154]. Особые условия нового экономического времени определяются использованием финансовых ресурсов, трудовых ресурсов, информационных ресурсов и интеллектуальных ресурсов в приоритетах неэкономике, что показывает возможность для субъектов корпоративного общества реализовывать новые программы развития и реформирования отечественного организационного, производственного, технологического и информационного взаимодействия корпоративных структур и внутрикорпоративного пространства.

Влияние неэкономического положения на корпоративные отношения предопределяет значимость организационно-производственного и организационно-информационного вектора развития корпорации, где спецификация организационно-экономического взаимного применения хозяйственного подхода усиливает производственную, технологическую и информационную базу субъекта корпоративных отношений, что непосредственно сказывается на технико-производственных связях и организационно-технологических элементов транзитивного преобразования корпоративных структур.

Деловая активность в период технологического применения усиливает возможности корпоративного общества, что дает раскрываться: 1) предпринимательскому потенциалу корпорации; 2) производственной активности в период кризисных явлений; 3) социально-экономическому вектору развития корпоративной структуры; 4) внутрикорпоративному управлению в рамках стратегического преобразования корпорации; 5) коллективной системе организационно-производственной мощности корпорации. Определяя увеличение административно-технологической единицы, в самой компании формируется видение дальнейшего применения организационно-технологического фактора в среде институционального влияния на возможности компании, а также использование организационно-промышленного и организационно-хозяйственного элемента, как внешнего фактора развития, так и внутреннего фактора развития самой корпорации [2, с. 189].

Приоритеты неэкономике в контексте современного технологического переустройства определяют, какими способами необходимо осуществлять трансформацию корпоративных отношений, и при каких моментах могут возникать новые эффективные возможности организационно-экономических отношений, что в разрезе акционерного капитала, активов корпорации и реформирование неосязаемых активов, показывает направление в структуре внутреннего хозяйственного взаимопроникновения.

Интенсивный способ производственного цикла осуществляется на весь объем корпоративной продукции, которая влияет на специфику корпоративных отношений, что для субъекта предопределяет функционирование и будущее использование ноу-хау как стратегию технико-производственного становления. В таких условиях нового экономического развития отношения при производстве, распределении, обмене и потреблении формируют необходимость: 1) быстрого преобразования институтов собственности на права интеллектуального продукта; 2) рыночного воздействия на концепцию всего интеллектуального производства; 3) информационно-технологического лидерства в условиях новой экономики; 4) осуществление прогнозируемого плана управления интеллектуальной и информационной стратегии корпоративного общества.

На уровне трансформационного поведения субъекта корпоративных отношений интенсивный способ производства выводит на новые ступени хозяйственного применения современные реалии экономического, социального, промышленного, технологического, производственного и информационного участия субъекта корпоративных отношений в преобразовании своей корпорации. Это, несомненно, открывает для дальнейшего участие субъекта корпоративных отношений в разработке программ инновационного развития в деятельности самого корпоративного общества [3, с. 146].

Такое участие рассматривается в специфике современного постиндустриального мира как необходимость будущего существования самой корпорации в неэкономике, а это предопределяется через: 1) производственно-технологический прорыв корпорации; 2) информационно-инновационный вектор преобразования; 3) функционально-инновационный приоритет формирования хозяйственного ведения деятельности корпорации; 4) новый план инновационного реформирования самой корпорации. Степень ответственности программ развития инновационного формата рассматривается в рамках нового экономического влияния на все уровни управления корпоративного общества, где планирование краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного хозяйственного периода оказывает на стратегическое видение деятельности положительный результат [4, с. 11].

Эффективность инновационного преобразования в условиях неэкономики отстает от развития через функциональное участие всех заинтересованных субъектов в дальнейшем развитии нового применения факторов производства постиндустриального мира, а это, прежде всего фактор производства труд и фактор производства предпринимательство, как особенные возможности и стремление корпоративного общества в направлении инновационного развития. В этих условиях также необходимо раскрыть мощное поступательное движение всех видов ресурсов постиндустриального общества, а это, прежде всего информационные ресурсы и интеллектуальные ресурсы, которые дают для субъекта корпоративных отношений использование новых вершин и позиций инновационного продукта в ответственности экономического взаимодействия корпоративного общества. Осторожность применения внутри корпоративного общества интеллектуальных и информационных ресурсов постиндустриального мира, в рамках производственно-инновационного и производственно-технологического устройства, показывает всю сложность применения этих устройств в развитии нового экономического времени [5, с. 359].

Ситуационный подход к проблематике субъекта корпоративных отношений рассматривает новые социально-экономические отношения в концепции корпоративного общества, как фактор влияния на хозяйственную деятельность при котором происходит формирование отношений между отдельными группами хозяйствующего субъекта, социальными классами корпоративного общества, отдельными коллективами корпорации, а также всеми членами самого акционерного общества. Прогнозирование социально-экономических отношений внутри корпоративного общества усиливает стратегию технико-информационного использования ресурсов в направлении отношений собственности на средства производства, т.е. владельцы основных фондов компании рассматривают институты собственности в направлении собственных экономических интересов [6, с. 503]. Это создает для корпоративного общества не всегда лучшую позицию в условиях, когда необходимо уходить вперед, разрабатывать и создавать: 1) конкурентное преимущество в период создания ноу-хау; 2) новое производство высоко технологических товаров; 3) инновационную продукцию и информационные услуги, которые предопределяет высокую степень конкурентоспособности в борьбе за лучшие позиции на рынке.

Осуществление социально-экономических отношений в контексте преобразования субъекта корпоративного общества указывают на сложность внутрикорпоративного взаимодействия между группами акционеров, а это отношения среди миноритарных акционеров и мажоритарных акционеров, т.е. те отношения, которые принимаются и формируются в период хозяйственной деятельности компании, что указывает на степень ответственности в работе самого корпоративного общества. Такая ситуация в разработке внутрикорпоративного устройства не может не отражаться на ведении всего спектра производственного потенциала компании, и социально-экономические отношения, в условиях неэкономики, совершенствуются в зависимости от нового хозяйственного функционирования, т.е. где возможность реализовывать и раскрывать все необходимые предпочтения внутрикорпоративного взаимодействия, определяет хозяйственный потенциал компании [7, с. 54]. Степень открытости социально-экономических отношений выводит хозяйственный потенциал компании в новое экономическое пространство, где ответственность за результаты деятельности, а это: 1) положительная динамика экономического развития корпорации; 2) снижение рисков от внутрикорпоративных столкновений интересов; 3) планирование будущего освоения и завоевания доли на рынке, показывает специфику деятельности субъекта корпоративных отношений.

Для возможного улучшения внутрикорпоративного управления в условиях неэкономики рассматривается предпринимательский аспект как структурно-производственный подход к применению инновационной политики корпорации, информационной политики корпорации и технико-организационной политики, что приводит к формированию и улучшению планирования хозяйственной деятельности в рамках перспективного варианта развития субъекта корпоративных отношений [8, с. 84]. Вариантность развития предпринимательского аспекта показывает, что в современной ситуации необходимость преобразования хозяйственного применения осуществляется

с соблюдением некоторых мер: 1) предпринимательской направленности деятельности хозяйствующего субъекта; 2) составления программ развития самой корпорации; 3) правового сопровождения деятельности компании; 4) использования предпринимательского аспекта в разрезе нового экономического мышления; 5) применения траектории политико-экономического взаимодействия. Внутренние условия предпринимательского аспекта позволяют реализовывать в деятельности хозяйствующего субъекта, т.е. самой корпорации, необходимые направления экономической деятельности, что дает для них быстрого внедрения в производственный процесс все новые исследования в области информационно-технологического производства, а это позволяет влиять на результаты деятельности субъекта корпоративных отношений [9, с. 207].

Информирование субъекта корпоративных отношений в области предпринимательского функционирования, рассматривается как необходимость переустройства неэкономике для дальнейшего продвижения в области технологического и информационного сотрудничества многих хозяйствующих субъектов, т.е. корпораций, что позволяет воздействовать на структуру нового информационно-технологического и информационно-производственного направления предпринимательского вектора развития корпоративного общества.

Некоторые особенности переустройства неэкономического характера в структуре предпринимательского поведения, позволяют осуществлять для субъекта корпоративных отношений необходимость быстрой ориентации на изменяющуюся конъюнктуру рыночного взаимодействия и взаимопроникновения отечественного хозяйственного пространства, а это в свою очередь предопределяет институциональные преобразования в условиях предпринимательского сообщества [10, с. 8]. Это позволяет раскрывать возможности предпринимательского поведения в структуре корпоративного сообщества через: 1) успешность выдвижение вперед необходимого экономического потенциала корпорации; 2) преобразование хозяйственных отношений внутри корпоративного сообщества; 3) применение предпринимательского потенциала в рамках инновационной стратегии корпорации; 4) формирование предпринимательского вектора развития корпорации в условиях нового экономического воззрения.

Императивы государственного влияния на переустройство неэкономике рассматривает функционирование особенностей современного корпоративного общества в контексте информационного, технологического, инновационного, организационного применения движения субъекта корпоративных отношений в разрезе хозяйственных преимуществ компании, при которой осуществляется перспективное использование ресурсов в сторону улучшения своих возможностей организационно-экономических, социально-экономических и технико-экономических отношений внутри компании [11, с. 239]. В период переустройства в условиях неэкономике осуществляется и принимается механизм государственного влияния на структуру современного хозяйственного преобразования, где корпоративный сектор проходит через: 1) развитие организационно-производственного функционирования; 2) трансформацию социально-экономических отношений самой корпорации; 3) формирование новой политики организационно-технологического характера; 4) новое структурно-инновационное развитие субъекта корпоративных отношений. Спецификация государственного влияния на степень активности экономического пространства для компании предопределяет уровень переустройства хозяйственной деятельности, где показывает, что субъект способен развивать функционирование информационно-научного потенциала самой компании, и тем самым выводить на новый уровень показатели экономического развития целых отраслей экономики.

Возможности государственного влияния на переустройство неэкономике определяется в современных условиях как фактор быстрого улучшения деятельности корпорации, а это усиливает: 1) формирование нового информационно-инновационного прогнозирования деятельности корпорации; 2) значимость научно-инвестиционного вектора развития компании; 3) ответственность самой корпорации перед социально-экономическим направлением; 4) влияние государственных структур на деятельность компании. Производственно-инновационное функционирование в период переустройства неэкономике показывает направление для создания высоко технологического продукта в условиях рыночных отношений, где высокая степень конкурентоспособности постиндустриального общества, определяет проекцию нового технологического уклада в деятельности субъекта корпоративных отношений. Такое применение раскрывает новые возможности для компании, и тем самым осуществляет координацию с государственными субъектами управления корпоративной структуры для ведения и улучшения предпринимательского потенциала в рамках государственно-частного партнерства, и как особая хозяйственная возможность дает конкурентное преимущество в условиях новой экономики [12, с. 1008].

Современное взаимодействие и взаимопроникновение субъекта корпоративных отношений с развитыми рыночными институтами, в период становления неэкономике, показывает новое

функциональное преобразование корпоративного общества, при котором институциональная среда рассматривается как будущая система и устройство хозяйственной деятельности корпорации, что для формирования новейшего приоритетного развития институционального характера, усиливает процессы рыночного, высоко конкурентного преимущества самой компании. В разрезе современного функционально-технологического приоритета субъект корпоративных отношений проявляет новые формы хозяйственно-функциональных структур, где особенность такого развития проявляется в: 1) повышение эффективности использования своих ресурсов в информационно-инновационном направлении; 2) увеличение ответственности и организации информационно-производственном векторе переустройства самой компании; 3) расширение специфики технологического применения нового хозяйственного момента. Проявление и рассмотрение институциональной среды в своих отношениях внутри производственного комплекса самой корпорации, усиливает процессы взаимодействия между менеджментом компании и наемными работниками, поставщиками и потребителями продукции, товаров и услуг самой корпорации, что приносит для нее и определенные положительные результаты в качестве дополнительных дивидендов в текущем периоде.

Институциональная среда для субъекта корпоративных отношений проявляется в специфике нового характерного происхождения неоекономики, а это рассматривает для отдельных субъектов хозяйственной деятельности необходимые направления: 1) информационно-производственного значения в условиях нового экономического времени; 2) технико-инвестиционный потенциал корпорации; 3) функционально-промышленный вектор развития самой компании; 4) организационно-правовой аспект развития субъекта хозяйственной деятельности. Такие возможности институциональной среды осуществляются в контексте нового воздействия на степень формирования конечного результата созданного корпорацией товаров, продукции и услуг, в период переустройства новой экономической реальности, что в данный момент показывает определенную динамику на время производственного, инновационного, информационного и технологического развития, формируя определенную доходность от хозяйственной деятельности компании.

Таким образом, преобразования в эпоху неоекономики для субъекта корпоративных отношений показывает, что необходимость информационно-технологического, информационно-инновационного и научно-инвестиционного развития компании, определяет будущность корпорации и стратегию ее институционального изменения, где ответственность за такую деятельность лежит на лицах принимаемых управленческие решения. В контексте нового экономического переустройства, корпоративное общество предопределяет будущее развитие совокупного продукта, что для владельцев внутри корпоративных факторов производства раскрывает возможности приоритетного сотрудничества.

Список источников

1. Гельцер Ю. Г. Основы предсказуемой экономики: Экономика в свете общей теории систем. М.: Ленанд, 2018. 352 с.
2. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития. Монография / под ред. Т. В. Игнатовой, С. П. Кюрджиева. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 200 с.
3. Коршунова Е., Попова О., Дорожкин И. Экономика, организация и управление промышленным предприятием. М.: Инфра-М., 2017. 272 с.
4. Лукьянович Н. Е. Направленность и последствия политической деятельности транснациональных корпораций // Экономист. 2016. № 5. С.3-13.
5. Ревина С. Н. Экономические отношения и экономические системы // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 359–361.
6. Козлов А. Н. Приоритеты организационно-экономических отношений в развитии неоекономики: политэкономический аспект // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 8А. Том 10. С. 500–507.
7. Кирильчук О. В. Институциональные изменения как условие повышения конкурентоспособности экономики // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 53–55.
8. Самошкова Л. Д. Революционный характер институциональных изменений в переходной экономике на примере России и их последствия для общества // Проблемы региональной экономики. 2015. № 31. С. 81–89.
9. Родионова Е. В. Финансовые аспекты управления интеллектуальной собственностью // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 51. С. 206–209.
10. Кузнецова С. А., Маркова В. Д. Особенности развития высокотехнологичного бизнеса // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. № 3-1. С. 7–11.

11. Белкин В. Н., Белкина Н. А. Пути повышения инновационной активности предприятий // Экономика региона. 2013. № 1. С. 238–242.
12. Симонин П. В., Алексеенко В. Б., Богачева Т. В. Институционализация социального корпоративизма и конфликтов в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-1. С. 1006–1009.

References

1. Gel'tser Yu. G. *Fundamentals of Predictable Economics: Economics in the Light of the General Theory of Systems*. Moscow: Lenand; 2018. 352 p. (In Russ.)
2. Ignatova T. V., Kurdzhiev S. P. (eds.) *Social governance: status, challenges and development trends*. Rostov-on-Don; 2018. 200 p. (In Russ.)
3. Korshunova E., Popova O., Dorozhkin I. *Economics, organization and management of an industrial enterprise*. Moscow: Infra-M; 2017. 272 p. (In Russ.)
4. Luk'yanovich N. E. Orientation and consequences of political activity of multinational corporations. *Ekonomist = Economist*. 2016;(5):3–13. (In Russ.)
5. Revina S. N. Economic Relations and Economic Systems. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2016;2(93):359–361. (In Russ.)
6. Kozlov A. N. Priorities of organizational and economic relations in the development of neoeconomics: political economic aspect. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2020;8A(10):500–507. (In Russ.)
7. Kiril'chuk O. V. Institutional changes as a condition for improving the competitiveness of the economy. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2015;(8):53–55. (In Russ.)
8. Samoshkova L. D. The revolutionary nature of institutional changes in the transition economy on the example of Russia and their consequences for society. *Problemy regional'noi ekonomiki = Problems of the regional economy*. 2015;(31):81–89. (In Russ.)
9. Rodionova E. V. Financial aspects of intellectual property management. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Topical issues of economic sciences*. 2016. № 51. С. 206–209. (In Russ.)
10. Kuznetsova S. A., Markova V. D. Features of the development of high-tech business. *Ekonomika. Professiya. Biznes = Economics. Profession. Business*. 2016;(3-1):7–11. (In Russ.)
11. Belkin V. N., Belkina N. A. Ways to increase innovative activity of enterprises. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2013;(1):238–242. (In Russ.)
12. Simonin P. V., Alekseenko V. B., Bogacheva T. V. Institutionalization of social corporatism and conflicts in the Russian Federation. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and entrepreneurship*. 2017;(10-1):1006–1009. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Козлов – канд. экон. наук, доц. кафедры политической экономики и экономической политики.

Information about the author

A. N. Kozlov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and Economic Policy.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; одобрена после рецензирования 17.08.2021; принята к публикации 20.08.2021.

The article was submitted 30.07.2021; approved after reviewing 17.08.2021; accepted for publication 20.08.2021.

МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Наталья Юрьевна Коротина

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинск, Россия, korotina-nyu@ranepa.ru

Аннотация. В представленной статье исследуются экономические аспекты федеративных отношений с позиций институциональной методологии. Институты федерализма предлагается рассматривать с позиций бинарных характеристик: устойчивость закрепления и механизм поддержания норм. В статье предложено авторское видение разграничения институтов экономического федерализма на конвенциональные, применяемые всеми регионами без изменения или коррекции, и неконвенциональные, применяемые регионами выборочно, селективно, которые разграничены в разрезе областей федерализма. В статье представлено субординирование понятий, характеризующих систему экономического федерализма с позиций институционального подхода, а также модель механизма институционального регулирования экономических отношений федерализма.

Ключевые слова: экономика федеративных отношений, экономический федерализм, институты федерализма, институциональное регулирование, институциональный механизм

Для цитирования: Коротина Н. Ю. Механизм институционального регулирования отношений экономического федерализма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 122–129. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-122-129>.

Problems of Economics

Original article

THE INSTITUTIONAL REGULATION MECHANISM OF ECONOMIC FEDERALISM RELATIONS

Natalya Yu. Korotina

Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia, korotina-nyu@ranepa.ru

Abstract. The presented article examines the economic aspects of federal relations from the standpoint of institutional methodology. Institutions of federalism are proposed to be considered from the standpoint of binary characteristics: the stability of consolidation and the mechanism for maintaining norms. The article proposes the author's vision of distinction of the institutions of economic federalism into conventional, applied by all regions without change or correction, and unconventional, applied by regions selectively, selectively, which are delimited in the context of areas of federalism. The article presents the subordination of concepts that characterize the system of economic federalism from the standpoint of the institutional approach, as well as a model of the mechanism of institutional regulation of economic relations of federalism.

Keywords: federal relations economics, economic federalism, federalism institutions, institutional regulation, institutional mechanism

For citation: Korotina N. Yu. The institutional regulation mechanism of economic federalism relations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):123–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-123-130>.

В научных разработках современного периода проявляется особое внимание к изучению разнообразных сторон общественной жизни с позиций институциональной методологии, которая в исследовании экономических аспектов федерализма позволяет теоретически описать взаимодействия реально действующих институтов, структур и механизмов федеративных отношений [1, 2, 3]. Институциональный подход способствует представлению экономического федерализма, с одной стороны, как объекта институционального воздействия, с другой, как результата сложного процесса становления и институционализации норм и правил функционирования федеративных отношений.

Автор придерживается позиции, высказанной Р.М. Нуреевым, что в экономической теории пока не сложилась единая классификация институциональных позиций [4], однако в процессе институционального анализа все исследователи используют в качестве базовой категории научного аппарата понятие «институт», понимая под институтом систему определяющих взаимоотношений между членами общества [5, 6].

В системе федеративных отношений, по мнению автора, институт может рассматриваться как а) правила, регулирующие взаимодействие экономических субъектов в системе федерализма (нормы, правила, обычаи, установки); б) субъекты отношений федерализма (государство, регионы в качестве субъектов федерации, государственные объединения, объединение территорий, экономические зоны различных типов, агломерации, межрегиональные ассоциации, территориальные кластеры, территории опережающего социально-экономического развития и др.); 3) механизмы, используемые в процессе регулирования федеративных отношений (государственные конвенции, соглашения, партнёрство, двухсторонние государственные договоры, механизм доверия, передача государственных функций и др.).

На наш взгляд, институт федерализма обладает бинарными характеристиками: во-первых, устойчивостью закрепления нормы, которая проявляется в продолжительности действия в течение значимого периода времени [7] независимо от изменения поведения или интересов отдельных субъектов и их групп; во-вторых, наличием механизма поддержания нормы (положительных или отрицательных стимулов, принуждения к исполнению).

Традиционным при использовании институционального подхода является разделение институтов на формальные и неформальные [8] на основе юридического закрепления нормы. Применительно к федеративным отношениям такое разделение не подходит в силу обязательного нормативного оформления в государственной сфере, поэтому, по мнению автора, следует говорить об универсальности применения нормы ко всем субъектам федерации. То есть, если определенный институт может быть применен ко всем регионам без изменения, преобразования или коррекции, то можно его отнести к общепринятым или конвенциональным; если институт применим к регионам избирательно, требует приспособления или исправления, а в некоторых случаях не применяется для определенного типа регионов, то он относится к неконвенциональным. В табл. 1 приведено авторское видение разграничения институтов экономического федерализма, используемых в российской практике, на конвенциональные (общепринятые, общеприменимые) и неконвенциональные (применяемые регионами выборочно, селективно).

Таблица 1 – **Конвенциональные и неконвенциональные институты экономического федерализма**

Table 1 – Conventional and unconventional economic institutions federalism

ИНСТИТУТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	
<i>Конвенциональные</i>	<i>Неконвенциональные</i>
В области разграничения государственных функций	
Разграничение функций, закрепленное Конституцией	
Разграничение функций между федерацией, всеми регионами, муниципальными образованияами на постоянной основе, закрепленное федеральным законодательством	Передача функций между федерацией и отдельными регионами отдельными НПА
Разграничение функций между регионами и всеми муниципальными образованияами региона на постоянной основе, закрепленное региональным законодательством	Передача функций между регионами и отдельными муниципальными образованияами региона отдельными НПА
Разграничение функций между муниципальными образованияами первого уровня и муниципальными образованияами второго уровня на постоянной основе, закрепленное муниципальным законодательством	Передача функций между муниципальными образованияами первого уровня и отдельными муниципальными образованияами второго уровня отдельными НПА
В области разграничения ресурсов	
Разграничение налоговых ресурсов на постоянной основе Налоговым и Бюджетным кодексами	Заключение отдельных соглашений между федерацией и регионами по разграничению налоговых ресурсов

Продолжение табл. 1/Continuation of Table 1

	Установление для отдельных регионов дифференцированных налоговых ставок по федеральным налогам
Разграничение ресурсов, получаемых из неналоговых источников, на постоянной основе Бюджетным кодексом	Заключение отдельных соглашений между федерацией и регионами по разграничению ресурсов, получаемых из неналоговых источников
Закрепление налоговых ресурсов на постоянной основе региональным и местным законодательством	Заключение отдельных соглашений между регионами и муниципальными образованиями по разграничению ресурсов, получаемых от налоговых и неналоговых источников
	Установление регионом дополнительных (дифференцированных) отчислений от налогов ресурсов для различных муниципальных образований
	Установление налоговых льгот по региональным и местным налогам
В области выравнивания возможностей регионов выполнять требования социальных стандартов	
Нецелевые трансферты (дотации) на выравнивание бюджетной обеспеченности	Нецелевые трансферты (дотации) на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов
В области возмещения регионам затрат на выполнение федеральных функций	
Целевые трансферты (субвенции) на выполнение переданных полномочий в результате наделения регионов и муниципальных образований отдельными государственными полномочиями	Добровольное исполнение регионами и муниципальными образованиями государственных полномочий
Установление единых для всех регионов нормативов возмещения затрат на выполнение государственных функций	Установление дифференцированных нормативов возмещения затрат на выполнение государственных функций. Выделение единой субвенции
В области разграничения государственной и муниципальной собственности	
	Соглашения по разграничению государственной и муниципальной собственности
В области стимулирования экономической активности регионов	
Базовые инструменты федеральной и региональной поддержки малого бизнеса, инновационной деятельности, структурной и промышленной политики	Поддержка территорий опережающего социально-экономического развития, особых экономических зон, Арктической зоны, технопарков и промышленных парков, инновационных центров, инновационных проектов вузов, программ импортозамещения
	Целевые трансферты (субсидии) экономического характера на софинансирование экономических и социальных проектов
	Временная финансовая помощь регионам в виде бюджетных кредитов
Установление специальных налоговых режимов для стимулирования отдельных видов предпринимательской деятельности на территории	Установление налоговых условий для ведения отдельных видов бизнеса на той или иной территории
	Регистрация крупных налогоплательщиков на территории региона
	Лоббирование интересов предприятий, находящихся на территории региона
В области обеспечения социальных гарантий граждан	
Целевые трансферты (субсидии) социального характера	Целевая разовая помощь гражданам

Институты функционируют не сами по себе, они действуют во взаимосвязи и взаимодействии, обеспечивая процесс достижения определенной цели в рамках и под регулирующим воздействием. Совокупность институтов, выполняющих определенные функции в процессе функционирования, представляет собой институциональную структуру. Функционирование экономического федерализма сопровождается наличием сложной совокупности отдельных единиц органов власти, которые, объединенные с основными нормами и правилами осуществления взаимодействий, приобретает вид институциональной структуры экономического федерализма.

Институциональная структура экономического федерализма в стране складывается в результате неоднородности институтов и характеризуется соотношением конвенциональных и неконвенциональных институтов. Преобладание конвенциональных институтов в системе экономического федерализма стандартизирует взаимоотношения федерального центра, регионов и муниципальных образований, абстрагируясь от региональных особенностей, выстраивая четкие границы и ориентиры функционирования и обеспечивая единство и упорядоченность в существующей системе. Но такая структура не позволяет индивидуально подходить к региональным чертам отдельных территорий, учитывать их специфику, отличительные характеристики и особенности промышленности, географического расположения, национальной структуры и другие факторы, не позволяет избирательно подходить к решению насущных проблем, характерных только для отдельных регионов, не позволяет применять индивидуальный подход к стимулированию регионального развития. В то же время преобладание неконвенциональных институтов в системе экономического федерализма создает угрозы территориальной целостности и государственному единству страны.

Институциональная структура федерализма находится в постоянном изменении, движении, складываясь под воздействием институциональной среды, которая, создавая условия к эволюционному развитию, должна приводить к отказу от неэффективных институтов и оставлять только эффективные, тем самым приводя институциональную структуру к состоянию оптимального баланса конвенциональных и неконвенциональных институтов. Таким образом, институциональная структура является результатом институционального развития, а институциональная среда создает условия для развития экономического федерализма.

Институциональная среда, по нашему мнению, играет активную роль в общей настройке экономической системы, формирует условия, определяет ориентиры и скорость институциональных изменений, в каждый момент времени указывает направление движения. Институциональная среда является важнейшим элементом снижения степени неопределенности в функционировании отношений федерализма, а также формирует условия для институциональных изменений в системе экономического федерализма конкретной страны.

Основу институциональной среды составляют совокупность конкретных институциональных норм (конвенциональные правила, процедуры, законы) по отношению к органам власти и рыночным субъектам, которые существуют не сами по себе, а в институциональных условиях (ограничения, условия окружающей действительности, сложившейся объективной реальности, внешние по отношению к участникам федерализма). Поэтому институциональная среда экономического федерализма представляет собой рамочные условия, регулирующие и меняющие взаимодействие акторов федерализма и поэтому являющиеся компонентом воздействия на режим функционирования экономики.

Таким образом, институциональная среда экономического федерализма представляет собой сочетание институциональных условий, в которых существуют и развиваются институты экономического федерализма, а также институциональных норм как основополагающих, системообразующих конвенциональных правил.

К функциям институциональной среды экономического федерализма относят: рамочное регулирование и ограничения со стороны федерального центра; обеспечение предсказуемости и стабильности системы экономического федерализма; обеспечение автономии и устойчивости акторов федерализма; минимизация затрат по перераспределению ресурсов между уровнями власти, передача опыта и лучших региональных и муниципальных практик. Институциональная среда экономического федерализма регламентирует потоки экономических ресурсов, в первую очередь потоки бюджетных средств, которые формируются в результате экономической активности государства.

Изучение институциональной структуры и институциональной среды экономического федерализма позволяют раскрыть влияние государства на пространственную неоднородность российской экономики. Для развития экономического федерализма требуется основополагающая институциональная среда. Федерализм развивается нормально, когда его институциональная структура соответствует существующим условиям, иначе институты становятся «консервативным» фактором социальной инерции [9].

В условиях сложившейся институциональной среды федеральный центр, регионы и муниципальные образования вступают в различного рода взаимодействия как по вертикали государственного устройства, так и во взаимоотношения по горизонтали экономического пространства, которые могут происходить различными способами. Совокупность способов воздействия акторов федерализма на институты для их регулирования представляет институциональный механизм экономического федерализма.

Институциональный механизм, оформляющий процесс экономического федерализма, включает:

1. институциональные единицы – органы государственного управления, государственные и муниципальные структуры, реализующие функции государства на всех уровнях;
2. систему организации взаимосвязей между ними;
3. правилами взаимодействия между структурными единицами государства и субъектами рыночной среды (нормы, правила, права, обязанности, стандарты, ограничения и т.д.).

Способы воздействия в процессе институционального механизма проявляются в виде инструментов, рычагов, методов, средств и процедур влияния на институты федерализма, которые применяются комплексно как целенаправленно функционирующая система. Главным в механизме является то, каким образом применяемые методы, инструменты, рычаги и другие составляющие объединяются, потому что в процессе функционирования механизма способы их объединения в единый механизм могут отличаться.

В институциональном механизме определенным образом могут объединяться и сочетаться как обязательные к выполнению, требующие безусловного исполнения (императивные) инструменты, рычаги, которые устанавливают ограничения регионам со стороны федерального центра, так и рекомендуемые составляющие (опциональные), которые определяют возможности для территорий. Применение опциональных инструментов позволит каждому региону управлять экономическими процессами с учетом собственных особенностей, обеспечить индивидуализированный, избирательный подход к региональному управлению. Аналогичным образом действует механизм на уровне «регион – муниципальные образования».

Целью институционального механизма экономического федерализма является обеспечение функционирования системы экономического федерализма в соответствии с требованиями, предъявляемыми базовыми институтами федерализма. Говоря об институциональном механизме, следует обратить внимание, что он характеризует динамику, способ функционирования федеративных отношений, являясь главным двигателем развития институтов.

Так как в основе федеративных отношений лежит административно-территориальное деление территории страны на регионы, являющиеся субъектами федерации, это дает основание к пониманию территориальной организации экономического пространства федерации в качестве базового институционального основания для функционирования федеративных отношений – институционального каркаса. Таким образом, институциональный механизм экономического федерализма действует в рамках институционального каркаса, который представляет собой оболочку, границы, в которых сформирована и действует система экономического федерализма.

Сложившаяся институциональная структура как соотношение конвенциональных и неконвенциональных институтов взаимоотношений федерального центра и регионов влияет на возможную подвижность каркаса, в котором действует система экономического федерализма. В случае чрезмерного преобладания конвенциональных институтов каркас будет представлять собой матрицу, жесткую структуру, с одной стороны, обеспечивающую федерации как государственному образованию целостность, не позволяющую распасться на разрозненные территории, с другой стороны, не позволяя системе подстраиваться под требования реальности, ограничивая ее развитие. В случае возможности использования неконвенциональных институтов система федерализма становится более гибкой, представляя собой механизм, который может использовать инструменты вариативно, индивидуально подстраивая их под требования конкретной ситуации, выбирая адекватные ситуации способы и формы взаимодействия, поддержки.

В рамках сложившегося механизма институты взаимосвязаны и тесно взаимодействуют между собой. Они могут взаимодействовать многовариантно, и эта вариантность зависит от гибкости или жесткости институционального каркаса. Гибкий институциональный каркас позволяет системе адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, к регулированию, к изменениям экономических характеристик и условий. Механизм федерализма в рамках гибкого каркаса обеспечивает развитие каждого региона исходя из его особенностей, одновременно позволяет развиваться стране в целом. Вместе с тем институты в рамках институционального механизма могут взаимодействовать между собой и противоположным образом, тормозя или задерживая региональное развитие, а следовательно, и развитие страны.

Для обеспечения гибкости институционального механизма экономического федерализма необходимо, чтобы неконвенциональные институты следовали за конвенциональными, успевали за их изменениями, не допуская образования институциональной пустоты, то есть ситуацию отсутствия адекватных неконвенциональных институтов при наличии измененных конвенциональных. Изменение институтов с позитивных на нормативные корректирует условия, перестраивает систему федерализма в соответствии с желаемым ориентиром, результатом.

Модель механизма институционального регулирования системы экономического федерализма представлена на рис. 1.

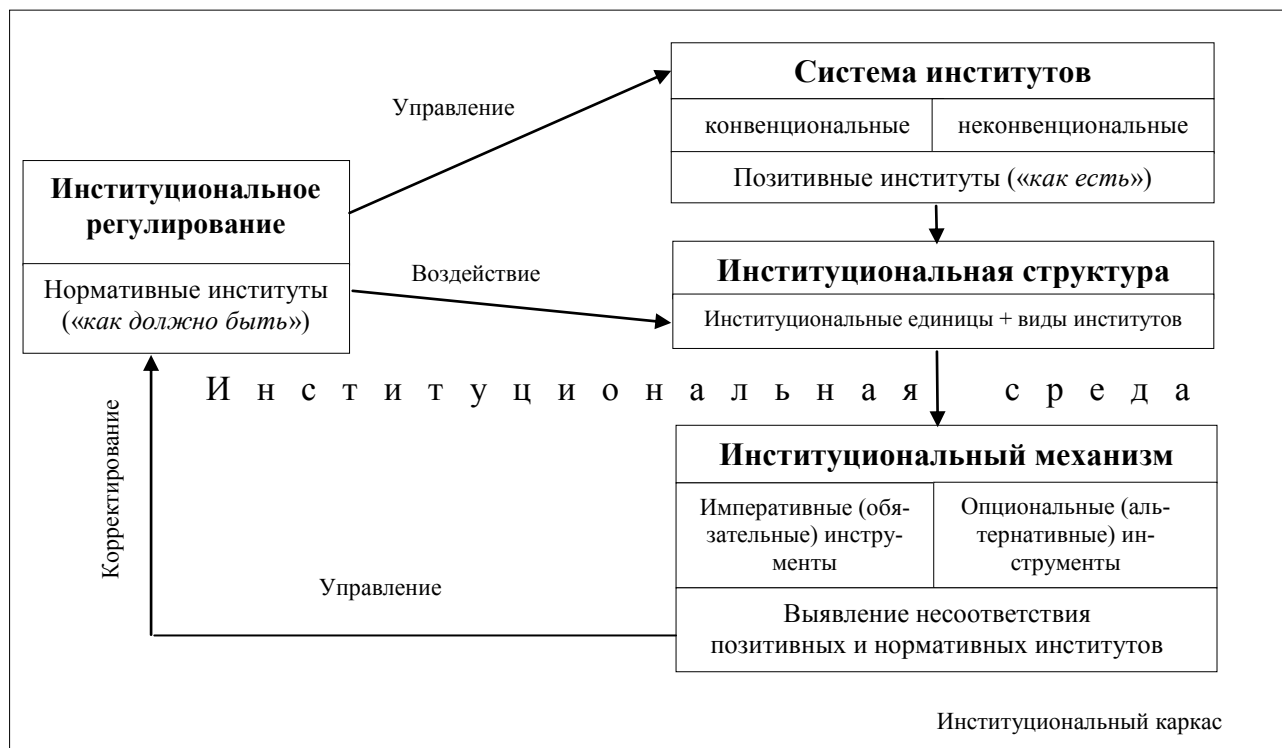

Рис. 1. Механизм институционального регулирования системы экономического федерализма

Fig. 1. Institutional framework for economic federalism

Новизна понятийного аппарата обуславливает необходимость субординирования понятий, характеризующих систему экономического федерализма с позиций институционального подхода (табл. 2).

Существующая в России модель экономического федерализма имеет ряд недостатков. К таким недостаткам относятся высокая асимметрия межрегионального социально-экономического развития; фактическое неравенство прав регионов во взаимодействиях с федеральным центром при декларируемом равенстве; высокая зависимость бюджетов большинства регионов от трансфертов из федерального бюджета, что влечет за собой неспособность регионов в полном объеме выполнять свои обязательства перед населением; отсутствие самостоятельности регионов в выборе инструментов региональной бюджетной политики.

В сложившейся институциональной среде наблюдаются значительные противоречия между элементами в системе экономического федерализма: в обеспеченности ресурсами федеральных и региональных органов власти; нефтегазовых и столичного регионов от остальных; промышленно развитых и слабо развитых регионов и т.п. Недостатком действующей модели также являются высокие транзакционные издержки на согласование и преодоление бюрократических процедур, поиск информации, потери от недостаточной спецификации прав собственности и др., что отражает недостаточную эффективность институциональной структуры.

Таким образом, сформировавшийся институт федерализма порождает существенные сложности в эффективных экономических отношениях между федеральными, субфедеральными и местными органами власти, делает невозможным реализацию федеративной политики на всех этапах, что требует совершенствования его институционального оформления.

Таблица 2 – Субординирование понятий, характеризующих систему экономического федерализма с позиций институционального подхода

Table 2 – Subordination of concepts characterizing the system of economic federalism from an institutional perspective

Термин	Авторское определение	Характеристика
Институты экономического федерализма	Устойчивые нормы, процедуры, порядок, правила и механизмы взаимодействия федерального центра, субъектов федерации и муниципальных образований между собой по вертикали государственного устройства как единого целого и по горизонтали многосубъектных взаимоотношений между региональными экономическими пространствами, обеспечивающие стабильное и предсказуемое развитие отношений федерализма	Институт формируется при необходимости регулирования поведения акторов для регламентации отношений в системе экономического федерализма
Институциональное регулирование федеративных отношений	Процесс целенаправленного воздействия на институты, ориентированный на обеспечение своевременности, комплексности и непротиворечивости при взаимодействии федерального центра, регионов и муниципальных образований в целях обеспечения устойчивости и развития системы экономического федерализма, реализации экономического потенциала регионов и роста ВВП [10]	Заключается в воздействии на отношения экономического федерализма в соответствии с целями
Институциональная структура экономического федерализма	Упорядоченное соотношение институциональных единиц и конвенциональных и неконвенциональных институтов экономического федерализма	Отражает текущее состояние, является результатом институционального развития, складывается в результате неоднородности институтов
Институциональная среда экономического федерализма	Сочетание институциональных условий, в которых существует и развиваются институты экономического федерализма, и институциональных норм как основополагающих, системообразующих конвенциональных правил	Обеспечивает рамочное регулирование, предсказуемость и стабильность, обеспечение свободы и безопасности взаимодействия акторов федерализма, минимизацию затрат на обеспечение взаимодействий
Институциональные условия экономического федерализма	Ограничения, условия окружающей действительности, сложившейся объективной реальности, внешние по отношению к участникам федерализма	Формирует рамочные условия для развития институтов
Институциональный механизм экономического федерализма	Совокупность способов взаимодействия акторов федерализма в рамках сложившихся институтов	Характеризует динамику, способ функционирования федеративных отношений, являясь главным двигателем развития институтов
Институциональные изменения	Процесс количественно-качественных изменений и преобразований институтов федерализма, функционирующих в данной институциональной среде	Являются основными детерминантами социального и экономического развития регионов, сопровождают процесс эволюции путём отбора и закрепления таких форм поведения, сложившихся под воздействием реальных условий и способствующих выживанию и развитию системы федерализма
Институциональный каркас экономического федерализма	Остов, основание, опорная конструкция системы экономического федерализма	Гибкость институционального каркаса позволяет системе федерализма адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, к регулированию, к изменениям экономических характеристик и условий

Список источников

1. Тамбовцев, В. Л. (2021). Институционализмы в экономической науке: что стоит за их разнообразием? // *Journal of Institutional Studies*, 13(1), 20-36. DOI: 10.17835/2076- 6297.2021.13.1.020-036
2. Кожина Т. Н., Петухов А. В. Современные институционально-правовые механизмы бюджетного федерализма: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2021. № 2. С. 38–48. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/2/6>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-2-38-48.
3. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Федерализм как институциональный приоритет стратегии пространственного развития для России // *Региональная экономика. Юг России*. 2018. № 4. С. 33–43.
4. Нуреев Р. М. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): 30 лет спустя. В сборнике: *Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы*. Санкт-Петербург, 2019. С. 222–240.
5. Danilova I. V., Bogdanova O. A., Karpushkina A. V., Karetnikova T. M. The impact of external institutional shocks on Russian regions. *Acta Universitatis Carolinae, Geographica*. 2020. Т. 55. № 1. С. 3-14.
6. Mathys L. The functions of vertical national agreements in dual and cooperative federalism Conference: ECPR, OSLO, 2017 At: Norway, Oslo. DOI: 10.13140/RG.2.2.15215.94883
7. Клейнер Г. Б. Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды; Российская академия наук, Центральный экономикоматематич. ин-т. М.: ЦЭМИ РАН, 2016. 856 с.
8. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*. 1997. № 3. С. 6–17.
9. Альтер Л. Б. Буржуазная политическая экономия США. М., 1971. 295 с.
10. Коротина Н. Ю. Институциональное оформление отношений экономического федерализма // *Социум и власть*. 2021. № 1 (87). С. 32–40. DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40

References

1. Tambovtsev V. L. Institutionalism in Economic Science: What is Behind Their Imagery? *Journal of Institutional Studies*. 2021;13(1):20–36. DOI: 10.17835/2076- 6297.2021.13.1.020-036 (In Russ.)
2. Kozhina T. N., Petukhov A. V. Modern institutional and legal mechanisms of budget federalism: comparative analysis. Available from: *Oecd et Jus*. 2021;(2):38-48.– URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/2/6>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-2-38-48. (In Russ.)
3. Buchwald E. M., Valentik O. N. Federalism as an institutional priority of spatial development strategy for Russia. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii = Regional economy. South of Russia*. 2018;(4):33–43. (In Russ.)
4. Nureyev R. M. Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis): 30 years later. In: *Institutional economic theory: history, problems and prospects*. St. Petersburg; 2019:222–240. (In Russ.)
5. Danilova I. V., Bogdanova O. A., Karpushkina A. V., Karetnikova T. M. The impact of external institutional shocks on Russian regions. *Acta Universitatis Carolinae, Geographica*. 2020;55(1):3–14.
6. Mathys L. The functions of vertical national agreements in dual and cooperative federalism Conference: ECPR, OSLO, 2017 At: Norway, Oslo. DOI: 10.13140/RG.2.2.15215.94883
7. Kleiner G. B. Economics. Modeling. Math. Selected works; Russian Academy of Sciences, Central Economic and Mathematics. in-t. Moscow: TSEMI RAS; 2016. 856 p. (In Russ.)
8. North D. Institutional changes: framework for analysis. *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 1997;(3):6–17. (In Russ.)
9. Alter L. B. Bourgeois political economy of the United States. Moscow; 1971. 295 p. (In Russ.)
10. Korotina N. Yu. Institutional design of relations of economic federalism. *Sotsium i vlast' = Society and Power*. 2021;1(87):32–40. (In Russ.). DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40 (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Ю. Коротина – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета.

Information about the author

N. Yu. Korotina – Candidate of Economics, associate professor, Head of the Department of Economics, Finance and Accounting.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.07.2021; одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021.

The article was submitted 20.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021; accepted for publication 11.08.2021.

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Хасан Умарович Магомадов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, xas2004@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется финансово-экономическая ситуация с бюджетной обеспеченностью и долгами российских регионов в условиях дефицита, роста государственных долгов регионов и общего экономического спада в современных условиях. На основе комплексного анализа данных делаются выводы о дальнейшем развитии экономической политики в отношении регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: бюджет, государственный долг, кредит, дефицит, налоги, доходы, регионы, население, программы, развитие

Для цитирования: Магомадов Х. У. Финансовые проблемы российских регионов в современных экономических условиях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 130–134. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-130-134>.

Problems of Economics

Original article

FINANCIAL PROBLEMS OF RUSSIAN REGIONS IN CURRENT ECONOMIC CONDITIONS

Khasan U. Magomadov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, xas2004@mail.ru

Abstract. The article analyzes the financial and economic situation with budgetary provision and debts of the Russian regions in the context of a deficit, the growth of state debts of the regions and the general economic recession in modern conditions. Based on a comprehensive analysis of the data, conclusions are drawn about the further development of budgetary policy in relation to the regions of the Russian Federation.

Keywords: budget, public debt, credit, deficit, taxes, revenues, regions, population, programs, development

For citation: Magomadov Kh. U. Financial problems of Russian regions in current economic conditions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):130-134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-130-134>.

Со времен Древнего Рима государство провозгласило три своих обязательств перед гражданами – «учить, лечить, защищать». В обмен оно требовало относительно немного – послушаться, повиноваться и платить налоги. Сегодня государство в обмен на уплачиваемые налоги также обязуется защищать своих граждан, лечить их и обучать. В России это называется – минимальные социальные стандарты. И хотя в каждом регионе страны, т.е. в субъекте Российской Федерации они вроде бы одни и те же, по сути государство не может в полной мере обеспечивать эти стандарты, хотя бы по тому что регионы, которых сегодня 85, разные по своему экономическому, географическому, социальному положению, более богатые (Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Белгородская, Липецкая области, Татарстан и др.) могут обеспечивать своим гражданам более комфортную жизнь, нежели менее богатые (т.е. бедные, такие как Тамбовская, Рязанская, Курская области, Алтайский край и др.).

Количества собственных налогов и сборов явно недостаточно большинству регионов для этих самых социальных стандартов, однако на регионы возложены непомерные (их бюджетам) расходные полномочия, они же обязательства при созданной искусственно ситуации зависимости от федеральной власти. Неравномерность налоговой базы (он же налоговый потенциал) регионов приводит к их резким дисбалансам в доходно-расходных полномочиях регионов и нарастанию дефицита бюджетов. Общая ситуация с падением доходов населения и отрицательными тенденциями в экономическом росте (т.е. его падении) напрямую бьет по бюджетам, в первую очередь бедных

регионов, которые с трудом исполняют свои бюджеты по текущим обязательствам, залезая при этом в «долговую яму» перед федеральным центром и коммерческими банками не говоря уже о том чтобы реализовывать бюджеты развития.

Разный уровень собираемости одних и тех же налогов по субъектам Федерации говорит о неравномерности распределения налоговых источников этих доходов

Обратимся к данным по исполнению региональных консолидированных бюджетов по федеральным округам по состоянию на 01.01.2020г. (в млрд. руб.) с точки зрения трех налогов, играющих в налоговых доходах региональных бюджетов наибольшую роль – налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц.

В представленной таблице выбраны регионы федеральных округов с точки зрения наибольших абсолютных показателей поступления налогов внутри округов, всего представлены данные по 7 федеральным округам и 20 регионам, входящим в них.

Таблица 1 – Доходы региональных бюджетов в разрезе федеральных округов от региональных налогов на 01.01.2020 г. (в руб.)¹

Table 1 – Revenues of regional budgets in the context of federal districts from regional taxes for 01.01.2020 (in rubles)

Федеральный округ/регион	Налог на прибыль организаций	Налог на имущество организаций	Налог на доходы физических лиц
Центральный Ф.О.			
Белгородская область	32 355 698	8 439 740	30 170 241
Воронежская область	24 701 702	10 130 579	38 568 603
Московская область	164 659 244	44 787 379	20 812 201
Тульская область	17 876 868	5 618 961	28 091 824
г.Москва	867 206 143	140 975 006	1 044 180 305
Северо-Западный Ф.О.			
Республика Карелия	8 162 340	2 113 948	13 288 923
Ленинградская область	58 654 874	20 743 822	46 605 781
г.Санкт-Петербург	188 695 822	31 221 557	276 363 089
Южный федеральный округ			
Краснодарский край	69 883 445	38 466 762	112 131 310
Ростовская область	41 972 254	16 055 670	65 839 773
Северо-Кавказский Ф.О.			
Республика Дагестан	4 987 585	3 332 484	19 311 017
Ставропольский край	19 849 349	7 335 157	31 628 250
Приволжский Ф.О.			
Республика Башкортостан	52 251 291	12 482 623	58 039 541
Республика Татарстан	111 149 040	24 456 272	81 700 215
Нижегородская область	47 911 993	11 138 726	72 736 483
Самарская область	55 941 787	15 705 265	63 237 027
Уральский Ф.О.			
Свердловская область	84 179 025	21 165 331	108 922 422
Тюменская область	151 472 115	11 315 223	37 810 241
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	90 870 306	66 702 955	88 731 245
Ямало-Ненецкий АО	102 630 968	72 343 831	53 952 824
Сибирский Ф.О.			
Красноярский край	139 849 896	20 512 040	76 178 221
Кемеровская область	49 842 606	10 276 110	54 571 721
Новосибирская область	41 121 445	11 539 979	59 784 283
Дальневосточный Ф.О.			
Республика Саха (Якутия)	40 757 096	16 752 288	42 267 220
Приморский край	28 381 684	11 333 057	52 191 896
Сахалинская область	82 297 380	7 023 001	32 767 943

Анализ данных Федерального казначейства в части исполнения консолидированных бюджетов регионов позволяет сделать следующие выводы относительно «богатых» и «бедных» регионов с т. з. поступления региональных налогов в абсолютных величинах: в ЦФО наиболее богатым явля-

¹ Минфин РФ. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru>

ется г. Москва, причем по всем трем представленным налогам. Стоит отметить, что Москва является пока единственным регионом, в котором введен новый вид сбора – торговый сбор, действующий уже третий год подряд. В С-ЗФО лидером является Санкт-Петербург также по трем налогам, в ЮФО – Краснодарский край также по трем налогам, в СКФО – Ставропольский край, в ПФО – является Татарстан, как самый мощный промышленно и экономически развитый субъект; СФО представлен одним регионом лидером – Красноярский край, что неудивительно, учитывая концентрацию промышленных предприятий на территории края, создающих добавочную стоимость; УФО – представлен тремя «лидерами»: по налогу на прибыль лидирует Тюменская область, по налогу на имущество – Ямало-Ненецкий АО, по подоходному налогу – Свердловская область; ДВФО также представлен тремя «лидерами»: по налогу на прибыль является – Сахалинская область, по налогу на имущество – Якутия, по подоходному налогу – Приморский край.

Статистика по исполнению консолидированных региональных бюджетов в масштабах страны указывает на то, что с 2011 по 2017 г. бюджеты исполнялись с дефицитом:

Изображение графически позволяет увидеть высокий рост в 2013 г. и падение в 2016 г., что вероятно связано с волатильностью курса рубля и нарастанием государственного долга регионов вследствие начала выполнения «майских» указов Президента, где одним из приоритетов был об увеличении зарплат бюджетников.

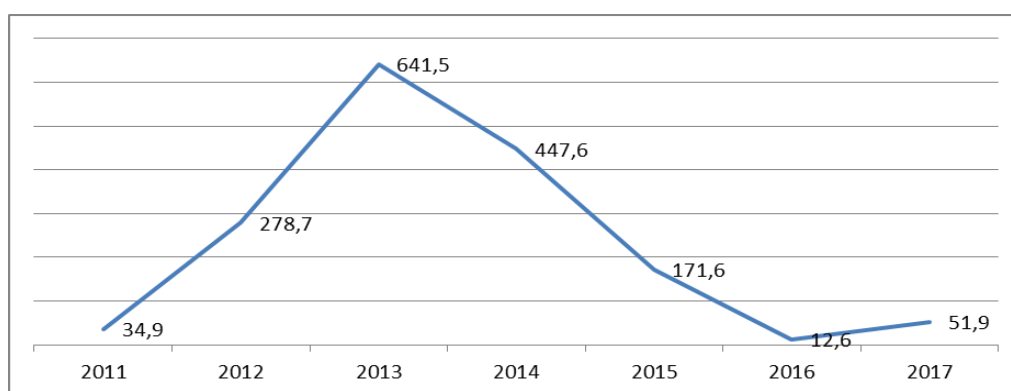

Диаграмма 1. Дефицитность российских регионов в 2011–2017 гг. в млрд руб.¹

Chart 1. Deficit of Russian regions in 2011-2017 in billion rubles

При этом объем государственного долга российских регионов с 2011 г. по 2018 г. увеличился более чем вдвое, так на 1 января 2018 г. составлял 1 095 993 101,33 тыс. руб. а на 1 января 2018 г. уже 2 315 404 462,75 тыс. руб.²

Теперь обратимся к последним данным за 2020 г. Так 2020 финансовый год 58 регионов завершили с дефицитом, общий объем дефицита составил более 762 млрд руб., больше всего пострадали Кемеровская область, Тюменская область, Удмуртия, Ямало-Ненецкий АО, Башкортостан и Архангельская область. В представленной таблице указана величина дефицита перечисленных субъектов РФ.

Таблица 2 – Дефицитность субъектов РФ по итогам 2020 г.³

Table 2 – Deficit of the constituent entities of the Russian Federation according to the results of 2020

регион	Дефицит в % к доходам региона	Дефицит в млрд. руб.
Кемеровская область	21	42
Тюменская область	20	38
Удмуртская республика	16	15,5
Ямало-Ненецкий АО	14	32,7
Республика Башкортостан	14	37,7
Архангельская область	14	15,3
Республика Коми	12	12,4
Пермский край	12	22,9
Челябинская область	12	28,7
Республика Хакасия	12	5,1

¹ Федеральное казначейство РФ. Государственный долг субъектов РФ на 10.02.2021 г. [электронный ресурс] Режим доступа: <http://roskazna.ru>

² Там же.

³ РБК. Пандемия привела к дефициту бюджетов почти у 70% российских регионов. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/20/01/2021/6006aeb99a794714a76005c9>

Как видим, в абсолютных цифрах и в процентах от доходов больше всех пострадала Кемеровская область. Общий же объем самого государственного долга всех субъектов Федерации по данным Минфина РФ на ноябрь 2020 г., превысил 2,2 трлн. руб (2 222 973 860 тыс. руб.).

По словам первого зам. министра финансов Л. Горнина «Этот кризис отличается от предыдущих, поскольку впервые существенно начали снижаться собственные доходы регионов. В первую очередь пострадали субъекты с ресурсо-ориентированной экономикой»¹.

При этом в 2020 и 2021 гг. начала ускоряться инфляция при падении реальных доходов населения, так инфляция составила в 2018 г. – 4 %, 2019 г – 3 %, в 2020 г. – 4,9%, и при прогнозе на 2021 г. максимум в 4,3% инфляция на май 2021 г. уже приблизилась к 7% в годовом выражении².

При этом, согласно официальным данным, в 2020 году реальные располагаемые доходы россиян упали на 3,2%. В первом квартале 2021-го спад доходов ускорился до 3,6% в годовом выражении. На 965 руб. выросли номинальные доходы граждан, следует из данных Росстата. Но эту прибавку обесценило ускорение инфляции (до максимума с 2016 г.). В среднем в I квартале люди жили на 32 612 руб. в месяц (порядка \$14,5 в день); работающие получали в среднем 51 229 руб. в месяц (+2% в реальном выражении), пенсионеры – 15 779 руб.

Среднедушевые денежные доходы первого квартала, те самые 32 612 руб., действительно оказались выше на 3%, чем в I квартале 2020 г. Но по итогам 2020 года реальные доходы граждан РФ откатились на минимум за 10 лет, в долларовом выражении зарплаты на минимуме за 11 лет³.

При этом государство имеет огромные резервы, которые конечно же необходимы для поддержания макроэкономической стабильности, однако являются весьма избыточными.

Так на 1 мая государство держало на счетах в кредитных организациях 7,811 трлн руб. За месяц эта сумма увеличилась на 889 млрд руб., или 13 %, а с начала года – вдвое, или на 3,914 трлн руб. В результате размер этой рублевой «кубышки» бюджета практически сравнялся с ликвидной частью ФНБ, где на 1 мая Минфин держал 116,4 млрд долл., или 8,67 трлн руб.⁴

Значительный рост государственных средств связан с крупными налоговыми поступлениями в бюджет, объясняет ЦБ, в апреле уплачивался НДС за I квартал 2021 года, а также часть компаний заплатила годовой налог на прибыль за 2020 год. При этом госрасходы были «умеренными», а федеральный бюджет получил дополнительные деньги от размещения ОФЗ. При дефиците бюджета в апреле в 81,6 млрд руб. Минфин продал госбумаги на 490 млрд. Из этой суммы 85% обеспечили российские банки.

Так поток бюджетных денег замкнулся в круг: Минфин прокредитовал банки, чтобы впоследствии они прокредитовали Минфин.

Вместе с федеральной казной «рублевую подушку» нарастили регионы и внебюджетные фонды, включая ПФР и фонд ОМС. Первые закончили январь-март с профицитом в 247 млрд. рублей, а вторые собрали в виде взносов с населения и бизнеса на 100 млрд. рублей больше, чем потратили⁵.

При этом не стоит забывать о средствах Фонда национального благосостояния (далее ФНБ), часть которого правительство намерено инвестировать в крупные инфраструктурные проекты, было выбрано 7 проектов с общим объемом инвестиций 4,9 трлн руб., из ФНБ на эти цели будет выделено около 900 млрд руб.

Стоит сказать, что выделение средств из ФНБ является более выгодным, нежели кредитование банковским сектором, ибо ставки у него намного ниже. Общий объем ФНБ на май 2021 г., составил более 13,8 трлн руб. (или 185,8 млрд долл.). По общим правилам бюджетного законодательства сумма превышения 7% ВВП могла направляться на инвестиционные проекты бюджета в сфере инфраструктуры, с ограничением в 20% из ФНБ, от совокупного объема финансирования из заемных источников в расчете на один проект. Однако Минфин предложил увеличить эту планку до 40%, при том, что ликвидная часть ФНБ составляет уже 7,5 % от ВВП, то для инвестиций доступно около

¹ Первый замминистра финансов Леонид Горнин – о дефиците региональных бюджетов и ограничениях по госдолгу в интервью газете "Известия" [электронный ресурс] Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37231pervyi_zamministra_finansov_lyeonid_gornin_o_defitsite_regionalnykh_byudzhetrov_i_ogranicheniyakh_po_gosdolgu_v_intervyu_gazete_izvestiya

² Росстат РФ. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/inflyatsiya>

³ План правительства по спасению экономики и реальная нищета: о чем не расскажет премьер-министр. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/20/molchanie-mishustina>

⁴ «Денег через край»: Государство накопило в банках рекордные 8 триллионов рублей. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/deneg-cherez-kray-gosudarstvo-nakopilo-v-bankakh-rekordnye-8-trillionov-rublei-1030463246>

⁵ Там же.

600 млрд. руб., при этом ФНБ постоянно растет. Так Минфином закуплено в резервы более 600 млрд. руб, на сверхдоходы от нефти и газа.

Какие конкретно проекты планируется реализовать, назовем лишь несколько:

- строительство скоростной автодороги М-12 Москва – Нижний Новгород – Казань, общая стоимость – 623 млрд. руб., из них 150 млрд. руб. выделяют из ФНБ;
- строительство скоростной автомобильной дороги Казань – Екатеринбург общей стоимостью 439 млрд. руб, из них 50 млрд руб., из ФНБ;
- обновление подвижного состава ГУП «Петербургский метрополитен». «Трансмашхолдинг» - 129,3 млрд. руб, из ФНБ 97 млрд. руб.;
- Фонд содействия реформированию ЖКХ получит из ФНБ 150 млрд руб.;
- На проект Минэкономразвития по опережающему социально-экономическому развитию Ангаро-Енисейского макрорегиона планируют выделить 155 млрд. руб. Общая стоимость проекта – 1,8 трлн руб., его планируется реализовать в 2022–2035 годах.

Конечно, необходимо реализовывать бюджет развития, без необходимых крупных вложений невозможно будет развивать региональную составляющую экономики, сам бизнес, даже крупный, не способен без «длинных» кредитов и господдержки реализовать проекты таких масштабов.

Инвестиции в транспортную инфраструктуру всегда имели особое значение не только в России, но и во всем мире. Даже сейчас половина всех мировых инфраструктурных расходов – транспортные, строительство автомобильных дорог считается наиболее капиталоемким видом инфраструктуры, требующим господдержки: на их строительство и ремонт расходуется больше, чем на железные дороги, порты и аэропорты вместе взятые. Мировые расходы на содержание автодорог достигают \$1,3 трлн. На втором месте по затратам в сфере транспортной инфраструктуры, по ее словам, находятся железные дороги – \$332 млрд¹.

Однако при этом не стоит забывать о собственных финансовых проблемах регионов долги, которых необходимо реструктуризировать, по оценке Минфина РФ собственные доходы, субъектов в 2021 г. оцениваются в 11,5 трлн руб., то есть плюс 13 % к низкой базе 2020-го. С учетом вливаний из федерального центра в консолидированные бюджеты поступит 14,3 трлн руб., расходы ожидаются на уровне 14,8 трлн руб., дефицит, таким образом, составит около 0,5 трлн. Основными источниками его финансирования станут остатки прошлых лет, а также средства, высвободившиеся благодаря продлению сроков погашения бюджетных кредитов с 2024 на 2029 г. Темп прироста госдолга к 2020 г. существенно замедлится и составит 4 %. Обязательства увеличатся примерно на 100 млрд руб.²

Таким образом, российским регионам необходима макроэкономическая стабильность, предсказуемость и долгосрочность правительственных мер, также непротиворечивость внутренней бюджетной политики государства. Регионы должны также самостоятельно учиться привлекать инвестиционные проекты, в т.ч. инфраструктурные, как это делают Калужская, Белгородская области, Татарстан и другие регионы, они обязаны создавать новые рабочие места с высокой прибавочной стоимостью, для этого государство должно увеличивать расходы на НИОКР с текущего 1 % до 2 %, общие расходы на науку в 2 раза, а обновление основных фондов требует также принятия решений на федеральном уровне, хотя справедливости ради, сказать, что средний возраст основных средств на предприятиях страны не превышает 12 лет, что уже говорит об определенном технологическом обновлении. Однако это обновление не является самоцелью, ибо технологическое отставание экономики страны по ряду секторов очевидно и требует модернизации и инноваций, являясь лишь инструментом экономического процветания страны.

Информация об авторе

Х. У. Магомадов – канд. экон. наук, доц. кафедры налогообложения и бухгалтерского учета.

Information about the author

Kh. U. Magomadov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021; одобрена после рецензирования 19.07.2021; принята к публикации 23.07.2021.

The article was submitted 30.06.2021; approved after reviewing 19.07.2021; accepted for publication 23.07.2021.

¹ Власти выбрали первые проекты для финансирования из ФНБ. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/24/05/2021/60aa820f9a7947369e08407d>

² Первый замминистра финансов Леонид Горнин – о дефиците региональных бюджетов и ограничениях по госдолгу в интервью газете "Известия" [электронный ресурс] Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37231pervyi_zamministra_finansov_lyeonid_gornin_o_defitsite_regionalnykh_byudzhetrov_i_ogranicheniyakh_po_gosdolgu_v_intervyu_gazete_izvestiya

Научная статья

УДК 336

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-135-140

РИСКИ ЭКОСИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Галина Владимировна Назаренко¹, Наталья Юрьевна Лебедева²

¹Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ngv@inbox.ru

²nlebedeva@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию банковского сектора России в условиях цифровой трансформации экономики, внедрению платформенных решений и созданию экосистем, предоставляющих клиенту спектр финансовых и нефинансовых продуктов и услуг, формируя при этом комплекс дополнительных рисков. Автором выделены основные виды рисков экосистемной модели осуществления банковской деятельности в разрезе самих банков, клиентов и экономики государства. Предложены меры по минимизации данных рисков в целях обеспечения финансовой устойчивости банковского сектора экономики и стабильного функционирования финансовой системы страны в целом.

Ключевые слова: риски, экосистема, цифровая платформа, банковский сектор экономики, цифровые технологии, финансовая устойчивость

Для цитирования: Назаренко Г. В., Лебедева Н. Ю. Риски экосистемной модели развития банковского сектора экономики России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 135–140. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-135-140>.

Problems of Economics

Original article

RISKS OF THE ECOSYSTEM MODEL OF DEVELOPMENT OF THE BANKING SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY

Galina V. Nazarenko¹, Natalia Yu. Lebedeva²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ngv@inbox.ru

²nlebedeva@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to the development of the Russian banking sector in the context of the digital transformation of the economy, the introduction of platform solutions and the creation of ecosystems that provide the client with a range of financial and non-financial products and services, while forming a complex of additional risks. The author identifies the main types of risks of the ecosystem model of banking activities in the context of the banks themselves, customers and the state economy. Measures are proposed to minimize these risks in order to ensure the financial stability of the banking sector of the economy and the stable functioning of the country's financial system as a whole.

Keywords: risks, ecosystem, digital platform, banking sector of the economy, digital technologies, financial sustainability

For citation: Nazarenko G. V., Lebedeva N. Yu. Risks of the ecosystem model of development of the banking sector of the Russian economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):135–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-135-140>.

В настоящее время состояние денежно-кредитной сферы характеризуется развитием инновационных цифровых технологий, сосредоточенных на разработке специализированных платформ, а также повышении конкурентных преимуществ перед маркетплейсами, т.к. существенно выросли потребности клиентов в дистанционном банковском обслуживании.

Переход к платформенной экономике, наблюдаемый в текущих условиях на международном уровне, представляет собой результат действия сразу комплекса факторов, таких как: аккумуляро-

вание технологических трансформаций, осуществивших качественное переключение с уровня разработки на уровень прикладного применения, запрос на трансформацию и ликвидацию территориальных границ со стороны потребителя, отработка всех перспективных направлений общепринятых бизнес-моделей, в первую очередь с точки зрения прибыльности банковского бизнеса и формирования стабильного роста прибыли держателей акций. Особенности платформенной бизнес-модели, эксплуатирующие в равной степени как технологические, так и поведенческие изменения¹, могут привести к качественной перестройке бизнеса.

Основными инновациями, возникшими в финансово-кредитной сфере экономики последних нескольких лет, можно назвать распределенный реестр, виртуальные активы, облачные технологии и платформенные решения в рамках экосистемы, которые позволили трансформировать банковскую сферу деятельности, сделав ее одним из ключевых участников цифровой трансформации экономики [1].

Экосистема, как правило, состоит из совокупности нескольких платформ (рис. 1), на которых клиенту предоставляются различные продукты и услуги. Ключевыми участниками банковских платформ становятся агрегаторы пользовательской информации – операторы связи, социальные сети и др. Они предоставляют доступ к данным о своих клиентах в целях повышения качества кредитных продуктов, перекрестных продаж и формирования индивидуальных предложений. При этом сами агрегаторы расширяют спектр собственных услуг и охват пользователей. Подобная кооперация позволяет значительно снизить транзакционные издержки участников рынка. Также экосистема может включать офлайн-сервисы, предлагаемые клиенту, например, через офисную сеть.

Рис. 1. Структурная схема экосистемы²
Fig. 1. Structural diagram of the ecosystem

Участие в экосистемах открывает для банков следующие перспективы. Во-первых, у них появляется возможность ускорить привлечение клиентов и рост доходов за счет кросс-продаж. Это особенно актуально для крупных банков, перспективы роста которых в традиционных сегментах из-за их высокой доли ограничены. При этом такая возможность в равной степени доступна как банкам, самостоятельно развивающим нефинансовые бизнесы, так и тем, кто создает экосистему с помощью партнеров.

Во-вторых, что более важно, экосистема может стать необходимым условием для эффективной конкуренции с технологическими компаниями, которые входят в сегмент финансовых услуг.

¹ У потребителей часто создается иллюзия бесплатности услуг платформы при отсутствии комиссии за ее сервисы для клиентов.

² Составлено авторами.

Многие из традиционных банковских продуктов, например потребительские кредиты, в высокой степени стандартизированы. Это означает, что решающими факторами для потребителя являются их доступность и стоимость, а не бренд поставщика. В условиях цифровой экономики конкуренция на рынке стандартных услуг проявляется особенно остро, так как у потребителей практически нет барьеров для переключения между поставщиками. Таким образом, диверсифицированная экосистема, адаптированная под ежедневные потребности конкретных пользователей, может стать для банка эффективным инструментом повышения лояльности и удержания клиентов.

В-третьих, дополнительные данные о пользователях могут использоваться банками для более точной оценки их кредитных рисков и таргетирования продаж финансовых продуктов [2].

Наконец, экспансия в нефинансовый сектор может помочь банкам загрузить сеть розничных отделений, которые стали менее востребованы клиентами из-за перехода на дистанционные модели обслуживания [3].

Понимая и принимая все неоспоримые плюсы для потребителя, дающие ему сервисы экосистем и то, что на современном этапе развития экономики платформы и экосистемы представляют собой наиболее прогрессивную форму бизнес-модели, необходимо оценивать последствия и реагировать на уже сформировавшиеся риски, которые можно условно разделить на несколько типов (рис. 2).

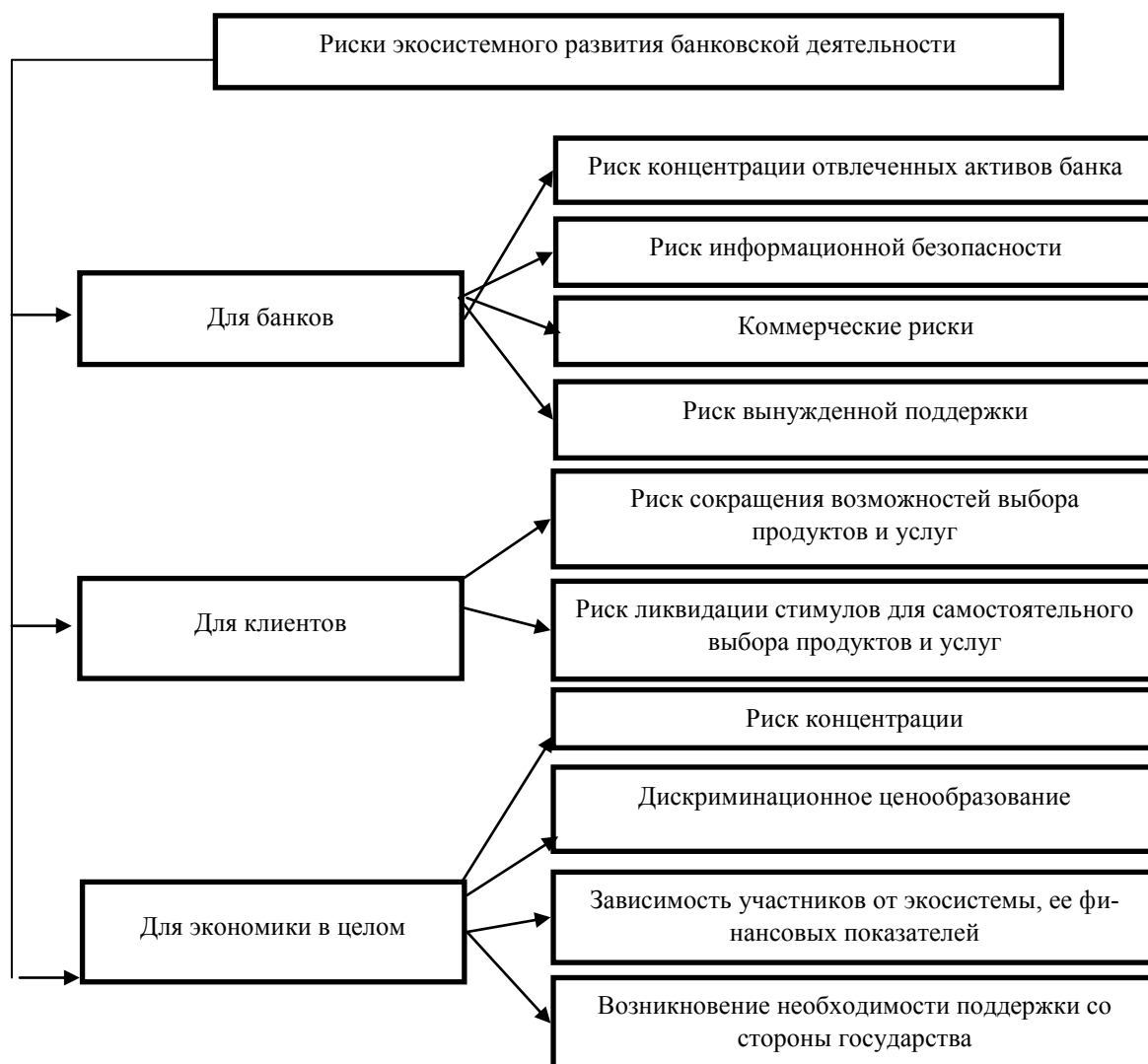

Рис. 2. Риски экосистемного развития банковской деятельности¹

Fig. 2. Risks of ecosystem banking development

Рассмотрим более подробно, представленные на рисунке 2 риски, основным из которых является накопление на балансе финансово-кредитного учреждения вложений в организации-участников экосистемы и иные расходы, которые не предполагают обязательств по возврату финансовых ресурсов. Данные активы отвлекает капитал денежно-кредитной организации, сокращая ее возможности

¹ Составлено авторами

покрывать убытки. Если подобные отвлеченные активы не в полной мере обеспечены финансовыми ресурсами, риски их утраты способны формировать дополнительные опасности для финансовой устойчивости денежно-кредитной организации и, соответственно, его кредиторов и вкладчиков.

При этом, финансирование развития экосистемы – это лишь одна из разновидностей отвлеченных активов. Они также могут появляться у банков в форме основных средств, нематериальных активов, портфельных инвестиций, а также в процессе урегулирования проблемной задолженности или как результат другого участия в нефинансовом бизнесе [4].

Дополнительные риски, которые принимают банки, участвующие в экосистемах, будут зависеть от выбранной ими стратегии развития. В ситуации, когда банк фокусируется на финансовых сервисах и является вспомогательным участником экосистемы, архитектором которой выступает материнская технологическая компания, наиболее существенным изменением, вероятно, станет рост операционных рисков платформенных решений, прежде всего риска информационной безопасности. Так, например, перевод в цифровое поле бизнес-процессов, совершенствование электронных банковских сервисов, аккумулирующие существенный объем персональных данных у представителей экосистемы повышают риск превышения полномочий в процессе обработки, хранения и использования клиентских данных.

Таким образом формируется концепция открытого банкинга, которая позволяет банкам существенно ускорить распространение банковских продуктов и услуг посредством «сторонних» цифровых платформ и предоставить доступ различным финансово-кредитным учреждениям к массивам данных и процессам других. Согласно опросу с участием 660 малых, средних и крупных компаний из 11 стран, ожидания бизнеса от открытого банкинга связаны с обеспечением доступа к более удобным услугам, помощью в расширении клиентской базы, оптимизацией корпоративных процессов, снижением сложности и стоимости коммуникаций с банком и удешевлением привлечения клиентов [5].

Для банков, участвующих в экосистемах по партнерской модели, дополнительно могут усиливаться коммерческие риски. Неправильно выбранный подход к определению контрагентов или финансирование клиентских сценариев, которые окажутся невостребованными, могут спровоцировать снижение лояльности и отток клиентов банка. Более того, партнерской схеме присущи и риски вынужденной поддержки, когда банку придется оказывать финансовую помощь партнерам в случае возникновения у последних трудностей, чтобы избежать рисков для своего бизнеса.

Наконец, риск вынужденной поддержки может реализоваться при условии формирования у нефинансового поставщика экосистемы необходимости в привлечении дополнительного финансирования, которое невозможно реализовать посредством внешних вливаний [6]. В качестве примера можно привести ситуацию, когда осуществляется финансирование создания и развития экосистемы в целом или при постоянном наличии убытком по некоторым направлениям, а также в итоге единоразовых существенных убытков по причине наступления иных негативных факторов. При этом, банк будет по-прежнему поддерживать развитие экосистемы в целях обеспечения своих приоритетов в рамках ключевого бизнеса. Однако необходимо помнить, что в случае недостаточности произведенных инвестиций, это может спровоцировать утрату финансово-кредитным учреждением финансовой устойчивости, а также сформировать дополнительные риски для устойчивости всей финансовой системы страны. Отметим, что тесные взаимосвязи между участниками экосистемы и лежащие в ее основе сетевые эффекты также существенно усиливают этот риск [7].

Ключевой риск для потребителей продуктов и услуг экосистемы заключается в стремительном сокращении возможности выбора, которое обусловлено в большей степени отсутствием желания клиента подбирать себе требующиеся финансовые продукты и услуги за пределами экосистемы. Однако, по мнению автора, данный фактор не формирует неизбежных отрицательных эффектов в настоящее время, но с течением времени способен спровоцировать другой негативный фактор: с позиции экосистемы, существенное значение имеет широта предлагаемого комплекса финансовых продуктов и услуг, а не первенство в рамках каждого направления деятельности экосистемы. Как результат, может сложиться такая ситуация, когда потребитель будет получать финансовые сервисы более низкого качества, чем мог бы, но по причине привычки и возможных неудобств, связанных со сменой экосистемы, или из-за отсутствия желания изучать рынок действующих предложений потребитель не предпринимает попытки смены экосистемы.

Еще одна потенциальная «ловушка» для потребителя – получение экосистемой большого объема данных о потребительских привычках и ежедневных покупках клиента, изучение паттерна поведения клиента и соответствующая настройка адресной (таргетированной) рекламы в перспективе могут привести к тому, что в условиях все ускоряющегося ритма жизни и дефицита времени потребитель будет почти автоматически соглашаться на предложения продуктов и услуг от экосистемы [8].

Еще одним способом «привязать» клиента к экосистеме является подписка, или пакетное предложение услуг. Часто приобретение «в комплексе» оказывается дешевле, однако за подобную

выгоду клиент платит отсутствием выбора состава пакета. Набор сервисов, включенных в подписку, также снижает стимулы для клиента искать что-то на стороне.

Потребители, предпочитающие оставаться за периметром экосистем, также не защищены от риска их интенсивного развития. Несложно представить ситуацию, когда в отдельных регионах экосистема является единственным источником предложения определенных продуктов или услуг, а затем, в результате собственных бизнес-решений или смены стратегии, перестает обслуживать клиентов из данного региона.

Рост популярности экосистем с учетом их ограниченного количества может стать источником новых системных рисков и важным вызовом для антимонопольного регулирования. В частности, следствием чрезмерного усиления конкурентной позиции экосистем в финансовом и нефинансовом сегментах рынка может стать дальнейшее увеличение рыночной концентрации из-за перетока клиентов в крупные экосистемы. Это, в свою очередь, может привести к злоупотреблению экосистемами своим доминирующим положением, в том числе дискриминационному ценообразованию. Особенно сильное влияние это может оказать на сегмент розничного кредитования и МСП, где банкам, не участвующим в экосистемах, может потребоваться радикально трансформировать свои бизнес-модели. С другой стороны, экспансия технологических компаний в финансовый сектор может позитивно повлиять на развитие конкуренции в этом сегменте, качество и набор услуг для клиентов [9].

Увеличение численности занятых в экосистеме и не зависящих от нее предприятиях может достигнуть значимой доли от экономически активного населения, которое может оказаться в уязвимом положении, если бизнес экосистемы будет испытывать конкурентное и/или финансовое давление.

На фоне увеличения объема передаваемой информации экосистемы создают дополнительные риски утечки или несанкционированного использования персональных данных и информации, составляющей банковскую тайну.

Наконец, экосистемы могут стать центром развития уникальных компетенций и технологий, имеющих стратегическую значимость для развития и безопасности страны. Вместе с другими факторами это может потребовать расширенной государственной поддержки экосистемных банков в стрессовом сценарии.

Совершенствование экосистемного подхода дополнительно стимулирует финансово-кредитные организации увеличивать вложения в отвлеченные активы [10]. В результате, в краткосрочной перспективе объем данных активов у системно-значимых банков может существенно вырасти, что, как мы уже отмечали, будет создавать дополнительный риск для финансовой устойчивости банковского сектора.

Такая ситуация является нежелательной, поэтому регулирование отложенных активов следует настроить так, чтобы ограничить увеличение их концентрации. При этом чтобы уравнивать требования для банков с разными стратегиями накопления отложенных активов и снизить риск регуляторного арбитража, необходим комплексный подход, охватывающий широкий спектр таких активов.

Представляется, что дополнительные ограничения целесообразно ввести в отношении вложений банков в нефинансовые организации и инвестиционные фонды (в части имущества, сформированного за счет отложенных активов), непрофильного имущества, полученного от заемщиков или удерживаемого в инвестиционных целях, а также «избыточных» основных средств.

При этом меры должны быть подобраны таким образом, чтобы минимизировать риски для самих банков и их кредиторов и вкладчиков.

По мнению автора, необходимо выделить следующие способы: во-первых, разделить банковскую и нефинансовую деятельность – так, чтобы риски таких вложений в принципе не распространялись на банки. Альтернатива – пруденциальный подход, направленный на увеличение покрытия отложенных активов капиталом либо через увеличение взвешенных по риску активов (для этого потребуется увеличить риск-веса по отложенным активам), либо за счет уменьшения регулятивного капитала на сумму рискованных вложений (вычет).

На внедрение предложенного комплекса мер в нормативные акты Банка России понадобится несколько лет. При этом в целях постепенного увеличения регуляторной нагрузки ограничения могут реализовываться на протяжении периода 3-5 лет. Данные меры позволят банкам развивать экосистемы, будут способствовать поддержанию конкуренции, продвижению инноваций и максимизации выгод от внедрения платформенных решений. При этом риски для кредиторов и вкладчиков будут ограничены, поскольку в избыточной концентрации экосистемные активы банков будут полностью обеспечены капиталом, а не средствами клиентов.

Список источников

1. Пригода Л. В., Аликаева М. В., Чекеревац З. Банковские экосистемы и маркетплейсы: тенденции цифровизации // Новые технологии. 2020. Т. 16. № 6. С. 132-138.
2. Simonovska D., Rogleva N. Kiteva. Methods, models and techniques for decision making in projects with special emphasis on the banking sector // MEST Journal. 2017. Vol. 5. P. 105-112.

3. Буйлов М., Самусева С. Банки уходят в онлайн: а интернет-банк открывает отделения // Газета «Коммерсантъ». 2020. № 48. С. 8.
4. Доклад для общественных консультаций «Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы». Банк России. Москва. 2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf
5. Accenture Open Banking for Business Survey 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-90/Accenture-Open-Banking-Businesses-Survey.pdf
6. Черкасова Т. П., Бандурина И. А., Черкасов Е. Л. Инвестиционная привлекательность бизнеса в контексте банковской политики создания цифровых экосистем // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 160–165.
7. Андреева Л. Ю., Буряков Г. А. Риск-ориентированная модель цифровизации банковского бизнеса в условиях мирового финансового кризиса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5(120). С. 27–31.
8. Самиев П. А., Закирова В. Р., Швандар Д. В. Экосистемы и маркетплейсы: обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 5. С. 86–98.
9. Фролова И. В., Лебедева Н. Ю. Учетное управление устойчивостью развития коммерческого банка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2014. № 3. С. 407–411.
10. Свиридов О. Ю., Бадмаева Б. С. Развитие банковских экосистем на основе современных цифровых технологий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 176–181.

References

1. Prigoda L. V., Alikaeva M. V., Chekerevac Z. Banking ecosystems and marketplaces: digitalization trends. *Novye tekhnologii = New technologies*. 2020;16(6):132–138. (In Russ.)
2. Simonovska D., Rogleva N. Kiteva. Methods, models and techniques for decision making in projects with special emphasis on the banking sector. *MEST Journal*. 2017;(5):105–112.
3. Builov M., Samuseva S. Banks go online: and the Internet bank opens branches. *Kommersant*. 2020;(48):8. (In Russ.)
4. Report for public consultation "Managing risks of banks' participation in ecosystems and investments in immobilized assets." Bank of Russia. Moscow. 2021 [Electronic Resource]. Available from: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (In Russ.)
5. Accenture Open Banking for Business Survey 2018 [Electronic Resource]. Available from: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-90/Accenture-Open-Banking-Businesses-Survey.pdf
6. Cherkasova T. P., Bandurina I. A., Cherkasov E. L. The investment attractiveness of business in the context of the banking policy of creating digital ecosystems. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(1):160–165. (In Russ.)
7. Andreeva L. Yu., Buryakov G. A. Risk-oriented model of digitalization of banking business in the context of the global financial crisis. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2020;5(120):27–31. (In Russ.)
8. Samiev P. A., Zakirova V. R., Shvandar D. V. Ecosystems and marketplaces: overview of the financial services market. *Finansovyi zhurnal = Financial journal*. 2020;12(5):86–98. (In Russ.)
9. Frolova I. V., Lebedeva N. Yu. Accounting management of the sustainability of the development of a commercial bank. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova = Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 2014;(3):407–411. (In Russ.)
10. Sviridov O. Yu., Badmaeva B. S. Development of banking ecosystems based on modern digital technologies. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(3):176–181. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. В. Назаренко – канд. экон. наук, научный сотрудник;
Н. Ю. Лебедева – канд. экон. наук, ст. преп. экономического факультета.

Information about the authors

G. V. Nazarenko – Candidate of Economics, Research Associate;
N. Yu. Lebedeva – Senior Lecturer, Faculty of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 28.08.2021.

The article was submitted 22.07.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 28.08.2021.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В ПЛАТЕЖНУЮ СИСТЕМУ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА

Инна Владимировна Некрасова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, inna-nekrasova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются причины и последствия внедрения цифровых валют центральных банков ведущих стран мира в платежную систему. На основе проведенного анализа автором статьи были систематизированы сведения о проектах по внедрению CBDC, инициированные центральными банками, и определены основные риски, связанных с введением CBDC.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая валюта, центральный банк, кибербезопасность, токен, фиатные деньги

Для цитирования: Некрасова И. В. Причины и последствия внедрения цифровых валют центральных банков в платежную систему ведущих стран мира // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 141–145. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-141-145>.

Problems of Economics

Original article

REASONS AND CONSEQUENCES OF INTRODUCTION OF DIGITAL CURRENCIES OF CENTRAL BANKS INTO PAYMENT SYSTEM OF LEADING COUNTRIES OF THE WORLD

Inna V. Nekrasova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, inna-nekrasova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the reasons and consequences of the introduction of digital currencies of the central banks of the world's leading countries into the payment system. Based on the analysis, the author of the article systematized information about CBDC implementation projects initiated by central banks, and identified the main risks associated with the introduction of CBDC.

Keywords: digitalization, digital currency, central bank, cyber security, token, fiat money

For citation: Nekrasova I. V. Reasons and consequences of introduction of digital currencies of central banks into payment system of leading countries of the world. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):141–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-141-145>.

В условиях цифровизации финансовых рынков, наличия эффектов их гиперрациональности в ряде стран, использование наличных денег на международном уровне постепенно сокращается, и концепция «криптовалют» занимает важное место в разработке денежно-кредитной политики любого центрального банка [1].

В отличие от фиатных денег криптовалюты являются средством платежа, которое обеспечивает быстрые и простые транзакции, перевод средств через банковские счета и криптовалюту без использования бумажных денег.

В настоящее время в мире наблюдается значительный рост количества и стоимости криптовалют, которые бросают вызов существующей монополии центрального банка на эмиссию денег. На сегодняшний день выпущено 6726 криптовалют.

Согласно данным аналитических фирм CoinGecko и Blockfolio капитализация рынка криптовалют к лету 2021 года превысила 2 трлн. долларов, что превышает размер капитализации компании Apple [2]. Эта тенденция сопровождается ценовыми пузырями и чрезвычайной волатильностью некоторых криптовалют. По прогнозам ряда экономистов через 3 года общая капитализация рынка криптовалют может превысить 6 триллионов долларов, а через 10 лет – 16 триллионов.

Непропорциональное неправильное использование, огромная непредсказуемость и децентрализованный контроль над криптовалютами заставили многие регулирующие органы по всему миру разработать ограничительные меры или даже запретить некоторые криптовалюты. В этой ситуации многие участники финансовых рынков воспринимают криптовалюты как ненадежное и опасное средство оплаты будущих транзакций. Чтобы преодолеть эту высокую волатильность криптовалют, были разработаны новые модели цифровых валют, называемые стейблкоинами.

Стейблкоины, в том числе монета JPM от JP Morgan, нацелены на обеспечение стабильности цен за счет привязки их стоимости к другому активу, который менее подвержен сильным колебаниям.

С развитием криптовалют, стейблкоинов и активной цифровизацией глобальной платежной системы центральные банки должны реагировать и позиционировать себя в этом меняющемся ландшафте. И как мегарегулятор финансовых рынков, центральный банк должен также оценивать и исследовать потенциальные возможности и риски развивающихся цифровых валют.

В этих условиях назрела потребность создания цифровых валют центральных банков – CBDC (Central Bank Digital Currencies).

Цифровые валюты центральных банков являются важным фактором развития финтех-экосистем, инноваций, а также важным фактором контроля и минимизации рисков функционирования финтех-рынка [3].

В настоящее время не существует единственного, общепринятого в мировой практике определения CBDC. Как отмечает Банк международных расчетов (BIS), CBDC не является четко определенным термином¹. Все определения сходятся в том, что CBDC является новой формой цифровых денег с обязательством центрального банка, выраженным в существующей расчетной единице, который служит как средством обмена, так и средством сбережения.

С внедрением CBDC платежные операции смогут стать более быстрыми, дешевыми и эффективными как внутри страны, так и на международном уровне. Введение CBDC также предполагает большую безопасность и меньший риск мошенничества с использованием технологии блокчейн.

С другой стороны, как совершенно верно отмечает в своей работе Андрушин С.А., CBDC становится альтернативой для третьей формы денег – частных электронных депозитов КБ, так как замена этих депозитов на CBDC приведет к сокращению совокупного баланса всего банковского сектора экономики [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что CBDC – это электронная форма денег, которая может храниться как в государственных, так и в финансовых учреждениях в зависимости от принятой модели.

В настоящее время центральные банки всех развитых стран мира обсуждаются две модели CBDC: розничная модель CBDC и оптовая модель CBDC.

Рассмотрим сущность и основные признаки розничной модели CBDC.

Розничные платежи обычно представляют собой платежи между физическими и юридическими лицами. Как правило, они имеют низкую стоимость, но большой объем сделок, и осуществляются с помощью различных платежных инструментов.

Розничная цифровая валюта центрального банка (CBDC) – это электронные деньги центрального банка, которые, как и наличные, напрямую доступны физическим и юридическим лицам [5].

Розничные CBDC могут предлагаться населению в двух различных формах:

- Депозитные счета в центральном банке.
- Токены, выпущенные в цифровом виде.

В случае депозитных счетов физические и юридические лица смогут открывать счета в своих центральных банках и пользоваться теми же услугами, которые предоставляют коммерческие банки. Через эти учетные записи они обычно могли инициировать и получать платежи, а также просматривать баланс своего счета.

CBDC, выпущенные в форме токенов, представляют собой электронную альтернативу банкнотам и монетам. Они будут выпускаться только центральным банком для распространения между коммерческими банками.

Ключевое различие между обоими типами – это проверка, необходимая при использовании цифровых валют центральных банков. В то время как токены CBDC нуждаются в проверке на их подлинность, а также на то, не были ли они уже потрачены, депозитные счета CBDC потребуют проверки на уровне владельца счета. Таким образом, необходимо будет выполнить процедуру «знай своего клиента» («Know your customer», KYC).

В научной литературе обсуждается несколько возможных сценариев розничных CBDC. В каждом сценарии CBDC выпускается только центральным банком, но сценарии отличаются друг от друга тем, кто в конечном итоге несет ответственность.

В первом сценарии выпуск осуществляется косвенно через финансовых посредников, которые несут ответственность за обеспечение денег, выпущенных для физических и юридических лиц. В двух других сценариях финансовые посредники имеют прямое требование к центральному банку.

¹ BIS, Banque de France and SNB (2021): Bank for International Settlements Innovation Hub, Swiss National Bank and Bank of France collaborate for experiment in crossborder CBDC // www.snb.ch/en/mmr/reference/pre_20210610/source/pre_20210610.en.pdf (дата обращения: 10.06.2021)

Сценарий 1 имеет много общих черт с текущим процессом розничных платежей, поскольку он также включает промежуточный уровень финансовых учреждений. Эти учреждения отвечают за подключение и общение с физическими и юридическими лицами, отправку платежных сообщений другим финансовым учреждениям и, в конечном итоге, передачу платежных инструкций в центральный банк для проведения расчетов.

В сценарии 2 участвуют физические и юридические лица, владеющие CBDC через частные счета в центральном банке. Посредники больше не нужны, так как центральный банк берет на себя роль подключения и обработки всех платежных услуг. Этот сценарий, вероятно, существенно повлияет на структуру текущей финансовой системы и существенно повысит роль и ответственность центральных банков. Однако из различных исследований и доказательств концепции центральных банков мы понимаем, что этот сценарий не является их предпочтительным вариантом, поэтому модель CBDC в будущем, скорее всего, будет включать посредников между центральными банками и пользователями.

Сценарий 3 – это смешанная версия двух предыдущих сценариев. Несмотря на то, что существует промежуточный уровень финансовых учреждений, физические и юридические лица по-прежнему имеют прямое право на CBDC в центральном банке. Ключевым следствием этого сценария является то, что посредники могут изолировать CBDC от своего баланса, а частные лица и предприятия могут получить выгоду от повышения мобильности. Например, если финансовое учреждение клиента становится неплатежеспособным, финансовые учреждения, действующие в качестве посредников, могут полагаться на центральный банк, чтобы удовлетворить требование и, возможно, перевести свои средства в другое финансовое учреждение.

Именно третий сценарий механизма функционирования розничных CBDC согласно опубликованной Центральным банком «Концепции цифрового рубля» является наиболее приемлемым для России. Согласно данной модели Банк России является одновременно эмитентом цифровых рублей и оператором платформы цифрового рубля¹.

Указанные сценарии направлены на повышение эффективности инструментов денежно-кредитной политики. Создание денег коммерческими банками ограничено и контролируется центральным банком посредством регулирования, розничные CBDC могут позволить центральным банкам более эффективно распределять и контролировать предложение цифровых денег.

Розничные CBDC могут также стимулировать внедрение безналичных транзакций. Если CBDC квалифицируется как законное платежное средство, это станет надежной и заслуживающей доверия альтернативой текущим денежным операциям.

Более быстрые расчеты также являются ключевым преимуществом платежной системы на основе CBDC. Наличие прямых связей с центральными банками и сокращение числа как внутренних, так и международных посредников могут значительно повысить эффективность розничных платежей. В идеале, эта экономия времени и затрат будет более выгодна частным лицам и предприятиям, которые в результате выиграют от более низких транзакционных издержек.

Для достижения этих целей новая платежная платформа центрального банка и CBDC должны будут интегрировать современные инструменты кибербезопасности, а также контролировать надлежащую проверку клиентов, возможные операции по отмыванию денег и мошенничество.

Модель оптовой торговли CBDC предполагает осуществление платежей и расчеты по транзакциям между финансовыми учреждениями.

Эта модель может повысить эффективность управления, рисками процесса расчетов, потенциально усиливая эти преимущества за счет расширения доступности оптовых CBDC для участников финансового рынка, которым в настоящее время не разрешено иметь счета в центральном банке.

В рамках оптовой модели развития CBDC могут не только применяться к чисто денежным переводам, но также использоваться для переводов активов, связанных с ценными бумагами. Если две стороны торгуют активом, например, ценной бумагой, за наличные, оптовая CBDC может позволить произвести оплату и доставку актива мгновенно.

Внедрение оптовой CBDC также может быть рассмотрено для трансграничных транзакций. В то время как в настоящее время трансграничная транзакция предполагает участие нескольких посредников, высокий уровень сложности и значительную стоимость, оптовая CBDC может упростить процесс и добавить определенную степень автоматизации.

Оптовые модели CBDC, которые рассматриваются к внедрению ведущими центральными банками в мировой экономике можно подразделить на два вида: оптовые CBDC для внутренних платежей и оптовые CBDC для международных платежей.

Сегодняшние оптовые сделки характеризуются крупными суммами, институциональными контрагентами и короткими временными рамками расчетов. Из-за их системной важности они

¹ Концепция цифрового рубля // http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения 23.07.2021)

обычно направляются через центральные банки, которые используют системы так называемых валовых расчетов в реальном времени на основе «брутто» (RTGS).

В Европе платежи на крупные суммы обслуживаются двумя системами (платформами для обработки платежей): система TARGET2 принадлежит и управляется Евросистемой, и EUR01, которая управляется частным образом под строгим контролем ЕЦБ.

Хотя существует мнение, что большинство центральных банков в настоящее время ориентированы на внедрении внутренней CBDC, это достаточно спорное утверждение [6].

В настоящее время в трансграничных транзакциях участвуют несколько посредников и юрисдикций в одном платеже. Этот процесс означает, что платежи проходят через разные страны с разными правилами, в соответствии с разными операционными стандартами и с их собственной технической инфраструктурой. И коммерческие, и центральные банки борются с этой проблемой по-разному.

Коммерческие банки особенно страдают от разницы в сроках отключения в разных юрисдикциях [7]. Перерывы в обслуживании клиентов могут ограничить ликвидность банка, в результате возникновения потребности в дополнительном обеспечении достаточной ликвидности для выполнения своих обязательств в течение периода обслуживания. Это приводит к неэффективному использованию банковской ликвидности и дополнительным расходам.

Другой важной проблемой является отсутствие стандартизации операционных моделей и технических систем, что приводит к множеству ручных вмешательств во время обработки платежей (например, проверка санкций и сверка), а также отслеживание платежей. Устаревшие системы также не помогают, поскольку они препятствуют инновациям и совершенствованию платежной инфраструктуры, делая ее уязвимой для киберугроз и крупных сбоев системы.

Для центральных банков эти трансграничные сложности платежной системы могут в конечном итоге привести к возникновению системных проблем и ошибок в работе, которые будут угрожать стабильности финансового сектора и эффективности экономической деятельности. Когда ликвидность банка ограничена, ее нельзя использовать эффективно, происходит замедление экономического роста. Что касается текущих операций, это означает, что центральные банки должны минимизировать платежный риск между банками, чтобы предотвратить его накопление в платежной системе.

По результатам проведенного исследования процессов разработки и внедрения цифровых валют центральных банков в ведущих странах мира была составлена следующая таблица (табл. 1).

Таблица 1 – Проекты по внедрению CBDC, инициированные центральными банками
[Составлено автором]

Table 1 – CBDC Implementation Projects Initiated by Central Banks [Compiled by the author]

Организация	Вид CBDC	Статус	Период
Центральный Банк Франции	Оптовая модель	Пилотный проект	С 2020 года по настоящее время
Фонд для разработки цифрового доллара (США)	Оптовая и розничная модели	5 пилотных проектов	С 2020 года по настоящее время
Центральный Банк Швеции	Розничная модель	Пилотный проект	С 2020 года по настоящее время
Народный Банк Китая	Розничная модель	Пилотный проект	С 2014 года по настоящее время
Валютное управление Сингапура	Оптовая модель	Разработка пилотного проекта	С 2016 года по настоящее время
Резервный банк Южной Африки	Оптовая модель	Разработка пилотного проекта	С 2018 года по настоящее время
Центральный банк Федеративной Республики Германии	Оптовая модель	В состоянии исследования возможности применения	С 2019 года по настоящее время
Центральный Банк России	Розничная модель	В состоянии исследования возможности применения	С 2019 года по настоящее время

Данная таблица показывает, что в мире преобладает розничная модель CBDC, которая чаще встречается в менее развитых странах.

Введение CBDC будет иметь серьезные геополитические последствия, особенно с учетом того, что значительная часть трансграничной торговли в настоящее время происходит в одной валюте – доллар США.

Многие страны будут стремиться разработать альтернативный платежный механизм на основе CBDC для повышения скорости и эффективности платежей, что подтверждает проведенное исследование.

В результате исследования были определены следующие риски, связанные с введением CBDC:

Конфиденциальность данных. Личные данные потенциально могут быть доступны тем, кто владеет цифровыми деньгами, особенно в случае розничных токенов. Таким образом, хранение

большого количества данных в централизованной системе всегда вызывает сомнения, а прозрачность, отслеживаемость и конфиденциальность делают CBDC «палкой о двух концах».

Риск, связанный с использованием CBDC в отношении санкций и правил по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (AML /CTF), заслуживает особого внимания. Возникающие финансовые инновации, такие как CBDC, вероятно, принесут новые финансовые риски, требующие внесения необходимых поправок в правила санкций или процедуры должной осмотрительности.

Кибербезопасность. Учитывая растущее распространение кибератак в последние несколько лет, безопасность должна быть ключевым компонентом системы CBDC. Хотя киберугрозы уже являются частью текущих рисков платежной, клиринговой и расчетной системы, введение розничной CBDC представит совершенно другую проблему киберустойчивости, тем более что такая модель CBDC будет открыта для очень большого числа участников.

Выпуск розничных CBDC может создать дополнительные проблемы, связанные с возможным отказом от банковского посредничества. Это связано с тем, что если центральные банки выпустят CBDC для населения, депозиты в коммерческих банках сократятся, что приведет к сокращению выдачи коммерческих кредитов. Центральный банк в конечном итоге централизует кредитование, предоставив доступ клиентам к дополнительным финансовым ресурсам.

Список источников

1. Зотова А. И., Некрасова И. В. Гиперрациональность российского фондового рынка как показатель недостаточного уровня его развития // *Journal of Economic Regulation*. 2011. Т. 2. № 2. С. 77-83.
2. Виноградов И. Капитализация рынка криптовалют превысила 2 трлн. долларов // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/04/06/864875-kapitalizatsiya-rinka> (дата обращения: 31.07.2021)
3. Свиридов О. Ю., Некрасова И. В. Тенденции развития финтех-экосистемы в российской экономике // *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2019. Т. 21. № 4. С. 197-206.
4. Андришин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2021. Т. 15. № 1. С. 54-76.
5. Auer, R and R Boehme (2020), The technology of retail central bank digital currency, *BIS Quarterly Review*, March, pp. 85-100.
6. Bech, M and J Hancock (2020): "Innovations in payments", *BIS Quarterly Review*, March, pp 21-36.
7. Ferrari M. M., A. Mehl and L. Stracca (2020): "Central bank digital currency in an open economy", ECB working paper series, no 2488, November.

References

1. Zotov A. I., Nekrasova I. V. Hyperrationality of the Russian stock market as an indicator of its insufficient level of development. *Journal of Economic Regulation*. 2011;2(2):77-83. (In Russ.)
2. Grapes I. Cryptocurrency market capitalization exceeded \$2 trillion. Available from: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/04/06/864875-kapitalizatsiya-rinka> [Accessed 31 July 2021]
3. Sviridov O. Yu., Nekrasova I. V. Trends in the development of the fintech ecosystem in Russian economic. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Journal of Volgograd State University. Economics*. 2019;21(4):197-206. (In Russ.)
4. Andryushin S. A. The digital currency of the central bank as the third form of money of the state. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2021;15(1):54-76. (In Russ.)
5. Auer, R and R Boehme (2020), The technology of retail central bank digital currency, *BIS Quarterly Review*, March, pp. 85-100.
6. Bech, M and J Hancock (2020): "Innovations in payments", *BIS Quarterly Review*, March, pp 21-36.
7. Ferrari M. M., A. Mehl and L. Stracca (2020): "Central bank digital currency in an open economy", ECB working paper series, no 2488, November.

Информация об авторе

И. В. Некрасова – канд. экон. наук, доц. кафедры «Финансы и кредит».

Information about the author

I. V. Nekrasova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Cathedra of Finance and Credit

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; одобрена после рецензирования 19.08.2021; принята к публикации 23.08.2021.

The article was submitted 30.07.2021; approved after reviewing 19.08.2021; accepted for publication 23.08.2021

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Иван Семёнович Харченко¹, Лана Ивановна Харченко², Вячеслав Евгеньевич Иванов³,
Дарья Евгеньевна Иванова⁴

^{1, 2, 4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия

¹ecttheory@uriu.ranepa.ru

²lana7757272@mail.ru

³IvanovRussia@bk.ru

⁴d.e._ivanova@mail.ru

Аннотация. В Советском Союзе мобилизационная экономика классического типа со всеми ее подсистемами, идеологией, принципами, особенностями и механизмом функционирования была создана И. Сталиным. Ее достижения, созидательность и эффективность в наибольшей степени приходятся на период пребывания его у власти (индустриализация народного хозяйства, Победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление экономики страны). Отсюда и неоднозначное, противоречивое отношение к этой модели. Одни считают ее единственно возможной формой организации и управления социально-экономическими процессами в тяжелейших экстремальных условиях существования СССР. Другие видят в ней только негативные стороны и полагают, что ее применение в настоящее время невозможно и просто нецелесообразно.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, модель управления, ядерное оружие, коронавирусная пандемия, социальное государство

Для цитирования: Харченко И. С., Харченко Л. И., Иванов В. Е., Иванова Д. Е. Мобилизационная экономика: история и современность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 146–153. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-146-153>.

Problems of Economics

Original article

MOBILIZATION ECONOMY: HISTORY AND MODERNITY

Ivan S. Kharchenko¹, Lana I. Kharchenko², Vyacheslav E. Ivanov³, Daria E. Ivanova⁴

^{1, 2, 4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia

¹ecttheory@uriu.ranepa.ru

²lana7757272@mail.ru

³IvanovRussia@bk.ru

⁴d.e._ivanova@mail.ru

Abstract. In the Soviet Union, the mobilization economy of the classical type with all its subsystems, ideology, principles, features and mechanism of functioning was created by I. Stalin. Its achievements, creativity and efficiency are most important during his tenure (industrialization of the national economy, Victory in the Great Patriotic War, post-war restoration of the country's economy). Hence the ambiguous, contradictory attitude towards this model. Some consider it the only possible form of organization and management of socio-economic processes in the most difficult extreme conditions of the USSR. Others see only negative aspects in it and believe that its use is currently impossible and simply impractical.

Keywords: mobilization economy, governance model, nuclear weapons, coronavirus pandemic, social state

For citation: Kharchenko I. S., Kharchenko L. I., Ivanov V. E., Ivanova D. E. Mobilization economy: history and modernity. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):146–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-146-153>.

Сталинская экономика до сих пор вызывает огромный интерес у исследователей. Почему при крайне ограниченных финансовых ресурсах удавалось достигать самых высоких в мире темпов роста экономики? Сейчас же и деньги есть, и квалифицированная рабочая сила, и технологии, а экономика еле теплится.

Детальный анализ «сталинского проекта», его составляющих и движущих мотивов провел Сергей Крутоусов. По его мнению, в 1929 г. «Сталин меняет финансовую систему. Он убирает конвертируемый золотой червонец, убирает денежное золотое содержание и делает рубль неконвертируемым. Уничтожаются все биржи, отменяются концессии для иностранного капитала. Начинается процесс индустриализации... дальше мучительная глобальная трансформация с перетеканием людей из деревни в город, формирование промышленности и сбалансированной экономики без кредитов» [1, с. 1].

Эти меры придали экономике СССР необходимую суверенность и защитили страну от игры стихийных рыночных сил. В 1929 году в США и других странах Запада началась Великая депрессия. Но она не затронула Советский Союз, где как раз стартовали первые пятилетки и происходил бурный промышленный подъем.

Позитивную роль сыграл и тот факт, что советский рубль получил статус неконвертируемой национальной валюты. Это делало его устойчивым и оберегало от различного рода валютных спекуляций.

В настоящее время российский рубль конвертабелен. Но он обладает неустойчивостью и зависит от множества внешних факторов. В марте 2020 года, например, резко снизились мировые цены на нефть и сразу же упал курс рубля. Такая зависимость негативно сказывается на экономике и реальных доходах населения.

Очень своеобразное отношение в сталинской экономике к прибыли. В принципе она признается, но лишь в том случае, если получена за счет снижения себестоимости продукции. Такой подход позволил после окончания войны и проведения денежной реформы в 1947 году в течение нескольких лет снижать розничные цены на потребительские товары.

Вообще то считалось, что в такой экономике можно обойтись и без прибыли. «Социальность, - утверждает Сергей Крутоусов, - существует только в неинфляционной экономике. Государству с общественной собственностью прибыль не нужна. Зарплату вы получили, продукт сделан. Вы получаете системный социальный эффект. Страна обустраивается, стройка идет, самолеты выходят со стапелей, медицина, образование бесплатно. Пенсии всем. Зачем тебе прибыль?» [1, с. 2].

По-особому была устроена и система денежного обращения. В современной России, например, масса денег, обслуживающих экономику, во многом зависит от количества долларов в международных резервах. Рубли выпускаются под доллары. Это свидетельствует об отсутствии суверенной эмиссии и зависимости от американского доллара. «У Сталина, - считает Сергей Крутоусов, - никакой конвертации не стало. Была введена двухконтурность денег. На одни деньги ты ешь, а другие - деловые. Вся советская система была построена на многоконтурности. Нал - безнал. Потом, когда был СЭВ, появился «рубль СЭВ». А в 1950 году произошел переход по расчетам с буржуями на золото. Вот, собственно, и все. Поэтому наша финансовая система была закрытая. Была монополия внешней торговли. Золото, безнал. Переход денег наличные - безналичные возникал только в кооперативах, в потребкооперации, в артелях. Там всегда можно было уйти «в нал». Но на страже стояли райфинорганы и ОБХСС. Эти процессы контролировали очень жестко» [1, с. 1].

Автор считает, что и сегодня можно использовать принципы и конкретные механизмы сталинской экономики. Для этого нужно «ввести суверенную эмиссию. Неконвертируемый рубль и монополию внешней торговли» [1, с. 2].

Безусловно, не со всеми выводами С. Крутоусова можно согласиться. Но нужно признать его аргументированную логику, убедительность и доказательность.

Мобилизационная экономика сталинского типа - это продукт своего времени. Она опиралась на мощную авторитетную политическую волю, государственную собственность на средства производства, жесткую дисциплину (трудовую, финансовую, техническую, технологическую), единый народнохозяйственный комплекс, централизованное управление и директивное планирование. Ее пронизывали высочайшая требовательность к кадрам, беспрекословное выполнение принимаемых решений, тотальный контроль и персональная ответственность.

В систему мобилизационных мер И. Сталин включил два важнейших, хотя и противоречивых, компонента. Во-первых, технологию повиновения и страха. Репрессивный аппарат государства располагал широким набором видов наказания, вплоть до расстрелов. И все они применялись на практике. Репрессии нанесли огромный ущерб экономике страны, ее науке и культуре. Они последовательно обезглавливали важнейшие участки оборонной промышленности и Красной Армии.

Во-вторых, идеологию патриотизма и любви к Родине. Люди верили в созидательность социализма, демонстрировали самоотверженность и преданность своему государству. Особенно ярко эти качества проявились в годы Великой Отечественной войны.

Фашистская Германия в войне против СССР опиралась на мощный промышленный и ресурсный потенциал всей континентальной Европы. Военная продукция только промышленных предприятий Чехословакии могла снабдить вооружением 40-45 немецких дивизий. Германия использовала в Италии и оккупированных странах производственную мощность автомобильной промышленности, которая составила около 600 тысяч автомобилей в год. Захваченные нефтепромыслы Румынии обеспечивали добычу 5,5 млн. т нефтепродуктов ежегодно. Агрессору достались стратегические запасы Франции – 42 тыс. т меди, 27 тыс. т цинка и 19 тыс. т свинца. Только за два года оккупации немцы вывезли из Франции 5 тыс. паровозов и 250 тыс. вагонов. Гитлеровская Германия захватила в поработанных ею странах Европы богатейшие запасы промышленного сырья и продовольственные ресурсы. Кроме того, в широких масштабах использовалась иностранная рабочая сила, численность которой достигала 12 млн. человек. Это позволило немцам компенсировать изъятие из производства в армию значительного количества рабочих» [2, с. 171].

Таким образом, СССР и его экономике противостояла самая могущественная военная машина, подкрепленная не только союзниками Германии, но и оккупированных ею стран Европы. «Тут-то, – считает трижды Герой Социалистического Труда, нарком промышленности боеприпасов Б.Л. Ванников, – и вступили в действие основные, решающие факторы, обусловленные характером нашего социалистического строя и обеспечившие в конечном счете превосходство сил Советского Союза и всемирно-историческую Победу над фашизмом. Одним из главных факторов является неодолимая прочность тыла Красной Армии, сочетавшего высокую политическую сознательность, беззаветный патриотизм всех народов Советского Союза, готовых на любые жертвы ради защиты социалистической Родины, с развитой экономикой, мощной первоклассной промышленностью» [3, с. 150-151].

Мобилизационный механизм, концентрируя материальные, трудовые и финансовые ресурсы на главных прорывных направлениях, давал возможность в кратчайшие по историческим меркам сроки достигать стратегических целей и задач политического и социально-экономического характера. Яркий тому пример – индустриализация страны. Она осуществлялась фантастически высокими темпами, что позволило преодолеть вековую отсталость и превратиться в первоклассную промышленную державу. В 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве составляла порядка 4%, а в 1937 г. – уже 10%. За 1928-1941 годы в СССР было построено 364 новых города и введено в действие 9 тыс. крупных промышленных предприятий.

В ходе индустриализации в максимальной степени использовались внутренние возможности и резервы. Но были успешно задействованы и внешние факторы. Благодаря гибкой политике советского руководства к созданию промышленной мощи страны привлекались американские и европейские компании. С их помощью в СССР за несколько лет было построено более 500 заводов [4, с. 17].

Преимущества и эффективность мобилизационных мер сказались в ходе Великой Отечественной войны. Начальный ее период складывался для нас драматически. Красная Армия терпела неудачи и несла огромные потери в живой силе и технике. «Тяжелейшие военные поражения 1941 года, – писал президент РФ В. Путин, – поставили страну на грань катастрофы. Восстанавливать боеспособность, управляемость пришлось чрезвычайными методами, всеобщей мобилизацией, напряжением всех сил государства и народа» [5].

Многие промышленные предприятия могли оказаться на оккупированной территории. Программа их эвакуации отличалась масштабностью, трудностями и сложностью организационно-управленческого, технического, экономического и транспортного порядка. Достаточно сказать, что к осени 1941 года в стадии перебазирования в восточные районы страны находились 118 из 139 предприятий наркомата авиационной промышленности, 16 из 27 заводов наркомата танкостроения, 32 из 58 предприятий наркомата вооружений, 49 из 69 заводов наркомата промышленности боеприпасов, 72 из 147 предприятий минометной промышленности, 41 из 69 предприятий судостроения. И это не считая заводов черной и цветной металлургии, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, радио, радиотехнической и электротехнической промышленности, предприятий приборостроения, станкостроения, инструментального машиностроения [6, с. 6].

Это был настоящий подвиг тружеников тыла. Удалось спасти значительную часть предприятий и тем самым приблизить великую Победу над фашизмом. «За полтора года, – отмечал В. Путин, – советские люди совершили то, что казалось невозможным. И на фронте, и в тылу. И до сих пор трудно осознать, понять, представить, каких невероятных усилий, мужества, самоотверженности потребовали эти величайшие достижения» [5].

Мобилизационная модель управления и организации помогла быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство страны. Но особенно её преимущества сказались при реализации атомного и космического проектов, закрепивших за СССР статус сверхдержавы, научно-технического и технологического лидера.

США на создание ядерного оружия мобилизовали огромные финансовые, интеллектуальные, технические, технологические и трудовые ресурсы. В американском проекте «Манхэттен» было задействовано 12 нобелевских лауреатов, 15 тыс. ученых, инженеров, техников, 45 тыс. рабочих, 4 тыс. стенографисток, машинисток и секретарей, тысяча сотрудников службы безопасности. Исследовательские, опытно-экспериментальные и конструкторские работы велись в чрезвычайно напряженном режиме. Опасались Германии. Она обладала огромным экономическим потенциалом, мощным инженерным корпусом, великолепной химической промышленностью, машиностроением и приборостроением. Далеко не все крупнейшие ученые покинули страну. Поэтому она могла раньше создать ядерное оружие. Окажись оно в руках Гитлера, мир ждала катастрофа.

США, собрав в единый кулак лучшую в мире научную элиту, подкрепив все это обильным финансированием, организационными и управленческими усилиями, первыми создали атомную бомбу. Монополия на это страшное оружие оказалась в их руках.

В СССР в этой области также велись исследования. Но выделяемые на ядерную тематику средства были просто несопоставимы. В Курчатовской лаборатории №2 работали лишь 80 человек, из которых только 25 были научными сотрудниками. Ситуация кардинально изменилась в августе 1945 года. США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Это была демонстрация качественно новой военной мощи. Потенциально смертельная угроза нависла над Советским Союзом.

Страна еще лежала в руинах, а уже надо было в ультракороткие сроки сконцентрировать все силы и средства для ликвидации монополии США и создания собственного ядерного щита. Ресурсы мобилизовали огромные. На кону стояла безопасность государства, его суверенитет и независимость. Летом 1949 года, когда испытали первую советскую бомбу, в атомной отрасли СССР трудились уже больше 700 тыс. человек [7, с. 16].

Создание советского ядерного орудия – событие исторического масштаба. Оно не только обеспечило нашу безопасность на многие десятилетия вперед, но и изменило характер мирового развития. Президент НИЦ «Курчатовский институт» Михаил Ковальчук дал емкую характеристику этим процессам: «9 мая 1945 г. Советский Союз был победителем. Мы имели самую мощную, технологически оснащенную, самую боеспособную армию в мире. Но в августе того же года, после взрыва американских атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки, все в корне изменилось. Вплоть до августа, только уже 1949 г., когда на Семипалатинском полигоне была испытана первая советская атомная бомба, будущее нашей страны, да и всего мира могло стать другим [8, с. 3].

В СССР были и другие масштабные проекты, которые наглядно продемонстрировали высокую эффективность организационных и управленческих подходов. Они требовали небывалой мобилизации ресурсов и чрезмерного напряжения сил. Но некоторые из них так и не были востребованы.

В качестве примера можно привести уникальную программу создания многоцветного орбитального корабля «Буран» в ответ на появление у США «Шатлов». На нее работали 70 министерств и ведомств, 1600 предприятий, 1.600.000 инженеров, конструкторов, технологов, ученых. Всего трудилось около 3 млн. человек. Расходы оказались просто фантастическими – 18 млрд. советских рублей (стоимость почти двух БАМов).

По словам главного конструктора корабля «Буран» академика Юрия Семенова, при его создании было разработано свыше 600 новейших технологий. Примерно половина из них была конкурентоспособной на мировом рынке: материалы, станки и устройства, экспериментальные установки, вычислительная и измерительная техника. Если все эти интеллектуальные достижения разумно использовать в народном хозяйстве, то «Буран» мог бы стать своеобразным локомотивом в развитии страны, преобразовать экономику и вывести ее на более высокий технический и технологический уровень.

Но этого не произошло. Программу «Буран» закрыли по решению Б. Ельцина. Демократической России такие космические шедевры оказались не нужны.

«Если говорить о «Буране», – подчеркивал академик Юрий Семенов, – то это не просто подвиг разработчиков, рабочих, военных специалистов. Это еще и символ огромных возможностей нашей страны, которая может сделать всё, но порой не знает потом, как распорядиться тем, что она сделала».

Любая система (экономическая, политическая, социальная, техническая, технологическая и др.) должна обладать запасом прочности, гибкостью, умением мобилизоваться в экстремальных ситуациях. Советская экономика в наибольшей степени обладала такими качествами и неодно-

кратно демонстрировала это. 26 апреля 1986 года произошла самая страшная и тяжелая техногенная катастрофа XX века – авария на Чернобыльской АЭС. Из разрушенного реактора радиация безжалостно убивала все живое. Руководитель авиагруппы, которая занималась ликвидацией последствий этой аварии, Герой Советского Союза Н.Т. Антошкин говорил: «Если бы мы не закрыли реактор вовремя, то графит внутри него продолжал бы гореть примерно около 100 суток, и все это время радиация продолжала бы рассеиваться по миру. Весь земной шар бы опутала!... Людей пришлось бы расселять в радиусе минимум 800-850 км.» [9, с. 19].

В аварийный реактор было сброшено более 5 тыс. тонн различных грузов. Затем в рекордно короткие сроки был спроектирован и сооружен Саркофаг, надежно закрывший разрушенный реактор. В ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и сведение ее последствий к минимуму, участвовала вся страна, тысячи предприятий, организаций, НИИ, КБ, проектных институтов, несколько сот тысяч человек. Решительные меры государства, самоотверженные и героические действия ликвидаторов защитили мир от смертельной угрозы.

В современных условиях практическое использование мобилизационной модели организации и управления встряхнуло бы систему, придало бы нужную динамику в решения экономических, социальных и других проблем. Если не повсеместно, то в ряде отраслей и сферах экономики они просто необходимы. Иначе мы утонем в болоте безответственности и вседозволенности.

В России, например, вот уже четверть века реформируется ЖКХ. Кто только не занимается этой системой. От местного самоуправления до президента. Тысячи постановлений и решений. Но ситуация лучше не становится. Постоянно растут тарифы на коммунальные услуги. Они превратились в тяжелое бремя для населения. Сфера ЖКХ коррумпирована сверху донизу, непрозрачна, чрезмерно децентрализована. Там процветают мошенничество, хищения, воровство. Можно смело утверждать, что в прежние времена в этой системе жизнеобеспечения давно бы навели порядок. Нужна политическая воля, требовательность, компетентные кадры, предельно жесткая система управления и персональная ответственность. Этого нет, поэтому реформировать ЖКХ в рамках нынешней концепции будут еще десятки лет, но нужного результата можно и не добиться.

В СССР за два года построили один из крупнейших в мире космодромов Байконур. Со всеми его стартовыми площадками, производственной, инженерной, и социальной инфраструктурой. Создать в пустыне, в невероятно сложных условиях такой стратегически значимый объект мирового уровня за столь короткое время – это просто фантастика.

С 2007 года в России сооружается космодром Восточный. Создана только первая очередь из трех. Но дело не только в растянутости сроков – его строительство сопровождалось скандалами, связанных с дичайшим воровством, украденным оказался каждый десятый рубль [10, с. 6].

Почему космодром Байконур построен в рекордно сжатые сроки, стал символом гордости страны, примером мужества, а на Восточном воруют в космических масштабах? Отсутствует страх, царит атмосфера безответственности, вседозволенности в расширенном масштабе и они возведены в ранг привычной и устоявшейся практики.

А вот пример другого порядка. Крымский мост – великолепное инженерное сооружение мирового уровня. Это яркое, убедительное и живое подтверждение эффективности и созидательности мобилизационных технологий. Его проектирование и строительство происходило в неблагоприятных как природных, так и политических условиях. Недружественная политика Украины и других враждебных России сил, которые пытались дискредитировать проект, затормозить, а то и просто сорвать его реализацию. Построив мост, Россия не только отразила все эти угрозы и вызовы, но и в полной мере продемонстрировала свои технические, технологические, организационные и управленческие возможности, свойственные первоклассной державе мира. Это был реальный, мощный демонстрационный эффект стратегического, геополитического и глобального значения.

В настоящее время мир накрыт коронавирусной инфекцией, которая очень быстро превратилась из эпидемии в пандемию. Это страшная угроза, с которой человечество давно не сталкивалось. Под ее разящими ударами оказались большинство государств планеты. Она реально угрожает жизни людей и безжалостно разрушает экономику. Закрываются границы, рвутся производственные и кооперационные связи, останавливаются предприятия и организации крупного, среднего и малого бизнеса, парализована индустрия туризма, заморожены или сводятся к минимуму пассажирские перевозки авиационным, железнодорожным, автомобильным и морским транспортом. Многие страны перешли на мобилизационный режим управления, а некоторые из них объявили даже о всеобщей мобилизации всех своих средств, ресурсов, возможностей здравоохранения и других систем жизнеобеспечения и безопасности.

Коронавирусный кризис стал серьезным экзаменом для всех государств, проверкой их прочности, устойчивости и системной самодостаточности. Повсеместно сложилась удручающая ситуация:

не хватает врачей и младшего медицинского персонала, больничных коек, лекарств, препаратов, оборудования, приборов, масок и других наименований. Зачастую в ряде стран национальное производство медицинских товаров было сведено к минимуму или полностью отсутствовало вовсе. США, например, почти на 95% обеспечивает свои потребности в различных товарах медицинского назначения за счет поставок из Китая. Как оказалось, в странах Евросоюза не осталось ни одного предприятия по выпуску масок и медицинских перчаток.

Далеко не все страны сумели быстро перестроиться и продемонстрировать готовность отразить атаки коронавируса. В тяжелом положении оказались Италия, Испания, Великобритания, Франция, Бразилия, США. Их системы здравоохранения были не готовы к работе в экстремальных условиях. А власти медлили с введением жестких карантинных мер, считая их несовместимыми с демократическими ценностями.

Благодаря решительным, своевременным и продуманным действиям при столкновении с глобальной пандемией удалось эффективно противостоять этой угрозе на Тайване, в Южной Корее, Японии, Гонконге, Сингапуре, Израиле, Вьетнаме, Лаосе. Специалисты отмечают, что системы здравоохранения этих стран обладают значительным ресурсом прочности и мобилизации, что позволяет эффективнее и быстрее реагировать на форс-мажорные события. Они во многом предметно используют и опираются на апробированные в СССР принципы: централизованное управление системой здравоохранения, бюджетное финансирование, преобладание стационарной медицинской помощи над амбулаторной, высокий уровень развития противоэпидемиологической службы и медицинской науки и др.

В ходе борьбы с COVID-19 в России также возникла масса сложнейших проблем. В процессе пресловутой политики «оптимизации» было подорвано первичное звено здравоохранения. За 2000-2017 годы количество больниц в России сократилось в два раза с 10,7 до 5,3 тысяч. Количество больничных коек уменьшилось с 1671,6 до 1182,7 тыс. [11, с. 6].

Закрывали, чтобы освободить место для коммерческой медицины, развития бизнеса в здравоохранении. У нас сложилась архаичная система управления здравоохранением. В стране 85 субъектов Федерации, поэтому, кроме федерального министерства, существует 85 региональных министров здравоохранения. Отсюда неразбериха, дублирование, много нестыковок и несогласованностей. Президент РФ Владимир Путин, например, предельно четко, понятно и доходчиво определил условия и размеры доплат врачам и младшему медицинскому персоналу, работающим в «красной зоне». Но реализация этого распоряжения столкнулась с трудностями, грубейшими нарушениями и злоупотреблениями. В некоторых регионах людям пришлось через суды «выбивать» положенные им деньги.

И все же Россия оказалась гораздо лучше подготовлена к неожиданной коронавирусной пандемии. Реформаторы не сумели до конца разрушить основы советского здравоохранения. Запас прочности сохранился. России удалось выстроить надежную стратегию борьбы с коронавирусом. Создана широкомасштабная система выявления больных и их лечения. Государство выделило значительные средства на поддержку населения и бизнеса. Великолепно сработало Министерство обороны. В кратчайшие сроки было построено 30 огромных госпитальных комплексов для лечения больных коронавирусом. Высочайший профессионализм и мобильность продемонстрировала военная медицина, численность персонала которой при бывшем министре обороны А. Сердюкове сократили вдвое и собирались вообще ликвидировать. Слава Богу, что безумие сумели остановить. Военные медики в борьбе с пандемией выступили как подразделения быстрого реагирования. Они оказали неоцененную помощь многим российским регионам и ряду иностранных государств (Италия, Сербия, Казахстан, Киргизия, Абхазия, Таджикистан). Тем самым были воспроизведены и продолжены в новом качестве высокие мобилизационные возможности советского здравоохранения. Они особенно ярко проявились в годы Великой Отечественной войны. С 22 июня 1941 года по сентябрь 1945 в лечебных организациях СССР всех наименований было госпитализировано 22 млн. 326 тыс. 905 человек. Общими усилиями военных и гражданских медиков в строй возвращено до 72,3% раненных и 90,6% всех больных. Такого возврата в строй не было ни в одной армии мира.

Коронавирусная пандемия и меры борьбы с ней заставляют обратить самое пристальное внимание на истинное положение российского здравоохранения, с его хронической нехваткой средств, низкими зарплатами, стремительным расширением платных медицинских услуг. Коронавирус еще раз подтвердил, что не может быть избыточного здравоохранения. Медицина и здравоохранение – это стратегическая сфера государства, одна из важнейших основ его безопасности и отдавать ее в частные руки, превращать в бизнес нельзя. Коммерческое здравоохранение нацелено на прибыль. Чем больше больных, тем для него лучше. Оно не будет стремиться иметь резервы: больничных коек, медицинской аппаратуры, оборудования, врачей, защитной экипировки на случай возникновения экстремальных ситуаций, поскольку это приводит к снижению рентабельности

медицинского бизнеса. Мобилизационный потенциал частного здравоохранения крайне низок. Яркий пример тому – ситуация с коронавирусом в США.

Умение мобилизоваться и выстроить защиту по всем параметрам надвигающейся угрозы очень помогало Китаю. Он первым столкнулся с коронавирусной инфекцией и в основном преодолел ее. Китайской модели социально-экономического и политического развития всегда были присущи директивность, руководящая роль КПК, централизация управления, приоритет государственных интересов и другие составляющие мобилизационного типа. Поэтому, когда началась эпидемия, страна, как говорят эксперты, исполнила симфонию мобилизации, добавив к ней целый ряд чрезвычайных мер. Изолировали очаги инфекции и население, запретили массовые мероприятия, остановили многие производства, развернули полевые госпитали, распечатали стратегические резервы, компенсировали потери, сняли налоги, подключили армию и военную медицину.

Несущей конструкцией общества, вокруг которой сплотился китайский народ, является КПК. В ее рядах 90 млн человек. В стране 4 млн партийных организаций. Они действуют в городах и в сельской местности на всех предприятиях (государственных и частных), в том числе иностранных и с участием зарубежного капитала. По численности и разветвленности они значительно превосходят сеть административных органов, вооруженных сил и служб безопасности. От них в Центр поступает самая разнообразная первичная информация, на основе которой принимаются решения, издаются приказы, команды, распоряжения. Страна с полутора миллиардным населением успешно управляется, имеет стратегию развития на многие десятилетия вперед и располагает реальной самодостаточной экономикой, которая растет в несколько раз быстрее мировой.

Жизнь убедительно показала, что для эффективного противодействия опасным вызовам и угрозам надо иметь сильную и авторитетную власть, мощные компетентные государственные институты, высокоэффективную и конкурентоспособную экономику, современную систему здравоохранения и образования, развитую науку, дисциплинированное и управляемое население. Все эти компоненты органично присущи Китаю. И его авторитаризм в условиях пандемии оказался на порядок эффективнее демократических западных моделей.

Нам представляется, что после победы над COVID-19 мобилизация, как готовность к неожиданным и возможным потрясениям, станет неотъемлемым элементом социально-экономического и политического развития любого государства. Пережив потрясения и шок, вряд ли мировое сообщество станет полагаться только на саморегулирующие начала. Стратегически это недальновидно и слишком опасно.

В России, а возможно и во всем мире, усилится роль государства как цивилизованного института и высшей формы общественной организации людей. Рыночный механизм, конкуренция и демократия в более широком диапазоне могут быть дополнены политическими, экономическими и финансовыми возможностями государства, его управленческой, организационной, координирующей и административной деятельностью. Поэтому только государство в состоянии провести необходимую мобилизацию в интересах всего общества. Бизнес, даже крупнейший, на это не способен. Но если мобилизационные процессы могут осуществляться только под руководством государства и при непосредственном его участии, то и само государство качественно меняется, приобретает социальные черты. Социальное государство – это симбиоз, органическое единство сильных государственных институтов и сильного гражданского общества. В этом противоречивом взаимодействии они дополняют друг друга и придают мобилизационным методам устойчивость, целенаправленность и высокую результативность.

Список источников

1. Крутоусов С. Чем сталинская экономика отличалась от современной // Аргументы недели. 2019. № 17. 7-18 мая.
2. Вознесенский Н. Военная Экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполиздат, 1947.
3. Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя, февраль, 1988. № 2.
4. Гурова Т., Фадеев В. Домой // Эксперт. № 2. 2013. 14-20 января.
5. Путин. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 19 июня.
6. Райзфельд А. Подвиг тыла // Отечественные записки. 2014. № 2. 16 января.
7. Кондрашов А. Тайные помощники Курчатова // Аргументы недели. № 41. 2015. 29 октября–5 ноября.
8. Писаренко Д. Взрывная реакция // Аргументы и факты. 2020. № 45. 5-10 ноября.
9. Антошкин Н. Стране нужны живые герои // Аргументы недели. 2020. № 20. 27 мая – 2 июня.

10. Гурдин К. Космическая пирамида // Аргументы недели. 2020. № 2. 22-28 января.
11. Григорьев А. Экономика акционеров 2.0 // Аргументы недели. 2020. № 16. 29 апреля – 6 мая.

References

1. Krutousov S. Than the Stalin economy differed from the modern one. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*. 2019;17. May 7-18. (In Russ.)
2. Voznesensky N. Military Economy of the USSR during the Patriotic War. Moscow: State Police; 1947. (In Russ.)
3. Vannikov B. L. Notes of the People's Commissar. *Znamya = Banner*. February, 1988;(2). (In Russ.)
4. Gurova T., Fadeev V. Home. *Expert*. 2013;(2). January 14-20. (In Russ.)
5. Putin. V. 75 years of the Great Victory: a common responsibility to history and the future. *Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper*. June 19th. 2020. (In Russ.)
6. Reisfeld A. Feat of the rear. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. 2014;(2). January 16th. (In Russ.)
7. Kondrashov A. Kurchatov's secret assistants. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*. 2015;(41). October 29-November 5. (In Russ.)
8. Pizarenko D. Explosive reaction. *Argumenty i fakty = Arguments and facts*. 2020;(45). November 5-10. (In Russ.)
9. Antoshkin N. The country needs live heroes. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*. 2020;(20). May 27 – June 2. (In Russ.)
10. Gurdin K. Space pyramid. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*. 2020;(2). January 22-28. (In Russ.)
11. Grigoriev A. Shareholder Economics 2.0. *Argumenty nedeli = Arguments of the week*. 2020;(16). April 29 – May 6th. (In Russ.)

Информация об авторах

И. С. Харченко – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и предпринимательства;
 Л. И. Харченко – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и предпринимательства;
 В. Е. Иванов – преподаватель кафедры огневой и физической подготовки;
 Д. Е. Иванова – старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства.

Information about the authors

L. I. Kharchenko – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor of Department of Economic Theory and Entrepreneurship;
 I. S. Kharchenko – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor of Department of Economic Theory and Entrepreneurship;
 V. E. Ivanov – Teacher of Department of Fire and Physical training;
 D. E. Ivanova – Senior lecturer of Department of Economic Theory and Entrepreneurship.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; одобрена после рецензирования 16.08.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 22.07.2021; approved after reviewing 16.08.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 154–159
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3):154–159

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-154-159

**СТРУКТУРИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

**Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Лариса Хасановна Дзахова²,
Сергей Таймуразович Мильдзихов³**

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

^{2,3}Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

¹maya.astv@gmail.com

²ldzakhova@mail.ru

³stmildzikhov@mail.ru

Аннотация. Успех решения социально-экономических и политико-управленческих проблем зависит от их своевременного структурирования. Это относится к Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО), развитие которого с 2010 г. проходит с разными результатами, но без явных системных успехов. На новом этапе в 2020-2021 гг. актуализируются усилия Правительства РФ в аудите ситуации в СКФО и в интенсификации политико-управленческого процесса. Реализацию основных направлений развития необходимо соотносить с объективными и субъективными северо-кавказскими экономическими, политическими, социальными, историческими, ментальными обстоятельствами и факторами. Предлагаются некоторые целесообразные направления структурирования и решения проблем СКФО.

Ключевые слова: Северо-Кавказский федеральный округ, структурирование социально-экономических и политико-управленческих проблем, социальное самочувствие, этнополитические тренды, реинтеграция региона, традиционализм общественных, политических, управленческих связей, публичная политика, открытость власти и управления

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х., Мильдзихов С. Т. Структурирование социально-экономических и политико-управленческих проблем в региональном пространстве Северо-Кавказского федерального округа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 154–159. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-154-159>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

**STRUCTURING OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL-GOVERNMENTAL PROBLEMS
IN THE REGIONAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT**

Maya A. Astvatsaturova¹, Larisa Kh. Dzakhova², Sergei T. Mildzikhov³

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

^{2,3}North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

¹maya.astv@gmail.com

²ldzakhova@mail.ru

³stmildzikhov@mail.ru

Abstract. The success of solving socio-economic and political-managerial problems depends on their timely structuring. This applies to the North Caucasus Federal District, which has been developing since 2010 with different results, but without obvious systemic successes. At a new stage in 2020-2021 the efforts of the Government of the Russian Federation in the audit of the situation in the North Caucasus Federal District and in the intensification of the political and administrative process are updated. The implementation of the main directions of development must be correlated with the objective and subjective North Caucasian economic, political, social, historical, mental circumstances and factors. Some expedient directions of structuring and solving the problems of the North Caucasus Federal District are proposed.

Keywords: North Caucasian Federal District, structuring of socio-economic and political-managerial problems, social well-being, ethno-political trends, regional reintegration, traditionalism of public, political, managerial ties, public policy, openness of power and management

For citation: Astvatsaturova M. A., Dzakhova L. Kh., Mildzikhov S. T. Structuring of socio-economic and political-governmental problems in the regional space of the north caucasus federal district. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):154–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-154-159>.

Развитие современного Российского государства осуществляется в условиях многих известных вызовов. Экономические, социальные, политические, внешнеполитические риски, а также риски пандемии COVID-19 повлияли на экономику, политику, социальное самочувствие, социальные настроения населения. Осмысление общероссийских проблем предполагает структурирование социально-экономических и политико-управленческих проблем для поиска специализированных решений.

Это в полной мере относится к Северо-Кавказскому региону, который отличается сложными историко-культурными, политико-управленческими, этнополитическими, геополитическими, социально-экономическими параметрами. В новой 2018 г. редакции **«Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»** обращается внимание на такую социальную и политико-управленческую проблему, как *«...отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»*¹

Однако считаем, что:

а) объединение данных регионов в один проблемный пул не только нецелесообразно, но и не оправданно, так как они имеют явные отличительные характеристики (в том числе, этнокультурные, этноконфессиональные, этнодемографические) и требуют профильно-дифференцированного политического и управленческого внимания;

б) Северо-Кавказский регион отмечен гораздо более рискованными системными и пролонгированными проблемами социально-экономического, политико-управленческого свойства (канализированными, но сохраняющими конфликтогенный потенциал), чем только отток русского населения;

в) актуализация оттока русского населения не снимает с социально-экономической и политико-управленческой повестки дня хроническую миграцию из депрессивного Северо-Кавказского региона также и представителей северокавказских народов и диаспорных сообществ.

Образование в 2010 г. по Указу Президента РФ Д. Медведева Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) было сильным, хотя и вынужденным политическим решением, обусловленным недостаточным уровнем безопасности, явными террористическими угрозами, откровенной слабостью политики и управления, низким уровнем социально-экономического развития. Образование СКФО позволило структурировать социально-экономические и политико-управленческие проблемы и обеспечить достижение безопасности, борьбу с терроризмом и экстремизмом, формирование нового корпуса региональных элит. Состоялась реинтеграция региона и интеграция его с общероссийским политическим, социальным процессом как неотъемлемой территории РФ с уникальными природно-климатическими, ландшафтными, курортно-рекреационными, этнокультурными характеристиками [1].

Сообщество СКФО имеет многие позитивные черты, среди которых: слабое распространение социальных девиаций, крепкие многопоколенные семьи, заботливое отношение к старикам. На фоне общероссийской тенденции снижения рождаемости СКФО отличается ростом населения в некоторых субъектах (территориях «демографического донорства»), а также долголетием, высокой рождаемостью, многодетностью (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика).

Вместе с тем в СКФО системными проблемами являются: малоземелье, инвестиционная непривлекательность, дотационность, дефицитность региональных бюджетов, слабая эффективность экономических и производственных объектов, низкий уровень социальной инфраструктуры². В субъектах РФ СКФО отмечается низкий уровень жизни – маленькие заработные платы, низкие региональные социальные выплаты, низкая покупательная способность, низкое качество образования и медицинских услуг, что высветила пандемия COVID-19. Оставляет желать лучшего цифровизация государственных и муниципальных услуг, отмечаются дефициты досуговой, туристической, развлекательной

¹ Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 3 703). <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>

² Гладили В.А. Анализ и перспективы инвестиционного развития СКФО. <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-perspektivy-investitsionnogo-razvitiya-skfo>.

сфер и др.¹ Эксперты систематически указывают на дефициты ответственного управления, несостоятельность программно-целевых мероприятий, непродуманность федеральных и региональных мер по развитию региона, стагнацию экономического, производственного процессов [2].

Чрезвычайно значима в СКФО проблема рынка труда, безработицы (постоянной, сезонной, временной). Наиболее развитыми сферами занятости в СКФО являются: сельское хозяйство, животноводство, строительство, пищевая промышленность. Также развиты торговля (оптово-розничная), услуги (извоз, общественное питание, ресторанный бизнес), медицина, курорт, туризм, досуг. Свое место в обеспечении бюджетных рабочих мест занимают вузы и региональные университеты, и медицинские, и курортно-рекреационные учреждения часто как «градообразующие предприятия». Но эти сферы недостаточны для обеспечения потребности населения в трудоустройстве и жизненном обустройстве в силу их малого объема, нерентабельности, низких заработных плат. Подчеркнем, что в округе ограничены институционально-программные механизмы пополнения человеческого капитала, роста, ротации кадрового ресурса, слабо учитываются экономические интересы и предпочтения населения [3; 4].

Отдельную проблему в СКФО составляет молодежная безработица. Трудоустройство и карьерный рост молодежи затруднен в связи с недостаточностью социальных лифтов, малого предпринимательства, самозанятости. В субъектах РФ СКФО численность молодых людей в возрасте от 14 до 30 составляет около 3 млн (30% общего числа жителей), что является одним из самых высоких показателей в РФ. Невоплощенными остались планы организации трудовой миграции молодежи из республик РФ СКФО в другие регионы РФ, прежде всего, из-за нежелания со стороны местного населения, а также из-за настороженного отношения со стороны резидентов других регионов. Не пользуются популярностью «трудовые призывы» северокавказской молодежи в производственную сферу на предприятия, так как рабочие специальности не популярны в молодежной среде.

Самостоятельно значимой проблемой, которая проецируется во все сферы экономики, социальности, политики, является стабильность межэтнических отношений, профилактика этнических конфликтов. Достигнутый уровень управляемости сферой интересов и устремлений народов, этнических групп, национально-культурных организаций является результатом долговременной целенаправленной деятельности органов власти и управления совместно с этнокультурными институтами гражданского общества. Структурирование социально-экономических и политико-управленческих проблем СКФО неизменно осуществляется с учетом национально-государственных, национально-территориальных и национально-культурных трендов, которые требуют постоянного политико-управленческого внимания. На ежегодном семинаре-совещании 25.06.2021 г. в Магасе (Республика Ингушетия) рассмотрены практика и задачи органов исполнительной власти субъектов РФ по реализации в округе *«Стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»*. Вновь подтверждены необходимость упрочения российской гражданской идентичности, противодействия этническим конфликтам, адаптации и социальной интеграции мигрантов².

Создание СКФО предусматривало ряд целевых мер экономического и социального развития в ходе принятия и последующей корректировки государственной программы *«Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года»*³. Ответственными исполнителями программы стали Комиссия Правительства РФ по делам Северного Кавказа, Министерство РФ по делам Северного Кавказа. Были разработаны несколько якорных проектов промышленной, сельскохозяйственной направленности, которые предусматривали организацию новых рабочих мест. Созданы и воссозданы объекты туристско-курортной, рекреационной, досуговой системы в особо охраняемом эколого-курортном регионе КМВ (территории Ставрополья, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии), а также в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Чечне.

Каждый новый полпред Президента РФ, начиная с А. Хлопонина, стремится осмыслить социально-экономические и политико-правленческие проблемы региона и создать структуры «новой экономики». Она должна включать зоны опережающего развития, социальные и экономические кластеры, бизнес-модели, территории инвестиционной привлекательности, инновационные механизмы помощи бизнесу и корпоративной занятости.

¹ «В час по чайной ложке!» Профессор Дохолян о пожарных мерах власти в экономике. РИА ДЕРБЕНТ 04.05.2020 г. <https://riaderbent.ru/v-chas-po-chajnoj-lozhke-professor-doholyan-o-pozharnyh-merah-vlasti-v-ekonomike.html>

² Состоялся ежегодный семинар-совещание по реализации в округе Стратегии национальной политики РФ до 2025 года. 25.06.2021 г. Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе. <http://skfo.gov.ru/press/events/1661/>

³ Госпрограмма развития СКФО <http://krskfo.ru/strategiya-razvitiya/gosprogramma-razvitiya-skfo/>

Вместе с тем качественных сдвигов в социально-экономической и политико-управленческой сфере не происходит в силу множества объективных и субъективных причин, как общероссийских, так и северокавказских. Современная стагнационная ситуация в СКФО соответствует общим неблагоприятным трендам российской экономики и российской социальности. Но многие знаковые показатели уровня жизни и социального благополучия, а также производственной, финансовой и трудовой активности в СКФО существенно ниже, чем средние по РФ.

Кроме очевидных проблем в сфере экономики, социальности, управления отметим, что в СКФО низок уровень общественного контроля, высока зависимость гражданского общества и гражданских активистов от политической бюрократии и бюрократических политиков. Уполномоченные по правам человека, общественные палаты и общественные советы заметно зависимы от властно-административных структур. Сегмент публичной политики и публичного общественно-политического дискурса в большинстве случаев форматируется «сверху» по приказам органов власти и управления, что, впрочем, типично для отношений суверенного российского государства и суверенного гражданского общества в условиях «суверенной демократии».

В 2020-2021 гг. открыт очередной этап структурирования социально-экономических и политико-управленческих проблем региона на уровне федерального центра и округа. Так, полномочный представитель Президента РФ в СКФО Ю. Чайка (уже пятый с 2010 г.) в январе 2020 г. в качестве важных задач отметил «...полномасштабную реализацию национальных проектов, повышение качества жизни людей, приток инвестиций». В качестве существенных тормозящих факторов развития СКФО Ю. Чайка назвал коррупцию и клановость: «Удельный вес коррупционных преступлений в общем объеме преступлений, зафиксированных в округе в 2019 году, составил почти 3%, что вдвое превышает среднероссийский показатель»¹.

Постановлением Правительства РФ от 29 октября 2020 г. № 1760 были утверждены изменения в государственную программу РФ «**Развитие Северо-Кавказского федерального округа**». В соответствии с Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. №21 «**О структуре федеральных органов исполнительной власти**» функции Министерства РФ по делам Северного Кавказа переданы Министерству экономического развития РФ. Также в исполнении программы участвуют Министерство здравоохранения РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство энергетики РФ и др. Согласно распоряжению Правительства РФ от 30 апреля 2021 г., упразднены **АО «Корпорация развития Северного Кавказа»**, **АО «Курорты Северного Кавказа» (КСК)** и **АО «Курорт Эльбрус»**, деятельность которых вызывала большие вопросы у населения. Их функционал передан в объединенный институт развития Северного Кавказа, который будет действовать на базе **АО «Курорты Северного Кавказа»**². Комиссия Правительства РФ по вопросам социально-экономического развития СКФО под руководством зампреда Правительства РФ Ю. Трутнева в 2020 г. вновь акцентировала совершенствование механизмов поддержки инвестиционных проектов на Северном Кавказе³.

Критическое структурирование социально-экономических и политико-управленческих проблем СКФО состоялось в июне 2021 г. Председатель Правительства РФ М. Мишустин провел в Пятигорске и Ессентуках рабочее совещание по проблемам развития СКФО с полномочным представителем Президента РФ в СКФО Ю. Чайкой, ключевыми федеральными министрами, главами субъектов РФ СКФО. Глава Правительства РФ дал резкие оценки уровню исполнения программных задач, инвестиционных вложений, развитию экономики, рынка труда, состоянию занятости, а также общей социально-экономической ситуации в СКФО. Названные М. Мишустиним конкретные показатели развития разных сфер СКФО не оставляют сомнений в том, что регион требует новых политико-управленческих решений для «... ускоренного социально-экономического развития регионов Северного Кавказа, создания в этих регионах точек экономического роста, приближения уровня жизни к общероссийскому»⁴.

¹ Чайка в должности полпреда в СКФО займется борьбой с коррупцией и исполнением нацпроектов. 27.01.2020. ТАСС. <https://tass.ru/politika/7619037>

² Сергеева Л., Сухов И. Северный Кавказ обратится в агентство. Сенатор Таймураз Мамсуров предложил заменить упраздненное министерство по делам региона // Коммерсантъ. 23.01.2020 г. <https://www.kommersant.ru/doc/4227345>

³ Совещание с членами Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа. 15.06.2021 г. Правительство РФ. <http://government.ru/news/42494/>

⁴ Полпредство. Интерфакс Россия. 23. 11. 2020 г. <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/podderzhka-investproektov-v-skfo-s-2021g-budet-idti-tolko-po-linii-krsk-polpredstvo>

Многие причины неисполнения программ развития округа имеют объективную природу. Прежде всего, укажем на малый объем ресурсов, малоземелье, восприятие земли не только и не столько как средства производства и сферу бизнеса, а как сакрального этнического пространства. Территория СКФО составляет всего 1% от территории РФ и при этом налицо сложность ландшафта, наличие труднодоступных горных зон, непригодных для освоения. Отметим также устарелость общей производственной, транспортной, социальной инфраструктуры, изношенность коммуникаций и жилого фонда, соответственно, слабую инвестиционную привлекательность региона. В условиях этнократии и «этнического распределения должностей» затруднены профессиональное кадровое обеспечения, профессионализация и специализация управленческих действий. Укажем, что СКФО крайне низки производительность труда и коэффициент полезной деятельности не только в сферах экономики и социальности, но и в сфере принятия и проведения политических и управленческих решений. Также отметим традиционализм и даже архаизацию общественных, политических, управленческих связей; приверженность этнопрофессионализму и традиционным производственным занятиям; социальный контроль со стороны начальников, руководителей, «старших» в общем плане. Налицо жесткость и закрытость этноклановых, этнофамильных, этнородственных систем; ограниченность конкуренции неформализованными правилами и нормами группового и индивидуального поведения; противодействие модернизации общественных отношений со стороны трайбалистских кругов и персоналий. Не стоит забывать об общем низком уровне жизни большинства населения, которое не имеет финансовых возможностей для наращивания финансовых возможностей.

Собственно северокавказские факторы не только существенно затрудняют поступательное развитие СКФО, но и консервируют негативы экономико-социального, социокультурного, общественно-политического и политико-управленческого комплекса. В этой связи выскажем некоторые желаемые направления развития региона, хотя не имеем больших иллюзий по поводу их осуществления. Представляются целесообразными:

- обеспечение федеральным центром эффективного формирования, расстановки и ротации региональных элит СКФО при безусловной их ответственности и отчетности перед федеральным центром за расходование бюджетных денег, инвестиций, трансферов;
- повышение открытости ответственного, проектного управления и сохранение сегмента публичной политики в регионах и на местах при оптимизации общественно-политического дискурса, усилении общественного контроля над действиями власти;
- нейтрализация этнократических и этноклановых систем при омоложении властных и деловых кругов, обновлении рядов бизнес-активистов, расширении социально-ответственного предпринимательства, содействии самозанятости;
- формирование «социально-профессиональных хабов» для молодежи (бизнес-инкубаторы, «предпринимательские песочницы», гуманитарное инноваторство», стартапы) и расширение целевых молодежных программ;
- развитие аутсорсинга, краудфантинга, муниципальных грантов и заказов, гражданского активизма, социально-ориентированного добровольчества в интересах местных сообществ;
- использование трудовой миграции (прежде всего, специалистов высокого уровня и компетенций) с учетом социально-экономических потребностей и этнокультурной ёмкости региона;
- расширение этнокультурного, экологического, историко-культурного, оздоровительного и восстановительного туризма; образование этнодеревень и этнографических комплексов при продвижении бренда «Сделано на Северном Кавказе»;
- определение новых якорных проектов и зон территориального развития с учетом современных дифференцированных условий и факторов; создание сети государственно-частных, государственно-казенных, государственно-общественных, муниципально-частных партнерств;
- упрочение российской гражданской идентичности, сохранение этнокультурного разнообразия, повышение качества жизни и социального настроения при учете специфических характеристик и ориентиров населения.

Список источников

1. Аствацатурова М. А. «Северокавказское имажинарное» в социальной сущностно-функциональной этике политического управления // Вопросы политологии. 2020. Вып. 11 (63). Т. 10. С. 3060-3075.
2. Магомадов Э. М. О проблеме депрессивного характера развития регионов Северо-Кавказского федерального округа // Российское предпринимательство. 2013. Том 14. № 8. С. 78–83.
3. Игнатова Т. В., Калинина А. Г. Технологии учета экономических предпочтений населения в государственном управлении // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2015. № 1. С. 163–169.

4. Черкасова Т. П., Узденов А. Д. Человеческий капитал как базовый элемент механизма управления инновационно-ориентированным ростом региона // Вопросы регулирования экономики. 2014. № 3. Т. 5. С. 88–96.

References

1. Astvatsaturova M. A. "North Caucasus Imaginarian" in the social entity-functional ethics of political management. *Voprosy politologii = Political science issues*. 2020;11(63)10:3060–3075. (In Russ.)
2. Magomadov E. M. On the problem of the depressive nature of the development of the regions of the North Caucasus Federal District. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*. 2013;14(8):78–83. (In Russ.)
3. Ignatova T. V., Kalinina A. G. Technologies of accounting for the economic preferences of the population in public administration. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 2015;(1):163–169. (In Russ.)
4. Cherkasova T. P., Uzdenov A. D. Human capital as the basic element of the mechanism for managing innovative growth of the region. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of Economic Regulation*. 2014;3(5):88–96. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – докт. полит. наук, проф., директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований;
Л. Х. Дзахова – докт. полит. наук, проф. кафедры философии и общественных наук;
С. Т. Мильдзихов – аспирант кафедры философии и общественных наук.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research;
L. Kh. Dzakhova – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences;
S. T. Mildzikhov – Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Social Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 22.07.2021.

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 20.07.2021; accepted for publication 22.07.2021.

Научная статья

УДК 321.6/8

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-160-163

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНЦЕПТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наталья Викторовна Бережная¹, Лариса Александровна Лобова², Ольга Андреевна Полякова³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹rassgd@yandex.ru

²lora.lobova2009@yandex.ru

³OlenkaKiS12@yandex.ru

Аннотация. Авторами статьи предпринята попытка выявить детерминанты в экспозиции основных направлений формирования системы политического управления РФ, обозначенной в новой редакции Конституции РФ; определить основные источники и направления трансфера норм, ценностей, и государствообразующих институтов и технологий на постсоветском пространстве. В статье определены концептуальные составляющие новой редакции Конституции РФ как большого социально-политического проекта, выявлены проблемные направления нового политического управления в контексте новой редакции Конституции РФ.

Ключевые слова: процесс государствообразования, государство-цивилизация, инновационный дискурс, конвергентный дискурс, трансферный дискурс, рекурсивный дискурс, идентитарная демократия, конкурентная демократия, управление по ценностям, системно-проектный подход, институционально-ордерная и политико-менеджеральная парадигмы

Для цитирования: Бережная Н. В., Лобова Л. А., Полякова О. А. Политическое управление современной России: концепты трансформации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 160–163. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-160-163>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

POLITICAL MANAGEMENT OF MODERN RUSSIA: TRANSFORMATION CONCEPTS

Natalia V. Berezhnaya¹, Larisa A. Lobova², Olga A. Polyakova³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹rassgd@yandex.ru

²lora.lobova2009@yandex.ru

³OlenkaKiS12@yandex.ru

Abstract. The authors of this article attempt to identify the determinants in the exposition of the main directions of the formation of the system of political governance of the Russian Federation, designated in the new version of the Constitution of the Russian Federation; To determine the main sources and directions of the impact and transfer of norms, values, and state-forming institutions and technologies of Post-Soviet Russia. The article defines the conceptual components of the new version of the Constitution of the Russian Federation as a large socio-political project, identifies problematic areas of new political governance in the context of the new version of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: the process of state formation, state-civilization, innovative discourse, convergent discourse, transfer discourse, recursive discourse, identity democracy, competitive democracy, management by values, system-project approach, institutional-order and political-managerial paradigms

For citation: Berezhnaya N. V., Lobova L. A., Polyakova O. A. Political management of modern Russia: transformation concepts. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):160–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-160-163>.

Со времен распада СССР наблюдается целенаправленный трансфер образцов и технологий государственного устройства и политического управления в более чем три десятка новых и обновленных государств.

В постсоветском периоде, начиная с 1991–1993 гг., данный процесс отразился в Основном законе страны – Конституции Российской Федерации – с закреплением соответствующих конституционных российских институтов, норм и ценностей. Новая редакция Конституции поставила комплексную проблему политической экспозиции и закрепление политического управления в новом формате. Основных шагов по решению данной проблемы в достаточной мере пока не последовало, хотя повестка предварительных действий обозначена.

Актуальность данного исследования опирается, прежде всего, на указ Президента РФ №474 от 21.07.2020г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», а именно возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития».

Теоретико-методологическая основа нашего исследования заключается в теоретических работах отечественных и зарубежных ученых в области теории государств, политологии, философии, и других отраслей социально-гуманитарного знания. Эти труды изучались с использованием методологии контент-анализа. В частности, в своих работах Ю. Хабермас не только развил теорию делиберативной демократии, подразумевающей максимально открытую и подвижную государственно-правовую сферу, но и объединил положения критической теории с качественным интерпретационным герменевтико-феноменологическим методом [1].

Акцент делается на суммировании методов и подходов разных гуманитарных дисциплин к анализу потенциала альтернативных подходов к изучению социальных объектов и изучения возможностей включения их в процессы направляемой социально-политической эволюции.

Среди научных подходов, уделяется внимание институциональному, сопряженному с системным и сравнительным методами, используемыми для выявления взаимосвязи политических отношений.

Комплекс аналитических инструментов позволяет выработать новые подходы к определению роли ценностей и смыслов в процессах современного государствообразования, который приобрел институциональные черты со второй половины XX столетия.

Эмпирическую базу для авторских оценок и обобщений составляют федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, политологические публикации, нормативно-правовые акты по вопросам государственного управления. На основе первичного анализа определяются аналитические проблемы, которые необходимо решить в рамках проводимого исследования.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что новая редакция Конституции РФ относительно завершает процесс полной суверенизации постсоветской России (военно-политическую и геополитическую, экономическую, социокультурную) и конституирует ее в качестве самостоятельного полюса современного глобального мира. Современная Россия вместе с тем подтверждает свой статус государства-локальной цивилизации. Данный современный этап требует своего оформления на уровне новой системы политического управления. Раскрытие основных направлений реформы политического управления требует осуществления большого социально-политического проекта.

Предполагается, что по данной траектории будет осуществляться политическое реформирование и в других государствах – локальных цивилизациях, образующих каркас нового многополюсного глобального мира.

Исследование нацелено на развёртывание идеи оформления государственного суверенитета современной России во всей его полноте и обеспечивающих этот процесс политических технологий. В то же время необходимой составной частью данного процесса представляется формирование нового глобального социально-политического контекста, основывающегося на платформе многополюсного глобального мира и соответствующей системы мировой политики. Россия репрезентируется в качестве государства-локальной цивилизации, образующей один из таких ведущих полюсов. В рамках форматирования новой многополюсной системы мировой политики и в целях обеспечения глобальной управляемости и снижения глобальных политических рисков вводится и принимается принцип глобальной субсидиарности.

Исходя из обозначенного конструкта выдвигается система направлений реформирования политико-властных и политико-управленческих функций, вытекающих из новой редакции Конституции РФ и выступающих ценностно-нормативной платформой реформации. По своему объему и влиянию данные подходы следует отнести к Большому социально-политическому проекту.

Наиболее важными направлениями в осуществлении указанного Большого проекта нами видятся:

- переход в системе политического управления от приоритета политико-менеджеральных подходов – к приоритету институционально-ордерной модели государственной власти и управления;

- замещение модели «властной вертикали» в разграничении и сопряжении властных и управленческих функций моделью «властного оркестра»;
- смена базовых моделей политического управления с управления по целям, процессам, результатам и ресурсам на базовую модель управления по ценностям;
- репрезентация и конституирование системно-проектного подхода к социальному и политическому управлению и утверждения подхода больших комплексных проектов вместо отраслевых, секторных и ситуативных;
- формирование принципов и технологий орденской кадровой политики на элитном уровне вместо «командной» и клановой.
- выстраивание системы государственной информационной политики в соответствии с принципами обоснованного баланса транспарентности и рестриктивности;
- оформление в качестве основной миссии в мировой политике – мирозащитной и ее проецирования на внутривластную жизнь.

Указанные направления одновременно выступают в качестве инновационных задач, решаемых в процессе формирования нового политико-властного и политико-управленческого инструментария.

В качестве исходного списка таких задач видятся основные положения новой редакции Конституции РФ, значительная часть которых обозначена на уровне должного и требует продвижения к своим полным формам воплощения.

Анализируя исходные научные идеи и подходы предлагаемого исследования, прежде всего, нужно подчеркнуть его рефлексивно-методологическую интенцию. Применительно к проблемам Российской государственности, ее институционального строя и механизмов принятия политических решений особенно отчетливо просматриваются не только различия разных методологических платформ, но и их ценностно-идеологическая привязка. Говоря укрупненно, мы можем выделить, по меньшей мере, три направления: либеральное, консервативное и конвергентное (не считая многих промежуточных и композиционных течений). Собственно данная диспозиция во многом методологически и идеологически воспроизводит то, что в российском обществоведческом опыте можно было увидеть и 120-130 лет назад. Обстоятельный методологический анализ, проецируемый на систему государствоведения и политического управления, дан в недавно вышедшем объемном научном издании, подготовленном большим коллективом РАН «Современная политическая методология». Где подчеркивается, что и сегодня, в год 30-летия институционализации политологии в нашей стране, вопрос о ее теоретико-методологических основаниях весьма сложен.

И сложность состоит прежде всего в затянувшемся периоде диффузии западнотрадиционных источников в сфере политологической (и не только) мысли. Хотя, как подчеркивали авторы фундаментального научного обзора «Современная политическая наука: обзор методов, направлений исследования и преподавания», вышедшего на Западе в начале 50-х гг. XX в., в мире определились пять ведущих национальных школ политической мысли, среди которых – и советская, которая существенно может быть расширена, на что справедливо указывают известные отечественные авторы; отмечая: «уже развитые и получившие известность традиции классового анализа политико-экономических процессов, российская геополитическая мысль, теории культурно-исторических типов и религиозно-философские достижения серебряного века» [2, с. 396].

Нужно подчеркнуть, что необходимость значимых коррективов в теоретико-методологическую платформу, из которой вытекает и формируется политико-прикладная сфера и политическая практика вполне логично подтолкнула руководство страны к идеям реформирования конституционного поля современной России. Данную интенцию подчеркнули авторы недавнего обстоятельного РАНовского аналитического обзора: «Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиции, рецепции и новации» [3].

Они справедливо подчеркивают: «в последние годы наметилась развилка – расхождение политических целей и задач правящего режима и имеющихся в отечественной научной литературе теоретических подходов, так как последние в большинстве своем опираются на западные разработки, которые по своему идеологическому содержанию далеки от российской политической практики. Кроме того, очевидный в последние годы разворот политического руководства в сторону проблем международной политики несколько заслонил проблематику государственного управления в научной плоскости, сузив возможности для динамического развития концепта «государственное управление в отечественной науке» [3, с. 387–388].

В связи с этим укажем на методологически релевантный дискурс применительно к современным условиям. В качестве такового видится конвергентный. Естественно в современной редакции, поскольку такие реалии, как конкурентная демократия, современный рынок, гражданское общество,

хотя и проявляются в разных социокультурных условиях, но эти категории описывают и формируют многие реалии современного общества на глобальном и национально-государственном уровнях. В то же время можно говорить о преобладании реалий составных и многосоставных обществ, несущих в своей структуре как указанные универсальные институты, так и социальные и политические структуры традиционного и постиндустриального характера. В этом ключе нам близка идея известного отечественного ученого и политика, академика С.Ю. Глазьева, – «Соединение лучших, с точки зрения обеспечения развития производительных сил, качеств социализма, капитализма и патриотизма в анализируемом социально-экономическом устройстве позволило назвать его интегральным строем, чье появление еще столетия назад предвидел П. Сорокин и сторонники теории конвергенции» [4, с. 28].

Указанные парадигмы теоретико-методологического и аксиологического подходов востребуют опору на ряд более конкретных исследований и разработок, освещающих современные проблемы и подходы к реформированию государства и процессу государствообразования в современном глобальном процессе.

Итак, конкретными результатами дальнейшего исследования инновационной нацеленности в теоретическом аспекте, может стать концептуализация ряда предлагаемых идей и подходов: «Большой концептуально-политический проект», «институционально-ордерная модель государства», управление по политическим ценностям; институционально-ордерная и политико-менеджеральная парадигмы; орденская кадровая политика; коридор социально-политической эффективности; транспарентность и рестриктивность политического управления.

Данные концепты, а также обеспечивающие их проектный трансфер политические технологии и должны составить прирост теоретического знания.

Список источников

1. Habermas J. Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Massachusetts Institute of Technology, 1996. 631 p.
2. Российская наука международных отношений: новые направления. М.: Изд-во «ПЕРСЭ», 2005.
3. Тенденции и проблемы развития Российской политической науки в мировом контексте: традиции, рецепции и новации. М.: Изд-во РОССПЭН, 2018.
4. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственных укладах. М.: Изд. «Книжный мир», 2018. 768 с.

References

1. Habermas J. Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Massachusetts Institute of Technology; 1996. 631 p.
2. *Russian science of international relations: new directions*. Moscow: PERCE Publishing House; 2005. (In Russ.)
3. *Trends and problems of the development of Russian political science in the world context: traditions, receptions and innovations*. M.: Publishing House ROSSPEN, 2018. (In Russ.)
4. Glazyev S. Yu. *A leap into the future. Russia in new technological and world economic ways*. Moscow: Book World; 2018. 768 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. В. Бережная – докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой философии и методологии науки;
Л. А. Лобова – преп. кафедры философии и методологии науки;
О. А. Полякова – преп. кафедры философии и методологии науки.

Information about the authors

N. V. Berezhnaya – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Methodology of Science;
L. A. Lobova – lecturer of Department of Philosophy and Methodology of Science;
O. A. Polyakova – lecturer of Department of Philosophy and Methodology of Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2021; одобрена после рецензирования 28.08.2021; принята к публикации 30.08.2021.

The article was submitted 13.08.2021; approved after reviewing 28.08.2021; accepted for publication 30.08.2021.

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Давид Кромвелович Григорян^{1,2}, Евгения Николаевна Кондратенко³, Артем Николаевич Ларкин⁴

^{1, 3, 4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, davo-davo23@mail.ru

³zen2710@yandex.ru

⁴tema161-rus@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ влияния ресурсов сети Интернет на формирование политического сознания молодежи в современной России. Отражена реальная картина и возможности информационного воздействия на молодое поколение. Следует отметить, что средства массовой коммуникации, в частности социальные сети, могут нести негативный контент, имеющий манипулятивную природу, что может служить причиной участия молодежи в различного рода несанкционированных мероприятиях политического толка. Представляется необходимым разработка комплекса мер, направленных на реализацию созидательных процессов информатизации в молодежной среде.

Ключевые слова: информационное пространство, интернет-технологии, манипулирование сознанием, политическое сознание молодежи, пропаганда, молодежная политика, социальные сети

Для цитирования: Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Ларкин А. Н. Проблема влияния интернет-технологий на политическое сознание молодежи в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 164–168. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE PROBLEM OF THE INFLUENCE OF INTERNET TECHNOLOGIES ON THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH IN MODERN RUSSIA

David K. Grigoryan^{1,2}, Evgeniya N. Kondratenko³, Artem N. Larkin⁴

^{1, 3, 4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, davo-davo23@mail.ru

³zen2710@yandex.ru

⁴tema161-rus@mail.ru

Abstract. This article analyzes the influence of Internet resources on the formation of the political consciousness of young people in modern Russia. The real picture and the possibilities of information impact on the younger generation are reflected. It should be noted that the mass media, in particular social networks, can carry negative content of a manipulative nature, which can serve as a reason for the participation of young people in various kinds of unauthorized political events. It seems necessary to develop a set of measures aimed at the implementation of creative processes of informatization in the youth environment.

Keywords: information space, Internet technologies, manipulation of consciousness, political consciousness of youth, propaganda, youth policy, social networks

For citation: Grigoryan D. K., Kondratenko E. N., Larkin A. N. The problem of the influence of internet technologies on the political consciousness of youth in modern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):164–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168>.

Жизнедеятельность современного общества сложно представить без активного использования Интернет-технологий. Интернет на современном этапе стал общедоступным средством выражения своих взглядов и убеждений по всему миру. Более того, ресурсы всемирной паутины используются со стороны как внутриполитических, так и внешних политических сил различных государств как весьма эффективный инструмент влияния не только на представления, но и на поведение пользователей Интернета.

Включение России в глобальное информационное пространство тесным образом связано с масштабными изменениями в обществе, которые проявляются в пересмотре общественных целей и ценностей, изменениях политических и культурных концепций, смене групповых и межличностных способов коммуникаций. Некоторое время назад большинство россиян получало информацию из газет и телевидения, но традиционные коммуникационные каналы уходят на второй план, например, за последние годы по данным ВЦИОМ аудитория телезрителей упала с 35% до 17%¹, а доля пользователей Интернета, которые вообще не смотрят телевизор, выросла с 13% до 27%, причем доля отказавшихся от просмотра телевизионных передач среди 18-25 летних составляет 69%. Становится очевидным тот факт, что глобальное информационное пространство – неотъемлемый и достаточно значимый компонент духовной и социально-политической жизни общества.

Новые технологии массовой коммуникации, в том числе глобальная сеть, оказывают влияние на различные категории пользователей, в первую очередь, на молодежь и подростков, которые в виду особой «притягательной» силы Интернета и психологических особенностей, оказываются в зоне риска. Современные информационные потоки характеризуются многогранностью манипулятивных технологий. Сегодня информация подается таким образом, что не удается окончательно понять ее суть и истинное предназначение. Интернет охватывает большую часть молодого поколения, которое проводит много времени в социальных сетях, осуществляют обучение и трудовую деятельность посредством Интернет-ресурсов, там же находят себе развлечения. Молодые люди в силу своего малого жизненного опыта и особенностей несформировавшейся личности наиболее подвержены негативному влиянию Интернета. Причиной этого является слабая социализация, неактивное вовлечение молодежи в общественную жизнь. Современное общество предлагает множество альтернатив для молодежи: поведения, досуга, коммуникации, образования, получения дохода и т.д. Молодое поколение должно быть готово к тому, чтобы сделать правильный выбор, который позволит избежать пороков современных реалий в процессе своего взросления и развития. Убеждение в том, что взаимоотношения в семье проецируются на отношения в обществе и составляют основу поведения личности, бесспорны, но на сегодняшний день многих родителей устраивает, что их дети находятся дома в комфортных условиях за компьютером, так сказать, под присмотром. Это псевдоуспокоенность, которая вызывает тревогу о будущем сегодняшней молодежи. Как следствие, ввиду усиливающегося непонимания между поколениями в семье, неумения обсуждать проблемы в ходе общения, для многих подростков Интернет становится убежищем и защитным ограждением от трудностей и жизненных проблем.

3 марта 2021 года на коллегии МВД России Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил об угрозе разрушения общества из-за бесконтрольного распространения Интернета: «Мы с вами знаем, что такое Интернет. Он используется для продвижения неприемлемого контента, распространения детской порнографии, проституции, доведение несовершеннолетних до самоубийств, но кто бы это ни был, ни пытался хладнокровно использовать детей для эгоистических «хорьковых» целей, мы никогда не должны забывать о том, что это наши дети»². Президент Российской Федерации обратил внимание на тот факт, что Интернет должен подчиняться моральным законам и находиться под юридическим контролем, иначе наше общество будет разрушаться изнутри.

Действительно, нельзя не отметить, что в последнее время увеличилось количество примеров, когда можно напрямую говорить о негативном влиянии Интернета на молодую аудиторию: несовершеннолетних призывают участвовать в незаконных акциях, подталкивают к суициду, вовлекают в преступные схемы, по сбыту наркотических средств, через сеть Интернет и т.д. [1, с. 140]. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что социально-политический вред от средств массовой коммуникации стал выражаться сильнее. Подтверждением этому являются результаты опроса, проведенного ООО «ИнФОМ» в рамках заказа Фонда «Общественное мнение» в 2019 году, который выявил каким образом молодежь проводит свободное время. Так 46% опрошенных дали ответ на вышеуказанный вопрос «Провожу время за компьютером (кроме работы), в интернете».

Как показывает практика последних лет, подрастающее поколение является идеальной маской для вербовочных и манипулятивных воздействий. По своей натуре они любопытны и амбициозны, открыты для общения, готовы жертвовать многим ради достижения призрачных целей. Подростки легко верят ложным обещаниям, не имеют собственного мнения и устоявшейся политической позиции, зачастую молодежь неустойчива в вопросах веры, готова ради «легкой» славы и

¹ ВЦИОМ: Россияне теряют интерес к телевидению и радио, 2017 г. – URL: <https://life.ru/p/1065157> (дата обращения: 09.04.2021).

² Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД, 2021. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/03/2021/6040c97c9a7947263f812b1c> (дата обращения: 10.04.2021).

наживы, которые пропагандируются в социальных сетях, идти на риск. Учитывая запросы, которые задают молодые люди в поисковых системах, например, «как изготовить пистолет в домашних условиях», «что будет, если отсканировать зеркало», «как стать русалкой», «мои шансы на спасение, если нападут зомби», можно сделать вывод о том, что данная возрастная категория не в состоянии самостоятельно противостоять обрушившемуся на нее информационному потоку, не готова отбирать из него позитивный и полезный контент. Следует отметить, что участниками различных протестных акций, с требованиями справедливости и перемен, являются преимущественно молодые люди. Молодежь действительно открыта всему новому и с легкостью адаптируется к переменам вокруг. Но порой молодые люди, пришедшие на какую-либо акцию или митинг, не могут осознать их смысла, и таким образом, становятся жертвами манипулирования [2]. Поэтому сегодня в социальных сетях огромное количество призывов на участие в несанкционированных шествиях, ориентированных на несовершеннолетних. В связи с этим знание и учет способов и механизмов влияния Интернета на подрастающее поколение современной России позволит контролировать и своевременно предотвращать подобного рода воздействия, что в свою очередь является важным аспектом обеспечения государственной безопасности и защиты суверенитета нашей страны.

Специалистами по безопасности в сети уже описаны психологические техники, которые применяются сетевыми провокаторами, среди которых: изучение страницы жертвы, нахождение ее слабых – уязвимых точек, «набивание» в друзья, обещание поддержки, провокация на сомнительные «подвиги».

Примечательно, что о приемах манипулирования сознанием молодежи говорится в диссертационном исследовании Алексея Навального, тема которого «Исследование влияния обратного эффекта на интернет-массы в политическом поле деятельности» (защищена в 2007 году, Йельский университет, США). Не удивительно, что у молодых людей – почитателей Алексея Навального, из морального этического поля со временем исчезло понимание того, что активное участие в несанкционированных митингах плохо влияет на их будущую жизнь. Таким образом, глобальная сеть может быть использована для политического манипулирования – психологического воздействия на политическое поведение и сознание людей, направленное на скрытое управление ими и принуждение действовать, пренебрегая собственными интересами. Наиболее распространенные механизмы взаимодействия Интернета и молодежи представлены не только манипулированием, но и внушением, убеждением, рефлексивным управлением, мистификацией и другим. Следует отметить, что широкое распространение насилия в Интернете так же способствует негативным изменениям в молодежной психике и мировоззрении, которая выражается в повышенном пороге терпимости к преступным проявлениям, допустимости насилия в конфликтных ситуациях, возможности решения проблем, криминальными методами. Как того требует сетевая игра, мышление молодого человека привыкает действовать в узком диапазоне программных параметров и задач. Утрачивается широта мышления, самокритичность, тормозится развитие творческих качеств человека, развитие его индивидуальности. Самостоятельное принимать решение человек уже не способен, ему необходимо «спросить в Интернете». Анонимность в интерактивном общении создает иллюзию недоступности для надзорных органов, способствует реализации потребности выделиться из толпы, присоединиться к неформальной группе, субкультуре.

Оценивая подверженность молодых людей интернет-манипуляциям, ученые приходят к выводу о том, что существует несколько типажей «сидящего в сети» [3]:

1. агитаторы (обладают лидерскими качествами, способны не просто вестись на убеждения, но и сами генерировать идеи, провоцировать на совершение активных действий, 7%);
2. активисты (те, кому скучно, чей девиз «Активность ради активности», они готовы участвовать во всем, потому что молоды, 10%);
3. осторожные (молодые люди, осознающие желательность социальной реализации, но осознающие возможные риски, 12%);
4. рационализаторы (склонные к аналитике молодые люди, умеющие принимать взвешенное решение, владеющие информацией и фактами, 36%);
5. пассивные (не хотят следовать за призывами в интернете, 35%).

Таким образом, процент пользователей сети молодого возраста, способных оказать поддержку акций в социальной сети, достаточно велик. Например, в январе 2021 года вовлечение в несанкционированные акции подростков привело к тому, что около 300 из них были задержаны и доставлены в органы внутренних дел. Комиссией Государственной Думы Российской Федерации по противодействию вовлечения детей в противоправные митинги было указано на радикальный характер проведения данных акций с перекрытием улиц и нападением на стражей порядка. Среди причин, по которым молодые люди вышли на митинги в январе 2021 года, названы следующие: «хочу,

как звезды, отдыхать за границей», «хуже уже некуда», «мне скучно», «коррупция». Большинство из указанных причин - это результат пропаганды богемного образа жизни, прекрасной жизни в западных странах, отсутствия коррупции за рубежом и т.д., в итоге которой не только сформировано убеждение, но и побуждение к активному действию (выход на митинг, свержение власти). К сожалению, новые приоритеты в системе ценностей и социальных норм у этих молодых людей в дальнейшем отразятся на их сознании, а далее - на политическом поведении и активности.

«Дети – это безусловная ценность» - так В.В. Путин определил суть государственной политики 4 марта 2021 года на встрече с участниками общероссийской акции взаимопомощи «Мы вместе». По его словам, «если молодой человек не может определиться и понять, где он находится, чем занимается, где реальные истинные ценности, то это, как правило, не его проблема... Это проблема взрослых и общества. Значит, мы где-то не доработали» [4].

Решение данной проблемы видится в усовершенствовании мер по государственному регулированию Интернета. Государством на постоянной основе разрабатывается и совершенствуется законодательная база, регулирующая безопасность информационной среды. Так, Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 года № 646 утвердил Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, ранее был принят Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 №436-ФЗ и др. Однако, принимаемые законодателем меры недостаточны.

Вызывают особую озабоченность факты участия молодежи в экстремистской деятельности. Его стремительное распространение обусловлено влиянием определенных факторов, эти факторы условно можно разделить на правовые, психологические, социально-экономические, демографические, политические.

По данным Федеральной службы безопасности Российской Федерации в 2020 году Федеральной службой безопасности Российской Федерации в ряде регионов задержаны 13 несовершеннолетних граждан России, планировавших массовые убийства с использованием самодельных взрывных устройств, зажигательных смесей, холодного оружия, а также склонявших интернет-пользователей к совершению таких преступлений. При этом 11 из них являлись участниками закрытого Интернет-сообщества одной из популярных у молодёжи социальных сетей. Преступные планы указанных лиц подтверждены изъятими личными дневниками и средствами связи, в которых обнаружены инструкции по изготовлению зажигательных и взрывных устройств, схемы нападений на учебные заведения, здания правоохранительных структур и места с массовым скоплением людей [5, с. 48]. Ярким примером является трагедия в Казани, произошедшая 11 мая 2021 г. в гимназии № 175, которой 19-летний Ильназ Галявиев устроил массовый расстрел. За несколько дней до происшествия преступник завел свой телеграм-канал, в котором объявил себя «богом», все остальные для него были рабы, которые безоговорочно должны были выполнять его желания. Были предположения, что все произошло не без участия куратора, консультирующего его посредством Интернета.

Указанные выше обстоятельства подтверждают необходимость усовершенствования системы обеспечения безопасности молодежи в информационной среде на территории Российской Федерации.

В настоящий момент основная деятельность государства и общественных объединений по обеспечению безопасности в Интернет-пространстве направлена на блокировку опасного контента и деструктивных сообществ, а также на пресечение действий подростков после их вовлечения деструктивными сообществами в противоправную деятельность.

Профилактические меры не имеют смысла, если они хаотичны или спонтанны. Каждый этап должен быть тщательно продуман и направлен на решение задач, таких как:

- применение к подросткам и молодым людям ориентацию на необходимость соблюдения и защиты прав граждан, а также обязательность соблюдения законодательных норм и правил;
- представления и формирования у молодежи норм поведения, принятых в обществе;
- организация и создание в учебных учреждениях клубов, кружков и организаций самоуправления, главная задача деятельности которых направлена на просвещение;
- развитие в сознании молодежи уверенности в том, что за противоправную деятельность в различных ее проявлениях неизбежно последует наказание;
- донести до граждан важность сформированной толерантности в кругу семьи и т.д.

Таким образом, для проведения профилактики вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность необходима проработка комплекса вышеуказанных мер, имеющих превентивный характер, и не позволяющих несовершеннолетним иметь доступ к ресурсам, склоняющим их к преступному поведению, пропагандирующим антиобщественный образ жизни. При этом необходим глубокий анализ деструктивности Интернет-ресурсов для подрастающего поколения. Все мероприятия в этом направлении должны быть ориентированы на улучшение условий жизнедеятельности молодежи, систему воспитания и пропаганду прогрессивных общественных ценностей.

Список источников

1. Ищенко Д. П., Григорян Д. К. Молодежный экстремизм как способ самореализации в обществе и достижения власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2021. № 2 (129). С. 139–143.
2. Аралина А. В., Бенько Е. В. Молодежь и Интернет // Наука и образование сегодня. 2015. № 1 (1). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-internet/viewer> (дата обращения: 10.06.2021).
3. Пестов С. В. Киберпреступления против подростков, 2021 – URL: <https://letidor.ru/psihologiya/vot-tak-v-internete-obmanyvayut-nashih-detey-1.htm> (дата обращения: 15.06.2021).
4. Путин В. В. Выступление на Всероссийской акции «Мы Вместе», 2021 г. – URL: <https://dailystorm.ru/news/rembo-nalozhivshiy-v-shtany-putin-vysmeyal-prizyvayushchih-detey-k-suicidu> (дата обращения: 15.06.2021).
5. Гармаева Т. В., Бухольцева Т. И. Особенности межличностных отношений подростков с проявлениями склонности к интернет-зависимости // Наукосфера. 2021. № 1-1. С. 47–53.

References

1. Ishchenko D. P., Grigoryan D. K. Youth extremism as a way of self-realization in society and achievement of power. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo, pravo i upravlenie = Science and education: economy and economy; entrepreneurship, law and management*. 2021;2(129):139–143. (In Russ.)
2. Aralina A. V., Benko E. V. Youth and the Internet. *Nauka i obrazovanie segodnya = Science and education today*. 2015;1(1). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-internet/viewer> [Accessed 10 June 2021]. (In Russ.)
3. Pestov S. V. Cybercrime against adolescents, 2021 Available from: URL: <https://letidor.ru/psihologiya/vot-tak-v-internete-obmanyvayut-nashih-detey-1.htm> [Accessed 15 June 2021]. (In Russ.)
4. Putin V. V. Speech at the All-Russian action "We Are Together," 2021 Available from: URL: <https://dailystorm.ru/news/rembo-nalozhivshiy-v-shtany-putin-vysmeyal-prizyvayushchih-detey-k-suicidu> [Accessed 15 June 2021]. (In Russ.)
5. Garmaeva T. V., Bukholtseva T. I. Features of interpersonal relations of adolescents with phenomena of tendency to Internet addiction. *Naukosfera = Naukosphere*. 2021;1-1:47–53. (In Russ.)

Информация об авторах

Д.К. Григорян – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики; старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности;
Е. Н. Кондратенко, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и этнополитики;
А. Н. Ларкин – магистрант факультета политологии.

Information about the authors

D. K. Grigoryan – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Ethnopolitics; senior Lecturer of the Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities;
E. N. Kondratenko – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Ethnopolitics;
A. N. Larkin – Undergraduate Student of the Faculty of Political Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2021; одобрена после рецензирования 10.08.2021; принята к публикации 12.08.2021.

The article was submitted 23.07.2021; approved after reviewing 10.08.2021; accepted for publication 12.08.2021.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «НЕТРАДИЦИОННАЯ ВОЙНА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена не достаточным международным политико-правовым регулированием такого явления современности, как «нетрадиционная/новая война». Установлено, что войны нового типа не могут адекватно регулироваться нормами международного гуманитарного права по причине несоответствия той классификации войн, которая в них содержится. Традиционная война регулируется развитым законодательством на международном уровне, однако подобное регулирование перестало соответствовать тем реалиям, в которых формируются войны нового типа. Целью статьи является исследование с помощью анализа группы теорий войн основных особенностей войны нового типа и способов их закрепления и регулирования в международном гуманитарном праве. При проведении исследования были использованы следующие научные методы: системный метод и сравнительный анализ. По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что в современном международном гуманитарном праве имеется существенный пробел, касающийся проблемы регулирования нетрадиционной войны. И в первую очередь это относится к отсутствию определения понятия войны нового типа. Разработаны рекомендации по преодолению несоответствия между нормами международного права и реалиями современности: необходимо решить проблему с классификацией новых войн; поместить в правовое поле вооруженные негосударственные субъекты; на законодательном уровне решить проблему использования запрещенных методов ведения войны, нарушающих международное гуманитарное право. В ходе проведенного анализа теорий войн выявлено, что проблему идентификации конфликтов нового типа и применения права возможно решить с помощью усовершенствования классификации конфликтов либо с помощью устранения пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: нетрадиционная война, традиционная война, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, правовое регулирование войны, транснациональные войны, асимметричные войны, войны четвертого поколения

Для цитирования: Ковалев А. А. Теоретическое осмысление категории «нетрадиционная война» в международном политико-правовом контексте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 169–177. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-169-177>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF NON-TRADITIONAL WAR IN THE INTERNATIONAL POLITICAL AND LEGAL CONTEXT

Andrey A. Kovalev

North-Western Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The relevance of the chosen topic is due to insufficient international political and legal regulation of such a modern phenomenon as «unconventional/new war». It is established that the new type of war cannot be adequately regulated by the norms of international humanitarian law due to the inconsistency of the classification of wars contained in them. Traditional war is regulated by developed legislation at the international level, but such regulation has ceased to correspond to the realities in which a new type of war is being formed. The purpose of the article is to study, by analyzing a group of theories of war, the main features of a new type of war and the ways of their consolidation and regulation in international humanitarian law. The following scientific methods were used in the study: the system method and comparative analysis. According to the results of the study, it is concluded that there is a significant gap in modern international humanitarian law concerning the problem of regulating non-traditional warfare. And first of all, this refers to the lack of a definition of the concept of a new type of war. Recommendations have been developed to overcome the discrepancy between the norms

of international law and the realities of today: it is necessary to solve the problem of classifying new wars; to place armed non-State actors in the legal field; to solve the problem of using prohibited methods of warfare that violate international humanitarian law at the legislative level. The analysis of the theories of war revealed that the problem of identifying conflicts of a new type and applicable law can be solved by improving the classification of conflicts or by eliminating gaps in legislation.

Keywords: non-traditional war, traditional war, international humanitarian law, armed conflict, legal regulation of war, transnational wars, asymmetric wars, wars of the fourth generation

For citation: Kovalev A. A. Theoretical understanding of the category of non-traditional war in the international political and legal context. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):169–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-169-177>.

С самого начала цивилизации война была одной из форм взаимодействия человеческих обществ. Конфликты, в которых участвовали организованные группы людей, возможно, случались уже 10 000 лет назад, а военные действия, то есть конфликты, в которых участвуют организованные военные системы, могут быть прослежены, по крайней мере, на протяжении 5000 лет. На Земле почти всегда происходят вооруженные конфликты, тогда как международное право начало регулировать военные действия только около века назад [1].

Войны традиционного типа (по Клаузевицу) происходят между государствами, объявляются формально и ведутся национальными армиями на поле боя. Цели этих войн, как правило, геополитические, а максимальная сила используется для того, чтобы одолеть противников в кратчайшие сроки. Именно эти виды вооруженных конфликтов и призваны регулировать такие международные документы, как Пакт Келлога-Бриана 1928 года, впервые объявивший войну вне закона, Устав Организации Объединенных Наций, запрещающий войну и ограничивающий законность применения силы ситуациями, связанными с самообороной или разрешением Совета Безопасности, и Женевские конвенции 1949 года о ведении войны.

Однако традиционная война уступает место конфликтам иного типа или нетрадиционной войне. Такой конфликт, зарождающийся внутри государства, в итоге оказывается между внутренней и международной сферами (так называемый интернационализированный вооруженный конфликт) [2]. Такой конфликт отличается значительным присутствием вооруженных негосударственных субъектов. В отличие от традиционной войны, преобладающим методом нетрадиционной является насилие, преднамеренно направленное на гражданское население, что чаще приводит к военным преступлениям, а не к военным маневрам. При этом, оставаясь в серой зоне, новая война не подпадает под юрисдикцию международного гуманитарного права по причине наличия характеристик, регулирование которыми в нем не прописано, а также по причине отсутствия определения самого понятия «нетрадиционная война». Поэтому цель настоящего исследования – изучение ключевых особенностей нетрадиционной войны и способов их закрепления и регулирования международным гуманитарным правом.

Война (по крайней мере, с поствестфальской эры национального государства) традиционно рассматривалась как вооруженный конфликт между двумя или более государствами через национальные армии на поле боя [3]. Обычно цель войны – спор из-за территории или другая геополитическая цель.

Осмысление феномена войны можно проследить еще со времен древнего мира. Так, изучение данного явления можно увидеть в трудах Платона, Аристотеля, Гераклита Эфесского и других античных философов. Война в античной философии рассматривалась как особый социальный феномен, имеющий естественное происхождение, тогда же были впервые сформулированы правила военной этики. В Средние века войны понимались как проявление божественной воли, позволяющее совершенствовать и упорядочивать этот мир. В философии Нового времени война рассматривалась как нечто противоречащее разуму, покушающееся на естественные права человека. Так, И. Кант осуждает войну, но в то же время признает ее естественный характер как способ разрешения социальных противоречий. При этом человечество, по мнению Канта, в будущем ждет вечный мир [5]. Однако некоторые мыслители Нового времени оправдывали колониальные войны (Т. Гоббс, Ф. Бэкон, Д. Локк), рассматривая их как инструмент для развития общества. Также к апологетической традиции в осмыслении войны относятся немецкие философы – И.Г. Фихте, Г. Гегель [4] и др.

Идеи И.Г. Фихте и Г. Гегеля оказали значительное влияние на философию одного из великих теоретиков войны, представителя германского милитаризма прусского генерала Карла фон Клаузевица. Он считал войну одной из форм политики [6]. При этом каждая война имеет свои особенности.

По мнению Клаузевица, основными чертами войны являются наличие минимум двух противоборствующих государств в качестве сторон конфликта; использование армий для борьбы на поле боя; и применение максимальной силы для подавления противника и, как следствие, достижения геополитических целей, преследуемых в ходе войны. Клаузевиц считал, что война обязательно

имеет четко определенных противников и цели, и сравнивал ее с дуэлью. Таким образом, война – это акт насилия, направленный на то, чтобы заставить противника выполнить нашу волю [7].

Теория войны немецкого правоведа Ласса Оппенгейма, рассматриваемая многими учеными как классическое определение войны, опирается на четыре столпа: конфликт между двумя или более государствами; использование вооруженных сил государства; цель подавления противника; симметричные (хотя и противоположные) цели воюющих сторон [8]. В этом его идеи схожи с идеями Клаузевица. Примеры традиционных войн – две мировые войны.

Среди современных отечественных исследователей, изучающих феномен войны, следует назвать академика РАН А.А. Кокошина [3], который изучает не только теорию войны, но и ее прикладные аспекты (он занимал различные высокие государственные посты в оборонной сфере Российской Федерации). Также стоит отметить труды действительного члена Академии военных наук РФ В.Ю. Микрюкова [9], изучающего особенности и своеобразие военного дела; генерал-майора В.М. Буренова [10], который исследует тонкости современной войны. При этом с философской позиции осмысление феномена войны можно наблюдать в работах профессора О.А. Белькова [11], доктора философских наук В.С. Поликарпова [12]; юридические аспекты понятия «война» – в исследованиях старшего научного сотрудника Военной академии Генштаба ВС РФ В.В. Толстых [13]; с точки зрения военной науки – в трудах профессора С.И. Макаренко [14], академика Академии военных наук Г.И. Пещерова [15], доктора военных наук В.И. Слипченко [16] и многих других исследователей.

Современные зарубежные исследования, посвященные осмыслению феномена современной войны, отражены в работах таких авторов, как Роджер Бартельс [17], Дэвид Джордан [18], Мэри Калдор [19], Род Торнтон [20], Томас Хаммес [21] и ряда других авторов.

Начиная с периода после Второй мировой войны, особенно с 1990-х годов, все больше вооруженных конфликтов проявляли характеристики, отличные от описанных Клаузевицем. По мнению ряда теоретиков, это отражает изменение в природе войны, то есть появились новые виды войны. Другие ученые полагают, что эти новые черты отражают только изменение характеристик войны [22].

Глобализация изменила современный мир, как следствие изменилась и динамика войны, представив новую парадигму понимания войны. Исследователи использовали различные термины в попытке инкапсулировать эти новые типы конфликтов, называя их современной войной, конфликтом низкой интенсивности, новой войной, асимметричной войной или современной войной [16]. Такие конфликты не вписываются в клаузевицкую концепцию войны и не могут быть классифицированы как гражданские войны, а потому вызывает вопросы применение в отношении них норм международного права.

Таким образом, в данной статье будет исследован ряд теорий современных войн, среди которых теории новой войны, транснациональной войны, асимметричной войны и войны четвертого поколения.

По словам зарубежных исследователей, «формы систематического насилия, вызывающие озабоченность международного сообщества, в целом расширились» [23]. Войну начала XXI века ученые охарактеризовали как «асимметричную и затяжную, ведущуюся множеством вооруженных групп как на физических, так и на политических полях сражений, и [та, которая] причиняет непропорциональные страдания и смерть гражданским лицам, особенно женщинам и детям» [24]. Исследователи также подчеркивают, что действующие лица, вовлеченные в такого рода конфликты, изменились по сравнению с традиционной войной [25].

Одним из выдающихся теоретиков современной войны является М. Калдор, которая ввела термин «новые войны» [26]. Новый тип войны должен быть понят в терминах глобальной дислокации, происходящей в современном мире.

Глобализация стерла границы между государствами. Это способствовало возникновению феномена «новых войн», отличающихся от традиционных войн.

Критерии сравнительного анализа традиционных и новых войн, согласно теории М. Калдор:

Локация. Традиционные войны. На международной арене существует четкое представление о том, кто участвует в войне в качестве противников и на какой территории происходят боевые действия. В данном случае ни международное право, ни внутригосударственное право не сталкиваются со сложностями при отнесении той или иной войны к международной или немеждународной. **Новые войны.** Они обычно происходят из внутренних конфликтов, но не остаются в границах одного государства. С помощью развития технологий в эти конфликты зачастую способны вмешаться другие государства или их институты. Так новые войны становятся интернационализированными и выходят за национальные границы, например, через иностранные правительства или поддержку диаспоры, участие иностранных боевиков или даже через международные преступные сети, которые вовлекаются в конфликт в качестве военизированных групп или незаконных поставщиков оружия.

Попытка классифицировать новую войну как международную или немеждународную становится бессмысленной и оправданной только в логике старой войны, и эта попытка, по ее мнению, не адекватна новому виду войны [26].

Стороны конфликта. Традиционные войны. Сторонами конфликта всегда выступают противоборствующие государства (от двух и более). Новые войны. Сторонами конфликта больше не являются (исключительно) четко определенные противоборствующие государства. Здесь в большом количестве присутствуют вооруженные негосударственные субъекты, например, повстанческие или даже террористические группировки (например, Свободная сирийская армия и террористические организации «Джабхат ан-Нусра» и «Исламское государство» в сирийском конфликте).

Цели. Традиционные войны. Имеют четко определенные цели: одоление противника и реализация геополитических мотивов. Новые войны. Цели не всегда очевидны. Они часто связаны с политикой идентичности, которая направлена на выделение определенных групп людей и, как следствие, исключение тех, кто не вписывается в эти группы по национальности, религии, этнической принадлежности и т.д. Эта фрагментация внутри общества подпитывает насилие, направленное против гражданских лиц, на перемещение населения или геноцид.

Длительность, последствия. Традиционные войны. Эти войны считаются конфликтом с насилием высокой интенсивности. То есть противники прибегают к использованию максимальной силы для достижения победы над врагом в кратчайшие сроки. Новые войны. Борьба не ограничивается полем боя и сражающимися. При этом, несмотря на то, что новые войны считаются конфликтом с насилием низкой интенсивности, они могут иметь разрушительные последствия, поскольку имеют тенденцию быть длительными, а выбранный метод войны – это в основном насилие, направленное против гражданского населения, что приводит к массовым нарушениям прав, геноциду и этническим чисткам.

Политические мотивы. Традиционные войны. Отсутствие ярко выраженных политических целей, борьба идет на уровне государств, при этом отсутствует прямое воздействие на население противника. Новые войны. Главная цель – политическая мобилизация на основе идентичности. Военная стратегия достижения этой цели заключается в перемещении населения и дестабилизации, чтобы избавиться от тех, чья идентичность отличается, и разжечь ненависть и страх [15].

Способ финансирования. Традиционные войны. Поскольку в традиционных войнах главными действующими сторонами являются государства, то и финансирование военных операций также осуществляется из государственного бюджета. Новые войны. Зачастую финансовые ресурсы для военных усилий предоставляются за счет международной поддержки (другими государствами, иностранными организациями, сторонниками диаспоры за рубежом и т.д.) и военной экономики, которая развивается в таких конфликтах. Во время войны преступность проникает в правительственные учреждения, процветает незаконная торговля, а военизированные группы захватывают важные источники доходов.

Экономическая мотивация. Традиционные войны. Требуют от государства достойной финансовой подготовленности. При этом, как правило, политическая легитимность официальной власти не подвергается атакам и сомнению в нестабильные периоды внутри государства во время войны. Новые войны. Становятся возможны в условиях, когда государственные доходы снижаются из-за упадка экономики, а также распространения преступности, коррупции и неэффективности социально-экономической политики. Политическая легитимность исчезает, когда приватизируется насилие в результате роста организованной преступности и появления военизированных групп. Уровень жизни населения снижается, люди начинают вступать в группы, занимающиеся политикой идентичности. Отсюда и трудности с поиском решения и прекращением этих конфликтов.

Мы понимаем под термином «новые войны» единство войны (организованное насилие в политических целях), преступности (организованное насилие в частных целях) и нарушений прав человека (насилие в отношении гражданских лиц). Традиционный термин «война» рассматривает все формы современного насилия как полностью незаконные и требует полицейской, а не политической / военной реакции.

Хронологического разделения между старыми и новыми войнами не существует, при этом вполне допустимо, что традиционные и новые войны могут вестись даже одновременно [2].

В рамках теории новых войн следует рассмотреть идеи отечественного исследователя, действительного члена Академии военных наук РФ В.Ю. Микрюкова. Как и многие другие ученые, В.Ю. Микрюков констатирует отсутствие однозначного и исчерпывающего определения категории «война» как в теоретических работах, так и в законодательном поле. По мнению профессора, задача усложняется за счет трансформации и усложнения самой войны. При этом современная война сочетает в себе несколько форм антагонистического противоборства между различными акторами:

идеологическую, дипломатическую, экономическую, психологическую, вооруженную, информационную и пр. формы [9]. Состояние войны с юридической точки зрения определяется при этом на уровне высшей государственной власти. Так, в России данная сфера регулируется Федеральным законом «Об обороне»¹.

Вслед за М. Калдор В.Ю. Микрюков утверждает, что новая война ведется внутри государства, и добавляет, что стороны официально не объявляют друг другу войну. Подрывная деятельность ведется изнутри незаметно довольно длительное время. Цель – потеря национальной идентичности. При этом непосредственное силовое воздействие на противника давно уступило экономическим и информационным атакам, способным нанести колоссальный урон противнику. Особо опасными (и потому действенными) в XXI веке являются успешные хакерские атаки. Физическое оружие также отошло на второй план, а главным поражающим фактором в современной войне, по мнению профессора В.Ю. Микрюкова, является идеологическое воздействие на руководящий состав и население государства-противника. Подобные действия разлагают и ослабляют государство изнутри.

Иной взгляд на войну и классификацию вооруженных конфликтов представлен в теории «транснационального вооруженного конфликта», описанной исследователем Амстердамского центра международного права Р. Бартельсом [27]. Исследователь определяет транснациональные вооруженные конфликты как «трансграничные вооруженные конфликты между негосударственной вооруженной группой, с одной стороны, и вооруженными силами государства, с другой» [17]. Многие теоретики современной войны выделяют участие негосударственных групп как одну из характерных черт такого рода войн (М. Калдор, Р. Бартельс, Т. Хаммес [21]).

Р. Бартельс также отмечает, что вооруженные конфликты в серой зоне бросают вызов применению международного гуманитарного права, поскольку транснациональные конфликты не вписываются ни в одну из двух категорий, предложенных международным гуманитарным правом: международные вооруженные конфликты или немеждународные вооруженные конфликты [28].

На основании выделенной проблемы возникает закономерный вопрос (сформулированный британским юристом Элизабет Уилмшерст): связаны ли проблемы идентификации конфликтов и применимого права с классификацией конфликтов или они связаны с пробелами в законодательстве? [29] По мнению Р. Бартельса, проблема заключается в классификации конфликтов, а не в пробелах в законодательстве [30]. Он предлагает квалифицировать вооруженные конфликты либо как международные вооруженные конфликты, либо как немеждународные вооруженные конфликты. Ученый уверен, что большинство транснациональных вооруженных конфликтов были бы классифицированы как международные конфликты [31]. Бартельс предлагает не менять международное гуманитарное право, а иначе интерпретировать параметры нетрадиционных войн, чтобы они подпадали под уже имеющуюся классификацию вооруженных конфликтов. При этом ключевой характеристикой новых войн является их интернационализированный характер в условиях вовлечения в них множества акторов.

В современных условиях также большой исследовательский интерес вызывает проблема асимметричной войны. Понятие асимметричной войны обозначает вооруженный конфликт между сторонами, имеющими большие различия в средствах ведения войны. Асимметрия проявляется не в том, что конфликт происходит между более сильной и более слабой сторонами, а в том, что противники обладают или пользуются различными средствами ведения войны [32].

Исследователь политики и международных отношений из Ноттингемского университета Р. Торнтон объясняет, что большая армия, сражающаяся на поле боя против гораздо меньшей и более слабой, все еще представляет собой симметричные отношения, потому что обе стороны имеют одно и то же качество или природу [20].

Асимметричная война – это разница в возможностях, чтобы ее преодолеть, более слабая сторона асимметричного вооруженного конфликта разрабатывает творческие тактики и методы, пытаясь использовать новизну и неожиданность в своих интересах (что нередко нарушает правила войны). Это объясняет нетрадиционное тактическое мышление. По Торнтону, «симметричный» противник почти всегда воспринимает необычную тактику самой слабой стороны как несправедливую и противоречащую законам войны [20].

Асимметричные стратегии не новы, они были известны китайскому военному стратегу Сунь-цзы еще в IV в. до н.э. [33] и итальянскому политическому писателю Н. Макиавелли в 1513 г. [34]. По Р. Торнтону, «асимметричная война так же стара, как сама война, и так же свежа, как последний

¹ Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «Об обороне» [Электронный ресурс] // Законодательство Российской Федерации. Сборник основных федеральных законов РФ. – URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-oborone-61-fz/raz-1.php> (дата обращения: 20.06.2021).

террористический акт» [20]. Ученый указывает, что самая сильная сторона (даже регулярная военная армия державы) также может использовать асимметричные методы, такие как атомные бомбардировки США в Японии. Торнтон считает, что могущественные государства обязаны подчиняться правилам войны, которые они сами создали, и это приводит к неудобствам в борьбе с асимметричным противником [20].

С теорией асимметричной войны имеет сходство теория нерегулярной войны, охватывающая различные подтипы конфликтов, в то время как теория асимметричной войны фокусируется на неравенстве средств и методов. Исследователь кафедры оборонных исследований в Королевском колледже Лондона Д. Джордан выделяет пять основных типов нерегулярных военных действий, различающихся по целям: государственный переворот, терроризм, революция, мятеж и гражданская война [35]. При этом гражданская война имеет разнообразные причины и масштабы и находится на границе обычной и нерегулярной войны. Цель гражданской войны – борьба внутри территории между группировками за контроль, признание и легитимность управления государством [18]. А отличительным признаком гражданских войн, по Д. Джордану, является географический характер [35]. Также за последние десятилетия актуальной становится гибридная война, которая соединяет в себе методы как традиционных, так и новых войн. Примером тому может служить израильская кампания 2006 года против «Хезболлы» [35].

Д. Джордан предупреждает, что, хотя некоторые нерегулярные тактики, такие как террористические акты, не являются новыми, нет достаточных доказательств того, что нерегулярная война была давно установлена [36]. Ученый уверен, что как бы ни была сложна нерегулярная война, это не означает, что природа войны претерпела изменения. Джордан признает, что идеи Карла Клаузевица все еще актуальны [35]. В сравнении с теорией новых войн М. Калдор, концепция нерегулярных войн Д. Джордана кажется более широкой, поскольку пытается вместить несколько видов конфликтов в одно понятие, в то время как теория новых войн концептуализирует одно единственное, но гибкое – вооруженный конфликт, который может быть применим к целому ряду ситуаций.

Научный сотрудник Национального университета обороны США (Северная Вирджиния) Т. Хаммес имеет более прагматический подход к эволюции войны. Военный эксперт считает, что после нападения террористов 2001 года на американскую землю можно было бы определить новый тип войны, который он назвал войной четвертого поколения [37]. По его словам, на протяжении всей истории мы пережили четыре различных (идентифицируемых) поколения современной войны, которые можно примерно описать следующим образом:

Первое поколение. Причина возникновения – не только наличие изменений в военной тактике и оружии, таких как изобретение пороха, но также – и, возможно, в основном – из-за изменений, произошедших в обществе, политике и экономике, представленных переходом в Европе от феодальной системы к системе национальных государств, управляемых монархами. Эти изменения включали в себя значительное увеличение численности армии, ставшее возможным благодаря трансформациям в политической системе, в богатеющей экономике и социальных структурах, которые позволили монарху выделить в армию гораздо больше людей. Так, пик военных действий первого поколения пришелся на Наполеоновские войны (начало XIX века).

Второе поколение. Причина возникновения – изменения в вооружении и рост доходов от налогов (что объясняется не только увеличением самого налогообложения, но и увеличением богатства, которое подлежало налогообложению). Первая мировая война была примером этого поколения современной войны.

Третье поколение. Причина возникновения – создание блицкрига («молниеносной войны») – тактики, которая сделала завоевание территорий очень эффективным. При этом немецкая армия была сильна, так как немецкий народ поддерживал свою армию в межвоенный период и во время Второй мировой войны. Примером здесь служит Вторая мировая война.

Блицкриг развился из необходимости найти пути через «все более сложную систему траншей союзников», показанную в Первой мировой войне [21]. Новая немецкая тактика подчеркивала гибкость и разведывательную тягу, не ориентируясь на сроки и жесткую занятость. Военачальники больше не оставались в тылу и не подталкивали войска вперед на заранее определенном фронте. Вместо этого руководители должны были идти впереди, сразу за своими ведущими элементами, чтобы вести свои подразделения в промежутки, создаваемые этими ведущими элементами.

Четвертое поколение. После Второй мировой войны началась эволюция войны в войну четвертого поколения, или 4GW. Имея в качестве своего идеалистического источника Народную войну Мао Цзэдуна, «война четвертого поколения использует все доступные сети – политические, экономические, социальные и военные – чтобы убедить лиц, принимающих политические решения противника, в том, что их стратегические цели либо недостижимы, либо слишком дороги для предпо-

лагаемой выгоды. Это эволюционировавшая форма мятежа» [37]. Война четвертого поколения развивалась так же, как и все предыдущие поколения: от необходимости находить практические решения проблем, стоящих на полях сражений. Она также развивалась в соответствии с контекстом, создаваемым обществом и политикой.

Война четвертого поколения использует социальные сети для продолжения своей борьбы, при этом она не пытается победить, разгромив вооруженные силы противника. Вместо этого, через сети, она непосредственно атакует умы вражеских лиц, принимающих решения, чтобы уничтожить политическую волю противника. Войны четвертого поколения длятся долго – измеряются десятилетиями, а не месяцами или годами.

В ходе перехода к войнам четвертого поколения «война... сместилась с индустриального века, когда была сосредоточена на уничтожении вооруженных сил противника, на информационный век, сосредоточившись на изменении сознания тех, кто принимает политические решения» [37]. Это замечание схоже с анализом М. Калдор о том, что глобализация сыграла решающую роль в изменениях, воспринимаемых в войне [19]. Еще одним сходным моментом между этими двумя теориями войны является длительный характер современной войны либо из-за ее метода (сопротивление/мятеж), либо потому, что она сама по себе является предприятием.

Относительно иррегулярных войн Д. Джордан отмечает: «иррегулярная война, как она понимается в современном контексте, начинается с конца ограниченной войны на Западе в восемнадцатом веке» [35]. При этом важно не смешивать определение современной войны с ситуациями исключительно антитеррористического характера [12].

Международный терроризм привлек внимание к вопросу асимметричной войны, события 11 сентября 2001 года являются новыми и требуют осмысления [20]. Однако М. Калдор выковала свою теорию «новой войны» еще до этих событий, основываясь на другом виде войны – вооруженных конфликтах, имевших место на Балканах в 1990-е годы [38].

Четыре теории (или группы теорий), рассмотренные в данном исследовании, вскрывают ключевые проблемы в области применения современного международного гуманитарного права, связанные с нетрадиционными войнами. *Первая проблема* связана с трудностями классификации современной нетрадиционной войны в рамках только двух вариантов международного гуманитарного права (международные вооруженные конфликты или немеждународные вооруженные конфликты). Здесь встает вопрос о том, как международное гуманитарное право может применяться в конкретном конфликте. Эта проблема освещается Р. Бартельсом в его теории транснациональных вооруженных конфликтов, в которой он указывает на трансграничную характеристику современных войн [27]. Классификация вооруженных конфликтов по параметрам международного гуманитарного права неадекватна этому типу войн, поскольку нетрадиционные войны выходят за границы одного государства.

Второй проблемой нетрадиционных войн является наличие вооруженных негосударственных субъектов, которые остаются в правовом вакууме. Они не защищены международным гуманитарным правом как гражданские лица, поскольку не являются регулярными силами и не могут быть признаны комбатантами. Эта проблема поставлена в центр внимания как в теории М. Калдор, так и в теории Р. Бартельса.

Наконец, *третья* самая большая правовая проблема, с которой сталкиваются в контексте нетрадиционных современных войн – это использование запрещенных методов, которые препятствуют соблюдению норм международного гуманитарного права. Выбор, сделанный нерегулярными группами боевиков в пользу незаконных методов ведения войны, таких как нападения на гражданских лиц и использование запрещенного оружия, подчеркивается во всех рассмотренных в данном исследовании теориях.

Литература

1. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 831 с.
2. Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации – от приматов до роботов. М.: Кучково Поле, 2016. 589 с.
3. Кокошин А. А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 225 с.
4. Гефнер О. В. Феномен войны в осмыслении античной философии [Электронный ресурс] // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 2 (13), апрель – июнь. – URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/2/00570.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
5. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, 2003. 398 с.
6. Клаузевиц К. О войне. М.: Изд. корпорация «Логос», 1997. 446 с.
7. Клаузевиц К. Учение о войне: Оsn. положения. М.: Журн. «Воен. вестн.», 1923. 70 с.

8. Оппенгейм Л.Ф.Л. Международное право. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948.
9. Микрюков В. Ю. Война: наука и искусство. Кн. 1. Война: монография. М.: Русайн, 2016. 143 с.
10. Буренок В. М. Будущие войны // Вооружение и экономика. 2013. № 2 (23). С. 37–43.
11. Бельков О. А. Понятие «война» и его абберации в отечественном дискурсе // Власть. 2009. № 9. С. 4–8.
12. Поликарпов В. С., Поликарпова Е. В. Война будущего о противостояния: от ракеты «Сармат» до виртуального противостояния. М.: Алгоритм, 2015. 365 с.
13. Толстых В. В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве // Academy. 2017. № 3 (18). С. 57–63.
14. Макаренко С. И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века: монография. СПб.: Научное издание, 2017. 546 с.
15. Пещеров Г. И. Развитие теории войны в условиях современной глобализации. М.: Информационно-издательское управление МГОУ, 2013. 157 с.
16. Слипченко В. И. Войны нового поколения: дистанционные бесконтактные. М.: ОЛМА-Пресс Образование, 2004. 380 с.
17. Bartels R. When Do Terrorist Organisations Qualify as «Parties to an Armed Conflict» Under International Humanitarian Law? // The Military Law and Law of War Review. 2018. № 56 (2). 451-488.
18. Jordan D. Chronology of World War II. – Amber Books Limited, 2013. 160 p.
19. Kaldor M. New & Old Wars. – Polity, 2006. 231 p.
20. Thornton R. Asymmetric Warfare: Threat and Response in the 21st Century. Polity, 2007. 241 p.
21. Hammes T. X. Deglobalization and International Security. Cambria Press, 2019. 290 p.
22. Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. 144 с.
23. Ricci G. R. Faith, War, and Violence. – Transaction Publishers, 2014. 243 p.
24. Scheper-Hughes N. Violence in War and Peace: An Anthology. – Wiley, 2004. 496 p.
25. Nordstrom C. Shadows of War: Violence, Power, and International Profiteering in the Twenty-First Century. – University of California Press, 2004. 293 p.
26. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 412 с.
27. Bartels R., Boogaard J. C. van den, Ducheine P.A.L., Pouw E., Voetelink J. Military Operations and the Notion of Control Under International Law. – T.M.C. Asser Press, 2021. – 459 p.
28. Bartels R. Dealing with the Principle of Proportionality in Armed Conflict in Retrospect: The Application of the Principle in International Criminal Trials // Israel Law Review. 2013. № 46 (2). Pp. 271-315.
29. Wilmschurst E. International Law and the Classification of Conflicts. – OUP Oxford, 2012. – 568 p.
30. Bartels R. Discrepancies between international humanitarian law on the battlefield and in the courtroom: the challenges of applying international humanitarian law during international criminal trials / In B. Toebes, M. Brus, & M. Matthee (Eds.), Armed conflict and international law: in search of the human face: Liber amicorum in memory of Avril McDonald. – The Hague: Asser Press, 2013. – Pp. 339-378.
31. Bartels R. From jus in bello to jus post bellum: when do non-international armed conflicts end? / In C. Stahn, J. S. Easterday, & J. Iverson (Eds.), Jus post bellum: mapping the normative foundations. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – Pp. 297-314.
32. Skerker M. The Moral Status of Combatants: A New Theory of Just War. – Routledge, 2020. 210 p.
33. Сунь-Цзы. Искусство войны: вся война основана на лжи. М.: Э, 2015. 157 с.
34. Макиавелли Н. О военном искусстве. М.: Олма, 2019. 454 с.
35. Jordan D., Kiras J. D., Lonsdale D.J., Speller I., Tuck C., Walton C.D. Understanding Modern Warfare. – Cambridge University Press, 2016. 490 p.
36. Jordan D. History of the French Foreign Legion. – Amber Books Limited, 2019. – 192 p.
37. Hammes T. X. The Sling and the Stone: On War in the 21st Century. – Voyageur Press, 2006. – 321 p.
38. Kaldor M. Global Civil Society: An Answer to War. – John Wiley & Sons, 2013. – 200 p.

References

1. Popov I. M., Khamzatov M. M. *The war of the future: conceptual foundations and practical conclusions: essays on strategic thought*. Moscow: Kuchkovo field; 2016. 831 p. (In Russ.)
2. Morris I. *War! What's it for? Conflict and the progress of civilization - from primates to robots*. Moscow: Kuchkovo Pole; 2016. 589 p. (In Russ.)
3. Kokoshin A. A. *Issues of the applied theory of war*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2018. 225 p. (In Russ.)
4. Gefner O. V. *The phenomenon of war in the understanding of ancient philosophy. Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU = Electronic scientific and methodological journal of Omsk GAU*. 2018;2(13). April - June. Available from: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/2/00570.pdf> [Accessed 20 June].

5. Kant I. *To eternal peace. Treatises on eternal peace*. St. Petersburg: Aleteia; 2003. 398 p. (In Russ.)
6. Clausewitz K. *On the war*. Moscow: Ed. Logos Corporation; 1997. 446 p. (In Russ.)
7. Clausewitz K. *The doctrine of war: Osn. provisions*. Moscow: Zhurn. "Vaughan. Westn."; 1923. 70 p. (In Russ.)
8. Oppenheim L.F.L. *International law*. Moscow: Gos. Foreign Office. lit.; 1948. (In Russ.)
9. Mikryukov V. Yu. *War: science and art*. Kn. 1. War: monograph. Moscow: Rusain; 2016. 143 p. (In Russ.)
10. Burenok V. M. Future wars. *Vooruzhenie i ekonomika = Weapons and economics*. 2013;2(23):37–43. (In Russ.)
11. Belkov O. A. The concept of "war" and its aberration in domestic discourse. *Vlast' = The Authority*. 2009;(9):4–8. (In Russ.)
12. Polikarpov V. S., Polikarpova E. V. *The war of the future about the confrontation: from the Sarmat rocket to the virtual confrontation*. Moscow: Algorithm; 2015. 365 p. (In Russ.)
13. Tolstoy V. V. The normative legal fixation of the concept of "war" in Russian and international law. *Academy*. 2017;3(18):57–63. (In Russ.)
14. Makarenko S. I. *Information confrontation and electronic warfare in the setcentric wars of the beginning of the 21st century*. St. Petersburg: Science-intensive technologies; 2017. 546 p. (In Russ.)
15. Cave G. I. *The development of the theory of war in the conditions of modern globalization*. Moscow: Information and Publishing Department of MGOU; 2013. 157 p. (In Russ.)
16. Slipchenko V. I. *New generation wars: remote contactless*. Moscow: OLMA-Press Education; 2004. 380 p. (In Russ.)
17. Bartels R. When Do Terrorist Organisations Qualify as «Parties to an Armed Conflict» Under International Humanitarian Law? *The Military Law and Law of War Review*. 2018;56(2):451–488.
18. Jordan D. *Chronology of World War II*. – Amber Books Limited, 2013. 160 p.
19. Kaldor M. *New & Old Wars*. – Polity, 2006. 231 p.
20. Thornton R. *Asymmetric Warfare: Threat and Response in the 21st Century*. Polity, 2007. 241 p.
21. Hammes T. X. *Deglobalization and International Security*. Cambria Press, 2019. 290 p.
22. Bocharnikov I. V., Lemeshev S. V., Lutken G. V. *Modern concepts of wars and the practice of military construction*. Moscow: Eco-inform, 2013; 144 p. (In Russ.)
23. Ricci G. R. *Faith, War, and Violence*. – Transaction Publishers, 2014. 243 p.
24. Scheper-Hughes N. *Violence in War and Peace: An Anthology*. – Wiley, 2004. 496 p.
25. Nordstrom C. *Shadows of War: Violence, Power, and International Profiteering in the Twenty-First Century*. – University of California Press, 2004. 293 p.
26. Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2016. 412 p.
27. Bartels R., Boogaard J. C. van den, Ducheine P.A.L., Pouw E., Voetelink J. *Military Operations and the Notion of Control Under International Law*. – T.M.C. Asser Press, 2021. 459 p.
28. Bartels R. Dealing with the Principle of Proportionality in Armed Conflict in Retrospect: The Application of the Principle in International Criminal Trials. *Israel Law Review*. 2013;46(2):271–315.
29. Wilmshurst E. *International Law and the Classification of Conflicts*. – OUP Oxford, 2012. 568 p.
30. Bartels R. Discrepancies between international humanitarian law on the battlefield and in the courtroom: the challenges of applying international humanitarian law during international criminal trials / In: B. Toebes, M. Brus, & M. Matthee (Eds.), *Armed conflict and international law: in search of the human face: Liber amicorum in memory of Avril McDonald*. – The Hague: Asser Press; 2013:339–378.
31. Bartels R. *From jus in bello to jus post bellum: when do non-international armed conflicts end?* In: C. Stahn, J. S. Easterday, & J. Iverson (Eds.), *Jus post bellum: mapping the normative foundations*. Oxford: Oxford University Press; 2014:297–314.
32. Skerker M. *The Moral Status of Combatants: A New Theory of Just War*. – Routledge, 2020. 210 p.
33. Sun Tzu. *The art of war: the whole war is based on lies*. Moscow: E; 2015. 157 p. (In Russ.)
34. Machiavelli N. *On military art*. Moscow: Olma; 2019. 454 p. (In Russ.)
35. Jordan D., Kiras J. D., Lonsdale D.J., Speller I., Tuck C., Walton C.D. *Understanding Modern Warfare*. – Cambridge University Press, 2016. 490 p.
36. Jordan D. *History of the French Foreign Legion*. – Amber Books Limited, 2019. – 192 p.
37. Hammes T. X. *The Sling and the Stone: On War in the 21st Century*. – Voyageur Press, 2006. 321 p.
38. Kaldor M. *Global Civil Society: An Answer to War*. – John Wiley & Sons, 2013. 200 p.

Информация об авторе

А. А. Ковалев – канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления.

Information about the author

A. A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.06.2021; одобрена после рецензирования 17.07.2021; принята к публикации 20.07.2021.

The article was submitted 18.06.2021; approved after reviewing 17.07.2021; accepted for publication 20.07.2021

Научная статья

УДК 316.334.2

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-178-185

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ МИРА В КОНТЕКСТЕ УГРОЗЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XXI СТОЛЕТИИ

Игорь Дмитриевич Коротец¹, Катарина Петровна Пилюгина²

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹idkorotec@sfedu.ru

²kpilyugina@sfedu.ru

Аннотация. В статье исследуется процессуальное развитие общества и делается вывод о том, что произошло изменение в конфигурации структуры населения. Тенденция увеличения трудоспособного населения в качестве развития ресурсов общества сменилась обратной тенденцией – потребностью в сокращении численности населения, выступающего в качестве рабочей силы и локализации задач для каждого трудящегося в отдельности. Данная ситуация воспроизводит потребность в усилении интегративного воздействия всех форм сознания на объединение человечества перед общими задачами: сохранением и восстановлением ресурсов планеты, формированием информационно-экологического типа мышления, сознанием глобальной биосоциальной среды новой формации.

Ключевые слова: проблемы современности, экологическое мышление, социальная экология, целостное осознание, системность, адекватность системной организации, демилитаризация, интегративная организация, социальные тенденции

Для цитирования: Коротец И. Д., Пилюгина К. П. Проблема целостности мира в контексте угрозы существования цивилизации в XXI столетии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 178–185. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-178-185>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE PROBLEM OF THE WORLD INTEGRITY IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATION EXISTENCE THREAT IN THE XXI CENTURY

Igor D. Korotec¹, Katarina P. Pilyugina²

^{1, 2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹idkorotec@sfedu.ru

²kpilyugina@sfedu.ru

Abstract. The article examines the development of society and concludes that there has been a change in the configuration of the population structure. The trend towards an increase in the able-bodied population as the development of society's resources was replaced by an inverse trend – the need to reduce the size of the population serving as a labor force and localize tasks for each worker individually. This situation reproduces the need to enhance the integrative impact of all forms of consciousness on the unification of humanity in front of common tasks: preservation and restoration of the planet's resources, the formation of an information-ecological type of thinking, the consciousness of the global biosocial environment of the new formation.

Keywords: modern problems, ecological thinking, social ecology, holistic awareness, consistency, adequacy of systemic organization, demilitarization, integrative organization, social trends

For citation: Korotec I. D., Pilyugina K. P. The problem of the world integrity in the context of the civilization existence threat in the XXI century. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):178–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-178-185>.

Современный мир с момента появления средств глобального уничтожения нуждается в новой организации, которая может обеспечить универсальную планетарную безопасность. Современные философия и наука постепенно подходят к идее необходимости использования целостных когнитивных ресурсов, достаточных для решения проблем, пронизывающих социальную структуру и выходящих на планетарный уровень: вопрос о необходимости социальной интеграции и внедрения новейших технологий в странах третьего мира остается открытым, ситуативным. В достаточно строгих рациональных форматах, имеющих в настоящее время системную конфигурацию, целост-

ность понимается в качестве главного условия адекватной интерпретации системной организации [1, с. 57-59]. В то же время принцип целостности понимается и используется на уровне осмысления различного рода организационных структур единичного и особенного уровней [2; 3]. Однако социальная практика в случаях, связанных с выживанием человечества, вынуждает использовать, кроме рациональных, средства познания, ресурсы неформатного характера, переосмысляя прошлый опыт человечества: например, «духовные» практики, такие как йога, которые помогают переосмыслить принятые в современной доказательной медицине подходы к пониманию здоровья и здорового образа жизни.

Множественность альтернативных подходов к современному миру в совокупности с бесконтрольным развитием технологий, наращиванием средств массового уничтожения людей и материальных ресурсов сверх потребления привели к возможности осуществления мечты многих политиков – тотальному уничтожению противника посредством применения наукоемких технологий. Отсутствия стратегии сотрудничества на межгосударственном уровне в сфере анализа и прогнозирования в сфере влияния современных технологий на социальную реальность приводит к росту напряженности – непонимание и «страх будущего» [4] лишь усиливают наращивание наступательно-оборонных ресурсов государств. Подобная стратегическая ориентация приемлема в детских и недетских играх или при взаимодействии с воображаемым противником. В военной реальности всегда должна быть готова программа «ответный удар», и гарантия победной безопасности актора, осуществляющего агрессию, в пространстве научно обоснованных технологий уничтожения быть попросту не может. В результате всех этих многообразных манипуляций в современном культурном процессе создалась ситуация «игры», ставкой в которой является наша планета, а победой – тотальная смерть.

В чем же причина этой трагедии? Как получилось, что взаимодействие множества внятно резонирующих лидеров общества, беспокоящихся о его безопасности, подвели планетарную цивилизацию к патовой ситуации наращивания наступательно-оборонных мощностей? Для ответа на эти вопросы мы изменим точку зрения и посмотрим на ситуацию как на процесс развертывания единой планетарной цивилизации.

Важный аспект, который мы рассмотрим, заключается в соответствии бытия и сознания: насколько в носителе сознания должно присутствовать бытие /опыт/, или, наоборот, какова должна быть степень осознанности опыта у человека бытийной сферы. В этом отношении культуры можно разделить на традиционные и инновационные /модерна/. Традиционные культуры в отношении единства опыта и сознания достаточно однозначны: познать можно только то, что есть в опыте; отклонение сознания от истины приводит к смерти социума; бытие и сознание тождественны в границах технологии воспроизводства социальной системы. Данная культура однозначна в отношении нарративной организации, которой владеют все члены социума. Элита имеет доступ к секретной части нарратива, которая позволяет управлять конкретной корпорацией. Разделение труда в этом обществе носит природный, донаучный характер. Социально-организационные аспекты, как правило, имеют сакральную основу.

Традиционное общество может существовать в условиях соответствия всех элементов тождества природы и людей, составляющих целостную систему. Оно может быть разрушено в случае как дефицита социальных ресурсов, так и их некоторого избытка, приводящего к диспропорции системы. Узловым моментом системного характера является владение технологиями. Этот аспект подробнее рассмотрим позже. В отношении традиционного общества можно утверждать, что технологии (как способность реализовывать в единство знания и преобразования природных и социальных ресурсов) были предметом строгой тайны в отношении конкурентов, от которой зависело преимущество в реализации локального социального воспроизводства корпорации.

Так, например, до сих пор сохранилось традиционное разделение труда в виде каст или варн в Индии. Оно представляет собой наследственную форму семейного владения знаниями и воспроизводства технологий. Данная система носит закрытый характер. Она гарантирует единство знаний и преобразовательной деятельности, не наносящей системного ущерба сообществу в своем процессуальном движении. Однако в реальном социальном процессе с необходимостью возникает разделение труда и социальных ролей, которые изменяют целостность принципиальным образом.

Сначала развитие бытия и сознания приобретает героический характер. Отличительной чертой такого отношения лидеров общества к целостности культуры можно считать их непосредственное участие в наиболее сложных и значимых событиях в качестве акторов. Например, Александр Македонский смог стать основным субъектом эллинского сознания своего времени, великим воином, военачальником, создателем нового культурного сверх пространства, архитектором и строителем. В свои тридцать лет ему удалось непосредственно осуществить проектов больше, чем любому другому политику в последующей истории. Очевидно, что соединение мудрости Аристотеля, пассионарности обоих предков и соответствующий исторический фон в своей совокупности, созданной

самим Македонским, позволили ему подняться на такой беспрецедентный уровень управленческой целостности.

Постантичный, а точнее, посттрадиционный мир начинает движение в обратном направлении. Отрицание моносубъектной целостности в процессе ее формирования как общекультурного политического единства осуществляется за счет дифференциации форм разнообразной деятельности. Стремление к целостности, характерной для мудрости древних, сменилось установкой на превращение в объект осознания отдельных элементов единства. Усложнение структуры бытия и капиталистическое разделение труда, основанное на специализации, профессионализация образования, политизация и национальная организация общества в совокупности с фундаментализацией религии породили мировоззрение локальности бытия. Кроме того, локальная картина мира, созданная по типу пазла, воспроизводит противоречие разобщенности элементов, которые не связаны друг с другом по содержанию, а соединяются случайным образом на основе тождественности конфигурации.

В результате, в обществе индустриального и постиндустриального типа удалось создать высокоразвитую, по сравнению с сельскохозяйственным, культуру, в пространстве которой осуществляется производство нового типа. Новационность этого производства заключается в том, что оно использует ресурсы природы на глубинном, а не внешнем, непосредственном уровне. При помощи науки тело природы преобразуется в форму сущности и используется на уровне современных технологий. Эти технологии являются наукоемкими и, практически, не нуждаются в использовании традиционной рабочей силы.

Таким образом, современное сельское хозяйство нуждается в ограниченном количестве работников так же, как и промышленность. Как видим, бытийная целостность в настоящее время меняет свою конфигурацию таким принципиальным образом, какого не было в истории. Причем это изменение носит до сих пор стихийный характер. Если на предыдущей стадии развития разделения труда прогресс осуществлялся за счет перераспределения и увеличения количества работников, то в настоящее время необходимо обеспечить его сокращение, причем, значительное. Эта проблема еще не приобрела планетарных масштабов, но избыток предметов потребления и услуг, а также перегруженность мирового рынка позволяет предполагать актуализацию этого аспекта целостности.

Мировая культура строилась на протяжении всей истории в качестве взаимодействия локальностей, наиболее продуктивные из которых стремились стать доминирующими. Можно утверждать, что до определенного уровня взаимодействия оно носило такой характер, который не затрагивал всей целостности. Возникновение макросоциальностей в виде империй влияло на общую конфигурацию социального пространства. В то же время ресурсы общества были ограничены естественно-природными возможностями, которые влияли на мировую культуру локальным образом. В реальном мире происходила определенная пульсация: культуры возникали и угасали. В современной истории накопилось множество свидетельств ухода людей из мест традиционного обитания по неизвестным для потомков причинам.

Расцвет и угасание конкретных способов воспроизводства социальных целостностей связан с различными обстоятельствами [5]. К ним можно отнести наличие господствующих технологий, почвы и воды определенного качества, природную среду, используемую в качестве экономическо-социального ресурса и жизненного пространства, различные формы конкуренции жителей разных структур и т. д. Например, современный мир находится под мощным воздействием США, страны, получившей развитие всего несколько столетий назад. Эта культура конкурирует с Китаем, который осуществляет взрывное развитие в последние десятилетия. К этим лидерам культурного взаимодействия примыкает РФ, которая не справилась с содержанием социальных противоречий, получивших развитие в советское время, и потеряла значительную часть потенциала, участвующего во взаимодействии культур.

Остановимся более подробно на общекультурном положении современной России, поскольку наша страна нуждается в продуктивной ориентации, которая еще не сформулирована. В прошлом веке СССР создал нагромождение противоречий, которые не разрешены в значительной мере до сих пор. Наша позиция изложена в ряде работ. Ее суть заключается в том, что строительство новых отношений, названных социализмом, осуществлялось на основе технологий промышленного общества при оригинальном способе организации рабочей силы.

Промышленные технологии в послереволюционной России начала прошлого века частично были созданы в нашей стране в результате развития капитализма, а в значительной мере заимствовались в странах капиталистического окружения. Стоит отметить, что уровень импорта технологий был достаточно высок, что позволило одержать победу над фашизмом и осуществить выход в космос. В то же время промышленно-индустриальные технологии нуждаются в перманентном единстве с научными ресурсами. С тридцатых годов прошлого века промышленное производство

в капиталистических странах эволюционировало в непрерывный процесс единства с научными исследованиями.

Нельзя сказать, что в СССР эти аспекты экономического воспроизводства не воспроизводились. Однако подлинного тождества науки и технологий руководству страны обеспечить так и не удалось. Попытки искусственного внедрения более развитых элементов технологий в единый технологический процесс приводили, зачастую, к непроизводительным результатам и откровенному вредительству.

В отношении организации населения страны для воспроизводства промышленных и иных экономических технологий была использована специфическая система, которая была основана на экономии на оплате труда. Как известно из теоретической политэкономии, рабочая сила в промышленной системе воспроизводства выступает в качестве товара. Товарность рабочей силы означает, что человек в этой системе отношения выступает в качестве носителя стоимости. Он в процессе трудовой деятельности обменивает товар, произведенный им, на условия собственного воспроизводства на уровне конкретного разделения труда. В процессе оплаты труда наемного работника происходит объединение двух совершенно различных субстанций: 1) результатов деятельности наемного работника и 2) его потребности в продуктах воспроизводства, создания себя и членов своей семьи, в качестве субъекта определенных социокультурных отношений.

В условиях общества, в котором господствуют соразмерные формы труда и культурного воспроизводства, противоречие труда и капитала достаточно сглажено [6]. Оно воспринимается как естественное. На бессознательном уровне наемный работник вынужден мириться с тем, что у него нет ресурсов для собственного обеспечения продуктами потребления. В случае обострения противоречия труда и капитала, как, например, в современной России, низкий уровень жизни основной массы населения воспринимается наемной рабочей силой и малообеспеченным населением как явная социальная несправедливость. Причем эта несправедливость доходит до физиологического уровня в тех случаях, когда работающие и пенсионеры, а также иные малоимущие живут за чертой бедности.

В советской России сложилась трудная, можно сказать трагическая для многих ситуация – государство признало, что оплата труда может быть ниже, чем минимальные потребности человека: социальный запрос на изменение формата всей системы был воспроизведен. Данная пропорция в России и других странах с подобной ситуацией в различных формах существует до сих пор. Она казалась естественной для страны, разрушенной мировой и гражданской войной, во всяком случае, для представителей управления. Ситуация экономии на оплате труда сохранилась и до самого последнего времени, что вызывает недоумение у сторонников этой стратегии, считающих подобную ситуацию допустимой – очевидна потребность в изменении формата мышления работодателей.

Теоретическая несостоятельность подобной концептуальности предельно понятна при правильном подходе к человеку. Стоит только допустить фрагментацию людей в культурном пространстве, как появится множество системных локальностей, допускающих дифференциацию людей в отношении их потребностей в различных сферах. Например, в отношении регулярных доходов, по привычке в России называемых заработной платой, осуществлена дифференциация наемных работников «по вертикали». Нижняя часть вертикали представляет собой оплату труда традиционного типа, представляя собой кальку социалистических отношений. Нижняя часть пирамиды выражает минимальную потребность работников. Эта ее граница совпадает с бессмысленностью трудовой деятельности по причине низкой оплаты и прямым образом связана с квалификацией сотрудников.

Минимальная основа увеличивается, отражая производственную структуру. В этом увеличении оплаты существует диспропорция – руководитель корпорации имеет доход в несколько раз выше, чем доход «массовой» элиты. Вершина пирамиды, как правило, окутана туманом, скрывающим действительное положение дел в сфере элиты – капиталистические отношения предполагают всевозможные варианты организации корпоративного труда, где основатель непосредственным образом определяет корпоративную политику оплаты труда на свое усмотрение. Большая часть квалифицированных исполнителей технологий оказываются в достаточно нейтральной доходной зоне. Основная часть доходов концентрируется в зоне, приближенной к вершине пирамиды, в пространстве которой осуществляется основная финансовая деятельность корпорации.

В то же время существует другая пирамида, никак не связанная с первой, в пространстве которой действуют финансы, обеспечивающие потребление высшей элиты [7]. Ее можно разделить на элиту реального, производительного характера, и нормативную элиту. Доходы реальной элиты складываются из прибавочной стоимости и различных бюджетных поступлений. Прибавочная стоимость контролируется бюрократическими структурами, и в нормативном законодательстве множество неопределенностей. Несовершенство статей, связанных с равномерностью распределения доходов, создают возможность для олигархического обогащения определенной части элиты. Ее представители из нормативного блока обеспечивают наличие условий для присвоения значительной части

прибавочного капитала, создающегося в реальном секторе. Количество долларовых миллиардеров в России неуклонно растет, несмотря на множество препятствий внутреннего и внешнего характера: потребность в переосмыслении вопроса труда и его оплаты на наш взгляд является первостепенной для социальной среды страны в ближайшее десятилетие.

Приведенный выше сценарий отношений для населения России в сфере организации и финансов может продолжаться до тех пор, пока нормативная система будет обслуживать интересы элиты, а основная масса населения будет соглашаться с существующим положением. В последнее время можно отмечать оживление отношения общества к распределению ресурсов внутри страны. Оппозиция поднимает целый ряд вопросов, связанных с распределением ресурсов. На пропорции финансовых процессов в мире и в России, как известно, влияет позиция США и международное сообщество развитых капиталистических стран. Чего они добиваются, понять трудно, поскольку никакой внятной стратегии предъявить ни оппозиции, ни Западу не удастся.

Судя по целенаправленным действиям Запада по уничтожению СССР и непрекращающейся борьбой с Россией в текущем времени, можно заключить, что политическая ориентация этой части мира не выходит за границы стремления подчинить «других» своим стереотипам организации. Если учесть, что весь мир, основанный на денежных отношениях, находится в глубоком кризисе, то желание лидеров этой культуры увлечь всех за собой в небытие, может считаться явно неоправданным. Стремление многих современных политиков свести несогласие к военной конфронтации настолько опасно, что его можно считать просто недопустимым. Ведь обилие локальных войн и акты терроризма, которые происходят в современном мире, рано или поздно уничтожат ограничения сдерживания полномасштабной войны.

В то же время, пока лидеры битвы за господство над миром участвовали в непрекращающемся соперничестве в военно-политической сфере, они не заметили, как изменилась планета! Написание этой статьи было вызвано сообщением о том, что человечество, наконец, смогло получить изображение дна Мариинской впадины. Кажется, в реальном времени. Но! Цивилизация проникла на это дно ранее: на нем мы увидели пластиковый мусор и фантики от конфет. В чем причина плачевного состояния современной цивилизации? Наша позиция заключается в том, что произошло рассогласование технотронных ресурсов и способов осмысления и форматирования общественных процессов. В сфере практической деятельности общество вышло на такой уровень, который превратился в средство принципиального изменения естественной среды. Экономическое, военное, бытовое и научное воздействие активности людей захватывает естественную среду и модифицирует ее, как правило, негативным образом. Причем совсем недавно стало понятно, что в это естественное разрушение целостности вовлекается именно склонный к сверх потреблению человек. Самые различные процессы модификации людей приводят к изменению их телесного и культурного образа. Например, среди молодежи выявляется много больных, высока степень склонности к суициду, увеличивается степень девиантности и т. д. Позвольте сделать вывод: современное общество делает все, чтобы Планета Земля стала непригодной для жизни в ближайшем будущем. Об этом говорят тысячи и тысячи фактов во всех (без исключений) сферах нашей жизни, начиная с состояния дна самой глубокой ямы океана!

Современный мир нуждается в принципиально новом мировоззрении, которое обеспечит воспроизводство планетарного сообщества на основе информационных технологий и корректного отношения к окружающей среде – биологической и социальной, а также новым формам, таким как цифровые среды.

В современных условиях изменилось соответствие процесса потребности в сырье и природной целостности. Так, преобладание использования леса над его воспроизводством создает массу проблем климатического, атмосферного характера. Основным стереотипом в природной сфере до сих пор является убеждение в неисчерпаемости ее ресурсов. Все богатства природы, до которых могут «дотянуться наши умелые руки», должны, якобы, превратиться в сырье для экономики, пройти социализацию и принести пользу. Отдельные подходы экологического плана к природному процессу носят локальный характер. Они в целом политизированы, поскольку упираются в искусственные границы, которые никакого отношения к естественному процессу воспроизводства не имеют.

Практически современное потребление природы приобрело целостный характер, учитывая начавшуюся глобализацию, а превращение природы в воспроизводимую планетарную целостность после ее использования, носит случайный и стихийный характер с низким КПД [8]. Следует особо отметить факт, что современные потребители природы уверены в том, что нормативное ее использование достаточно оправдано. В то же время при невосполнении природы как целостности, наше общество незаконно присваивает себе ее часть, принадлежащую будущим поколениям. Другими словами, мы получаем природу в «аренду», а уверены, что это наша собственность. Если вдуматься,

то абсолютно не понятно, на каком основании отдельные члены общества или их корпорации, например, парламенты или правительства, могут распоряжаться планетой как своей собственностью? Подобное представление формировалось при наивном убеждении людей, что они выживают в среде, которая враждебна им и бесконечна в этом противостоянии. На самом деле в индустриальном и информационном обществе уже возникли паритетные отношения, и природа превращается не только в партнера, но и в условие существования человечества.

Кроме того, расширение производства и мода на эстетизацию продуктов потребления, включая упаковку товаров, привели, по сути дела, к развитию части процесса потребления продуктов, нуждающихся в утилизации [9]. В то же время процесс потребления, целью которого является уничтожение материального субстрата, продолжает оставаться в сознании потребителей малозначимым и вторичным. Мы относимся к нему как к необходимости «-надцатого» сорта и пытаемся проецировать эту часть нашего потребления на внешние источники. Проблемы утилизации усиливаются скачкообразным увеличением химических и радиоактивных продуктов, которые активны в отношении природы и человека. Они требуют технологического внимания к процессу их изъятия из социально-природной среды. Практически возникает вторичная среда преобразовательной деятельности, которая нуждается в производственном воздействии, результатом которого будет либо ничто, уничтожение, либо новый субстрат, вовлекаемый в процесс дальнейшего производства. Безотходное производство, конечно, привлекательно. Но оно требует определенного мировоззрения и дополнительных затрат [10].

Ко второму заблуждению глобального масштаба следует отнести убеждение, что не только природа является чудовищем, к которому нужно относиться как к неисчерпаемому источнику ресурсов, но и население планеты. Если посмотреть на земной шар как на вместилище почти восьми миллиардов людей, то увидим около двухсот формально независимых корпораций – государств, которые находятся в отношениях, определяемых военной, экономической и набором других факторов, силой. Несмотря на культуру и гуманность политической риторики, в современном пространстве происходит одновременно несколько войн. Зачастую мы возмущаемся тем, что в какой-либо исторической популяции обнаружены следы человеческих жертвоприношений. Однако в результате военных, хоть и локальных действий, ежегодно уничтожается около миллиона людей.

Что собой представляет ситуация, связанная с современной войной? В первую очередь, кроме физического уничтожения людей, это отвлечение из воспроизводства общественных процессов передовой науки вместе с наиболее продуктивными учеными. Что осложняет связь между научными структурами, которые, по идее, должны носить единый, целостный характер – это обстановка секретности. Научные исследования, скрытые государственной тайной, выходят за границы общественного контроля и практически превращаются в ресурсы политического произвола. Поскольку деятельность институтов власти в настоящее время нельзя считать тождественной интересам общества, ситуацию, сложившуюся стихийным образом, признать удовлетворительной не представляется возможным.

Результаты научных исследований в военной сфере превращаются в средства уничтожения общества как такового, что нельзя считать допустимым, поскольку предела разворачиванию средств уничтожения практически нет. У земной военной техники есть возможность перехода к принципиально новым законам физики в реализации технотронных целей. В то же время средств ограничения подобных инноваций практически нет. В последнее время прозвучала новая категория «военно-космическая» сфера. Разворачивание этого вида гонки вооружения угрожает превращению планеты в военную базу. Такой формат процесса может привести к социальной системе, в которой все отношения будут подчинены борьбе с «нежелательным космическим воздействием». Все процессы на планете будут использованы в качестве ресурсов борьбы с «агрессором», человеческие качества, такие как гуманность, будут поставлены на службу этой борьбы. Другими словами, научно-технологическое развитие отдаляет людей от природы и друг от друга, а также создает проблемы, которых не было в истории.

Таким образом, можно выделить два основных противоречия, которые связаны с современным содержанием развития планетарной цивилизации: нарушение пропорций воспроизводства природы, включая человека и животных, и угроза уничтожения планеты или ее части в результате хозяйственного или/и военного воздействия. Об этих проблемах говорится очень много, однако темпы урбанизации и видоизменение природных ландшафтов, вторжение технологий и связанных с ними катастроф (Авария на АЭС Фукусима-1 в 2011, авария на нефтяной платформе Shell в 2016 и т.д.) остаются неизменными. Для изменения ситуации в настоящее время предлагается ряд мер, например, контроль над климатом, внедрение безотходных технологий, использование материалов с заданными свойствами, различные виды разоружения и т.д. В то же время практика показывает,

что количественные изменения в той или иной сфере могут быть продуктивными, например, замена природных продуктов на товары химического производства (евроремонт) может изменять формат глобального процесса, но не может изменять ситуацию в целом. В итоге самые разнообразные инновации, способствующие принципиальному изменению конфигурации мирового воспроизводства (цифровизация), базовые противоречия информационной эпохи разрешить не в состоянии. Появляются новые проблемы, а система организации общества их удерживает в состоянии неразрешимости.

В настоящее время происходят процессы, обостряющие конфронтацию в пространстве отношений множества политических игроков. Особо усложнились отношения РФ и США. США всеми силами добиваются мировой гегемонии, а РФ осуществляет установку на самостоятельную позицию в мировом пространстве. При некоторой исторической и содержательной оправданности этих политических стратегий они не позволяют даже подойти к возможности разрешения указанных выше противоречий. Еще раз напомним, что сущностью их нейтрализации может быть отождествление противоположностей в процессе совместной добровольной деятельности человечества.

В пространстве реального времени подобная позиция производит впечатление глубокой утраты. Чем в случае глобальной катастрофы придется заменять организацию, и кому необходимо будет создавать новую структуру общества?

Таким образом, наш основной тезис: потребности нашей планеты первостепенны! Переосмысление руководителями стран самого способа мышления, самой конфигурации политических отношений без «образа врага», демилитаризация, переориентация аппаратов управления в сторону консолидации, изменение главами корпораций способов сотрудничества с работниками, международное научное сотрудничество, поддержка проектов по экологичному производству, введение обязательных образовательных программ по осознанному потреблению и утилизации ресурсов – вот шаги, способные изменить ситуацию.

Остается надеяться, что современное сознание окажется в состоянии ответить на вызовы реальности, обеспечить планету безопасными условиями проживания, нейтрализовать военную угрозу и обеспечить разрешение конфликтных противоречий. Многие аспекты данного пространства проблем связаны с невозможностью их рассмотрения в контексте целостности, особенно военно-политической. Несмотря на развертывание глобальных процессов, попытки США и других западных стран навязать планетарному сообществу свой формат развития событий, не позволяют преодолеть локальные стереотипы сознания. Для интеграции различных процессов, которые сложились в мире к XXI веку, необходим новый (иной) способ объединения локальностей в целостность, который позволил бы изменить подход к организации мирового сообщества без насилия в формате позитивности.

Подход к России как к Империи зла, который господствует в политическом сознании сторонников моноцентрического мира, можно считать недопустимым в современных условиях. Это связано с ограниченностью сценария разрешения данного противоречия в пространстве ресурсов наличного политического и гражданского сознания. В пространстве политического сознания желание разрубить гордиев узел, запутанный современной историей, доводит до безумия использования ядерной войны. Рациональность, оторванная от реальности, позволяет военным «профессорам» рассуждать о свойствах ПРО, количестве ракет, достоинствах систем наведения и т. д. и т. п. Население же будет брошено на произвол судьбы и обречено на гибель. Можно сделать вывод, что мы попали здесь и сейчас в переломный для цивилизации момент, который из метафизической стадии перерос в стадию бифуркации. Появилась реальная потребность в принципиальных преобразованиях как ментального, так и бытийного плана. Скорее всего, для разрешения проблем перехода цивилизации от агрессивно-конкурентного уровня к содружеству понадобится небывалая интеграция и преобразование конфигурации всех ресурсов. Осуществится ли все это в реальности? Слово за новыми мировыми лидерами.

Список источников

1. Ключников С. А. Рассмотрение организационной целостности с позиций системного подхода // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 5 (127). С. 57–64.
2. Теория организации и организационное поведение: учебник для магистров / под ред. Г. Р. Латфуллина, О. Н. Громовой, А. В. Райченко. М.: Издательство Юрайт, 2014. 471 с.
3. Дафт Р., Мерфи Дж., Уилмотт Х. Организационная теория и дизайн. СПб.: Питер, 2013. 640 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
5. Кожевников С. А., Копытова Е. Д. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения: монография / под ред. В.А. Ильина, Т.В. Усковой; ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 208 с.

6. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.
7. Гуриев С. Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 7-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 260 с.
8. Бурков В. Н., Новиков Д. А., Щепкин А. В. Механизмы управления эколого-экономическими системами. М.: Издательство физико-математической литературы, 2008. 244 с.
9. Бузгалин А., Колганов А. Человек, рынок и капитал в экономике // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 125–141.
10. Кальнер В. Д. «Зомби-экономика» и биоразнообразие планеты // Экология и промышленность России. 2021. Т. 25. № 1. С. 60–64.

References

1. Klyuchnikov S. A. Consideration of organizational integrity from a systemic approach. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University . 2015;5(127):57–64. (In Russ.)
2. Latfullin G. R., Gromova O. N., Raichenko A. V. (eds.). *Organization theory and organizational behavior: textbook for masters*. Moscow: Publishing House Yurait; 2014. 471 p. (In Russ.)
3. Daft R., Murphy J., Wilmott H. *Organizational Theory and Design*. St. Petersburg: Peter; 2013. 640 p. (In Russ.)
4. Toffler E. *The shock of the future*. Moscow: ACT Publishing House LLC; 2002. 557 p. (In Russ.)
5. Kozhevnikov S. A., Kopytova E. D. *Efficiency of public administration: problems and methods of improvement*. V.A. Ilyina, T.V. Uskova (eds.). Vologda; 2018. 208 p. (In Russ.)
6. Ajemoglu D., Robinson J. A. *Why are some countries rich and others poor. The origin of power, prosperity and poverty*. Moscow: AST; 2016. 693 p. (In Russ.)
7. Guriev S. *Myths of economics. Misconceptions and stereotypes that spread media and policies*. 7th ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2020. 260 p. (In Russ.)
8. Burkov V. N., Novikov D. A., Shchepkin A. V. *Mechanisms for managing environmental-economic systems*. Moscow: Publishing House of Physical and Mathematical Literature; 2008. 244 p. (In Russ.)
9. Buzgalin A., Kolganov A. Man, market and capital in economics. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2006;(4):125–141. (In Russ.)
10. Kalner V. D. "Zombie Economics" and the biodiversity of the planet. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii = Ecology and Industry of Russia*. 2021;25(1):60–64. (In Russ.)

Информация об авторах

И. Д. Коротец – докт. филос. наук, профессор;
К. П. Пилюгина – магистрант.

Information about the authors

I. D. Korotec – Doctor of Philosophy, Professor of Department of Theoretical and Applied Political Science;
K. P. Pilyugina – Master of Department of Philosophy and Methodology of Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; одобрена после рецензирования 20.05.2021; принята к публикации 05.07.2021.

The article was submitted 21.04.2021; approved after reviewing 20.05.2021; accepted for publication 05.07.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-186-190

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анна Александровна Крицкая

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, enigmaann@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности осуществления общественного контроля в современной России, исследуются деятельность основных институтов общественного контроля, определяются основные виды и формы проведения общественного контроля в регионах Российской Федерации. Особое внимание уделяется выявлению характерных проблем осуществления общественного контроля на региональном и муниципальном уровне, а также предложены рекомендации по решению данных проблем.

Ключевые слова: гражданское общество, общественный контроль, общественный порядок, гражданские инициативы, институты гражданского общества, некоммерческие организации, государственное и муниципальное управление, государственная политика, политическое управление, политический процесс

Для цитирования: Крицкая А. А. Особенности осуществления общественного контроля в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 186–190. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-186-190>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC CONTROL IN MODERN RUSSIA

Anna A. Kritskaya

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, enigmaann@bk.ru

Abstract. The article examines the features of public control in modern Russia, examines the activities of the main institutions of public control, determines the main types and forms of public control in the regions of the Russian Federation. Special attention is paid to identifying the characteristic problems of public control at the regional and municipal level, and recommendations for solving these problems are also proposed.

Keywords: civil society, public control, public order, civil initiatives, civil society institutions, non-profit organizations, state and municipal administration, public policy, political management, political process

For citation: Kritskaya A. A. Features of the implementation of public control in modern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):186–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-186-190>.

Становление и развитие гражданского общества несомненно должно стать локомотивом современного модернизационного процесса. Именно гражданскому обществу отводится ведущая координирующая и консолидирующая роль в этом процессе, так, как только институты гражданского общества в демократическом государстве способны осуществлять эффективный общественный контроль, тем самым снижая противоречия между существующими интересами власти и общества. Учитывая имеющиеся сложности взаимодействия власти и общества в современной России, Президент РФ В.В. Путин придает особое значение усилению общественного контроля, а уже сложившаяся практика, которая, по его мнению, должна постоянно совершенствоваться [1].

Если говорить о сложившейся в России системе общественного контроля, то с уверенностью можно отметить положительные результаты, где отчетливо стала прослеживаться роль институтов гражданского общества и средств массовой информации в контроле общества над властью. Таким образом нельзя не признать, что в Российской Федерации начала складываться и институционализироваться система общественного контроля.

В рамках данной статьи рассмотрим основные институты, механизмы, формы и проблемы осуществления общественного контроля. В настоящее время одним из направлений развития общественного контроля в системе политического управления в России является расширение взаимодействия некоммерческих организаций и государства. Развитие некоммерческого сектора в России в последние годы определялось разнонаправленными тенденциями. В частности,

при общем сокращении количества некоммерческих организаций (НКО), роль НКО в экономике постепенно увеличивается по мере расширения масштабов их участия в предоставлении услуг населению, особенно в социальной сфере [2, с. 84].

Преимущества НКО при реализации функций общественного контроля заключаются в том, что данные организации направлены на конкретные актуальные проблемы общества и часто предлагают индивидуальный подход и уникальные методы их решения. НКО не ограничиваются принадлежностью к отрасли и ведомствам, что позволяет им быстро реагировать на изменения в общественной жизни, а также на новые запросы и потребности получателей социальных услуг [3, с. 211]. В рамках государственной поддержки социально ориентированные НКО имеют возможность получить бюджетные субсидии (гранты), субсидии на реализацию социальных проектов, а также доступ к бюджетному финансированию основной деятельности.

Наряду с бюджетными субсидиями и грантовыми конкурсами, одной из основных формой государственной поддержки НКО выступает финансирование текущей деятельности.

Отметим, что НКО как поставщики социальных услуг играют важную роль в осуществлении общественного контроля в сфере реализации национальных проектов. Прямое участие НКО в реализации национальных проектов предусматривается в 5 из 12 национальных проектов: «Экология», «Демография», «Жилье и городская среда», «Образование» и «Культура».

Обобщая цели большинства НКО и особенности взаимодействия НКО с государством, можно выделить основные направления деятельности институтов общественного контроля по приоритетным направлениям реализации государственной социально-экономической политики России:

во-первых, основной целью большинства НКО является преодоление бедности;

во-вторых, значимая часть НКО ориентирована на решение проблем загрязнения окружающей среды;

в-третьих, демографический кризис детерминировал интерес институтов гражданского общества к проблемам народонаселения и обеспечения устойчивого естественного прироста численности населения;

в-четвертых, омоложение политически активной части населения способствует актуализации проблем молодежной политики, а также укреплению и сохранению здоровья молодежи путём общения к физкультуре и спорту и пропаганде ЗОЖ;

В-пятых, ряд НКО стало ориентировано на формирование доступной среды для лиц с ограниченными возможностями;

В-шестых, общественный контроль стал направлен на формирование комфортной городской среды и развитие сельских территорий.

Проводя анализ проблем, связанных с осуществлением общественного контроля с стороны НКО, можно выделить наиболее ключевые: Первая проблема – это отсутствие законодательно установленных принципов деятельности и финансового обеспечения региональных общественных палат. Вторая проблема – это отсутствие законодательного закрепления структуры и принципов координации деятельности региональных общественных советов. Третья – недостаточная эффективность законодательного регулирования и организации участия граждан в общественном контроле. Четвертая – недостаточная эффективность законодательного и методического обеспечения деятельности ОНК. Пятой проблемой выступают барьеры, препятствующие участию НКО в оказании социальных услуг.

Принятый 21 июля 2014 г. Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» был направлен как раз на решение вышеназванных проблем. В законе стали четко определены субъекты общественного контроля в виде общественной палаты России, общественных палаты субъектов Российской Федерации, общественных палат или советов муниципальных образований, общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, общественных советов при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Кроме вышеназванных институтов общественный контроль может осуществляться путём создания общественных наблюдательных комиссий, общественных инспекций, групп общественного контроля, а также иных организационных структур общественного контроля. Несмотря на то, что ряд институтов общественного контроля создается и финансируется государством, они показали свою жизнеспособность и значимость. Так наиболее эффективным механизмом осуществления общественного контроля на сегодняшний день выступают общественные палаты различных уровней. Состав и структура общественных палат субъектов Российской Федерации, уровень финансирования существенно различается. По состоянию на конец 2020 г.:

- финансирование 8 региональных общественных палат превышало 10 млн руб. в год;
- финансирование 10 региональных общественных палат составило от 5 до 10 млн руб. в год;
- финансирование 20 региональных общественных палат составило от 1 до 5 млн руб. в год¹.

¹ Официальный сайт Общественной Палаты России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/>

Таким образом, отсутствие законодательно установленного уровня финансирования работы региональных общественных палат значительно влияет на интенсивность и качество работы в сфере общественного контроля, а также уровень их независимости при обсуждении и решении некоторых общественных проблем.

Активно развиваются муниципальные общественные палаты. Так только в Ростовской области активно работают 55 палат, в Московской – 65. Тем не менее, в ряде субъектов России муниципальные общественные палаты отсутствуют. Это во многом объясняется проблемами бюджетного финансирования или созданием других консультативных общественных органов регионального или муниципального уровня. При этом, статус ряда региональных и муниципальных общественных структур законодательно не определен (экспертные советы, общественные организации по взаимодействию с представителями малого и среднего бизнеса и др.) [4, с. 78]. Следовательно, необходимо законодательное закрепление полномочий муниципальных общественных палат так как одного только упоминания о них в федеральном законе об общественном контроле, явно недостаточно для эффективного общественного контроля на муниципальном уровне.

Еще одной проблемой осуществления общественного контроля в России является то, что работа общественных советов в регионах и муниципалитетах недостаточно структурирована, зачастую ориентирована на позицию и мнение региональной и муниципальной власти, что делает общественный контроль формализованным и не отвечающим потребностям российского общества.

Правовое регулирование деятельности общественных советов субъектов Федерации осуществляется региональным законодательством. При этом, если на федеральном уровне роль общественной палаты России в формировании состава и координации деятельности общественных советов исполнительных органов федеральной власти четко прописана в регламенте, то в большинстве регионов такой законодательной регламентации фактически не существует¹.

Значительное число проблем в настоящее время наблюдается в сфере законодательного регулирования и организации участия граждан в общественном контроле. Согласно действующему законодательству, отдельные граждане и общественные объединения не подлежат проверке со стороны общественности, но имеют право участвовать в его реализации. Для этого они должны обладать конкретными знаниями и опытом в соответствующей области и быть официальными субъектами общественного контроля (общественные инспекторы, общественные эксперты и общественные наблюдатели)². Однако, процедура наделения официальными полномочиями общественных инспекторов, экспертов и наблюдателей утверждена не во всех сферах общественного контроля.

Кроме того, на протяжении многих лет Общественной палатой фиксировались случаи злоупотребления положением и коррупционные проявления со стороны членов общественных наблюдательных комиссий (ОНК) и других институтов общественного контроля. Однако в настоящее время, Общественная палата не имеет предусмотренных законодательством рычагов влияния на деятельность уже сформированных ОНК и их членов, а также отсутствует процедура отзыва членов ОНК³.

Проведенный анализ механизма осуществления общественного контроля в системе политического управления в России позволяет сделать вывод о несовершенстве данного механизма и наличии законодательных ограничений его развития. В связи с этим, в целях повышения эффективности общественного контроля в системе политического управления в России целесообразна реализация следующих рекомендаций:

- внесение законодательных изменений, направленных на совершенствование механизмов формирования и финансирования региональных общественных палат;
- совершенствование регионального законодательства об общественном контроле, предоставляющее возможность региональным общественным палатам участвовать в формировании состава различных общественных советов;
- повышения эффективности механизма регулирования деятельности ОНК и системы компенсации затрат ОНК на реализацию мероприятий общественного контроля;
- разработка мероприятий по повышению возможностей социально ориентированных НКО в области доступа к государственному заказу при проведении социально значимых мероприятий.

Еще одной из важных форм общественного контроля является независимая оценка общественными советами качества государственных услуг, предоставляемых организациями в области культуры, социальных услуг, здравоохранения и образования. В настоящее время деятельность этих общественных советов развивается достаточно активно, но остаются трудности с привлечением исполнителей государственных контрактов, которые собирают и обобщают информацию о ка-

¹ Официальный сайт Общественной Палаты России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/>

² Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" (ред. от 27.12.2018).

³ Официальный сайт Общественной Палаты России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/>

честве условий обслуживания организациями. Для решения данной проблемы целесообразно рассмотреть возможность расширения сферы компетенции Общественной палаты и региональных общественных палат в отношении общественных советов по независимой оценке качества социальных услуг, включая участие в мониторинге и проверке результатов данной оценки и принятии решений, связанные с ее результатами.

В целях повышения эффективности организации участия граждан в общественном контроле необходимо использовать механизмы медиации в публичных слушаниях, что предполагает участие соответствующего независимого посредника в процессе урегулирования споров [5]. В рамках данного направления возможно создание единого электронного реестра общественных слушаний, который могла бы вести Общественная палата. Таким образом, в рамках расширения механизмов медиации в публичных слушаниях можно, к примеру, вовлечь жителей городов и сел в моделирование городской среды и развитие транспортной системы регионов.

В целях решения проблемы недостаточной эффективности законодательного и методического обеспечения деятельности ОНК желательно усиление обратной связи между Советом Общественной палаты и действующими составами общественных наблюдательных комиссий.

В частности, возможно внесение изменений в законодательство путем регламентации обязанности ОНК регулярно отчитываться о результатах своей работы. Кроме того, необходимо рассмотреть возможность повышения эффективности механизма компенсации затрат ОНК на реализацию мероприятий общественного контроля из региональных бюджетов.

Для устранения барьеров, препятствующих участию НКО в оказании социальных услуг, рекомендуется реализовать комплекс мероприятий, включая:

- формирование механизмов координации деятельности федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления по развитию рынка социальных услуг с привлечением общественных организаций и общественных палат разного уровня;
- рассмотрение возможности наделения отраслевых федеральных органов власти в социальной сфере дополнительными функциями управления при разработке механизмов участия НКО в предоставлении услуг;
- оказание методологического сопровождения со стороны федеральных органов профильной отрасли региональным органам власти по развитию рынка услуг в социальной сфере, путем привлечения к их оказанию негосударственных организаций за счет средств государственного бюджета;
- разработку методов оценки потребностей в услугах, предоставляемых за счет бюджетных ассигнований, в контексте услуг и категорий получателей;
- обеспечение регулярного пересмотра существующих списков услуг с учетом появления новых услуг, предоставляемых НКО;
- разработку руководства по стандартизации и ценообразованию услуг, предоставляемых НКО, которые не предоставляются государственными (муниципальными) учреждениями;
- усиление контроля за несвоевременными перечислениями средств из региональных бюджетов в рамках обязательств перед НКО в соответствии с договорами о предоставлении грантов;
- обеспечение информационно-коммуникативного взаимодействия органов государственного управления с НКО, оказывающими услуги в социальной сфере, и возможность подачи отчетов в электронном виде через Интернет;
- повышение уровня осведомленности общественности о проводимых конкурсах на выплату субсидий (грантов), условиях участия в них, результатах и победителях, а также обеспечение открытости и доступности информации о возможностях и формах участия НКО в реализации национальных проектах.

В заключение можно сделать вывод, что внедрение предложенных рекомендаций будет способствовать повышению результативности и эффективности осуществления общественного контроля в России посредством реализации как законодательных, так и организационно-методологических направлений, позволяющих повысить эффективность тех или иных методов общественного контроля, а также разработать обоснованные мероприятия по их совершенствованию.

Влияние общественного контроля на систему политического управления также проявляется и в повышении результативности деятельности органов политического управления с учетом общественных интересов и стратегических приоритетов развития общества, что в перспективе обеспечивает возможность повысить качество принятия политических решений, а также повысить эффективность реализации государственной политики по различным направлениям.

В этой связи актуальной и объективной представляется позиция некоторых экспертов о том, что в условиях ведущейся против нашей страны гибридной войны целесообразно сплочение «общества на платформе государственной (национальной) идеи, воссоздавая «суверенную денежную систему» и ... развивая национальную промышленность [6, с. 163], сопровождаемое «реформированием госорганов и спецслужб, основанном на общественном контроле» [7, с. 217].

Становление общественного контроля в нашей стране представляет определенный интерес для россиян, о чем свидетельствует активное участие населения и институтов гражданского общества в реализации государственной социально-экономической политики, направленной на преодоление бедности, решение проблем загрязнения окружающей среды, обеспечение устойчивого естественного прироста численности населения, укрепление и сохранение здоровья молодежи, формирование доступной среды для лиц с ограниченными возможностями, формирование комфортной городской среды и развитие сельских территорий, реформирование государственного регулирования сферы культуры.

При этом роль государства при формировании гражданского общества должна быть минимизирована. Задача демократического государства способствовать развитию гражданского общества, а не устанавливать жесткие нормативно-правовые и институциональные барьеры, прилагать все усилия по формированию институтов гражданского общества, учитывающих все политические, культурные, территориальные и исторические особенности российского многонационального народа.

Высказанные предложения могут использоваться при реализации приоритетных направлений государственной социально-экономической политики России, развитии гражданского общества и совершенствовании института общественного контроля.

Список источников

1. Артюхин О. А., Шумилина А. Б. Генезис и концептуальные подходы к феномену гражданского общества // В сборнике: Правовой порядок и правовые ценности. сборник научных статей III Национальной научно-практической конференции. 2019. С. 97-101.
2. Друзякина А. Д. Современные проблемы функционирования некоммерческих организаций в России // Наука через призму времени. 2019. № 1 (22).
3. Сидоренко С. А. Роль НКО в решении социальных проблем // В сборнике: Проблемы развития регионального сообщества: социологические аспекты, 2019.
4. Парфенов К. В., Сукова А. А. Развитие общественного контроля государственной службы в России на современном этапе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 1 (25).
5. Черкасова Т. П., Ароян А. С., Крицкая А. А., Артюхин О. А. Местное самоуправление и гражданское общество // В сборнике: Основы интеграции и укрепления межэтнического взаимодействия в ростовской области. Сборник докладов научно-практической конференции. 2019. С. 138-148.
6. Тишкин Д. Н., Артюхин О. А., Крицкая А. А. К вопросу о технологии гибридной войны: проблемы организованной преступности // Философия права. 2020. № 1(92). С. 157-164.
7. Тишкин Д. Н., Крицкая А. А., Солдатов Н. Ф. Политические аспекты противодействия спецслужб России современным формам организованной преступности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 213-218.

References

1. Artyukhin O. A., Shumilina A. B. Genesis and conceptual approaches to the phenomenon of civil society. In: *Legal order and legal values. A collection of scientific articles of the III National Scientific and Practical Conference.* 2019:97-101. (In Russ.)
2. Druzyakina A. D. Modern problems of the functioning of non-profit organizations in Russia. *Nauka cherez prizmu vremeni = Science through the prism of time.* 2019;1(22). (In Russ.)
3. Sidorenko S. A. The role of NGOs in solving social problems. In: *Problems of the development of the regional community: sociological aspects;* 2019. (In Russ.)
4. Parfenov K. V., Sukora A. A. Development of public control of public service in Russia at the modern stage. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management.* 2019;1(25). (In Russ.)
5. Cherkasova T. P., Aroyan A. S., Kritskaya A. A., Artyukhin O. A. Local self-government and civil society. In: *Fundamentals of integration and strengthening of inter-ethnic interaction in the Rostov region.* Collection of reports of the scientific and practical conference. 2019:138-148. (In Russ.)
6. Tishkin D. N., Artyukhin O. A., Kritskaya A. A. To the question of hybrid warfare technology: problems of organized crime. *Filosofiya prava = Philosophy of Law.* 2020;1(92):157-164. (In Russ.)
7. Tishkin D. N., Kritskaya A. A., Soldatov N. F. Political aspects of countering the special services of Russia to modern forms of organized crime. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2020;(3):213-218. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Крицкая – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и этнополитики.

Information about the author

A. A. Kritskaya – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 27.08.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 27.08.2021.

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-191-195

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Дмитрий Александрович Ленков

Правительство Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия, lenkov_dmitrii@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена неразрывному взаимодействию институтов гражданского общества и научно-культурной элиты в вопросах формированию социального облика государства, а также оценке места и роли элит в процессе формирования и функционирования общественных организаций в регионах. Рассмотрено многообразие форм совместной работы власти и общества в решении одной из основных задач российской политической системы – обеспечения свободного гармоничного развития личности, предоставления каждому гражданину возможностей для творческого развития и самореализации.

Ключевые слова: научная и культурная элита, институты гражданского общества, социальное государство, социально ориентированные некоммерческие организации, политическая система

Для цитирования: Ленков Д. А. Роль региональных элит в процессе формирования институтов гражданского общества и реализации социальных функций государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 191–195. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-191-195>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE ROLE OF REGIONAL ELITES IN THE PROCESS OF BUILDING CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND IMPLEMENTING THE SOCIAL FUNCTIONS OF THE STATE

Dmitry A. Len'kov

Government of Rostov region, Rostov-on-Don, Russia, lenkov_dmitrii@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the inextricable interaction of civil society institutions and the scientific and cultural elite in the formation of the social image of the state, as well as an assessment of the place and role of elites in the process of the formation and functioning of public organizations in the regions. The variety of forms of joint work of power and society in solving one of the main tasks of the Russian political system - ensuring the free harmonious development of the individual, providing each citizen with opportunities for creative development and self-realization, was considered.

Keywords: scientific and cultural elite, civil society institutions, social state, socially oriented non-profit organizations, political system

For citation: Len'kov D. A. The role of regional elites in the process of building civil society institutions and implementing the social functions of the State. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(3):191–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-191-195>.

Вся мировая история развития человечества характеризуется в первую очередь развитием общественно-политических отношений. Именно по состоянию общественно-политических отношений можно судить о зрелости общества, о способности представителей различных элит брать на себя ответственность при принятии принципиальных, порой судьбоносных решений, меняющих жизнь граждан. На процесс формирования общественно-политических отношений постоянно оказывают влияние различные внешние и внутренние факторы. Вся история развития человечества – это пример постоянного поиска оптимальных и взвешенных решений, позволяющих максимально учесть интересы всех представителей общества и предоставить возможность для творческого развития и самореализации личности. При этом, необходимо соблюсти баланс между общественными и личными интересами, обеспечить гармоничное развитие общества и гарантировать выполнение государством взятых на себя социальных функций по отношению к менее защищенным гражданам.

Во все времена у приверженцев различных направлений развития общества были свои представления о путях решения глобальных проблем человечества. На практике реализовывалось большое количество социальных, культурных, технократических, религиозных и многих других

теорий построения государства. Так, для эпохи Возрождения в 14-16 веках был характерен светский характер культуры, интерес культуры прежде всего к человеку и его деятельности и гуманизм. Именно эпоха Возрождения стала основой для развития общественно-политических наук. В 17 веке на смену эпохе Возрождения пришел рационализм. Труды Декарта стали основой для последующих философских исследований. И. Кант разделил предшественников на две школы: на рационалистов (Рене Декарта, Бенедикта Спинозу и Готфрида Лейбница) и эмпириков - последователей Френсиса Бэкона (Томаса Гоббса, Джона Локка и Джорджа Беркли). Этот период так же стал периодом рождения классики политической мысли. Яркими примерами являются трактат Томаса Гоббса «Левиафан», а также «Два трактата о правлении» Джона Локка.

В свою очередь, бурное развитие просвещения, общественных и точных наук стало основой революционного по своей сути развития различных средств производства. Промышленная революция 18-20 века определила бурное, стремительное развитие практически всех сфер общественной, духовной и материальной жизни. Эти изменения, затрагивающие основополагающие факторы формирования общечеловеческого мировоззрения, оказали существенное влияние на формирование шкалы общечеловеческих ценностей. Кроме этого эпоха Возрождения оказала решающее влияние на формирование национальных культур. А национальные культуры, в свою очередь, являются базисом национальных политических культур. В значительной степени от уровня развития культуры и отношения к культурным традициям зависит уровень развития политического сознания в обществе. Культура рассматривается как основная платформа для основополагающих принципов взаимодействия членов общества в различных ситуациях.

Не вызывает сомнений, что особая роль в формировании общественного мировоззрения отводится ярким представителям науки, культуры и искусства, а также общественным деятелям. С одной стороны, они формируют актуальную социально-политическую повестку общества, с другой – представляют точку зрения определённых научных, культурных, или общественных групп. Для обозначения этой передовой и наиболее яркой части общества введен термин «Элита». Именно лидеры общественного мнения транслируют запросы и проблематику возглавляемых групп, становятся проводниками идей в органах власти.

Наиболее влиятельные лидеры общественного мнения, представляющие значимые общественные группы, ожидаемо становятся частью политической элиты. Они генерируют передовые взгляды государства и общества. Именно прогрессивным представителям элиты свойственен поиск новаторских путей решения возникающих проблемных вопросов. И это не случайно. В рамках решения возникающих проблем видные представители науки постоянно проводят научный поиск оптимального решения, представители искусства ищут новые способы творческого выражения своих взглядов на окружающий мир, а общественные и политические деятели, основываясь на научных принципах исследования ведут поиск путей дальнейшего развития общества. Поэтому не случайно, что результаты подобных научных и творческих процессов находят отклик у различных представителей общества [1].

Для определенных общественных, или научных групп представители творческой интеллигенции, либо ведущие научные, культурные, и общественные деятели, предлагающие новаторские пути решения возникающих проблем, становятся лидерами, выражающими общую точку зрения на решение проблемного вопроса. Лидерами, представляющими интересы определенной группы. Именно представители элит сформировали к концу 20 века понимание, что в основе общечеловеческой шкалы ценностей должны оставаться интересы человека, при этом личность должна иметь самые широкие возможности для своего духовного развития. При этом должен решаться широкий спектр проблемных вопросов, связанных с совместной работой гражданских институтов и органов власти при реализации функций социального государства.

Из всего разнообразия вопросов, связанных с деятельностью элит, в рамках статьи будут рассмотрены некоторые вопросы участия региональных элит в формировании институтов гражданского общества и реализации социальных функций государства.

Стремительные и кардинальные политические изменения, произошедшие в нашей стране за последние 30 лет, способствовали выдвижению на первый план происходящих общественно-политических процессов наиболее ярких, авторитетных и сильных лидеров общественного мнения. Представители элит, являясь такими лидерами, как раз и обладают большим авторитетом и уважением граждан. Элита становится представителем возглавляемых общественных, научных и культурных групп и сообществ.

Деятельность представителей элиты, как лидеров общественного мнения, распространяется на все уровни и слои общества. Являясь руководителями различных общественных, национальных и религиозных объединений, политических партий и движений, а также всевозможных институтов

гражданского общества, представители элиты активно участвуют в общественной и политической жизни страны.

Значение этой работы сложно переоценить. Будучи представителями местных и региональных общественных сообществ, советов и палат, региональных отделений политических партий, представители элиты активно участвуют в нормотворческих процессах, выражают интересы граждан, организуют общественный контроль за деятельностью региональных и муниципальных органов власти. Особенно важной функцией институтов гражданского общества в новейшей истории стала совместная с институтами власти работа по публичному выявлению причин возможных протестных проявлений и решению проблемных вопросов, создающих угрозу резонансного роста протестов. По мнению ряда отечественных ученых «...органы власти должны устанавливать с населением отношения солидарности и сотрудничества, путем проведения последовательной государственной информационной политики...Цель коммуникации между властью, обществом и средствами массовой информации в сфере профилактики экстремистских взглядов можно определить, как формирование в сознании населения негативного образа экстремистов, призывающих решать социально-политические проблемы путем насилия» [2].

Активная общественная позиция институтов гражданского общества, в том числе в виде деятельности лидеров общественного мнения, в значительной мере повлияла на изменение отношения власти к решению вопросов организации взаимодействия с некоммерческим сектором. В течение последнего десятилетия наблюдается формирование основ взаимодействия государства и институтов гражданского общества как полноценных и равноправных партнеров в решении важных социально-экономических вопросов. В своем Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в декабре 2016 года В.В. Путин обратил внимание на важность участия институтов гражданского общества в выполнении социальных функций государства «...Все мы заинтересованы в том, чтобы активный приход НКО в социальную сферу вёл к повышению качества её. Поручаю Правительству совместно с законодателями завершить формирование чёткой правовой базы деятельности НКО – исполнителей общественно полезных услуг.... Нужно ценить взыскательную, заинтересованную, деятельную позицию граждан»¹.

Развитием поручения Президента Российской Федерации стала всесторонняя работа по формированию необходимой нормативной базы и создания экономических условий. На сегодняшний день взаимодействие государства и институтов гражданского общества в вопросах оказания государственной поддержки некоммерческого сектора развивается по двум основным направлениям. С одной стороны, в стране сформирована многоуровневая система финансовой поддержки некоммерческих организаций на основе реализации различных грантовых программ. С другой стороны, государство видит в социально ориентированных некоммерческих организациях равноправных партнеров, в полной мере участвующих в решении задач по оказанию социальных общественно-полезных услуг населению.

Рассматривая в качестве примера Ростовскую область, можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день созданы и успешно действуют механизмы финансовой поддержки некоммерческого сектора по двум направлениям. В рамках исполнения поручений Губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева существующая многоуровневая система финансовой поддержки институтов гражданского общества постоянно совершенствуется. В муниципальных районах и городских округах Ростовской области сформированы и работают муниципальные программы по развитию институтов гражданского общества и поддержке СО НКО. Постоянно совершенствуются меры финансовой поддержки и на региональном уровне. С 2018 года в Ростовской области произошло значительное увеличение объемов финансовой поддержки СО НКО в рамках подпрограммы «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Ростовской области» государственной программы Ростовской области «Региональная политика». В 2021 году на эти цели предусмотрено 13,5 млн.рублей. По решению Губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева в текущем году Правительство Ростовской области был подписан договор с Фондом-оператором президентских грантов по развитию гражданского общества о предоставлении Гранта Президента Российской Федерации в размере 12,8 млн.рублей на софинансирование региональной программы поддержки СО НКО. Новый качественный импульс развития системы всесторонней поддержки некоммерческого сектора был дан Губернатором Ростовской области В.Ю. Голубевым в марте текущего года по итогам встречи с советом Общественной палаты Ростовской области. В Ростовской области планируется создание единого оператора по проведению конкурсов для СО НКО. При этом в числе ближайших планов Правительства Ростовской области не только создание единого оператора для проведения конкурсных процедур, но и значительное увеличение объемов финансовой поддержки СО НКО.

¹ Официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550>

Огромное внимание также уделяется и активизации участия некоммерческих организаций в конкурсах Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества. В результате совместной работы органов власти и институтов гражданского общества в 2020 году победителями в конкурсах Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества стали более 100 проектов областных некоммерческих организаций. На решение актуальных социальных задач в муниципальных образованиях в рамках реализации проектов-победителей было привлечено дополнительно более 130 млн руб.

Всё более активно участвуют некоммерческие организации и в оказании социальных общественно-полезных услуг. На постоянной основе внедряются предусмотренные механизмы финансовой поддержки институтов гражданского общества. Ведется Реестр поставщиков социальных услуг Ростовской области. По итогам 2020 года в Реестр было включено 197 организаций, в том числе 51 негосударственная. Негосударственный сектор включает в себя: СО НКО, коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей. При этом, руководители таких организаций зачастую являются представителями региональных и муниципальных элит. Активизация некоммерческого сектора в реализации социальных функций государства в нашей стране стала прямым следствием проводимой внутренней социальной политики. Важной вехой в реформировании всего подхода к осмыслению имеющихся проблемных вопросов и участия институтов гражданского общества в реализации внутренней социальной политики стало проведенное 1 июля 2020 года Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации.

Принятые изменения в Основной закон касаются практически всех граждан страны. В этой связи по-новому необходимо взглянуть на теоретические подходы и формирование модели социального государства. Требуется критически оценить достигнутые результаты, позитивные и негативные стороны предыдущего этапа развития. Определить место и роль институтов гражданского общества в системе политических и общественных отношений современной России. Необходимость проведения глубоких реформ в этой сфере была обозначена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным ещё в декабре 2015 года. В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации он отметил: «Для НКО... будет установлен правовой статус «некоммерческая организация – исполнитель общественно-полезных услуг, предоставлен ряд льгот и преференций. И наконец, считая правильным поэтапно направлять некоммерческим организациям до 10 процентов средств региональных и муниципальных социальных программ, чтобы НКО могли участвовать в оказании социальных услуг, которые финансируются за счёт бюджетов»¹.

Результатом полноценной и комплексной реализации указанных мер на сегодняшний день является постоянное повышение уровня компетенций некоммерческих организаций в вопросах оказания общественно полезных услуг. На сегодняшний день институты гражданского общества – реальные участники реализации социальных функций государства.

Это сказывается и на теоретических подходах к осмыслению проблемы решения вопросов оказания социальных услуг [3]. В современном обществе происходит постоянная синергия различных социокультурных отраслей. Без детального изучения истории развития социокультурных институтов, рассмотрения вопросов их взаимодействия с институтами гражданского общества правильное понимание сути происходящих сегодня процессов и поиск оптимальных путей развития общества невозможны. Органы власти всех уровней неизбежно сталкиваются с необходимостью взаимодействия с гражданскими институтами при решении вопросов обеспечения достойного уровня жизни своих граждан. И в организации эффективного взаимодействия важную, порой решающую роль играют представители региональных элит. Именно они являются полноценными представителями граждан в конструктивном диалоге с властью по всему спектру вопросов.

Ещё одним направлением совместной деятельности органов власти всех уровней и институтов гражданского общества является организация эффективного общественного контроля и формирования реально действующей системы «обратной связи». При решении подобных задач особенно важно, чтобы представители институтов гражданского общества, осуществляющие функции «общественных контролеров» и представляющие определенные группы населения при выстраивании диалога с органами власти обладали реальным авторитетом, необходимыми знаниями и компетенциями. Всё это в полной мере присуще представителям научной, культурной и политической элиты. Роль элит в политической, экономической и культурной жизни общества трудно переоценить. По мере дальнейшего совершенствования общественно-политических отношений эта роль будет только возрастать.

¹ Справочная правовая система «Консультант-Плюс».
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/

Подводя краткий итог, необходимо отметить огромное значение решения вопросов взаимодействия институтов гражданского общества и научно-культурной элиты в решении актуальных вопросов общественно-политического развития, а также формирования социального облика государства. Роль институтов гражданского общества и научно-культурной элиты в вопросах формирования социального облика государства, а также в процессе формирования элит в регионах, будет по объективным причинам неуклонно возрастать. Это обусловлено тем, что наряду с морально-нравственным аспектом признания роли представителей научно-культурной элиты в вопросах научно-экономического и духовного развития общества, так же важны и вопросы участия представителей научно-культурной элиты в деятельности институтов гражданского общества, участие в организации общественного контроля и эффективного диалога с органами власти.

Список источников

1. Фирсов Б. М. Воспроизводство научной элиты // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 5–14.
2. Воронцов С. А., Шарков Ф. И., Понеделков А. В. Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере профилактики экстремизма. // Коммуникология. 2021. Том 9. № 1. С. 99–111.
3. Методические материалы по вопросам доступа негосударственных организаций к оказанию услуг в социальной сфере. Сборник министерства экономического развития Российской Федерации, Общ. ред. Щадрин А. Е., Ветров Г. Ю., Иваницкая Е. А. М., 2017.

References

1. Firsov B. M. Reproduction of the scientific elite. *Sotsiologicheskii Zhurnal*. 1998;1-2:5–14. (In Rus.)
2. Vorontsov S. A., Sharkov F. I., Ponedelkov A. V. Problems of communication between the government, society and the media in the field of extremism prevention. *Kommunikologiya = Communicology*. 2021;9(1):99–111. (In Rus.)
3. Shchadrin A. E., Vetrov G. Yu., Ivanitskaya E. A. (eds.) *Methodological materials on the access of non-state organizations to the provision of services in the social sphere*. Collection of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, General. Moscow; 2017. (In Rus.)

Информация об авторе

Д. А. Ленков – зам. начальника управления социально-политических коммуникаций Правительства Ростовской области – начальник отдела по взаимодействию с институтами гражданского общества.

Information about the author

D. A. Len'kov – Deputy Head of the Department of Social and Political Communications of the Government of the Rostov Region – Head of the Department for Interaction with Civil Institutions societies.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; одобрена после рецензирования 16.08.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 22.07.2021; approved after reviewing 16.08.2021; accepted for publication 18.08.2021.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ РЕСУРСОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Елизавета Александровна Морозова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, eamorozova@sfedu.ru

Аннотация. В статье исследуется многообразие ресурсов политической власти и делается вывод о том, что необходимость разносторонней классификации ресурсов политической власти для более продуктивного и выгодного их использования имеет первостепенное значение. Рассматривая историческое развитие представлений о разделении ресурсов на определенные виды с момента их возникновения и до настоящего времени, можно говорить о разной степени востребованности тех или иных ресурсов политической власти в условиях наличия или отсутствия демократических начал в управлении государством. Комплекс и полнота властного арсенала не могут быть постоянными и должны реагировать на тенденции развития политического процесса как государственного, так и мирового уровня.

Ключевые слова: ресурсы политической власти, классификация ресурсов, антропологические ресурсы, символические ресурсы, утилитарные ресурсы, принудительные ресурсы, нормативные ресурсы, демографический ресурс, традиционные и нетрадиционные ресурсы, управленческий ресурс.

Для цитирования: Морозова Е. А. Актуальные вопросы типологии ресурсов политической власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 196–200. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-196-200>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

TOPICAL ISSUES OF THE TYPOLOGY OF POLITICAL POWER RESOURCES

Elizaveta A. Morozova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, eamorozova@sfedu.ru

Abstract. The article examines the diversity of the resources of political power and concludes that the need for a versatile classification of the resources of political power for a more productive and profitable use of them is of paramount importance. Considering the historical development of ideas about the division of resources into certain types from the moment of their emergence to the present time, we can talk about the varying degree of demand for certain resources of political power in the presence or absence of democratic principles in the management of the state. The complexity and completeness of the power arsenal cannot be permanent and must respond to the trends in the development of the political process, both at the state and at the world level.

Keywords: resources of political power, classification of resources, anthropological resources, symbolic resources, utilitarian resources, coercive resources, normative resources, demographic resource, traditional and non-traditional resources, managerial resource

For citation: Morozova E. A. Topical issues of the typology of political power resources. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):196–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-196-200>.

Существует огромное количество ресурсов политической власти, и они так же разнообразны, как потребности и интересы общества. Для ранжирования столь большого количества ресурсов существуют их классификации. Без ранжирования ресурсов политической власти правящая элита не смогла бы столь эффективно и своевременно использовать ресурсы для достижения поставленных целей.

С развитием властных отношений изменялись и ресурсы власти. Авторитет вождя – ресурс, игравший главную роль в примитивных обществах, можно по праву считать одним из первых ресурсов, используемых политической властью. Когда начался переход от кровнородственных отношений к отношениям имущественным, сменились потребности общества и ориентации власти: ведущими методами управления и удержания власти стали сила и богатство. В средние века пользовались ценностными методами правления, считалось, что властитель назначен Богом и любые действия воспроизводились только с одобрения церкви – этот период характеризуется обожествлением

и почитанием правителя. С приходом индустриального общества значимым ресурсом политической власти становится организация: бюрократия, партии, классы. В современном обществе каждый человек нуждается в информированности о чем-либо, поэтому приоритетным ресурсом политической власти будет считаться информация. С мощью информации можно манипулировать обществом, убеждать в выгодных для власти идеях, навязывать «правильную» точку зрения и многое другое.

Своевременная актуальность и первостепенность ресурсов политической власти определяется по множеству критериев: экономическая обстановка в государстве, уровень научного потенциала страны, владение новейшими технологиями, военные возможности, ситуация на международной арене. Ресурсами политической власти обладает как государство в целом, так и политические партии, политические и общественные объединения, политические лидеры, региональное и местное правительство и т.д.

Для того, чтобы понимать логику использования ресурсов политической власти, необходимо их структурировать. В данной области существует большое количество ресурсных классификаций, которые разделены на группы по различным критериям: дефицитность и общедоступность, возобновляемость, традиционность, временность и другие. Наибольшей популярностью пользуется классификация разделения ресурсов политической власти по общественным сферам. Эта классификация проста в понимании, но в то же время объемна. Прочие типологии ранжируют эти исходные данные в более крупные блоки и придают им свои значения [1].

Антропологическую классификацию ресурсов власти, предложенную Н.Макиавелли, принято считать одной из первых. Смысл классификации заключается в определении типа правления на основании поведения политических деятелей.

В своих знаменитых работах «Государь» и «Размышления о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли описал два основных принципа человеческого поведения – страх и любовь. Люди склонны подчиняться тем, кого боятся ровно так же, как и тем, кого любят. Страх, по мнению мыслителя, считается наиболее эффективным ресурсом правления, который способствует долгосрочному властвованию, но так же не стоит пренебрегать этим ресурсом, ибо есть вероятность бунта и свержения государя. Полагается, что любовь более уязвимый ресурс, так как её можно с легкостью завоевать, но и так же быстро потерять. В качестве вспомогательных ресурсов Н. Макиавелли рассматривал людские страсти и пороки (лживость, алчность и боязливость) [2].

Необходимо отметить, что по мере развития общества, к антропологической классификации примкнули дополнительные принципы людского поведения – интерес и убеждение. Ресурс убеждения может использоваться во всех формах властных отношений. Ресурс интереса наиболее часто используется в демократических обществах с развитой гражданской позицией, где политика открыта для общества и лишена какой-либо таинственности.

А. Этциони разделял ресурсы политической власти на принудительные, нормативные и утилитарные. В работах А. Этциони отчетливо прослеживается определяющая зависимость ресурсов, используемых правителем, от характера власти [3].

Утилитарные ресурсы – это материальные и другие общественные блага, ориентированные на повседневные потребности общества. Эти ресурсы используют как в качестве вознаграждения, так и в качестве наказания. С помощью утилитарных ресурсов власть может «покупать» общество, тем самым обеспечивая себе манипулирование людьми, их послушание и выполнение желаемого.

Принудительные ресурсы используются государством, если утилитарные ресурсы не подействовали. Обычно, под принудительными ресурсами понимаются административные меры наказания.

Нормативные ресурсы ориентируются на внутренний мир индивида: ценности, мораль, нормы поведения. Главными функциями этих ресурсов является убеждение индивида в правильности его действий.

Д. Истон выделяет внутренние и внешние ресурсы государства, в пределах сетевого подхода. Под внешними ресурсами политической власти понимаются материальные блага, используемые для получения желаемого, источником внешних ресурсов является внешняя среда, находящаяся вне системы. Внутренние ресурсы воспроизводятся самой системой, то есть государством, они могут быть различны: законы, ценности, нормы и другое [4].

В. Г. Ледяев подразделяет ресурсы политической власти на «общие» и «конкретные». Под общими ресурсами он понимает «все те средства и методы, которые контролируются субъектом властных отношений и которыми можно пользоваться для подчинения объекта. Общие ресурсы включают в себя не все методы и средства управления обществом, а только те, которые правитель может использовать для подчинения данного объекта. Конкретные ресурсы власти это те общие ресурсы, которые субъект использует для подчинения объекта в данный момент» [5]. Из классификации В.Г. Ледяева понятно, что он разделяет ресурсы только на те, которые действуют. На западе существует множество аналогий этой типологии. Так, Т. Жиро разделяет ресурсы на высоколиквидные

и низколиквидные. Первыми пользуются здесь и сейчас, то есть немедленно, вторые же требуют времени, для их реализации [6]. Р. Мартин считает, что ресурсы политической власти становятся эффективными лишь тогда, когда ощущается их дефицит [7].

Сторонники иррациональной природы власти считают, что ресурсы основываются не на материальных благах, а на эмоциях, идеях, авторитете, страхе [6]. Так, С. Московичи уверяет, что каждая власть устроена на авторитете, и когда авторитет теряет свою актуальность, правителю приходится применять грубое насилие. Объединяя различные концепции и трактовки, можно понять, что ресурсы власти – это система элементов, которая с повышением дефицитности становится все более актуальной. Этот вывод наиболее оптимален с точки зрения наращивания властью того или иного ресурса [8].

Вышеописанные классификации исходят из нормы деления ресурсов по различным основаниям; вместе с этим, существует интересная концепция, основанная на искусственном характере ресурсов. Суть этой концепции заключается в том, что ресурсами будут являться только те материалы, для которых разработаны различные технологии потребления, то есть материальные ценности будут не первоначальным ресурсом, а продуктом. Исходя из этой точки зрения, самым главным ресурсом политической власти будет считаться интеллект, а материальные, природные и многие другие ресурсы будут считаться побочными, требующими интеллектуальной обработки для превращения их в ресурс. Как следствие, данная концепция рациональна и востребована в современном информационном обществе.

Вся совокупность ресурсов политической власти представляет собой сумму общественной структуры – это экономическая, политическая, религиозная, демографическая, информационная и другие сферы общественной жизни. Их разделение носит условный характер, так как каждый отдельно взятый компонент постоянно взаимодействует с другим. Любое изменение одного компонента отражается на остальных.

Популярной является типология ресурсов власти, связанная с различными общественными сферами жизнедеятельности, что помогает выделить экономические, культурно-информационные (духовные), социальные и принудительные (силовые) ресурсы власти.

Социальные ресурсы – это способность социальной мобильности. Эти ресурсы могут совпадать с экономическими ресурсами, например, заработная плата является экономическим ресурсом, но она так же показывает и социальный статус индивида. Но социальные ресурсы так же включают в себя: должность человека, образование, медицинское обслуживание и другое.

Экономические ресурсы – это все материальные ценности: деньги, земля, недвижимость, полезные ископаемые и так далее.

Культурно-информационные ресурсы – это знания человечества, информация и средства, через которые человек получает возможность их распространить: образовательные учреждения, средства массовой информации, интернет и другое. Американский исследователь и футуролог Э. Тоффлер считает, что знания и информация выходят на первый план, и становятся одним из самых важных ресурсов политической власти нашего времени. С развитием общества, такие ресурсы власти как богатство и сила уходят на второй план, но, все равно, не утрачивают своего влияния [9].

Принудительные (силовые) ресурсы – это военная техника, система физического принуждения, специально обученные люди. В любом государстве таковым ресурсом является армия, полиция, суд, прокуратура. По статистике, силовые ресурсы являются одними из наиболее эффективных, так как в процессе их применения человек может лишиться свободы, имущества и даже жизни.

Демографический ресурс является универсальным и многофункциональным – человек может быть источником знаний (культурно-информационный ресурс), солдатом или судьей (силовой ресурс), создателем материальных благ (экономический ресурс) и так далее. В случае, если человек является средством достижения чужой воли, сама личность и будет выступать ресурсом. Так же человек является не только ресурсом политической власти, но и субъектом и объектом [9]. Таким образом, от властвующей элиты зависит, каким именно ресурсом будет и может выступать человек.

Всю систему ресурсов политической власти можно разделить на постоянные и временные ресурсы, при этом, временные ресурсы в определенный момент могут стать постоянными.

Актуальным становится в современной политике такой вид ресурсов политической власти, как символические. Этот вид ресурсов рассчитывает на веру словам и тем, кто их произносит. Символические ресурсы имеют своим фундаментом символический капитал – капитал признания или авторитет. Владелец символического капитала способен придать ценность и актуальность тому, что сам считает таковым, в глазах других людей. Так же символическими ресурсами власти могут считаться политические мифы, религия, политическая символика. Эти виды символических ресурсов возникают последовательно друг за другом, но не уничтожают предшествующий, а оттесняют его на второй план и лишают первостепенной значимости.

Управление символическим капиталом осуществляется как самим государством, так и государственными представителями. В монархических странах управленцем символического капитала считается сам монарх, который распределяет титулы, назначает на должности, присваивает различные звания. В демократических государствах управление символическими ресурсами достается специализированным институтам и отдельным личностям, которые имеют полномочия на пользование символическими ресурсами власти. Символические ресурсы не имеют конкретного обладателя ими, ими могут пользоваться различные субъекты власти в различное время [10].

Символические ресурсы власти – это нематериальные блага, они способны навязывать обществу конкретные ценности, мнения о чем-либо и желаемую модель поведения. Символические ресурсы невидимы и неосознаваемы для обычного человека, они могут реализовываться лишь тогда, когда общество признает действующую власть легитимной [3].

Символические ресурсы политической власти помогают правителю сделать власть в глазах подданных чем-то ценным и обожествленным. Ни один человек добровольно не будет полностью признавать политическую власть, а силовые методы в разных ситуациях не очень корректны, а иногда и не действенны, поэтому на помощь государству приходят символические ресурсы власти.

По классификации А. Этциони символические ресурсы власти относятся к нормативным ресурсам – они оказывают воздействие на сознание общества и внушают им определенные предпочтения. Но полностью отождествлять оба ресурса власти некорректно, так как нормативные ресурсы не исчерпываются только символическим содержанием. Нормативные ресурсы так же ориентируются на партнерские отношения между субъектом и объектами власти, образуют определенные нормы поведения, связанные с профессионализмом. Нормативные ресурсы так же предназначены для убеждения подчиненных в общности интересов между управленцем и подчиненным. Эти ресурсы связаны с влиянием на сознание индивида.

Символические ресурсы разделяются на несколько видов: политическая идеология, политическая мифология, политическая символика и политическая риторика. Каждый из этих видов может иметь свои подвиды.

Исторически, первым символическим ресурсом политической власти выступал миф. Политические образы в мифологии не предполагали особых логических разъяснений, главными методами символизации служила вера и традиции.

Позже формой символических ресурсов стала религия. Она закладывала в обществе целостную нравственную картину мира и превращала веру в главный способ анализа действительности.

Большие изменения в духовной сфере политики пришли с возникновением идеологий, которые вводили систему понятий о сущности власти в адаптационный период граждан в политическом пространстве. Идеология – это совокупность различных взглядов, выражающих интересы социальных классов и различных социальных групп, это система, которой общество пользуется осознанно, в отличие от мифологии.

Самым популярным в настоящее время видом символических ресурсов является политическая символика. Символ – это образ, зримое выражение основной идеи какой-либо концепции. Политическая символика предназначена воздействовать на сознание человека, сплачивать общество, проникнутое единой идеей.

Политическая символика существует в нескольких формах: вербальная, невербальная и смешанная. К вербальной символике относятся устойчивые выражения, афоризмы, цитаты; к невербальной – флаги, портреты, символические действия и т.д.; к смешанной символике относятся гимн (сочетает в себе слова и музыку), герб (сочетание символа и девиза).

Политическая риторика – заключительный символический ресурс политической власти. Развивается политическая риторика в том обществе, где получают развитие демократические институты, возрастает роль гражданского общества, где общество начинает интенсивно интересоваться и принимать участие в политических делах государства. Соответственно, лица, которые хотят влиять на ход политических событий государства, должны иметь навык убеждения.

Р.М. Блакар говорит о том, что «язык можно назвать специальным механизмом социальной власти, так как с помощью различных языковых приемов есть возможность использовать различные контекстные эффекты, удобные для субъекта властных отношений» [10].

Большинство экспертов в данной области выделяют традиционные и нетрадиционные ресурсы власти. К традиционным ресурсам политической власти в ходе выборов можно отнести фандрайзинг, политическую информацию, кадровый профессионализм и другое. К нетрадиционным ресурсам относят культуру участия общества в выборном процессе.

Другую классификацию ресурсов политической власти предлагает американский исследователь Ч. Даррелл, взявший за основу важнейшие сферы общественной жизни [11]. Ч. Даррелл говорит

об административных ресурсах, основанных на политических отношениях между субъектом и объектом, между несколькими субъектами или несколькими объектами. Административные ресурсы берут начало из политической власти, особыми чертами которой являются: возможность использования силовых методов; верховенство над иными видами власти в государстве; гласность, обращенность ко всем гражданам, либо к отдельным категориям, путем принятия политических решений, через законодательные нормы либо другие правительственные решения. Так же Ч. Даррелл выделяет ресурс легитимности, основными чертами которого является качество и правильность принимаемых законов и их исполнение.

Еще одним ресурсом в данной классификации является управленческий ресурс. Этот ресурс используется в отрасли народного хозяйства, в ходе материального производства различных товаров, требующихся для общественного потребления. К управленческим ресурсам политической власти относят фонды народного хозяйства, которые имеют основные фонды, резервные, оборотные средства и страховые фонды. К управленческим ресурсам следует относить и государственные деньги, золотовалютные запасы, природные ресурсы государства, а также другие ресурсы, которые могут использоваться в экономическом процессе, в том числе и сам контроль политической власти над всеми процессами в секторе экономики. Целью использования управленческого ресурса является социальная мобильность, повышение или понижение политического статуса и общественной роли индивида.

Ведущая роль того или иного ресурса политической власти зависит от его актуальности и целеполагания субъекта властных отношений в определенный момент времени. Таким образом, выстраивается последовательность востребованности и возможностей властных ресурсов, которая в зависимости от времени, формы правления и других факторов политической жизни, может изменяться. Изменение любого условия политической деятельности, как субъекта, так и объекта властных отношений, влечет за собой изменение роли и арсенала ресурсов политической власти.

Список источников

1. Власть: очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. 328 с.
2. Макиавелли Н. Государь. М.: Азбука, 2021. 448 с.
3. Этциони А. Легитимность власти. М., 2006. 156 с.
4. Regime and discipline: Democracy and the Development of Political Science. – 1995.- University of Michigan Press. – 312 p.
5. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. 2000. № 1. С. 97–107.
6. Жиро Т. Политология. М.: Гуманитарный центр, 2010. 428 с.
7. Martin R. The Sociology of Power. London: Routledge and Kegan Paul, 1977.
8. Москвичи С. Век толп. М.: Академический проект, 2011. 396 с.
9. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2009. 672 с.
10. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Психология влияния: хрестоматия / сост. А. В. Морозов. СПб.: Питер, 2001. 512 с.
11. Современные политические теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 479 с.

References

1. Power: essays on the modern political philosophy of the West. Moscow: Science; 1989. 328 p. (In Rus.)
2. Machiavelli N. Sovereign. Moscow: ABC; 2021. 448 p. (In Rus.)
3. Etzioni A. Legitimacy of power. Moscow; 2006. 156 p. (In Rus.)
4. Regime and discipline: Democracy and the Development of Political Science. 1995. University of Michigan Press. 312 p.
5. Ledyayev V. G. Vlast: conceptual analysis. Polis = Polis. Political Studies. 2000;(1):97–107. (In Rus.)
6. Zhiro T. Political Science. Moscow: Humanitarian Center; 2010. 428 p. (In Rus.)
7. Martin R. The Sociology of Power. London: Routledge and Kegan Paul; 1977.
8. Moskvich S. Century of crowds. Moscow: Academic project; 2011. 396 p. (In Rus.)
9. Toffler E. Metamorphoses of power. Moscow: AST; 2009. 672 p. (In Rus.)
10. Blakar R.M. Language as an instrument of social power. In: Psychology of influence: textbook. St. Petersburg: Peter; 2001. 512 p. (In Rus.)
11. Modern political theories. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2000. 479 p. (In Rus.)

Информация об авторе

Е. А. Морозова – канд. полит. наук, доцент.

Information about the author

Е. А. Morozova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 25.06.2021; принята к публикации 02.07.2021.

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 25.06.2021; accepted for publication 02.07.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-201-205

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАК ОСНОВНЫЕ КЛАСТЕРЫ КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Александр Владимирович Осипов

Ленинский районный суд, Ростов-на-Дону, Россия, osipov.82@inbox.ru

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что в современной России существуют противоречивые тенденции взаимодействия основных социально-политических кластеров консолидации политической власти – политической элиты и гражданского общества. Разрешением обозначенных противоречий должно стать интерактивное взаимодействие элитного и гражданского кластеров в рамках партнерской модели, с целью расширения политического участия граждан в реализации консолидационной государственной политики и активизации механизмов контроля политической элиты гражданским обществом в пространстве публичной политики.

Ключевые слова: политическая власть, политическая элита, гражданское общество, политические кластеры, консолидация политической власти, социально-политический мониторинг, политические технологии, общественно-политический менеджмент, социально-политические тенденции и противоречия

Для цитирования: Осипов А. В. Политические элиты и гражданское общество как основные кластеры консолидации политической власти в современной России: тенденции и технологии взаимодействия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 201–205. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-201-205>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

**POLITICAL ELITES AND CIVIL SOCIETY AS THE MAIN CLUSTERS OF CONSOLIDATION OF
POLITICAL POWER IN MODERN RUSSIA: TRENDS AND TECHNOLOGIES OF INTERACTION**

Alexander V. Osipov

Leninsky District Court, Rostov-on-Don, Russia, osipov.82@inbox.ru

Abstract. The article justifies the conclusion that in modern Russia there are conflicting trends in the interaction of the main socio-political clusters of the consolidation of political power - the political elite and civil society. The resolution of the indicated contradictions should be the interactive interaction of the elite and civil clusters within the framework of the partnership model, with the aim of expanding the political participation of citizens in the implementation of the consolidated state policy and intensifying the mechanisms of control of the political elite by civil society in the public policy space.

Keywords: political power, political elite, civil society, political clusters, consolidation of political power, socio-political monitoring, political technologies, socio-political management, socio-political trends and contradictions

For citation: Osipov A. V. Political elites and civil society as the main clusters of consolidation of political power in modern Russia: trends and technologies of interaction. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):201–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-201-205>.

Поскольку политическая элита и гражданское общество это ключевые понятия для обозначенной темы политического анализа, следует определить их основное содержание и современные особенности.

Прежде всего, современная политическая элита и гражданское общество позиционируются в данном исследовании как кластеры, что указывает на их разветвленную нелинейную структуру и конфигурацию, включающую сетевые образования. В современном гуманитарном знании, в понимании политических наук, кластеры – это сложные динамические системы, объединенные по общим идейно-функциональным основаниям, для которых характерна коллаборация, которая в свою очередь, предполагает коэволюцию элементов системы в результате взаимодействия, взаимовлияния на основе общих интересов и стратегий их достижения. Следует так же отметить, что элементы

внутри кластеров и сами кластеры имеют характер акторов, т.е. они обладают выраженной активностью, изменчивостью, способностью оказывать трансформирующее воздействие на другие акторы и трансформироваться под влиянием интеракции сами [1].

В политологии понятие «кластер» чаще всего применяют к сетевым кластерам, возникающим в интерактивной, чаще всего, электронной среде, с целью акцентуации на сетевых коммуникативных особенностях обозначенных феноменов, а также противопоставлении кластеров традиционным политическим субъектам, с устойчивой четко определённой структурой и конфигурацией. Например, понятие сетевого электорального кластера, используется в политических науках в противопоставлении сетевых электоральных образований традиционным мажоритарным политическим партиям, с фиксированным членством, устойчивыми стандартами партийной организации, дисциплины, лояльности и т.д.

В данном исследовании понятие кластера, применительно к феномену элиты и гражданского общества, аккумулирует указанные смыслы и позволяет проследить обозначенные феномены по всему полю политического, включая институциональный, структурно-функциональный, коммуникативный аспекты в материальных и нематериальных (виртуальных, идейных, электронных и т.д.) политических пространствах. Рассмотрение элиты и гражданского общества как кластеров оправдано в теоретико-методологическом ключе, т.к. позволяет наряду с традиционными подходами к познанию социально-политических явлений в политологии использовать потенциал акторно-сетевой [2] теории и кластерного подхода [3].

Политическая элита рассматривается как кластер, объединяющий совокупность лиц, обладающих необходимыми социально-политическими позициями, полномочиями, ресурсами, компетенциями для осуществления политической власти, оказания политического влияния на государственную политику. Соответственно, современная политическая элита России включает правящую элиту, государственную власть, социально-экономическую «верхушку» и околоэлитные круги, субэлитные образования, экспертное сообщество, а также разнообразные сетевые акторы политического влияния, включая лидеров мнений в социальных медиа и т.д. Иначе говоря, феномен элиты охватывает лидерско-элитный социальный срез, представленный верхушкой пирамиды социально-политической власти и управления.

Гражданское общество в политологии понимается как совокупность политических акторов, которые обладают относительной политической самостоятельностью, поскольку не управляются напрямую из политического центра государственного управления, не входят в государственный аппарат, являются некоммерческими неправительственными организациями, фондами и т.д. В более широком смысле гражданское общество – это общество в целом, включая институт общественного мнения, которые функционируют в пространстве современной публичной политики, включая электронную медиасреду.

Поскольку институты гражданского общества и неправительственные некоммерческие организации имеют собственное высшее руководство, формальных и неформальных общественных лидеров, между политической элитой и гражданским обществом существует пересечение на лидерском уровне, уровне экспертного сообщества и т.д. Поэтому в рамках политического анализа целесообразно отдельно выделять правящую политическую элиту, связанную организационно и содержательно с государственным политическим управлением, которая выступает ядром правящего класса-кластера, и неправительственные некоммерческие структуры, функционирующие в пространстве публичной политики, которые обладают достаточной самостоятельностью, представляют общество в целом, «волю и глас народа», интересы общественного блага. Более того, эти кластеры следует рассматривать как противоположные по объёму и в определённом смысле оппозиционные по отношению друг к другу.

Т.е. политическая элита – это достаточно небольшой, самозамкнутый по сравнению с гражданским обществом кластер, круг, а точнее сказать расходящиеся от центра круги лиц, осуществляющих власть и допущенных к государственному управлению и политико-административным ресурсам. От элиты зависит конкретный политический курс и характер принимаемых стратегических и тактических решений по актуальным политическим вопросам. Гражданское общество – это объёмный кластер, который включает широкий спектр общественных объединений, включая сетевые сообщества, аккумулирующих социально-политические интересы отдельных граждан по актуальным вопросам в целях общественного благополучия. Немаловажно, что в задачи гражданского общества входит общественный контроль действий правящей элиты, с тем, чтобы элита не замыкалась в узкокорпоративных интересах, осуществляла политико-правовое партнерство с гражданским обществом по вопросам управления страной.

Социально-политическое партнерство между элитным и гражданским кластерами выступает залогом и гарантом демократического развития страны, а также существования и функционирования социального правового государства. Так же необходимо отметить, что партнерская модель взаимо-

действия между правящей элитой и гражданским обществом обеспечивает легитимацию политического управления и политической власти, без которой невозможен общественно-политический консенсус. Технологии горизонтального партнерского взаимодействия между элитным и гражданским кластерами играют важную роль в современных развитых странах с демократическим политическим режимом. Политические кластеры взаимодействуют в рамках полиархии власти, когда в политическом управлении участвуют множественные центры власти, постоянно складываются, в зависимости от политической повестки, и меняются новые социально-политические союзы и конфигурации.

В современной России, существует актуальная проблема применения наряду с патерналистской партнерской модели в социально-политическом управлении. Тенденция использования правящей элитой методов авторитарного управления фундируется, с одной стороны, тем, что современная политическая элита, выступающая наследницей номенклатурно-бюрократической элиты, по-прежнему использует технологии вертикального политического управления, односторонние режимы коммуникации, когда граждан ставят в известность о принятых решениях постфактум, спускают сверху директивы и т.д. А, с другой стороны, – тем, что гражданское общество, общественное сознание демонстрирует низкий уровень инициативности и самоорганизации, и как показывают результаты социального мониторинга, традиционно связывает надежды на благополучие страны с действием государства и верховного лидера, а не с собственным политическим участием¹.

Политическая элита современной России, которую политологи нередко называют президентской элитой, «коллективным Путиным» формально использует партнерские модели взаимодействия между государством и обществом, а реально не обеспечивает демократические процедуры и реальную интеракцию, отдавая предпочтение традиционным иерархиям власти и узкокорпоративным интересам на фоне невысокой гражданской активности и уровня политической культуры основного населения страны. Вместе с тем, следует отметить наличие запроса в обществе на развитие демократических институтов власти и обеспечение реальных процессов демократического участия граждан в политико-правовой деятельности государства. Об этом свидетельствуют, как нарастающая протестная активность, уровень недоверия правительству и лидерам политических партий, высокая оценка населением, особенно молодежью, возможности отстаивать свои гражданские конституционные права, инкорпорироваться в политическую элиту и т.д., так и активное развитие сетевых социально-политических кластеров в пространстве электронной медиа среды, которые поддерживают новые форматы публичной политики – электронного правительства, электронного голосования и т.д., а также аккумулируют протестную и, не получившую парламентского представительства в рамках существующей избирательной партийной системы, электоральную активность.

Решением обозначенных проблем и преодолением негативных тенденций взаимодействия элитного и гражданского кластеров должно стать активное применение технологий социально-политической консолидации. Среди механизмов идейно-ценностного объединения элиты и общества в интересах устойчивого инновационного развития страны следует отметить такой феномен как патриотизм. Патриотическая ориентация правящей элиты и гражданского общества позволяет объединить усилия, мобилизовать граждан на выполнение общенациональных задач. Вместе с тем, следует отметить, что патриотизм, а также соотносимая с патриотизмом идея великодержавности России, которые позволяли эффективно мобилизовать общество в предыдущее десятилетие, в условиях нарастающего внешнеполитического давления на Россию со стороны Запада, уступили в 2020-2021 годах на фоне пандемии свои лидирующие позиции идеям социальной защиты населения, и социально-правового государства. Опросы общественного мнения показывают, что «Топ-5 приоритетов в развитии России, на взгляд респондентов ВЦИОМ, выглядит так: власть должна уделить внимание качеству и доступности медицины (38%), повышению доступности образования (25%), открытию новых производств (23%), решению жилищной проблемы (19%) и повышению социальных гарантий различным группам населения (15%). Проблемы обороноспособности (12%) и другие в первую пятерку приоритетов не вошли»².

Немаловажно, что идея великодержавности России, служившая в предыдущие годы объединяющей широкие слои населения и государство, в 2021 г. на фоне пандемии, падения доходов населения, угрозы жизни и здоровью россиян расколола общество. Только половина россиян, по данным

¹ Пути и резервы социальной консолидации в трансформирующемся социуме: гражданское общество и политические субъекты нового мира. // XI международная Грушинская социологическая конференция «2021: пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир» (17-22 мая 2021 года). Стенограмма от 18 мая 2021 года. URL: <https://conf.wciom.ru/program/section/?uid=9> (дата обращения: 27.06.2021)

² Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. Аналитический обзор. 12 февраля 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 29.06.2021).

социального мониторинга, считает, что нужно продолжать инвестировать бюджетные средства в достижение целей внешней политики, укреплять силовые структуры и т.д.¹

Политико-управленческий кризис, который так же во многом был спровоцирован ситуацией пандемии, так же привел к падению уровня доверия к правящей элите, партийным лидерам и представителям власти. Эту ситуацию иллюстрируют, как данные опросов общественного мнения – рейтинги доверия политическим партиям и правительству, так и объективные процессы выполнения населением политических решений политической элиты. Примером в последнем случае может служить ситуация с запланированной правительством вакцинацией 60-80% населения, которая вызывает в обществе активный и пассивный протест, что подтверждается низкими темпами вакцинации, несмотря на административно-политический прессинг. С одной стороны, по данным актуального мониторинга ВЦИОМ, «практически каждый второй опрошенный (49%) положительно относится к решению об обязательной вакцинации. Треть (30%) заявили об обратном, а 16% – безразличны к этому»². То есть почти половина опрошенных одобряет решение политической элиты. А, с другой стороны, – как минимум, треть опрошенных к решению власти относятся отрицательно и заявляют это в ходе опроса. 16% не заняли по этому вопросу определённой активной позиции на момент проведения опроса об обязательной вакцинации в Москве. На основе анализа указанных данных, очевиден, как минимум раскол общества по данному вопросу. А, учитывая темпы вакцинации по регионам, можно сделать вывод, что общество не доверяет власти в этом вопросе: не считает, что действия элиты продиктованы действительно соображениями обеспечения национальной безопасности и заботы о здоровье населения.

Элита, как считают некоторые граждане, в вопросе вакцинации отстаивает интересы фармакологических компаний, транснациональных корпораций, демонстрирует реальное безразличие к благополучию населения и т.д. В Интернете достаточное количество публикаций о попытках отдельных граждан и структур гражданского общества обжаловать решение элиты по вопросу вакцинации в суде, а также призывов к акциям гражданского неповиновения в ответ на принуждение к вакцинации под угрозой увольнения с работы. В качестве аргументов граждане, в том числе, выдвигают аргумент, что сами представители правящей элиты, в большинстве своем отказываются публично прививаться российской вакциной, а также факт, что вакцина не прошла все этапы клинических испытаний на момент вынужденной вакцинации, что действия властей несвоевременные, так как вакцинация обычно не проводится в момент непосредственно активизации эпидемии и т.д. Главный аргумент со стороны гражданского общества это противоречие между добровольностью и обязательностью вакцинации – граждан вынуждают подписывать добровольное согласие на вакцинацию под угрозой отстранения от работы, при этом государство не берет на себя ответственность за возможные последствия, отрицает угрозу жизни и здоровью граждан в результате прививки. Таким образом, наблюдается противостояние гражданского общества и политической элиты, отчуждение граждан от принятия политических решений по вопросам вакцинации и шире – по вопросам обеспечения конституционных прав и свобод граждан, возможности иметь свой голос при принятии политических решений.

Важным механизмом консолидации политической власти и общества является инкорпорация граждан в политическую элиту, демократические процедуры рекрутирования, вертикальные лифты партийной мобильности, развития института гражданской экспертизы и независимого экспертного сообщества, а также кибермеханизмы интеграции представителей гражданского общества в процессы политического управления посредством развития интерактивных платформ в формате 2.0 для эффективной коммуникации элиты и общества. Следует также указать на необходимость разрешения существующего противоречия между нарастанием протестной активности общества и легальных форм ее проявления [4]. Реакция подавления и сокращение легальных форм проявления протестной активности населения со стороны элиты провоцирует общество на поиск альтернативных форм политического участия и политической борьбы, нелегитимных форм реализации права быть услышанными политической элитой и быть инкорпорированными во власть.

Подытожим: В современной России существуют противоречивые тенденции взаимодействия основных социально-политических кластеров консолидации политической власти – политической

¹ Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. Аналитический обзор. 12 февраля 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 29.06.2021).

² Вакцинация с элементами обязательности: за и против. 23 июня 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinaciya-s-ehlementami-objazatelnosti-za-i-protiv> (дата обращения: 07.07.2021).

элиты и гражданского общества. С одной стороны, выявляется тенденция сплочения элиты и общества перед лицом глобальных вызовов современности. Для совместного решения социально-политических проблем политическая элита санкционирует развитие технологий электронного правительства, электронного голосования, механизмов публичной политики, возможности для граждан быть услышанными политическими лидерами, в том числе посредством «прямых линий» с Президентом, пресс-конференций, и обращений Президента к Федеральному собранию РФ и т.д. А, с другой стороны – политическая элита сокращает легитимные формы проявления гражданского протеста, активно использует административно-командные методы управления, патерналистские модели взаимодействия общества и власти с опорой на президентскую вертикаль [5]. С одной стороны, социальный мониторинг выявляет тенденцию отчуждения общества от власти, нарастания протестной активности населения и раскол общества по ценностно-идеологическим основаниям на фоне усиления социально-политического неравенства в условиях пандемии, снижения консолидационного потенциала идей патриотизма, великодержавности и т.д. А, с другой стороны, - общество, в массе своей, по-прежнему демонстрирует невысокий уровень политической культуры гражданского участия, следует историческим традициям российской власти, с упованием на государство, управляющую элиту и верховного политического лидера в решении актуальных проблем. Разрешением обозначенных противоречий должно стать интерактивное взаимодействие элитного и гражданского кластеров в рамках партнерской модели с целью расширения политического участия граждан в реализации консолидационной государственной политики и активизации механизмов контроля политической элиты гражданским обществом в пространстве публичной политики.

Литература

1. Смородинская Н. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. Монография. М., 2015.
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
3. Балаян А. А., Томин Л. В. Акторно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 88–94.
4. Левашов В. К. Российские граждане о социально-политических аспектах жизни, вызовах и угрозах в изменяющейся реальности (по материалам мониторингов ИСПИ ФНИСЦ РАН) URL: https://event.wciom.ru/file/report_2021/112_21052021093746.pdf (дата обращения: 27.06.2021).
5. Сковиков А. К., Леонтьева О. В. Взаимодействие политической элиты и гражданского общества: основные цели, механизмы и принципы // PolitBook. 2020. № 1. С. 38–64.

References

1. Smorodinskaya N. *Globalized economy: from hierarchies to network*. Moscow; 2015. (In Rus.)
2. Latour B. *Re-assembly of social: an introduction to actor-network theory*. Moscow; 2014. (In Rus.)
3. Balayan A. A., Tomin L. V. Actor-network theory in the context of discussions on ideology and lithic ontology. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = IKBFU's Vestnik. The humanities and social science*. 2018;(1):88–94. (In Rus.)
4. Levashov V.K. Russian citizens about the socio-political aspects of life, challenges and threats in a changing reality (according to the monitoring materials of the ISPI FNICC RAS). Available from: https://event.wciom.ru/file/report_2021/112_21052021093746.pdf [Accessed 27 June 2021]. (In Rus.)
5. Skovikov A. K., Leontieva O. V. Interaction between the political elite and civil society: main goals, mechanisms and principles. *PolitBook*. 2020;(1):38–64. (In Rus.)

Информация об авторе

А. В. Осипов – канд. полит. наук, судья.

Information about the author

A. V. Osipov – Candidate of Political Science, Judge.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; одобрена после рецензирования 18.08.2021; принята к публикации 22.08.2021.

The article was submitted 22.07.2021; approved after reviewing 18.08.2021; accepted for publication 22.08.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 206–211
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3):206–211

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 159.923

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-206-211

**ФАКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Яна Викторовна Артамонова¹, Сергей Сергеевич Барсуков²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, janaserduchenko@mail.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, barsukov1982@yandex.ru

Аннотация. Трансформационные процессы, которые в настоящее время существуют в обществе, влияют на изменения в социальном сознании населения и отражаются на социальном поведении граждан, особенно молодого поколения. В связи с этим авторы статьи обращаются к факторам девиантного поведения российской молодежи путем теоретико-методологического анализа проблемного поля исследования. В рамках данной работы раскрываются два подхода к девиациям: биологический и социологический. В рамках биологической теории рассматриваются основные идеи итальянского криминалиста и психиатра Чезаре Ломброзо, основоположника антропологического направления в уголовном праве, основателя теории зависимости психологических характеристик от признаков внешности. Обращено внимание как на первоначальные ошибки ученого, так и на эволюцию его идей. Авторами подчеркивается, что биологическая теория должна быть расширена при помощи социологической концепции, которая позволяет учитывать влияние социальной среды на поведение человека.

Ключевые слова: девиации, девиантное поведение, социальный контроль, габитоскопия, антропология, преступник, теория, методология

Для цитирования: Артамонова Я. В., Барсуков С. С. Факторы девиантного поведения российской молодежи: теоретико-методологический и социальный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 206–211. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-206-211>.

Sociology Problems

Original article

**FACTORS OF DEVIANT BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS**

Yana V. Artamonova¹, Sergey S. Barsukov²

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, janaserduchenko@mail.ru

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, barsukov1982@yandex.ru

Abstract. The transformational processes that currently exist in society affect changes in the social consciousness of the population and are reflected in the social behavior of citizens, especially the younger generation. In this regard, the authors of the article turn to the factors of deviant behavior of Russian youth through a theoretical and methodological analysis of the problematic field of research. Within the framework of this work, two approaches to deviations are revealed: biological and sociological. Within the framework of the biological theory, the main ideas of the Italian criminalist and psychiatrist Cesare Lombroso, the founder of the anthropological direction in criminal law, the founder of the theory of the dependence of psychological characteristics on signs of appearance, are considered. Attention is drawn to both the initial mistakes of the scientist and the evolution of his ideas. The authors emphasize that the biological theory should be expanded with the help of a sociological concept, which makes it possible to take into account the influence of the social environment on human behavior.

Keywords: deviation, deviant behavior, social control, habitoscopy, anthropology, criminal, theory, methodology

For citation: Artamonova Y. V., Barsukov S. S. Factors of deviant behavior of Russian youth: theoretical and methodological analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(3):206–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-206-211>.

В настоящее время российское общество переживает трансформационные процессы, которые обостряют ситуации рискогенности и неопределенности. Происходящие трансформации отражаются на всех сферах общественной жизни, влияют на изменения базовых потребностей, ценностных ориентаций различных социальных групп. Также происходит переустройство социальной реальности и деформация социальных институтов. Безусловно, эти изменения трансформируют социальное сознание населения и отражаются на их социальном поведении.

Если мы обратимся к статистическим данным, то увидим, что показатели зарегистрированных преступлений в целом по стране снижаются (с 2628,8 тыс., совершенных в 2010 году до 1991,5 тыс. в 2018 году)¹. Но в настоящее время все равно наблюдаются неправомерные деяния среди россиян. Статистика, размещенная на сайте МВД РФ, показывает, что в настоящее время фиксируется небольшой рост общего количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений (на 2,4%). По мнению сотрудников МВД РФ, данное обстоятельство обусловлено тем, что значительная часть криминальных деяний совершается с применением IT-технологий. В рамках отчетного периода (январь 2021 года) таких преступлений было зарегистрировано на 32,2% больше, чем год назад. Если в январе 2020 года удельный вес преступлений в сфере высоких технологий составлял 17,7%, то в первом месяце текущего года он увеличился до 25%².

На наш взгляд, проблема совершения преступлений взаимосвязана с изменениями правовой культуры в России в целом. Поскольку основы правовой культуры необходимо закладывать в подростковом возрасте, то исследователи часто обращаются к вопросам формирования правового сознания молодежи, а также рассматривают причины девиантного поведения молодых людей.

Например, аспекты, связанные с правовой культурой молодежи, представлены в работах О.И. Анненко, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Н.В. Руднева, А.М. Щукина [1;2;3;4]. Исследователи в своих работах указывают на то, что при формировании правовой культуры молодежи возникают противоречия, связанные с несовершенством правовой системы в плане обеспечения реализации прав подростков, а также из-за низкого уровня правосознания многих молодых людей [5]. Также ученые обращаются к вопросам формирования позитивного правосознания молодежи в современной России, так как в настоящее время существует необходимость в усилении воспитательной работы, направленной на выработку устойчивых ориентаций на поведение правомерного характера [6].

Также исследовательский интерес ученых направлен на рассмотрение вопросов, касающихся различного рода девиаций в молодежной среде. Например, особо актуальной в настоящее время является тема молодежной радикализации, экстремизма и терроризма [7; 8; 9].

Анализ научных и статистических источников свидетельствует о том, что проблема девиантного поведения среди российского населения, особенно молодежи, является актуальной и значимой. Актуальность данного проблемного поля исследования подчеркивается большим количеством научных источников по данной проблематике. Но несмотря на существование большого количества работ по проблемному полю исследования, на наш взгляд, существует необходимость в исследованиях, направленных на теоретическое осмысление факторов девиантного поведения российской молодежи.

В рамках данной работы мы обратимся к биологическому подходу и социологической концепции в исследовании девиаций.

С точки зрения биологического подхода при изучении девиантного поведения, по нашему мнению, будет уместно рассмотреть идеи Ч. Ломброзо, который в своих трудах объяснял отклонения в поведении человека при помощи биологической концепции.

Одним из разделов криминалистики является габитоскопия, т.е. наука о признаках внешности человека. Знания о признаках внешности заложены в методике составления словесного или субъективного портретов. Но одно дело составить облик преступника по словам потерпевших или очевидцев преступления, и совсем другое по признакам внешности и поведенческим реакциям выявить настрой на преступный умысел. В наше время постоянно увеличивается количество средств фото- и видеофиксации на улицах, в помещениях зданий, в общественных местах, и этому аспекту изучения предполагаемых действий конкретного лица в зависимости от вышеуказанных признаков стало уделяться большое внимание. Основателем теории зависимости психологических характеристик от признаков внешности был Чезаре Ломброзо, который изучал преступления и преступников при помощи антропометрического метода.

¹ Официальный сайт Федеральная служба статистики [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (Дата обращения: 17.03.2021).

² Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23163626/> (Дата обращения: 17.03.2021).

Специфика трудов Ч. Ломброзо состояла в том, что в первую очередь ученого интересовал сам преступник, в то время как уголовное право было целиком сосредоточено только на преступлении. Он отслеживал различные физические и психические характеристики лиц, совершивших противоправные действия, анализировал особенности анатомического и физиологического строения организма преступников. Череп, нос, уши, цвет волос, имеющиеся на теле татуировки подвергались тщательному изучению психиатра и его учеников.

Криминалист исследовал 383 черепа умерших и 3839 черепов живых нарушителей закона, изучил особенности организма 26886 преступников и 25447 добропорядочных граждан. Таким способом, он надеялся выяснить особую природу преступного человека. Результатом работы стало выявление ряда признаков, по которым, по убеждению Ломброзо, можно отличить прирожденного преступника от нормального человека.

По мнению Ч. Ломброзо, врожденная тяга к нарушению закона обусловлена происхождением от дегенеративных предков. Преступник – дегенерат, который отстает в своем развитии от развития человечества и не может контролировать свое поведение [9]. Ученый выявил сходство преступника с древним дикарем на основании таких признаков как пониженная чувствительность, отсутствие нравственности, слабость рассудка. По его мнению, даже очень качественное воспитание не способно исправить то, что заложила в человека природа. Ребенок обязательно совершит в будущем противоправные деяния, если в нем имеются соответствующие патологические гены. Психиатр считал таких людей недоразвитыми, предлагал изолировать их от общества еще в детстве, тем самым защитить нормальных граждан от будущих преступлений.

Для преступников, по теории Ломброзо, характерны очень большие скулы и челюсти, громадные и удаленные друг от друга орбиты, выпуклость надбровных дуг. У них обычно маленькая голова, но при этом большое и асимметричное лицо, низкий наклонный лоб с большим количеством морщин и отсутствием четкой границы роста волос, небольшой подбородок, широкая нижняя и тонкая верхняя губа, асимметричные носовые отверстия. Нарушители закона седеют гораздо позже нормальных людей. С другой стороны, у них чаще и раньше появляются морщины. Особое внимание ученый придавал значению скуловой морщины, которую называл «морщиной порока», а также форме ушей. На основании наблюдений он пришел к заключению, что у преступников увеличен угол между ухом и височной костью, достаточно часто встречается петлистая форма ушей. Типичными признаками для них также является раздражительность и вспыльчивость. Также у преступников отмечается притупление вкуса, слабо развитое обоняние и патологическая тяга к татуировкам. Ломброзо посчитал возможным определить, какие черты характерны для отдельных категорий нарушителей закона: воров, мошенников, насильников, убийц и прочих.

Отдельное направление исследований Ч. Ломброзо – изучение преступных женщин, среди которых он выделил несколько групп: врожденных преступниц, случайных преступниц и преступниц по страсти [10].

Представительницы первой группы обычно совершают очень жестокие преступления, притом неоднократно. Они тяготеют к мужскому образу жизни, способны с легкостью подчинять волю других. Основными мотивами их деяний являются месть, ненависть к окружающим людям, жадность. Поведение представительниц второй и третьей группы мало отклонено от нормы, они идут на преступления ввиду сложившихся обстоятельств или сильных страстей. Ломброзо нашел, что признаки вырождения, такие как аномалии лица, черепа у преступных женщин встречаются реже, чем у мужчин. Тем не менее, для них характерны оксифалия (коническая форма черепа), меньший размер черепа, подавшийся назад лоб, косоглазие, петлистые уши, раннее появление морщин и седых волос.

Другими особенностями являются, как и у преступных мужчин, пониженная тактильная чувствительность и склонность к татуировкам. В целом же, врожденным преступницам более свойственна психологическая уродливость, чем физиологическая. Они коварны, лживы и чрезвычайно жестоки, имеют склонность к антисоциальному поведению, бродячей жизни, частой смене половых партнеров, испытывают непреодолимую страсть к нарядам. У них отсутствует материнский инстинкт. Ломброзо сделал вывод, что патологические наклонности преступниц многочисленнее и разнообразнее мужских.

О том, насколько популярно было учение Ломброзо, говорит такой интересный факт, что под влиянием теории итальянского ученого И.А. Бунин написал рассказ «Петлистые уши», который значительно отличается от любовной и лирической прозы писателя. Главным героем произведения Бунина является матрос Адам Соколович, который в процессе повествования совершает осознанное, но беспричинное страшное убийство. При этом внешность матроса выделяется рядом отличительных признаков, а именно худобой, высоким ростом, сильно развитой челюстью, огромными

ступнями, татуировкой на кисти, ослабленным действием на его организм алкоголя [11]. Основная мысль рассказа заключается в том, что страсть к преступлению заложена в сфере инстинктов. У итальянского криминалиста Бунин заимствует тезис об извечной, врожденной тяге ко злу.

Следует отметить, что в первоначальной версии своей теории Ломброзо совершенно не учитывал такие факторы, как окружающая среда, в которой находится человек и процесс воспитания. Таким образом, Ломброзо явно преувеличивал биологическую и никак не учитывал социальную причину совершения преступления.

В последних изданиях своих трудов Ломброзо уже уделял внимание анализу таких факторов, как климатические, географические, метеорологические, плотность населения, уровень питания, экономическое развитие, и другие.

Типы преступников, по мнению Ломброзо, могут распознать только компетентные специалисты, для чего в ряды судей должны привлекаться антропологи, врачи и социологи. Также он требовал, чтобы вместо вопроса о виновности в суде фигурировал вопрос о социальной вредности.

Теория Ломброзо на протяжении долгого времени занимала одно из ведущих положений в западной криминологии. Она стала основой биокриминологии, а сам ученый – родоначальником антропологического направления в уголовном праве. Ученый дал мощный импульс для проведения различных глубоких экспериментов в криминалистике, системных исследований личности преступного человека, открыл глобальное направление криминалистического поиска. К его сторонникам относился французский криминалист Бертйльон, разработавший антропометрический метод идентификации преступников.

Криминальная антропология, физиогномика на сегодняшний день нашли свое отражение в судебной психологии, социальной психологии. Работы Ломброзо снова стали актуальны в XXI веке, когда в деятельность криминалистов была внедрена современная технология по распознаванию лиц, направленная на идентификацию человека по цифровому фотографическому изображению, видеокадру, а также их совокупности [12].

Ломброзо также является автором гидросфигмометра – прибора, являющегося прообразом современного полиграфа. С его помощью стало возможным следить за такими физиологическими характеристиками организма подозреваемых, как частота пульса и уровень артериального давления, а также давать оценку изменениям их показателей во время опроса и демонстрации фотографий.

Ученый считал, что благодаря контролю физиологических реакций можно не только выявить информацию, которую человек пытается скрыть, но и установить его невиновность. Ярким примером современных научных исследований, переплетающихся с теорией Ломброзо, является изучение электродермальной активности: проводимость кожи может быть мерой эмоциональных реакций, что может быть использовано для выявления лиц, совершивших преступление [13].

Разработки Ломброзо, такие как деление преступников на психологические типы, систематизация татуировок и раскрытие их тайного смысла, метод фиксации антропологических данных человека, анализ преступного жаргона, актуальны в криминалистике и в настоящее время.

Как мы уже отметили, сам Ч. Ломброзо находил с своей теории определенные недостатки в виде учета только факторов внешности при исследовании девиаций. В связи с этим, биологический подход может быть дополнен социологической концепцией девиантного поведения. С социологической точки зрения девиации рассматривал Э. Дюркгейм. Именно он ввел в научный оборот понятия «девиация» и «девиантность» [14]. Работы Э. Дюркгейма обращены к суицидальному поведению, причины которого кроются как внутри человека, так и определяются социальными условиями. Анализируя статистические данные, Э. Дюркгейм выяснил, что среди детей, которые проживают в больших городах, больше тех, кто склонен к суициду, в сравнении с теми, кто живет в сельской местности. То есть, склонность к самоубийству, по мнению Э. Дюркгейма, является следствием воздействия социальной среды на человека.

Также Э. Дюркгейм выявили зависимость между предрасположенностью к самоубийству и религиозными убеждениями. Например, число самоубийств оказывается выше среди протестантов, что связано с тем, что протестанты больше освобождены от религиозным догм. Также в исследованиях Э. Дюркгейма особое внимание уделяется такому фактору, как семья и семейные отношения. Последователем Э. Дюркгейма являлся Р. Мертон, который выделил пять основных форм индивидуального приспособления к культурным нормам: конформность, инновацию, ритуализм, бегство и мятеж.

В настоящее время социологический подход очень часто применяется учеными при изучении девиантного поведения.

Очень актуальной в связи с социальной изменчивостью является идея о средовых и деятельностных рисках [15]. Например, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров акцентируют внимание, что одним из существенных свойств общественного сознания (особенно молодежного) в эпоху постмодернизма

выступает экстремальность. Столкновение человека с трудностями вызывают у него гнев и различные девиации. То есть, сама социальная среда продуцирует социальные риски и порождает условия неопределенности, вызывая девиантное поведение со стороны человека.

Таким образом, проведенный нами теоретико-методологический анализ девиантного поведения, подчеркивает, что в научной мысли существует множество подходов к пониманию девиаций. Одними из часто применяемых исследователями и в рамках практической деятельности являются: биологический подход и социологическая концепция. На наш взгляд, данные подходы не являются взаимозаменяемыми, а наоборот, дополняют друг друга, поскольку физиологическое строение является лишь одним из факторов девиантного поведения, которое может корректироваться социальной средой.

Список источников

1. Анненко О. И. Правовая культура современной российской молодежи: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2007.
2. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 37–47.
3. Руднева Н. В. Информационный аспект духовно-нравственной модернизации правовой культуры молодежи // Вестник ВИ МВД России. 2010. № 4.
4. Щукин А. М. Правовая культура молодежи как объект социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №3.
5. Загутин Д. С., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Проблемы формирования позитивного правосознания молодежи в современной России // Философия права. 2017. №3 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-formirovaniya-pozitivnogo-pravosoznaniya-molodezhi-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 18.03.2021).
6. Карпова А. Ю. Модели построения профилей радикалов для прогнозирования инцидентов террористической и экстремистской направленности. Актуальные направления развития систем охраны, специальной связи и информации для нужд органов государственной власти Российской Федерации // XI Всероссийская межведомственная научная конференция: материалы и доклады (Орёл, 5–6 февраля 2019 года). В 10 ч. Ч. 10 / под общ. ред. П. Л. Малышева. Орёл: Академия ФСО России, 2019. С. 84–87.
7. Чернышова Е. А. Правовая социализация и девиантное поведение молодежи на современном этапе развития общества // Государственно-правовые исследования. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-sotsializatsiya-i-deviantnoe-povedenie-molodezhi-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva> (дата обращения: 18.03.2021).
8. Гафиатулина Н. Х., Брусенцева Д. М. Террористическая деятельность: сущностные признаки и факторы детерминации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskaya-deyatelnost-suschnostnye-priznaki-i-factory-determinatsii> (дата обращения: 18.03.2021).
9. Ломброзо Ч. Человек преступный. М.: Алгоритм, 2019.
10. Ломброзо Ч. Женщина – преступница или проститутка. М.: Астрель, 2012.
11. Бунин И. А. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: Альфа-книга, 2018.
12. Николаев А. С. Закономерности становления антропологической школы криминологии и актуальность использования ее методик в современной науке // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 1.
13. Зайцев А. Ю., Светлов В. А., Козлов С. П., Марков А. М., Микаелян К. П. Кожно-гальваническая реакция – новые горизонты. Проблемы безопасности в анестезиологии: материалы III Международной конференции. М., 2009.
14. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
15. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи // Мониторинг. 2008. № 2 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-regulyatsiya-v-usloviyah-neopredelennosti-teoreticheskie-i-prikladnye-problemy-v-issledovanii-molodezhi> (дата обращения: 18.03.2021).

References

1. Annenko O. I. *Legal culture of modern Russian youth: philosophical analysis: autoref. dis....* Cand. phyllos. sciences. Stavropol; 2007. (In Rus.)
2. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Legal culture of youth from the perspective of transformational strata. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2006;(6):37–47. (In Rus.)

3. Rudneva N. V. Information aspect of the spiritual and moral modernization of the legal culture of youth. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(4). (In Rus.)
4. Schukin A. M. Legal culture of youth as an object of sociological research. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = The Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*. 2011;(3). (In Rus.)
5. Zagutin D. S., Samygin P. S., Samygin S. I. Problems of the formation of positive legal knowledge of youth in modern Russia. *Filosofiya prava. = Philosophy of law*. 2017;3(82). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-pozitivnogo-pravosoznaniya-molodezhi-v-sovremennoy-rossii> [Accessed 18 March 2021]. (In Rus.)
6. Karpova A. Yu. Models for constructing radical profiles for forecasting incidents of a terrorist and extremist nature. Actual directions of the development of security systems, special communications and information for the needs of state authorities of the Russian Federation. In: P. L. Malysheva (ed.). *XI All-Russian Interdepartmental Scientific Conference: materials and reports*. At 10 hours, part 10. Orel: Academy of the Federal Security Service of Russia; 2019:84–87. (In Russ.)
7. Chernyshova E. A. Legal socialization and deviant behavior of youth at the modern stage of society development. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State-legal research*. 2020;(3). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-sotsializatsiya-i-deviantnoe-povedenie-molodezhi-na-sovremennom-etape-razvitiya-obshchestva> [Accessed 18 March 2021]. (In Rus.)
8. Gafiatulina N. Kh., Brusentseva D. M. Terrorist activity: essential signs and determinants. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2018;(3). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskaya-deyatelnost-suschnostnye-priznaki-i-factory-determinatsii> [Accessed 18 March 2021]. (In Rus.)
9. Lombroso C. *The man is criminal*. Moscow: Algorithm; 2019. (In Rus.)
10. Lombroso C. *A woman is a criminal or a prostitute*. Moscow: Astrel, 2012. (In Rus.)
11. Bunin I. A. *A complete collection of stories in one volume*. Moscow: Alpha Book, 2018. (In Rus.)
12. Nikolaev A. S. Patterns of the formation of the anthropological school of criminology and the relevance of the use of its methods in modern science. *Pravo: retrospektiva i perspektiva = Law: retrospective and perspective*. 2020;(1). (In Rus.)
13. Zaitsev A. Yu., Svetlov V. A., Kozlov S. P., Markov A. M., Mikaelyan K. P. *Skin-galvanic reaction - new horizons. Safety issues in anesthesiology: materials of the III International Conference*. Moscow; 2009. (In Rus.)
14. Durkheim E. *Suicide: a sociological sketch*. Moscow: Thought, 1994.
15. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and Applied Problems in Youth Research. *Monitoring*. 2008;2(86). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-regulyatsiya-v-usloviyah-neopredelennosti-teoreticheskie-i-prikladnye-problemy-v-issledovanii-molodezhi> [Accessed 18 March 2021]. (In Rus.)

Информация об авторах

Я. В. Артамонова – канд. социол. наук, ст. преп. Института социологии и регионоведения, кафедра региональной социологии и моделирования социальных процессов;
С. С. Барсуков – ст. преп., кафедра криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, подполковник полиции.

Information about the authors

Y. V. Artamonova – Candidate of Sociological Sciences, Lecturer at the Institute of Sociology and Regional Studies;
S. S. Barsukov – Senior Lecturer, Department of Criminalistics and Operational Investigation Activities.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 26.08.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 26.08.2021.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Дарья Николаевна Боброва¹, Ольга Сергеевна Петрова²

^{1,2}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: Дарья Николаевна Боброва, bebeaver@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт работы с обращениями граждан, в том числе дается оценка использования современных технологий в данном процессе на местном уровне на примере муниципального образования город Ломоносов. Также в рамках исследования проводился анализ удовлетворенности обращающихся граждан муниципального образования г. Ломоносов качеством взаимодействия с муниципалитетом по их обращениям. Проведенный анализ позволил выявить ряд проблем, которые затрудняют работу с обращениями граждан в администрации.

Ключевые слова: обращения граждан, взаимодействие с органами власти, обратная связь, современные технологии, органы местного самоуправления, муниципальное образование, предложение, заявление, жалоба

Для цитирования: Боброва Д. Н., Петрова О. С. Современные технологии в работе с обращениями граждан в органах местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 212–218. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-212-218>.

Sociology Problems

Original article

MODERN TECHNOLOGIES IN WORKING WITH CITIZENS' APPEALS IN LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Daria N. Bobrova¹, Olga S. Petrova²

^{1,2}A. I. Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

Corresponding author: Daria N. Bobrova, bebeaver@mail.ru

Abstract. The article examines the experience of working with citizens' appeals, including the assessment of the use of modern technologies in this process at the local level on the example of the municipal formation of the city of Lomonosov. The study also analyzed the satisfaction of the citizens of the Lomonosov municipality with the quality of interaction with the municipality on their applications. The analysis made it possible to identify a number of problems that make it difficult to work with citizens' appeals in the administration.

Keywords: citizens' appeals, interaction with authorities, feedback, modern technologies, local self-government bodies, municipal formation, proposal, application, complaint

For citation: Bobrova D. N., Petrova O. S. Modern technologies in working with citizens' appeals in local self-government bodies. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):212–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-212-218>.

Среди полномочий органов местного самоуправления одним из самых важных выступает рассмотрение обращений населения. Местная администрация выполняет в структуре МСУ роль органа, реализующего в пределах МО связанные с рассмотрением указанных обращений организационно-управленческие функции.

Актуальность темы обусловлена тем, что обеспечение взаимосвязи между органами власти и населением, как свидетельствует практический опыт, представляет собой важное условие, при соблюдении которого обеспечивается надлежащий уровень эффективности работы органов муниципальной администрации. Как свидетельствуют результаты анализа литературных источников, администрации, чтобы обеспечить качественную работу с населением, необходимо провести оптимизацию порядка и организационных механизмов работы с обращениями [1, с. 1-11]. Основу работы органов местного самоуправления с обращениями граждан, прежде всего, должны составлять принципы сокращения бюрократических барьеров и прозрачности деятельности указанных органов [2, с. 268].

Цель исследования состоит в анализе проведения работы с обращениями граждан в муниципальном образовании (объекте исследования) город Ломоносов.

Предмет исследования – оценка использования современных технологий в работе с обращениями граждан в администрации муниципального образования город Ломоносов, а также анализ удовлетворенности обращающихся граждан данного МО качеством взаимодействия с муниципалитетом по их обращениям.

Обращением гражданина в органы власти – это комплексное понятие, под которым может подразумеваться заявление, предложение, жалоба, адресованные местным государственным (муниципальным) структурам, а также их должностным лицам и оформляемые в письменном или цифровом виде; кроме того, граждане могут обращаться к указанным органам в устной форме [3, с. 208].

Работа с обращениями граждан – одно из важных направлений деятельности в работе местной администрации МО г. Ломоносов и ведется в соответствии с Федеральным Законом РФ от 2 мая 2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹. Внимание уделяется соблюдению сроков рассмотрения обращений. Все обращения, поступившие в местную администрацию, берутся на внутренний контроль и передаются на исполнение в отделы. В случае необходимости обращения рассматриваются с привлечением автора и/или иных органов, служб и организаций, имеющих отношение к решению данного вопроса.

Вопросы обращения граждан в органы местного самоуправления регулируются статьей 18 Устава внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга город Ломоносов². Все аспектами работы с обращениями граждан в администрации занимается ведущий специалист общего отдела.

На официальном сайте МО г. Ломоносов предусматривается соответствующий раздел для работы с обращениями граждан и специальной информации для обращающихся по все вопросам, связанным с правовым регулированием обращений граждан, составления обращений; приводится информация о работе администрации с обращениями граждан по кварталам, полугодиям и годовые отчеты [2].

Необходимо отметить, что при работе с обращениями граждан соблюдается требования законодательства к защите персональных данных. Автор обращения в администрацию может выбрать вариант получения ответа: либо по электронной почте, в том случае, если указаны фамилия, имя, отчество (последнее – при наличии) и адрес электронной почты (e-mail); либо в письменной форме, в том случае, если указаны фамилия, имя, отчество (последнее – при наличии) и почтовый адрес.

Для того, чтобы отправить обращение в администрацию, в соответствующем разделе официального сайта администрации предусмотрено специальное окно-форма обращения. Также на сайте местной администрации МО г. Ломоносов в разделе работы с обращениями граждан приведен порядок, согласно которому граждане могут обжаловать нормативно-правовые акты и иные решения, принятые муниципальной структурой.

Аналитическая деятельность в отношении работы с обращениями граждан администрации МО г. Ломоносов характеризуется такими формами работы, как формирование отчетности (составление ежемесячных, ежеквартальных и годовых отчетов, тематических информационно-аналитических докладов главе администрации). Также специалистом общего отдела формируются еженедельные сводные отчеты по обращениям граждан – они используются в основном для нужд самой администрации, которые обсуждаются на плановых совещаниях у главы администрации. Принятой формой обобщения запросов от граждан являются ежемесячные, ежеквартальные и годовые отчеты. В таких отчетах готовится информация по результатам общего количества обращений за период, количество обращений по тематическим разделам с распределением обязанностей, повторные обращения, разбивка на формы обращений и контроль за исполнением поручений на обращения граждан.

В том случае, если при поступлении обращения от граждан оказывается, что необходимо содействие межотраслевых служб – со стороны администрации такое содействие организуется. В ряде случаев со стороны администрации может быть инициирована выездная проверка, если необходимо, к примеру, проверить достоверность ответов соответствующих служб. Кроме того, от администрации в ответ может быть направлены варианты в ответе заявителю, в какую структуру по данному вопросу может обратиться гражданин (коллектив граждан).

Таким образом, проанализировав организацию делопроизводства по работе с обращениями граждан в администрации, можно заключить, что это важное направление деятельности в работе местной администрации, функции по работе с обращениями граждан возложены на специалиста общего отдела.

¹ Федеральный Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 № 59-ФЗ.

² Устав внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга город Ломоносов от 29.10.2008 № 335 (ред. от 08.09.2016 № 190).

В 2020 году в местную администрацию МО г. Ломоносов поступило 1059 обращений граждан. Всего обращений граждан за 2018-2020 года представлено ниже в таблице:

Таблица 1 – Виды обращений граждан в администрацию за 2018-2020 гг.

Table 1 – Types of appeals of citizens to the administration for 2018-2020

Вид обращения	2018	2019	2020	Абс.откл 2019/2018	Абс. откл 2020/2019
Письменные	317	421	294	104	-127
Электронные	383	722	601	339	-121
Устные (на приеме у Главы и специалистов)	179	194	164	15	-30
ИТОГО	879	1340	1059	461	-281

Распределение обращений граждан в процентном соотношении за 2018-2020 года приведены ниже на рис. 1:

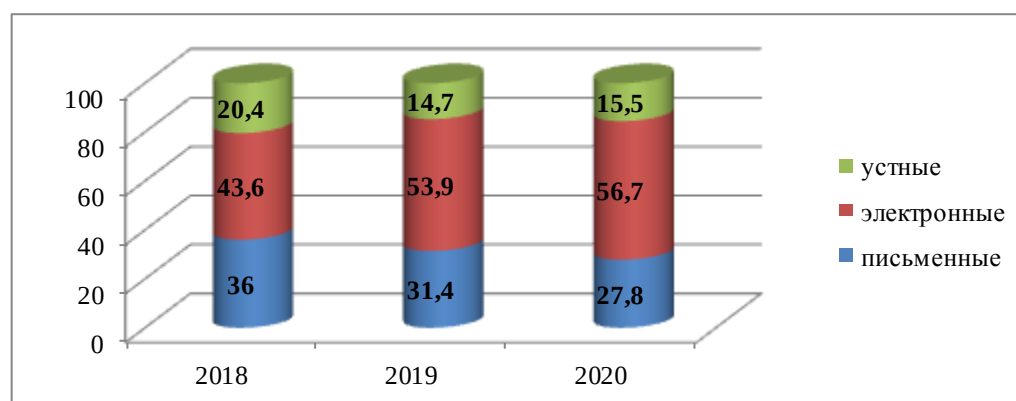

Рис. 1. Распределение обращений граждан в процентном соотношении за 2018-2020 гг. в местной администрации МО г. Ломоносов

Fig. 1. Distribution of citizens' appeals in the percentage ratio for 2018-2020 in the local administration of Lomonosov

В 2018 г. в местной администрации МО г. Ломоносов зарегистрировано 879 обращений граждан. Это больше, чем в 2017 году (857 обращения) на 2,6 %. В 2019 г. в местной администрации МО г. Ломоносов поступило 1340 обращений граждан. Это больше, чем в 2018 году (879 обращений) на 52,4 %. Рост количества обращений обусловлен предвыборной кампанией кандидатов в депутаты Муниципального Совета МО г. Ломоносов, а также активизацией жителей с обращениями к кандидатам в депутаты, которые перенаправляли обращения в Местную администрацию.

Значительно увеличилось количество обращений, поступивших в электронном виде через официальный сайт МО г. Ломоносов, по электронной почте, на портал «Наш Санкт-Петербург».

В 2020 году в местную администрацию МО г. Ломоносов поступило 1059 обращений граждан. Впервые за несколько лет наблюдается уменьшение количества обращений. Это связано с принятием мер по ограничению и приостановке личного приема граждан в связи со сложившейся санитарно-эпидемиологической обстановкой.

Как видно из приведенных данных, обращения направлялись жителями преимущественно в электронном виде.

По тематике обращения граждан распределились следующим образом (табл. 2):

Таблица 2 – Виды обращений граждан в администрацию за 2018-2020 гг.

Table 2 – Types of appeals of citizens to the administration for 2018-2020

Тематика обращения	2018	2019	2020	Абс. откл 2019/2018	Абс. откл 2020/2019
Опека и попечительство	449	517	388	68	-129
Благоустройство	403 (60+343 Наш СПб)	771 (134+637 Наш СПб)	623 (94+529 Наш СПб)	368	-148
Иные	27	52	48	25	-4
ИТОГО	879	1340	1059	461	-281

К иным обращениям относятся обращения граждан в сфере культуры и организации мероприятий, патристическому воспитанию населения и историческому прошлому города, изданию книг, а также поиском архивных данных.

В 2018 году одним из актуальных вопросов обращений остаются вопросы по опеке и попечительству (51,1%), в 2019 году – 38,6%, в 2020 году – 36,6%.

В 2018 году 45,8% поступивших в местную администрацию обращений касается вопросов благоустройства. И уже в 2019, а также 2020 году, больше половины поступивших в местную администрацию обращений 57,5% и 58,8% соответственно касается вопросов благоустройства.

Динамика обращений граждан по тематике в процентном соотношении представлена ниже на рис. 2:

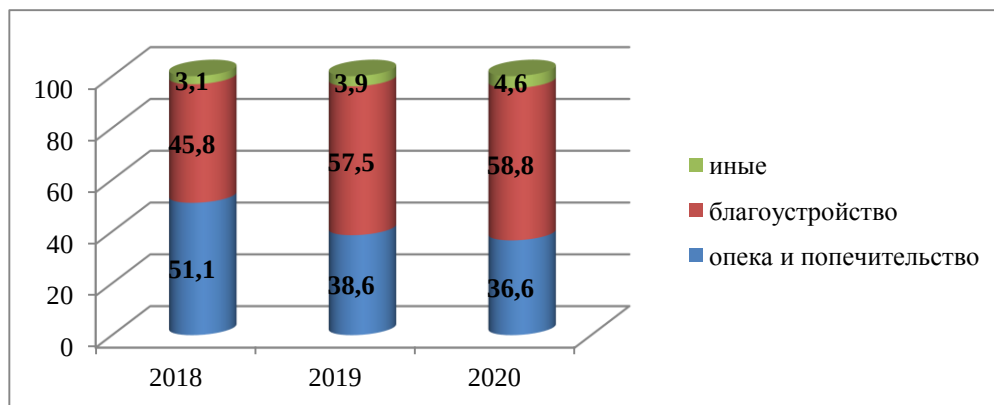

Рис. 2. Распределение тематики граждан в процентном соотношении за 2018–2020 гг. в местной администрации МО г. Ломоносов

Fig. 2. Distribution of the subject matter of citizens in the percentage ratio for 2018-2020 in the local administration of Lomonosov

Таким образом, мы видим, что на протяжении 2018-2020 годов снизилось на 14,5% число обращений граждан по вопросам опеки и попечительства; значительно возросла доля обращений граждан по вопросам благоустройства муниципального образования – на 13%. При этом, увеличилось доля обращений по иным вопросам – с 3,1% до 4,6% (на 1,5%).

Обращения граждан поступают по вопросам, связанным как с полномочиями местной администрации, так и по вопросам, не входящим в компетенцию органов местного самоуправления города Ломоносова. В 2020 году поступило 51 такое обращение. Все они, в соответствии с законом, в течение 7 дней направлялись для решения вопроса по подведомственности или территориальности в органы государственной власти, в различные организации и учреждения в соответствии с их компетенцией, о чем заявителям сообщено в письменном виде.

Основная часть обращений граждан поступает напрямую в местную администрацию МО г. Ломоносов. Также заявления жителей перенаправляются из других органов власти и учреждений. В 2018 году поступило 49 таких обращений. В 2019 году поступило 59 таких обращений. В 2020 году поступило 58 таких обращений.

Приведем данные по решениям, принятым в отношении обращений за 2020 г. Из 1059 обращений, поступивших за 2020 год:

- вопрос решен положительно по 901 обращениям (85%),
- в т.ч.: - меры приняты по 861 обращениям,
- разъяснено по 40 обращениям;
- отказано в решении вопроса по объективным причинам по 41 обращению (4 %);
- вопрос находится в стадии решения (решение вопроса внесено в перспективную программу развития, благоустройства) по 117 обращениям (11%).

Большое количество поступающих в местную администрацию устных обращений носят справочный характер и не подлежат учету. По ним специалистами местной администрации МО г. Ломоносов жителям даются устные разъяснения.

Нужно отметить, что помимо заявлений граждан, в местную администрацию поступают также письма и звонки жителей со словами благодарности о проведенной работе по благоустройству дворов и зон отдыха. В 2018 г. было зафиксировано 19 благодарственных писем, в 2019 г. – 26 благодарственных писем от жителей и в 2020 г. – 17 таких обращений-благодарностей.

За анализируемые три года сократилось среднее время ответа на обращение граждан. Так, динамика представлена ниже:

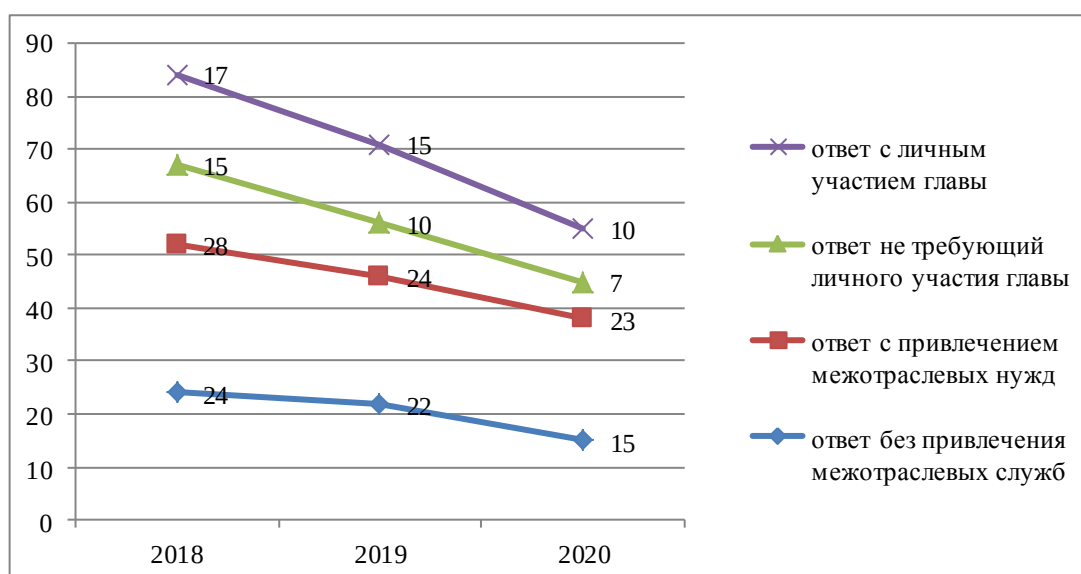

Рис. 3. Среднее время ответа на обращения граждан в администрации за 2018-2020, дн.

Fig. 3. Average response time to citizens' appeals to the administration for 2018-2020, days.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что за три анализируемые года значительно сократилось количество дней, за которыми граждане могли получить ответ на обращение (данные приведены по ответам на обращения, которые предоставлялись через электронный обмен и заявителем).

Кроме того, в администрацию МО г. Ломоносов также поступают обращения граждан, которые были посланы через Единый портал обращения граждан Санкт-Петербурга (Электронная приемная обращений граждан). Поступают вопросы, которые отнесены к компетенции администрации муниципального образования.

Анализ обращений в местную администрацию г. Ломоносов ежеквартально размещается на официальном сайте МО г. Ломоносов. Сведения по обращению граждан и юридических лиц по Муниципальному образованию ежеквартально подаются в Комитет территориального развития, и Прокуратуру района. Ежемесячно информация о результатах рассмотрения обращений граждан и мерах, принятых по таким обращениям, предоставляется в Администрацию Президента РФ в электронной форме. Ежегодно проводится проверка результатов рассмотрения граждан Прокуратурой района.

Также в рамках проводимого исследования проводился анализ удовлетворенности обращающихся граждан муниципального образования г. Ломоносов качеством взаимодействия с муниципалитетом по их обращениям.

На официальном сайте администрации предусмотрена также возможность оценить то, насколько оказались удовлетворены граждане по итогам получаемых ответов на обращения со стороны администрации.

Так, был проведен анализ 100 обращений за период с 01.09.2020 по 15.12.2020 года, по которым гражданами были даны оценки. Результаты показали, что большинство граждан, которые направляли свое обращение в администрацию остались довольны ответом (55%), также частично удовлетворены (25%), не удовлетворены – 20%. Большинство граждан, которые частично удовлетворены или не удовлетворены – это граждане, которые не получили в администрации планируемой ими помощи, ввиду того, что значительная часть обращений не могут быть разрешены силами работников администрации – это не входит в их компетенцию и гражданам необходимо обращаться в другие государственные структуры.

Среди обратившихся граждан в администрацию в варианте отрицательного отзыва о самом взаимодействии с администрацией среди приходивших на прием граждан (повторно к главе), период 2020 года удалось выяснить (у 43 человек) следующие варианты неудовлетворенности ответами:

- ответ был получен практически к концу срока рассмотрения обращения и содержит переадресацию на другую структуру (38%); при этом, часто ответ оказывается уже неактуальным, поскольку гражданин самостоятельно получает ответ на свой вопрос из других источников;

- 26% ответили, что полученный ответ на обращение довольно сложен для понимания, поскольку в основном содержит лишь отсылки на нормативно-правовые акты, часто недоступные для пользования обычными пользователями сети Интернет;

- 20% ответивших указывают, что полученный ответ от администрации является лишь «отпиской» по которому вряд ли будут приниматься какие-то решения, и неизвестно с каким сроком;
- 16% ответивших на данный вопрос объясняют свое недовольство долгим ответом со стороны администрации.

Но необходимо отметить, что со стороны администрации за последние годы предпринимаются определенные шаги по информированию граждан муниципального образования относительно деятельности администрации, в частности, в вопросах работы с обращениями граждан. Информационная деятельность местного самоуправления Ломоносова базируется на официальном сайте самоуправления, публикациях в средствах массовой информации, информационных встречах с жителями, личных встречах и обсуждениях по социально значимым вопросам местного значения на заседаниях администрации.

Анализируя несколько сообществ в социальных сетях, и изучив отзывы граждан, которые на протяжении последних 2-х лет обращались в администрацию с запросами, часть граждан, оставивших свое мнение отметили, что у местной администрации нет особого интереса к взаимодействию с гражданами - они в основном просто выполняют указания вышестоящих органов власти и выполняют задачи по взаимодействию с гражданами в соответствии с действующим законодательством, при этом не вступают в диалог с жителями, не интересуются его результатами. По мнению обращавшихся в администрацию граждан, работники администрации, ответственные за это направление, не всегда готовы к контактам с жителями на необходимом уровне, что может быть связано с недостатком рабочего времени, желанием понять и помочь в решении проблем граждан, так как они реально оценивают ресурсы администрации и не стремятся к недопущению внутренних организационных конфликтов при решении целого ряда проблем территории МО, связанных с обращениями граждан.

Также в результате исследования, при беседах с работниками администрации по интересующему вопросу было выяснено, что в администрации г. Ломоносов наблюдается тенденция усиления процессов автоматизации, к значительному ускорению процедур, касающихся регистрации, контроля и исполнения обращений, поступающих от граждан. В рамках совершенствования деятельности администрации в муниципальной структуре обновляется программное обеспечение, все больше внедряются информационные технологии – что обеспечивает возможность максимально снижать сроки на обработку обращения граждан, и непосредственно на решение возникающих проблем. В качестве современных технологий, используемых в работе администрации с обращениями граждан, можно назвать следующие: в целом, организацию работы с обращениями граждан посредством сети Интернет, электронная почта, интернет-сайт администрации, автоматизированная система внутреннего документооборота с подпроцессами по работе с обращениями граждан; интернет-приемная, личные встречи главы администрации с гражданами.

Анализ организации и анализ эффективности работы с обращениями граждан в администрации МО г. Ломоносов позволил сделать вывод, что многие граждане остаются не удовлетворенными ответами, приходящими в ответ на обращения с администрации. В результате проведенного анализа также было определено, что в местной администрации МО г. Ломоносов наблюдается тенденция автоматизации, ускорения выполнения всех процедур, касающихся работы с обращениями граждан (совершенствование процессов регистрации, ответов, контроля исполнения). Об этом говорят данные по снижению количества дней на обработку обращения граждан за 3 года в динамике. Кроме этого, было определено, что также постоянно совершенствуется деятельность сотрудников по работе с обращениями граждан, что также указывает на повышение уровня профессионализма работников муниципалитета в отношении вопроса по решению проблем граждан.

Кроме этого проведенный анализ позволил выявить ряд проблем, которые затрудняют работу с обращениями граждан в администрации: в администрации отсутствуют четкость во внутри административных разграничениях полномочий; в результате этого не всегда правильно распределяются обращения – граждане нередко не понимают, к вопросам ведения какой структуры их обращения относятся – или к администрации Ломоносов, или района или вообще к администрации Санкт-Петербурга; работники администрации недостаточно мотивированы на вынесение громоздких, исчерпывающих ответов на обращения граждан, в результате чего имеет место нередко формальный ответ, который для обратившегося гражданина может оказаться непонятным; до сих пор нет единого, эффективного внешнего контроля за работой работников администрации с обращениями граждан, организаций; не сформирована система, которая бы позволяла проводить эффективные разбирательства по жалобам на действия/или бездействия работников муниципалитета. Значительной проблемой остается вопрос переадресации на другие структуры, если вопрос не входит в компетенцию администрации; некоторые работники администрации не обладают высоким уровнем профессиональной компетентности, что и объясняет зачастую формальный уровень ответов на

обращения; также немаловажная проблема – и со стороны граждан, обращающихся в администрацию (также невысокий уровень правовой грамотности, часто отсутствие средств электронного взаимодействия);

Представляется возможным улучшить работу с обращениями граждан путем внедрения современных информационных технологий, которые позволят оптимизировать обратную связь, систему работы с обращениями граждан, повысить их интерес к работе администрации и одновременно повысить ответственность работников администрации за выполняемую работу.

Список источников

1. Гальченко В.В. Актуальные проблемы развития социальной активности населения на местном уровне // Мир Науки. 2018. № 4. С. 1–11.
2. Чурилина Е.Н. Особенности системы работы с обращениями граждан на муниципальном уровне // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 10. С. 283–286.
3. Лихтин А.А., Зверева Е.И. Совершенствование организации работы с обращениями граждан в органах государственной власти Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 208–212.

References

1. Galchenko V. V. Actual problems of the development of social activity of the population at the local level. *Mir Nauki = World of Science*. 2018;(4):1–11. (In Rus.)
2. Churilina E. N. Features of the system of working with citizens' appeals at the municipal level. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities scientific researches*. 2018;(10):283–286. (In Rus.)
3. Likhtin A. A., Zvereva E. I. Improving the organization of work with citizens' appeals to state authorities of St. Petersburg. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2020;(4):208–212. (In Rus.)

Информация об авторах

Д. Н. Боброва – канд. социол. наук, доц. кафедры государственного, муниципального и социального управления;

О. С. Петрова – канд. социол. наук, доц. кафедры управления образованием и кадрового менеджмента.

Information about the authors

D. N. Bobrova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of State, Municipal and Social Management;

O. S. Petrova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Education Management and Personnel Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 18.07.2021; принята к публикации 20.07.2021.

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 18.07.2021; accepted for publication 20.07.2021.

Научная статья

УДК 316.2

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-219-223

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Г. П. ЗИНЧЕНКО «СОЦИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

Ярослава Геннадиевна Зинченко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье описывается становление и развитие научной школы «Социология государственной службы» Заслуженного деятеля науки РФ, доктора философских наук, профессора Г. П. Зинченко. Приводятся концептуальные основы, методология и динамика развития опыта социологических исследований проблем современной государственной гражданской службы. Представлены перспективные направления дальнейшего исследовательского поиска в контексте трансформационных процессов современных российских государства и общества.

Ключевые слова: социология государственной службы, социальная инженерия, публичное администрирование, социологическая модель государственной службы, административный инжиниринг

Для цитирования: Зинченко Я. Г. Перспективы развития научной школы Г. П. Зинченко «Социология государственной службы» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 219–223. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-219-223>.

Sociology Problems

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF G.P. ZINCHENKO "SOCIOLOGY OF THE STATE SERVICE"

Yaroslava G. Zinchenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article describes the formation and development of the scientific school «Sociology of Public Service» of Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor G.P. Zinchenko. The conceptual foundations, methodology and dynamics of the development of the experience of sociological research on the problems of the modern state civil service are given. The perspective directions of further research in the context of the transformation processes of the modern Russian state and society are presented.

Keywords: sociology of civil service, social engineering, public administration, sociological model of civil service, administrative engineering

For citation: Zinchenko Ya. G. Prospects for the development of the scientific school of G.P. Zinchenko "Sociology of the state service". *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):219–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-219-223>.

Начало научной школы «Социология государственной службы» было положено в первые годы новой российской государственности – в 1992 году. Именно тогда на базе Северо-Кавказского кадрового центра (СККЦ) была создана кафедра социологии и политологии, которую возглавил профессор Зинченко Геннадий Павлович. Геннадий Павлович пришёл в науку имея длительный и обширный практический и научно-методический опыт работы во властных структурах, который и стал базой для формирования нового научного направления.

Философский факультет Ростовского государственного университета, три года армейской службы, десятилетие трудовой деятельности на вертолётном заводе Ростова-на-Дону, двадцать лет идеологической работы в комсомольских и партийных органах, просветительская работа во Всесоюзном обществе «Знание», трёхлетняя командировка в Таджикистан и работа под началом будущих президентов Таджикистана и Молдовы – К. Махкамова и П. Лучинского, докторантура

Академии общественных наук и работа в Высшей партийной школе, – вот истоки тематических направлений научного творчества, продолжавшегося три десятилетия до самого финала жизни учёного.

Необходимо отметить и роль коллег Геннадия Павловича. При том, что в начале девяностых годов прошлого века социология после длительного перерыва только возвращалась в учебные заведения, коллектив кафедры начинал работу отнюдь не с чистого листа. В него пришли специалисты, имеющие опыт социально-политических исследований и навыки администрирования. Они продолжили реализацию своих проектов, адаптировав их к центральной научно-практической проблеме кафедральных исследований – становление профессиональной государственной службы в России. Это был социальный круг квалифицированных ученых: Албастова Л.Н., Капитонов Э.А., Колесников В.А., Лысенко В.Д., Понеделков А.В., Старостин А.М., Шевченко О.М. и др.

Научные результаты работы кафедры нашли отражение в концепции кадровой политики администрации Ростовской области, плана стратегического развития г. Ростова-на-Дону, в экспертно-аналитических докладах по заказам властных структур. Ряд упомянутых материалов был положен в основу книг Геннадия Павловича, общий объем которых составляет сегодня около 100 п.л. В числе других труд профессора был отмечен благодарностью Министра образования РФ за подготовку цикла учебников и пособий по подготовке специалистов государственного и муниципального управления. Предметом гордости учёного был тот факт, что кафедра получила статус референтной в научном сообществе социологов. Признание и зрелость научно-исследовательских работ коллектива кафедры стали основанием выделения научного функционала в самостоятельное структурное подразделение – информационно-аналитический центр обеспечения государственной гражданской службы. Это начинание было поддержано ректором тогда уже Северо-Кавказской академии государственной службы – В.Г. Игнатовым. Возглавил центр профессор В.Д. Лысенко, а сотрудниками его в разные годы являлись начинающие преподаватели, аспиранты, студенты, которые приобретали практический опыт исследовательской работы, что способствовало приращению кадрового потенциала кафедры. Информационно-аналитический центр существовал с 1999 по 2013 годы.

За этот период было проведено более 60 масштабных социологических исследований в сотрудничестве с Российской академией государственной службы, Избирательной комиссией Ростовской области, Ассоциацией муниципальных образований Ростовской области, органами исполнительной власти Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, республик Северного Кавказа; Администрацией города Ростова-на-Дону, муниципальными органами власти Ростовской области.

Реализуя представленные направления работы, Информационно-аналитический центр сотрудничал на протяжении многих лет с профессорами В.Г. Игнатовым, А.В. Понеделковым, А.М. Старостиным, что нашло отражение в целом ряде книг, брошюр, статей.

Основными направлениями деятельности центра были: прикладные исследования проблем функционирования государственной и муниципальной службы, сбор и анализ информации о развитии государственной и муниципальной службы в Южном Федеральном округе, изучение кадрового потенциала региональных органов власти, обобщение информации о проведении кадровой политики, осуществление социологического консультирования органов власти и управления, анализ социально-политической ситуации в регионе и электорального поведения граждан, оказание помощи органам государственного и муниципального управления в проведении аттестации кадров, разработка методики социологических исследований в области государственной службы и по проблемам взаимодействия власти с населением [1, с. 254].

Накопленный опыт, сложившаяся традиция и научная школа, кадровый потенциал позволяют сегодня вернуться к идее выделения в организационной структуре вуза «Лаборатории социального инжиниринга и управленческого консалтинга им. Г.П. Зинченко». Такая структура могла бы создавать консалтинговые и исследовательские решения для органов власти и бизнеса, проводя политические и социологические, социально-экономические исследования.

В рамках блока политических исследований лаборатория могла бы предложить изучение общественного мнения по вопросам региональной политики; оценку реакции на политические события, решения органов власти; оценку населением деятельности государственных структур; разработку рейтинга доверия к структурам и персоналиям публичной власти, электоральные исследования (прогнозные и экзит-полл). Данные предложения могут быть востребованы органами власти для целей сопровождения избирательных кампаний, поддержки государственных управленческих решений, при экспертизе нормотворчества, реализации государственных и региональных программ развития.

Основными направлениями социологических исследований могут стать: исследование социальных проблем местных сообществ, изучение качества жизни населения; оценка населением качества социальных услуг; исследование факторов формирования общественного мнения; социальное самочувствие населения. Количественные и качественные исследования возможно проводить как с помощью традиционных, так и инновационных методик – аналитики больших данных и социальных сетей.

Исследовательскими решениями для бизнеса могут быть: исследование потенциала рынка, изучение целевой аудитории, оценка социально-политических рисков деятельности компании в регионе, исследование товарного знака, измерение потребительских настроений, экспертиза объектов интеллектуальной собственности.

Возвращаясь к истокам творчества основателя научной школы, необходимо отметить, что первыми литературными источниками, на которые опирался Геннадий Павлович стали труды М. Ковалевского, П. Новгородцева, М. Острогорского, Г. Плеханова, Б. Чичерина. Руководствовался он также идеями зарубежных социологов: Вебера, Гоулднера, Крозье, Мертона, Селznика и др.

Социологические проблемы государственной и муниципальной службы - это проблемы взаимодействия данного института с государством и обществом, проблемы проявления статусно-ролевых закономерностей служилого сословия. Предметное поле данной отрасли социологии подразумевает двухуровневую структуру научного знания – макро и микро. Первый уровень касается институционального аспекта государственной и муниципальной службы, а второй – поведенческого [2, с. 105].

Предметом социологии государственной и муниципальной службы являются публично-правовые отношения по поводу производства управленческих решений (т.е. процесса перевода социальной информации на язык нормативных актов), их реализации (т.е. трансформации юридических норм в социальное поведение людей) и последствий, связанных с изменением общественной жизни.

Одним из центральных сюжетов начала исследовательской деятельности научной школы стала децентрализация и федерализация публичной власти в нашей стране. Сопоставление теоретической и корпоративной модели вертикали правления позволило выявить противоречие соотношения власти и ответственности, при котором первая распределялась сверху вниз, а вторая – снизу вверх. Дисбаланс власти и ответственности был зафиксирован в панельных социологических исследованиях сельской администрации, которая фактически представляет собой низовой орган государственной власти с ограниченными возможностями оказания услуг населению. По мнению опрошенных глав сельских администраций, они полностью включены в вертикаль исполнительной власти и выполняют волю начальства.

Еще одна знаковая научная проблема – взаимодействие государственной службы и общества. В середине девяностых годов прошлого века при участии профессора Зинченко впервые была предпринята попытка проникновения социологов в административную среду современного российского государства, закрытую для публичного обсуждения. В результате пилотажного исследования были определены основные социологические подходы к изучению российской бюрократии и впервые поставлен вопрос о необходимости разработки специальной теории среднего ранга - социологии государственной службы.

Позднее была разработана социологическая модель государственной службы, которая выступает как система деятельности и объясняется посредством деятельностного подхода. Она представляется так же как совокупность субъектов деятельности, которые изучаются с помощью личностно-деятельностного и стратификационного подходов. Она мыслится как система связей и отношений и поэтому исследуется посредством институционального подхода. Она имеет определенные ментальные и ценностные основания и должна быть понята в социокультурном контексте. Она представляет собой объединение некоторого разнообразия в единое целое, что требует использования системного подхода.

Каждый из изложенных выше методологических подходов учёный апробировал в эмпирических исследованиях. Особое внимание уделял социологическому сопровождению государственной службы, технике применения методов исследования; специфике их использования.

Нельзя не отметить и проработку понятийно-категориального гнезда новой социологической теории и обратиться к определению ключевого понятия – «публичное администрирование». Государственную деятельность в идеале можно представить как систему регулятивного действия по поддержанию социального порядка, выраженную в политике, управлении и администрировании. Следует отметить, что понятие «государственное управление» отсутствует в тексте Конституции РФ. Видимо по этой причине оно трактуется расширительно: не только как управление делами государства, но и делами общества. Такой подход унаследован от советского прошлого, когда государству принадлежала чуть ли не вся собственность страны.

Но это представление не соответствует нынешней действительности. Современное российское государство не управляет бизнес-структурами, муниципальными предприятиями и общественными организациями. Отношения с ними строятся на основе партнерства. Поэтому применительно к делам государства точнее использовать термин «управление государством», а к делам общества – «публичное администрирование» [3, с. 36].

Администрирование – контрольно-регулятивная сфера общества [4, с. 8]. Для многих зарубежных стран администрирование самоочевидно и не вызывает отрицательных эмоций. На базе администрирования там надстроены эффективные формы деятельности, такие как *good governance* (доверительное правление), представляющие собой взаимодействие правительственных и общественных структур [5, с. 71].

Публичное администрирование можно представить как систему программируемого регулятивного действия по поддержанию социального порядка в обществе. Такое действие связано не с производством какого-либо продукта, а с формированием благоприятных условий для достижения людьми продуктивного результата.

В общем плане категория «публичное администрирование» отражает социальный механизм, основными элементами которого выступают политические программы, официальные и неофициальные распорядительные структуры, их персонал, отвечающий за исполнение этих программ, нормативное регулирование, финансирование на федеральном, региональном и местном уровнях.

Рассматриваемая категория содержательно охватывает гнездо таких понятий, как «публичная администрация», «государственное управление», «государственное администрирование», «муниципальное управление».

Система публичного администрирования, исходя из политических целей государства и правовых принципов деятельности, осуществляет процесс властно-направляющего воздействия на общество для достижения социально значимых результатов. Она включает в себя организационные структуры государственного аппарата, персонал которых реализует совокупность необходимых функций, используя при этом комплекс соответствующих форм и методов, а также прямые и обратные связи между государством и обществом.

Процесс администрирования представляет собой целенаправленную, законодательно регламентируемую деятельность по реализации полномочий органов государственной власти в обществе посредством привлеченных ресурсов, в результате чего происходят социальные изменения в различных сферах совместной жизни людей [6, с. 35–36].

Большое внимание как вузовский учёный, Геннадий Павлович уделял учебно-методической работе. Он подготовил свыше 50 публикаций, среди них 11 учебников и учебных пособий.

Первое пособие «Теория социологии: опыт разработки лекционного курса» стало базовым для обучения студентов по несоциологическим специальностям. Курс дает фундаментальные знания об обществе, включающее основные темы: социологическая модель общества, основы общества, строение общества, группы и общности, социологическая концепция личности, социальная связь, социальные институты, социальная организация, социальные процессы и др.

На основе этого пособия были созданы учебники «Социология для менеджеров», «Социология управления» и др. В дополнение к ним был подготовлен социологический практикум.

Перенос научных достижений школы в справочную и учебно-методическую литературу состоялся в рамках публикации терминологического словаря-справочника, а позднее социологических очерков о государственной службе.

Сегодня в нашей стране сложился общественный и научный дискурс современной бюрократии, насыщенный соответствующими фактами социологических эмпирических исследований, своим глоссарием, лексическими единицами и пр. Социологический дискурс государственной службы составляют труды М.Н. Афанасьева, В.Э. Бойкова, Н.Л. Захарова, Л.А. Калининченка, В.В. Кириллова, Л.И. Константиновой, Е.А. Литвинцевой, Б.В. Лытова, В.А. Мальцева, Е.В. Охотского, А.В. Понеделкова, В.Л. Романова, В.Г. Смолькова, А.М. Старостина, А.И. Турчинова, Чевтаевой Н.Г. и др.

Социология государственной службы стала не только научной, но и учебной дисциплиной. Она выстроена в форме программы обучения будущих чиновников. Имеются учебные пособия Л.В. Вагиной и М.А. Кашиной, Н.Г. Дехановой, К.О. Магомедова, Н.В. Проказиной, которые опираются на апробированное, устоявшееся знание об этом социальном объекте. Безусловно, указанные труды и их авторы своим творчеством обогатили научные исследования и учебные курсы кафедры социологии Северо-Кавказской академии государственной службы, а теперь уже и Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, на факультете управления которого уже не один год реализуется дисциплина «Социология государственной службы».

В заключение хочется отметить, что кафедра социологии успешно продолжает учебно-методическую работу со студентами бакалавриата и магистратуры всех факультетов вуза, готовит кадры высшей научной квалификации по двум программам аспирантской подготовки. Убедительные результаты имеет и научно-исследовательская работа, а их презентация в рамках кафедральных научных мероприятий, неизменно привлекает внимание не только учащихся и коллег, но и научного сообщества России и ближнего зарубежья.

Список источников

1. Иванова А. А. Презентация Информационно-аналитического центра обеспечения государственной службы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 1. С. 254–255.
2. Зинченко Г. П. Социология государственной и муниципальной службы: программа, концепция // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 102–110.
3. Зинченко Г. П., Зинченко Я. Г. Государственная служба: социологические очерки. Монография. М.: Университетская книга, 2013. 264 с.
4. Социология государственной службы: Терминологический словарь-справочник / Под науч. ред. проф. Г.П. Зинченко, проф. В.Г. Игнатова. – Ростов-на-Дону, 1996. 128 с.
5. Зинченко Г.П. Государственная служба в предметном поле социологии // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 70–75.
6. Зинченко Г. П., Зинченко Я.Г. Управление поселениями и организациями. Монография. Ростов н/Д., 2017. 192 с.

References

1. Ivanova A.A. Presentation of the Public Service Information and Analytical Center. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2011;(1):254–255. (In Rus.)
2. Zinchenko G. P. Sociology of the state and municipal service: program, concept. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 1996;(6):102–110. (In Rus.)
3. Zinchenko G. P., Zinchenko Ya. G. *State Service: sociological essays*. Moscow: Universitetskaya kniga; 2013. 264 p. (In Rus.)
4. Zinchenko G.P., Ignatova V.G. (eds). *Sociology of Public Service: Terminology Dictionary-Directory*. Rostov-on-Don; 1996. 128 p. (In Rus.)
5. Zinchenko G. P. Public service in the subject field of sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2016;(2):70–75. (In Rus.)
6. Zinchenko G. P., Zinchenko Ya. G. Settlement and organization management. Rostov-on-Don; 2016. 192 p. (In Rus.)

Информация об авторе

Я. Г. Зинченко – кандидат социологических наук, доцент

Information about the author

Ya. G. Zinchenko – Candidate of Sociological Sciences, Docent

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.08.2021; одобрена после рецензирования 30.08.2021; принята к публикации 31.08.2021.

The article was submitted 14.08.2021; approved after reviewing 30.08.2021; accepted for publication 31.08.2021.

Научная статья

УДК 316.42

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-224-230

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРЕХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анастасия Александровна Иванова¹, Елизавета Александровна Гринченко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹a.ivanova2013@rambler.ru

²grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования по проблеме взаимообусловленности исторических событий трех последних десятилетий в оценках научного сообщества. В ходе работы детерминированы противоречия, выявленные посредством общенаучных и собственно-социологических методов, явившиеся триггером в онтогенезе представленной проблематики. Несоответствие желаемого состояния больших и малых социальных групп РФ действительности представлено в виде интерпретации двух аксиоматических дефиниций – «социальная неудовлетворенность 90-х годов XX века в РФ» и «парадигма социально-исторического детерминизма». Это позволило наиболее полно и четко отразить весь спектр сложившихся противоречий и неразрешенных государственных проблем в стране на сегодняшний день. Квинтэссенцией исследования выступает аксиома о том, что социальное самочувствие является одним из конъюнктурообразующих факторов институционально-государственного устройства, отражающее степень и порядок включенности больших и малых социальных групп, а также отдельных личностей, в систему общественных отношений.

Ключевые слова: собственно-социологические методы, взаимообусловленность исторических событий, научное сообщество; социологическое исследование, онтогенез проблематики, социальная неудовлетворенность 90-х годов XX века в РФ, парадигма социально-исторического детерминизма, спектр неразрешенных государственных проблем, социальное самочувствие, конъюнктурообразующий фактор

Для цитирования: Иванова А. А., Гринченко Е. А. Социальная трансформация в контексте политико-экономической модернизации трех последних десятилетий: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 224–230. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-224-230>.

Sociology Problems

Original article

SOCIAL TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND ECONOMIC MODERNIZATION OF THE LAST THREE DECADES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Anastasia A. Ivanova¹, Elizaveta A. Grinchenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹a.ivanova2013@rambler.ru

²grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study on the problem of the interdependence of historical events of the last three decades in the assessments of the scientific community. In the course of the work, the contradictions identified by means of general scientific and proper sociological methods, which were the trigger in the ontogenesis of the presented problems, are determined. The discrepancy between the desired state of large and small social groups of the Russian Federation and reality is presented in the form of an interpretation of two axiomatic definitions – "social dissatisfaction of the 90s of the XX century in the Russian Federation" and "the paradigm of socio-historical determinism". This made it possible to fully and clearly reflect the entire range of existing contradictions and unresolved state problems in the country today. The quintessence of the research is the axiom that social well-being is one of the conjuncture-forming factors of the institutional and state structure, reflecting the degree and order of inclusion of large and small social groups, as well as individuals, in the system of public relations.

Keywords: system analysis, interdependence of historical events, scientific community, sociological research, ontogenesis of problems, logical analysis, interpretation of axiomatic definitions, spectrum of contradictions

For citation: Ivanova A. A., Grinchenko E. A. Social transformation in the context of political and economic modernization of the last three decades: a sociological analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):224–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-224-230>.

Анализ исторического опыта, просматриваемого в ретроспективе нашего государства на протяжении трех последних десятилетий, дает основания предполагать, что неустойчивое состояние социальной сферы сегодня, является прямым следствием событий, произошедших в стране в обозначенный период. Рассуждения в рамках теории цикличности позволят нам глубоко проанализировать уже сложившийся опыт РФ в преодолении и разрешении кризисных социальных потрясений, вывести былые ошибки и неудачные политические решения в центр внимания, сопоставить с сегодняшними социальными противоречиями в обществе, исключив возможность повторения. Механизм цикличности как свойство общественно-экономического развития позволяет провести комплексный анализ текущих событий и социально-политической конъюнктуры страны в исторической динамике, давая возможность по-новому взглянуть на происходящие процессы в социуме. Политическое и социокультурное время – это два мощных потока, которые, соединяясь, становятся неиссякаемым источником динамизма цивилизации. Комплементарность социокультурной трансформации РФ экспонирует, что в период политических кризисов общество неизменно обращается к забытым социокультурным традициям, ищет опору в привычных ритмах социокультурного времени, апеллирует к опыту предшествующих поколений [1, с. 277]. Изучая прошлое, воспроизводя предшествующие этапы исторической реальности в процессе разрешения назревших проблем в государстве, важно понимать, что состояние взаимообусловленности социальных систем, сопряжено, прежде всего, генетически. Именно 90-ые годы 20 века РФ стали триггером для социальных катаклизмов, которые оказали непоправимый урон нынешнему состоянию общества. Утверждения о росте социального недовольства служат отправной точкой для характеристики ситуации как «кризисной» и далеко идущих выводов – от вопросов о легитимности власти до прогнозов революционных изменений. В связи с растущей социальной напряженностью, вызванной кризисом легитимности власти, закоренелым общественным устройством, экономическим спадом, отсутствием среднего класса, падением уровня жизни граждан, закрытостью правящей элиты и неспособностью повлиять на иной вектор развития государства за последние годы населению наиболее близко пришлось ощутить произошедший, а главное закономерный глобальный кризис [1, с. 279-281].

Результат разрешения сегодняшних проблем связан с реализацией новых способов устранения социальной нестабильности. И здесь важным видится предотвращение на ранних этапах процесса онтогенеза политического отчуждения, глубокого недоверия, с последующей делегитимизацией властного аппарата и нарастающей апатией, индуцированной политической усталостью граждан. Социологические индикаторы вполне точно замеряют и характеризуют процентное соотношение аполитичных граждан, которые перестают принимать участие в электоральных процессах и политической жизни страны.

Представляется целесообразной детализация противоречий, послуживших катализатором в эскалации исследуемой проблемы, конкретизация причинно-следственной связи:

Во-первых, комплекс неудачных реформ, осуществленных государством и отдельными персоналиями в период 90-х годов XX века в РФ, оставил неизгладимый отпечаток в социальной сфере жизнедеятельности общества и спровоцировал огромное количество психологических проблем. В результате российский гражданин приобрел такие ментальные установки, которые привели к сокращению доверия населения к государству.

Во-вторых, закоренелость и закрытость правящей элиты, функционирование ее в своих личных интересах наглядно демонстрирует отстраненность от сложившегося в государстве социального климата, что приводит к нивелированию роли элит в общественно-политическом устройстве.

В-третьих, менталитет русского человека оказал особое влияние на статику государственных преобразований из-за своей традиционной приверженности к патриархальному типу политической культуры [2].

Показанные выше противоречия позволяют выявить следующую проблему: состояние социальной системы, характеризующееся крайней степенью неудовлетворенности, спровоцированное принятыми политико-властными решениями в 90-ые годы XX века и принявшее бифуркационную стадию развития, нуждается в создании необходимых условий для нормального органического развития и модернизации.

В настоящем исследовании предпринята попытка исследования проблемного поля посредством анализа данных экспертного опроса представителей научного сообщества ЮРИУ РАНХиГС¹.

Данные опроса показали, что, по мнению большинства респондентов, проводимая властями политика зачастую была неэффективна для нашей страны. 22,7 % демонстрируют крайне отрицательное отношение, и в корне не согласны с принимаемыми властями общезначимыми государственными решениями, сомневаясь в их компетентности и целесообразности. Действительно, первые исторические значимые для судьбы страны действия новой российской политической элиты часто выходили далеко за пределы правового поля и общественно-политического консенсуса. Властная политико-правовая асимметрия определила властеобразованную структуру, а не властеобразующую, выразившую не столько интересы социума в системе государственной власти, сколько интересы властного аппарата в общественном строительстве. Аффилированные лица, намеревавшиеся провести ряд качественных реформ для реорганизации государства, принятыми решениями спровоцировали функциональный сбой базисных основ механизма социальных институтов, произошла дисфункция устойчивого комплекса норм [3, с. 158].

Интерпретируя дефиницию «реформа», вполне правомерно будет обратить внимание на существенные признаки дефидента, именно на то, что изменение или преобразование локального общественного сектора, по определению, должно проводиться без нарушения основ существующего государственного строя, не уничтожая основы существующей социальной структуры. Безусловно, страну необходимо было реформировать, пересматривать институциональные основы экономики, но планомерной системной работой, занявшей бы ни одно десятилетие, ведь реформа – постепенное преобразование, но история 90-ых годов обратилась в болезненную «шоковую терапию». Реформы способствовали обнищанию населения, возрастанию левых настроений в обществе и росту численности протестного электората, не репродуцировавших свое доверие властям по настоящее время.

Важно отметить, что при адаптации преобразований всегда заложена специфика институциональной системы общества, структурированной тремя компонентами: формальные правила, конкретизирующиеся нормативно-правовыми актами; неформальные правила в виде социальных норм и предписаний; а также культурные традиции и ценности, утвердившиеся в обществе [4, с. 79]. Хотя культурные нормы, стандарты должного поведения, в соответствии с общепринятыми человеческими ценностями, представляются достаточно устойчивой инерцией, совокупность их нормативной системы, представленная в виде обычаев, традиций, нравов, морали и табу, в представленные нами годы, склонна была модифицироваться под социально-экономическую политику и под «новые стандарты» демократизированной России. Объекты государственных преобразований дали разные импульсы и реакцию на предложенные властями либеральные нововведения. Способы реакции населения на проблему стали разнообразны. Резистентность субъектов к социокультурным изменениям внутренней среды, проявившаяся в форме асоциального и аддиктивного поведения воплотилась в бандитизм, рэкети́рство, спекуля́нство, мошенничество, алкоголизм, наркоманию [3, с. 159–160]. Де-факто правовые социальные институты оказались не способны обезопасить социально-незащищенные слои населения, пострадавшие от акциональных делинквенций субкультур. Динамика преступности 90-ых свидетельствует о том, что групповой разум индивидов принял форму вооруженного мятежа. Те, кто впал в апатичное состояние, скрыв дефицитарную реакцию, попросту не смогли создать крупную альтернативную коалицию, оказав сопротивление насилию подавляющего большинства.

Оценка преступности научным сообществом приобрела противоречивый характер. Так, на вопрос «Как Вы оцениваете уровень преступности в 90-ые годы XX века в РФ?» ни один респондент не согласился, что уровень преступности был невысок, а значение данной категории преувеличено для формирования определенного отношения у граждан к органам власти, функционирующих в те годы. Самым популярным суждением стало то, что уровень преступности достиг колоссальных значений в 90-ые годы из-за дисфункции института власти, несостоятельности НПА, а также низкой

¹ Сбор первичной социологической информации осуществлялся с помощью социологической анкеты «Взаимообусловленность исторических событий трех последних десятилетий в оценках научного сообщества». Было опрошено 75 респондентов, входящих в профессорско-преподавательский состав ЮРИУ РАНХиГС, имеющих соответствующую ученую степень и ученое звание. В процентных долях, группа респондентов градировалась: по ученой степени – (66,7 % - кандидаты наук и 33,2% - доктора наук), по ученому званию – (72% доцентов и 27,9% профессоров). Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от реального количества ответов.

управленческой компетентности представителей гос. аппарата [5, с. 145]. Так считают 37,3 % опрошенных. Вероятно, это связано с тем, что валидная информация о происходящих событиях в государстве в 90-ые годы в массы поступала в строго отмеренном объеме от публичной информации, освещая, зачастую, лишь положительные модификации государственных преобразований, а также характерной ей общественной жизнедеятельности. С этим согласился практически каждый второй из опрошенных экспертов.

Доказано, что характер девиантного поведения зависит от социальной реакции на его носителя. В рамках настоящего исследования, социальная реакция была вызвана комплексом радикальных экономических реформ – «шоковой терапией». В этой связи интерес экспертного сообщества вызвало социальное самочувствие в доперестроечный период, до либерализации всех сфер общества. Так, более 50% экспертов характеризовали состояние социальной системы как стабильное, связывая это с ощущением уверенности в завтрашнем дне и институциональным порядком в государстве, а так же особой заботой к институтам культуры, образования, науки. Проблемными фазами развития советского общества были отмечены политико-экономическая стагнация: командно-административный тип экономики во многом мешал интенсивному экономическому развитию – 29,3%; остро ощущалась закрытость правящей политической элиты – 24%. Отсюда следует, что до «Перестройки» мировоззренческие ценности населения зиждились на единой идеологической основе, и в культурном плане жить было гораздо интереснее. Вместе с крепкими идеологическими основами жизни, чувством патриотизма и национального единства, сопричастности и вовлеченности советского человека в строительство социального государства, политика которого была направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости, сглаживания социального неравенства и помощи нуждающимся, политико-экономическую сферу жизнедеятельности ученые находят несовершенной [3, с. 147].

Неэффективная экономическая модель, не отвечавшая потребностям населения, предопределила желаемый результат реформ 90-ых, а именно оздоровление и выведение из кризиса экономики страны. Вступившее в силу в 1992 году Постановление РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 55 «О мерах по либерализации цен привело к обесцениванию заработной платы, доходов и сбережений населения, росту безработицы и задержки выплат населению. Немаловажную роль в социально-экономической модернизации России было отведено закону от 26 июля 1993 г., получившему название «О дополнительных мерах по защите права граждан России на участие в приватизации» [4, с. 79-81].

Отрицательное отношение общества вызывали методы осуществления рыночных преобразований, посредством которых предполагалось создать основной субъект рыночных отношений – частных собственников и фундамент демократической политической системы – средний класс. Социальная направленность реформ удовлетворила потребности лишь узкого круга лиц, в то время, как 85 % населения страны оказалось «за чертой бедности», обменивая ваучеры на товары первой необходимости. итогом стало разделение страны на два полюса социальной стратификации – очень бедные и очень богатые граждане. Трудящиеся, потеряв работу, занялись торговой и посреднической деятельностью, возникла новая социальная группа – спекулянты и фарцовщики, обеспечивавшие себе средства к существованию и определенный достаток, работая на зарубежную экономику западных стран. Для людей, обладавших соответствующими навыками и энергией, открылись новые предпринимательские сферы для самореализации, начался отток трудоспособного населения за рубеж, где виднелись более стабильные возможности для осуществления человеческого общежития. В том числе, социально не адаптировавшийся спектр мыслительной деятельности, интеллигенция того времени, отличающейся высокой степенью социально-психологической рефлексии.

Данные первых социологических исследований ВЦИОМ 1990-х гг. по изучаемой проблематике фиксируют процентное соотношение страт в социуме, в соотношении :

1. Очень богатые, элитарное меньшинство, занимают стратегические позиции на уровне управления – 3 %. Лестница доходов – богатство.
2. Среднеобеспеченные (аристократия рабочего класса – средний слой интеллигенции – «белые воротнички»), занимают тактические и оперативные вехи на уровне управления – 7%. Лестница доходов – зарплата.
3. Бедные (наемные рабочие, прекариат), по уровню внутрипрофессиональной стратификации являются исполнителями – 25%. Лестница доходов – зарплата.
4. Нищие, находящиеся за чертой бедности и утратившие устойчивые социальные связи с находящимися выше слоями (маргиналы, люмпены) – 65%. Лестница доход – подаяние.

Изменения в стратификационной структуре российского общества, на долгие годы вперед, заняли стадию пирамидальной конфигурации, в то время как Запад уверенно трансформировался

на рельсы ромбовидной рациональной конструкции [4, с. 78]. Именно с «лихих 90-ых» размываются фиксируемые очертания и совокупность прослойки среднего класса, в эти годы усиливается разрыв между тонким слоем богатых и нищающим большинством общества, а уровень социального неравенства варьируется на отметке 12–13, в то время как в СССР он не превышал и 5 баллов [6].

Оценивая возможности реализации органической модернизации в современном российском обществе, экспертное сообщество предлагает выполнение следующего комплекса мероприятий, располагая их по степени значимости: 1) выработка экономической стабильности (66,7%); 2) формирование идеологической основы государства, которая определила общезначимую цель для общества (49,3%); 3) обеспечение условий для развития малого бизнеса (48%); 4) создание благоприятных условий для развития гражданского общества (42,7%); 5) предоставление социальной помощи и поддержки незащищенным слоям общества (25,3%); 6) повышение МРОТа (24%); 7) принятие ряда профилактических мер для повышении уровня политической культуры в обществе (20%).

Другого мнения придерживается 2,7% опрошенных, предлагая свой вариант ответа и считая, что деньги вкладывать необходимо в науку. Это позволит вернуться к прежней модели образования и квотированного трудоустройства. Таким образом, в рамках модернизационного проекта, целесообразным видится определить консолидирующие социум общезначимые цели, а также учесть социально-экономические, технологические, институциональные факторы, определяющие особые условия протекания процессов каждого этапа модернизации [6].

Операционализируя категорию социальное государство, нами думается, что не существует одного индикатора, по которому можно трактовать то или иное государство как социальное. Отвечая на вопрос: «В чем состоят главные отрицательные перемены за прошедшие 10 лет в РФ?», самыми распространенными воззрениями среди ученых были определены: ухудшение отношений РФ на международной арене с зарубежными странами (41,3%); снижение уровня доходов населения (38,7%); отсутствие «прослойки» среднего класса (37,3%); ухудшение психологического самочувствия граждан (32%). Наиболее актуальными психологическими проблемами среднестатистического российского гражданина, по мнению научного сообщества, можно выделить: трудности, связанные с профессиональной ориентацией, карьерой и профессиональным развитием личности (44%); невозможность самореализоваться и самоактуализироваться в рабочем коллективе (30,7%); психологические проблемы, связанные с жизненным пространством личности – отсутствие жилья, плохие жилищные условия (48%); потеря жизненного ориентира, и последующие глубокие личные переживания, саморефлексия (34,6%). Выстраивая новую государственную модель органического модернизационного развития, необходимо вывести во главу исследования те индикаторы, которые будут важны для изучения проблематики социальной неудовлетворенности современной России, и главных отрицательных перемен последнего десятилетия.

Видится разумным, изучая общественное мнения, и тем самым оценивая социальные настроения населения, рассчитать индекс социального самочувствия. Опираясь на предложенные индикаторы, видится возможным, оценить состояние социально-экономической сферы сегодня, выявить точки рассогласования власти и общества. В связи с этим, считаем правомерным оценивать социальное состояние институциональной системы общества по нижеприведённым показателям [7, с. 31–34] (табл. 1):

Таблица 1 – Показатели оценки социального состояния институциональной системы общества

Table 1 – Indicators for assessing the social status of the institutional system of society

Показатели	Индикаторы
Показатель – уровень и качество жизни населения	средняя заработная плата по стране и по отдельным субъектам; средняя продолжительность жизни, соотношение смертности и рождаемости; прожиточный минимум; продовольственная корзина; ВВП на душу населения; количество благотворительных организаций в стране; разница между доходами 5% самых богатых людей и 5% самых бедных; детская смертность; показатели миграции; потребление продуктов питания на душу населения; структура доходов и расходов населения; индекс потребительских цен; число зарегистрированных преступлений; доля населения с доходом ниже прожиточного минимума.
Показатель – трудовая занятость населения	уровень безработицы; МРОТ; количество пенсионеров, работающих после выхода на пенсию; уровень занятости населения; динамика номинальных и реальных доходов населения; индекс развития человеческого потенциала; номинальная заработная плата

Продолжение табл. 1/Continuation of Table 1

Показатель – социальная защита населения	величина государственных пособий по безработице; минимальные размеры государственных пенсий по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, за выслугу лет; величина социальных пособий в рамках адресной поддержки малоимущих; государственные пособия семья с детьми; доля ВВП на расходы, связанные с социальными программами
Показатель – жилищно-коммунальное хозяйство	число семей, стоящих на учёте для получения жилья; количество аварийного жилья в стране; предельная доля оплаты жилищно-коммунальных услуг в совокупном доходе семьи
Показатель – доступность образовательных услуг	перечень бесплатных услуг государственных и муниципальных образовательных учреждений; уровень расходов на образование и развитие научной деятельности (из бюджета страны); уровень образования в стране (количество людей с высшим образованием, со средним-профессиональным) [8, с.25].
Показатель – здравоохранение	услуги медицинской помощи, а также услуги санитарного и профилактического характера, в государственных лечебно-профилактических учреждениях, перечень которых устанавливается законом; уровень расходов на здравоохранение (из бюджета страны); число больничных коек на 1000 жителей.
Показатель – развитая культурная среда	перечень бесплатных и общедоступных услуг учреждений культуры и нормы обеспеченности ими населения [8; с. 26]; уровень расходов на культурную сферу (из бюджета страны) [8; с. 26].
Показатель – социальный оптимизм	степень удовлетворенности жизнью; физическое и ментальное здоровье; самооценка материального положения; оценка экономической ситуации; оценка политической обстановки; оценка общего вектора развития страны; финансовая безопасность (экономические детерминанты: дефолт, банкротство, цены на нефть, курс валюты, девальвация социальные условия и окружающая среда

Резюмируя вышеизложенные нами позиции, отметим, в исследовании подтвердилась научная гипотеза о существовании различий в ассоциациях, связанных с 1990-ми гг., а так же в источниках информации об этом периоде между группами респондентов, ставших сознательными свидетелями происходивших событий. Это подтверждает тезис о том, что в исторической памяти россиян в большей степени сохраняются воспоминания о беспорядках, преступности, и неразрешенных социальных катаклизмах переросших, на сегодняшний день, в зрелую стадию фиксируемой социальной напряженности и неудовлетворенности в больших и малых социальных группах. Таким образом, необходимо понимать, что функциональные изменения в одной общественной сфере, неизбежно приведут к смежной трансформации другой [7, с. 31–34]. Сегодня укрепление социальной ответственности современной политической, экономической и духовной элиты, имеет практический интерес во всех интересах гражданского общества, это определит, какое будущее мы заслуживаем. Формирование у правящей элиты чувства социальной ответственности, сознательное волевое осуществление общегосударственных решений, готовность к политическому объединению, следование служебному долгу, а так же сопричастность к государственно-правовому союзу – вот миссия современной правящей элиты [11, с. 17–18].

Список источников

1. Герасимов О. В. Российские модернизации и их репрезентация в историописании и исторической памяти // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 273–281. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984305> (дата обращения: 05.09.2018)
2. Соколова Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия. Электронный ресурс: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_5/Sokolova.pdf.
3. Бабосов Е. М. Социальный статус и социальные роли личности // Социальные личности, стратификации и управления. Минск: Бел.наука, 2006. С. 145–160.
4. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб., 2004. С. 78–82.
5. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.

6. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2002.
7. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развития общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.
8. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24–36.

References

1. Gerasimov O. V. Russian modernization and their representation in history and historical memory. *Voyadzher: mir i chelovek = Voyager: peace and man*. 2017;(8):273–281. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984305> [Accessed 05 Sept 2018] (In Rus.)
2. Sokolova G. N. Modernization as a technological and social phenomenon: Belarus – Russia. Available from: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_5/Sokolova.pdf. (In Rus.)
3. Babosov E. M. Social status and social roles of the individual. In: *Social personalities, stratification and management*. Minsk: Bel.nauka; 2006:145–160. (In Rus.)
4. Baranov N. A. *Political relations and the political process in modern Russia*. Saint Petersburg; 2004:78-82. (In Rus.)
5. Belyaeva L. A. Level and quality of life. Problems of measurement and interpretation. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2009;(1):33–42. (In Rus.)
6. Fedotov V. G. (ed.) *Modernization and globalization: images of Russia in the 21st century*. Moscow: IF RAS; 2002. (In Rus.)
7. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Values of culture and the development of society*. Moscow: HSE GU; 2007. 527 p. (In Rus.)
8. Kozyreva P. M. Social adaptation of the population of Russia in the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2011;(6):24-36. (In Rus.)

Информация об авторах

А. А. Иванова – кандидат политических наук, доцент;
Е. А. Гринченко – студент факультета политологии.

Information about the authors

A. A. Ivanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;
E. A. Grinchenko – Student of the Faculty of Political Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 18.07.2021; принята к публикации 20.07.2021.

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 18.07.2021; accepted for publication 20.07.2021

ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ 2020–2021 гг.

Илья Игоревич Рогов¹, Наталья Олеговна Белоусова²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, what-dreams-may-come@narod.ru

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия, belousova.npi@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена ретроспектива опыта 2020–2021 гг. по интегрированию дистанционного формата высшего образования в университетскую среду. Авторы предлагают краткий обзор накопившихся проблем, но основной акцент делают на изменившемся формате подачи материала, как следствие – специфики контактов с учащимися, а также – на проблемах постковидной социализации вузовского преподавателя. Анализируя некоторые популярные тренды, авторы предлагают неутешительный прогноз институциональных перспектив высшего образования в XXI веке.

Ключевые слова: дистанционное образование, постковидная специфика, цифровое образование, микрообучение, геймификация, прекариат, фрилансеры, тьюторинг, микротьюторинг

Для цитирования: Рогов И. И., Белоусова Н. О. Перспективы дистанционного формата высшего образования: опыт 2020–2021 гг. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 231–236. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-231-236>.

Sociology Problems

Original article

PROSPECTS FOR DISTANCE HIGHER EDUCATION: EXPERIENCE 2020–2021

Ilya I. Rogov¹, Natalya O. Belousova²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, what-dreams-may-come@narod.ru

²South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova, Novocherkassk, Russia, belousova.npi@yandex.ru

Abstract. The article presents a retrospective of the experience of 2020–2021 in integrating the distance format of higher education into the university environment. The authors offer a brief overview of the accumulated problems, but the main emphasis is placed on the changed format for presenting the material, as a result, on the specifics of contacts with students, as well as on the problems of postform socialization of a university teacher. Analyzing some popular trends, the authors offer a disappointing forecast of the institutional prospects for higher education in the 21st century.

Keywords: distance education, postform specificity, digital education, microlearning, gamification, precariat, freelancers, tutoring, microtutoring

For citation: Rogov I. I., Belousova N. O. Prospects for distance higher education: experience 2020–2021. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):231–236. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-231-236>.

Предварительные замечания

В 2020 году вузы, во многом неожиданно для себя, столкнулись с необходимостью резко изменить привычные образовательные практики, фактически – пересмотреть всю привычную модель образования. Рассматривая ситуацию с позиций рядового сотрудника, очевидно, что система столкнулась с катастрофической нехваткой опыта в новом формате преподнесения знания. Не хватало (и во многом не хватает до сих пор) производственных мощностей – материалов для дистанта, сотрудников, способных в кратчайшие сроки перенести материалы на Интернет-пространство, не было понимания прав и возможностей каждой из структур образовательного процесса.

Ещё в 2019 году, за год до вспышки COVID-19, на базе Сколково, в одном из докладов, прогнозирующих тренды развития, было сказано, что, к 2024 г., в рамках национального проекта «Образование», до 20% студентов к концу 2024 г. будут осваивать отдельные курсы и дисциплины,

в том числе в онлайн-режиме¹. Очевидно, что цифры будут обратными: скорее 20 % сохраняют возможность получать образование офлайн. Тем не менее, другие прогнозы доклада – цифровое портфолио и цифровой след, интеграционная платформа непрерывного образования, и всё это – в рамках цифрового университета – выглядят более обосновано.

Согласно аналитике цифрового портала Eddu, российский рынок цифрового образования вырос в два раза по сравнению с 2019 годом (что предсказуемо)². Прогнозы демонстрируют сохранение структуры рынка образовательных услуг по видам с ростом непосредственно онлайн-образования на уровень 8–18 % в год³.

Авторы предложенной статьи имеют свой взгляд на тренды цифрового образования; однако, в иной терминологии мы будем говорить о схожих тенденциях, единых для всей системы высшего образования. Сразу оговоримся, что поднятые в статье вопросы актуальны для всех, но предложенные решения – лишь для гуманитарно-экономических направлений, плюс тех профилей, которые могут обойтись без лабораторно-опытного элемента в учебном процессе.

Высшее образование: опасные тенденции

Как показало исследование сервиса Superjob, проведенный с января по март 2021 г., после окончания школы отправят детей учиться в вуз 43% опрошенных родителей. Год назад о таких планах рассказывали 48% родителей, а в 2010-м – 80%⁴. Снижение спроса, доверия и престижности высшего образования накладывается и стимулируется ускоренным переводением всех образовательных платформ в дистанционную форму.

Рынок дистанционного образования в России успешно развивался и до 2020 года со вспышкой COVID-19. На этом рынке реализованы программы (заявлены профессии), максимально практикоориентированные, которых нет на площадках классического высшего образования. Аналитики ведущих цифровых платформ (Skillbox, Skyeng, CODDY и др.) называют следующие тренды в цифровом образовании:

1. Микрообучение. Этот метод требует разбивку единого процесса на небольшие фреймы по 3–5 минут. Форма контроля – микротест. Цель – усвоить материал легко и быстро.
2. Индивидуальное обучение. Метод применяется с использованием искусственного интеллекта (ИИ), который, одновременно – и форма контроля. Цель – создание персонального образовательного контента.
3. Мобильное обучение. Весь контент адаптирован для изучения на мобильных устройствах.
4. Геймификация. Знания подаются в игровом контенте. Форма контроля – микротест. Цель – усвоить материал легко и быстро.
5. Проектное обучение. Метод предполагает отказ от общеобразовательных лекций и замену их конкретным проектом. Форма контроля – микротест. Цель – создание персонального образовательного контента⁵.

Дистант: очевидные плюсы и минусы

В вузах цифровой формат образования принял нейминг «дистанционного», или просто – «дистанта». За период 2020–2021 гг. накоплено достаточное количество аналитики и просто наблюдений о плюсах и минусах дистанционного образования. Перечислим наиболее очевидные, ходовые из них.

Плюсы

1. Индивидуальный темп обучения: скорость и сроки усвоения материала устанавливаются самим обучающимся, без привязки к срокам лекции.
2. Территориальная доступность. Дистант снимает различие между очным и очно-заочным (полным заочным) форматом. В дистанте не важно, где территориально находятся участники процесса, в т.ч. – и преподавательский состав. Преподаватель может проводить занятие, отправившись в командировку, на конференцию и т.д.
3. Использование в обучении самых современных информационных технологий.

Минусы

1. Отсутствие индивидуального контакта «студент–преподаватель». Личностей контакт был отличительной чертой, фактически – неотъемлемым свойством всех типов образовательного

¹ Перспективы развития цифрового образования в Российской Федерации. Остров (Сколково) 11 июля 2019. [Электронный ресурс] https://minobrnauki.gov.ru/files/Perspektivy_razvitiya.pdf (дата обращения - 7.09.2021)

² Рынок онлайн-образования в 2020 году. EDDU. [Электронный ресурс] <https://eddu.io/blog/gynok-onlajn-obrazovaniya/#besperspektivnye-nishi> (дата обращения - 7.09.2021)

³ Там же.

⁴ 16 % родителей выпускников заявили, что COVID-19 изменил планы на будущее их детей. © 2000–2021 Superjob. [Электронный ресурс] <https://www.superjob.ru/research/articles/112739/16/> (дата обращения - 7.09.2021)

⁵ Рынок онлайн-образования в 2020 году. EDDU. [Электронный ресурс] <https://eddu.io/blog/gynok-onlajn-obrazovaniya/#besperspektivnye-nishi> (дата обращения - 7.09.2021).

процесса, в т.ч. – двух основных типов вузов – античной академии и европейского университета. Уместно ставить вопрос – дистант – новая форма, или формат, меняющий (аннигилирующий) всю предыдущую схему передачи знаний?

2. Доступность образовательных материалов, перерастающая в доступность медиаконтента. Тут несколько групп вопросов – от моральных до финансовых.

3. Вопросы контроля за образовательным процессом плавно перетекают в вопросы свободы слова, университетских свобод и контроля со стороны власти.

Полноценно раскрыть даже перечисленные проблемы (а список не исчерпывающий) – задача более глубокого формата, нежели данная статья; поэтому остановимся подробнее на некоторых факторах.

Университетские свободы, прекариат и фрилансеры

Университетские свободы были подтверждены с самого основания европейских университетов; собственные порядки и свобода слова в стенах учебных заведений были отличительной чертой Европы и её модели образования. Случались отклонения: так, после Великой Французской буржуазной революции якобинцы закрыли все университеты, в т.ч. – и Сорбонну¹. Но в целом свобода мнений была отличительной особенностью университетского образования; на протяжении всей Холодной войны Запад упрекал Советский Союз в полном административном контроле над вузами. Теперь, в условиях дистанта и цифровой формы подачи материала возможности контроля многократно возросли – контроля, в т.ч. – личного. На 2021 г. эти форматы отсутствуют, но это – временно. Ситуация осложняется тем, что, если ранее тоталитарное государство контролировало систему высшего образования, теперь этими возможностями фактически обладают частные корпорации – и «большая пятёрка Биг-Тека» – Facebook, Twitter, Google и Apple (а пятой иногда называют китайскую Alibaba, иногда – другие корпорации), и иные, менее известные широкой публике агенты.

Ситуация возможного цифрового контроля ставит рядового преподавателя в положение ожидания неполной занятости или отсутствия гарантий полной занятости. Как известно, это состояние описано термином «прекариат» – нестабильный класс социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости [1]. Для прекариата характерны: неустойчивое социальное положение, слабая социальная защищённость, отсутствие многих социальных гарантий, нестабильный доход, депрофессионализация [2]. Не будем вдаваться в споры, является прекариат классом или протоклассом, характерен он для мигрантов и иных люмпенизированных классов или и для других тоже; важно, что цифровой контроль за образовательным процессом неизбежно создаст психологические условия самоощущения среди ППС себя как социально-незащищённой профессиональной среды. Отметим, что проблема не имеет на сегодняшний день внятного решения: профсоюзы, финансово независимые и от государства, и от корпораций отсутствуют уже много десятилетий, а иных механизмов самозащиты среда университетских работников не имеет в принципе.

Отдельно встали вопросы о техническом оснащении и о сроках рабочего дня преподавателя (в т.ч. – и сотрудников, контролирующих образовательный процесс). On-line платформы таковы, что, как правило, демонстрируют присутствие сотрудника на платформе, безотносительно, последний исполняет рабочие функции или нет, а это подталкивает иных участников образовательного процесса к попыткам коммуникации – не всегда удачным и желательным. Впрочем, последняя проблема глубже и появилась с повсеместным появлением мессенджеров в нашей жизни. Мессенджер и социальная сеть были созданы как каналы (площадки) для неформального общения, и лишь позже стали инструментами рабочего процесса. Хотя этим каналам коммуникации уже более десяти лет, отсутствует понимание пределов коммуникации в мессенджерах и соцсетях: многие люди полагают, что имеют право посылать личные сообщения в любое время дня и ночи, а трудовое законодательство не даёт по этим вопросам однозначной трактовки. Как следствие, ситуация сводится к негласному разрешению (или отсутствию оно) со стороны начальника (работодателя) выходить в рабочем процессе за временные рамки.

Перед нами проблема, которая красиво называется «микротьюторинг» – «поддержка в ситуациях, когда студент делает домашнюю работу, например, ночью и нуждается в консультации» [3]. Описанная ситуация позволяет утверждать, что преподавательская деятельность стала обладать многими чертами фрилансерства – по крайней мере, в коммуникативном сегменте. Отметим, что в вопросах оплаты труда западные, в частности – американские преподаватели всегда находились на близких к фрилансерству позициях. Централизованное Российское государство, наоборот, обеспечивало заданный уровень как оплаты труда, так и трудового распорядка и нарушение последнего стало серьёзным вызовом для многих представителей высшей школы. Однако последние остатки

¹ Наследие революции. Как повлияли события 1789–1799 годов на науку, образование и культуру Франции. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научно-образовательный портал IQ. [Электронный ресурс] <https://iq.hse.ru/news/418805547.html> (дата обращения – 7.09.2021)

этой традиции практически исчерпаны; наоборот, становится вопрос о формах и методах цифрового контроля, отнюдь не только государственных.

Поднятая проблема неизбежно приведёт к трансформации университетского преподавателя не только социального, но и психологического типа. Если победит линия государственной централизации, то мы, с большой вероятностью получим прослойку фрондирующей интеллигенции, которая опасается высказывать свои позиции публично, но переходит в формат «кухонной философии» – тренду последних советских десятилетий. Если победит линия цифрового контроля со стороны корпораций, то вузы разделятся по политико-идеологическим предпочтениям (а на самом деле – властному заказу со стороны корпораций), что породит информационное и профессиональное противостояние.

Проблемы и тренды развития

Мы видим три направления совершенствования, которые, чтобы в будущем стать трендами, должны быть изменены в первую очередь: – (1) – изменение образовательного контента в пользу интерактива; – (2) – изменение формы подачи материала (с последующим изменением всей инфраструктуры) и – (3) – изменение формата подачи материала, отношений преподавателя и учащегося.

Классическая форма вузовского образования предполагала учебные материалы (в т.ч. – и сами учебники – серия «Вузовский учебник» была в своё время вполне популярна), обязательный устный комментарий и необязательную демонстрацию, а также обилие письменных текстов типа «реферат». Постковидная дистанционная модель требует выведения визуала как основной части информационного обращения, а комментариев к нему – как дополнительного фона. Классическая модель университета предполагала, что лектор (профессор, доцент) обладает почти сакральным знанием, которое отсутствует в широком доступе и которое он сообщает слушателям. Впрочем, эта модель не исполнялась уже давно. Первоначально слушателей было немного, но, по мере массовизации высшего образования, а также перевода его на коммерческие рельсы, вузы поэтапно теряли черты эксклюзивности и COVID-19 стал лишь финальным моментом, обнажившим накопившиеся проблемы. Последним, доковидным фактором, десакрализовавшим систему высшего образования стало повсеместное распространение видеохостингов, наподобие YouTube, а также профессиональных сайтов, на которых, в широком доступе, выкладывались разные, часто – высокопрофессиональные обучающие материалы. По наблюдениям авторов этой статьи, уже около минимум десяти лет вузы потеряли ореол храмов науки, хранителей сакрального знания: любой амбициозный человек может найти в Интернет информацию, аналогичную классической университетской лекции, а то и более глубокую. COVID-19, повторимся, лишь обнажил накопившиеся проблемы и именно поэтому авторам статьи представляется перспективным сделать мейнстримом во-первых – визуализацию процесса, а во-вторых – более широкое использование контента, находящегося в широком доступе (свободной информации по теме занятия).

Отдельно стоит вопрос о цифровизации учебников: о цене этого вопроса и о необходимости (востребованности) самого формата учебника. В XIX веке, когда современный университет проходил этап становления, учебник отсутствовал как класс; его заменяли уникальные и неповторимые лекции профессоров. В XX веке с введением общеобразовательной средней школы, стал вопрос о стандартах, о «правильном», легитимном знании (ситуация касается и математико-технических дисциплин; в гуманитарном и экономическом знании она и вовсе обязательна). Университетский учебник был залогом лояльности каждого конкретного университета сложившемуся строю (политической системе), плюс верности господствующей научной парадигме. Это порождало спираль молчания от несогласных, а также фрондирующей части научного истеблишмента. Интернет, разнообразие тематических сайтов, доступность содержания персональных сайтов, видеохостинги и группы в соцсетях положили конец и государственной и научной монополии на знание: ситуация хорошо иллюстрируется разнообразием мнений в исторической науке, немыслимом в доИнтернетовскую эпоху. Уже в последние пять-десять лет единый стандартизированный университетский учебник воспринимается скорее как сборник архаического знания и забронзовевший официоз. Тем не менее, именно университетский учебник сделал вузы тем, чем они были в XX в.: кузницами высокопрофессиональных кадров, лояльных сложившейся политической системе и способных к инновациям.

Проблема университетского учебника в плосковидную эпоху – это вопрос научных и финансовых мощностей университета как образовательной платформы. В XX в. не только в нашей стране, но и в Европе этот вопрос решался массовой господдержкой (поскольку речь шла о легитимности политической системы). В XXI веке государства отпустили этот элемент в свободное плавание, как в целях экономии, так и по причинам плюралистической политики мультикультурализма. Далеко не всякий университет обладает производственными мощностями для создания уникального, собственного учебника, учебника, как бренд-бука, и, чем шире профиль образовательной платформы, тем сложнее эта задача. Условно, подведомственный вуз может решить свои проблемы

как по причине узкопрофильности, так и поддержкой собственного ведомства (или группы ведомств), а общеобразовательный университет будет вынужден выделить флагманские образовательные услуги и все прочие.

Не решён вопрос с ценой такого учебника. Классический печатный учебник, хотя никогда не окупал себя, всё же был понятным товаром на рынке. Электронный учебник ещё не институционализирован. Очевидно, что он должен распространяться преимущественно среди сотрудников и учащихся самого вуза. Но если его продажа – продажа товара, то владелец получает на товар право собственности; проще говоря – имеет право бесплатно слить содержание в Сеть. Если его продажа – договор аренды, то это породит непредсказуемый объём потенциальных гражданских конфликтов. Однако, разработка учебника и его цифровизация – дорогое удовольствие даже для вузов федерального уровня, не говоря о прочих.

Проблема университетского учебника в плосковидную эпоху не сводится только к содержанию, по определению более узкому, чем тематические сайты, но и к авторитету всей структуры в целом. Начиная с 2000 г., повсеместное распространение широкополосного Интернета, плюрализм мнений создал условия недоверия той информации, которую преподносили в вузах до 2020 г. Изменение формы подачи материала – проблема, накопившаяся за последние двадцать лет, однако неизвестно, какие формы она примет в будущем. Позиция авторов статьи – предлагать учащимся максимально возможный плюрализм мнений, однако тенденции, связанные с включением файрволов в Китае, баном публичных политиков в соцсетях и блокированием неудобных сайтов в США, позволяют предположить, что господствующая либеральная система будет всячески сопротивляться этой инициативе.

Проблема университетского учебника в плосковидную эпоху – это не вопрос печатного увесистого тома; очевидно, что перед нами потребность создания глубокоэшелонированного блока знаний как широкого, описательного формата, так и по специализированным областям. Точнее, учебник XXI века – это вообще не учебник как томик книги, но информационная база, наподобие баз данных, сетевых хранилищ информации – «цифровая библиотека», облачное хранилище и т.п. Ещё раз акцентируем вопрос о финансовой стороне процесса: кто и на каких условиях обладает правом доступа к этому хранилищу? От ответа на этот вопрос непосредственно зависит качество материала: вряд ли высококлассный специалист станет создавать эксклюзивную базу данных, зная, что его личная материальная выгода мизерна, а содержание с высокой вероятностью будет слито в Сеть.

Из второй проблемы вытекает третья проблема – изменение формата подачи материала, отношений преподавателя и учащегося. Последние 10–15 лет использование массовых открытых онлайн-курсов в профессиональной деятельности перестало быть чем-то из ряда вон выходящим. Но эти курсы использовались для демонстрации преимуществ конкретного вуза, т.е. носили рекламный характер. После 2020 года частный инструмент и боковой формат стал мейнстримом. Надо признать, профессорско-преподавательский состав в большинстве российских вузов оказался не готов к такой резкой смене приоритетов – в основном по возрастным причинам (а психологически не готов и теперь). Многие ждут, что классическая схема вернётся, будет по-старому. Очевидно, что не будет, но вопрос не сводится только к ППС как трансляторам информации (образовательной услуги); встаёт вопрос об аудитории. Дистанционная форма подачи с одной стороны нивелирует личностный контакт, тьюторскую форму, индивидуальное воздействие, с другой – позволяет стандартизировать процесс, не учитывая отстающих и неспособных. Если ранее влияние люмпенизированной подгруппы в студенческих группах носило личностный характер, то дистант фактически закрывает окно воздействия на личность преподавателя.

Изменение формата подачи материала в дистанте – это ещё и глубоко личностные вопросы, и решения. Авторы этой статьи неоднократно спрашивали себя: если информация будет храниться в облаке, цифровой библиотеке или иной базе данных, зачем вообще мне читать классическую лекцию (тяжёлый и нудный формат, разбавляемый презентацией), если я могу дать дайджест, сопроводив планом, ссылками и указанием, где найти информацию по тем или иным вопросам? Отметим, что универсального ответа на этот вопрос нет; мы наблюдаем становление новой институциональной вузовской структуры, и пока каждый отвечает на этот (и схожие) вопросы индивидуально. Из вопроса о необходимости классической лекции вытекает вопрос об оценке знаний; уже внедрены и эффективно функционируют автоматизированные, электронные системы оценки тестов, на подходе – электронная оценка рефератов и эссе: мы столкнулись с ней как с «антиплагиатом», но давно имеются системы оценки содержательного характера; у большинства вузов просто нет денег закупить эти системы (и, конечно, необходимо волевое управленческое решение). Описанный тренд называется «смарт-контактами» (Смарт-контракт («умный контракт») – это компьютерная программа, которая отслеживает и обеспечивает исполнение обязательств)¹. Так, в двух аналитических докладах –

¹ Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны. pravo.ru. [Электронный ресурс] <https://pravo.ru/story/205151/> (дата обращения - 7.09.2021)

Банка России и Сбербанка отмечено, что применение смарт-контрактов позволит повысить прозрачность работы государственного сектора, снизить риски коррупции и искажения информации, увеличить эффективность взаимодействия с государственными органами¹. На этом уровне тренд выглядит вполне респектабельно; но как он покажет себя, будучи применён к гуманитарному, экономическому, управленческому знанию?

Перечисленные тенденции ставят вопрос о необходимости самого социального типажа университетского лектора (профессора или доцента). Соединив проблему с проблемой максимальной цифровизации образовательного процесса, плюс медиатрендов последних двух–трёх десятилетий, когда и СМИ, и административные руководители призывали найти пути для сокращения распространённости высшего образования, авторы статьи склонны высказать следующий прогноз.

Прогнозы и выводы

Авторы этой статьи вполне осознанно полагают, что в будущем 2020 год будет назван «годом конца классического университета», его окончательного краха.

1. Дистанционное образование, его формат и статус позволят снизить стоимость обучения. На первоначальных этапах процесс перевода мощностей в цифровую форму потребует крупных финансовых ресурсов, но его относительно дешёвое содержание (не нужен широкий штат обслуживающего персонала) окупит все траты и дистант станет доступен практически всем – и по формату, и по цене.

2. Классическое вузовское образование (аудиторное, офлайн с лекторами – носителями са크рального знания) сохранится, но значительно сузится; скорее всего – даже до более скромных объёмов, нежели нынешние аспирантские курсы, или аналогичные аспирантуре (штучный товар). Учитывая тенденции к капитализации рынка образовательных услуг, эта услуга будет не по карману большинству населения, т.е. начнёт выполнять функцию подготовки будущей элиты (функция, которую потеряла аспирантура после краха советской системы образования).

Авторы статьи не являются ультимативными сторонниками описанных трендов; возможно институционализация постковидного высшего образования двинется по-иному, более гуманному пути. Однако считаем своим долгом вынести проблему на суд читателя.

Список источников

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс: [арх. 16 августа 2017] = *The Precariat: The New Dangerous Class* / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. (Совместная издательская программа с Музеем «Гараж»)
2. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс : [арх. 23 ноября 2016] // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–15.
3. Азарова Н. А. COVID-19 как катализатор развития человеческого капитала в системе образования в рамках трансформации современных экономических систем // *Управленческий учет*. 2021. № 8. С. 90–96.

References

1. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. Transl. by N. Usova. Moscow: Ad Marginem Press; 2014. 328 p. (In Russ.)
2. Toshchenko J. T. The precariat is a new social class. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2015;(6):3–15 (In Russ.)
3. Azarova N. A. COVID-19 as a catalyst for the development of human capital in the education system in the framework of the transformation of modern economic systems. *Upravlencheskii uchet = Management accounting*. 2021;(8):90–96. (In Russ)

Информация об авторах

И. И. Рогов – кандидат философских наук, доцент;

Н. О. Белоусова – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

I. I. Rogov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor;

N. O. Belousova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 23.09.2021.

The article was submitted 07.09.2021; approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 23.09.2021.

¹ Банк России аналитический обзор по теме «Смарт-контракты». [Электронный ресурс]
https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения - 17.09.2021)

Научная статья

УДК 316.3:32

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-237-241

А.А. ЗИНОВЬЕВ О ФЕНОМЕНЕ ЗАПАДНОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Елена Алексеевна Склярова^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Sklyarova2007@yandex.ru

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблематики западного социально-политического порядка в работах отечественного мыслителя XX века А.А. Зиновьева. Данная тема актуальна в связи с осмыслением специфики цивилизационных типов, особенностей типологических черт Запада. Проводится анализ характерных черт, отражающих специфику Запада, его оснований: делового и коммунального аспектов. Подчеркивается, что идеи А.А. Зиновьева во многом можно считать пророческими относительно судьбы Запада в XXI веке. Автор отмечает, что современная западно-европейская цивилизация как уникальное социобиологическое образование, созданное конкретными народами, сегодня сталкивается с проблемой распада собственной идентичности.

Ключевые слова: социальный порядок, западный социально-политический порядок, социальная цитология, глобальный человек, западнизм, коммунальность, стиль мышления, аккультурация, идентификация

Для цитирования: Склярова Е. А. А. А. Зиновьев о феномене западного социально-политического порядка // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 237–241. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-237-241>.

Sociology Problems

Original article

A. A. ZINOVIEV ABOUT THE PHENOMENON OF WESTERN SOCIO-POLITICAL ORDER

Elena A. Sklyarova^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Sklyarova2007@yandex.ru

²Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problems of the Western socio-political order in the works of the Russian thinker of the XX century A. A. Zinoviev. This topic is relevant in connection with the understanding of the specifics of civilizational types, the characteristics of the typological features of the West. The analysis of the characteristic features that reflect the specifics of the West, its foundations: business and communal aspects. It is emphasized that the ideas of A. A. Zinoviev can be considered in many ways prophetic about the fate of the West in the 21st century. The author notes that modern Western European civilization, as a unique sociobiological formation created by specific peoples, today faces the problem of the disintegration of its own identity.

Keywords: social order, Western socio-political order, social cytology, global humanism, Westernism, communality, style of thinking, acculturation, identification

For citation: Sklyarova E. A. A.A. Zinoviev about the phenomenon of western socio-political order. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):237–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-237-241>.

Начиная с П. Я. Чаадаева, проблема «Восток-Запад-Россия» стояла в центре внимания отечественных мыслителей. Эта проблема касается не столько географического положения мировых цивилизаций, а высвечивает принципиальную «разность» типологических духовных черт различных культур на мировом пространстве. Данная «разность» как отличие – была предметом мысли А.А. Зиновьева – выдающегося отечественного философа XX–XXI вв., логика, профессионала в области методологии науки.

Специфика любых явлений (в том числе таких феноменов как Запад – Россия) выявляется в процессе логической операции определения – раскрытия содержания понятия посредством констатации существенных признаков явления. В данном контексте работы А.А. Зиновьева отличаются логической стройностью и точностью категориально-понятийного аппарата.

Что такое феномен по имени Запад? В чем заключается специфика западного общественного устройства? Данной теме посвящена работа А.А. Зиновьева, написанная в самом начале 90-х, после распада Советского Союза, которая так и называется «Запад» [1]. Зиновьев А.А. подчеркивает, что его книга не является «законченной» теорией западного общества, а есть изложение собственного понимания Запада.

Отмечая специфику современного социального порядка в целом и западного социально-политического устройства в частности, Зиновьев А.А. использует такие меткие понятия-метафоры как глобальный человекийник, западнизм, западоид, западоидность.

Социальный порядок – понятие, которое характеризуется наличием следующих признаков: комплекса взаимосвязанных экономических, общественных, политических элементов, а также «человеческий материал» определённого типа, создающий неповторимые стилевые характеристики определенной культурно-исторической эпохи (определенный стиль жизни и стиль мышления человека).

Какие элементы характеризуют современный западный социально-политический порядок?

Известно, что он сформировался в процессе преобразований, осуществлённых буржуазно-демократическими революциями XVII–XVIII вв. Идея данного порядка оттачивается в рамках идеологии европейского Просвещения (теория общественного договора, естественно-правовые концепции, теория разделения властей), отражается в первых революционных документах, проектах Робеспьера, Сен-Жюста, правовой системе XIX (Кодексе Наполеона).

Демократизация и эгалитаризация становятся главными характерными чертами данного социального порядка, изменив в целом стиль жизни людей: направленность деятельности, быт, манеру поведения, общения, внешний вид людей, костюм.

Эгалитаризм, индивидуализм, либерализм, прагматизм, рационализм, эгоцентризм превращаются в доминирующие ценности эпохи, а оперирование такими категориями как свобода, равенство, естественное право, демократия, собственность, гуманизм и на сегодняшний день является характерной чертой так называемого западного стиля мышления.

Формирование данного уникального типа цивилизации, по мнению Зиновьева А.А., нельзя сводить только к капитализму (в экономической сфере) и к демократии (в политической). Для рождения «западнизма» необходим специфический «человеческий материал», большинство людей определённого типа – «западоидов», «представителей определённой человеческой массы, воспроизводящейся из поколения в поколение в течение многих столетий и тысячелетий» [1, с. 44].

Что это за люди? Каковы характерные черты «западоидности»? «Это суть практицизм, деловитость, расчетливость. Способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху в деле, склонность к добросовестности в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими более сильная, чем у других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации» [1, с. 44].

Своеобразие определённого типа общества во многом зависит от характера «человеческого материала». Запад формировался людьми, которых Зиновьев А.А. называет «западоидами», и, без существования которых он (Запад) не может сохранить свою уникальность. В отличие от других типов людей «западоид» является индивидуалистом, человеком, в ментальности которого соотношение между «Я» и «Мы» существует при доминировании «Я», и подчиненности «Мы» (осознания себя как части коллектива равных подобных). Индивидуализм становится главным принципом бытия западноевропейской цивилизации и выражается в общих чертах формулой – «работай на самого себя, рассматривай других людей как среду своего обитания». Качество «разумного эгоизма» – сущность «западоида».

Западное общество, по А.А. Зиновьеву, обладает клеточной структурой (как и любые другие типы общества). В данном контексте совершенно уместно обратить внимание на оригинальность его идеи о возможном создании новой теории общества, которой могла бы стать *социальная цитология* – учение о клетках общества. Социальная клетка не является любой совокупностью людей. Это объединение людей по их специализации, где они подразделяются на управляющих и управляемых, выполняют определенные функции и получают за это средства для своего существования. В рамках такой клетки человек повышает квалификацию, делает карьеру, трудится и получает вознаграждение.

Все клетки разделяются на продуктивные (деловые) и коммунальные. Что касается характеристики первых, то это клетки, создающие средства для удовлетворения потребностей людей, тогда как вторые служат цели поддержания общественного порядка и стабильности. Различие между деловыми и коммунальными социальными клетками не является абсолютным, однако определяет характер общего организма.

Главной клеткой западнизма, его системообразующей единицей, по А. А. Зиновьеву, является именно деловой аспект (способность индивида наилучшим образом что-либо «делать», создавать или организовывать процесс «делания»). Такое качество индивида как умение функционировать по законам дела – совершенствовалось исторически на заданном географическом пространстве, выкристаллизовывалось сначала в естественных рамках семьи, затем в артелях (объединениях семей), корпорациях, коммунах. «Труженики-первооткрыватели» составили основу западного общества.

Также значимым моментом является то обстоятельство, что носителями западной цивилизации были люди свободные, не-феодалы деловые группы, которые не были включены в феодальную иерархию. Данные группы были нацелены на эффективность дела (максимум результата при минимальных затратах). Социальные роли в таких группах распределялись по характеру дела и степени важности в процессе организации дела. Исторически формировался «человеческий материал», способный к эффективному функционированию в сфере деловых отношений, в «деловой клетке» социального организма.

Зиновьев А.А. отмечает, что внутриклеточная жизнь людей (в деловом аспекте) подчинена жесткой диктатуре. Если западное общество в целом является демократическим в политическом отношении, то в функционировании отдельных его элементов (деловых клеток) – это общество тоталитарное. Ему присущи: рациональный характер организации труда, строгая трудовая дисциплина, максимальная эксплуатация рабочей силы. Сумма тоталитаризма и демократизма в западном обществе является постоянной.

Коммунальный аспект как общечеловеческий определяется необходимостью совместного существования людей в мире в рамках социальных групп. Коммунальные отношения определяются как отношения внутри группы, между группами и отношения к самой группе. Суть коммунальности – в системе со-зависимых отношений индивида и группы: индивид стремится к свободе от группы, группа – к тотальному контролю индивида. Свободный человек в соответствии с правилами коммунальности поступает согласно принципу социального расчета, т.е. стремится так адаптироваться к социальной среде, чтобы не совершать вреда себе, препятствовать другим людям совершать вред себе, а также стремится улучшать свое положение, добиваться успеха, избегать наказания.

Правила коммунальности и моральные правила поведения не рассматриваются как тождественные. Человек, стремящийся к социальному успеху должен обладать способностью к моральной мимикрии, сохраняя внешнюю моральность и ограждаясь от внутренних угрызений совести.

Коммунальность западного общества воплощается и проявляется в различных феноменах: органах государственной власти, бюрократическом аппарате, органах местного управления, полиции, армии, судах, в совокупности различных правовых норм, в публичной власти, в общественных организациях, партиях, профсоюзах, в целом, в сфере гражданского общества.

Коммунальность как порядок совместного проживания охраняется государством. Какова же специфика западного государства? А.А. Зиновьев является последовательным сторонником органистической теории общества. С данных позиций рассматривается и государство как самый главный орган общественного организма. В этой связи, мыслитель критически относится к разнообразным теориям возникновения государства, считая, что «мозг» не может отдельно возникать и эволюционировать в отрыве от самого организма. Современное западное государство претендует на статус главного правителя всей внутренней жизни общества, где переплетены деловой и коммунальные аспекты его существования.

Отличительной чертой западного типа государства, по Зиновьеву А.А., является защита таких политических норм как права человека и гражданские свободы. Для западного человека такие понятия, как естественное право и свобода, стали абсолютной ценностью, а полное принятие и

разделение данных идей – признаком западной цивилизованности. Однако правовые свободы, гарантирующие гипотетические возможности выбора, не совпадают с реальными возможностями обеспечения самого себя. Правовые свободы не гарантируют социальных свобод, т.е. независимости от других людей в процессе необходимости удовлетворять насущные потребности.

Итак, сущностью западнизма, согласно Зиновьеву А. А., являются: а) деловой аспект (способность к организации и выполнения дела в соответствии с законом эффективности: наибольший результат – наименьшие затраты); б) коммунальный аспект – поведение людей в обществе и отношения между ними не в соответствии с нормами морали, а согласно правилам социально расчета, «разумного эгоизма», которые помогают «развить моральную мимикрию, то есть способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство в поведении по законам коммунальности» [1, с. 35].

Какие идеи А.А. Зиновьева можно считать пророческими относительно судьбы Запада в XXI веке (прошло 30 лет после его публикации книги «Запад»? Какие идеи нашли своё подтверждение в трансформационных процессах западного общественно-политического устройства?

Прежде всего, следует отметить, что Запад как уникальное социобиологическое образование, созданное конкретными народами, на наш взгляд, сегодня столкнулся с проблемой распада собственной идентичности. Что такое идентификация? Идентификация является осознанием множественностью людей своей причастности к определенному объединению, обладающему общими характеристиками.

Западная Европа в XXI веке открыла доступ для представителей других народностей и цивилизаций. Германия и Франция, движимые чувством вины (Германия – за трагедию II Мировой войны, Франция – за последствия колониальной политики), Норвегия – стремлением решить свою демографическую проблему. В связи с данной ситуацией были запущены процессы аккультурации (термин, введенный в употребление в конце XIX века Ф. Боасом, У. Холмсом, Р. Лоуи, У. Мак-Джи). Аккультурация как совокупность явлений, свидетельствовавших о взаимодействии группы-реципиента и группы-донора (групп индивидов, обладающих разными культурами), по Редфилду, Линтону, Херсковичу [2], может вызывать три типа реакции группы-реципиента: принятие нового культурного паттерна, адаптацию как частичное изменение традиционных паттернов и реакцию как полное отторжение культурных паттернов донорской группы. Не стоит уточнять, что под донорской культурой понимается западная культура.

Зиновьев А.А. отмечает: «Десятки миллионов иностранцев живут в странах Запада, оставаясь здесь все равно чужеродным явлением. Не исключено, что когда-нибудь пришельцы из западных стран станут подавляющим большинством в западных странах и будут тут задавать тон. Как говорил один из моих персонажей: «И вопить будет «Алла!» с башни Эйфеля мулла»» [1, с. 16]. Но, к сожалению, это будет уже совершенно иная цивилизация, не Запад...

Эти идеи мыслителя сегодня во многом подтверждаются. Меняется общая картина Запада. На сегодняшний день Париж представляет собой своеобразный феномен. Путешествуя в 2013 г., нами было отмечено, что облик Парижа составляют замкнутые «миры в мире» – обилие арабских кварталов, китайских, индийских, попадая в которые, сложно определить где ты находишься: на Западе или Востоке. Здесь сложно констатировать полное «принятие» западноевропейских культурных паттернов.

Также следует отметить, что идет процесс трансформации западноевропейского стиля культуры под влиянием международных политических движений. Black Lives Matter – «Жизни чернокожих имеют значение», движение в защиту прав чернокожего населения, возникшее в 2013 г. в США, выступает против расовой дискриминации не только в социальной, политической жизни, но и в искусстве (опере, балете). Речь идет о равноправии в процессе распределения и получения главных ролей в театре (так, например, в 2016 г., в спектакле «Ромео и Джульетта» миланского театра «Ла Скала» постановки К. Макмиллана в главной партии Джульетты выступила афроамериканка Мисти Коупленд). Процесс трансформации стиля западноевропейского искусства выражается в разрушении канонов, изменении подхода к восприятию художественного образа, образа главного героя в том числе.

Таким образом, обозначенная А.А. Зиновьевым проблема сохранения идентичности Запада, в XXIV в., к сожалению, приобретает наибольшую остроту. Эта идея подтверждается конкретными фактами, возникшими во многом благодаря глобализации, европейской политике «открытых дверей», которые не оправдывают надежды либерального демократизма относительно полного принятия западноевропейских паттернов народами, переселившимися в Европу. Современная политика, провозглашающая идеи конвергенции и консенсуса, как показывают события последнего времени, терпит фиаско, в значительной степени подвергая незыблемость оснований самого западноевропейского социально-политического порядка, западнизма.

Список источников

1. Зиновьев А. А. Запад. М.: Родина, 2020. 416 с.
2. Культурология. XX век. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
3. Складорова Е. А. Социальный порядок в западной культуре: идея и формы. Ростов-на-Дону: изд-во АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 164 с.

References

1. Zinoviev A. A. *West*. Moscow: Homeland; 2020. 416 p. (In Russ.)
2. *Cultural studies. XX century*. Saint Petersburg: University Book; 1997. 640 p. (In Russ.)
3. Sklyarova E. A. *Social order in Western culture: idea and forms*. Rostov-on-Don; 2010. 164 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Складорова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки; профессор кафедры «Философия и мировые религии»

Information about the author

E. A. Sklyarova – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science; Professor of the Department of Philosophy and World Religions.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.05.2021; одобрена после рецензирования 10.06.2021; принята к публикации 15.06.2021.

The article was submitted 11.05.2021; approved after reviewing 10.06.2021; accepted for publication 15.06.2021.

Научная статья

УДК 316.4:343.976

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-242-247

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА НАРКОСИТУАЦИИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО, СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА

Владимир Ефимович Шинкевич^{1, 2}

¹Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, vlashink@yandex.ru

²Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. В статье на основании изучения статистических данных по госпитализации пациентов в организации Минздрава России с диагнозом «наркомания», объемов изымаемых правоохранительными органами наркотических средств и психотропных веществ из незаконного оборота, а также уровня наркопреступности, проанализирована наркоситуация в Сибирском федеральном округе. Особое место уделено рассмотрению движения наркотиков опийной группы, состояния опийной наркомании, определению наиболее проблемных субъектов Федерации, расположенных в пределах округа, предпринимается попытка определения наиболее вероятных регионов транзитеров и концентрации наркотических средств и психотропных веществ. На основании проведенного анализа обращается внимание на высокий уровень нарконапряженности в округе, превышающей по отдельным направлениям соответствующие показатели по Российской Федерации.

Ключевые слова: Сибирский федеральный округ, наркопреступность, наркомания, наркоситуация, оборот наркотических средств

Для цитирования: Шинкевич В. Е. Состояние и динамика наркоситуации Сибирского федерального округа в контексте статистического, социологического и криминологического анализов ежегодного мониторинга // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 242–247. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-242-247>.

Sociology Problems

Original article

STATE AND DYNAMICS OF DRUG SITUATION IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT FROM THE PROSPECT OF STATISTICAL, SOCIOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSES OF ANNUAL MONITORING

Vladimir Ye. Shinkevich^{1, 2}

¹Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, vlashink@yandex.ru

²Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. In the article based on the study of statistical data on hospitalization of patients in the organizations of the Ministry of Health of the Russian Federation with a diagnosis of «drug addiction», the amount of drugs and psychotropic substances seized by law enforcement agencies from illegal drug trafficking, as well as the level of drug crime, the drug situation in the Siberian Federal District is analyzed. Special attention is paid to the consideration of the movement of drugs of the opium group, the state of opium addiction, determination of the most problematic federal subjects located within the district. An attempt to determine the most probable transit regions and the concentration of narcotic drugs and psychotropic substances is made. Reasoning from the analysis carried out, attention is drawn to the high level of drug tension in the district, exceeding in some areas the corresponding indicators across the Russian Federation.

Keywords: Siberian Federal District, drug crime, drug addiction, drug situation, drug trafficking

For citation: Shinkevich V. Ye. State and dynamics of drug situation in the Siberian federal district from the prospect of statistical, sociological and criminological analyses of annual monitoring. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):242–247. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-242-247>.

Каждый человек мечтает и надеется жить в обществе, которое даст ему возможность всестороннего развития, предоставит возможность жить, а не выживать, получить образование и профессию по призванию, и, пройдя степени профессионального роста, занять достойное место и в профессии, и в обществе. Конечно, остается актуальной для каждого человека и жизненная триада, доставшаяся нам от мудрецов: «Создать семью, построить дом, вырастить достойную смену». Однако, в условиях реальной и потенциальной наркоугрозы, эти желания и планы могут так и остаться лишь несбыточными мечтами для многих, кто не только отказался от борьбы, от поиска преодоления негативных сложившихся обстоятельств, депрессий, вызванных различными жизненными обстоятельствами, но и оказался слабым перед соблазном «по скорому» отбросить эти проблемы, не обращая на неминуемую опасность социальных, психологических и физиологических последствий. Данную категорию людей дополняют и те, кто, находясь в целом в благоприятных жизненных условиях, изъявили желание на себе опробовать действие запрещенных препаратов, так, ради удовлетворения своего нездорового интереса к запретному.

Кроме того, факторами, способствующими росту незаконного оборота наркотических средств и употребления наркотиков в немедицинских целях, выступают: утрата жизненных ориентиров и смысла жизни, отсутствие духовно-нравственных идеалов для определенной части населения страны, влияние наркотической субкультуры и молодежной моды на употребление наркотиков в условиях общества потребления и др. К сожалению, и это не весь исчерпывающий список лиц и жизненных ситуаций, с которыми сталкиваются граждане, входящие в группу риска. Как следствие наркомания и различные последствия употребления наркотических средств и психоактивных веществ в немедицинских целях в Российской Федерации и в отдельных ее регионах представляют собой одну из ключевых угроз для экономической сферы, демографических процессов и национальной безопасности как российского общества, так и его регионов.

Надо признать, что масштабы распространения наркомании сегодня таковы, что вызывает опасность не только здоровье и моральное состояние молодежи, но и социальная стабильность и благополучие всей страны в ближайшей перспективе [1, с. 8]. «Несмотря на принимаемые меры по противодействию эскалации наркоугрозы, ситуация остается сложной» [2, с. 117] Об остроте проблемы отмечено и в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 23 ноября 2020 г., в которой отмечено, что в 2010-2020 годах «правоохранительными органами выявлено свыше 2 млн. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, более 72 процентов (1,5 млн.) из которых - тяжкие и особо тяжкие. Раскрыто более 45 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в составе организованных групп. Пресечена деятельность около 8 тыс. преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных. Из незаконного оборота изъято более 420 тонн наркотиков и иных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации»¹.

Как было отмечено Президентом Российской Федерации во вступительном слове на заседании Совета Безопасности 16 ноября 2020 г. «Ежегодно наркотики калечат и убивают тысячи наших граждан. Ломают судьбы детей, вообще молодых людей, приносят в семьи боль и горе, разрушают нравственные основы общества. А теневая прибыль наркобизнеса служит финансовой подпиткой криминалитета, трансграничной преступности, коррупции, террористических и экстремистских структур. Это настоящий вызов, с которым сталкивается и Россия, и практически все другие страны»².

Проблема употребления наркотических средств и психотропных веществ актуальна как для России в целом, так и для ее федеральных округов, субъектов, в том числе и для Сибирского федерального округа.

Используя данные официальной статистики, результаты социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации³, проанализируем состояние и динамику данного опасного явления, способного оказать существенное влияние на состояние безопасности российского социума и его региональных составляющих. В ходе исследования использовались общенаучные

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года : утв. Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733.

² Заседание совета Безопасности. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64424> (Дата обр. 02.01.2021 г.)

³ При подготовке статьи использовались материалы ежегодного статистического учета состояния наркоситуации в Российской Федерации по различным направлениям: Статформа 2-МВ-ЗДРАВ; Статформа 171; Статформа 173.; результаты социологических исследований наркоситуации, проведенные при участии автора.

методы анализа, абстрагирования, синтеза, обобщения, а также первичного и вторичного анализа документов, математической статистики.

На фоне некоторой положительной динамики снижения в России количества лиц, употребляющих наркотики, наблюдается некоторый прирост количества лиц с синдромом зависимости от каннабиноидов и психостимуляторов, однако их значительно меньше, чем лиц с синдромом зависимости от опиатов. Наибольшее число лиц, зарегистрированных с диагнозом наркомания, по-прежнему – это лица, употребляющие опиоиды.

Анализ результатов изучения официального количества пациентов, обратившихся за медицинской помощью и итогов социологических исследований состояния наркоситуации, которые проводятся анонимно, позволяет рассчитать коэффициент латентности наркоситуации, хотя и результаты социологических исследований самого высокого уровня достоверности допускают 5% погрешности. При сопоставлении данных коэффициент латентности может составить кратность в 7-8 раз.

Аналогичные процессы, с некоторой особенностью, имеют место и в Сибирском федеральном округе, который территориально объединяет 10 субъектов Российской Федерации. Уникальность округа заключается в том, что он географически соединяет север и юг страны, имеет значимые транспортные узлы, его пересекает Транссибирская магистраль, а в самом восточном субъекте – в Иркутской области – начинается Байкало-Амурская магистраль. Общая площадь округа занимает более 25% территории России, однако население составляет 11,7% (17118387 человек) численности проживающих на территории России. При низкой плотности населения – 3,95 чел./км², для округа характерен высокий уровень урбанизации, около 73,1% населения проживают в городах и поселениях городского типа. Округ граничит с субъектами федерации других федеральных округов, где наркоситуация более сложная: Челябинская, Свердловская области (Уральский федеральный округ), Забайкальский край (Дальневосточный федеральный округ).

Сибирский федеральный округ также имеет общие границы с Республикой Казахстан, Монголией, Китайской Народной Республикой, что делает его: во-первых, привлекательным для зарубежных поставщиков различных видов наркотиков, во-вторых, как возможного региона складирования и транзита в удаленные регионы России наркотических средств и психотропных веществ. С южными соседями связывают округ традиционные тесные связи по доставке большегрузным автотранспортом сезонных овощей и фруктов, они же могут использоваться, как средства нелегальной доставки на территорию округа и в Россию в целом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе опийной группы.

Результаты изучения социологических исследований и статистических материалов ежегодного мониторинга наркоситуации позволяют оценить остроту и динамику данного явления в Сибирском федеральном округе и в субъектах федерации, расположенных в пределах округа, определить вектор ее направленности.

В 2019 г. в медицинских учреждениях Сибирского федерального округа были зарегистрированы с указанным выше диагнозом 35806 пациентов, что составило 6,6% от общего количества зарегистрированных пациентов с подобным диагнозом в России (236460 чел.). В федеральных округах Российской Федерации в 2019 г. больше было зарегистрировано только в Центральном – 65404 человека и Приволжском – 43695 человек, но на территориях данных федеральных округов проживает значительно большее количество жителей. Учитывая то, что на 1 января 2020 г. в Сибирском федеральном округе проживало 17118,4 тыс. человек, и, проведя небольшие расчеты, мы видим что диагноз «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» был поставлен 0,21% населения округа, что выше общероссийского показателя, который составил 0,16%. Среди пациентов 6041 женщина (16,9% от общего числа пациентов, что несколько ниже общероссийского показателя, который составил 17,1%).

В Иркутской, Кемеровской и Омской областях, а также в Республике Хакасия данный показатель превышает общеокружной. По возрасту чаще всего нуждаются в медицинской помощи наркопотребители 20-30 лет. Среди пациентов этой возрастной группы таковых по округу 66,3% от общего количества пациентов, что выше аналогичного общероссийского показателя (65,7%). Относительный показатель, превышающий общеокружной по данной группе, отмечается в пяти субъектах: Красноярский край (69,6%), Республика Хакасия (70,9%), Новосибирская область (70,3%), Кемеровская область (72,7%), Иркутская область (76,1%). Общероссийский показатель по данному возрастному периоду также превышает и в Алтайском крае (66,1%).

725 пациента – это вообще выпускники средних общеобразовательных школ в возрасте 18-19 лет, возможно большинство из них еще не успели выбрать свою будущую профессию, практически еще ни разу не сталкивались с необходимостью решать какие-то жизненно важные и сложные проблемы, но приобрели уже пагубную и, как правило, химическую зависимость от наркотиков. Наиболее остро данная проблема проявляется на Кузбассе и в Иркутской области, 73,4% пациентов

данной группы находились на излечении в медицинских учреждениях обозначенных субъектов. 83 пациента – это школьники в возрасте до 17 лет, в основном это жители Кемеровской, Иркутской областей и Красноярского края. Для наркозависимой категории граждан уже не имеет смысла ни жизненно важная и общественно значимая цель, ни деятельность по ее реализации. Все это замещается одномоментным навязчивым желанием, суть которого заключается в следующем: «Где достать деньги и получить очередную дозу?». И семья, и друзья, и коллеги просто выпадают из круга общения наркомана, если конечно они сами не являются таковыми. В расчете на 10 тыс. в Сибирском федеральном округе приходится 20,92 человека, находящегося на излечении в медицинских учреждениях, что существенно выше, чем по Российской Федерации, где данный показатель составляет 16,11 человек. Более того при анализе данных социологических исследований в рамках ежегодного мониторинга можно с уверенностью отметить, что и эти данные не отражают в полном объеме состояние наркоситуации в регионе. Угроза социальному и экономическому секторам явно выражена, и данная опасность не нуждается ни в каких пояснениях. Она является аксиомой, не требующей доказательств. Вместе с тем наркобезопасность для современного российского социума является неотъемлемой составляющей комплексной системы безопасности. Она нуждается в пристальном внимании как со стороны различных субъектов антинаркотической деятельности, так и исследовательских групп [3, с. 11].

В тройку негативных лидеров за период 2017-2019 гг. по количеству зарегистрированных в мед. организациях пациентов с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» в Сибирском федеральном округе попали Кемеровская, Иркутская, Омская, Новосибирская области. Эти субъекты федерации расположены вдоль Транс Сибирской железно дорожной магистрали, имеют выход на государственную границу, являются крупными транспортными узлами. Немного отстают в этом негативном рейтинге Красноярский и Алтайский края. Практически повторяют места данного рейтинга и показатели рейтинга и динамики зарегистрированных пациентов в медицинских организациях с диагнозом зависимости от наркотиков опийной группы, потребление которых является основным фактором наркотических расстройств. В 2019 г. 57,5% пациентов зарегистрированных с диагнозом «наркомания» в медицинских учреждениях округа были именно те, кто употреблял опиоиды, что превышает общероссийский показатель (56,9%).

Вместе с тем в структуре изымаемых правоохранительными органами на территории Сибирского федерального округа наркотики опийной группы составляют всего 4,15% от общего количества изымаемых наркотиков. Соотношение относительных показателей зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» и относительных показателей изъятия наркотических средств опийной группы по Сибирскому федеральному округу отражены на рисунке 1.

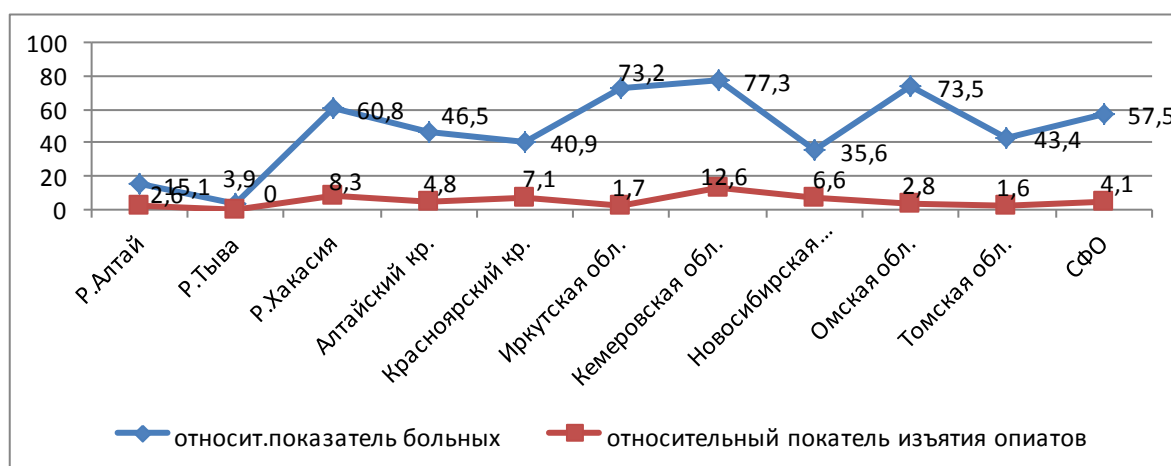

Рис. 1. Соотношение относительных показателей больных с диагнозом наркомания как следствие употребление опиатов и относительные показатели изъятия наркотиков опийной группы

Fig. 1. Ratio of relative rates of patients diagnosed with drug addiction as a consequence of opiate use and relative rates of drug seizures of the opium group

Практически в каждом субъекте Федерации, расположенном на территории Сибирского федерального округа, относительный показатель больных с диагнозом наркомания как следствие употребление опиатов значительно превышает относительные показатели изъятия наркотиков опийной группы. Этот факт указывает на распространение наркотиков данной группы на территории округа и на их доступность. Даже в Республике Тыва, где практически изъятие наркотиков

опийной группы составляет сотые доли процента в изымаемом объеме наркотических средств и психотропных веществ, среди больных, страдающих наркоманией в следствие употребления наркотиков опийной группы, таковых около 4 %.

«Лучше» или «хуже» состояние употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях в Сибирском федеральном округе в сравнении с другими федеральными округами однозначно сказать сложно, так как эти показатели могут говорить как о плотности и частоте наблюдаемого признака, так и об активной работе субъектов антинаркотического противодействия по «возвращению» наркозависимых в социум посредством отлаженной системы реабилитации и ресоциализации данной категории населения. Однако данные показатели говорят о наличии наркотиков опийной группы в регионе, о поступлении опийных наркотиков на территорию региона прежде всего по так называемому северному маршруту, а распространенность наркотиков опийной группы в удаленных от границы регионов говорит и о транзите наркотиков опийной группы в глубь территории округа и в субъекты Федерации, расположенные на территории других федеральных округов. Вместе с тем правоохрательными органами Сибирского федерального округа принимаются значительные меры по противодействию распространению и транзиту наркотиков опийной группы. В округе ежегодно изымаются из незаконного оборота значительные объемы наркотических средств и психоактивных веществ как в целом, так и опийной группы в частности.

За период 2014-2019 гг. по объему изымаемых наркотиков опийной группы Сибирский федеральный округ занимает второе место, уступая лишь Центральному федеральному округу. Всего в 2019 г. изъято 134937 г. – это около 17,84% всех наркотиков опийной группы, изъятых правоохрательными органами на территории России. С начала наблюдаемого периода (2014 г.) отмечается в целом снижение объемов изымаемых наркотических средств и психотропных веществ, что соответствует общероссийской тенденции. Кроме того, в последние годы постепенно снижается интенсивность транзита наркотиков опийной группы по «Северному маршруту» (Афганистан – Центральная Азия – Россия) [3, с. 8]. За четыре года, с 2014 г. по 2019 г., в Сибирском федеральном округе изъятие наркотиков опийной группы уменьшилось на 82,4%. Однако при общей тенденции снижения опийной наркоэкспансии, с 2017 г. отмечается в округе некоторое увеличение объемов изымаемых наркотиков опийной группы. С 2017 по 2019 гг. эти объемы увеличились на 27%, как следствие наиболее вероятного перераспределения части наркотрафика, проходившего ранее через Уральский федеральный округ. В тоже время за этот период по России в целом уменьшилось изъятие наркотиков данной группы на 22,4%.

Наркомания как негативное социальное явление криминализует социальную среду. Повсеместное распространение и быстрое развитие современных информационных технологий, сопровождаемое их качественными изменениями, создают условия для распространения информации [4, с. 25], «формируют практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков абсолютно новыми способами и средствами» [5]. В условиях COVID-19 максимальное значение количества преступлений на 100 тыс. населения «...отмечается в Уральском и Дальневосточном федеральных округах, более благоприятная криминальная ситуация в данной сфере сложилась в Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах» [6, с. 39]. Несмотря на то, что в Сибирском федеральном округе за последние пять лет наблюдается снижение уровня наркопреступности, относительный показатель наркопреступлений на 100 тыс. жителей в 2019 г. составил 135,5 преступлений, а это выше общероссийского на 4,5%. Более всего наркопреступлений в абсолютных показателях отмечается ежегодно в Кемеровской, Иркутской областях, Алтайском и Красноярском краях. Практически в этих же регионах отмечается наибольшее количество как пациентов медицинских учреждений с диагнозом «наркомания», так и объемов изъятия правоохрательными органами наркотических средств и психотропных веществ. Из числа расследованных наркопреступлений по округу 56,8 % совершены непосредственно потребителями наркотических средств и психотропных веществ, при этом в Республике Алтай, Республике Хакасия, Алтайском и Красноярском краях данный показатель составил более 70 %. 2,1% преступлений по округу совершено несовершеннолетними, больше всего в абсолютных величинах (73 чел.) и относительных (8,8 %) преступлений совершено несовершеннолетними в Республике Тыва.

Таким образом, давая сравнительную характеристику наркоситуации в Сибирском федеральном округе, необходимо отметить следующее: по количеству пациентов, зарегистрированных в мед. организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» округ находится на третьем месте после Центрального и Приволжского федеральных округов, в том числе и вследствие потребления опиоидов. Округ занимает также третье место по изъятию правоохрательными органами как наркотических веществ в целом, так и наркотиков опийной группы, третье место округ занимает и по количеству преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Наиболее остро наркоситуация складывается в Кемеровской, Новосибирской, Иркутской областях, Алтайском и

Красноярском краях. Полагаем, что в сложившейся ситуации ежегодный мониторинг наркоситуации позволит различным субъектам антинаркотической политики и противодействия, в том числе и правоохранительным органам, своевременно принимать адекватные уровню складывающейся ситуации меры по нормализации наркоситуации в регионе, давать качественную оценку реализации антинаркотических проектов и программ.

Список источников

1. Шинкевич В. Е., Бен Е. Н., Молоков В.Н. и др. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
2. Шекк Е.А. Региональный анализ состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в России в 2018 г. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции (4-5 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н.Н. Цуканов : в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 1.
3. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты : монография / В.Е. Шинкевич, П.В. Тепляшин, Т.Ю. Рублева [и др.]. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.
4. Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. Ценностные установки в контексте социального капитала региона // Siberian socium (Сибирский социум). 2018. Т. 2. № 4.
5. Шаталов А.С. Государственная стратегия борьбы с наркобизнесом: новшества, проблемы реализации и статистические казусы // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции (4-5 апреля 2019 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 1.
6. Состояние преступности на территории Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 и тенденции ее развития до конца 2020 года : аналитические материалы. М.: ВНИИ МВД России, 2020.

References

1. Shinkevich V. E., Ben E. N., Molokov V. N. *The state and prospects for ensuring the drug safety of society: according to the results of monitoring studies in the Krasnoyarsk Territory*. Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019. (In Russ.)
2. Shekk E. A. Regional analysis of the state of crime in the field of drug trafficking in Russia in 2018. In: Tsukanov N. N. (ed.) *Topical problems of the fight against crime: issues of theory and practice: materials of the XXII International Scientific and Practical Conference (April 4-5, 2019)*. Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. Part 1. (In Russ.)
3. Shinkevich V. E., Teplyashin P. V., Rubleva T. Yu. (et al.) *The structure of the drug market and the dynamics of drug consumption of the opium group in the Russian Federation: sociological, criminological and medical aspects*. Krasnoyarsk: SibYUI Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021. (In Russ.)
4. Guzhavina T. A., Vorobyeva I. N. Values in the context of social capital of the region. *Sibirskii sotsium = Siberian socium*. 2018;2(4). (In Russ.)
5. Shatalov A. S. State Strategy to Combat Drug Trafficking: Innovations, Implementation Problems and Statistical Casuses. In: Tsukanov N. N. (ed.) *Current Problems of Combating Crime: Issues of Theory and Practice: Materials of the XXII International Scientific and Practical Conference (April 4-5, 2019)*. Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. Part 1. (In Russ.)
6. *The state of crime in the Russian Federation in the context of the pandemic COVID-19 and the trends in its development until the end of 2020: analytical materials*. Moscow; 2020. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Е. Шинкевич – докт. социол. наук, проф. кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; проф. кафедры социологии.

Information about the author

V. Ye. Shinkevich – Doctor of Sociological, Professor or Department of Humanities and Social and Economic Sciences; Professor of Department of Social Sciences of Siberian Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; одобрена после рецензирования 26.07.2021; принята к публикации 29.07.2021.

The article was submitted 09.07.2021; approved after reviewing 26.07.2021; accepted for publication 29.07.2021.

Научная статья

УДК 316.334.4

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-248-253

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Галина Васильевна Ярошенко¹, Анастасия Сергеевна Рева², Артур Дмитриевич Тур³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹yaroshenkogv@uriu.ranepa.ru

²Revaanas@mail.ru

³tur_artur@rambler.ru

Аннотация. В статье представлено институциональное доверие как инструмент оценки деятельности органов власти в политической, социальной и экономической сферах жизни общества. Рассматривается проблема доверия к рейтингам структур и персоналий исполнительной власти. Цель статьи – проверить эмпирическим путем рейтинг доверия населения к власти через оценки студентов факультета управления ЮРИУ РАНХиГС.

Ключевые слова: государство, опрос, рейтинг, социологические исследования, общественное мнение, институциональное доверие

Для цитирования: Ярошенко Г. В., Рева А. С., Тур А. Д. Институциональное доверие в оценках студенческой молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 248–253. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-248-253>.

Sociology Problems

Original article

INSTITUTIONAL TRUST IN STUDENT YOUTH EVALUATIONS

Galina V. Yaroshenko¹, Anastasia S. Reva², Artur D. Tur³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹yaroshenkogv@uriu.ranepa.ru

²Revaanas@mail.ru

³tur_artur@rambler.ru

Abstract. The article presents institutional trust as a tool for assessing authorities performance in the political, social and economic spheres of life. The problem of trust in the ratings of executive states and political personalities is considered. The study aims to examine empirically the rating of public confidence in the authorities through the assessments of students of the Faculty of Management South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Keywords: state, poll, rating, sociological research, public opinion, institutional trust

For citation: Yaroshenko G. V., Reva A. S., Tur A. D. Institutional trust in student youth evaluations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):248–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-248-253>.

Проблема доверия – это актуальная тема современного социального развития. Доверие является фундаментом легитимности политических лидеров, различных социальных институтов. Оно рассматривается как механизм, обеспечивающий интеграцию повседневной жизни индивидов [1]. Описывая доверие как социологическую категорию, выделяют обобщенное, межличностное и институциональное доверие. Обобщенное доверие говорит о доверии большинству людей и выступает мерой оценки нормативного взаимодействия. Межличностное доверие оказывается социальному окружению, а именно родственникам, друзьям, знакомым. Такой вид доверия обладает высокой значимостью в повседневной жизни [2].

Узнать о доверии населения мы можем, анализируя общественное мнение, представляющее собой форму массового сознания, в которой проявляется отношение различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности. В отличие

от индивидуального мнения, оно обладает особой силой. А именно, оно побуждает многих людей что-то делать или, наоборот, не совершать действия.

К методам выявления общественного мнения относят: опросы, рейтинги, анализы, интервью, наблюдение. Главным образом развитие опросной социологии происходило в США уже в 1820-1830-х годах. Стремительно развивающиеся рыночные отношения в американском обществе дали бизнесу понять острую необходимость исследований потребительского поведения и восприятия рекламы, которые проводились посредством общественных опросов. Такие опросы также осуществлялись относительно различных политических повесток и были спонсированы прессой. Так, в 1916 г. первый общенациональный опрос о кандидатах в президенты провел журнал *Literary Digest* и тем самым положил начало «соломенной» социологии, для которой репрезентативность выборки не играла ключевую роль в определении общественного мнения [3]. Очевидно, что такая методика была обречена на неудачу, и в 1936 г. опросы этого издания показали неверный результат. В том же году американский ученый Джордж Гэллуп разработал метод формирования репрезентативной выборки, который стал основополагающим для опросов общественного мнения для 12 подряд президентских выборов в США. Разумеется, что успешная опросная технология Гэллупа не всегда давала правильные предсказания выборов президента, однако такие недостатки метода социолог считал ошибками, которые были порождены, в определенной мере, отсутствием опыта в новой области. Как мы можем заметить, современная опросная социология является заслугой развития американской демократии [4].

Ричард Роуз, американский политолог, директор Центра изучения государственной политики и профессор политики Университета Стратклайда, представил два подхода к объяснению доверия к власти. Одна из них – культурная теория, утверждающая, что доверие к власти является результатом давних, глубоко укоренившихся культурных ценностей, которым люди учатся в процессе социализации. Общая культура способствует межличностному доверию, закладывая прочную основу для сотрудничества людей друг с другом, в местных гражданских ассоциациях и национальных политических институтах. Таким образом, политическое доверие – это расширение межличностного доверия, которое развивается через культурную передачу и проецируется на политические институты [5].

Другая теория – это институциональная теория, утверждающая, что доверие зависит от функционирования политических институтов. Люди доверяют учреждениям, которые работают хорошо, и не доверяют тем, которые не в состоянии удовлетворить их требования. И культурная теория, и институциональная теория подчеркивают важность демократии в формировании политического доверия, но приходят к противоположным выводам. Согласно теории культуры, демократия создает политический контекст в пользу постматериалистической культуры, которая подчеркивает свободу слова и самоопределение, подрывая доверие граждан к политическим институтам. Однако согласно институциональной теории, демократия является одним из важных индикаторов, которые используются для оценки деятельности политических институтов, и граждане склонны доверять тем институтам, которые защищают политические права и гражданские свободы [6].

Выделяют следующие методы для выявления уровня доверия. Например, индекс развития человеческого потенциала, который оценивает возможность долгой жизни, получения образования и поддержания жизни общества. На региональном уровне значение имеют объективные факторы: спад производства, инфляция, безработица. В.В. Кривописков утверждает, что об уровне доверия в обществе также косвенно свидетельствует индекс нравственного состояния общества, индекс коррупции, индекс Джини (неравномерное распределение доходов) [7].

Следующий способ измерения доверия – это экспериментальный и социологический, с помощью лабораторных экспериментов, путем опроса и исследований. Экспериментальные данные позволяют получить количественную оценку межличностного доверия в группе людей. Социологический опрос позволяет определить перспективы взаимоотношения государства и общества, различных групп людей.

Институциональное доверие входит в сферу абстрактных отношений, опосредованных такими системами, как государственное управление, законодательство, правосудие. Но при этом институциональное доверие включает в себя личностную компоненту, так как приходится доверять и лицам, отвечающим за реализацию норм, правил, составляющих сущность института. Институциональное доверие приводит к социально-политической активности и хорошему отношению к действующим политикам, организациям, влияет на повышение уровня социальной стабильности, легитимности. Низкое институциональное доверие приводит к социальным проблемам, которые влекут за собой конфликты, угрозы безопасности государству и обществу в целом [8].

На сегодняшний день институциональное доверие занимает особое место, так как личные связи ослабевают, обретая при этом анонимность и символичность. Больше всего доверия к отдельным государственным институтам, к СМИ, федеральной и местной власти [2].

Социологическая методология – опросы и рейтинги выполняют функцию преобразования больших объемов информации в мнения и рекомендации, которые используются при принятии решений. Всероссийский центр изучения общественного мнения проводит систематические исследования общественного мнения по важнейшим проблемам и событиям социально-политической, экономической, культурной жизни России. 7 декабря 1987 г. было подписано постановление Президиума ВЦСПС и Госкомтруд СССР о создании ВЦИОМ, он является старейшей и наиболее известной российской исследовательской компанией.

Второй по популярности центр изучения общественного мнения – это Левада-центр. Данная исследовательская организация занимается проведением опросов населения, свою деятельность начала еще в 1988 г. Социологическая служба сотрудничает с различными региональными организациями и поддерживает партнерские отношения с аналитическими центрами в государствах СНГ. Стоит упомянуть и про фонд «Общественное мнение», который также проводит различные замеры и тематические исследования по заказу различных организаций. Основным заказчиком и потребителем результатов является Администрация Президента РФ¹.

В 2014 г. ВЦИОМ проводил опросы «Общественное мнение: кому и зачем оно нужно?» Интересным является тот факт, что больше половины респондентов (60%) видят необходимость опросов общественного мнения для развития научного познания общества. Не согласны с таким утверждением 25% опрошиваемых. При этом некоторые граждане согласны с мнением, что данные опросы проводятся исключительно для заработка и являются коммерческой деятельностью (45%)².

Кому же нужны результаты данных социологических исследований? Лидирующими в списке стали органы власти и политики (46%), сами социологи (41%) и СМИ (26%). Можно отметить, что каждый пятый респондент, считает, что соцопросы необходимы всем гражданам, которые интересуются мнением других людей.

Одним из таких является ежегодный опрос, проводимый Левада-центром, в отношении доверия современным политикам. Первым поднимается вопрос об оценке пути развития страны, отметим, что 49% людей считают, что дела в стране идут по правильному пути, при этом 41% граждан думает иначе³.

Сейчас в России лидирующее место доверия занимает только три социальных института: вооруженные силы РФ, президент и органы госбезопасности. Все остальные, начиная с церкви и других религиозных объединений, благотворительных организаций, находятся в зоне преимущественно негативного отношения⁴.

Можно отметить, что доверие к судебной системе остается на сравнительно невысоком уровне. Это наблюдается и в российских опросах, и в международных исследованиях. Рассмотрим опрос ВЦИОМ о доверии судебной системе, который проводился в сентябре 2020 г. По данным опроса 44,7% граждан не одобряют судебную систему, располагая ее в ряд оппозиции (44,8%) и СМИ (44,3%)⁵.

Существуют и международные рейтинги, характеризующие общественное мнение относительно деятельности судов. Исследование международной организации The World Justice Project ставит Российскую Федерацию на 93 место из 128 государств. При этом показателями являются – гражданское и уголовное правосудие⁶.

Уровень одобрения гражданами нашей страны деятельности Президента Российской Федерации в 2021 оказался ниже, чем в 2016. 65% респондентов одобряют деятельности Владимира Путина, в то время как 33% придерживаются обратной точки зрения. Тем не менее, когда отвечающим было предложено самостоятельно назвать политиков, которым они больше всего доверяют, Президент России был упомянут 34% респондентов. Этот список продолжили такие политики, как

¹ «Левада-Центр» Аналитический центр Юрия Левады. – Режим доступа:

<https://www.levada.ru/2021/02/25/odobrenie-institutov-i-doverie-politikam/> (дата обращения 20.07.2021)

² Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / Опросы общественного мнения: кому и зачем они нужны. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oprosy-obshhestvennogo-mneniya-komu-i-zachem-oni-nuzhny> (дата обращения 02.08.2021)

³ Левада-Центр [Электронный ресурс] / Одобрение институтов и доверие политикам. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/02/25/odobrenie-institutov-i-doverie-politikam/> (дата обращения 02.08.2021)

⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / Деятельность общественных институтов. – Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения 25.07.2021)

⁵ Там же.

⁶ Trust in Government assessing the evidence, understanding the polices / 47th Session of the Public Governance Committee // [https://one.oecd.org/document/GOV/PGC\(2013\)1/en/pdf](https://one.oecd.org/document/GOV/PGC(2013)1/en/pdf)

Владимир Жириновский (12%), Михаил Мишустин (10%), Сергей Шойгу (10%), Сергей Лавров (9%), Геннадий Зюганов (5%), Алексей Навальный (4%), Сергей Собянин (2%). 22% респондентов указали, что ни одному из современных политиков не доверяют или таких вовсе нет, а 15% не смогли дать ответ на этот вопрос¹.

Деятельность Правительства России одобряют 49% граждан, 48% ответили иначе. Данные показатели не изменились спустя 4 месяца с начала 2021 г.

Уровень одобрения деятельности Государственной Думы остается на невысоком уровне – 41%. Не одобряет деятельность данного органа власти 55% респондентов, а 4% вовсе не дали ответа.

Остановимся подробнее на доверии к правительству. Оно является одной из важнейших основ, на которой строятся легитимность и устойчивость политических систем. Доверие также имеет важное значение для социальной сплоченности и благополучия, поскольку оно влияет на способность правительства управлять и позволяет правительству действовать, не прибегая к принуждению. Следовательно, это эффективное средство снижения транзакционных издержек в любых социальных, экономических и политических отношениях. Высокий уровень доверия к правительству повышает эффективность и результативность деятельности правительства².

Для установления доверия требуется время, но оно может быть быстро утрачено, особенно после кризиса. Способность правительств справляться с кризисами и осуществлять успешные стратегии ухода часто является условием их выживания. В период после крупных бедствий, отсутствие доверия может затруднить чрезвычайные и восстановительные процедуры, нанося большой ущерб обществу и подрывая способность правительства действовать. Это ставит вопрос о том, снижается ли доверие к правительству или нет, и что правительства могут сделать для поддержки доверия.

Организация экономического сотрудничества и развития рекомендует государствам четыре основных типа поведения правительств, стремящихся восстановить доверие: они должны действовать надежно, быть отзывчивыми, открытыми и инклюзивными и работать добросовестно. Правительства не должны добиваться этих целей в одиночку, необходимо поддерживать сдвиги в возможностях и культуре правительства в сторону повышения прозрачности, подотчетности, компетентности, потенциала, эффективных политик и нормативно-правовой базы, надежного предоставления услуг и верховенства закона³.

Авторы статьи воспроизвели прикладное социологическое исследование Левада-центра о доверии к органам исполнительной власти, опросив 92 студентов, осваивающих образовательную программу: «Государственное и муниципальное управление» в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС. Такое заимствование дает возможности для удобного и точного сравнения полученных данных. Интерес проведения опроса заключался в анализе доверия студенческой молодежи нашему государству, в сравнении его с другими категориями граждан.

На вопрос об оценке текущих дел в стране треть студентов (31%) ответили положительно, в то время как 35% ответов указали, что дела идут по неверному пути. 34% респондентов затруднились дать ответ на указанный вопрос.

Оценка одобрения деятельности Президента Российской Федерации соотносится с данными Левада-центра – 64%. При этом не одобряют деятельность Владимира Путина 36% студентов. При самостоятельном указании студентами политиков, которым они доверяют, первое место также занимает Президент России (31%). Список дополнили Михаил Мишустин (17%), Сергей Лавров (9%), Сергей Шойгу и Дмитрий Медведев (6%), Геннадий Зюганов (3%). Примечательным кажется, что ни один из студентов не указал Владимира Жириновского, несмотря на тот факт, что в рейтинге, подготовленном Левада-центром, он находится на втором месте сразу после Президента Российской Федерации. Свое недоверие к политикам выразили 20% респондентов, что находит отражение в современных социологических опросах.

Деятельность Государственной Думы одобрило 58% студентов, а деятельность Правительства России – 60%.

Стоит отметить, что на обобщающий вопрос о доверии к органам государственной власти в целом, 42% студентов ответили отрицательно. Такой высокий показатель недоверия может свидетельствовать об отсутствии заинтересованности и личной неосведомленности студентов

¹ Левада-Центр [Электронный ресурс] / Одобрение институтов и доверие политикам. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/02/25/odobrenie-institutov-i-doverie-politikam/> (дата обращения 02.08.2021)

² Левада-Центр [Электронный ресурс] / Доверие политикам, одобрение институтов и положение дел в стране. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/04/30/doverie-politikam-odobrenie-institutov-i-polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения 02.08.2021)

³ The Global Competitiveness Report [Электронный ресурс] / Рейтинг стран по уровню доверия к политикам. – Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/cou-ntries/public-trust-politicians/> (Дата обращения: 14.06.2021).

о деятельности как органов власти, так и политиков. Так, например, в нашем опросе у 9% респондентов вызвало трудности назвать современного политика, которому они бы доверяли. Повлияет ли такое недоверие к власти на потенциальных государственных служащих и на их дальнейшее трудоустройство по соответствующему профилю подготовки?

Студенты обозначили свою позицию относительно перспектив профессионального развития в структурах органов исполнительной власти. 47% респондентов видят свое дальнейшее развитие в данных государственных структурах, а 20% не собираются связывать свою жизнь с данным видом деятельности. Любопытно, что среди тех, кто видит перспективы развития профессиональной деятельности на государственной гражданской службе, меньше всего студентов 4 курса бакалаврской подготовки (4%), а больше всего, например, – студентов 1 курса (48%). Такие результаты можно оправдать тем, что ни один студент 4 курса по данным нашего опроса не доверяет органам государственной власти, в то время как среди студентов 1 курса им не доверяют только 33%.

Сегодня очевидна необходимость включения в социологические исследования вопросов, связывающих доверие и ситуацию с пандемией. Так, по данным опроса, проведенного во время пандемии компанией Online Market Intelligence, наблюдается достаточно низкий уровень доверия тому, что государство поддержит человека в кризисной ситуации (17%). В нашем опросе также проявился высокий уровень недоверия студентов к органам государственной власти в связи с влиянием пандемии коронавирусной инфекции (44%)¹.

Если обратиться к международным рейтингам доверия власти и политикам – в них Российская Федерация не занимает лидирующие позиции. В 2018 г. на Всемирном экономическом форуме в отчете The Global Competitiveness Report был представлен рейтинг стран по доверию граждан к политикам их страны. Из 137 стран Россия занимает 51 место. Уточняется, что окончательные показатели не всегда зависят от действий самих политиков – результаты могут быть зависеть от местных традиций, условий жизни, а иногда могут быть искажены ввиду государственной пропаганды².

Edelman Trust Barometer в своем отчете за 2021 год оценили, что власти в России доверяют 34% граждан, что на 1% больше показателя 2019 г. Согласно барометру доверия такой показатель относится к категории недоверия и характерен для России уже долгое время. Примечательно, что из четырех сфер (бизнес, некоммерческие организации, власть, СМИ) власти и бизнесу россияне доверяют одинаково, в то время как доверие к СМИ и НКО несильное – самое низкое среди всех представленных в рейтинге стран³.

Подводя итоги, можно сказать, что результаты нашего исследования во многом совпадают с результатами опроса, проводимого Левада-центром. Действительно, существует достаточно высокий уровень недоверия как к органам исполнительной власти, так и к некоторым политическим персоналиям. Тем не менее, наблюдаются некоторые различия между результатами, получаемыми всероссийскими исследовательскими центрами. Это, конечно, обусловлено наличием ограничений у метода опросов. Во-первых, по точности и детальности информации, которую он может предоставить, по тематике, по характеру вопросов, которые мы можем задавать и по которым можем ждать ответы. Во-вторых, есть определенная доля ошибок – она неизбежна, как в любом деле. Как есть и злоупотребления в этой области, как есть и нечестные люди, занимающиеся этими исследованиями или интерпретирующие их результаты.

Можно сказать, что вопрос «доверять или не доверять опросам общественного мнения» сам по себе становится одним из феноменов общественного мнения. И соответственно, он функционирует по тем же законам и тоже поддается измерению.

Такие выводы обуславливают необходимость дальнейшего проведения социологических опросов в будущем и исследования не только институционального доверия граждан, но и доверия к самим опросам общественного мнения.

Список источников

1. Ушамировский А. Э. Проблема институционального доверия в молодежной среде // Символ науки: международный научный журнал. 2015. № 10-2. С. 253–258.
2. Горбунова А. А. Межличностное и институциональное доверие в современном российском обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2018. № 10. С. 17–21.
3. Левинсон А. Как считают рейтинг. Минск: Дискурс, 2018. 192 с.

¹ Online Market Intelligence. «Социологический антикризисный центр» // http://sociocrisis.ru/files/sac_report_05.pdf

² The Global Competitiveness Report // <https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/10/GCR2018.pdf>

³ 2021 Edelman Trust Barometer. Global Report // <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf>

4. Гэллуп Дж., Рэй С.Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения / под ред. Н. П. Попова, А. В. Кулешовой; пер. с англ. В. Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2017. 256 с.
5. Jia Lu, Li Qi, Xin Yu. Political trust in the internet context: A comparative study in 36 countries // *Government Information Quarterly*. Volume 36, Issue 4, October 2019, 101386.
6. Черницына Е. Н. Политическое доверие: как его измерить? // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2016. № 54. С. 130–145.
7. Шапиро М. Г. Классификация методов опроса в социологии // *Социальные исследования*. 2017. № 2. С. 51–59.
8. Омелченко Д. А., Максимова М. М., Шахова Е. В., Суртаева О. В. Институциональное и обобщенное доверие населения как показатели социальной интеграции в российских регионах // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2017. № 5-1. С. 105–111.

References

1. Ushamirsky A. E. The problem of institutional trust in the youth environment. *Simvol nauki = Symbol of science: international scientific journal*. 2015;10-2:253–258. (In Russ.)
2. Gorbunova A. A. Interpersonal and institutional trust in modern Russian society. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in the modern world: science, education, creativity*. 2018;(10):17–21. (In Russ.)
3. Levinson A. *According to the rating*. Minsk: Discourse; 2018. 192 p. (In Russ.)
4. Gallup J., Ray S. F. *Pulse of Democracy. How public opinion polls work*. Popov N. P., Kuleshova A. V. (eds.). Transl. by V. L. Silaeva. Moscow: VTSIOM; 2017. 256 p. (In Russ.)
5. Jia Lu, Li Qi, Xin Yu. Political trust in the internet context: A comparative study in 36 countries. *Government Information Quarterly*. Volume 36, Issue 4, October 2019, 101386.
6. Chernitsyna E. N. Political trust: how to measure it? *Gosudarstvennoe upravlenie = Public administration*. 2016;(54):130–145. (In Russ.)
7. Shapiro M. G. Classification of survey methods in sociology. *Sotsial'nye issledovaniya = Journal of Social Research*. 2017;(2):51–59. (In Russ.)
8. Omelchenko D. A., Maksimova M. M., Shakhova E. V., Surtaeva O. V. Institutional and generalized trust of the population as indicators of social integration in the Russian regions. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve = Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*. 2017;(5-1):105–111. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. В. Ярошенко – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики;
 А. С. Рева – призер конкурса лучших студенческих работ Майских социологических чтений «Продолжая традиции научной школы профессора Г. П. Зинченко», студент;
 А. Д. Тур – призер конкурса лучших студенческих работ Майских социологических чтений «Продолжая традиции научной школы профессора Г. П. Зинченко», студент.

Information about the authors

G. V. Yaroshenko – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics;
 A. S. Reva – Student;
 A. D. Tur – Student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 27.08.2021.
 The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 27.08.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 254–260
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3):254–260

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 336.7

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-254-260

РОЛЬ «ЗЕЛЕННЫХ» ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Алексей Валерьевич Белошицкий^{1, 2}

¹Международный Банковский Институт имени Анатолия Собчака, Санкт-Петербург, Россия,
alex.v.beloshitskiy@gmail.com

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено вопросам ресурсного обеспечения природоохранных проектов посредством экологически нейтральных «зеленых» инвестиций и последующего перехода к низкоуглеродной экономике. В исследовании анализируются различные инструменты «зеленого» финансирования и особенности их использования. Рассматривается российский и зарубежный опыт социально-ориентированного инвестирования, а также тенденции и барьеры его развития. Сделаны выводы об эффективной конфигурации государства и частного сектора для стимулирования «зеленых» инвестиций.

Ключевые слова: «зеленые» инвестиции, «зеленое» финансирование, социально-ориентированное инвестирование, низкоуглеродная экономика, устойчивое развитие, возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Белошицкий А. В. Роль «зеленых» инвестиций в процессах формирования и развития низкоуглеродной экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 254–260. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-254-260>.

Young scientists

Original article

ROLE OF "GREEN" INVESTMENTS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A LOW-CARBON ECONOMY

Alexey V. Beloshitskiy^{1, 2}

¹International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak, St. Petersburg, Russia,
alex.v.beloshitskiy@gmail.com

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The research is devoted to the issues of resource provision of environmental protection projects through environmentally neutral "green" investments and the subsequent transition to a low-carbon economy. The research investigates different instruments of "green" financing and features of their use. Russian and foreign practice of socially responsible investments, trends and barriers to its development are examined. Conclusions are drawn about the effective configuration of the state and the private sector to stimulate "green" investment.

Keywords: "green" investments, "green" financing, socially responsible investments, low-carbon economy, sustainable development, renewable energy sources

For citation: Beloshitskiy A. V. Role of "green" investments in the formation and development of a low-carbon economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(3):254–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-254-260>.

Введение. Парижское соглашение, принятое международным сообществом в 2015 г., включило в себя целый ряд положений, реализация которых позволит обеспечить сокращение концентрации углекислого газа в атмосферном воздухе. Таким образом, международное сообщество поставило перед собой четкую цель: избежать глобального экологического кризиса и значительно снизить риски и последствия изменения климата. Большое число стран обязалось активно включиться в процесс снижения объема выбросов парниковых газов до «чистого нуля» к середине XXI века.

Достижение заявленной цели требует значительных инвестиций в низкоуглеродную экономику как со стороны государств, так и со стороны негосударственных коммерческих и некоммерческих структур.

В соответствии с расчетами Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) для достижения целевого показателя по приостановлению среднегодового повышения температуры в мире до 1,5°C и преобразования мирового энергетического сектора требуется минимальный среднегодовой объем инвестиций в «зеленые» технологии в период с 2016 по 2050 гг., равный 3,5 трлн долл. США; указанный объем не включает в себя инвестиции, необходимые для «зеленой» трансформации других секторов экономики, таких как сельское хозяйство и строительство¹.

Принимая во внимание важную роль финансовой отрасли в распределении денежного капитала, и ее способность активизировать реальный сектор экономики, необходимо отметить ключевое значение финансовых институтов для создания эколого-ориентированного бизнеса и перехода общества к устойчивому развитию. Инновационные методы инвестирования, кредитования и страхования могут обеспечить существенный прогресс в области создания и разработки низкоуглеродных решений. В связи с этим в настоящее время наблюдается процесс, который можно охарактеризовать как качественный переход финансового сектора к стандартам, соответствующим базовым требованиям «зеленой» экономики. Вместе с этим происходит повышение ответственности институциональных инвесторов за управление активами своих бенефициаров, которое должно включать в себя учет последствий изменения климата².

На текущий момент ситуация на российском и мировом рынках инвестиций демонстрирует, что финансовая индустрия уже сейчас имеет обширный опыт в создании и использовании инструментов «зеленого» финансирования.

Материалы, методы и объекты исследования. В рамках работы была проанализирована научная литература, освещающая проблематику области «зеленых» инвестиций, изучены и проанализированы доклады и материалы международных организаций, а также определены ключевые особенности социально ответственного инвестирования.

Цель исследования. Целью настоящего исследования является изучение роли «зеленых» инвестиций при переходе к низкоуглеродной экономике.

Результаты исследования

Особенности и механизмы «зеленых» инвестиций

«Зеленые» инвестиции являются одним из направлений, формирующихся в ходе становления и развития концепции социально-ориентированного инвестирования. Данный подход стал активно развиваться во второй половине XX века в рамках лидирующих западных экономик, в первую очередь, в США. Он стал ответом на расширение стандартных требований инвесторов к проектам, которые стали включать в себя не только критерии доходности вложенных средств, но и соблюдение получателем средств жестких мер по минимизации негативного влияния проекта на экологические, этические и социальные вопросы. Рост значимости воздействия бизнеса и экономической деятельности на экологическую и, опосредованно, на социальную сферы в целом привел к пониманию того, что такое воздействие должно быть ответственным, а бизнес должен учитывать весь комплекс факторов в ходе реализации различных инвестиционных проектов.

На сегодняшний день понятие «зеленые инвестиции» охватывает механизм размещения финансовых ресурсов в проекты и инициативы, основанные на экологически нейтральных технологиях и решениях, которые позволяют их сочетать в рамках глобального магистрального тренда по межатраслевому развитию «зеленой экономики». В свою очередь, «зеленую экономику» можно описать как новый этап ведения экономической и хозяйственной деятельности, в основе которого лежит ответственное отношение к окружающей среде, внедрение интенсивной модернизации производства и, как следствие, повышение объемов производства продукции с высокой добавленной стоимостью [1].

Существует множество факторов, побуждающих экономических субъектов инвестировать в «зеленые» решения, однако в научной литературе принято выделять следующие группы причин:

- экономические причины (уровень доходности вложений, качество учета и оценивания рисков, уровень развития производства, степень интернализации внешнего воздействия);
- неэкономические причины (прямое или косвенное воздействие проекта на экологию, науку, религиозную сферу, вопросы этического и политического характера);

¹ Официальный сайт МГЭИК // URL:

https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/06/SR15_Full_Report_High_Res.pdf (дата обращения: 03.04.2021)

² Официальный сайт ООН, «Как инвестировать в низкоуглеродную экономику» // URL:

<https://www.unpri.org/download?ac=6241> (дата обращения: 03.04.2021)

- PR-эффект от размещения средств (влияние на публичный образ инвестора, имидж бизнеса, маркетинг, воздействие СМИ и гражданского общества);

- комплаенс и соблюдение отраслевых регуляций (внутренние нормы и кодексы, международные конвенции, стандарты и принципы обеспечения открытости сведений) [2].

«В систему социально-ориентированного инвестирования входит целый ряд продуктов, среди которых можно выделить «зеленое» заемное финансирование, «зеленые» фонды частного капитала и венчурных инвестиций, «зеленые» биржевые инвестиционные фонды, «зеленые» ПИФы, «зеленые» финансово-кредитные организации и банковские экосистемы, «зеленые» услуги по страхованию активов и операций, «зеленый» формат взаимодействия государственных и частных структур, «зеленые» бонды (облигации)» [3].

Целевое применение «зеленого» кредитования напрямую связано с реализацией проектов и инициатив, оказывающих минимальное антропогенное воздействие на окружающую среду, под льготные проценты (1-2%) для реализации «зеленых» проектов. Чаще всего источниками финансовых ресурсов выступают крупные международные банковские структуры и организации в области устойчивого развития. Одной из самых развитых систем «зеленого» кредитования является банковская система Китая. В 2007 г. с целью снижения выбросов углекислого газа китайское правительство приняло политику «Зеленых кредитов», согласно которой государственные банки должны предоставлять льготные кредиты для реализации экологических инициатив, повышению энергоэффективности и энергосбережения, сокращению выбросов парниковых газов, а также вводить дополнительные ограничения для компаний, которые наносят серьезный урон окружающей среде и деятельность которых приводит к высоким объемам выбросов загрязняющих веществ. В результате проведения данной политики в Китае удалось создать эффективную систему «зеленого» кредитования. Так, в период с 2006 по 2017 гг. ежегодное число «зеленых» кредитов, выдаваемых китайскими банками, увеличилось с 0 до 3800, а прибыль от их реализации в 2017 г. составила 550 млрд юаней [4].

«Зеленые» фонды, аккумулирующие средства частных инвесторов вкладывают финансовые ресурсы в те экологические инициативы, потенциал которых позволяет достичь наиболее конкурентоспособных показателей эффективности и результативности. Специфической чертой таких инвестиций является высокая степень надежности вложенных средств, а также долгосрочность вложений, связанная с масштабностью проектов. В данной категории фондов можно выделить «Environmental Capital Partners» – ведущую инвестиционно-банковскую группу, специализирующуюся на коммерческих возможностях, предоставляемых низкоуглеродной экономикой.

Фонды венчурных инвестиций осуществляют финансовые вложения в «зеленые» проекты, находящиеся на начальной стадии развития, в т.ч. в инновационные технологии, отличающиеся низким уровнем готовности. Данный тип инвестирования обладает большим количеством рисков. Допускается, что около 70-80 % таких проектов не смогут успешно осуществиться, однако прибыль от оставшихся проектов окупает понесенные убытки [3].

«Зеленые» или «экологические» инвестиционные фонды, подобно своим обычным аналогам, также находятся в обороте на бирже ценных бумаг, их отличие состоит в специализации на природоохранных проектах и экологических инициативах. Как и обычные биржевые фонды они составляют собственные портфели акций, в которые включаются лишь ценные бумаги компаний, чья операционная деятельность является безвредной для природы. Среди наиболее крупных глобальных фондов данного направления можно выделить FTSE4Good Series и Dow Jones Sustainability [2].

«Зеленые» ПИФы отличаются тем, что инвесторы являются держателями определенной доли имущества фонда, которое находится под контролем управляющей компании. В то же время инвестор должен понимать, что такие вложения связаны с высокой долей риска в связи с тем, что управляющая компания может обанкротиться, и заемщик понесет значительные финансовые потери.

К «зеленым» банкам относятся банки, которые специализируются на инновационных методах льготного финансирования и инструментах развития рынка в партнерстве с частным сектором для ускорения развития «зеленых» решений. Наибольшая часть инвестиций таких банков направлена на развитие технологий энергосбережения, возобновляемых источников энергии и борьбу с изменением климата¹.

К «зеленому» страхованию относятся методы страхования инвестиционных проектов, при которых происходит комплексная оценка экологических рисков. Данная мера направлена на стимулирование ресурсного обеспечения природоохранных проектов на преференциальных условиях.

«Зеленый» формат взаимодействия государственных и частных структур связан с государственно-частным партнерством в рамках реализации масштабных «зеленых» проектов. В нем

¹ Официальный сайт Коалиции для «зеленого» капитала (CGC), «Что такое зеленый банк?» // URL: <https://coalitionforgreencapital.com/what-is-a-green-bank/> (дата обращения: 05.04.2021)

государство оказывает значительную финансовую поддержку частным компаниям, позволяющую создать базу для реализации проекта и его дальнейшего функционирования [5].

Сравнительно новой формой финансирования «зеленых» проектов являются «зеленые» бонды или облигации – разновидность обычных облигаций, т.е. долговых бумаг с фиксированным доходом. Как правило, раньше выпуском «зеленых» бондов занимались в основном международные банки, однако сейчас их начинает выпускать все большее число частных компаний. Отличительной особенностью «зеленых» облигаций является обязательство по вложению всех средств, полученных от эмиссии, в развитие и реализацию инициатив по поддержке экологии. Одним из примеров в данной области выступает программа зеленых облигаций Всемирного банка, разработанная в партнерстве со Skandinaviska Enskilda Banken для поддержки проектов, связанных с переходом к низкоуглеродным технологиям и борьбой с изменением климата. Программа осуществляется через Международный банк реконструкции и развития [6].

На основании приведенной выше информации можно сделать вывод о том, что существует обширный ряд инструментов финансирования экологических проектов. На данный момент одним из самых перспективных и действенных методов «зеленого» инвестирования признаются «зеленые» фонды частного капитала и «зеленые» бонды. Различные формы «зеленого» инвестирования используют разные методы, источники финансирования, инвестиционные стратегии и организационную структуру, однако объединяющим их фактором является общая цель, а именно, реализация «зеленых» проектов и переход к низкоуглеродной экономике.

Роль «зеленых» инвестиций в развитии мировой низкоуглеродной экономики. В соответствии с экспертной оценкой Международного энергетического агентства и подразделения New Energy Finance корпорации Bloomberg, в период 2015–2040 гг. только в рамках усилий по уменьшению объема парниковых газов, выбрасываемых в атмосферный воздух, и перехода к более чистой энергетике потребуются среднегодовые вложения в размере 220–329 млрд долл. США для сценария «business as usual» и 323–590 млрд долл. США для «зеленого» сценария. Прогнозные расчеты Всемирного экономического форума и Комиссии по экономике изменения климата и устойчивому развитию указывают на необходимость значительного повышения объема данного типа инвестиций вплоть до 0,9 и 0,95 трлн долл. США соответственно.

При этом прогнозный объем инвестиций за соответствующий период составляет 275 млрд долл. США в среднегодовом выражении. Таким образом, для реализации низкоуглеродного сценария развития среднегодовой объем «зеленых» инвестиций необходимо увеличить на 15%. Однако эти усилия являются экономически оправданными с точки зрения рисков, которые несет за собой глобальное потепление [7].

На рис. 1 показана динамика изменения объема глобальных инвестиций в возобновляемые источники энергии в период с 2004 по 2019 гг.

Динамика изменения объема финансирования проектов по использованию возобновляемых источников энергии свидетельствует о постепенном повышении интереса инвесторов к решениям в области «зеленой» энергетики. В 2019 г. объем инвестиций составил 282,2 млрд долл. США, что примерно в 7 раз больше, чем в 2004 г. В то же время можно говорить о периодических спадах инвестиционной активности за рассматриваемый период, однако наблюдается тенденция на дальнейшее повышение объема «зеленых» инвестиций.

Одним из важных аспектов при рассмотрении вопроса о значении «зеленых» инвестиций для глобальной трансформации экономики является роль развитых и развивающихся стран в деятельности по финансированию «зеленых» проектов. На рис. 2 представлена доля развитых и развивающихся стран в глобальном объеме инвестиций в возобновляемые источники энергии в период с 2004 по 2019 гг.

На рис. 2 показано, что в 2015 г. доля развивающихся стран в глобальном объеме инвестиций в возобновляемые источники энергии впервые превысила долю развитых стран, и с тех пор за ними сохраняется лидирующая позиция. В 2019 г. на развивающиеся страны приходилось около 152 млрд долл. инвестиций, что составляет 54% от общего объема, но данный показатель существенно снизился по сравнению с 2017 г. (на 62%). Однако в 2019 г. был отмечен самый высокий объем инвестиций в возобновляемые источники энергии со стороны развивающихся стран, в число которых не входят Китай и Индия.

За указанный период было реализовано много проектов по развитию ветровой и солнечной энергетики в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Африке. Многие из этих стран испытывают повышенную потребность в электроэнергии и не имеют собственных запасов ископаемого топлива, однако располагают большими территориями с высокой солнечной активностью и потенциалом для строительства ветряных электростанций.

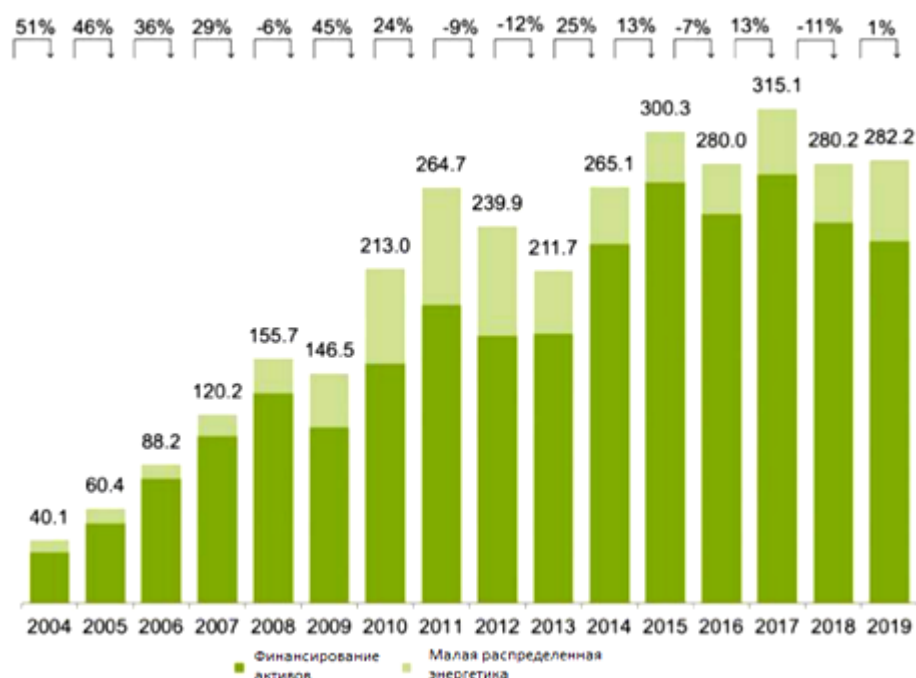

Рис. 1. Глобальные инвестиции в возобновляемые источники энергии, млрд долл. США¹
 Fig. 1. Global Renewable Energy Investments, \$ Billion USA

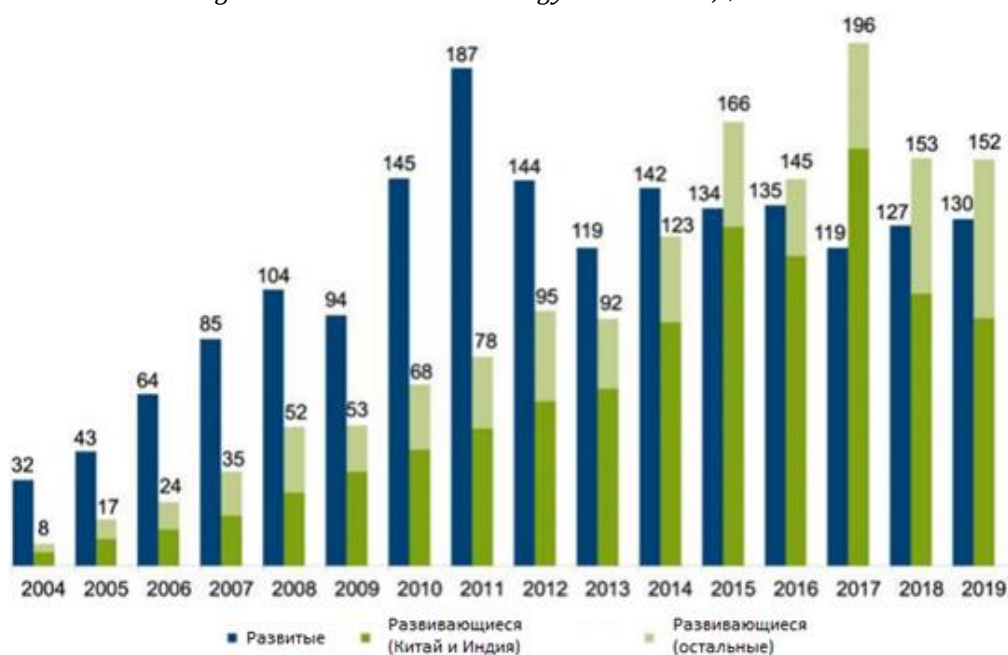

Рис. 2. Доля развитых и развивающихся стран в глобальном объеме инвестиций в возобновляемые источники энергии, млрд долл. США²

Fig. 1. Share of developed and developing countries in global investment in renewable energy, billion dollars USA

По мере того как технологии использования альтернативных источников энергии становятся все более доступными и сопоставимыми по затратам с использованием ископаемого топлива (если принимать во внимание экологические издержки), «зеленые» инвестиции становятся одним из способов достижения устойчивого развития бедных развивающихся регионов³.

¹ Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), «Мировые тенденции развития возобновляемых источников энергии – 2020»

// URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/32700/GTR20.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 05.04.2021)

² Там же.

³ Там же.

Роль «зеленых» инвестиций в развитии низкоуглеродной экономики России. В настоящее время в России происходит постепенное развитие и внедрение практик ответственного финансирования проектов, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду; тем не менее объем «зеленых» инвестиций остается по-прежнему невысоким.

По данным Росстата в 2000 г. доля капиталовложений природоохранного значения в российских предприятиях не превышала 1,9% от совокупного объема инвестиций в основной капитал¹. Официальная государственная статистика показывает, что уже к 2018 г. данный показатель снизился до 0,9%². Этот факт свидетельствует о недостаточной готовности российских предприятий инвестировать в природоохранные объекты, что может быть обусловлено нехваткой собственных средств и внешнего финансирования [1].

Отдельные специалисты отмечают, что российский рынок финансов крайне невосприимчив к международным инициативам по развитию социально ответственного финансирования, поскольку на данный момент отсутствуют стимулы для активного применения практики учета экологических факторов в ходе инвестиционной деятельности.

В то же время происходит реализация ряда масштабных государственных проектов, целью которых является снижение негативного воздействия на окружающую среду. Одним из таких проектов является национальный проект «Экология», в рамках которого предполагается привлечение внебюджетных средств в размере 3,2 трлн руб. [1].

Барьеры на пути развития «зеленого» инвестирования. Несмотря на то, что глобальный объем инвестиций в различные природоохранные проекты увеличивается с каждым годом, его масштаб остается сравнительно небольшим. Среди барьеров, которые препятствуют развитию «зеленого» финансирования, можно выделить:

- ограничения емкости инвестиционных торговых площадок;
- риски, связанные с отставанием правовых норм и политического контекста от «зеленого» запроса инвесторов;
- низкий уровень доверия инвесторов, непрозрачность государственных управленческих решений и излишние требования к коммерциализации капитала;
- низкую эффективность мер по продвижению «зеленых» инвестиций в малые и средние проекты среди институциональных инвесторов³.

Среди потенциальных решений вышеназванных проблем можно отметить сотрудничество государств и наднациональных структур в работе по минимизации негативного влияния рыночных экстерналий и стимулированию притока ресурсов в инновационные «зеленые» инвестиционные проекты.

Выводы. На сегодняшний день «зеленые» инвестиции признаются одним из самых эффективных инструментов реализации крупномасштабных природоохранных проектов, в связи с чем «зеленое» финансирование является одним из ключевых драйверов глобального перехода к низкоуглеродной экономике.

В то же время объем финансовых средств, направляемых на «зеленую» трансформацию экономики, и снижение выбросов парниковых газов в настоящее время являются недостаточными, хотя существует устойчивая тенденция на увеличение этого объема. Во многом это связано с различными экономическими, политическими и нормативными рисками, а также с нехваткой доверия у инвесторов.

Дальнейшее развитие инновационных инструментов стимулирования «зеленых» инвестиций, таких как «зеленое» кредитование, страхование и финансирование будет значительно зависеть от политики, проводимой государствами и международными организациями. Одним из главных факторов успеха в данной области является популяризация идеи экологизации экономического роста, а также повышение осведомленности населения о рисках, связанных с изменением климата, и необходимости перехода к низкоуглеродной экономике.

¹ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; НПП «Кадастр», 2019. 844 с. (дата обращения: 05.04.2021)

² Там же.

³ Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации, «Зеленые» инвестиции: инструкция по применению // URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/06/main/2017_instructions.pdf (дата обращения: 05.04.2021)

Список источников

1. Коданева С. И. «Зеленые инвестиции» в России и за рубежом: проблемы, механизмы, перспективы // Россия и современный мир. 2020. № 3. С. 68–88.
2. Войка М. К., Панайт М., Радулеску И. Зеленые инвестиции – между необходимостью, фискальными ограничениями и прибылью // Экономика и финансы. 2015. № 2. С. 72–79.
3. Ноздрева Р. Б. «Зеленые бонды» как современный инструмент экологического финансирования в бизнесе Японии // Финансовый бизнес. 2018. № 3. С. 45–49.
4. Чжан Ю. Зеленый кредит повышает финансовые показатели коммерческого банка – пример Промышленного Банка / Международная конференция по менеджменту, экономике, образованию и социальным наукам, 2018.
5. Мидлер Е. А. Институты инновационной экономики: особенности формирования и тенденции развития монография / Федеральное агентство по образованию, Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону, 2008. С. 15–39.
6. Довал Е., Негулеску О. Модель «зеленого» инвестирования // Экономика и финансы. 2014. № 15. С. 847–852.
7. Порфирьев Б. «Зеленые» тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 5–16.

References

1. Kodaneva S. I. "Green investments" in Russia and abroad: problems, mechanisms, prospects. *Rossiia i sovremennyi mir = Russia and the modern world*. 2020;(3): 68–88. (In Russ.)
2. Voika M. K., Panait M., Radulescu I. Green investments – between necessity, fiscal constraints and profit. *Ekonomika i finansy = Economics and finance*. 2015;(2):72–79. (In Russ.)
3. Nodreva R. B. "Green Bonds" as a modern tool for environmental financing in the business of Japan. *Finansovyi biznes = Financial business*. 2018;(3):45–49. (In Russ.)
4. Zhang Yu. Green Credit improves the financial performance of a commercial bank - an example of the Industrial Bank. In: *International Conference on Management, Economics, Education and Social Sciences*; 2018.
5. Midler E. A. *Institutes of Innovative Economics: Features of Formation and Trends of Development*. Rostov-on-Don; 2008:15–39. (In Russ.)
6. Doval E., Negulescu O. Model of "green" investment. *Ekonomika i finansy = Economics and finance*. 2014;(15):847–852. (In Russ.)
7. Porfiriev B. "Green" trends in the global financial system. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2016;(9):5–16. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Белошицкий – соискатель кафедры экономики и финансов предприятий и отраслей; исполнительный директор Центра компетенций НТИ по направлению «Технологии хранения и анализа больших данных».

Information about the author

A. V. Beloshitskiy – Applicant of the Department of Economics and Finance of Enterprises and Industries; Executive Director of the Centre for storage and analysis of big data.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021; одобрена после рецензирования 17.07.2021; принята к публикации 19.07.2021.

The article was submitted 28.06.2021; approved after reviewing 17.07.2021; accepted for publication 19.07.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-261-266

ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Иван Иванович Волошин

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, i.i.voloshin@yandex.ru

Аннотация. Автором предлагается политико-исторический экскурс в процесс реформирования российского государственного управления с позиций элитологического взгляда. С позиций предложенного исследуются тенденции к обновлению и тенденции к сохранению, а также возможного воссоздания прежней управленческой модели, с которыми сталкивались в процессе формирования новой российской модели управления.

Ключевые слова: власть, элита, элитология, государственное управление, элитологический ракурс, процесс реформирования

Для цитирования: Волошин И. И. Элитологический ракурс процесса реформирования российского государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 261–266. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-261-266>.

Young scientists

Original article

ELITOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE REFORM PROCESS OF THE RUSSIAN PUBLIC ADMINISTRATION

Ivan I. Voloshin

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, i.i.voloshin@yandex.ru

Abstract. The author proposes a political and historical insight into the process of reforming Russian public administration from the positions of an elitological point of view. From the point of view of the proposed, trends towards renewal and tendencies towards preservation, as well as possible re-creation of the previous management model, which were encountered in the process of forming a new Russian management model, are investigated.

Keywords: power, elite, elitology, public administration, elitological perspective, reforming process

For citation: Voloshin I. I. Elitological perspective of the reform process of the Russian public administration. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):261–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-261-266>.

Современная российская политическая элита сформировалась в результате крушения советской системы власти и ее преобразования на иных условиях управления – рыночных. И перед реформаторами стояла серьезная задача создания нового отечественного управленческого аппарата. Вместе с этим объективной необходимостью стало его усовершенствование: рационализация, профессионализация, адаптация к демократическим политическим институтам и рыночной экономике, которые также необходимо было создать.

Парадоксальность ситуации в том, что глубокое реформирование советского государственного аппарата должно было проводиться теми, кто являлся его органической частью. Тенденции к обновлению и тенденция к сохранению, воссозданию прежней управленческой модели сталкивались в процессе формирования новой российской модели управления, причем, по мнению ряда исследователей, верх одерживала скорее вторая тенденция.

Борьба тенденций может быть представлена, по мнению отечественного исследователя государственного управления М. Оболонского, как борьба двух моделей управления: привычной для России (как советской, так и досоветской) *государевой службы*, подразумевающей ориентацию аппарата на фигуру носителя верховной власти, и *публичной службы*, при которой аппарат ориентируется на запросы гражданского общества, ради которого, собственно, и существует современное

государство и его управленческий аппарат. Те этапы, которое прошло реформирование отечественной государственной службы, показывают сохранение приверженности первой модели.

Поэтому, опираясь на мнения М. Оболонского, охарактеризуем эти этапы:

Первый этап отражен 1991-1995 годами – кадровый состав государственного управленческого аппарата оставался на этом этапе фактически неизменным по сравнению с советским периодом. По мнению М. Оболонского, негативную роль в сохранении этой преемственности сыграл Указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР»¹, иначе неофициально называемый – «указ департизации аппарата». Данный Указ преследовал, казалось, благую цель – деидеологизировать бюрократический аппарат, устранить влияние партийной организации, «декоммунизироваться». Вместе с тем, трансформации имели формальный характер и кадровый состав качественно не изменился, даже когда стал действовать Указ Президента РСФСР «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР»². Главное управление по подготовке кадров при Правительстве Российской Федерации «Роскадры»³, также не изменило ситуацию по существу, поскольку его деятельность в обозначенный период была сконцентрирована на реформировании партийных школ (ВППШ). Поскольку система ВППШ (впоследствии Российская академия государственной службы (Академия государственного управления)) качественно не изменилась, реформа не привела к реальным изменениям в сфере государственного управления и подготовки кадров [1, с. 232–233]. Не была создана новая система подготовки кадров, не были выработаны новые механизмы кадровой ротации. Кадровый состав начал меняться позже – по демографическим причинам. Однако при сохранении привычных алгоритмов деятельности, воспроизводимых также и в процессе профессиональной подготовки, это не имело решающего значения. В итоге процесс реформирования страны, в том числе, реформирования экономики, оставался в руках прежних управленческих кадров. И возможности, предоставляемые новой экономикой, были вполне использованы номенклатурой – в её собственных интересах.

В конце 80 – начале 90-х годов XX века, еще до официального провозглашения приватизации, «номенклатурная приватизация» уже началась как процесс становления «номенклатурного капитализма». «Латентный этап приватизации выглядел следующим образом: министерство упразднялось, а на его «обломках» создавался государственный концерн, который вскоре акционировался (в том же здании, с той же мебелью и теми же кадрами), министр уходил в отставку, контрольный пакет акций переходил в руки руководства министерства, главой концерна становилось, как правило, второе или третье лицо упраздненного ведомства» [2, с. 307–308]. Таким образом, вялое реформирование собственно государственного аппарата сопровождалось весьма активной экономической деятельностью части этого аппарата. Советская номенклатура в свое время не владела собственностью, теперь же её наследники получили такую возможность.

Однако вернемся к этапам реформирования государственного управления.

Вторым этапом, по мнению М. Оболонского, являются – 1997 – 1998 годы, который ознаменовался созданием по инициативе Б. Н. Ельцина Комиссии по государственному строительству (позже названа – Комиссия по административной реформе). К работе Комиссии был привлечен ряд экспертов, в том числе, М. Краснов, Г. Сатаров, М. Оболонский. Задачей комиссии была разработка программы модернизации государственной службы. Реформа предполагала, что «государева служба» должна носить публичный и прозрачный характер; часть государственного аппарата должна быть выведена за штат; система аттестации должна строиться на меритократической основе и т.д. Однако эти положения реформы не нашли правового отражения. Негативное влияние на развитие ситуации оказал так же дефолт 1998 года.

Третий период охватывает 1999 – 2000 годы, когда на волне критики «ельцинского» периода и обсуждения последствий дефолта интерес к проблеме бюрократии и качества государственного управления усилился, но интерес имел более конъюнктурный, чем деловой характер. Однако были

¹ Указ Президента РСФСР «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР» от 20.07.1991 г. // Российская газета. 1991. 23.07.

² Указ Президента РСФСР «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» 28.11.1991 г. № 242 (в ред. указов Президента РСФСР от 18.12.1991г. №305; Президента РФ от 27.03.1992 г. №311) // Российская газета. 1991. 30.11.

³ Указ Президента РФ «О начальнике Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Федерации» от 27.12.1991 г. № 326 // Российская газета. 1991. 29.12.

предприняты и очередные попытки наметить реальный путь к реформированию и совершенствованию системы. Центр стратегических исследований, возглавляемый на тот момент Г. Грефом, подготовил аналитический доклад, который воспроизводил основные идеи концепции модернизации бюрократического аппарата, разработанной еще в 1997 году. Была усилена критическая составляющая: «современный российский государственный аппарат практически воспроизвел советскую административную систему, к тому же в ухудшенном виде, поскольку дополнил ее сильными элементами корпоративизма. В качестве наиболее негативного примера приводилось гигантское разрастание института (и, соответственно, кадровых штатов) представителей федеральных министерств в регионах: в некоторых случаях численное соотношение между числом региональных чиновников и представителей Центра достигло действительно шокирующего соотношения 1:10 и более» [2, с. 236]. Доклад содержал ряд практических рекомендаций, которые, однако, так и не были реализованы.

Таким образом, и этот период не привнес каких-либо значимых изменений, вместе с тем, был зафиксирован факт воспроизводства советской управленческой системы в новых условиях. Далее «ельцинский» период ознаменовался и другими процессами, важными для понимания специфики современной российской элиты, по поводу которой О. Крыштановская отмечает, что за годы правления Б.Н. Ельцина ни одна государственная структура не смогла стать доминирующей, верховная власть не была в достаточной мере интегрирована, существовало соперничество между формальными структурами власти, а именно, между администрацией президента и правительством; парламентом и исполнительной властью; центральной и региональной властью, а также – в регионах – между губернаторами и мэрами столичных городов. В итоге, *в это время существовала некая особая российская полиархия, которая, однако, носила не институциональный, а скорее ситуативный характер. Она была следствием слабости центральной власти, а не институциональным отражением сложной социальной структуры.* В результате слабости верховной власти внутри управленческих структур разного уровня расцветали неформальные группировки и кланы, которые ожесточенно конкурировали между собой. Данная конкуренция носила не только политический, но и экономический характер и зачастую выходила за рамки «правового поля». Близкие к структурам власти и получившие от неё привилегии крупные бизнесмены приобретали всё больше влияния и стремились стать политическими игроками, сформировалась так называемая «олигархия», которая, во многом, заслонила от народа пороки политической системы, олигархию породившие. Власть всё более и более утрачивала легитимность. Приход к власти Владимира Владимировича Путина – как представителя силовых структур – стал одним из способов восстановления минимального государственного порядка, так называемой «властной вертикали».

Четвертый этап (2001 – 2002 годы) и *пятый этап* (2002 год – по настоящий момент) реформирования государственного управленческого аппарата ознаменовались провозглашением необходимости административной реформы. Так, Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации – 2002 года обозначило тему реформы государственной службы как приоритетную¹. Однако реальных и ощутимых результатов начавшаяся административная реформа не принесла. В частности, разработка закона «О системе государственной службы» изначально предполагала ряд конструктивных изменений, но после обработки в соответствующем подразделении Администрации Президента РФ, закон утратил свою инновационную составляющую и был принят Государственной думой в 2003 году в урезанном виде; «Федеральная программа реформы государственной службы на 2003 – 2005 годы» обозначила ряд негативных факторов, отрицательно влияющих на качество государственной службы и управления, в программе которой отмечался значительный рост количества государственных служащих – за период с 1992 года по 2002 год их число возросло в 1,8 раза. В основном это было обусловлено созданием на региональном уровне новых управленческих структур, связанных с регулированием экономики и социальной сферы.

На федеральном же уровне число служащих с 1998 года – снижалось – оптимизация должна была произойти посредством инновационного управления. Также был проанализирован и гендерный подход, когда мужчины преобладают на должностях руководителей, а женщины – на должностях специалистов, и возрастной состав государственных служащих, а также их образовательный уровень, наличие профессионального опыта. Отмечалось, что, несмотря на повышение уровня образования служащих в 2002 году по сравнению с 1999 годом, «сохраняется тенденция к увеличению числа государственных служащих, чье профессиональное образование не соответствует квалификационным

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации – 18.04.2002г. - <http://army.lv/ru/Poslanie-Federalnomu-Sobraniyu-Rossiyskoy-Federatsii-18-aprelya-2002-goda/479/3019>

требованиям по замещаемой должности. Так, не имеют профессионального образования 26,7 тыс. чел., или 4,6 процента от численности государственных служащих, замещающих должности, имеющие зачастую обеспечивающие функции»¹. Отмечались так же негативные факторы низкой оплаты труда государственных служащих, что характеризовалось падением престижа государственной службы, а также с разрастанием идеологического разложения сотрудников в виду того, что старая идеология уже утратила силу, а новая не была сформирована. Программа перечисляла целый ряд проблем, без решения которых преодоление перечисленных негативных тенденций было невозможно. Отмечалось, что проблемы тесно связаны между собой и не могут быть решены в отдельности.

На фоне довольно вяло идущей реформы управленческого аппарата, в российской политической системе в период правления В. Путина происходили весьма значимые изменения. Свою задачу новый лидер видел в укреплении государства, и к её решению он приступил достаточно быстро – в 2000 году он принимает меры для изменения типа отношений между федеральным центром и регионами – и создана система нового территориального деления России, предполагающая выделение федеральных округов, возглавляемых представителями президента с их заместителями и федеральными инспекторами со своим аппаратом. Между регионами и федеральным центром возник еще один уровень власти, отделивший региональных лидеров от президента, что означало понижение их влияния. Теперь они вынуждены были контактировать не с Президентом Российской Федерации, а с его назначенными представителями. Их функции не были определены четко, а именно, их главная задача обозначалась самим наименованием их должностей – они должны были представлять Президента РФ в регионах государства. Кстати эта структурная властная единица, как и новое территориальное деление, с нею связанное, фактически никак не соотносилось с Конституцией Российской Федерации². Введение нового уровня власти породило еще конфликты внутри властной пирамиды, а именно, 1) недовольными оказались губернаторы, вынужденные учитывать не только полномочных представителей, но и федеральных инспекторов и утратившие прямой доступ к верховной власти; 2) возникли трения между полномочными представителями и Администрацией Президента РФ, руководителю которой они были подконтрольны, как и лично президенту государства. Противостояние усугубилось тем, что президент ввел полномочных представителей (полпредов) в состав Совета Безопасности РФ, что формально сделало их равными руководителю президентской администрации. Тем не менее, не смотря на эти проблемы, полпреды усилили президентскую вертикаль. По мнению О. Крыштановской, одной из негласных функций полпредов в округах была мобилизация административного ресурса на выборах в регионах.

Появление полпредов и их аппарата означало возникновение новой группы чиновников, лично преданных Президенту РФ. В самом начале своего «президентства» В. В. Путина начинает формироваться новый кадровый резерв – «в 2001 – 2002 году в системе государственной власти появляются новые ниши, заполняемые «резервом» – молодыми чиновниками, которые должны были проявить себя на политическом поприще. В первую очередь кадровый резерв формировался в аппаратах полномочных представителей президента в федеральных округах и в Совете Федерации, формируемом по новым принципам. Произведя реформу политической системы, Путин В. В. начал формировать новый слой элиты, деятельность которой была связана с представительством федеральных интересов в российских регионах. ... Численность новой группы элиты составила полторы тысячи человек» [2, с. 240].

Помимо введения федеральных округов, другим важным изменением конфигурации отношений центра и регионов было изменение принципов формирования Совета Федерации – верхней палаты российского парламента. Согласно принятому 5 августа 2000 г. закону «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», губернаторы и спикеры региональных парламентов не могли становиться сенаторами. Совет Федерации теперь формировался из представителей региональных законодательных собраний и представителей администрации регионов. Таким образом, влияние губернаторов еще более уменьшалось. Губернаторы утратили площадку, где могли бы налаживать связи, вырабатывать совместную программу действий и т.д. Региональная власть была ослаблена и больше не могла быть конкурентом центру. Кроме того, согласно закону, принятому Государственной Думой 19 июня 2000 г., президент мог отрешать избранных народом губернаторов от должности. Позже, как известно, выборы губернаторов были вообще отменены. Вместе с тем, для того чтобы сгладить недовольство губернаторов, была создана новая структура – Государственный Совет Российской Федерации – совещательный орган, который должен был

¹ Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003 - 2005 год)» - http://www.garweb.ru/conf/president/20030313/doc_fp1336.htm

² Конституция Российской Федерации, принятая референдумом 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. 25 дек.

«содействовать реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти»¹. Губернаторы получили возможность встречаться с Президентом РФ, но лишь на совещательной основе.

По мере усиления полпредов, из-под контроля губернаторов уходили структуры, ранее подвластные им, в частности, силовые ведомства. Региональная власть слабела, центр усиливался, причем за счет роста структур, на формирование и деятельность которых не мог повлиять никто, кроме узкого круга правящей элиты и президента. Модель «государевой службы» приобретала новое воплощение в постсоветской России.

В период президентства В. Путина политическая система становилась всё более упорядоченной, привязанной к центру и бюрократизированной. Прежние центры влияния – думская оппозиция, региональные лидеры, крупный бизнес – олигархия – встраивались в новые отношения субординации. Этим «путинская» вертикаль напоминала советскую. Но на вершине советской вертикали находился коллегиальный орган – Политбюро ЦК КПСС. Однако при В. Путине на вершине оказался сам Президент Российской Федерации. В отличие от Б. Ельцина, В. Путин не устранился от решения политических проблем, но напротив, старался лично принимать участие в строительстве политических отношений и функционировании политической машины. Однако, поскольку постоянное личное участие было невозможным, президент приступил к формированию посреднических структур. Полпреды и Государственный Совет были посредниками между президентом и региональными властями. Между президентом правительством, президентом и Федеральным Собранием – руководство этих структур и Администрация президента. Для посредничества между президентом и крупным бизнесом были созданы соответствующие организации – торгово-промышленная палата (ТПП), Российский Союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и др. Большое значение имеет также деятельность Совета Безопасности Российской Федерации. При В. Путине этот совещательный орган объединил ключевых государственных чиновников, пользующихся доверием президента и лично обязанных ему своим положением.

Анализируя управленческий стиль В. Путина, О. Крыштановская отмечает его закрытость и ориентацию на принятие решений в достаточно узком неформальном кругу, при этом даже другие члены правящей элиты узнают об этих решениях только после их принятия. О. Крыштановская, как и многие другие отечественные политологи, говорит об увеличении влияния силовиков в путинской элите, хотя следует отметить, что роль силовиков постепенно возрастала еще при Б. Н. Ельцине.

Иными словами, можно констатировать, что при В. В. Путине сформировался достаточно жесткий авторитарный стиль управления, подразумевающий централизацию, иерархичность, большую роль личных связей, принятие ключевых решений в узком кругу, непрозрачность управления, отсутствие контроля со стороны общества. Укрепление вертикали власти, происходившее в период президентства В. Путина, привело к параличу всех иных групп влияния помимо встроенных в «вертикаль» – это касается и политических объединений, и бизнеса. Все эти изменения объективно способствовали укреплению государственной власти, но это укрепление происходило по традиционной российской модели государственного строительства – государство стягивало на себя все полномочия, парализуя и без того невысокую активность гражданского общества. В таких условиях неизбежно побеждала модель государевой службы, ориентированной на «первое лицо» и его представителей, а не публичной службы, подразумевающей ориентацию бюрократического аппарата на потребности людей и ответственность перед обществом. Неудивительно, что провозглашенная Административная реформа не привела к значимым изменениям государственного управления. Об этом говорит характер действующего на настоящий момент законодательства, регулирующего государственную службу Российской Федерации. И здесь вновь будем опираться на М. Оболонского, который не только исследовал проблему государственного управления, но и непосредственно принимал участие в попытках совершенствования российской государственной службы на разных этапах этого процесса, сталкиваясь с регулярным противодействием процессу реформирования.

В настоящее время в России работают два закона – «О системе государственной службы Российской Федерации»² от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ и «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³ от 7 июля 2004 года № 79-ФЗ. Оба закона имеют противоречивый характер. Федеральный закон «О системе государственной службы» уже упоминался выше – он был

¹ О Государственном Совете Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2000 № 1602 (с изм. 21.12.2020г.) // Российская газета. 2000. 3.09.

² О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27.05.2003г. № 58-ФЗ // Российская газета. 2003. 30.05.

³ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 7.07.2004 г. № 79-ФЗ // Российская газета. 2004. 9.07.

существенно переработан и утвержден в сокращенном виде. Поэтому он содержит мало новаций, и посвящен, главным образом бюрократическому упорядочиванию рангов и должностей. Однако следует отметить, что меритократические принципы продвижения по службе в законе представлены слабо, что, например, выражается в принципе продвижения по выслуге лет, возможности отставникам военным переходить на высокие гражданские должности без соответствующей профессиональной переподготовки и т.д. Вместе с тем, в законе декларируются и позитивные моменты, связанные с открытостью государственной службы для общественного контроля, равным доступом к государственной службе граждан, высокой оценкой профессионального образования и т.д. Но это лишь пожелания, общие положения, за отклонение от которых не предусматривается никаких санкций.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» никак не изменил декларативного характера выше указанных положений, но внес ряд прогрессивных моментов и запретов, связанных с коммерческой деятельностью и использованием административного ресурса в личных целях и электоральных процессах. Вместе с тем, данный закон представляет собой «новое одобрение в измененной редакции пресловутой Табели о рангах (статьи 9–11); возможность зачета и сохранения воинских званий и милицейских чинов при переходе их обладателей на гражданскую службу (статья 11.12); лазейка, позволяющая обойти общие конкурсные процедуры, связанные с поступлением, для должностей, связанных с использованием государственных секретов (статья 22.3). А поскольку секретность по нынешним временам трактуется чрезвычайно широко, эта лазейка превращается в широкие ворота в обход Закона» [3, с. 245–246].

Негативное влияние на установление меритократических принципов и процедур в системе гражданской службы имеет статья о кадровом резерве, противоречащая нормальному конкурсному отбору претендентов на должность. М. Оболонский видит в этом новое издание принципов советской номенклатуры.

Показательным является и тот факт, что ни одно из прогрессивных положений закона не получило дальнейшего развития в подзаконных актах, которые, согласно принятой в России практике, развивают и уточняют основной закон. Основное внимание в этих актах было уделено материальной составляющей деятельности государственной службы. Другие, более поздние официальные документы не внесли изменений в сложившуюся ситуацию, также провозглашая прогрессивные принципы, но, не предлагая никаких конкретных мер для внедрения этих принципов в жизнь. Это относится к таким документам, как федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)».

Таким образом, можно в итоге заключить, что реформирование российского государственного управления в постсоветскую эпоху носило противоречивый и двойственный характер. При осознании необходимости перемен и формулировке верных принципов, на деле процесс реформирования не приводил к должным результатам, поскольку достижение поставленных целей блокировалось самим характером управленческого аппарата и привычной для него модели деятельности.

Список источников

1. Оболонский М. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 448 с.
2. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: «Захаров», 2004. 340 с.
3. Оболонский М., Оболонский А. Кризис бюрократического государства. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 448 с.

References

1. Obolonsky M. *Crisis of the bureaucratic state: Public service reforms: international experience and Russian realities*. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2011. 448 p. (In Russ.)
2. Kryshchanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: "Zakharov"; 2004. 340 p. (In Russ.)
3. Obolonsky M., Obolonsky A. *Crisis of the bureaucratic state*. Moscow; 2011. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. И. Волошин – аспирант.

Information about the author

I. I. Voloshin – post-graduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 8.08.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 27.08.2021.

The article was submitted 8.08.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 27.08.2021.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Олег Юрьевич Керимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, politolog@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы модернизации политической системы России, определяется генезис понятие политической системы общества, выявляется взаимосвязь между процессами политической модернизации и модернизацией политической системы российского общества, исследуются модели политической модернизации: линейная модель, парциальной и многолинейная. В ходе проведенного исследования делается вывод о необходимости отказа от либеральной линейной модели и использовании многолинейной, как наиболее подходящей для российской политической модернизации.

Ключевые слова: политическая модернизация, политическая система, модернизационные процессы, политические процессы, модели политической модернизации

Для цитирования: Керимов О. Ю. Модернизация политической системы и модели политической модернизации: российские особенности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 267–271. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-267-271>.

Young scientists

Original article

MODERNIZATION OF THE POLITICAL SYSTEM AND MODELS OF POLITICAL MODERNIZATION: RUSSIAN FEATURES

Oleg Yu. Kerimov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, politolog@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article considers the problems of modernization of the political system of Russia, determines the genesis of the concept of the political system of society, reveals the relationship between the processes of political modernization and the modernization of the political system of Russian society, examines the models of political modernization: linear, partial and multilinear. In the course of the conducted research, it is concluded that it is necessary to abandon the liberal linear model and use a multilinear one, as the most suitable for Russian political modernization.

Keywords: political modernization, political system, modernization processes, political processes, models of political modernization

For citation: Kerimov O. Yu. Modernization of the political system and models of political modernization: Russian features. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):267–271. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-267-271>.

Проблема модернизации политической системы современного российского государства и общества является одной из наиболее актуальных в российской политической науке, а также в современной политической практике. Российская государственность и российское общество в последние десятилетия претерпело значительные изменения во всех сферах своей жизнедеятельности, стремясь соответствовать общемировым тенденциям. Страна адаптируется к совершенно новой политической, правовой, экономической, духовной и социальной ситуации. Поэтому исследование процессов модернизации политической системы современной России в контексте теоретических и прикладных разработок является одной из важных и актуальных тем в настоящее время.

Понятие «политическая система» получило широкое распространение в середине XX века с разработкой системного подхода в общественных науках. Большой вклад в теорию политических систем внесли американские ученые Д. Истон и Г. Алмонд.

Д. Истон заложил в 50-60-е годы XX века основу анализа политической системы государства, ее структурных составляющих подсистем: парламента, правительства, органов местного

самоуправления, политических партий, общественных объединений. Ученый считал политическую систему неким организмом, который сам развивается, регулируется и реагирует на внешние импульсы [1]. Политическая система является открытой структурой, поэтому на нее воздействует окружающий мир. Если такое воздействие слабое, то система не развивается, или не может принимать решения, способствующие ее стабилизации. Если воздействие имеется, но одностороннее (например, производится давление на принятие решений в интересах узкой группы лиц), то такое воздействие может дестабилизировать систему. Возможно перенасыщение воздействующих факторов, в этом случае принятие решений может приобретать неверный характер.

Г. Алмонд, работавший в 50-90-е годы века, рассматривал политическую систему как поле взаимодействия самых разных акторов – государственных и негосударственных. Любые политические системы выполняют одни, но многообразные функции, имеют собственные структуры, разные культуры. Смешение культур приводит к тому, что принцип разделения властей везде выполняется по-разному: нет чисто парламентской формы правления или президентской [2]. Модель политической системы Г. Алмонда расширяет модель Д. Истона, учитывая личностные, психологические аспекты взаимодействия общества и элиты, воздействия на политическую систему решений правительств, когда они принимают решения, не учитывая интересы и желания народа (войны, геноцид и пр.).

Т. Парсонс, американский социолог, работавший в тот же период, что и Д. Истон и Г. Алмонд, внес значительный вклад в структурно-функциональный анализ обществ [3]. Ученый рассматривал социальные явления и процессы в качестве системы, в которой каждый элемент имеет свою функцию (назначение). В обществе четыре подсистемы: политическая, духовная, экономическая и социальная, и все вместе, взаимодействуя, они обеспечивают жизнедеятельность общества. Политическая система выполняет функцию определения общих интересов и ресурсов для их достижения.

Немецко-британский ученый и общественный деятель Р. Дарендорф рассматривал политическую систему в контексте разрешения социальных конфликтов [4]. Конфликт является естественным явлением в обществе, в рамках политической системы он порожден разными социальными статусами людей: у одних есть власть, у других ее нет. Если распределение власти диспропорционально, если каналы перераспределения власти закрыты, то неминуемо обострение противоречий между людьми. Именно политическая система обеспечивает политический выбор людей, их свободу и защиту.

Французский политолог Ф. Бро говорит о связи политической системы с государственным управлением, о задачах политической системы по мобилизации ресурсов для стабильности общества, по урегулированию конфликтов в обществе [5].

Современный политический философ Ж. Рансьер, Франция, называет политику как выделение некоего сообщества, в котором все составные части выполняют свои задачи, – это сообщество и есть политическая система. В системе он выделяет полицию, т.е. закон, – как регулятор социального порядка. Закон (полиция) формирует социальный порядок должным образом на основе утвержденных «правильных» идей – правил, но, встречаясь с политикой, закон вступает в состояние разногласий, т.к. политика поднимает тему существующего социального неравенства, которое поддерживается и защищается законом [6].

Связь политической системы с войной исследует израильский философ М. Кревельд. Он прогностически верно оценивает политические изменения в традиционном институте войны: будущие войны будут вестись не армиями государств и не блоками государств, а группами террористов, партизан, наемников и прочими бандитскими формированиями. Ввиду реальной угрозы ядерной войны военные конфликты перейдут в форму конфликтов низкой интенсивности. Причем основной мотивацией насильственных действий будет не военный профессионализм, а идеология и фанатизм их участников. Государство теряет свою монополию на организованное насилие, поэтому, чтобы не утратить свои функции как института, государство будет вынуждено интегрироваться с другими политическими силами, институтами и элементами политической системы «Одной из важнейших функций государства (как и у всех предыдущих форм политических организаций) было ведение войн против себе подобных. Если бы не необходимость воевать, почти наверняка было бы гораздо труднее добиться централизации власти в руках великих монархов. Если бы не потребности ведения войны, развитие бюрократической системы, налогообложения и даже системы социальных услуг в сфере образования, здравоохранения и т.п., вероятно, происходило бы все гораздо медленнее. Как показывает история, создание всех этих служб так или иначе было связано с желанием правителей побудить подданных с большей охотой воевать за соответствующие государства» [7].

С М. Кревельдом солидарны американский ученый М. Хардт и итальянский публицист А. Негри. Они считают, что современная политическая нестабильность в мире вызвана всепроникающей войной, ведущейся в целях подавления жизненной воли народных масс. Для обуздания войны необходимо совершенствовать систему регулирования социальной жизни – через политическую систему как институциональную форму регуляции общественных процессов [8].

В России история изучения политических систем насчитывает недолгий период, началась она лишь в конце XX века, но в трудах отечественных ученых отразились опыт, накопленный и мировой общественной наукой, в том числе дореволюционной российской, и результатами исследований советского периода [9].

В отечественном научном дискурсе существуют разные точки зрения на модернизацию политической системы российского государства и общества. Одни ученые, придерживающиеся либеральных, прозападных взглядов, считают единственным направлением модернизации и трансформации политического поля России его дальнейшую демократизацию и либерализацию в соответствии с образцами, разработанными западноевропейской общественной наукой, выделяющей государству роль «ночного сторожа» управленческих процессов в государстве. Другая часть ученых говорит об исторически сильном влиянии государства на общественные процессы и политику в стране, необходимости изучения и использования возможностей, которые дает выстроенная вертикаль власти.

Модернизация политической системы напрямую связана с политической модернизацией [10]. В политологии существует две базовые теории модернизации консервативная и либеральная. Консервативная базируется на этатистских и элитарных подходах, либеральная на партисипативных. В рамках этих теорий можно выделить ряд моделей политической модернизации:

Первая – линейная модель, представленная С. Блэк, М. Леви, Д. Лернером, А. Органским, У. Ростом, Н. Смелзером, Ш. Эйзенштадтом и др. Она рассматривает политическую модернизацию как прогрессивный процесс, затрагивающий практически все сферы общественных отношений, включая социальные и политические, где проходят институциональные изменения, прежде всего структурно-функционального характера. Она предполагает активизацию процессов индустриализации, урбанизации, социальной мобилизации, политической институционализации, локализации, глобализации и др. Данная модель предполагает повышение уровня политического участия и демократизации.

Вторая модель – модель парциальной (частичной) модернизации предложена М. Леви и предполагает движение от «относительно немодернизированных» к «относительно модернизированным» обществам. Данная модель использует структурно-системный подход и рассматривает большинство современных обществ как систему модернизированных и традиционных элементов, которые взаимодействуют с собой, и сплетаются в причудливые формы. Данное явление, по его мнению, временное и сопровождается проходящими модернизационными процессами, но нередко архаичные элементы сохраняются в модернизированном обществе достаточно долго.

Третья модель – многолинейная, представлена У. Беком, К. Мюллером, Р. Робертсоном, Э. Тириакияном, А. Туреном, П. Штомпки, В. Цапфом, С. Хантингтоном и др. Они предлагают отказаться от односторонней линейной трактовки, рассматривающей модернизацию как движения в направлении Запада, с его институтами и системой ценностей и предполагает возможность самостоятельного развития, с наличием цивилизационных особенностей и точек бифуркации [10].

Рис. 1. Сравнение традиционного и современного общества в контексте политической модернизации.

Fig. 1. Comparison of traditional and modern society in the context of political modernization

Что касается вопросов применения модели модернизации в России, то необходимо отметить, что в последние десятилетия идут процессы ускоренной модернизации и Россия находится в состоянии трансформации всего социального поля своего жизнеустройства и можно найти элементы всех моделей.

Одним из важнейших факторов модернизации российской государственности является функционирование ее политической системы, возможность и способность реагирования на вызовы времени, соответствие направления политических процессов изменяющимся социальным условиям.

Российское государство прошло период слома существовавшей советской политической системы в 90-е гг. XX в., радикальных социальных сдвигов, формирования нового правового и политического сознания граждан, становления новых социально-политических и экономических отношений [11].

Исследования особенностей российской политической системы выявляют некоторый консерватизм ее функционирования: власть тяготеет к административным методам управления, но и общество сохранило определенный уровень патернализма. Однако динамика социального организма как необходимое свойство его развития показывает тенденции к формированию демократических начал – зарождению и укреплению такого института современной политической системы, как гражданское общество, чьей функцией является ограничение монополизма власти в принятии общественно значимых решений, расширение диалога власти и общества в вопросах социального управления. Тем не менее, исследования гражданского общества и его тесной взаимосвязи с процессами политической модернизации не должны быть связанными с апологией политизации гражданских структур во благо государства. Напротив, эти исследования должны исходить из того, что в процессе политической модернизации государство должно выстраивать эффективный диалог с гражданским обществом. Именно это будет являться залогом успеха процесса политической модернизации.

Именно по этой причине изучение взаимосвязи таких понятий, как «политическая система», «гражданское общество» и «политическая модернизация» в современной России должно проходить в рамках теоретического исследования институциональных, социокультурных и ментальных аспектов современных модернизационных процессов [12].

В заключение хочу подчеркнуть, что, учитывая сложносоставляющую политическую систему России, ее многонациональный и поликонфессиональный уклад и цивилизационные особенности необходимо отказаться от полностью либеральной линейной модели и использовать многолинейную, как наиболее подходящую для российских условий.

Список источников

1. Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / Сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 319 – 331.
2. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. 1997. № 6. С. 175–183.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. 270 с.
4. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
5. Braud Ph. *Sociologie politique*. P., 1992.
6. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия = *La mésentente: Politique et philosophie* / Пер. и прим. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2013.
7. Кревельд, М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006 URL: <http://www.rulit.me/author/van-kreveld-martin/rascvet-i-upadok-gosudarstva-get-200113.html> (дата обращения 12.01.2021 г.)
8. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 552 с.
9. Lyubashits V., Mamychiev A., Uvarova G., Artyukhin O., Chapurko T. Sociocultural measurement of institutional and functional characteristics of public-power interactions// *Man in India*. 2017. Т. 97. № 23. С. 461–470.
10. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Беловодченко К. Д. Подходы к пониманию и модели гражданского общества: особенности российского выбора// *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2020. № 8 (123). С. 130–133.
11. Артюхин О. А., Шумилина А. Б. Институционализация президентской власти: концепты и модели на постсоветском политическом пространстве// *The Scientific Heritage*. 2019. № 39-3 (39). С. 60–63.
12. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Рожок С. Н., Вегруш А. В. К вопросу о национальной идее в концепте российского консерватизма// *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2018. № 4 (95). С. 59–62.

References

1. Easton D. Categories of Systemic Policy Analysis. In: *Political Science: Chrestomatia*. Moscow: Gardariki; 2000:319–331. (In Russ.)
2. Almond G. Political Science: History of Discipline. *Polis = Polis. Political Studies*. 1997;(60):175–183. (In Russ.)
3. Parsons T. System of modern societies. Moscow: Aspect Press; 1997. 270 p. (In Russ.)
4. Darendorf R. Elements of the theory of social conflict. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 1994;(5):142–147. (In Russ.)
5. Braud Ph. *Sociologie politique*. P., 1992. (In French)
6. Rancière J. *Disagreement: Politics and Philosophy = La mésentente: Politique et philosophie* / Transl. and approx. V.E. Lapitsky. St. Petersburg: Machina, 2013. (In Russ.)
7. Kreveld M. *Heyday and the decline of the state*. Moscow: IRISSEN; 2006. Available from: URL: <http://www.rulit.me/author/van-kreveld-martin/rascvet-i-upadok-gosudarstva-get-200113.html> [Accessed 12 Janu 2021]. (In Russ.)

8. Hardt M., Negri A. *Many: war and democracy in the era of the empire*. Moscow: Cultural Revolution; 2006. 552 с. (In Russ.)
9. Lyubashits V., Mamychiev A., Uvarova G., Artyukhin O., Chapurko T. Sociocultural measurement of institutional and functional characteristics of public-power interactions. *Man in India*. 2017;97(23):461–470.
10. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Belovodchenko K. D. Approaches to understanding and model of citizen society: features of Russian choice. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2020;8(123):130–133. (In Russ.)
11. Artyukhin O. A., Shumilina A. B. Institutionalization of presidential power: concepts and models in the post-Soviet political space. *The Scientific Heritage*. 2019;39-3(39):60–63. (In Russ.)
12. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Rozhok S. N., Vergush A. V. To the question of the national idea in the concept of Russian conservatism. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;4(95):59–62. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Ю. Керимов – аспирант кафедры политологии и этнополитики.

Information about the author

O. Yu. Kerimov – graduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.08.2021; одобрена после рецензирования 03.09.2021; принята к публикации 04.09.2021.

The article was submitted 18.08.2021; approved after reviewing 03.09.2021; accepted for publication 04.09.2021.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 271–275
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3):271–275

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 316.334.4

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-271-275

СОЦИАЛЬНО-ИНЖЕНЕРНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА

Анастасия Владимировна Макарова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, f08.amakarova@arbitr.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема организации деятельности суда в предметном поле социальной инженерии, обеспечивающей научное обоснование и эффективную организацию управленческой деятельности. Наряду с этим рассматривается современное состояние и векторы развития государственных инициатив в повышении эффективности деятельности судов и осуществлении правосудия. Делаются выводы относительно необходимости применения социальных технологий при разработке и внедрении в практику инновационных организационных форм осуществления судебной деятельности.

Ключевые слова: социология управления, социальная инженерия, организация деятельности суда, доступ к правосудию, трансформация медиасистем, цифровизация

Для цитирования: Макарова А. В. Социально-инженерный подход к организации деятельности суда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 271–275. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-271-275>.

Young scientists

Original article

SOCIAL ENGINEERING APPROACH TO THE ORGANIZATION OF THE COURTS

Anastasia V. Makarova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, f08.amakarova@arbitr.ru

Abstract. The article examines the problem of organizing the activities of the court in the subject field of social engineering, which provides scientific justification and effective organization of management activities. Along with this, the current state and vectors of development of state initiatives in increasing the efficiency of the courts and administering justice are considered. Conclusions are made regarding the need to use social technologies in the development and implementation of innovative organizational forms of judicial activity.

Keywords: sociology of governance, social engineering, organization of judicial activity, access to justice, transformation of media systems, digitalization

For citation: Makarova A. V. Social engineering approach to the organization of the courts. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):271–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-271-275>.

Любая деятельность, в частности, судебная, требует организации и порядка. Выполнение основной функции судебной власти – осуществление качественного и эффективного правосудия – возможно лишь при правильной организации деятельности суда. Вопросами модернизации судебной системы в научных исследованиях в основном занимаются учёные-юристы, в связи с чем не уделяется должного внимания необходимости применения методологии социальной инженерии при реформировании организации деятельности суда. Между тем следует отметить, что термин «социальная инженерия» впервые обозначен в работе Роско Паунда «Введение в философию права», который относился к праву как к «инструменту социального контроля», а юриспруденцию называл «юридической социальной инженерией» [1, с. 88]. Однако в дальнейшем интерес к социальной инженерии в юридической науке снизился.

В то же время необходимо отметить, что основополагающие знания об обществе и процессах внутри него может дать именно социология, а социальная инженерия – это особый раздел социологического знания, который фактически является связующим звеном социологии и менеджмента, то есть несёт в себе преобразовательную функцию.

Так, в научной литературе в основном даётся следующее определение понятия «социальная инженерия» – это деятельность, направленная на упорядоченное изменение и регулирование социальных структур.

Данная задача социальной инженерии реализуется посредством последовательных процедур, направленных на совершенствование социального объекта:

- диагностика (оценка) состояния;
- прогнозирование вариантов его развития;
- моделирование нового (будущего) состояния;
- проведение эксперимента новой социальной модели, а в случае успешного прохождения данной стадии, то:

создание социального проекта нового состояния;
разработка социальных технологий реализации проекта;
планирование работы;
построение эффективных связей в процессе управления реализацией проекта [1, с. 87 – 88].

Таким образом, современный социоинженерный подход к управлению позволяет изменить действительное положение на основе методов планирования, программирования, предвидения и прогнозирования.

Особенно важно внедрить указанную модель реформирования судебной системы в цифровую эпоху, когда идёт стремительное развитие информационных технологий, приводящих к практически постоянной трансформации общественных институтов.

Вопрос о повышении эффективности деятельности судов ставился неоднократно в федеральных целевых программах «Развитие судебной системы России», в частности, на 2013 – 2020 годы, действенность которых подтверждалась до недавнего времени положительным опытом реализации аналогичных программ за 2002 – 2006 и 2007 – 2012 годы.

Необходимо отметить, что в целом модернизация всех государственных структур, в частности, государственной службы носит также программно-целевой характер, то есть исходя из намеченных мероприятий должно происходить планомерное развитие системы [2, с. 46].

Отходить от такого подхода государство не будет, поскольку именно такие целевые программы позволяют создать условия и предпосылки для максимально эффективного использования финансовых ресурсов в соответствии с приоритетами государственной политики в области развития правосудия. Вместе с тем данный подход указал на невозможность решить определённые проблемные вопросы, которые находят свое отражение из программы в программу. Так, к ним относятся, в частности: гармонизация отношений судебной власти и общества, объективное освещение деятельности судов в средствах массовой информации, формирование благоприятного имиджа органов судебной власти, повышение уровня доверия к судебной власти и т. д. [3].

Все эти вопросы объединяет, как минимум, один фактор – решение данных вопросов зависит не только от самой судебной власти, но и от второго субъекта отношений – общества (индивида). Таким образом, какие бы положительные изменения не происходили в судебном сообществе, а также как бы государственное управление не было приближено к идеальной модели, положительное разрешение поставленных вопросов возможно только при адекватном восприятии гражданами происходящих процессов.

Понимание данного обстоятельства государством получило отражение в Концепции информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы, развивающей положения аналогичной Концепции, принятой Постановлением Совета судей Российской Федерации от 16.11.2001 № 60.

Если рассматривать суд с точки зрения социологии коммуникации — это социальная система, представляющая собой комплекс взаимосвязанных повторяющихся, типичных действий людей (моделей поведения), то есть в данном случае элементами системы являются не сами люди, а формы действий и отношений индивидов, которые осуществляют соответствующую роль и отражают социальную позицию.

Таким образом, существует мнение, что организация представляет собой сеть межличностных коммуникаций, как с иерархическими регулятивными связями («жесткими»), так и горизонтальными («мягкими») связями людей, основанными на взаимопонимании. Критериями жизнеспособности организации является взаимопонимание и взаимная выгода.

Организация (суд), встроенная в реальность, как любое другое лицо (фирма), ощущает воздействие внешней среды, в связи с чем проходит череду преобразований и изменений.

Встраивание в реальность и изменение организации (суда) под текущие реалии происходит с помощью совокупности средств – социальных технологий, а любое действие направлено на поиск большей эффективности.

В вышеназванной Концепции информационной политики на 2020-2030 годы государство указало основные направления, а также выстроило механизмы реализации политики как раз с учетом тенденции современного общественного развития в изменении массовой коммуникации. Несмотря на то, что суд является жестко структурированной и «закрытой» организацией, глобализация и прозрачность, достигаемая трансформацией медиасистем, при правильном использовании позволит преодолеть проблему недоверия граждан.

Так, в Концепции указаны следующие основные направления:

- популяризация знаний о судебной системе и деятельности судов;
- формирование эффективной и устойчивой информационно-образовательной среды судов;
- повышение эффективности взаимодействия средств массовой информации и органов судебной системы;
- создание единого информационного пространства судебной системы;
- обеспечение интересов судебной системы Российской Федерации в информационной сфере;
- защита персональных данных при предоставлении информации о деятельности судов;
- нормативно-правовое и ведомственное регулирование взаимоотношений судов и средств массовой коммуникации.

Для реализации задач по данным направлениям выделены различные механизмы:

- создание, открытие информационно-образовательных центров для проведения различных мероприятий по продвижению правовой информации (мероприятия по гражданскому воспитанию населения, разъяснительной работы, проведение модельных судебных заседаний с участием студентов, распространение информационно-образовательных материалов и т. д.);
- обучение и повышение квалификации судей и сотрудников аппарата судов по повышению навыков работы с персональными компьютерами, информационными ресурсами и государственными автоматизированными системами;
- создание пресс-службы судов как самостоятельного структурного подразделения для повышения качества взаимодействия со СМИ;
- облачное хранение информации на специальных серверах.

Особое внимание следует остановить на реализации такого механизма, как создание пресс-службы. До недавнего времени во многих судах отсутствовала такая штатная единица, как пресс-секретарь. Функции данного лица выполнял сотрудник по совместительству с иными основными обязанностями, или позиция просто существовала номинально.

Действительно, курс направления выбран правильно, но организация просто подразделений пресс-службы не решит проблемы, поставленные в Концепции. Данные штатные единицы существуют в других органах государственной власти, но аналогичные проблемы с доверием, взаимодействием органов существуют и там.

В период глобализации массовой коммуникации должна изменяться природа медиа-отношений, в частности, между обществом и государством. Необходимо не просто создать пресс-службы и проводить мероприятия по популяризации знаний, а использовать системную методологию, заложившую коммуникативный подход, улучшать качество посредством ориентации на ожидания граждан.

Для повышения эффективности работы судебной организации и взаимодействия с гражданами необходима в большей степени даже не пресс-служба, а полноценное структурное подразделение, отвечающее за public relations, связи с общественностью, специалисты которого должны обладать умениями и навыками проводить пресс-конференции, презентации, публичные выступления руководства, противодействовать распространению недостоверной информации. В функционал структуры должны входить не только связи органами законодательными и исполнительными органами власти, средствами массовой информации, но также аналитико-прогностическая деятельность с опорой на социальные медиа, антикризисное управление, изучение общественного мнения, работа с имиджем и репутацией судейского корпуса, взаимоотношениями в коллективе.

Важной частью работы по развитию положительных коммуникаций является формирование правовой культуры и грамотности будущих законопослушных членов общества. Методология социального проектирования даёт возможность предложить следующую модель информационно-образовательного центра для судебной организации.

Субъектами просветительской деятельности могут быть как находящиеся вне действующего судебного корпуса ветераны судебной службы, судьи в почётной отставке, представители общественных объединений судей, так и внутренний резерв судов – судьи, их помощники и представители пресс-служб.

Направления деятельности могут быть реализованы как внутри судебного органа, так и за его пределами.

К внутренней просветительской работе можно отнести организацию производственной и преддипломной практики студентов юридических факультетов. Такую работу целесообразно закреплять за работниками аппарата судов – помощниками и секретарями.

Также хорошим вариантом не просто практики, а стажировки будущих молодых специалистов могут стать деловые игры в формате модельных судебных заседаний. На такие мероприятия возможно приглашать не только студентов-юристов, но и журналистов, распределяя между ними различные роли участников судебного заседания. Данное направление не может обойтись в качестве исполнителей без действующих судей, либо судей в отставке.

Привлечь учащуюся молодёжь в органы судебной системы, сформировать доверие к судам может и экспозиционно-экскурсионная деятельность, в которой могут себя проявить графические дизайнеры – IT-специалисты и работники пресс-служб, организовав выставочное, либо музейное пространство с инфографикой, повествующей о становлении и функционировании судов в условиях изменения российской государственности.

Практика дня открытых дверей для выпускников факультетов журналистики будет работать на решение задачи повышения эффективности взаимодействия средств массовой информации и органов судебной системы. Это направление следует закрепить за представителями пресс-служб судов.

К внешней просветительской работе можно отнести организацию совместно с вузами мастер-классов, открытых лекций, научно-практических конференций. Здесь также важно участие действующих судей и судей в отставке, а также тех сотрудников судебного органа, которые проходят обучение по программам магистратуры и аспирантуры.

В условиях цифровой трансформации экономики, общества, государственного управления, цифровизации юридической профессии, возникает необходимость в совместной с вузовским профессорско-преподавательским составом разработке учебных курсов, позволяющих будущим юристам освоить цифровые компетенции. Важным дополнением этого направления могут стать обучающие модули на базе системы ГАС Правосудие, позволяющие освоить технологии работы с ней. В этом направлении могут показать себя и IT-специалисты техподдержки судов.

Поскольку вузы сегодня сталкиваются с проблемой привлечения качественного контингента абитуриентов, весьма актуальным направлением партнёрской работы может стать профориентационная деятельность, к которой возможно привлечь представителей пресс-служб судов и профессорско-преподавательский состав факультетов юриспруденции. Выстроенное таким образом взаимодействие, в перспективе приведёт к пополнению кадрового корпуса судебной системы мотивированными работниками.

Ещё одно внешнее направление работы – проведение мероприятий по формированию правовой грамотности населения в общеобразовательных заведениях, на которые необходимо привлекать

к участию не только учащихся, но и их родителей, повышая с одной стороны их грамотность и доверие к суду, а с другой стороны – объединяя поколения.

Таким образом, внедрение описанной модели может способствовать реализации принципов гласности, транспарентности и публичности российского правосудия, повышению авторитета судей и институционального доверия населения к судебной системе.

Судебная система России является одной из эффективных в мире. Европейская Комиссия по эффективности правосудия Совета Европы оценила на 9,09 баллов подготовленность нашей страны в применении современных технологий. Данное обстоятельство подтверждается тем, как безболезненно и без отрыва от работы пройден этап пандемии весной 2020 года, когда многие страны просто приостановили деятельность органов власти.

Жизненные обстоятельства показали результативность инвестиций государства в коммуникативные технологии для осуществления правосудия, повышающие его эффективность. Вместе с тем именно активная коммуникативная политика судов может улучшить диалог государства и граждан, она должна быть направлена на оказание помощи гражданам в новых условиях организации судов [4].

Внедрение инновационных моделей деятельности в судах не равнозначно доступности правосудия для всех [5]. То есть в первую очередь это означает обязанность государства (судов) предоставлять конкретную помощь лицам, не владеющим техническими навыками, а также создать разнообразные организационные формы помощи гражданам, обращающимся в суд, которые отвечали бы их потребностям в справедливом рассмотрении дел и снижали риски обезличенности судебных процедур [6].

Итак, на сегодняшний день совершенно очевидна необходимость применения социальных технологий в реинжиниринге организационных процессов судов без чего невозможно обеспечить социальный и правовой порядок в обществе и стабильность государственности.

Список источников

1. Уржа О. А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социологические исследования. 2017. № 17. С. 87–96.
2. Зинченко Г. П., Зинченко Я. Г. Государственная служба в поле социальной инженерии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 2. С. 46–52.
3. Капустин О. А. Приоритетные направления организации судебной деятельности на современном этапе // Администратор суда. 2020. № 2. С. 3–9.
4. Whalen-Bridge H. Court Backlogs: Balancing Efficiency and Justice in Singapore // International Journal of the Legal Profession. 2019. Vol. 26. Is. 1. P. 159 – 177.
5. Капустин О. А. Принципы организации судебной деятельности в условиях информационного общества // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 51–55.
6. Бурдина Е. В. Цифровизация судебной деятельности: направление, прогнозы и риски // Администратор суда. 2020. № 2. С. 10–14.

References

1. Urzha O. A. Social engineering as a management methodology. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2017;(17):87–96. (In Russ.)
2. Zinchenko G. P., Zinchenko Y. G. State Service in the field of social engineering. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2014;(2):46–52. (In Russ.)
3. Kapustin O. A. Priority areas for the organization of judicial activities at the modern stage. *Administrator suda = Court Administrator*. 2020;(2):3–9. (In Russ.)
4. Whalen-Bridge H. Court Backlogs: Balancing Efficiency and Justice in Singapore. *International Journal of the Legal Profession*. 2019;26(1):159–177.
5. Kapustin O. A. Principles of Judicial Activities in the Information Society. *Rossiiskaya yustitsiya Russian Justice*. 2020;(1):51–55. (In Russ.)
6. Burdina E. V. Digitalization of judicial activities: direction, forecasts and risks. *Administrator suda = Court Administrator*. 2020;(2):10–14. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Макарова – аспирант кафедры социологии.

Information about the author

A. V. Makarova – Postgraduate student of the Department of Sociology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.08.2021; одобрена после рецензирования 06.09.2021; принята к публикации 07.09.2021.

The article was submitted 22.08.2021; approved after reviewing 06.09.2021; accepted for publication 07.09.2021.

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-276-283

«ТРЕТИЙ СКАЧОК КИТАИЗАЦИИ МАРКСИЗМА»: ПРОБЛЕМНЫЙ ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Мэн Юйфэн

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 552094367@qq.com

Аннотация. Статья посвящена одному из ключевых концептов официального политического дискурса в современном Китае – «третьему скачку китаизации марксизма». Автор анализирует аргументы китайских ученых, обосновывающих данное понятие, а также критические оценки данного концепта в западной и российской научной литературе. Автор полемизирует с критикой тезиса о Си Цзиньпине как символе упомянутого «третьего скачка» и лидере «пятого поколения» китайских руководителей. Сверх того, в статье содержится анализ трех ключевых метафорических концептов, описывающих, каким образом в результате трех скачков китаизации марксизма Китай последовательно «освободился от клейма больного азиата», «встал на ноги экономически» и «достиг эпохи могущественности».

Ключевые слова: скачок китаизации марксизма, социализм с китайской спецификой, Си Цзиньпин, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, поколения китайских руководителей, ядро партии, новая эпоха, держава, «больной азиат», эпоха могущественности

Для цитирования: Мэн Юйфэн. «Третий скачок китаизации марксизма»: проблемный опыт концептуализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 276–283. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-276-283>.

Young scientists

Original article

“THE THIRD LEAP OF THE SINIFICATION OF MARXISM”: THE PROBLEMATIC EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZATION

Meng Yufeng

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 552094367@qq.com

Abstract. The article is devoted to one of the key concepts of the official political discourse in modern China – the “third leap of the Sinification of Marxism”. The author analyzes the arguments of Chinese scientists justifying this concept, as well as criticism of it in Western and Russian scientific literature. The author polemizes with criticism of the thesis about Xi Jinping as a symbol of the mentioned “third leap” and the leader of the “fifth generation” of Chinese leaders. Moreover, the article contains an analysis of three key metaphorical concepts describing how, as a result of three leaps of the Sinification of Marxism, China has consistently “freed itself from the stigma of a sick Asian”, “got on its feet economically” and “reached the era of might”.

Keywords: the leap of the Sinification of Marxism, socialism with Chinese characteristics, Xi Jinping, Mao Zedong, Deng Xiaoping, generations of Chinese leaders, the core of the party, a new era, power, “sick Asian”, the era of might

For citation: Meng Yufeng. “The third leap of the sinification of marxism”: the problematic experience of conceptualization. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;(3):276–283. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-276-283>.

Устав Коммунистической партии Китая, принятый на ее XIX съезде в 2017 году, объявляет идеи Си Цзиньпина «руководством к действиям партии наравне с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства и научной концепцией развития»¹. Тем самым получает завершение процесс признания нынешнего лидера Китая в качестве политической фигуры, равной по значимости Мао Цзэду и Дэн Сяопину. Между тем в период между Дэном и Си Китаем руководили и другие лидеры, от которых, однако, в этом пассаже Устава упоминаются только брендовые идеологические концепты (тройное представительство и научная концепция развития). И хотя в программной части Устава имена Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао всё же указываются, возникает вопрос: почему именно Си Цзиньпин удостоился высокой чести быть упомянутым рядом с Мао и Дэном? Данная статья ставит своей целью в общих чертах ответить на этот вопрос в аспекте новых моментов политической теории «китайского марксизма» [中国的马克思主义 – чжунгодэ макэсы чжуи].

Сам по себе этот вопрос уже относительно давно и широко обсуждается в западном и российском Китаеведении. Но прежде всего он получает основательное освещение в китайской научной литературе. Здесь идеи Си Цзиньпина квалифицируются как особый этап в истории марксистского социализма и как «третий скачок китаизации марксизма» [马克思主义中国化的第三次飞跃 – макэсы чжуи чжунгохуа дэ дисаньцы фэйюе].

Китайские авторы акцентируют всемирно-историческое значение китайской социалистической модели, позиционируя ее в качестве новейшего этапа в истории марксистского социализма [1]. Неслучайно Си Цзиньпин в своей речи на XIX съезде КПК подчеркивает, что вступление социализма с китайской спецификой в новую эпоху имеет принципиальное значение «не только для истории развития КНР и китайской нации, но также для судеб развития мирового социализма и человеческого общества»². Суть этого нового этапа в истории мирового социализма состоит в возрождении (после развала СССР и возглавляемого им социалистического блока) интереса к социалистической идее благодаря привлекательности Китая XXI века.

По мнению китайского политолога Хэ Итина, именно концепт социализма с китайской спецификой, предложенный Си Цзиньпином в «новую эпоху», можно назвать «марксизмом XXI века», тогда как «теория тройного представительства» Цзян Цзэминя и «научная концепция развития» Ху Цзиньтао таким статусом не обладают. Чтобы получить статус «марксизма эпохи», концептуальные новации должны отвечать, как минимум, трем условиям: объект теоретического исследования должен быть типичным для данного века; результаты такого исследования должны иметь всемирно-историческое значение; наконец, эффективность данной теоретической практики должна проявляться в способности коренным образом изменять мир. Упомянутый концепт «социализма с китайской спецификой в новую эпоху» отвечает, по мнению Хэ Итина, данным критериям. Соответственно, он составляет ядро новейшего марксизма XXI века, наряду с теорией Маркса и Энгельса как марксизмом XIX века, а также идеями Ленина, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина как марксизмом века XX³. Но в истории самого китайского марксизма идеи Си Цзиньпина квалифицируются китайскими авторами как «третий скачок» его «китаизации». Цель данной статьи, помимо прочего, состоит в прояснении данного тезиса.

Термин «китаизация марксизма» [马克思主义中国化 – макэсы чжуи чжунгохуа], упоминающийся в материалах XIX съезда КПК и в ее Уставе, имеет относительно долгую историю в политическом дискурсе КНР. О «китаизации марксизма» говорил уже Мао Цзэдун, выступая в октябре 1938 года на пленуме ЦК КПК с докладом «О новом этапе» [2, с. 534]. В последние годы китайские авторы выделяли «три великих скачка» китаизации марксизма, причем трактовка этих скачков, особенно третьего, разнилась по историческому периоду, идейному смыслу и поколениям лидеров КПК. Не вызывала сомнений лишь идентификация первого этапа: эпоха и идеи Мао Цзэдуна. А вот наиболее спорным оказалось определение третьего этапа, поскольку он напрямую зависит от оценки современной политической ситуации в КНР.

¹ Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 24.10.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/24/c_136703044.htm (дата обращения: 06.06.2021)

² Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 06.06.2021).

³ 何毅亭. 习近平新时代中国特色社会主义思想是21世纪马克思主义 // 学习时报. 2020-06-15 [Хэ Итин. Идеи социализма с китайской спецификой, предложенные Си Цзиньпином в новейшую эпоху – это марксизм XXI века // Газета Сюэси шибао. 15.06.2020. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0615/c40531-31746437.html>] (дата обращения: 06.06.2021)

Когда у власти был «лидер третьего поколения» Цзян Цзэминь, китайские обществоведы считали, что озвученная им концепция «тройного представительства» знаменует собой новый скачок китаизации марксизма. По словам китайского ученого Фан Вэйбина, «идеи Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина совершили два исторических скачка китаизации марксизма. <....> Важная концепция “тройного представительства”, озвученная Цзян Цзэмином, представляет собой третий великий скачок китаизации марксизма» [3, с. 21-24]. Эта концепция была действительно важным шагом в «раскрепощении сознания» КПК, которая с конца 90-х стала считать себя партией всего китайского народа, включая бизнесменов, а не только рабочих и крестьян. Соответственно, утверждалось, что «китаизация марксизма в основном достигается тремя историческими скачками: идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важной концепцией “тройного представительства”» [4, с. 5]. При этом ряд авторов шли еще дальше и ставили имя Цзян Цзэминя рядом с Мао и Дэном. Тем самым каждый из этапов китаизации марксизма связывался с определенным поколением китайских лидеров. В этом смысле китайский историк Чэнь Хуэй писал в начале 2000-х годов, что «три скачка китаизации марксизма – это кристаллизация мудрости трех поколений партийных лидеров: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя» [5].

Но с момента избрания Си Цзиньпина на XVIII съезде партии (в 2012 году) лидером нового поколения китайских коммунистов, смысл третьего скачка китаизации марксизма вновь оказался под вопросом. Уже к середине 2010-х годов китайские авторы стали отмечать, что Си Цзиньпин существенно обогатил теорию социализма с китайской спецификой, связав ее с проблематикой переживаемой «новой эпохи». Тем самым получалось, что именно он осуществил третий исторический скачок китаизации марксизма [6].

Но росло также и внешнеполитическое влияние Си Цзиньпина. Указывая на заслуги Китая в создании целого ряда таких проектов, как «Один пояс – один путь», БРИКС, ШОС и др., российский китаист А. Маслов делает вывод, что «Китай не просто начинает играть активную роль в мировой политике, но и формирует новое политическое пространство»¹. В сходном ключе высказывается и российский исследователь С.В. Минаев. Если, по его словам, Мао Цзэдун объединил страну и руководил созданием социалистического Китая, а Дэн Сяопин поставил Китай на путь обогащения и уберег партию от угрозы буржуазной демократии, то цель Си – «снова поставить Китай в центр мира, каким он был в прошлом, и снова спасти партию, на этот раз от угроз, таящихся в ней самой» [7, с. 81]. Другими словами, Китай эпохи Си Цзиньпина взял курс на превращение в супердержаву, бросающую вызов однополярному миру под руководством США. Китайский политолог Янь Сюетун еще в 2013 году предсказывал, что к 2023 году Китай и США сформируют новую биполярную структуру мировой политики [8, с. 120-121].

Со временем стало очевидным, что новый китайский лидер является политическим тяжеловесом, поэтому третий скачок китаизации марксизма следует связывать именно с ним. Но представлялось это, опять же, по-разному. Одни авторы, – к примеру, китайский политический философ Ли Цзюньвэнь, делают Си Цзиньпина символом третьего скачка китаизации марксизма, деликатно расширяя смысл «второго скачка» и включая в него, помимо теории Дэн Сяопина, концепцию тройного представительства и научную концепцию развития [9].

Примером других китайских исследователей может служить Чэнь Цзяньлэй, который обозначает второй скачок китаизации марксизма общим именем «теоретическая система социализма с китайской спецификой» [10, с. 171], без указания лидеров и даже концепций, составляющих этот скачок (соответственно, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао). Некоторые авторы идут еще дальше, редуцируя смысл второго скачка к «теории Дэн Сяопина» [11]. Тем самым каждый скачок получает своего символического лидера: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина.

Но ряд китайских авторов склонны вообще рассматривать второй скачок как некоторое промежуточное состояние между двумя главными лидерами (эпохами): Мао Цзэдуном и Си Цзиньпином. Так, китайский политолог Чжан Мин связывает «идеи социализма с китайской спецификой, предложенные Си Цзиньпином в новую эпоху», т.е. третий скачок китаизации марксизма, с вхождением Китая в стадию «сравнительно развитого социализма» [12]. Этот концепт тоже восходит к Мао, к его различию двух стадий социализма: «первая стадия – это слаборазвитый социализм, а вторая – сравнительно развитый социализм, причем последняя стадия может длиться дольше, чем предыдущая» [13, с. 116].

¹ Бовдунов А. Политика обновления: какую стратегию развития выбрал Китай после XIX съезда Коммунистической партии // RT на русском. 27 октября 2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/443488-sezd-kpk-itogi-si-czinpin> (дата обращения: 06.06.2021)

Западные авторы также расходятся в оценке значимости идей Си Цзиньпина для истории марксизма вообще и китайского марксизма, в частности. Вместе с тем очевидные факты говорят в пользу исключительно высоких позиций Си Цзиньпина во властной системе КНР: на XI пленуме 18-го созыва ЦК КПК, который состоялся в закрытой форме с 24 по 27 октября 2016 года, Си Цзиньпин получил статус «руководящего ядра», который до него имели лишь Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. А годом позже, на XIX съезде КПК, идея Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой в новую эпоху» была внесена в Устав КПК. Наконец, в марте 2018 года сессия Всекитайского совета народных представителей не только включает эту идею Си в Конституцию КНР, но также исключает десятилетнее ограничение на правление председателя КНР, что открывает Си Цзиньпину перспективу долгого пребывания на вершине власти в партии и стране.

Новозеландский ученый Майкл Питерс указывает на «растущее символическое значение Си для руководящей идеологии партии в критический исторический момент перехода Китая к глобальной сверхдержаве» [14, р. 1299]. Американский журналист Крис Бакли, долгое время живший в КНР, тоже обращает внимание в своей статье с характерным названием («Xi Jinping Thought Explained: A New Ideology for a New Era») на то, что в китайской пропаганде Си Цзиньпина называют «линсю» [领袖] – благоговеющим китайским словом для обозначения лидера, которое также использовалось в отношении Мао Цзэдуна. В доктрине Си о «социализме с китайской спецификой в новую эпоху» Бакли акцентирует следующую мысль: для того, чтобы Китай продолжил свой глобальный подъем, а коммунистическая партия сохранила свою власть, необходим решительный лидер у руля. И Си есть как раз подходящий человек для этой роли¹.

Директор Института китайской политики Ноттингемского университета Стив Цанг также отмечает, что включение имени и доктрины Си Цзиньпина в конституцию КПК подняло его на уровень отца-основателя КНР Мао Цзэдуна, а также архитектора модернизации Китая Дэн Сяопина².

На особый статус Си Цзиньпина указывают и российские авторы. В китайском политическом контексте, отмечают Ольга Борох и Александр Ломанов, образ «встающего» Китая восходит к Мао Цзэдуну, обретение экономической мощи связано с реформами Дэн Сяопина, а «провозглашение нового этапа 'усиления Китая' создало предпосылки для его привязки к руководству Си Цзиньпина» [15, с. 59]. По словам российского китаиста Алексея Маслова, после решений XIX съезда КПК Си Цзиньпин «оказывается в одном ряду с Марксом, Лениным, Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином. То есть Си Цзиньпин позиционирует себя как пик развития мировой марксистской мысли»³.

Российский китаевед Евгений Румянцев обращает внимание на то, что в преддверии XIX съезда КПК Си Цзиньпин получает в официальном политическом дискурсе КНР почетный титул «ядра» [核心 – хэсинь], которым не удостоился правивший до этого Ху Цзиньтао [16, с. 58]. Действительно, эта роль «ядра» зацементирована в имени Си Цзиньпина не только в Резолюции XIX съезда КПК⁴, но и в обновленной редакции Устава партии⁵. Российские китаеведы также замечают [15, с. 66], что концепт лидера как «ядра» партии, несколько подзабытый в период относительно либерального правления Ху Цзиньтао, теперь (наряду с упомянутым понятием «вождя» [领袖 – линсю]) переживает ренессанс в КНР.

¹ Buckley Ch. Xi Jinping Thought Explained: A New Ideology for a New Era // The New York Times. Feb. 26, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/26/world/asia/xi-jinping-thought-explained-a-new-ideology-for-a-new-era.html> (дата обращения: 06.06.2021)

² Tsang S. What is Xi Jinping Thought? // Society & Culture. Feb 11, 2019. URL: <https://www.chinausfocus.com/society-culture/what-is-xi-jinping-thought> (дата обращения: 06.06.2021)

³ Бовдунов А. Политика обновления: какую стратегию развития выбрал Китай после XIX съезда Коммунистической партии // RT на русском. 27 октября 2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/443488-sezd-kpk-itogi-si-czinpina> (дата обращения: 06.06.2021)

⁴ «Съезд считает, что со времени XVIII съезда партии ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, выдвинул ряд новых концепций, новых идей и новых стратегий в области экономического, политического, культурного, социального и экоцивилизационного строительства. См.: Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 24.10.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/24/c_136703044.htm (дата обращения: 06.06.2021)).

⁵ В тексте Устава КПК говорится о необходимости «неуклонно защищать авторитет ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, и поддерживать его единое централизованное руководство». См.: Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 2017-11-03. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 06.06.2021).

Впрочем, не все российские исследователи склонны полностью разделять характерный для официального дискурса КНР тезис о Си Цзиньпине как лидере «пятого поколения» китайских руководителей после первых четырех поколений, представленных соответственно Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином, Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао. К примеру, Е.Н. Румянцев считает такую периодизацию поколений китайских лидеров неполной: в число вышеперечисленных «поколений руководителей» в современном Китае не включаются лидеры, в период правления которых, по словам российского ученого, происходили важнейшие события, оказавшие глубокое влияние на все последующее развитие Китая: Хуа Гофэн, Ху Яобан, Чжао Цзыян. В целом, считает Е.Н. Румянцев, «построения, при которых Мао, Дэна, Цзяна, Ху и Си выделяют как представителей соответственно первого, второго, третьего, четвертого и пятого поколений руководителей КПК/КНР, представляются искусственными и сделанными исключительно в политических целях последователями Мао Цзэдуна» [16, с. 49].

На это можно возразить, во-первых, тем, что практически все эти лидеры, при всех их заслугах, всё же оставались вторичными фигурами по сравнению с Дэн Сяопином. Последний, даже не занимая официальных постов в партии и государстве, вплоть до своей смерти в 1997 году оставался в КНР главным идейно-политическим авторитетом. Во-вторых, «искусственность» упомянутой периодизации нет смысла подвергать сомнению: она себя и не скрывает, поскольку относится к политической прагматике, а не к абстрактной теории. А в политике истинным является то, что позволяет реализовывать интересы социальных групп, а не научное либо философское любопытство отдельных граждан. Наконец, двусмысленной представляется квалификация в качестве «маоистов» авторов упомянутых российским китаеведом «построений». Признавая исключительные заслуги Мао Цзэдуна как основателя КНР, нынешнее поколение лидеров Китая во главе с Си Цзиньпином идёт своим путем, развивая марксизм Мао согласно фундаментальным вызовам современности. Китайско-британский политолог С. Цанг не очень далек от истины, когда замечает, что «хотя Си имеет гораздо более позитивный взгляд на маоистское прошлое Китая, чем любой другой лидер со времен Дэна, он не является маоистом. Скорее, его подход к управлению очень напоминает методы первого президента Китая при Мао, Лю Шаоци, преданного ленинца, который избирательно адаптировал конфуцианские идеи для построения китайского партийного государства»¹.

Более того, одоблив внесение в Устав КПК соответствующей поправки, съезд китайских коммунистов сместил акцент с «коллективного руководства», типичного для постмаоистской КПК, на «единое централизованное руководство» Си Цзиньпина как «ядра» ЦК КПК². Очевидно, это может служить маркером потребности китайской политической элиты в консолидации для решения непростых задач дальнейшей модернизации страны.

Рассмотрим теперь чуть подробнее, каким образом в китайской научной и пропагандистской литературе концептуализируются три скачка китаизации марксизма.

В самом общем плане суть трех скачков китаизации марксизма определяется в официальном политическом дискурсе Китая следующим метафорическим образом: первый скачок – китайская нация встала на ноги политически, освободившись от позорного клейма «больного азиата»; второй – Китай встал на ноги экономически, предоставив своим гражданам возможности для обогащения честным трудом; третий – КНР наметила путь от национального обогащения к статусу могущественной державы современного мира.

Более конкретно, под метафорой «встать на ноги политически» подразумевается эпоха революционной борьбы китайского народа против своего полуфеодального и полуколониального статуса. В официальной китайской историографии это маркируется двумя главными противоречиями в китайском обществе: с одной стороны, между империализмом и китайской нацией; с другой – между феодализмом и народом. С этими противоречиями концептуально связывается метафорическое обозначение Китая той эпохи как «больного азиата» – с намеком на пристрастие китайцев к опиуму в конце династии Цин. Вытекающая отсюда историческая миссия китайских коммунистов описывается официальной метафорой «свергнуть три горы империализма, феодализма и бюрократического капитализма». Считается, что Коммунистическая партия Китая во главе с Мао Цзэдуном привела китайский народ к национальному освобождению и национальной независимости, завершила «новую демократическую революцию» и основала Китайскую Народную Республику. В этом смысле китайская нация с тех пор «встала на ноги политически».

¹ Tsang S. What is Xi Jinping Thought? // Society & Culture. Feb 11, 2019. URL:

<https://www.chinausfocus.com/society-culture/what-is-xi-jinping-thought> (дата обращения: 06.06.2021)

² Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 24.10.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/24/c_136703044.htm (дата обращения: 06.06.2021)

Под выражением «встать на ноги экономически» в официальном политическом дискурсе Китая подразумевается прежде всего эффект от решений III пленума ЦК КПК 11-го созыва 1978 года, провозгласившего политику открытых дверей и положившего начало новому (рыночному) этапу экономических реформ в Китае. Под руководством лидеров трёх поколений – Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао – после более чем 30-летних усилий ВВП Китая вырос с 364,5 млрд. юаней в 1978 году до 51,92942 трлн. юаней в 2012 году, заняв второе место в мире, причем среднегодовой вклад КНР в рост мировой экономики в 2008-2012 годах превысил 20 %¹. С начала реформ экономическая и научно-техническая мощь Китая достигли небывалого для страны масштаба, а уровень доходов и социального обеспечения жителей страны непрерывно росли все последние четыре десятилетия. В результате социалистический Китай стал мощной экономической державой, что значит, «встал на ноги экономически».

Третий скачок китаизации марксизма метафорически описывается как «эпоха могущественности», что концептуализируется как построение «модернизированной социалистической державы». Ключевое слово здесь – держава. По замечанию О. Борох и А. Ломанова, данное слово как раз в эпоху Си Цзиньпина стало заменять в официальном китайском дискурсе привычный термин «государство». По буквальному смыслу обозначающих это слово иероглифов оно значит «сильное государство» [强国 – цян го], что по справедливым словам российских исследователей «подчеркивает тезис о переходе Китая от эпохи обогащения к эпохе обретения могущества [15, с. 61].

Концепт «модернизированной социалистической державы» есть одновременно формулировка цели второго этапа плана модернизации страны, рассчитанного с 2020 года до середины XXI века. Первый же этап должен быть реализован к 2035 году, когда предполагается в основном осуществить социалистическую модернизацию. При этом руководство КПК констатировало в 2017 году, что Китай уже решил проблему обеспечения почти полуторамиллиардного населения питанием и одеждой и в целом реализовал цель «сяокан», т.е. почти построил общество среднего достатка.

Помимо этих двух этапов, задачи китайской модернизации упакованы официальным дискурсом в два концепта: «общую схему пятиединого строительства» (экономического, политического, культурного, социального и экоцивилизационного), а также «четырёхаспектную стратегическую концепцию о всестороннем построении среднезажиточного общества» (всестороннем углублении реформ, всестороннем обеспечении верховенства закона в государственном управлении и всестороннем устроении внутрипартийного управления)².

Заметим, что эти концепты не стоят изолированно друг от друга; они вписаны в общий нарратив, связывающий три скачка китаизации марксизма. Эти скачки – какие бы реальные исторические перипетии борьбы за власть в самой КПК за ними ни стояли – в официальном нарративе гармонично упакованы в общую сюжетную линию, в которой эпоха революционной борьбы современного китайского народа, составляющая содержание первого скачка китаизации марксизма, предстает как решающая предпосылка «обогащения» – квинтэссенции второго скачка. В свою очередь «обогащение» как экономическая ценность строительства социализма с китайской спецификой оказывается экономической основой «могущественности» и необходимым этапом для «великого возрождения китайской нации» [中华民族伟大复兴 – чжунхуа миньцзу вэйда фусин], то есть, для третьего скачка китаизации марксизма.

Характерный для этого скачка акцент на «пятитысячелетней истории китайской нации», понятой в близком конфуцианству духе, дает повод оппонентам социализма с китайской спецификой заявлять, что КНР является не социалистическим, а «постсоциалистическим» государством [17]. Индийский политолог П. Сонам считает, что «коммунистический режим в Пекине на самом деле не является коммунистическим в истинном смысле этого слова», потому что в нем якобы «интересы капиталистов защищены гораздо лучше, чем интересы пролетариата и крестьян»³.

На наш взгляд, в таких суждениях, помимо фактической неправды, выражается вольная или невольная недооценка диалектико-прагматического подхода КПК к теоретическим постулатам классического марксизма. Руководство Китая всегда всерьез воспринимало известную сентенцию

¹ 统计局：1978年以来我国经济社会发展的巨大变化 // 人民日报. 2013-11-06 [Статистическое управление: Большие изменения в экономическом и социальном развитии Китая с 1978 года // Газета «Жэньминь жибао». 06.11.2013.

² Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 06.06.2021)

³ Sonam P. No Place for Real Marxists in Communist China. Students are finding out the hard way that there is a huge gap between pure Marxism and the Chinese brand // China Power. 06.10.2018. URL: <https://thedi diplomat.com/2018/10/no-place-for-real-marxists-in-communist-china/> (дата обращения: 06.06.2021)

классиков марксизма-ленинизма о том, что их учение – «не догма, а руководство к действию». Акцент на национальной специфике – лучший тому пример. Он выбивает из рук политических противников социалистического Китая важнейшее средство его политической дестабилизации. Руководство КПК перехватывает инициативу в идеологической конкуренции со своими политическими противниками, открыто заявляя – посредством концептов «великое возрождение китайской нации» и «китайская мечта» – о национальном характере своей модернизационной программы. При этом акцентируется не узко-этнический, а широкий цивилизационный концепт «китайской нации». И если первый потенциально работает на перспективу дезинтеграции КНР, то второй – на усиление ее внутри- и внешнеполитических позиций.

Таким образом, третий скачок китаизации марксизма четко маркируется новым этапом стратегического планирования в КНР, но с ним соотносится целый комплекс новых понятий, которые закрепляют это качество «скачка» и связывают его с именем Си Цзиньпина.

Список источников

1. 吴兆雪,朱国华. 习近平新时代中国特色社会主义思想的哲学根基与理论创新 // 观察与思考 - 杭州. 2019. No. 4. P. 17-27 [У Чжаосюе, Чжу Гоуа. Философская основа и теоретическая инновация идей социализма с китайской спецификой, предложенные Си Цзиньпином в новейшую эпоху // Наблюдение и мышление (г. Ханчжоу). 2019. № 4. С. 17-27].
2. 毛泽东. 毛泽东选集 - 北京: 人民出版社, 1991. Vol. 2. 626 p.) [Мао Цзэдун. Собрание сочинений. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991. Т. 2. 626 с.].
3. 方卫兵. 马克思主义中国化的三次历史性飞跃 // 沙洋师范高等专科学校学报. 荆门市. 2003. No. 3. P. 21-24 [Фан Вэйбин. Три исторических скачка китаизации марксизма // Журнал Шаяньского педагогического института (г. Цзинмэнь). 2003. № 3. С. 21-24].
4. 闫虹珏. 近年来关于马克思主义中国化研究综述 // 中南民族大学学报. 武汉. 2005. Vol. 25. P. 5-8 [Янь Хунцзюе. Обзор исследования китаизации марксизма в последние годы // Журнал Южно-центрального университета национальностей (г. Ухань). 2005. Вып. 25. С. 5-8].
5. 陈挥. 马克思主义中国化三次飞跃的经验与启示 — 悼念马克思逝世120周年 // 弘扬革命传统, 迎接时代挑战 — 学习贯彻“十六大”精神论文集. - 上海. 2002. P. 157-175 [Чэнь Хуэй. Опыт и просвещение трех скачков китаизации марксизма - 120-летие со дня рождения Карла Маркса // Развивать революционные традиции и отвечать на вызовы времени - Изучать и претворять в жизнь дух XVI съезда партии. Шанхай, 2002. С. 157-175].
6. 岳雪侠. 马克思主义中国化的第三次飞跃—中华优秀传统文化与中国特色社会主义理论的有机结合 // 文化学刊. - 沈阳. 2015. No.1. P. 212-216 [Юе Сюеся. Третий скачок китаизации марксизма – органическое сочетание превосходной китайской традиционной культуры и теории социализма с китайской спецификой // Журнал культуры (г. Шэньян). 2015. № 1. С. 212-216].
7. Минаев С.В. Си Цзиньпин: Политическое лидерство в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2018. № 2. С. 76–83.
8. 翟东升. 中国会否成为超级大国 // 领导文萃. - 福州市. 2013. No.11. P. 120-121 [Чжай Дуншэн. Станет ли Китай сверхдержавой // Сборник лидерства (г. Фучжоу). 2013. № 11. С.120-121].
9. 李俊文. 构建新时代马克思主义哲学学科体系的思考 // 学习与探索. - 哈尔滨. 2019. No.11. P. 19-25 [Ли Цзюньвэнь. Размышление о предметной системе образования марксистской философии в новейшую эпоху // Учёба и исследование (г. Харбин). 2019. № 11. С. 19-25].
10. 陈建磊. 马克思主义中国化的三次飞跃 // 东西南北. - 长春. 2018. No. 9. P.171 [Чэнь Цзяньлэй. Три скачка китаизации марксизма // Журнал Востока, Запада, Юга и Севера (г. Чанчунь). 2018. № 9. С. 171].
11. 吴松. 马克思主义中国化的第三次历史性飞跃 // 西南林业大学学报. - 昆明. 2017. No. 5. P. 1-6. [У Сун. Третий исторический скачок китаизации марксизма // Журнал Юго-Западного лесоводческого университета (г. Куньмин). 2017. № 5. С. 1-6].
12. 张明. 新时代与马克思主义中国化飞跃问题的学术思考 // 新疆师范大学学报. - 乌鲁木齐. 2020-07-23. P. 1-23 [Чжан Мин. Новая эпоха и мышление о проблеме скачка китаизации марксизма // Журнал Синьцзянского педагогического университета (г. Урумчи). 23.07.2020. С. 1-23].
13. 毛泽东. 毛泽东选集 - 北京:人民出版社. 1999. Т. 8. 446 p. [Мао Цзэдун. Собрание сочинений. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1999. Т. 8. 446 с.].
14. Peters M.A. The Chinese Dream: Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era // Educational Philosophy and Theory. 2017. Vol. 49. No 14. P. 1299-1304. DOI: 10.1080/00131857.2017.1407578.

15. Борох О., Ломанов А. Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 59–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70.
16. Румянцев Е.Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 47–64. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64.
17. Mitter R. *China's Good War: How World War II Is Shaping a New Nationalism*. Harvard University Press, 2020. 336 p.

References

1. U Chzhaosyue, Chzhu Gokhua. The philosophical basis and theoretical innovation of the ideas of socialism with Chinese specifics, proposed by Xi Jinping in the recent era. *Observation and thinking (Hangzhou)*. 2019;(4):17–27. (In Chinese)
2. Mao Zedong. Collected works. Beijing; 1991. T. 2. 626 p. (In Chinese)
3. Fan Weibing. Three historical leaps in the Chinaization of Marxism. *Journal of the Shaian Pedagogical Institute (Jingmen)*. 2003;(3):21–24. (In Chinese)
4. Yan' Khuntszyue. Review of the study of the Sinization of Marxism in recent years. *Journal of the South Central University of Nationalities (Wuhan)*. 2005;(25):5–8. (In Chinese)
5. Chen' Khuei. Experience and enlightenment of three leaps of Marxism - the 120th anniversary of the birth of Karl Marx. In: *Develop revolutionary traditions and respond to the challenges of time – Study and implement the spirit of the XVI Party Congress*. Shanghai; 2002:157–175. (In Chinese)
6. Yue Syuesya. The third leap in the Kitaization of Marxism is the organic combination of excellent Chinese traditional culture and the theory of socialism with Chinese specifics. *Journal of Culture (Shenyang)*. 2015;(1): 212–216. (In Chinese)
7. Minaev S. V. Si Tszin'pin: Political Leadership in China. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika = Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental Studies and Africanism*. 2018;(2):76–83. (In Russ.)
8. Chzhai Dunshen. Will China become a superpower. *Leadership Compendium (Fuzhou)*. 2013;(11):120–121. (In Chinese)
9. Li Tszyun'ven'. Reflection on the subject system of education of Marxist philosophy in the recent era. *Study and research (Harbin)*. 2019;(11):19–25. (In Chinese)
10. Chen' Tszyan'lei. Three jumps in the Chinaization of Marxism. *Journal of the East, West, South and North (Changchun)*. 2018;(9):171.
11. U Sun. The third historical leap in the Sinization of Marxism. *Journal of Southwestern Forestry University (Kunming)*. 2017;(5):1–6. (In Chinese)
12. Chzhan Min. A new era and thinking about the problem of the surge in the Kitaization of Marxism. *Journal of Xinjiang Pedagogical University (Urumqi)*. 23 Jule 2020. P. 1-23. (In Chinese)
13. Mao Tszedun. Collected works. Beijing: Rengmin chubanshe; 1999. T. 8. 446 p. (In Chinese)
14. Peters M.A. The Chinese Dream: Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. *Educational Philosophy and Theory*. 2017;49(14):1299-1304. DOI: 10.1080/00131857.2017.1407578.
15. Borokh O., Lomanov A. The new era of China: from enrichment to strengthening. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*. 2018;62(3):59–70. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70.
16. Rumyantsev E.N. Si Tszin'pin and the new generation of leaders of the Communist Party of China. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017;10(5):47–64. (In Russ.) DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-47-64.
17. Mitter R. *China's Good War: How World War II Is Shaping a New Nationalism*. Harvard University Press; 2020. 336 p.

Информация об авторе

Мэн Юйфэн – аспирант.

Information about the author

Meng Yufeng – Graduate Student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.07.2021; одобрена после рецензирования 23.08.2021; принята к публикации 24.08.2021.

The article was submitted 24.07.2021; approved after reviewing 23.08.2021; accepted for publication 24.08.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290

АКТУАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Владимир Вадимович Стеценко

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия, vstetsenkov1992@gmail.com

Аннотация. В статье представлена попытка осмысления новой редакции Стратегии национальной безопасности. Автором сделан акцент на ценностно-смысловом, культурном, духовно-нравственном измерении данного доктринального акта. Проведён анализ нововведений, принятых в новой Стратегии в ответ на глобальные тенденции, затронувшие Россию и мировое пространство. В статье выявлены угрозы для российского государства и общества, которые представлены в основополагающих нормативных документах. Автором рассматриваются позиции ведущих российских исследователей на проблематику культурной политики, развития законодательства о культуре, укрепления российской государственности с помощью скрытого потенциала российской культуры. В статье также представлены крупные дискуссионные площадки, ориентированные на исследуемую проблемную область. Автором выдвигается тезис о релевантности актуализации просветительской парадигмы, в качестве механизма реализации Стратегии в сфере культуры.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности, культурная политика, просветительская деятельность, традиционные ценности, человеческий потенциал, государственный суверенитет, законодательство о культуре

Для цитирования: Стеценко В. В. Актуальная версия стратегии национальной безопасности РФ в контексте развития просветительской парадигмы во взаимодействии государства и общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 284–290. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290>.

Young scientists

Original article

THE CURRENT VERSION OF THE NATIONAL DANGER SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL PARADIGM IN INTERACTION OF THE STATE AND THE SOCIETY

Vladimir V. Stetsenko

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State Economic University (RINH), Taganrog, Russia, vstetsenkov1992@gmail.com

Abstract. The article presents an attempt to comprehend the new edition of the National Security Strategy. The author focuses on the value-semantic, cultural, spiritual-moral dimension of this doctrinal act. An analysis of the innovations adopted in the new Strategy in response to global trends affecting Russia and the world space is carried out. The article identifies threats to the Russian state and society, which are presented in the fundamental regulatory documents. The author examines the positions of leading Russian researchers on the issue of cultural policy, development of legislation on culture, strengthening of Russian statehood with the help of the hidden potential of Russian culture. The article also presents large discussion platforms focused on the investigated problem area. The author puts forward the thesis about the relevance of the actualization of the educational paradigm, as a mechanism for the implementation of the Strategy in the field of culture.

Keywords: National security strategy, cultural policy, educational activities, traditional values, human potential, state sovereignty, legislation on culture

For citation: Stetsenko V. V. The current version of the national danger security strategy of the Russian Federation in the context of development of the educational paradigm in interaction of the state and the society. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(3):284–290. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290>.

В современном мире особую актуальность приобретают вопросы укрепления национальной безопасности в рамках формирования и трансляции стратегических направлений совершенствования внутренней и внешней политики Российской Федерации в контексте трансформации 2020 года, связанной с угрозой пандемии коронавируса, которая характеризуется неспособностью прежней системы справиться с глобальными вызовами, невозвратностью прежнего мироустройства, отрицанием фундаментальных принципов общественной жизни.

В условиях трансформации современного миропорядка, формирования новой глобальной архитектуры релевантной становится проблема трансфера социокультурных и социально-экономических вопросов в процесс обеспечения национальной безопасности [1]. Конструирование внутриполитического и внешнеполитического дискурсов современной России в контексте актуальных вызовов и угроз национальной безопасности: преобладание потребительской парадигмы, социальное неравенство, использование экологически опасных технологий, цифровизация связано с задачами «наращивания» внутренних ресурсов развития как в технологическом, так и в культуроцентричном измерениях [2].

Выявленные факторы развития миропорядка являются обоснованием целесообразности корректировки Стратегии национальной безопасности, как системного документа, требующего постоянного обновления, с учётом современных векторов национальных интересов и приоритетов. Новая редакция Стратегии отражает изменения, которые произошли в мире со времени подписания предыдущей, принятой в 2015 году.

В Стратегии национальной безопасности, утверждённой в июле 2021 г., отмечается, что «Только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России»¹.

Проведём анализ основных изменений в новой Стратегии национальной безопасности относительно предыдущей редакции.

В новой Стратегии сделан акцент на внутреннее единство, независимость, суверенную государственность, модернизацию экономики. В новой редакции Стратегии отмечается имманентная связь между системой национальной безопасности и социально-экономическим развитием государства, особая роль Конституции как базового документа, определяющего фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества. В связи с изменениями в мире к существующей повестке добавились новые вызовы и угрозы, которые наносят ущерб российской государственности.

В новой редакции Стратегии определены основные факторы, направленные на обеспечение суверенитета РФ в долгосрочной перспективе: высокое качество человеческого потенциала, продуктивность управленческих решений в государственной сфере, развитие нового технологического уклада российской экономики. Выход на передовые позиции в научной сфере, инновациях, экономике, образовании, здравоохранении, культуре будет способствовать дальнейшему укреплению государственного суверенитета, достижению приоритетов развития нации, повышению статуса страны на международной арене. Защита национальной идентичности, российских культурных ценностей, духовно-нравственного потенциала, наряду с патриотическим воспитанием обеспечит развитие российского государства в долгосрочной перспективе.

В пункте 19 Стратегии национальной безопасности отмечается, что «все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства. На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов»².

По мнению доктора политических наук А.Ю. Голобородько, российская культура обладает скрытым потенциалом, поэтому государству и обществу следует обеспечить создание условий для его развития в целях расширения российской зоны влияния в мире и ценностно-смыслового обеспечения жизни российского социума [3].

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL:

<http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

² Там же.

В новой редакции Стратегии акцент сделан на внутренней политике. В качестве первостепенного национального интереса выделяется народосбережение, приумножение человеческого капитала, качественный рост показателей уровня жизни россиян, что можно трактовать как смещение очерёдности приоритетов. В предыдущей Стратегии на первом месте стояла обороноспособность страны¹. Указанное стратегическое направление нашло своё отражение в Послании Президента РФ – 2021, в котором подчёркиваются основные векторы обеспечения национальной безопасности, которые заключаются в приумножении человеческого потенциала как основного стратегического достояния российского государства, поддержке общечеловеческих ценностных ориентиров, среди которых: семья, здоровья, образование, культура². Вопросы, связанные с образованием и воспитанием в новой Стратегии включены в раздел «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» и включает вопросы, связанные с поддержкой талантливой молодёжи, повышением качества общего образования, непрерывного образования, повышения роли воспитания в образовательных организациях, развития культуры.

В этой связи доктор исторических наук В.Э. Багдасарян, рассматривая новую Стратегию национальной безопасности, выдвигает тезис о целесообразности пересмотра некоторых её постулатов в направлении культурных доминант, представляющих российскую культурную идентичность [4].

Если в старой редакции Стратегии национальной безопасности было определено общее направление, связанное с культурой, то новая Стратегия уточняет и расширяет данный вектор до конкретных механизмов реализации, призванных защитить национальные ценности, российскую культуру и историческую память.

Трансформации политики государства в сфере культуры связываются с принятием данного нормативного акта. Содержание одного из разделов новой Стратегии посвящено в полном объеме культурной проблематике и защите исторической правды, что напрямую связывается с такими приоритетами, как государственная и общественная безопасность, экология, экономическое развитие, качество жизни и др. А именно в пункте 90 сказано: «Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности»³. Под базовыми ценностями понимается «прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»⁴. Вокруг этих ценностей строится политика обеспечения национальной безопасности России.

В новой редакции Стратегии особо отмечена необходимость усиления имиджа РФ в гуманитарной, культурной и научно-образовательной сферах за счёт базовых, общечеловеческих ориентиров.

Рассмотрим современные проблемы в социально-культурной сфере, обозначенные в Стратегии национальной безопасности. Вызывает тревогу тенденция размывания традиционного духовно-нравственного базиса и устоявшихся норм морали, разрушительного воздействия на фундаментальные общечеловеческие ценности: семьи, брака, нравственности. Возводится в абсолют индивидуализм, вседозволенность, безнравственность и эгоизм, ведется пропаганда гедонизма, что негативно сказывается на общественной безопасности, политической стабильности, гражданской активности. Обратимся к пункту 86 Стратегии национальной безопасности: «насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности»⁵.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 23.07.2021).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 23.07.2021).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Полагаем, что в целях дополнения спектра угроз, представленных в новой редакции Стратегии национальной безопасности, имеет смысл рассмотреть Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года, где к наиболее опасным для будущего Российской Федерации возможным проявлениям гуманитарного кризиса относятся: снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации; атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других¹. К угрозам национальной безопасности в области культуры отнесены в рамках Стратегии государственной культурной политики: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в Российской Федерации и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры².

Обратимся к разделу 93 новой редакции Стратегии, в котором акцентируется внимание на защите устоявшихся национальных ценностей, а также основополагающих концептов таких, как культура, историческая память и правда и выделяются основные задачи, направленные на преодоление обозначенных выше угроз:

- обеспечение общероссийского гражданского единения, основанного на межнациональном и межконфессиональном согласии, сохранении национальной идентичности народов РФ;
- сбережение основополагающих категорий, обеспечивающих межпоколенческую связь, среди которых: историческая правда и историческая память;
- усиление роли семьи как гаранта сохранения традиционного ценностного уклада и родственных связей между поколениями;
- трансляция традиционной российской морали и нравственности, защита массового сознания от экстремистских идеологий с использованием информационных ресурсов;
- привлечение образовательных институтов как основы для обучения и воспитания развитого и социально ответственного гражданина, стремящегося к духовно-нравственному росту и всестороннему самосовершенствованию;
- использование ярких образцов российской истории и современных проявлений патриотизма в рамках духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан;
- парирование внешних идейно-ценностных влияний, а также информационно-психологических воздействий на российское общество, противодействие распространению материалов деструктивного характера.

Обеспечить реализацию выделенных задач возможно при помощи уникальной просветительской парадигмы, базисом которой выступает российская история, традиции, самобытность, объединяющие государство и общество ценности. Своевременным и актуальным было принятие в 2021 году поправок к закону «Об образовании», в котором просветительская деятельность рассматривается как «осуществляемая вне рамок образовательных программ деятельность, направленная на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов и затрагивающая отношения, регулируемые настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации»³.

Учитывая транзитивность и хаотичность современного общества, по мнению В. Э. Багдасаряна, культурное просветительство должно позиционироваться как технологическая платформа,

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (с изменениями и дополнениями). Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

² Там же.

³ Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. N 85-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1454850/#ixzz6tM2qv2y1> (дата обращения: 23.07.2021).

обогащённая современными технологиями, а также релевантная современному законодательству и социальному запросу [5]. Считаем, что культурное просветительство как семиотический, междискурсивный конструкт призван актуализировать следующие контексты взаимодействия государственных органов, социума и системы образования: возрождение традиций семейного воспитания; восстановление в рамках всего социума традиционного ценностного императива, а также института преемственности между поколениями; усиления авторитета семьи как основополагающего института общества с ориентацией на многодетность [6].

Как отмечает профессор А.В. Понеделков, укрепление Российского государства зависит от таких факторов, как территориальная целостность и национальное единение. В этой связи необходимо обеспечить выработку исторически новой патриотической модели, в рамках которой ценности традиционной культуры объединяются с актуальными реалиями современного миропорядка [7].

В последние годы государственными органами были реализованы меры, направленные на поддержку традиционных культур РФ, воспитание нравственности и патриотизма: всероссийские акции, дискуссионные площадки (форумы), совместные проекты с общественными организациями. Подготовлена нормативно-правовая база в виде Стратегии национальной безопасности, Стратегии государственной культурной политики до 2030 года, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы.

Рассмотрим проблемно-тематическое содержание ключевых российских дискуссионных площадок и форумов, посвященных вопросам, соответствующим нашему проблемному полю.

Крупнейшей платформой для дискуссий выступает Санкт-Петербургский международный культурный форум (проводится с 2012 года), в миссию которого входит формирование основных траекторий совершенствования культурной политики с учетом запроса общества, государственной политики, правового регулирования и практических задач, стоящих перед культурным сообществом, рассматриваемой в качестве смыслообразующего процесса как внутри государства, так и в межгосударственных взаимодействиях¹.

Влиятельной межведомственной и межотраслевой платформой, сформированной в 2014 году в целях дискуссии по вопросам реализации на региональном уровне «Стратегии государственной культурной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» выступает Культурный форум регионов России. Форум является площадкой для ежегодного обсуждения в контексте проблемно-ориентированного подхода социокультурной проблематики регионов РФ, состояния гражданского общества, перспектив укрепления русского языка, подготовки кадров управления в сфере культуры, проектирования взаимодействия органов власти и общественных организаций в целях совершенствования культурной среды субъектов РФ².

Следует упомянуть, в числе дискуссионных площадок Северный культурный форум, мероприятия которого призваны обеспечить диалог по вопросам развития культуры на уровне региона и государства, сопровождать реализацию национального проекта «Культура». Среди целевых ориентиров форума выделяются: достижение эффективности, а также расширение существующего инструментария культурного воздействия на современный социум; популяризация в социуме проблематики культуры, как области, способствующей стабильному развитию общества, а также объединению его членов. Особо отметим, что в проблемное поле, рассматриваемое в рамках Северного культурного форума, входит разработка Закона о культуре³.

Немаловажную роль в научно-экспертном обсуждении играет деятельность Уральского культурного форума, которая включает в себя рассмотрение следующей проблематики: культурная политика; традиционная культура и народное творчество; сохранение культурного наследия. Уральский культурный форум направлен на создание единого социокультурного пространства, определение перспектив развития сферы культуры и образования, консолидацию усилий институтов культуры и творчества в укрепление единого культурного пространства⁴.

Таким образом, внимание научно-экспертного сообщества к вопросам культурной политики становится устойчивой тенденцией современной России, о чем свидетельствует представленная выше информационная матрица российских и международных дискуссионных площадок.

¹ О форуме [Электронный ресурс]. URL: <https://culturalforum.ru/forum> (дата обращения: 23.07.2021).

² Пост-релиз Культурного форума регионов России [Электронный ресурс]. URL: <http://культфорум.рф/index.php/dlya-smi/70-post-reliz-kulturnogo-foruma-regionov-rossii> (дата обращения: 23.07.2021).

³ Третий Северный культурный форум [Электронный ресурс]. URL: <https://myrosmol.ru/measures/view/41816> (дата обращения: 23.07.2021).

⁴ Программа Уральского культурного форума [Электронный ресурс]. URL: https://uralcult.ru/files/2019y/06m/03d/Программа%20УКФ_030619.pdf (дата обращения: 23.07.2021).

Обобщая результаты обозначенных дискуссионных платформ, отметим, что их деятельность объединяет следующий круг вопросов: сохранение духовно-нравственного, интеллектуального благополучия личности и социума, идентификация факторов сбережения культуры, проблематика социокультурной идентичности индивида.

В рамках нашего исследования нас интересуют механизмы реализации Стратегии национальной безопасности в сфере культуры, в этой связи полагаем что принятие Федерального закона О культуре будет способствовать решению задач в этой сфере.

Отметим, что проект закона о культуре был предложен в 2011 г. депутатами Государственной Думы вместо устаревшего закона 1992 г. Внесённый законопроект, несмотря на доработку, вызвал критику и был отклонен в 2018 г. в первом чтении. Профильный комитет Государственной Думы высказал замечания концептуального характера, в частности в отзыве было отмечено, что законопроект требуется согласовать с содержанием Основ государственной культурной политики и конституировать в нем тезис о культуре как одной из важнейших сфер общественных отношений. Так же экспертами, участвующими в обсуждении законопроекта, был отмечен его декларативный характер, отсутствие должного внимания к специфическим проблемам культуры¹.

Вместе с тем, актуальность обновления законодательной платформы культурной политики сохранилась. Концепция проекта Федерального закона «О культуре» была положительно оценена Общественной палатой РФ: конкретизировано в широком смысле понятие «культура», введено понятие единого культурного пространства².

Обновленное законодательство, авангард которого составит федеральный закон «О культуре», с учетом конституционных поправок (2020), призвано обеспечить насыщение культурной, интеллектуальной, духовной сфер общества ценностно-смысловым содержанием, что является необходимым условием обеспечения процветания государства. Планируемые усовершенствования законодательства о культурной политике позволят обеспечить полноценную реализацию Стратегии-2021, будут способствовать сохранению территориальной целостности и суверенитета РФ, последовательному культурному и гуманитарному развитию российского общества.

Подводя итог, отметим, что концепт «культура» в новой редакции Стратегии национальной безопасности является одним из ключевых индикаторов конкурентоспособности России. В обновленной Стратегии сформулирована взаимосвязь между вопросами безопасности и социокультурного развития страны: во-первых, предлагается преобразование силового политического инструментария в сторону «мягких технологий» – экономической, информационной, культурной экспансии; во-вторых, в политическом дискурсе расширяется значение культурного компонента как консолидирующей силы (ментальной, организационной, ресурсной) общества и государства вокруг базовых национальных ценностей и инструментов влияния на мировой арене. Перспективы использования новой редакции Стратегии, по нашему мнению, связаны с «точками» роста и импульсами инновационного развития системы образования (качественный рост человеческого капитала), сферы культуры (сохранение традиционных российских ценностей) и системы отечественного элитогенеза (выход в авангард политического управления национально-центрированной элиты нового поколения).

Полагаем, что эффективная реализация задач Стратегии-2021 предполагает: принятие закона о культуре, который будет способствовать реализации Стратегии национальной безопасности РФ; конкретизацию механизма реализации Стратегии через просветительскую парадигму, направленную на преодоление угроз, которые стоят перед страной в духовной и культурной сферах; развитие пропагандистско-идеологического направления культурной политики в целях продвижения положительного образа России в мировом сообществе.

Список источников

1. Голобородько А. Ю., Понеделков А. В., Стеценко В. В. Актуальные направления государственной культурной политики в контексте укрепления культурного суверенитета современной России. Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2019. 149 с.
2. Голобородько А. Ю., Стеценко В. В., Рудковский А. А. Семиотическое пространство сближения актуального педагогического и политического дискурсов современной России в контексте укрепления культурной безопасности (к постановке вопроса) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 3 (94). С. 136–142.

¹ Проект закона «О культуре» отклонен в первом чтении [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180410/1518329516.html> (дата обращения: 20.07.2021).

² В общественной палате РФ поддержали концепцию проекта федерального закона «О культуре». Электронный ресурс]. URL: <https://www.intermedia.ru/news/334375> (дата обращения: 20.07.2021).

3. Голобородько А. Ю. Международный молодежный культурно-просветительский диалог в контексте формирования российской «мягкой силы» (из опыта работы коллектива Таганрогского (педагогического) института имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ) // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Сборник статей Международного научного конгресса. Москва, 2020. С. 139-144.

4. Багдасарян В. Э. «Когнитивное оружие» как инструмент десуверенизации [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/kognitivnoe-orujie-kak-instrument-desuverenizacii> (дата обращения: 23.07.2021).

5. Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России [Электронный ресурс].URL: <http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/> (дата обращения: 23.07.2021).

6. Голобородько А. Ю., Стеценко В. В. Гражданско-патриотическая активность студенческой молодежи: анализ социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 62–70.

7. Понеделков А. В., Воронцов С. А., Соловьев О. В. О значении патриотического и духовно-нравственного воспитания молодёжи для формирования политической элиты России // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Информационно-аналитические материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов н/Д: Изд-во РИУ РАНХиГС, 2019. С. 6–12.

References

1. Goloborodko A. Yu., Ponedelkov A. V., Stetsenko V. V. *Topical directions of state-cultural policy in the context of strengthening the cultural sovereignty of modern Russia*. Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of the Russian State Economic University (RINH); 2019. 149 p. (In Russ.)

2. Goloborodko A. Yu., Stetsenko V. V., Rudkovsky A. A. Semiotic space of convergence of current pedagogical and political discourses of modern Russia in the context of strengthening cultural security (to raise the question). *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;3(94):136–142. (In Russ.)

3. Goloborodko A. Yu. International youth cultural and educational dialogue in the context of the formation of the Russian "soft power" (from the experience of the team of the Taganrog (pedagogical) Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Russian State Economic University (RINH). In: *Globalism-2020: Global problems and the future of humanity. Collection of articles of the International Scientific Congress*. Moscow; 2020:139–144. (In Russ.)

4. Baghdasaryan V. E. "Cognitive weapon" as an instrument of desuperenization. Available from: URL: <http://rusrand.ru/docconf/kognitivnoe-orujie-kak-instrument-desuverenizacii> [Accessed 23 July 2021]. (In Russ.)

5. Baghdasaryan V. E. *Cultural enlightenment in the national security system of Russia*. Available from: URL: <http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/> [Accessed 23 July 2021]. (In Russ.)

6. Goloborodko A. Yu., Stetsenko V. V. Civil-patriotic activity of student youth: analysis of sociological research. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2018;(11):62–70. (In Russ.)

7. Ponedelkov A. V., Vorontsov S. A., Soloviev O. V. On the importance of patriotic and spiritual and moral education of youth for the formation of the political elite of Russia. In: *Russian elitology: innovative answers to the challenges of the modern world. Informational and analytical materials of the Third All-Russian Elitological Congress with international participation*. Rostov-on-Don: Publishing House of URIU RANEPА; 2019:6–12. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Стеценко – преподаватель кафедры отраслевых юридических дисциплин.

Information about the author

V. V. Stetsenko – Lecturer at the Department of Sectoral Legal Disciplines.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.07.2021; одобрена после рецензирования 17.08.2021; принята к публикации 19.08.2021.

The article was submitted 31.07.2021; approved after reviewing 17.08.2021; accepted for publication 19.08.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-291-295

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЭЛИТ КАК УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Виктор Викторович Терещенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, politolog@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современного элитогенеза, определяется необходимость перехода экономики России на инновационный путь развития и выявляется роль российских элит в проведении инновационной политики. Рассмотрение инновационного экономического развития России в элитологическом контексте позволило проанализировать качество современной элиты, выявить роль и место российских элит в мировой экономической системе. В ходе исследования анализируется на основании индекса качества элит (Elite Quality Index) восприимчивость российских элит к инновациям и выявляется их способность к реализации политики по инновационному развитию России. В результате проведенного анализа современного элитогенеза делается вывод о невысоком уровне качества и недостаточной восприимчивости части элит к инновациям и созидательной деятельности.

Ключевые слова: элиты, инноватика, инновационное развитие, политические процессы, элитология, качество элит, инновационная политика

Для цитирования: Терещенко В. В. Повышение качества элит как условие инновационного развития России: элитологический подход // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 291–295. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-291-295>.

Young scientists

Original article

IMPROVING THE QUALITY OF ELITES AS A CONDITION FOR THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA: AN ELITOLOGICAL APPROACH

Viktor V. Tereshchenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, politolog@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article considers the problems of modern elitogenesis, determines the need for the Russian economy to transition to an innovative path of development and identifies the role of Russian elites in conducting innovation policy. Consideration of the innovative economic development of Russia in the elitological context made it possible to analyze the quality of the modern elite, to identify the role and place of Russian elites in the world economic system. During the research the susceptibility of the Russian elite to innovations is analyzed on the basis of the index of quality of elite (Elite Quality Index) and their ability to implementation of policy on innovative development of Russia is detected. As a result of the analysis of modern elitogenesis, a conclusion is made about the low level of quality and insufficient susceptibility of part of the elites to innovation and creative activity.

Keywords: elites, innovation, innovative development, political processes, elitism, elite quality, innovation policy

For citation: Tereshchenko V. V. Improving the quality of elites as a condition for the innovative development of Russia: an elitological approach. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):291–295. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-291-295>.

Система управления обществом сложна и многообразна, но всегда на всех исторических периодах можно наблюдать четкую дифференциацию на управляющих и управляемых. Особенно заметно это в авторитарных обществах, более скрытно в полиархических, но система управления, где доминирует меньшинство прослеживается и там. Поэтому социум всегда интересовал власть имущие и их роль в развитии общества, а общественная наука как социальный институт общества не могла их обойти стороной, введя понятие элиты и исследуя их генезис и функционирование.

Немало времени прошло с тех пор, как известные европейские социологи – Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс ввели понятия элиты в научный оборот, а политологи – Р. Даль, С. Верба, Алмон, Дж. Сартори развили теорию элит в контексте политической сферы. Сейчас можно уже смело говорить о появлении и институционализации комплексного научного направления элитологии, так как одного из важнейшей направлений современной политической науки, выявляющей особенности элитогенеза, динамику и тенденции трансформации социальных и политических отношений [1]. Это неоднократно подчеркивалось в ходе научных элитологических конгрессов, проходивших в Ростове-на-Дону на базе ЮРИУ РАНХиГС, где сложилась своя элитологическая школа под руководством профессоров А.В. Понеделкова, А.М. Старостина и С.А. Кислицын. В диссертационных советах по политическим наукам при СКАГС, а затем на базе ЮРИУ РАНХиГС было защищено 23 диссертации по элитам, это не считая исследований, опосредованно касающихся проблем элитогенеза.

В выступлениях подчеркивалось, что новое научное направление – элитология как наука об элитах, о высшем слое общества выступает своего рода симбиозом политологии, социологии, философии и культурологии. В контексте политологии оно направлено на комплексное исследование влияния элит на политические процессы. Элитология системно исследует общество, которое является сложной динамической социальной системой, имеющей, управляющую и управляемую подсистемы.

По мнению А.В. Понеделкова представители элиты – это люди, которым занимаемые позиции позволяют подняться над всеми окружающими и дают возможность принимать решения со всеми последствиями. В современной политической системе элиты больше взаимодополняют и взаимовлияют чем конкурируют, происходит диффузия элит и укрепляются потомственные связи. Именно от элиты, от ее качества зависит экономическое и социально-политическое развитие страны [2].

Особое значение элиты приобретают в условиях трансформации политических и экономических систем, что особенно актуально для постсоветской России. За прошедшие со времени крушения советской системы десятилетия российская экономика существенно отстала от развитых государств во многих отраслях промышленного производства, в том числе и в сфере высоких технологий [3]. Необходимо отметить, что в настоящее время российская экономическая система фактически носит «сырьевой» характер, существуя по большому счету за счет добычи и экспорта природных ресурсов, в первую очередь – энергетического сырья. Однако такое положение делает экономику страны, зависимой от мирового спроса на энергоносители и иные природные ресурсы, обрекает ее на роль потребителя промышленной продукции мировых лидеров. Между тем, рост спроса на высокотехнологичную и наукоемкую продукцию на мировых рынках, усиление конкуренции между развитыми странами на рынке данной продукции, обуславливает потребность широкого внедрения инноваций в промышленности и других сферах общественной жизни [4].

В условиях глобализации экономики и роста конкурентности на мировых рынках особое значение приобретает сфера инновационных технологий и инновационного производства, от уровня развития которой в настоящее время во многом зависит и уровень экономического развития и конкурентоспособности нашей страны в международном масштабе. Наиболее развитые страны мира в настоящее время являются странами, генерирующими инновации и производящими высокотехнологичную и наукоемкую продукцию.

Отставание России в высокотехнологических отраслях экономики представляет угрозу не только экономике, но и национальной безопасности в целом [5]. Исправление данной ситуации является одной из ключевых задач, которые необходимо осуществить в рамках реализации программы по модернизации российской экономики. Прежде всего речь идет о формировании и развитии инновационного сектора экономики, в том числе высокотехнологичных и наукоемких отраслей, продукция которых пользуется особым спросом на международных рынках. Проблема инновационного развития России является одной из наиболее трудно решаемых и требует сосредоточения усилий большинства социальных групп и затрагивает все системы российского общества, включая и политическую. Ведущая роль в переходе российской экономики на инновационные рельсы безусловно отводится элите, которая определяет основные направления ее экономического и политического развития, принимает решения и определяет базовые векторы и направления политики. Поэтому от качества современной российской элиты во многом зависит успех современной инновационной политики [6].

В современной политологии, по мнению А. Понеделкова, недостаточно уделено внимание оценке и анализу значимости качественных характеристикам политических, политико-административных и экономических элит, чувствительность и соответствие их запросам российского общества. Это во многом обуславливается возрастанием влияния элит на политическую систему общества и политические процессы. Современный элитогенез (как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях) связан прежде всего с персонализацией власти [1].

Оценка российских элит достаточно противоречива, многие исследователи расходятся в определении круга лиц, кого следует включать в элиту. Возникают вопросы и с рекрутированием

элит. Особенность способов рекрутирования политических элит в России довольно точно определена Соловьевым А.И. Он утверждает, что «основные отечественные механизмы элитарного рекрутирования благодаря широко развернутым медиапропагандистским проектам представляют собой особый вариант гильдийской модели «загримированной» под антрепренерскую» [7].

Переход российской экономики с природоресурсного на инновационный вектор развития напрямую зависит от желания и умения элит кардинально менять подходы к политической и экономической деятельности, что необходимо и для дальнейшей демократизации политических отношений и перехода на высокотехнологические инновационные модели развития. Учитывая уровень централизации власти в России, необходимо отметить, что именно элиты федерального уровня олицетворяют российское государство в целом. На этом уровне должно происходить определение главных приоритетов инноваций в области национальных интересов. Поэтому степень внедрения инноваций напрямую зависит прежде всего от качества современных элит, занимающих высшую страту [8].

Возникает вопрос, как оценить качество существующих элит и их восприимчивость к инновациям?

В 2020 г. исследователями швейцарского университета Санкт-Галлена совместно с Московской школой управления «Сколково» был разработан и предложен индекс качества элит (Elite Quality Index). Данный индекс был рассчитан на основе анализа 72 показателей и определяет степень совокупного влияния национальных элит (политической и экономической) на современное общество.

По мнению исследователей, элитами являются доминирующие коалиции, способные координировать или распоряжаться ключевыми ресурсами страны. Элиты оценивались по следующим четырем направлениям: экономическая власть, экономическая ценность, политическая власть, политическая ценность.

В исследовании рассматриваются используемые элитами различными стран бизнес-модели, которые делятся на эффективные, направленные на создания материальных, духовных или иных общественных ценностей, и неэффективные рентные бизнес-модели, которые не в состоянии продуцировать новые ценности и направлены в основном на обогащение элиты. Таким образом оценка качества элиты (EQ), происходит в соответствии с возможностью элиты создавать ценности, а не развивать ренту с помощью широкого распространения ресурсных бизнес-моделей.

Российские элиты по результатам исследования 2020 года набрали 48,9 балла и заняли 23 место из 32

Таблица 1/Table 1 – Elite Quality Index¹

Rating	Country	Index
1	Singapore	68.5
2	Switzerland	64.9
3	Germany	64.2
4	Great Britain	63.9
5	United States of America	63.4
	...	
23	Russia	48.9
	...	
31	Argentina	41.6
32	Egypt	40.0

По результатам исследования 2021 года российские элиты несколько улучшили свое местоположение и заняли 65 место среди элит 151 исследуемой страны.

Данный индекс наглядно показывает рентную ориентированность российских элит, что является одним из главных препятствий инновационному развитию России.

Четвертая промышленная революция связанная с широким внедрением киберфизических систем в производственные и бизнес-процессы предполагает не только структурные изменения в экономике, но и качественные трансформации элит. Особенно это касается российских элит, которая в связи очередным энергетическим переходом, модернизацией и экологизацией мирового хозяйства будет вынуждена оказываться от использования бизнес-моделей, направленных на рентное получение прибыли и активно применять бизнес-модели экономического роста на основе инновационного развития.

¹ Elite Quality Report 2020: 32 Country Scores and Global Rank, https://www.alexandria.unisg.ch/260885/1/Elite_Report.pdf, last accessed 2021/08/11.

Как показывают результаты исследования на сегодняшний момент не все российские элиты готовы к активному внедрению инновационных бизнес-моделей, применению политических и социальных инноваций. Не случайно А. Б. Чубайс поднял вопрос о предстоящей смене элит в XXI веке в связи с современным энергопереходом и предложил пересмотреть российской элите свои позиции в условиях предстоящей трансформации мировых элит¹.

Таким образом, можно предположить, что элитогенез XXI века во многом будет определен внедрением инноваций во все сферы российского общества и переходом российской экономики с природоресурсного вектора на инновационный. В противном случае качество российских элит будет постоянно снижаться, и они отойдут на периферию мировой экономики и политики.

Одна из ведущих ролей в переходе на инновационный путь развития России отводится научной элите, так как дальнейшее развитие России во многом зависит от научной разработанности инновационной деятельности и особенностей внедрения инноваций в различные сферы общественного бытия. Особый интерес приобретают политические инновации, которые являются не столько самими новшествами, сколько политическими процессами, детерминированными этими новшествами, а также связанные с этим политические решения и инновационные политические технологии. Политические инновации априори предполагают преобразование и развитие в рамках теории политической модернизации.

Особая роль в реализации политики по развитию инноваций и применению политических инноваций отводится, как уже отмечалось выше, политической и экономической элите, как основным распорядителям ресурсов и главным акторам современной модернизации. Таким образом эффективность реализации инновационной политики во многом зависит от действующей российской элиты, ее качества и восприимчивости к инновациям [9].

Несомненно, современный этап развития российского общества повышает требования к российской элите, что во многом обусловлено модернизацией политической системы, институционализацией гражданского общества, необходимостью борьбы с коррупцией, что невозможно без повышения уровня политической, профессиональной и этико-культурной компетентности элиты [10].

На первый план выходит необходимость комплексного изменения роли и ответственности элиты за инновационную политику и построение гражданского общества. Необходимо повышение эффективности использования лидерского элитного капитала в процессах демократизации политической системы и развития экономической системы, актуализации элитогенеза и в целом консолидации российского общества [11].

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что эффективность и качество элиты напрямую влияет на устойчивое развитие экономики, демократизацию системы политических отношений и модернизацию российского общества. К сожалению, современная российская элита, как показали исследования швейцарского университета Санкт-Галлена совместно с Московской школой управления «Сколково» обладает низкой восприимчивостью к инновационным вызовам общества, демонстрирует административно-командный стиль управления и широко использует рентную бизнес-модель. Поэтому необходимо совершенствовать механизмы рекрутирования российских элит, повышать восприимчивость элиты к инновациям и созидательной деятельности в соответствии с вызовами времени.

Список источников

1. Понеделков А. В., Воронцов С. А., Охотский Е. В., Васьков М. А. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 201–208.
2. Понеделков А. В., Аверин А. Н., Магомедов К. О. Кадровый потенциал политико-административной элиты и его роль в реализации государственной социальной политики / В сб.: Элитология и стратегии развития современной России. Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2016. С. 321–345.
3. Артюхин О. А., Терещенко В. В., Крицкая А. А., Кондратенко Е. Н. Рекрутинг муниципальных элит: проблемы трансформации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 10 (101). С. 125–128.
4. Артюхин О. А., Шумилина А. Б. Феномен предпринимательства в исследованиях бизнеса // The Scientific Heritage. 2019. № 41-3 (41). С. 68–71.
5. Понеделков А. В., Черкасова Т. П., Артюхин О. А., Крицкая А. А. Основы национальной безопасности Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2020.

¹ Чубайс предупредил о смене мировых элит из-за революции в энергетике // РБК. 2021. 4 августа. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/08/2021/610a4e3f9a7947bb76849ce4> (дата обращения 10.08.2021)

6. Старостин А. М. Философская инноватика как инструментальный междисциплинарного синтеза / В сборнике: Философские вопросы естествознания и технических наук. Материалы международной научной конференции. 2014. С. 11–17.

7. Соловьев А. И. Российский элитогенез: универсальное и специфическое // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. № 3. С. 99–112.

8. Karabushchenko P., Ponedelkov A., Vorontsov S. Elitology of education and challenges of the 21st century // Amazonia Investiga. 2018. Vol. 7. No. 14. P. 5–16.

9. Артюхин О. А., Терещенко В. В., Крицкая А. А., Кондратенко Е. Н. Рекрутинг муниципальных элит: проблемы трансформации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 10 (101). С. 125–128.

10. Шумилина А. Б., Артюхин О. А. Концепт предпринимательства в политико-правовой мысли // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 6 (109). С. 96–99.

11. Усатая Н. Н., Артюхин О. А., Палкин В. В., Дудукалов Е. В. Концептуальная модель профессионального пространства политико-административной элиты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 144–147.

References

1. Ponedelkov A. V., Vorontsov S. A., Okhotsky E. V., Vaskov M. A. Russian elitology: innovative answers to the challenges of the modern world. *Vlast' = The Authority*. 2019;27(1):201–208. (In Russ.)

2. Ponedelkov A. V., Averin A. N., Magomedov K. O. Personnel potential of the political and administrative elite and its role in the implementation of state social policy. In: *Elitology and development strategies of modern Russia. Materials of the Second All-Russian Elitological Congress with international participation*. 2016:321–345. (In Russ.)

3. Artyukhin O. A., Tereshchenko V. V., Kritskaya A. A., Kondratenko E. N. Recruiting of municipal elites: problems of transformation. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;10(101):125–128. (In Russ.)

4. Artyukhin O. A., Shumilina A. B. The phenomenon of entrepreneurship in business research. *The Scientific Heritage*. 2019;41-3(41):68–71. (In Russ.)

5. Ponedelkov A. V., Cherkasova T. P., Artyukhin O. A., Kritskaya A. A. *Fundamentals of national security of the Russian Federation*. Rostov-on-Don; 2020. (In Russ.)

6. Starostin A. M. Philosophical innovation as a toolkit for interdisciplinary synthesis. In: *Philosophical issues of natural science and technical sciences. Proceedings of the International Scientific Conference*. 2014:11–17. (In Russ.)

7. Soloviev A. I. Russian elitogenesis: universal and specific. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie = Problem Analysis and Public Administration Projection*. 2010;(3):99–112. (In Russ.)

8. Karabushchenko P., Ponedelkov A., Vorontsov S. Elitology of education and challenges of the 21st century. *Amazonia Investiga*. 2018;7(14):5–16.

9. Artyukhin O. A., Tereshchenko V. V., Kritskaya A. A., Kondratenko E. N. Recruiting of municipal elites: problems of transformation. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;10(101):125–128. (In Russ.)

10. Shumilina A. B., Artyukhin O. A. The concept of entrepreneurship in political and legal thought. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2019;6(109):96–99. (In Russ.)

11. Usataya N. N., Artyukhin O. A., Palkin V. V., Dudukalov E. V. Conceptual model of the professional space of the political and administrative elite. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;12(103):144–147. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Терещенко – аспирант кафедры политологии и этнополитики.

Information about the author

V. V. Tereshchenko – graduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.08.2021; одобрена после рецензирования 02.09.2021; принята к публикации 03.09.2021.

The article was submitted 18.08.2021; approved after reviewing 02.09.2021; accepted for publication 03.09.2021.

Научная статья

УДК 316.332

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-296-302

**ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Анна Константиновна Хаустова^{1, 2}

¹Федеральный центр дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей,
Москва, Россия, bazhenova@ecobiocentre.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ развития системы внешкольного образования в первые годы советской власти после Октябрьской революции и в настоящий период. Статья опирается на методологические принципы историзма, институционального и системного подходов, социального проектирования и моделирования, социальной инженерии. Новизна работы заключается в представлении авторской разработки – инновационной образовательной организации «Экостанция» в системе дополнительного образования. Делаются выводы о значении института внешкольного образования на современном этапе.

Ключевые слова: внешкольное образование, дополнительное образование, социальное государство, движение юных натуралистов, естественнонаучная направленность, модель образовательной организации

Для цитирования: Хаустова А. К. Противоречия и тенденции эволюции внешкольного образования детей и молодежи в первые годы советской власти и на современном этапе: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 296–302. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-296-302>.

Young scientists

Original article

**OUT-OF-SCHOOL EDUCATION OF CHILDREN AND YOUNG PEOPLE IN THE EARLY YEARS
OF SOVIET GOVERNMENT AND CONTEMPORARY STAGE:
TRANSFORMATION OF CONTENT IN THE CONTRADICTIONS AND TRENDS**

Anna K. Khaustova^{1, 2}

¹Federal Center for Additional Education and Organization of Recreation and Rehabilitation of Children, Moscow, Russia, bazhenova@ecobiocentre.ru

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article examines the development of the out-of-school education system in the early years of Soviet government after the October Revolution and in the present. The article is based on the methodological principles of historicism, institutional and systems approaches, social design and modeling, social engineering. The novelty of the work foremost lies in the presentation of the innovative educational institute «The EcoStation» in the system of additional education. Author concludes about the importance of the institution of out-of-school education at the present stage.

Keywords: out-of-school education, additional education, welfare state, movement of young naturalists, natural science focus, model of educational institute, The EcoStation

For citation: Khaustova A. K. Out-of-school education of children and young people in the early years of soviet government and contemporary stage: transformation of content in the contradictions and trends. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2021;(3):296–302. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-296-302>.

Для того чтобы провести социологический анализ развития системы внешкольного (дополнительного) образования в России, обратимся к истории ее становления.

Первыми, автономными в своей деятельности образовательными структурами дополнительного образования детей явились внешкольные образовательно-воспитательные общества и учреждения, появившиеся в начале XX в. Они создавались по инициативе педагогического сообщества и содержались на средства частных лиц. Этих благотворительные общества выполняли компенсаторную

функцию – восполнить пробелы школьного образования у детей городской бедноты. Форматы их существования были разнообразны – дневные клубы, внешкольные кружки по интересам игровые площадки, летние колонии. При этом какой-либо регламентации их появления и деятельности со стороны государственных образовательных структур в те времена не было.

Коренным образом меняется система и задачи внешкольного образования после Великой Октябрьской революции 1917 г. В процессе нового государственного строительства властям была необходима поддержка населения, к получению которой ключом служила государственная пропаганда [1, с. 284–319]. Однако на практике ситуация была сложнее – население не обладало для этого достаточным уровнем грамотности и политической культуры. В сжатые сроки требовалось дать народным массам возможность воспринимать и понимать те сведения, которые поставляла им государственная пропаганда, а уже потом начинать борьбу за их сердце и умы [2, с. 12]. В связи с чем, на первый план вышла задача по просвещению народных масс. В системе просвещения большевики увидели возможность использовать ее важный элемент – институт внешкольного образования для продвижения идеологических воззрений и распространения пропаганды.

В этот период происходит становление государственной системы внешкольного образования.

В. И. Ленин считал, что народное образование и культурно-просветительная работа в социалистическом государстве невозможны без централизованного государственного руководства, в связи с чем были учреждены государственные структуры, ответственные за внешкольную работу: отдел внешкольного образования в Народном Комиссариате просвещения и научно-педагогический институт методов внешкольной работы. Владимир Ильич «...очень внимательно следил за работой органов народного образования, систематически руководил ими» [3, с. 716]. «Первостепенное значение Ленин придавал воспитанию молодёжи, привлечению её на сторону революции для построения социалистического общества» [4]. Ленин отмечал, что «пока рабочие, крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным. А наша школа должна давать молодежи основы знания, уметь вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей» [4].

В историческом ракурсе значение понятия «внешкольное образование» претерпевало частые изменения. Известный апологет внешкольного образования – Е. Н. Медынский сформулировал в своей главной работе «Энциклопедия внешкольного образования» следующее определение: «Это средство всестороннего гармоничного развития личности или человеческого коллектива в умственном, нравственно-социальном, эстетическом и физическом отношениях» [5, с. 25].

Принципиальные позиции содержания внешкольной работы определила Н.К. Крупская. Она считала, что внешкольная работа призвана охватывать всех детей и при этом не быть продолжением школьной учебы. Выстраивание педагогической работы должно иметь целью с одной стороны – развитие индивидуальности, а с другой – формирование коллективистского сознания. Этому должны способствовать добровольность участия в кружковой деятельности, работа с дифференциацией интересов детей, использование игровых форм занятий, профориентация.

На I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, открытом 6 мая 1919 г., Н.К. Крупская представила и доказала значимость внешкольного образования как ключевого инструмента по влиянию на сознание и грамотность народных масс. Тогда же она определила две области, которые внешкольное образование должно охватывать – профессионально-техническую и политическую. Выбор первой диктовался новой моделью образования, делавшей в первую очередь упор на получение прикладных знаний и политехнического образования¹. Вторая область диктовалась политической необходимостью проведения углубленной коммунистической пропаганды по отношению к населению.

Деятельность внешкольных учреждений зачиналась в центральных станциях юных натуралистов и опытников сельского хозяйства, юных техников, детских спортивных школах, парках, домах культуры. В 1920 году Н. К. Крупская посетила первое в России государственное учреждение внешкольного образования (Станцию юных любителей природы), открывшееся в Москве в 1918 г. в парке Сокольники, главной и основной задачей развития которого было изучение и исследование природы для ее переустройства в интересах трудящихся и построения социалистического государства [6]. Попастъ на станцию мечтали дети со всех уголков страны, но попасть было непросто – сперва нужно было пройти стажировку, во время которой надо было выбрать направление и представить дневник занятий. В основу обучения юннатов был положен творческий труд. Одной из главных особенностей школы было развитие самостоятельности учеников, которому способствовало

¹ Положение об единой трудовой школе в Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Декреты Советской власти. Том III. 11 июля 1918 г. - 9 ноября 1918 г. М.: Госполитиздат, 1964. С. 374-381.

самоуправление, самообслуживание, высокая учебно-трудовая дисциплина, чувство ответственности, хозяйское отношение к оборудованию, натуралистическая работа в кружках.

Принципами организации юннатской станции стали труд, общественно-полезная деятельность. Примечательно, что у юннатов не было каникул как у обычных школьников, у них был «отпуск» как у взрослых и получали они его по очереди, чтобы не оставались без надзора животные и растения.

Как уже было отмечено ранее, Н. К. Крупская боролась за советскую трудовую школу, дающую общее и политехническое образование. Поэтому опытно-показательная станция юннатов представляла для неё особый интерес [6].

Заинтересованность властей во внешкольном образовании также подтверждает речь В.И. Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи, где он подчеркивал, что «молодежь должна воспитываться с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде», «отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание». «Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде» [7].

В 1920 году выстраивается иерархия института внешкольного образования, в которую вошли: Всероссийский съезд по внешкольному образованию, Всероссийский совет по внешкольному образованию, Всероссийское совещание представителей внешкольных отделов губернских отделов народного образования [2, с. 17]. В этом же году был подписан декрет о создании Главполитпросвета, который возглавила Н.К. Крупская. Главным предназначением его являлось объединение «всей политико-просветительской, агитационно-просветительской работы Республики и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства»¹.

Таким образом, можно констатировать, что в этот период состояние внешкольного образования изменилось безвозвратно (по сравнению с дореволюционным периодом) – из внеинституциональных практик сформировалась государственная институция, которая стала служить нуждам текущей политической повестки.

Анализ же современной системы внешкольного (дополнительного) образования стоит начать с 90-х гг. XX столетия, когда социально-экономический кризис оказал глубокое влияние на смену ценностных ориентаций в обществе. Расходы на образование в государстве существенно уменьшились, а нехватка средств привела к резкому сокращению масштабов деятельности внешкольных учреждений и их количества (в том числе сокращение сети станций юных натуралистов, созданных в разных уголках России сразу после открытия первой станции юных любителей природы в Москве, о которой речь шла ранее).

С 1993 г. наступает период стабилизации (частичное восстановление) численности внешкольных учреждений. С принятием в 2012 г. нового закона «Об образовании» внешкольные учреждения приобрели статус образовательных организаций и стали называться учреждениями дополнительного образования детей. Были созданы правовые предпосылки для перехода от унитарной, идеологизированной системы образования к системе вариативной, персонализированной, демократической.

В 2014 году была принята Концепция развития дополнительного образования детей, в которой был зафиксированы следующие приоритетные направления развития современного дополнительного образования:

доступность образования, отсутствие ограничений при приеме. Круглый год (и в каникулярное время) любой ребёнок («обычный» и одаренный, «проблемный» и «благополучный», больной и здоровый) имеет возможность заниматься, но при этом государством ведется поиск талантливых и одаренных детей и молодежи, для которых оно создает отдельные образовательные организации (центры поддержки талантливых и одаренных детей);

вариативность (многообразие видов образовательной деятельности, соответствующей интересам, склонностям и способностям детей);

лично-ориентированный подход. Для каждого ребенка создается «ситуация успеха», способствующая удовлетворению индивидуальных потребностей обучающегося в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом развитии, построению индивидуальной образовательной траектории, основанной на его собственной мотивации и свободе выбора;

практико-ориентированный подход (дополнительное образование направлено на социализацию детей и их профессиональное самоопределение);

¹ Декрет СНК о Главном политико-просветительском комитете Республики (Главполитпросвете) // Декреты Советской власти. Том XI. Октябрь - ноябрь 1920 г. М.: Госполитиздат, 1983. С. 197-201.

отсутствие государственных стандартов и регламентов к определению содержания дополнительного образования; интеграция внеурочного и дополнительного образования;

формирование новых форм развития дополнительного образования (как пример, на месте станций юных натуралистов и юных техников сегодня создаются Экостанции и Кванториумы как новые модели образовательных организаций дополнительного образования, формирующие современную мотивирующую среду для удовлетворения современных образовательных потребностей обучающихся и формирования кадрового резерва в соответствии со стратегией социально-экономического развития государства;

создание государством конкурентной среды в дополнительном образовании, стимулирующей обновление содержания и повышение качества услуг через участие НКО и бизнеса наравне с государственными учреждениями в оказании услуг дополнительного образования, внедрения механизмов государственно-частного партнерства. Государством создаются условия для обеспечения конкурентного доступа негосударственных и государственных организаций, реализующих дополнительные общеобразовательные программы, к бюджетному финансированию, в том числе через систему грантов социально-ориентированным некоммерческим организациям;

Важно также зафиксировать, что в соответствии с целевыми ориентирами федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование»¹ к 2024 году охват детей в возрасте от 5 до 18 лет дополнительными общеобразовательными программами должен достичь 80 %. Особый акцент в этом документе поставлен на повышении охвата обучающихся России дополнительными программами естественнонаучной и технической направленности, в связи с государственной необходимостью наращивания технического, технологического потенциала страны при условии обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития.

Анализ практик внешкольного образования первых лет советской власти и в настоящий период позволило нам сделать ряд ключевых выводов.

Содержание деятельности внешкольных учреждений на каждом этапе исторического развития определяется политическими и социально-культурными процессами, протекающими в обществе и государстве. В первые годы советской власти институт внешкольного образования (под лозунгом народного просвещения и ликвидации безграмотности) превращается в инструмент политической пропаганды для строительства социального государства. В. И. Ленину удалось создать новые образовательные и воспитательные учреждения, в основу деятельности которых были заложены идеологические «катализаторы» строительства коммунистического общества. Ленин выдвинул перед молодёжью главную задачу – учиться. Он говорил, что советская молодежь должна овладеть всей суммой знаний, накопленных человечеством, но так, чтобы они являлись не заученными формулами, а служили руководством в практической работе, чтобы молодые люди сами умели вырабатывать коммунистические взгляды и связывать каждый шаг своего учения, воспитания и образования с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров².

В настоящий период развитие дополнительного образования также рассматривается государством как приоритетное направление образовательной политики. При этом важно отметить, что в содержании дополнительного образования отсутствуют элементы политико-просветительской и агитационной пропаганды, запрещенной главным законом страны.

Важно заметить, что в оба рассматриваемых периода развития института внешкольного образования молодежь рассматривается государством как главная движущая сила, организацией воспитания и образования которой нужно заниматься с малого возраста.

Формирование целей, задач и принципов функционирования системы дополнительного образования детей, как и реализация самого дополнительного образования, в годы советской власти находилась в руках государства. Все решения принимались через систему органов управления с привлечением самого общества.

В настоящий период в разработку стратегических документов, определяющих приоритетные векторы развития института, народные представители не вовлекаются, что позволяет сделать вывод об отражении взглядов и интересов ограниченного круга участников государственного аппарата в концепциях и программах развития системы.

Стоит отметить, что в настоящее время параллельно с государственными, развивается сеть негосударственных учреждений дополнительного образования детей, деятельность которых обретает

¹ Паспорт национального проекта «Образование». Электронный ресурс: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf>

² Речь В.И. Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. Электронный доступ: <https://www.politpros.com/library/13/252/>

самостоятельный легальный характер, в связи с возможностью получения лицензии на право ведения образовательной деятельности.

Внешкольное образование на разных этапах исторического развития (за исключением дореволюционного исторического этапа) не дублировало и не подменяло деятельности школ. Напротив, оно обогащало и продолжает сегодня обогащать базовое образование. Весьма ценными представляются взгляды В.И. Ленина, который отмечал, что «мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни¹. Его слова подтверждают тот факт, что внешкольное образование призвано решать гораздо более широкий и важный круг задач, чем школьное.

Однако происходящие в настоящий момент процессы интеграции дополнительного образования в сферу школы, позволяют предполагать, что дополнительное образование продолжает компенсировать школьное образование (как это было в дореволюционный период), только уже не отсутствие самого базового образования, а его узкое содержание и жесткую формализацию.

В первые годы советской власти приоритетным направлением в области содержания внешкольного образования были две области – профессионально-техническая и политическая. Выбор первой диктовался новой моделью образования (политехническое обучение, как составную часть школьного образования, В.И. Ленин неразрывно связывал с производительным трудом учащихся [4], второй – диктовался политической необходимостью проведения политико-просветительской пропаганды по отношению к населению.

В настоящее время серьезными вызовами, в условиях которого развивается наша страна, становится четвертый этап технологического развития глобальной экономики, характеризующийся наращиванием экономикой различных государств финансовых вложений в такие области, как новые материалы, нанотехнологии, информационные технологии, фармацевтика, биотехнологии и другие. В связи с этим особое внимание государство уделяет увеличению охвата детей дополнительными программами технической и естественнонаучной направленностей. При этом, важно отметить сходство подходов государства в советский период и в настоящее время, которое исходит из социально-экономических, политических условий развития страны при формировании запросов к содержанию образования.

Анализируя традиции станции юных любителей природы (первого в России государственного внешкольного учреждения), стоит выделить сочетание обучения с исследовательской и производственно-трудовой деятельностью, о которой упоминал и сам В. И. Ленин, и Н. К. Крупская.

Важно отметить, что на современном этапе в системе внешкольного образования практически отсутствует трудовое воспитание, общественно-полезная деятельность, что позволяет сформулировать вывод об отсутствии сегодня связи обучения с трудом, который, в свою очередь занимал главенствующее положение в построении нового типа общества. Понятие «трудовое воспитание» не упоминается сегодня ни в Концепции развития дополнительного образования детей, ни в национальном проекте «Образование».

Ведущим образовательным трендом сегодня становится персонализация образовательного процесса, удовлетворение, в первую очередь, индивидуальных (а не коллективных, как это было в советский период) потребностей.

В советские годы учреждения внешкольного образования объединяли детей разных социальных категорий под одним «зонтиком» без разграничений на «посредственных» и «одаренных». Сегодня же мы наблюдаем активную политику государства по поиску, выявлению и продвижению талантливой и одаренной молодежи, стартовые жизненные возможности которой, по всей видимости, обеспечены материальными возможностями их семей. Параллельно с профильными и многопрофильными учреждениями дополнительного образования создаются образовательные центры, в которых ведется работа исключительно с талантливыми и одаренными детьми и молодежью, что противоречит принципу общедоступности дополнительного образования «для всех».

Как и в советский период, когда стране требовалось в короткие сроки обеспечить строительство нового государства, в условиях трансформации системы образования на современном этапе, перед учреждениями внешкольного образования встает задача перейти на новую перспективную ступень развития, чтобы обеспечить создание новых форм развития образования в интересах развития личности, общества и государства.

Сегодня мы становимся очевидцами процесса создания и распространения новых образовательных моделей в системе дополнительного образования (Экостанции, Кванториумы, Дома научной коллаборации, «Точки роста» и др.).

¹ Речь В.И. Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. Электронный доступ: <https://www.politpros.com/library/13/252/>.

Данные модели позволяют комплексно подойти к решению задач в сфере дополнительного образования, выступают новыми типами организаций, предлагающими качественное образование для детей и молодежи, решая при этом задачи всестороннего развития личности, социализации и её профессионального самоопределения.

Так, например, при социальном проектировании модели «Экостанции» ее разработчиками учитывался опыт работы первой станции юных любителей природы, в основу деятельности которой, как уже отмечалось ранее, были положены принципы удовлетворения коллективных интересов обучающихся, трудовая дисциплина, самоорганизация, общественно-полезная деятельность¹.

Сама инициатива автора по созданию Экостанций в субъектах Российской Федерации как новой модели организации экологического образования и просвещения детей и молодежи была поддержана Министерством просвещения Российской Федерации и внесена в распоряжение от 3 февраля 2020 г. № Р-9 «О внесении изменений в методические рекомендации по приобретению средств обучения и воспитания в целях создания новых мест в образовательных организациях различных типов для реализации дополнительных общеразвивающих программ всех направленностей в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование», утвержденных распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 17 декабря 2019 г. № Р-136».

Экостанция – это образовательная организация нового типа, представляющая собой современное, профессиональное и высокотехнологичное образовательное пространство в области естественных наук, ориентированное на формирование у детей навыков и компетенций по приоритетным направлениям развития науки и технологий в области биологии, экологии, природопользования и охраны окружающей среды [8].

Экостанция представляет собой современную модель структурного подразделения образовательной организации, реализующую дополнительные общеобразовательные программы естественнонаучной направленности по 6 профильным направлениям: «Агро», «Био», «Экомониторинг», «Лесное дело», «Проектирование», «Профи», соответствующим приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники Российской Федерации и перечню критических технологий Российской Федерации².

Данная модель предполагает формирование уникальной образовательной инфраструктуры, включающей: создание научно-образовательного, эколого-просветительского рекреационного пространства, сети современных детских лабораторий, агрокластер, ландшафтные проекты, лектории, производственные кластеры, музейные пространства.

Таким образом, анализ становления дополнительного образования детей в России позволил сформулировать основные выводы, характеризующие сходства и различия, а также тенденции и противоречия в развитии внешкольного образования в России.

Обращение к истории развития дополнительного образования формирует убеждение о несомненной ценности опыта прошлого при создании нового. «Мы должны взять то хорошее, что было в старой школе» – отмечал В. И. Ленин [4].

Наработанный структурами публичного администрирования образования, школьными и внешкольными организациями дополнительного образования опыт можно считать не только педагогическим, но и управленческим, социальным капиталом, который не только можно, но и нужно использовать для разработки и внедрения новых моделей образовательных организаций в системе дополнительного образования детей.

Список источников

1. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913). Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
2. Вячистый Д. Д. Институт внешкольного образования в процессах становления советской идеологии // Культурный ландшафт регионов. 2020. Том. 2. № 2. С. 7-24 DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-2-7-24
3. Крупская Н. К. Избр. пед. соч., 1955.

¹ В декабре 2019 г. автором статьи на Всероссийском семинар-совещании руководителей региональных ресурсных центров по развитию дополнительного образования детей естественнонаучной направленности была проведена стратегическая сессия по созданию новой модели «Экостанция». Электронный доступ: https://vk.com/ecobiocentre?w=wall-163430479_3109

² Указ Президента РФ от 07 июля 2011 г. № 899 (ред. от 16 декабря 2015 г.) «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116178/

4. В. И. Ленин. О воспитании и образовании. Т. 6, с. 253. Электронный доступ: <https://leninism.su/images/PDF/vospitanie1.pdf>
5. Медынский Е. Н. Энциклопедия внешкольного образования: в 3 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во, 1923. 138 с.
6. Холостов В. Г. (сост.) У истоков юннатского движения. М.: Просвещение, 1972. - 224 с. Электронный ресурс: <https://drive.google.com/file/d/0BycL7lDdFIJFcVZ1SElYZWZQd2M/view>
7. Ленин В.И. Избранные произведения в 3 т. М. Политиздат, 1973. Т. 3. С. 408-423
8. Методические рекомендации по созданию Экостанций в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование». А.К. Хаустова, А.В. Панин и др. М.: ФГБОУ ДО «Федеральный детский эколого-биологический центр», 2020. 123 с.

References

1. Rashin A. G. The population of Russia for 100 years (1811-1913). Statistical essays. Moscow: State Statistics-Dates; 1956. 352 p. (In Russ.)
2. Vyachisty D. D. Institute of Extracurricular Education in the processes of the formation of Soviet ideology. *Kul'turnyi landshaft regionov = Cultural landscape of the regions*. 2020;2(2):7-24. (In Russ.) DOI: 10.17748/2686-8814-2020-2-2-7-24
3. Krupskaya N. K. Izbr. peds. compositions; 1955. (In Russ.)
4. V. I. Lenin about education and education. Т. 6, p. 253. Available from: <https://leninism.su/images/PDF/vospitanie1.pdf> (In Russ.)
5. Medynsky E. N. *Encyclopedia of extracurricular education*: in 3 vol. Т. 1. Moscow: Gos. Publishing House; 1923. 138 p. (In Russ.)
6. Kholostov V. G. (originator). *At the origins of the Yunnat movement*. Moscow: Enlightenment; 1972. 224 p. Available from: <https://drive.google.com/file/d/0BycL7lDdFIJFcVZ1SElYZWZQd2M/view> (In Russ.)
7. Lenin V. I. *Selected works* in 3 vol. Vol. 3. Moscow: Politizdat; 1973:408-423. (In Russ.)
8. Khaustova A. K., Panin A. V. et al. *Methodological recommendations for the creation of Eco-stations within the framework of regional projects that ensure the achievement of the goals, indicators and results of the federal project "Success of every child" of the national project "Education"*. Moscow: Federal Children's Environmental and Biological Center; 2020. 123 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. К. Хаустова – заместитель директора по организационно-методической работе; аспирант кафедры социологии.

Information about the author

A. K. Khaustova – Deputy Director for Organizational and Methodological Work; Postgraduate student of the Department of Sociology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021; одобрена после рецензирования 26.08.2021; принята к публикации 27.08.2021.

The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 26.08.2021; accepted for publication 27.08.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змяк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

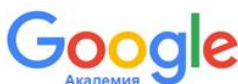
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3. 2021

Выход в свет 30.09.2021. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3857-21

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru